
РУССКО-
ИНДИЙСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ

в 1900–1917 гг.

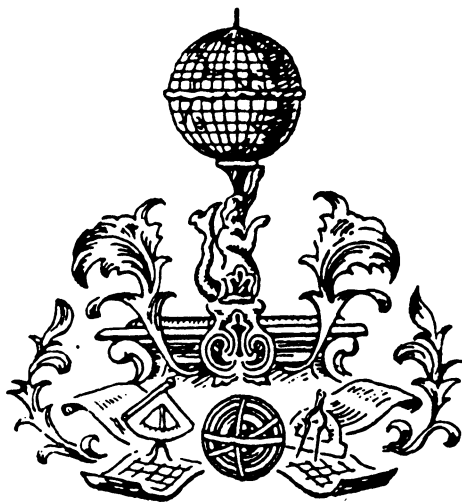

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ
СЛУЖБА РОССИИ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ**

РУССКО-
ИНДИЙСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
в 1900–1917 гг.

СБОРНИК АРХИВНЫХ
ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
МОСКВА · 1999

УДК 94/99
ББК 63.3(0)53
P89

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 96-01-00040*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 99-01-16088*

Составители

А.А.ВИГАСИН, Т.Н.ЗАГОРОДНИКОВА, М.Ш.ИКРАМОВА,
М.Т.КОЖЕКИНА, А.В.РАЙКОВ, М.Р.РЫЖЕНКОВ,
Н.И.СКВОРЦОВА, Н.К.ЧАРЫЕВА

Редколлегия

А.А.ВИГАСИН, Т.Н.ЗАГОРОДНИКОВА,
А.В.РАЙКОВ, П.М.ШАСТИТКО

Ответственные редакторы

Т.Н.ЗАГОРОДНИКОВА, П.М.ШАСТИТКО

Редактор издательства

В.В.ВОЛГИНА

Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сборник архивных доку-
P89 ментов и материалов. — М.: Издательская фирма «Восточная литература»
РАН, 1999. — 527 с.: ил.

ISBN 5-02-018155-2

ISBN 5-02-018107-2

Архивные документы и материалы, опубликованные в сборнике, дают представление о широком спектре связей России и Индии, разносторонне показывая развитие этих отношений. Большинство документов публикуются впервые и могут служить хорошим источником для нового подхода к изучению истории Индии и русско-индийских связей и взаимовлияний в 1900–1917 гг. Материалы сборника снабжены подробным научным комментарием и указателем.

ББК 63.3(0)53

ТП-2000-I-145
ISBN 5-02-018155-2
ISBN 5-02-018107-2

© Институт востоковедения РАН, 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник архивных документов и материалов продолжает много-томное издание, предпринятое Институтом востоковедения РАН. Оно включает документы из фондов архивов Москвы, Санкт-Петербурга и Ташкента, а также Национального архива Индии. Последний сборник из этой серии, «Русско-индийские отношения в XIX в.», вышел в свет в Москве в 1997 г.

Хронологические рамки сборника определены открытием в 1900 г. российского консульства в Бомбее и Октябрьской революцией 1917 г., после которой дипломатические отношения между двумя странами на долгие годы были прерваны. Этот семнадцатилетний период знаменовался крупными политическими событиями как в мире, так и в России и в Индии, оказавшими важное влияние на связи двух государств. В мировой политике усилились противоречия между Германией, ратовавшей за передел колоний и укрепление своих позиций в Европе, с одной стороны, и Англией и Францией, активно препятствовавшими воинственным притязаниям германского кайзера Вильгельма II — с другой. Ослабла конфронтация между Россией и Великобританией в Центральной Азии и на подступах к Индии. После успешных завоевательных войн в Средней Азии царское правительство решило: «Дальнейшее распространение наших владений в Средней Азии не согласно с интересами России и ведет только к ослаблению и раздроблению ее сил. Нам необходимо установить на вновь приобретенном пространстве земли прочную, неподвижную границу и придать ей значение настоящего государственного рубежа»¹. Произошла стабилизация обстановки в этом важном стратегическом районе, долгое время служившим раздражителем в российско-английских отношениях. «Русская опасность» Индии оказалась мифом. Да и о какой Индии шла речь?

В этой связи следует подчеркнуть, что на протяжении всей многовековой истории до второй половины XIX в. такого государственно-политического понятия, как «Индия», не существовало. На полуострове Индостан в разное историческое время жили народности многих антропологических типов, языков, культур, религий, несхожих обычаев и неодинаковых уровней социального и экономического развития. На обширной территории полуострова возникали и рушились десятки крупных государственных образований, вступавших в разнообразие отношения с соседями. Таковы были державы Нандов (V в. до н.э.), Маурьев (IV–III вв. до н.э.), Кушан (V в. н.э.), Делийский султанат (XIV в.), наконец, государство маратхов (XVII–XIX вв.) и империя Великих Моголов (1526–1858), наиболее могущественная и обширная по территории на Индостане, но и она охватила лишь Северную и Центральную часть полуострова. Само название страны — «Индия» — родилось вне государственных и народов полуострова: так персы называли одну из провинций своей обширной империи, расположенную в бассейне реки Инд². Объединение полуострова было совершено насильственно

¹ АВПРИ, ф. Отчеты МИДа, 1864, л. 218об.-219.

² См.: *Алаев Л.Б.* Индийские идентичности в условиях модернизации. Рукопись; *Пименов А.В.* Возвращение к Дхарме. М., 1998.

завоеванием ее многочисленных и разрозненных княжеств могущественными британцами. Это объединение завоеванием стало возможным по одной главной причине: политическое время индийской обособленности кончилось. Строго говоря, именно в середине XIX в. появилось государственно-политическое понятие «Британская Индия». Вхождение княжеств в состав Британской империи сломало феодальные перегородки, привело к созданию единого экономического пространства, общей валютно-денежной системы, дало толчок созданию фабрично-заводской промышленности, покрыло полуостров линиями железных дорог и проводами связи. Выросли огромные города-порты: Бомбей, Калькутта, Мадрас, в которые кроме английских судов заходили французские, португальские, немецкие, голландские, бельгийские и русские корабли. Создались и новые классы индийского общества: финансовая и промышленная буржуазия, фабричный рабочий класс, колониальное чиновничество и административный аппарат, интеллигенция. Именно последняя инициировала создание в 1885 г. Индийского национального конгресса, ставшего впоследствии первой в Азии партией современного типа. Эти события, вся их сложная совокупность, по нашему убеждению, сыграли объективно и неосознанно прогрессивную роль в историческом развитии народов Индии.

Если говорить о внешнеполитических отношениях, и в частности о российско-индийских государственных связях по дипломатической линии, то они стали в первую очередь постоянными, регулярными связями самодержавной России и англо-индийского правительства. В этом была их принципиальная особенность в начале XX в.

В 1900 г. в Бомбее открылось русское консульство. Впервые за всю многовековую историю взаимоотношений народов, населяющих Индию и Россию, дипломатические отношения приняли официальный и устойчивый характер. Консульство Российской империи фактически, по масштабам решаемых задач, выполняло функцию посольства. В данной книге значительное место отводится переписке и отчетам российских императорских консулов сначала в Бомбее, а потом в Калькутте, которые показывают объем и характер работы консульства. Донесения консулов в МИД касались всех сторон жизни индийского общества, откликов в Индии на международные события и пр. Ограниченный объем сборника не позволил составителям в полной мере показать всю работу консульства.

В 1906 г. министром иностранных дел России был назначен инициативный А.П.Извольский — сторонник европейской ориентации внешней политики России. «Повернуть Россию лицом к Европе» — так он определил новый курс российского МИДа. Одной из главных задач своего ведомства он поставил улучшение отношений с Британской империей. Это было смелое решение, означавшее принципиальный поворот направленности внешней политики России. Долгие десятилетия Англия рассматривалась в Российской империи как ее потенциальный стратегический противник, а противоречия между ними в Средней Азии на подступах к Индии носили перманентный характер и в любое время готовы были вылиться в вооруженный конфликт. Требовалось менять устоявшееся общественное мнение, во всем видевшее козни и происки вероломных бриттов. Еще на рубеже XX в. россияне сочувствовали и даже помогали добровольцами бурам в англо-бурской войне.

В 1907 г. состоялся визит русской военной эскадры в Англию, а вскоре подписывается важное англо-русское соглашение, регламентировавшее политику двух стран в Афганистане, Персии и Тибете. С заключением этого соглашения

фактически было оформлено создание Тройственного соглашения («Антанты»), направленного против Германии и Австро-Венгрии.

Убежденным сторонником англо-русского сближения был король Великобритании Эдуард VII.

В июне 1908 г. на русском крейсере «Полярная звезда», стоявшем на рейде Ревельской бухты, состоялась встреча Эдуарда VII с русским императором. Она имела большое значение для дальнейшего сближения двух империй.

Эти внешнеполитические акции принципиального характера, естественно, непосредственно и прямо повлияли на российско-индийские отношения. Однако в первые годы нового века английская администрация в Индии, возглавлявшаяся властным и волевым русофобом вице-королем лордом Керзоном, старалась пресечь планы русских правящих кругов идти на сближение. Но время Керзона прошло. В англо-русских отношениях уже происходили заметные перемены. В 1905 г. лорд Керзон был заменен на посту вице-короля более либеральным лордом Г. Дж. Минто. В ноябре этого же года русское консульство в Бомбее было признано Великобританией Генеральным. Донесения первого российского консула в Бомбее В. О. фон Клемма и документы английских секретных служб в Индии, помещенные в сборнике, убедительно показывают сложные перипетии российско-индийских отношений. Нужно отметить, что донесения Клемма тщательно изучались в Санкт-Петербурге. В 1901 г. директор департамента российского МИДа писал консулу: «Донесения Ваши ввиду серьезного делового их интереса были направлены на рассмотрение надлежащих ведомств, для деятельности которых они будут служить полезным материалом»³. Особое внимание к делам в Индии проявляло военное ведомство.

В 1907 г., после установления правительствами Великобритании и России курса на взаимное сотрудничество, Генеральным консулом в Индию был назначен барон А. А. Гейкинг. Новую ситуацию он оценил так: «Сближение между Россией и Великобританией способствует установлению прочных и широких торговых сношений между нашим Отечеством и Индией. Не следует пропускать такого удобного момента»⁴. В 1910 г. Генеральное консульство России переводится из Бомбея в столицу Британской Индии — Калькутту. Российский консул Б. К. Арсеньев успешно продолжил курс своих предшественников на укрепление сотрудничества. В докладе министру иностранных дел России С. Д. Сазонову он писал: «До последнего времени в здешних правительственных сферах преобладало скептическое отношение к искренности и доверчивости русской дружбы. И вдруг картина резко изменилась. И бюрократия, и печать, и общество единодушно и громко заявили о том, что выгоды, доставленные Англии ее сближением с Россией, весьма существенны и многочисленны и что здесь ценятся по достоинству»⁵.

Изменения политического климата в Европе сказались на русско-индийских экономических связях. К этому были и другие предпосылки. Национальная буржуазия Индии тяготилась однобокой ориентацией ее деловых связей на Великобританию. Она была готова к самостоятельному поиску торговых партнеров, и ее взоры обратились на север, а деятельность российского консульства в Бомбее подводила пока скромную практическую основу под ее намерения. Расширение

³ АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, л. 50, л. 7.

⁴ АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, л. 947, л. 132.

⁵ АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, л. 958, л. 77–78.

транспортной сети в Российской империи, в том числе в восточном направлении, укрепление политических и экономических позиций центральной власти на окраинах Российской империи, в первую очередь в Средней Азии и на Дальнем Востоке, активное освоение морских и океанских маршрутов российским торговым флотом, рост частной инициативы российских торгово-промышленных кругов, накопление капитала в частном секторе экономики и т.п., с одной стороны, а также подписание англо-русского соглашения 1907 г., развитие капиталистического предпринимательства, с другой стороны, способствовали движению России и Индии навстречу друг другу и в торгово-экономической сфере.

Впервые в России появляются целостные отчеты и тематические подборки материалов по экономике Индии, собранные и составленные российскими консулами и постоянно проживающими в Индии агентами, в том числе о таких важных сферах экономики, как сельское хозяйство (в частности, ежегодно об урожаях, посевных площадях, отдельных культурах, представлявших особый интерес для России), природные ресурсы (в частности, о месторождениях полезных ископаемых, например марганца, железа, драгоценных металлов и камней), внешнеэкономическая деятельность, например, объемный отчет Генерального консула К.Д.Набокова «Внешняя торговля Индии» (за 1912–1913 гг.), всесторонне анализировавший проблему и предлагавший перспективы развития торговли в будущем.

В начале XX в. с обеих сторон предпринимались попытки установить прямые торговые связи. Индийская национальная буржуазия пыталась наладить непосредственные деловые отношения с торгово-промышленными кругами России в 1905 г., когда видный деятель ИНК Б.Г.Тилак вел переговоры по этому поводу с российским консулом в Индии В.О. фон Клеммом с целью ограничить экономическую зависимость индийских предпринимателей от Англии и облегчить борьбу индийцев за политическую независимость.

В конце 1916 — начале 1917 г. Россию посетила англо-индийская торговая делегация во главе с директором Департамента земледелия Южной Индии Д.Т.Чадвиком, командированная Мадрааской торговой палатой для обследования русского рынка и установления непосредственных торговых сношений между Индией и Россией. Она побывала в Петрограде и Москве и всюду встретила готовность деловых кругов наладить торговлю с индийскими купцами. По возвращении на родину Д.Т.Чадвик опубликовал отчет о русско-индийской торговле. Для изучения индийского рынка и расширения российско-индийской торговли в 1915 г. в Индию был послан член Государственного совета В.И.Денисов, а в 1916 г. — представитель Всероссийского общества кожевенных заводчиков Ф.И.Жолендовский.

В консульских документах сохранились многочисленные торговые запросы как с российской, так и с индийской стороны. Представители торгово-промышленных организаций, обществ, отдельных фирм проявляли не только интерес, но в ряде случаев и завидную настойчивость в установлении прямых торговых связей. Обилие подобного рода предложений и их разнообразие свидетельствуют о широкой частной инициативе, которая была характерна для обеих стран в рассматриваемый период.

Несмотря на периодические спады, дальнейшее развитие в начале XX в. получает такая традиционная область торговых сношений, как экспорт чая в Россию из Индии: перед первой мировой войной Россия заняла второе место после Англии по импорту индийского чая.

Накануне и в годы первой мировой войны прямая русско-индийская торговля росла ускоренными темпами. В течение 1914–1916 гг. стоимость прямого импорта индийских товаров в Россию увеличилась с 1636 тыс. до 3623 тыс. ф. ст. Стоимость экспорта из России в Индию возросла с 36 695 ф. ст. в 1913–1914 до 164 301 ф. ст. в 1916–1917 гг. Таким образом, экспорт из России в Индию возрастал более высокими темпами, чем импорт индийских товаров в Россию. И все же, несмотря на определенные благоприятные предпосылки, объем прямой русско-индийской торговли по-прежнему далеко не соответствовал потребностям и потенциальным возможностям России и Индии. Удельный вес этой торговли в общем балансе внешней торговли обеих стран оставался все еще незначительным.

Складывалось впечатление, что обе стороны накапливали информацию и создавали материальные предпосылки открытия масштабных торговых отношений, но документы сборника показывают, что им не суждено было осуществиться. Возможно, не хватило времени, возможно, помешала начавшаяся первая мировая война.

В начале XX в. продолжались научные связи между Россией и Индией, а также получила дальнейшее развитие российская индология. В этой связи следует выделить труды чл.-кор. Петербургской Академии наук (с 1918 г. академика) Ф.И.Щербатского в области буддизма. Пожалуй, Щербатский был вторым (после И.П.Минаева) российским ученым, исследования которого стали известны и высоко оценены в Индии. Позднее Дж.Неру напишет о нем как о крупном авторитете в изучении индийской философии и буддизма⁶. Большой интерес читателя, несомненно, вызовет содержательный отчет о поездке по Индостану наблюдательных этнографов супругов Л.А. и А.М.Мервартов.

Содержание военных связей между Россией и Индией в указанный период принципиально не изменилось: в сборнике представлены отчеты официальных военных делегаций и донесения секретных агентов. Большой интерес представляют документы, связанные с поездкой в Индию подполковника Л.Г.Корнилова, в будущем одного из лидеров белого движения.

Большое влияние на развитие российско-индийских отношений оказали события внутренней жизни России. Многие из них получили широкий резонанс в этой английской колонии. Речь идет в первую очередь о революции 1905 г., повлиявшей на общественную жизнь индийцев.

Радикализировалась деятельность общеиндийской организации интеллигенции и среднего класса Национального конгресса. Его левое крыло, возглавляемое Б.Г.Тилаком и получившее название «экстремисты», выдвинуло требование независимости Индии от Англии.

Однако социалистические идеи глубоких корней в Индии в начале века не пустили и существенного влияния на общественное сознание индийцев не оказали. Среди индийцев наиболее распространенными были идеи национализма.

В 1915 г. группа радикальных индийских националистов-эмигрантов создала в Кабуле Временное правительство Индии, во главе которого стояли индус раджа Махендра Пратап и мусульманин Мухаммед Баракатулла. Целью «правительства» было изгнание из Индии англичан. Своим союзником они хотели видеть Россию. В Ташкент была послана миссия с письмами царю и генерал-губернатору Туркестана, в которых они писали, что в антибританской борьбе рассчитывают на помощь северного соседа. О содержании письма было доложено царю.

⁶ Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955, с. 171–178.

Но времена конфронтации России и Англии миновали. Ответа индийцы не получили. Вскоре в Ташкент прибыла еще одна миссия из Кабула. Она была задержана и с одобрения царя выдана англичанам в Персии.

В конце XIX — начале XX в. Россия сначала знакомилась, а потом изучала Индию, сначала торговала с ней, потом устанавливала экономические связи, сначала обменивалась нерегулярными визитами энтузиастов, потом создала государственные консульские отношения, но говорить о существовании духовного и культурного взаимовлияния двух народов было бы преувеличением. Индийцы и особенно индусы отличаются устойчивой верностью традициям, мировоззренческим конформизмом, духовной самоизоляцией, невосприимчивостью к чуждым идеологическим влияниям по сравнению с европейцами или американцами. Тем более важно отметить особое место в духовном общении и влияние христианина россиянина Л.Н.Толстого и толстовства на индуса индийца М.К.Ганди и его учение «сатьяграха». «Россия дала мне учителя... Он прочил мне быть вождем движения», — писал Ганди. Издатель журнала «Свет Индии» и ученик выдающегося индийского мыслителя Свами Вивекананды Б.П.Бхарати почтительно писал Толстому: «Вы единственный подлинно великий человек в этом ослепленном своим могуществом, высокомерном материалистическом Западе»⁷. Следует подчеркнуть, что воздействие учения Толстого испытывали индийцы разного социального статуса, каст, образовательного уровня. Учение Толстого оказало значительное влияние на формирование идеологии наиболее крупной партии индийского либерального национализма — Национального конгресса.

В общем, два великих народа в начале XX в. сделали крупный шаг к укреплению отношений, которые имели определенные перспективы дальнейшего развития.

* * *

В заключение два пояснения. Первое. В кратких биографических очерках персоналий, приведенных в комментариях, у многих генералов, офицеров, дипломатов и чиновников не приведены даты смерти. Их судьбы после Октябрьской революции требуют специального исследования. Второе. Сведения об индийской прессе даются по справочникам. Названия газет, не нашедшие места в комментариях, имели или незначительный тираж или выходили в течение непродолжительного времени и не оставили заметного следа в истории индийской журналистики.

В данном сборнике собраны документы и материалы из Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического архива, Архива востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук, Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива литературы и искусства, Рукописного отдела Российской государственной библиотеки, Центрального государственного архива Республики Узбекистан и др.

В выявлении, отборе, исследовании и комментировании архивных материалов для данного сборника участвовали: А.А.Вигасин, Т.Н.Загородникова, М.Ш.Икрамова, М.Т.Кожекина, А.В.Райков, М.Р.Рыженков, Н.И.Скворцова,

---

⁷ Цит. по: Россия и Индия. М., 1986, с. 283.

Н.К.Чарыева. Члены редколлегии благодарят Л.В.Митрохина и Судешну Саркар-Аурангабадкар за любезно предоставленные материалы Индийского национального архива.

Текст документов частично выправлен в соответствии с правилами современной орфографии. Стилистика подлинников сохранена. Даты приводятся в большинстве случаев по новому стилю.

П.М.Шаститко

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

№ 1–8

**20 октября 1897 г. — 31 июля 1913 г. —
Документы о первых в Российской империи
курсах по изучению новоиндийского языка
хиндустани (урду)¹**

№ 1

*20 октября 1897 г. — Приказ по войскам
Туркестанского военного округа об учреждении в Ташкенте
офицерских курсов хиндустани (урду)
с Положением о курсах²*

Объявляя при сем Положение о курсах для обучения офицеров Туркестанского военного округа языку «индустани (урду)», утвержденное 24 сентября сего года за военного министра³ генералом от инфантерии Махотиным⁴, предписываю учредить теперь же таковой курс, согласно пункта 1-го Положения, при окружном штабе, под общим наблюдением начальника штаба; непосредственное управление курсом возлагаю на помощника начальника штаба, Генерального штаба полковника фон-Ремлингена⁵.

Подлежащим начальникам предлагаю немедленно выбрать и командировать на курс строевых офицеров на основаниях, изложенных во 2-м пункте Положения, и представить на мое утверждение списки офицеров Генерального штаба, коих они предполагают назначить для слушания курса. На вакансию, предоставленную войсковым частям, не входящим в состав бригад, назначить одного офицера от линейно-кадровых батальонов, расположенных в Сыр-Дарьинской области.

Выбор строевых офицеров произвести с крайней осмотрительностью.

Обучение на курсе возложено военным министром на состоявшего в командировании к Главному штабу поручика 76-го пехотного Кубанского полка Выгорницкого⁶.

К занятиям на курсе приступить по прибытии в Ташкент поручика Выгорницкого и поступающих на курс офицеров.

П р и л о ж е н и е: Положение о курсе для обучения офицеров Туркестанского военного округа языку «индустани (урду)».

Подписал: Командующий войсками, генерал-лейтенант барон Вревский⁷.
(По окружному штабу).

ПОЛОЖЕНИЕ

о курсе для обучения офицеров Туркестанского военного округа языку «индустани» (урду).

1) При окружном штабе Туркестанского военного округа учреждается курс языка «индустани» под общим наблюдением начальника штаба и под непосредственным управлением одного из его помощников, которому непосредственно подчиняются как обучающие, так и обучаемые на курсе и по отношению к которым ему предоставляются дисциплинарные права командира полка.

По всем делам, относящимся до курса, начальник окружного штаба докладывает, в случае надобности, командующему войсками округа. Переписка по делам курса ведется в окружном штабе.

2) Слушателями на курсе состоят офицеры Туркестанского военного округа, назначаемые преимущественно из числа желающих, следующих двух категорий:

а) офицеры Генерального штаба, число коих не ограничивается какою-либо нормою и определяется каждый раз по усмотрению командующего войсками округа и их ближайшего начальства, в зависимости от возможности откомандирования их от мест служения без ущерба ходу дел, относящихся к прямым их обязанностям;

б) строевые офицеры из войск округа, преимущественно из окончивших военные училища и двухгодичный курс Академии Генерального штаба, — по одному от каждой бригады: стрелковой, линейной, артиллерийской и казачьей и один от группы частей, не входящих в состав бригад, а именно: линейно-кадровых батальонов, 5-го Туркестанского линейного батальона и Туркестанского саперного полубатальона; при этом последнем назначении очередь ведется окружным штабом.

Из офицеров Генерального штаба могут командироваться на курс как обер-офицеры, так и штаб-офицеры; из строевых — только состоящие в обер-офицерских чинах до штабс-капитана и подьесаула включительно⁸.

3) Все вышеуказанные офицеры на время обучения прикомандировываются к окружному штабу и сохраняют все получавшееся ими в частях по чинам и должностям содержание.

Замеченные в неодобрительном поведении или оказывающие недостаточные успехи слушатели откомандировываются обратно в свои части по представлению заведующего курсом.

4) Курс обучения двухгодичный. Занятия производятся с 1 октября до 1 мая; на остальную часть года слушатели возвращаются в свои части для отбывания лагерного сбора.

5) Обучение поручается одному из офицеров, окончивших курсы восточных языков и после того специально изучивших «индустани». Для упражнения в разговорном языке могут быть в помощь ему приглашены туземцы, владеющие этим языком.

Число уроков назначается не менее 5 в неделю и может быть увеличиваемо в мере надобности.

Занятия ведутся в окружном штабе или в Ташкентском военном собрании.

6) Обучающему на курсе отпускается содержание, положенное офицерам, окончившим курс восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел⁹ и не получившим штатного места.

Сверх сего ему назначается за каждый учебный курс вознаграждение в 630 р. (из сметы Главного интендантского управления), которые на основании положе-

ния Военного совета от 21 августа 1897 года выдаются в виде добавочных порционных денег по 90 р. в месяц в период с 1 октября по 1 мая.

7) На классные и учебные пособия для курса и, в случае надобности, на освещение — расходы производятся из экстраординарных сумм, имеющих в распоряжении командующего войсками округа; из этих же сумм уплачивается вознаграждение практикам туземцам, если таковые будут приглашены для занятий.

8) Офицерам, наиболее успешно окончившим курс, может быть испрашиваем, в виде награды, полугодовой оклад жалованья; кроме того, допускается испрашивать разрешение на командирование в Индию для дальнейшего практического усовершенствования в языке «индустани» ежегодно одного из оказавших лучшие успехи офицеров.

9) Офицерам, окончившим курс, ведется в окружном штабе особый список.

По окончании двухгодичного курса — офицеры возвращаются в свои части и на свои штатные должности и обязаны отслужить в Туркестанском округе два года.

Подлинное подписал: За начальника Главного штаба генерал-лейтенант Бевневский¹⁰.

Скрепил: Управляющий делами Военно-Ученого комитета Главного штаба генерал-майор Соллогуб¹¹.

С подлинным верно: Вр.и.д. начальника штаба, генерал-майор Писаренко¹².

РГВИА, библиотека, инв. № 20506.

№ 2

*19 августа 1898 г. — Письмо управляющего
Российским политическим агентством в Бухаре
А.Я.Миллера¹³ полковнику Э.К.фон Клодту¹⁴
о поисках помощника преподавателя хиндустани
для офицерских курсов*

Милостивый Государь Эдуард Карлович,

Вследствие письма Вашего Высокоблагородия от 18/19 июня сего года за № 4007, имею честь уведомить Вас, что старания мои приискать в Бухаре туземца, свободно владеющего языком индустани (урду), который бы согласился принять на себя практику этого языка с офицерами, обучающимися при штабе Закаспийской области в период с 1-го октября сего года по 1-е мая 1899 года, не увенчались успехом.

Причина этого неуспеха заключается в том, что владеющие языком урду пешаверцы проживают в г. Бухаре по своим торговым делам и оставление г. Бухары на более или менее продолжительный срок для них невозможно без большого ущерба для их дел.

Впрочем, один индус, Фарбадас сын Чильдаса, могущий объясняться и по-русски, изъявил свое согласие отправиться в Асхабад для занятий с гг. офицерами языком урду, но за очень высокую плату, в сто рублей в месяц. За меньшую плату он, несмотря на мои уговоры, ехать не соглашается.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности

А.Миллер¹⁵.

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 2530, л. 4 и об. Копия.

№ 3

*28 августа 1898 г. — Докладная записка штаба
Закаспийской области об обеспечении учебными пособиями
офицерских курсов хиндустани*

На предстоящий учебный сезон 1898 и 1899 года необходимо для курса языка индустани произвести следующие расходы:

1. выписать газету Индии на языке индустани (урду) в количестве 2-х экземпляров. Необходимость иметь газету вызывается тем, что приобретенная в прошлом учебном сезоне брошюра под заглавием «Приключения четвертого дервиша из поэмы Баго-Бахар»¹⁶ хотя и дает огромный запас слов и выражений, но а) заключает в себе всего лишь 32 печатные страницы, могущих быть пройденными в течении первого учебного сезона, и б) знакомит с языком не современным, а первой половины нынешнего столетия, когда вышла в свет на языке урду поэма «Баго-Бахар»; к тому же газета заключает в себе много особенностей, не встречающихся в единовременных изданиях, каждый экземпляр газеты обойдется в 7 рублей, всего 14 рублей;

2. приобрести индустанско-русский или английский словарь в 6-ти экземплярах. Необходимость приобретения такого словаря объясняется тем, что имеющиеся на курсе грамматики не дают переводного значения достаточного количества слов, а поименованная выше брошюра не имеет вовсе при себе словаря. Каждый экземпляр словаря обойдется в 15 рублей, всего 90 рублей.

3. Пригласить практика из туземцев. Необходимость приглашения такого практика предусмотрена п. 5 «Положения о курсе языка индустани». Лицо это может быть нанято за 100 руб. в месяц. Что видно из копии прилагаемого письма управляющего Российско-Императорским Политическим агентством в Бухаре за № 3195, всего за 7 учебных месяцев 700 руб. и

4. разные мелкие расходы, как напр.: освещение, мел, губка и проч., всего на 60 рублей.

Весь расход определяется таким образом в восемьсот шестьдесят четыре руб.

Бухгалтер штаба, штабс-капитан Мейнариани

Мнение: Настоящую записку по рассмотрении и утверждении ее в военном-областном совете полагаю представить Его Высокопревосходительству военному министру.

Начальник штаба, генерал-майор Сахаров¹⁷.

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 2530, л. 3 и об. Подлинник.

15 апреля 1899 г. — Рапорт временного командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-лейтенанта Н.А.Иванова¹⁸ военному министру генералу от инфантерии А.Н.Куропаткину¹⁹ о результатах экзаменов первого выпуска офицерских курсов хиндустани в Ташкенте

8-го сего апреля были произведены проверочные испытания офицерам, окончившим учрежденный согласно высочайшего повеления курс языка индустани, открытый при штабе временно вверенного мне округа в 1897 году.

Назначенную под моим председательством экзаменационную комиссию составили: вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] начальника штаба и известный ориенталист, директор Ташкентской классической гимназии действительный статский советник²⁰ Остроумов²¹.

Испытания заключались как в чтении, письме, переводах и изложении на индустани прочитанного, так и главным образом в проверке практического знания разговорного языка, для чего офицеры были поставлены в роль переводчиков между членами комиссии и приглашенным для этой цели индусом.

Результаты, достигнутые обучающимися на курсе офицерами, превзошли мои ожидания — офицеры не только совершенно свободно передавали вопросы и ответы, имеющие связь с военным делом, но и без всякого затруднения вели разговоры, касающиеся общественного быта, религии и даже фабричной и заводской промышленности.

С особенным счастьем доводя до сведения Вашего Высокопревосходительства о столь успешном осуществлении высочайшей воли, с своей стороны, на основании § 8 утвержденного 24-го сентября 1897 года положения о курсе языка индустани, ходатайствую:

- 1) о награждении наиболее успешно окончивших курс офицеров, список кот-рым при сем представляю, полугодовым окладом жалованья;
- 2) о командировании в Индию, для дальнейшего практического усовершенствования в языке индустани, Генерального штаба подполковника Полозова²² и
- 3) о награждении преподавателя курса, 76-го пехотного Кубанского полка штабс-капитана Выгорницкого, трудолюбию и ревностному отношению к делу которого курс обязан главным образом своим успехом, также полугодовым окладом жалованья.

Вместе с сим считаю также долгом доложить Вашему Высокопревосходительству, что, по моему мнению, дальнейшее совершенствование и необходимое для общего дела сохранение столь успешно приобретенных знаний языка индустани всеми прошедшими курс могут быть достигнуты лишь тогда, когда за всеми изучившими его будут обеспечены хотя бы и незначительные служебные преимущества, так как сохранение знаний языка индустани, по его малой распространенности в России, не представляя само по себе никакого материального интереса для офицеров, вместе с тем требует от них расхода на приобретение книг, словарей и т.п.

Согласно мнения предместника Вашего Высокопревосходительства, выраженного в письме начальника Главного штаба к бывшему командующему войсками округа барону Вревскому, от 24-го сентября 1897 года за № 47566, тако-

вым преимуществом могла бы служить денежная прибавка к получаемому содержанию.

Соглашаясь вполне с мнением, изложенным в упомянутом письме, и стремясь обеспечить в округе постоянную наличность достаточного числа офицеров, владеющих языком индустани, я, со своей стороны, ходатайствую перед Вашим Высокопревосходительством о назначении всем успешно кончившим курс в течение года ежегодной прибавки по 180 руб.

П р и л о ж е н и е: Список.

Вр.командующий войсками округа,
генерал-лейтенант Иванов.

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 2530, л. 19–20. Подлинник.

№ 5

*Не позднее 25 июня 1901 г. —
Справка Азиатской части Главного штаба
о деятельности офицерских курсов хиндустани
в Туркестанском военном округе*

С осени 1897 года при штабах Туркестанского округа и Закаспийской области учреждены курсы языка индустани. Ввиду последовавшего в 1899 году объединения Туркестанского округа с Закаспийской областью эти курсы в минувшем году были соединены вместе в г. Ташкенте.

Командующий войсками Туркестанского военного округа²³, представляя ныне отчет об экзаменационных испытаниях офицерам, состоявшим на курсе языка индустани в течение 1899–1901 года, ходатайствует:

Ходатайства командующего войсками.

1. О командировании в нынешнем году Генерального штаба подполковника Серебренникова²⁴ в Индию, согласно п. 8 положения о курсе, как «выказавшего наибольшие успехи в знании языка индустани».

Свое ходатайство генерал-лейтенант Иванов, кроме того, мотивирует тем, что уже в мирное время при окружном штабе необходимо иметь офицеров Генерального штаба, основательно знающих этот язык. В настоящее время преподавание языка индустани на курсах почти не поддается общему руководству и контролю, так как нет никого из старших начальствующих лиц, в достаточной степени знающих язык, на которых можно было бы возложить общее руководство над преподаванием языка. Успешность преподавания на курсе в значительной степени выиграет, если общее наблюдение и руководство над преподаванием будет поручено офицеру Генерального штаба, на которого эту обязанность можно будет возложить лишь после того, как он помимо теоретической подготовки на курсе, пополнит свои знания практическим изучением языка в Индии и тем самым по уровню своих знаний не будет стоять ниже преподавателей.

Кроме того, основываясь на предыдущих командировках в Индию (подполковника Полозова, капитана Новицкого²⁵ и штабс-капитана Снесарева²⁶), командующий войсками полагает, что данные командирований офицеров Генерального

штаба в Индию служат к установлению совершенно новых взглядов на многие бытовые стороны англо-индийской армии, так как прежде имевшиеся сведения исходили почти исключительно из английских источников.

Относительно самого порядка командирования, генерал-лейтенант Иванов полагал бы наилучшим придать поездке совершенно частный характер, без особого предуведомления о том британского правительства.

Во время командирования подполковника Полозова и штабс-капитана Снесарева англичане, под предлогом ограждения от назойливости туземцев, ставили наших офицеров в чрезвычайно трудное положение относительно знакомства с местным населением, а для изучения языка — в прямо невозможное²⁷. Между тем как поручик Выгорницкий, который был командирован в Индию с заграничным паспортом, без особого предуведомления о том британских властей, нигде не подвергался никаким допросам и задержкам²⁸.

Подполковнику Серебренникову предполагается выдать: 2000 руб. подъемных, 1339 р. 74 коп. путевых, 750 р. на разъезды и суточных 2250 руб. по 25 фр. в сутки за шесть месяцев пребывания в Индии и за 2 месяца пути, а всего — 6339 руб. 74 коп.

2. О награждении шестерых офицеров, получивших 12 баллов на экзаменах[ионных] испытаниях, полугодовым окладом содержания, согласно п. 8 «Положения».

3. О назначении всем успешно окончившим курс офицерам ежегодной прибавки к получаемому ими по службе содержанию по 180 руб., до назначения их на должности ротного командира.

Означенное ходатайство командующий войсками мотивирует тем соображением, что дальнейшее совершенствование и необходимое для общего дела сохранение столь успешно приобретенных знаний языка «индустани» всем, прошедшим курс, могут быть достигнуты лишь тогда, когда за всеми, изучившими его, будут обеспечены хотя бы незначительные служебные преимущества, так как сохранение знаний языка индустани, по его малой распространенности в России, не представляя само по себе никакого материального интереса для офицеров, вместе с тем требует от них расхода на приобретение книг, словарей и т.п.

Соображения Главного штаба.

Согласно п. 8 «Положения о курсе» для обучения офицеров языку «индустани», — «офицерам, наиболее успешно окончившим курс может быть испрашиваем, в виде награды, полугодовой оклад жалованья, кроме того, допускается испрашивать разрешение на командирование в Индию для дальнейшего практического усовершенствования в языке „индустани“ ежегодно одного из оказавших лучшие успехи офицеров».

Ввиду сего, а также соображений, изложенных командующим войсками Туркестанского военного округа, ходатайство о командировании в настоящем году подполковника Серебренникова полагалось бы признать подлежащим удовлетворению; но предварительно испрошения высочайшего на сие соизволения полагалось бы снести с Министерством иностранных дел относительно командирования названного штаб-офицера в Индию «без особого предуведомления о том британского правительства».

Смета расходов составлена согласно указаний Главного штаба, утвержденных военным министром, по поводу командирования с тою же целью в Индию в 1899 году подполковника Полозова и штабс-капитана Снесарева.

О награждении полугодовым окладом жалования 6 офицеров полагалось бы войти с представлением в Военный совет, мера эта вызовет расход казны в размере 1626 рублей.

Ввиду приведенных командующим войсками доводов полагалось бы войти с представлением в Военный совет о назначении офицерам, окончившим курс, ежегодной прибавки в 180 руб., до получения ими роты или до назначения на должности с содержанием ротного командира, применительно к офицерам, окончившим курс восточных языков Министерства иностранных дел, которые, по окончании курса, получают добавочное содержание в 180 руб. до назначения их на должности.

Испрашивается: приказание Вашего Превосходительства.

Генерал-квартирмейстер,
генерал-майор Целебровский²⁹.

РГВИА, ф. 401, оп. 5, д. 307, л. 14–17. Подлинник.

№ 6

*27 сентября 1902 г. — Отношение командующего войсками
Туркестанского военного округа генерал-лейтенанта
Н.А.Иванова начальнику Главного штаба генерал-майору
В.В.Сахарову³⁰ о практическом применении знаний,
полученных Генерального штаба подполковником
Серебренниковым на курсах хиндустани,
во время поездки по Индии*

Милостивый Государь, Виктор Викторович.

Препровождая при сем Вашему Превосходительству, для доклада военному министру, краткий отчет о поездке Генерального штаба подполковника Серебренникова в Индию, должен высказать следующее.

Подполковник Серебренников путешествовал по Индии не как командированный офицер, а в качестве туриста и притом без всякого предварительного уведомления о его поездке англо-индийского правительства, чему, при отсутствии в Индии паспортной системы и тщательного контроля за путешествующими по стране, следует приписать то обстоятельство, что он пользовался достаточной свободой в исполнении порученной ему задачи по изучению языка индустани и особенностей англо-индийской армии, но и мог незамеченным проникать даже во внутреннее расположение крепостей и производить крокировку местности и фотографирование, чего, конечно, ему нельзя бы было сделать, если бы он совершал поездку при условиях путешествия в 1900 году подполковника (ныне полковника) Полозова и штабс-капитана (ныне капитана) Снесарева. Из этого можно заключить, что при будущих посылках офицеров в Индию, вероятно, предпочтение надо будет отдавать неофициальному командированию, как позволяющему и больше видеть, и больше познать настоящее положение вещей.

Удача поездки подполковника Серебренникова наводит на мысль, что, ввиду последовавшего категорического отказа англо-индийского правительства на поездку нашего офицера по Нушки-Сеистанской дороге³¹ (предписание Главного

штаба 16 августа сего года № 467) и желательности выяснить действительное значение этой дороги и те военные меры, которые, несомненно, принимаются англичанами на этом пути (письма нашего консула в Бомбее³², приложенные к письму 12 августа сего года № 457), не следует ли и на Нушкинскую дорогу командировать нашего офицера, придерживаясь способа, рекомендуемого подполковником Серебренниковым.

Затем не могу не коснуться еще следующего вопроса.

Из отчета подполковника Серебренникова видно, что при поездках по Индии он пользовался не только английским языком, который бесспорно принес ему громадную услугу, но при разговорах с туземцами большей частью прибегал к языку индустани, усвоенному им на курсах, учрежденных при штабе вверенного мне округа. Теоретическая подготовка была более чем достаточна, а обладая ею, подполковник Серебренников скоро начал владеть языком страны практически.

Из этого видно, что польза, приносимая курсом языка индустани, весьма ценна и может в будущем принести хорошие плоды, при условии, однако, что офицеры, прошедшие полный курс языка, не позабудут его, а продолжая занятия, если не практически, что здесь весьма затруднительно, то хотя теоретически, будут поддерживать приобретенные познания. И так как для этого офицеру необходимо или приобретать книги, или выписывать индийские газеты, то я вновь прошу Ваше Превосходительство поддержать меня в бывшем ходатайстве об увеличении содержания офицерам, успешно изучившим язык индустани, хотя на 15 рублей в месяц, о чем я уже делал представление военному министру в 1899 году за № 3774 и просил Ваше Превосходительство 15 мая прошлого года № 4995.

Пользуясь случаем, прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном почтении и преданности

Иванов.

Помета на первом листе: «Прошу рассмотреть и составить краткую выдержку. Сахаров».

Помета на последнем листе: «По этому вопросу прошу справку. Сахаров».

Резолюция на последнем листе документа: «В[есьма] желательно прибавить и, главное, давая практику, посылать в Индию по три-четыре офицера ежегодно. Куропаткин».

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3026, л. 1-2. Подлинник.

№ 7

*19 июля 1913 г. — Рапорт начальника штаба
Туркестанского военного округа генерал-лейтенанта
Н.С.Глинского³³ в Азиатскую часть Главного штаба
с предложением о командировании в Индию слушателя курсов
восточных языков штабс-капитана Кондратьева³⁴*

В настоящее время в командировке в пределах округа для изучения восточных языков состоит штабс-капитан 7-го Туркестанского стрелкового полка Кондратьев, подлежащий командированию за границу в текущем году.

Штабс-капитан Кондратьев окончил первым теоретический курс школы в 1912 году, изучал в школе персидский, индустани и английский языки, обладает большими лингвистическими способностями и отличается весьма добросовестным отношением к службе и в частности к делу изучения языков.

Установление непосредственной связи от времени до времени с англо-индийскими владениями является крайне необходимым, дабы иметь в войсках округа офицеров, изучавших язык индустани и Индию на месте. Почему было бы весьма желательно командировать штабс-капитана Кондратьева на второй год командировки не в Персию, а Индию без излишних расходов от казны. Названный офицер выразил свое желание быть командированным на таких условиях в Индию.

В отношении изучения языков индустани и английского Индия имеет все преимущества перед другими странами; что же касается персидского языка, то, имея в виду большую распространенность персидского языка в образованных мусульманских кругах Индии, изучение этого языка и в Индии может быть поставлено вполне удовлетворительно.

Ввиду всего изложенного ходатайствую о разрешении командировать в текущем году штабс-капитана Кондратьева не в Персию, а в Индию.

Генерал-лейтенант Глинский.

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4006, л. 332 и об. Подлинник.

№ 8

*31 июля 1913 г. — Запрос Азиатской части
Главного штаба в Главное управление Генерального штаба
о целесообразности командирования в Индию
штабс-капитана Кондратьева*

На заключение.

Командирование штабс-капитана Кондратьева вместо Персии в Индию могло бы состояться лишь в изъятие из закона с особого высочайшего соизволения, так как действующим положением об изучении офицерами восточных языков³⁵ командирование для практического изучения языков в Индию не предусмотрено и индустани, ради практики по которому испрашивается командирование в Индию, в числе изучаемых офицерами восточных языков не значится.

Ввиду этого вопрос о командировании упомянутого офицера в Индию мог бы получить дальнейшее движение лишь в случае признания этой меры Главным управлением Генерального штаба особенно полезной и безусловно желательной.

Начальник Азиатской части,
генерал-майор Цейль³⁶.

Резолюции: «Раз командирование в Индию общим положением не предусмотрено, то причин коман[дирова]ть шк. Кондратьева в изъятие из закона в Индию у нас нет.

Если положение в этом отношении страдает неполнотою, то надо прежде всего стремиться его изменить и командировать туда, куда следует, лишь по проведении сего изменения».

«Особ. прошу заготовить ответ по первой части резолюции.

Ген[ерал]-кварт[ирмейстер] Монк³⁷».

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4006, л. 333. Подлинник.

Примечания

¹ Язык хиндустани имеет две формы — урду, основанную на арабо-персидской графике с некоторым количеством арабской и персидской лексики, и хинди, основанную на алфавите деванагари с преобладанием санскритской лексики. В настоящее время урду — государственный язык Пакистана, хинди — один из государственных языков Республики Индии.

² Аналогичный по содержанию приказ был издан по войскам Закаспийской области за № 577 от 16.12.1897 г. об учреждении курсов хиндустани в Асхабаде.

³ Ванновский Петр Семенович (1822–1904), военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии; в 1881–1898 гг. — военный министр.

⁴ Махотин Николай Антонович (1830 — после 1901), генерал от инфантерии (с 1894), в 1879–1881 гг. — помощник начальника Главного штаба, в 1881–1899 гг. — главный начальник военно-учебных заведений, член Государственного совета.

⁵ Ремлинген Арнольд Александрович фон (1841 — после 1900), генерал-майор (с 1897), помощник начальника штаба Туркестанского военного округа в 1896–1899 гг.

⁶ Выгорницкий Александр Иванович (1868 — после 1921) окончил Симбирский кадетский корпус, вступил на военную службу в 1886 г. В 1892–1895 гг. учился на офицерских курсах восточных языков при Азиатском департаменте МИД и по окончании был командирован в Бухару для изучения языка урду. С февраля 1896 по август 1897 г. был в Индии. С 1897 г. — преподаватель языка хиндустани на курсах при штабе Туркестанского военного округа в Ташкенте. С 1901 г. состоял внештатным переводчиком при российском Генеральном консульстве в Бомбее. Прекрасно зная язык хиндустани, он мог не только читать местные газеты, но и более свободно, чем Генеральный консул В.О. фон Клемм, заводить знакомства среди индийцев, а также путешествовать. Во время первой мировой войны принимал участие в боях, в январе 1917 г. в чине полковника командовал 1-й Туркестанской стрелковой бригадой. В 1921 г. после окончания повторительных командных курсов Туркестанского фронта был зачислен консультантом при Консульской части Отдела внешних сношений в Ташкенте. Дальнейшая его судьба неизвестна.

⁷ Вревский Александр Борисович (1834–1910), барон, генерал от инфантерии, в 1890–1898 гг. туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа, до 1906 г. — член Военного совета.

⁸ Обер-офицерами назывались младшие офицеры от прапорщика до капитана включительно, штаб-офицерами — старшие офицеры от подполковника до полковника включительно.

⁹ Курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИД были основаны 7 ноября 1883 г. На них было зачислено для пробы 8 офицеров, с 1885 г. они начали работать как трехгодичные и на постоянной основе. Язык хиндустани никогда не входил в их программу.

¹⁰ Беневский Аркадий Семенович (1840 — после 1905), генерал от инфантерии (с 1901), помощник начальника Главного штаба в 1894–1898 гг.

¹¹ Соллогу6 Василий Устинович (1848 — после 1909), генерал-майор, в 1896–1900 гг. управляющий делами Военно-ученого комитета, в 1909 г. был произведен в генералы от инфантерии и вышел в отставку.

¹² Писаренко Александр Семенович (1842 — после 1905), генерал-майор (с 1894), помощник начальника штаба Туркестанского военного округа в 1894–1899 гг.

¹³ Александр Яковлевич Миллер в 1895–1899 гг. служил драгоманом Российского политического агентства в Бухаре, в 1900–1903 — вице-консул в Сеистане.

¹⁴ Эдуард Карлович фон Клодт (1855 — после 1914), генерал-лейтенант (с 1908), в 1893–1898 гг. — штаб-офицер 1-й Закаспийской стрелковой бригады.

¹⁵ См. также док. № 82–89.

¹⁶ Имеется в виду произведение Мир Аммана «Баг о бахар» («Сад и весна»), вышедшее в 1802 г.

¹⁷ Сахаров Всеволод Викторович (1851 — после 1906), генерал-лейтенант (с 1901), начальник штаба войск Закаспийской области в 1896–1899 гг., начальник штаба Туркестанского военного округа в 1899–1904, затем — помощник туркестанского генерал-губернатора.

¹⁸ Иванов Николай Александрович (1842–1904), генерал-лейтенант, окончил Михайловское артиллерийское училище, на службе с 1858 г., состоял на разных должностях в Туркестанском военном округе, в 1901–1904 гг. был туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа.

¹⁹ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, участник завоевания Средней Азии, русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1890–1898 гг. — начальник и командующий войсками Закаспийской области, в 1898–1904 гг. — военный министр, командовал войсками в Манчжурии во время русско-японской войны 1904–1905 гг., во время первой мировой войны был главнокомандующим Северным фронтом, в 1916–1917 гг. — генерал-губернатор Туркестана, после Февральской революции отошел от дел, жил в Псковской губернии.

²⁰ Действительный статский советник (ДСС) — чин четвертого класса по Табели о рангах.

²¹ Остроумов Николай Петрович (1844, 1846 или 1848–1930), русский тюрколог, с 1870 г. преподавал на кафедре противомусульманских предметов Казанской духовной семинарии, с 1877 г. инспектор народных училищ Туркестанского края, с 1879 г. директор Туркестанской учительской семинарии, с 1883 г. директор Ташкентской мужской гимназии, знал татарский и узбекский языки, сотрудничал в Ташкентском отделении общества востоковедения.

²² Полозов Александр Александрович (1864–1908) окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба, вступил на военную службу в 1881 г. В 1890 г. был назначен обер-офицером для особых поручений в Туркестанский военный округ, в 1897–1899 гг. учился на офицерских курсах языка хиндустани при штабе Туркестанского военного округа, был командирован в Индию, после возвращения служил в Туркестане и на Кавказе, в 1908 г. ушел в отставку в чине генерал-майора, жил в Грозном.

²³ Имеется в виду генерал-лейтенант Н.А.Иванов.

²⁴ Серебrenников Иван Константинович (1865 — после 1917), генерал, окончил Рижское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба, в 1884–1899 гг. — на разных должностях в войсках и при военном губернаторе Самаркандской области, 1899–1900 гг. — обер-офицер и штаб-офицер при штабах армейских корпусов Туркестанского военного округа, 1900–1902 гг. — старший адъютант штаба Туркестанского военного округа, с 1903 г. служил в Финляндии, с 1915 г. — начальник штаба 36-го армейского корпуса.

²⁵ Новицкий Василий Федорович (1869 — после 1917) окончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба, на службе с 1886 г., служил на различных штабных должностях, в 1898 г. посетил Индию, с 1901 г. — полковник, в 1904–1906 гг. — штаб-офицер для особых поручений при командующем 2-й Манчжурской армией, с 1906 г. — делопроизводитель управления генерал-квартирмейстера Генерального штаба.

²⁶ Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1937) — выдающийся русский военный, востоковед, педагог, окончил в 1888 г. математический факультет Московского университета, поступил на военную службу, окончил пехотное училище и Николаевскую академию Генерального штаба, служил в Туркестане, занимался проблемами стран Среднего Востока и Южной Азии. В 1917 г. в чине генерал-лейтенанта перешел на сторону Красной армии, принимал активное участие в гражданской войне, был первым ректором Института востоковедения (с 1921), после окончания войны был начальником Академии Генерального штаба, профессором нескольких военных академий, преподавал в гражданских высших востоковедных учебных заведениях,

один из первых Героев труда (1928). Научные интересы А.Е.Снесарева лежали в области всестороннего изучения современной жизни стран Южной Азии и Среднего Востока, начиная с географии и кончая колониальной политикой Англии в этом регионе. В 1930 г. он был арестован по ложному обвинению, первоначально приговорен к расстрелу, но приговор был заменен на 10 лет заключения, освобожден в 1934 г. без реабилитации в крайне тяжелом состоянии здоровья.

²⁷ См. документы о командировке в Индию подполковника А.А.Полозова и штабс-капитана А.Е.Снесарева в сборнике документов «Русско-индийские отношения в XIX в.». М., 1997, № 150–151.

²⁸ См. документы о командировке в Индию поручика А.И.Выгорницкого в сборнике документов «Русско-индийские отношения в XIX в.». М., 1997, № 137–141.

²⁹ Целебровский Виталий Платонович (1854 — после 1907), генерал-лейтенант (с 1907), службу проходил главным образом в Военно-ученом комитете Главного штаба, в 1900–1903 гг. — управляющий делами ВУК Главного штаба, с 1903 — начальник военно-статистического отделения Главного штаба. В 1907 г. ушел в отставку.

³⁰ Сахаров Виктор Викторович (1848–1905), генерал-лейтенант, окончил военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба, принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., после служил на разных штабных должностях, 1898–1904 гг. — начальник Главного штаба, в 1904–1905 гг. — военный министр.

³¹ Нушки-Сеистанская дорога проходила по пустынной местности вдоль южной границы с Афганистаном и предназначалась для выхода в Персию, минуя Афганистан. Эта дорога очень интересовала российский Главный штаб.

³² Клемм Василий (Вильям, Вильгельм) Оскарович фон (1861 — после 1927), российский дипломат, окончил Лазаревский институт восточных языков и с сентября 1883 г. занимался на учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД, со 2 июля 1885 г. зачислен в Азиатский департамент МИД России, с 23 апреля 1886 г. — драгоман Политического агентства в Бухаре, с 1897 г. — чиновник МИД для пограничных сношений при начальнике Закаспийской области, в 1900–1906 гг. — Генеральный консул в Бомбее, в 1907–1908 гг. — Генеральный консул в Мешхеде, в 1908–1911 гг. — чиновник особых поручений при министре иностранных дел, в 1912–1914 гг. — член Совета МИД, старший советник, в 1914–1917 гг. возглавлял созданный в МИД Третий (Среднеазиатский) политический отдел, в 1919 г. — дипломатический представитель правительства Колчака во Владивостоке, затем жил в Китае.

³³ Глинский Николай Сергеевич (1858 — после 1919) окончил Михайловскую артиллерийскую академию и Николаевскую академию Генерального штаба, участник русско-японской войны 1904–1905 гг., в 1910–1913 гг. — начальник штаба Туркестанского военного округа, с 1914 г. — начальник 14-й пехотной дивизии.

³⁴ Кондратьев Алексей Николаевич (1883 — после 1914), штабс-капитан (с 1912), приказом № 354 по Туркестанскому военному округу был командирован с 1 октября 1913 г. в Тегеран «для совершенствования в персидском и индусском языках» (РГВИА, ф. 400, оп. 9, док. 34933).

³⁵ В 1911 г. приказом по военному ведомству № 410 от 9 сентября 1911 г. было введено новое «Положение об изучении офицерами восточных языков», согласно которому из Туркестанского военного округа для языковой практики офицеры командировались в Персию и Кашгарию или Илийский край. По изданным в 1912 г. в качестве дополнения к Положению Руководящим указаниям в офицерской школе Туркестанского военного округа изучались персидский, афганский и сартовский (узбекский) языки (Положение об изучении офицерами восточных языков с приложением Руководящих указаний и программ. СПб., 1912). Ранее практиковалось изучение языка хиндустани не предусматривалось.

³⁶ Цейль Сергей Владимирович (1868 — после 1914), генерал-майор (с 1910), начальник Азиатского отдела Главного штаба в 1907–1913 гг.

³⁷ Имеется в виду Монкевиц Николай Августович (1869–1926?), генерал-лейтенант (с 1916), делопроизводитель Главного управления Генерального штаба в 1906–1910 гг., с 1910 г. — помощник 1-го обер-квартирмейстера, в 1914 г. — 1-й обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба, эмигрировал, был членом РОВС.

**23 марта 1900 г. — 1 сентября 1905 г. —
Документы об открытии
российского консульства в Индии
и о признании его англо-индийскими властями
Генеральным**

№ 9

23 марта 1900 г. —
Сообщение в «Правительственном вестнике»¹
об учреждении Генерального консульства в Бомбее

Государственный Совет в соединенных департаментах законов и государственной экономии и в общем собрании, рассмотрев представление Министерства иностранных дел об учреждении Генерального консульства в Бомбее, мнением положил:

I. Действующие штаты заграничных установлений Министерства иностранных дел дополнить учреждением должностей Генерального консула в Бомбее и секретаря при нем.

II. Означенным должностям (отд. I) присвоить: а) Генеральному консулу — V класс по чинопроизводству², V разряд по шитью на мундире, годовой оклад содержания в пятнадцать тыс. рублей и на канцелярские расходы по две тысячи двести пятьдесят рублей в год, б) секретарю — VIII класс по чинопроизводству³, VIII разряд по шитью на мундире и годовой оклад содержания в пять тыс. двести пятьдесят рублей.

III. На покрытие вызываемого настоящим узаконением ежегодного расхода в двадцать две тысячи пятьсот рублей ассигновать с 1 января 1900 г. по смете Министерства иностранных дел новый кредит в размере двенадцати тыс. рублей, остальную же часть упомянутого расхода в количестве десять тыс. пятьсот рублей относить впредь до замещения вакантной должности консула в Вальпарайзо на остатки от кредитов по § 7 названной сметы.

Его Императорское Величество изложенное мнение Государственного Совета, 24 января 1900 г., Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

«Правительственный вестник», 1900, № 66, с. 1.

№ 10

24 марта 1900 г. — Извлечение из газеты «Bombay Gazette»⁴
об открытии русского консульства в Индии

Статья служит ответом г. Генри Норману⁵ на письмо его, помещенное в «Times»⁶, в котором последний предлагает Британскому Минист[ерству] иностр[анных] дел добиться от Русского Правительства права на учреждение

консульства в Тифлисе⁷ и Ташкенте, взамен разрешения иметь русского офицера консулом в Бомбее.

Имея в виду, говорит автор статьи, что Германия, Австрия, Франция, Соединенные Штаты и множество мелких государств имеют своих консулов в Бомбее, нет оснований к тому, чтобы уклониться от приема русского консула, тем более, что Россия признается в числе наиболее покровительствуемых держав⁸ (так в тексте. — *Сост.*). Россия никогда не противилась учреждению английского консульства в Тифлисе, каковое и существовало там несколько лет тому назад. Что касается Ташкента, то, так как ни одно европейское государство не имеет там своего представителя, нет никаких оснований настаивать на учреждении английского консульства в Центральной Азии. Указание же г. Нормана на то, что главная обязанность подобного агента должна заключаться в снабжении Министер[ства] иностр[анных] дел секретными сведениями о всех передвижениях русских войск в Центральной Азии, вряд ли, — замечает бомбейская газета, — будет способствовать тому, чтобы Россия сделала Англии в этом отношении какое-либо исключение...

РГВИА, ф. 401, оп. 5/929, 1899, д. 57а, л. 21 и об. Подлинник. Пер. с англ., современный подлиннику.

№ 11

28 марта 1900 г. —

Меморандум Великобританского правительства о звании назначенного в Бомбей русского консула

Лорд Салисбюри⁹ сносился с Министерством для Индии по поводу назначения г-на Клемма в Бомбей со званием Генерального консула.

Предположение русского правительства касалось назначения консула. В этих выражениях оно и было сообщено правительству Индии, и при изъявлении согласия на оное вице-король Индии¹⁰ высказал мнение, что консульскому агенту, который будет назначен, не должно быть присвоено звание выше консула.

Лорд Салисбюри решительно придерживается мнения, что при таких обстоятельствах было бы предпочтительнее, чтобы о назначении г. Клемма нам было официально сообщено как о назначении русского консула и чтобы королевский экзекватур был ему выдан по этой должности.

Если же он занимает высшую должность в русской официальной иерархии, то нет необходимости, чтобы мы об этом были осведомлены.

Если граф Муравьев¹¹ желает настаивать на признании высшего класса (консульского учреждения в Бомбее), то лорд Салисбюри вынужден просить, чтобы по этому делу последовало новое официальное обращение, подкрепленное какими-нибудь доводами или предположениями, кои граф Муравьев желал бы привести, и (притом так), чтобы мы имели возможность обсудить это требование, прежде чем о назначении будет нам официально сообщено.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1029, л. 50 и об. Пер. с англ., современный подлиннику.

№ 12

6 апреля 1900 г. —

*Письмо министра иностранных дел М.Н. Муравьева
послу Российской империи в Лондоне Е.Е. Стаалю¹²
с просьбой начать переговоры о признании
российского консула В.О. фон Клемма Генеральным*

Милостивый Государь Егор Егорович!

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 14 минувшего февраля состоявший в ведомстве Министерства иностранных дел коллежский советник фон Клемм назначен на пост Генерального консула в Бомбее.

Осведомившись об этом, здешний великобританский посол¹³ прилагаемого у сего в копии заметкою сообщил Министерству просьбу маркиза Салисбюри о том, чтобы английское правительство было официально уведомлено о назначении г. фон Клемма на пост консула, а не Генерального консула, согласно нашим прежним переговорам с Сент-Джейским кабинетом по сему делу.

Не встречая со своей стороны препятствий к тому, чтобы г. фон Клемму в настоящее время был выдан экзекатур на звание консула, обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбою возбудить при удобном случае переговоры с великобританским правительством о признании его Генеральным консулом, пользуясь для этого доводом, изложенным в заметке, которая была Вам сообщена мною при письме от 20 марта за № 1611, и следуя путем, указанным в прилагаемом сообщении маркиза Салисбюри от 28 марта н.с.

Примите, Милостивый Государь, уверения в отличном моем почтении и совершенной преданности.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1029, л. 56 и об. Черновик.

№ 13

*14 августа 1900 г. — Докладная записка
Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма
о необходимости прикомандирования к консульству
переводчика языка хиндустани*

В предстоящей деятельности нашего Генерального консульства в Бомбее немалое значение будут иметь сношения с туземцами, как по делам последних, так и в виде расспросов о положении дел и сбора необходимых консульству сведений. Кроме того, консульство должно будет следить за наиболее выдающимися органами туземной печати Индии, в которых текущие события часто представляются в более правдивом, хотя и менее благоприятном для англичан свете, чем в англо-индийской прессе.

В Индостане, собственно говоря, каждое племя имеет свое особое наречие, но язык «урду», известный более под названием «hindustani», стал как бы универсальным языком во всей Индии, а потому его не только понимает большинство обитателей страны, как индусов, так и магометан, но на нем же в большинстве

случаев печатаются также туземные книги и периодические издания. На персидском и арабском языках говорят в Индии сравнительно немногие лица и обыкновенно лишь мусульмане, получившие образование в высших духовных училищах, или купцы, которые ведут торговлю с Персией и Аравией. Ввиду этого знание наречия «hindustani» обыкновенно требуется от английских чиновников и офицеров, которым приходится иметь непосредственные сношения с туземцами.

При учреждении нашего Генерального консульства в Бомбее в личный состав его не была включена должность штатного драгомана, и так как ни я, ни секретарь консульства с языком «hindustani» не знакомы, то придется возложить вышеупомянутые обязанности на вольнонаемного переводчика из англичан или туземцев — англо-индийских подданных.

При том недоброжелательстве, с которым было встречено в Англии учреждение нашего консульского представительства в Индии, и при недоверии, которое англичане вообще к нам питают, не может подлежать сомнению, что таковой вольнонаемный переводчик тотчас превратится в английского тайного агента, который не только будет скрывать от консульства истинное положение дел, но и будет доносить своим властям обо всем, что в консульстве делается, а в особенности обо всех туземцах, которые будут иметь те или иные сношения с консульством. Насколько англичане подозрительно смотрят на сношения местных жителей с русскими должностными лицами, усматривается из того, что при поездке в прошлом году по Индии наших офицеров Генерального штаба подполковника Полозова и капитана Снесарева туземцам под страхом большого денежного штрафа запрещено было вступать с ними в какие-либо разговоры.

Присутствие английского соглядатая в канцелярии Генерального консульства не преминуло бы чрезвычайно затруднить деятельность последнего, а потому было бы крайне желательно устранить это неудобство.

Лица, знакомые с языком «hindustani», имеются у нас только в военном ведомстве. Один из офицеров, знающий основательно этот язык, штабс-капитан Выгорницкий, заявлял уже о своем желании быть причисленным к Генеральному консульству в Бомбее в качестве драгомана. Но официальное прикомандирование офицера к консульству вызвало бы, вероятно, большое неудовольствие англичан и могло бы с самого начала обострить отношения между консульством и местными английскими властями, а потому г. Выгорницкий мог бы быть причислен к канцелярии консульства только под видом вольнонаемного переводчика. Это обстоятельство не послужило бы препятствием к возложению на него разработки сведений специально военного характера для нужд нашего военного ведомства. Таковая его деятельность была бы, вероятно, плодотворнее, чем отрывочные сведения, доставляемые Военному министерству офицерами, которые изредка командированы в Индию на средства этого министерства и которые обыкновенно обставляются англичанами так, что они сравнительно мало успевают знакомиться с положением дел в стране.

Соображения эти были мною частным образом доложены военному министру¹⁴, причем я позволил себе добавить, что если б Его Превосходительство нашел возможным ассигновать ныне 4000 рублей, которые он в свое время предлагал добавить из средств военного ведомства на содержание консула из офицеров Генерального штаба, то суммы этой было бы достаточно для удовлетворения штабс-капитана Выгорницкого по исполнению им обязанностей драгомана консульства. На это генерал-лейтенант Куропаткин ответил мне, что ради пользы дела он был бы согласен прикомандировать г. Выгорницкого к Генеральному

консульству под видом драгомана и дать на содержание его означенную сумму, если Министерство иностранных дел не встретит к тому препятствий.

Зная г. Выгорницкого уже несколько лет (он при мне был прикомандирован к политическому агентству в Бухаре для изучения «hindustani»), я вполне надеюсь, что офицер этот будет добросовестно исполнять свои обязанности и не подаст никакого повода к неудовольствию на него со стороны Министерства иностранных дел, а потому я беру на себя смелость почтительнейше ходатайствовать о согласии министерства на прикомандирование его за счет военного ведомства к вверенному мне Генеральному консульству под видом вольнонаемного драгомана и с подчинением его моему ведению.

Генеральный консул В.Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1029, л. 60–63. Подлинник.

№ 14

*Без даты. — Инструкция Министерства иностранных дел
Генеральному консулу в Бомбее В.О. фон Клемму
о направлениях его работы в Индии*

Весьма секретно.

Милостивый Государь Вильям Оскарович,

Важное значение, которое имеет для нас Британская Индия, как страна, близко соприкасающаяся через входящие в сферу ее влияния страны с нашими среднеазиатскими владениями, и необходимость, в силу этого, иметь постоянное и тщательное наблюдение за тем, что в ней происходит, побудили императорское правительство основать в этой британской колонии Генеральное консульство в Бомбее. Мера эта признана была ныне особенно своевременной, ввиду назначения на пост вице-короля Индии лорда Керзона, известного недоброжелателя России и ревностного сторонника так называемой «наступательной» политики (Forward policy) в Индии.

Город Бомбей избран был местом пребывания консульства потому, что он представляет собою самый крупный торговый центр Индостана; что открытие в нем консульства наиболее отвечает нашим коммерческим интересам и тем требованиям, которые нами поставлены были на вид англо-индийскому правительству при переговорах об учреждении нашего консульского представительства в Индии, и потому, что город этот, в силу своего торгово-промышленного значения, имеет непрерывные сношения со всеми главными центрами страны и, следовательно, может служить самым удобным местом для сбора сведений как политико-экономического, так и военного характера.

Помимо постоянных торговых сношений со столь важными для нас пунктами, как Пешавер, Кветта, Кабул и т.п., Бомбей привлекает ежегодно со всех концов Индии, Афганистана и Средней Азии большое количество мусульман-паломников, которые отправляются отсюда далее на пароходах в места поклонения магометан, распространяя повсюду вести о положении дел на собственной их родине и в пройденных ими местностях и странах. Само собою разумеется, однако,

что Вам нельзя будет ограничиваться одними лишь расспросами торговых людей и паломников, а надо будет постараться, при первой возможности, завести себе надежных корреспондентов и разведчиков, хотя бы в наиболее важных пунктах северо-западной Индии.

Хорошим источником для пополнения и проверки собираемых Вами сведений может служить местная английская и туземная пресса, которая, при существующей в Индии относительной свободе печати, довольно обстоятельно и всесторонне освещает текущие события.

По мере возможности Вы могли бы и лично знакомиться с положением дел в разных местностях Индии, посещая таковые под благовидными предлогами, дабы не возбуждать подозрительности англо-индийских властей.

Во время пребывания Вашего в наших среднеазиатских владениях Вы успели отчасти ознакомиться с совокупностью наших политических отношений и вопросов, касающихся Средней Азии, а равно с положением дел в сопредельных, входящих в сферу влияния Англии странах и на северо-западной границе Индии. Поэтому Вам будет сравнительно легко разобраться в многочисленных и разнообразных сведениях, которые от Вас потребуются.

Основное значение для нас Индии заключается в том, что она представляет собою наиболее уязвимый пункт Великобритании, тот чувствительный нерв ее, одно прикосновение к коему, в случае надобности, способно, быть может, заставить правительство королевы¹⁵ изменять враждебное нам настроение его политики и проявлять желаемую уступчивость во всех тех вопросах, где будут сталкиваться обоюдные интересы. Успех всякой попытки нашей в этом отношении будет, однако, тем обеспеченней, чем более своевременно мы употребим в дело имеющееся в наших руках средство воздействия, для чего, в свою очередь, необходимо располагать при всяком данном случае возможно точными сведениями об общем положении вещей в Индии.

В этих видах крайне желательно иметь прежде всего сведения военного характера, как то: о численности, перемещении и вооружении войск в Индии, в особенности на северо-западной ее границе, в Белуджистане и близ Памира, а равно об оборонительных средствах страны, т.е. о крепостях, стратегических железных и иных дорогах, арсеналах, складах и т.п. Не менее важное значение имеют сведения об общем настроении народных масс в Индостане, об их отношениях к англо-индийскому правительству, а также об отношениях последнего к правительствам стран, входящих в сферу влияния Индии, как-то: Афганистана, Белуджистана, Читрала и к полунезависимым туземным правителям в самой Индии.

Судя по имеющимся данным, своекорыстная политика Великобритании в Индии и высокомерное отношение англичан к туземному элементу продолжает возбуждать глубокую ненависть к ним среди многомиллионного населения страны. Существует даже мнение, что достаточно малейшего повода, например появления неприятеля на границах Индии, дабы вызвать поголовное восстание туземцев против англичан. Эти обстоятельства Вам надлежит тщательно проверить и зорко следить за ходом событий внутри страны.

Стремясь отнести передовую оборонительную линию свою возможно далее от границы самой Индии, англичане пришли в близкое соприкосновение с племенами, населяющими горные хребты по северо-западной границе Индостана. В намерении их проложить стратегические и торговые дороги по разным направлениям, с обеспечением правильного и безопасного движения по ним свободлюбивые горцы усмотрели посягательство на их самостоятельность и, после целого

ряда отдельных вспышек, почти поголовно ополчились в 1896–1897 гг. против ненавистных им пришельцев. Для водворения порядка в пограничной полосе англичане вынуждены были выставить в поле внушительную армию в 70 тысяч человек всех родов оружия, и тем не менее они не без труда и значительных потерь и денежных жертв совладали с движением горцев.

Восстановленное с большими усилиями спокойствие продолжает, однако, постоянно нарушаться горными племенами, и положение англичан в этой части колонии не может еще, по-видимому, считаться упроченным¹⁶. На это обстоятельство Вам надлежит обратить Ваше внимание и возможно внимательно следить за ходом дел на северо-западной границе Индии, а равно за мероприятиями англо-индийского правительства, направленными к умиротворению горцев и к упрочению своего влияния в пограничной полосе.

Зависимость эмира афганского¹⁷ от правительства императрицы Индии заключается, как Вам известно, главным образом в том, что первый, взамен получаемой им ежегодной субсидии в 1.800.000 рупий и гарантии неприкосновенности его владений, обязался не сноситься ни с одним иностранным правительством помимо вице-короля Индии. Дальше этого обязательства эмира, по-видимому, не идут, и все попытки англичан добиться более тесного сближения с ханством не имели никакого успеха. Но со смертью ныне царствующего энергичного и дальновидного эмира Абдурахман хана, ревниво оберегающего независимость своей страны и не отступающего даже иногда перед мерами, явно враждебными англичанам, положение дел может измениться и англо-индийское правительство приобретет, быть может, в Афганистане прочное влияние, которое явилось бы угрозой для нашего военного и политического положения в Средней Азии.

Граница на значительном пространстве с нашими среднеазиатскими владениями и с вассальной нам Бухарой, Афганистан имеет для нас первостепенное значение, а потому Вам надлежит принять все зависящие меры к тому, чтобы быть возможно обстоятельнее осведомленным о том, что в этом ханстве происходит, а равно о сношениях англо-индийского правительства с Эмиром.

Наши отношения к Афганистану определялись до сих пор соглашением нашим с Англией 1872–1873 г.¹⁸ и последующим нашим обещанием не сноситься с центральным афганским правительством. Тесное соседство с ханством, в которое мы вошли с занятием Закаспийского края и с упрочением нашего положения в Бухаре, сделало дальнейшее соблюдение этих обязательств затруднительным и несогласным с нашим достоинством. Поэтому, как Вам уже известно, императорское правительство заявило в последнее время лондонскому кабинету, что оно впредь предоставляет себе право входить в непосредственные сношения с афганским эмиром по пограничным делам и вопросам.

В Белуджистане англичане являются почти полновластными хозяевами, и часть земель этого ханства, как, например, округа Кветский, Пишинский, Боланский и другие, находятся даже в непосредственном владении англо-индийского правительства, которое уплачивает за это Келатскому хану ежегодную субсидию приблизительно в 200.000 рупий. После проведения в 1896 году границы между этим ханством и Афганистаном, англичане взяли в свое управление также округ Нушки и приступили к устройству караванного пути и проведению телеграфа из Кветты к персидскому Сеистану. Судя по некоторым сведениям, англо-индийское правительство предполагает со временем построить в этом направлении железную дорогу, которая значительно облегчит и ускорит торговые сношения Индии с юго-восточной Персией и Хорасаном и, вместе с тем, будет иметь важное

стратегическое значение, особенно если б она была проложена впоследствии до Герата. Одним из сторонников проведения этой железной дороги является, между прочим, лорд Керзон, указавший на необходимость ее в своем известном печатном труде о Персии¹⁹. В подобном мероприятии, как и в устройстве английских передовых позиций в Читрале, Ясине, Гильгите и КанджUTE, нельзя было бы не усмотреть стремления англичан занять прочное положение на флангах нашей возможной линии наступления на Индию.

Осуществление означенного проекта повлекло бы за собою значительное удешевление англо-индийских продуктов на рынках восточной Персии и могло бы отразиться весьма неблагоприятно на сбыте наших произведений в Хорасане. Ввиду сего, а равно ввиду указанного выше весьма важного стратегического значения таковой железной дороги, Вам надлежит внимательно следить за дальнейшим развитием означенного вопроса, как и вообще за всеми действиями англо-индийского правительства в Белуджистане, донося своевременно обо всем императорскому министерству.

Передовые английские позиции в Читрале, Гильгите и КанджUTE, хотя и отделенные от наших владений афганской территорией, имеют тем не менее для нас немаловажное значение ввиду относительной близости их к нашим позициям на бухарско-афганской границе и на Памире. Как Вам известно, англичане проявили в последние годы в юго-восточной части Памира и южной Кашгарии усиленную деятельность, давшую повод опасаться намерения с их стороны захватить долину Раскем-Дарьи, Тагдумбаш-Памир и даже Сарыкол, что было бы совершенно несогласно с нашими интересами. Хотя лондонский кабинет и уверил нас, что правительство королевы не стремится ни к каким территориальным приобретениям в этой части Азии, тем не менее нам необходимо зорко следить за действиями английских агентов и путешественников в этих местностях, и Вам надлежит, по мере возможности, оказывать в этом отношении содействие нашим туркестанским властям и Генеральному консульству в Кашгаре.

К числу вопросов, на которые обращается Ваше внимание, относится также вопрос о мусульманской пропаганде, проникновении коей в наши среднеазиатские владения представляется крайне опасным. Открытое ликование индийских мусульман по поводу победы Турции над Грецией²⁰ и другие признаки указывают, по-видимому, на довольно тесную связь, существующую между 57-миллионным мусульманским населением Индии и прочим магометанским миром. Выяснить размеры этих панисламистских стремлений в Индии и проследить дальнейшее их развитие и распространение составит одну из важнейших задач предстоящей Вам деятельности.

Что же касается собственно консульских Ваших обязанностей, то кроме обычного содействия и покровительства русско-подданным Вы должны, насколько это возможно, способствовать развитию нашей торговли с Индией.

Вашему ведению будут подлежать также дела бухарцев и хивинцев как подданных вассальных России стран. Во всех делах и сношениях Ваших с местными властями Вы будете руководствоваться общим смыслом нашего договора с Англией и теми обычаями и порядком, которые выработались на практике в консульских учреждениях других держав. На обязанности Вашей будет также лежать наблюдение за санитарным состоянием Индии, которая в последнее десятилетие является рассадником и очагом всяких эпидемических болезней и в которой в настоящее время свирепствует чума и холера, наряду с ужасным голодом, охватившим огромное пространство с почти семимиллионным населением.

О появлении и развитии заразных болезней в какой бы то ни было местности Индостана Вы имеете доносить безотлагательно императорскому правительству, с указанием степени вероятности занесения их в наши пределы и путей, по которым проникновение их к нам представляется возможным.

Из переговоров императорского министерства с лондонским кабинетом, предшествовавших учреждению нашего Генерального консульства в Бомбее, ясно усматривается, с какою неохотою правительству королевы согласилось на допущение русского представителя в Индию. Весьма вероятно поэтому, что Ваше положение в стране будет, особенно на первых порах, весьма щекотливым и что местные англо-индийские власти будут следить за каждым Вашим шагом. С Вашей стороны потребуется вначале большая осторожность и такт, дабы не только не обострить этого положения, но, напротив, постепенно усыпить подозрительность англичан и добиться свободы действий, столь необходимой для успешного выполнения возлагаемой на Вас обширной задачи.

Как Вам известно, правительство королевы отказывалось пока признать Вас Генеральным консулом, ссылаясь на то, что в предварительных переговорах между кабинетами шла лишь речь об учреждении в Бомбее русского консульства.

Дабы не затягивать долее переговоры по сему предмету, императорское правительство изъявило свое согласие на то, чтобы экзекватур Вам был выдан на звание консула, предписав одновременно нашему посольству в Лондоне возбудить при первом удобном случае переговоры с английским правительством о признании Вас Генеральным консулом, согласно праву, которым мы пользуемся по ст. 15 договора нашего с Англией 1858 г.²¹. Ввиду сего, впредь до заключения нового соглашения по сему предмету с Великобританским правительством, Вы должны именовать себя при всех сношениях с англо-индийскими властями Российско-императорским консулом.

Во избежание проволочек в доставлении императорскому министерству необходимых сведений, Вы имеете направлять Ваши донесения непосредственно в Первый департамент министерства²², посылая одновременно копии с них императорскому посольству в Лондоне.

Для объединения Вашей деятельности по отношению к Белуджистану, Афганистану и местностям, прилегающим к Памиру, с тождественною деятельностью других наших заграничных учреждений и администрации Туркестанского края и в видах более успешного достижения совокупными усилиями намеченной цели, Вам рекомендуется поддерживать сношения с означенными учреждениями, особенно с нашими вице-консульством в Сеистане и Генеральными консульствами в Хорасане и Кашгаре, а также с Туркестанским генерал-губернатором, не упуская случая проверять и дополнять доставленные им сведения.

Ввиду тщательного негласного надзора, который, без сомнения, будет учрежден за Вами англо-индийскими властями, Вам не следует доверять английской почте Ваши секретные нешифрованные донесения, а так как русские суда в Бомбей не заходят, то Вам надо будет отправлять таковые донесения либо с французскими пароходами, либо другим каким-либо надежным путем. В особо важных случаях Вам разрешается пересылать секретную корреспонденцию Вашу с надежным курьером к нашему вице-консулу в Коломбо, для дальнейшего отправления ее в Россию на русских почтовых пароходах.

Ламздорф²³.

16 сентября 1900 г. —
Дополнительная инструкция
императорскому Генеральному консулу
в Бомбее

С назначением Вас консулом в Бомбей императорскому правительству представляется в первый раз возможность получать непосредственно сведения об экономической жизни Индии и о финансово-торговой политике индийского правительства.

Вследствие сего считаю долгом отметить, в общих чертах, те вопросы, на которые Вам следует обратить особое внимание.

Помимо наблюдения за экономическим положением Индии и степенью ее участия в международной торговле вообще и в торговле с Россией — в особенности было бы весьма желательно выяснить, каковы условия соперничества на рынках Индии русского товара с товарами другого происхождения.

Внешняя торговля России и Индии схожа в том отношении, что обе страны вывозят по преимуществу сырые произведения. Большая часть индийского урожая идет на восполнение потребностей английского рынка. Интересно было бы знать, в какой мере Индия нуждается в чужом зерне и в каком размере участвует Россия в привозе этого товара в Индию. Равным образом министерство не имеет точных сведений о сбыте и потреблении русского керосина в этой стране.

Среди внутренних мер, могущих представить интерес для императорского правительства, следует отметить: во-первых, старания индийского вице-короля укрепить в стране недавно установленную там золотую валюту, во-вторых, все то, что относится до способов борьбы с часто повторяющимися неурожаями и эпидемиями.

От Вашего внимания, равным образом, не должны ускользнуть все мероприятия, направленные к развитию и облегчению пограничных с Индией сношений, а также объем и характер этих сношений.

Замечаемое за последнее время стремление великобританского правительства установить более тесные экономические отношения между метрополией и колониями не могло не отразиться на торговых сношениях России с Англией и выразилось, между прочим, как Вам известно, в пререканиях по вопросу об установлении добавочной пошлины на ввозимый в Индию сахар, а также о применении и толковании постановлений устаревшего трактата 1858 года.

Это обстоятельство надлежит иметь в виду в особенности в предвидении пересмотра в 1903 году большинства европейских торговых договоров и, может быть, трактата нашего с Великобританией.

Поэтому при рассмотрении тех мер, которые, по Вашему мнению, желательно будет принять в интересах развития наших торговых сношений с Индией, Вы не оставите сообщить Ваше заключение по вопросу о том, какие русские товары могли бы найти в Индии сбыт, если бы для этого при заключении нового трактата выговорены были благоприятные условия, и вообще какие требования могли бы быть предъявлены с нашей стороны при вышеупомянутых переговорах не только в отношении самой торговли, но и в интересах наших подданных, прибывающих в эту страну по своим делам.

Донесения Ваши не политического характера желательно было бы получать в такой редакции, которая позволяла бы печатать их без изменения в издаваемом при Втором департаменте²⁴ Сборнике консульских донесений²⁵.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1029, л. 78–79. Копия.

№ 16

*9 ноября 1900 г. — Донесение
Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма
вице-директору Первого департамента МИД Н.Г. Гартвигу²⁶
об открытии консульства*

Милостивый Государь Николай Генрихович!

В дополнение к телеграмме моей от сего числа имею честь донести, что, прибыв в Бомбей через Коломбо и Мадрас 9/22 ноября, открыл в тот же день в этом городе Российское Императорское Генеральное консульство.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1029, л. 80. Автограф.

№ 17

*28 ноября 1900 г. — Письмо
Российского Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма
в Департамент внешних сношений Бомбейского президентства
с уведомлением о своем прибытии*

Имею честь сообщить, что я прибыл в Бомбей 22-го сего ноября и что в соответствии с инструкциями, данными мне Российским Императорским правительством, и на основании экзекватура Ее Величества королевы Великобритании, императрицы Индии²⁷ от 14 июня 1900 г. открыл в этом городе Российское Императорское консульство.

Благоволите сообщить об этом Его Высокопревосходительству лорду Норткоту²⁸ и, принося Его Высокопревосходительству мое глубокое уважение, смею надеяться, что правительство Бомбея соизволит оказать мне содействие, когда бы исполнение моих служебных обязанностей ни принудили меня обратиться за таковыми.

Со своей стороны, я приложу все возможные усилия для установления с местными властями наилучших взаимоотношений и постараюсь, чтобы моя деятельность отвечала их пожеланиям.

Примите, сэр, уверения в моем глубочайшем уважении.

*АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 45, л. 6 и об. Черновик.
Пер. с англ. составителя.*

№ 18

31 декабря 1900 г. —

*Письмо военного министра А.Н.Куропаткина
министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу
об определении штабс-капитана А.И.Выгорницкого
в состав Генерального консульства в Бомбее*

Милостивый Государь граф Владимир Николаевич!

Государь император в 16-й день сего декабря Высочайше соизволил на зачисление в запас армейской пехоты капитана А.И.Выгорницкого для определения его в состав Генерального консульства в Бомбее в качестве вольнонаемного лица, с отпуском ему из сумм Военного министерства содержания в размере 4000 руб. в год.

Сообщая о сем Вашему Сиятельству в ответ на письмо от 1-го минувшего октября № 8, имею честь просить принять уверения в совершенном моем почтении и преданности

Куропаткин.

*АВПРИ, ф. 159 Департамент личного состава и хозяйственных дел, оп. 481, д. 132,
л. 6. Подлинник.*

№ 19

5 января 1901 г. —

*Секретная телеграмма генерал-адъютанта князя Голицына²⁹
в Министерство иностранных дел о нецелесообразности
открытия великобританского консульства в Баку*

По поводу сообщенного письмом от 23 минувшего декабря предложения об учреждении в Баку должности великобританского вице-консула, я остаюсь принципиально при прежнем моем заключении, выраженном в моем отзыве Вашему Сиятельству от 21 сентября истекшего года, о нежелательности нахождения агента английского правительства в Баку как пограничном пункте с Персиею. Новые условия, создавшиеся от помещения значительных английских капиталов в нефтяные предприятия, не должны бы, по моему мнению, иметь решающего в этом вопросе значения, ввиду того, что русское правительство допустило некоторые английские промышленные общества к нефтяной деятельности в виде исключения из общих правил нашего законодательства о нефтяном промысле, уступая в этом случае настояниям Министерства финансов. Английских подданных, интересы коих требовали бы личного присутствия особого консульского агента в Баку, проживает собственно незначительное число, денежные же интересы проживающих за границей и в России акционеров английских нефтяных промышленных предприятий вполне обеспечены покровительством русских законов и не вызывают безусловной необходимости английскому вице-консулу иметь резиденцию непременно в Баку. Тем не менее, принимая во внимание авторитетное заявление Вашего Сиятельства об упрочении нашего влияния в соседней Персии и о важности в государственных русских интересах получить разрешение на на-

значение российского Генерального консула в Бомбей, поставленное великобританским правительством в зависимость от согласия на учреждение английского вице-консульства в Баку, — я со своей стороны не встречаю к этому препятствий, если Вы признаете такое учреждение в видах государственной политики необходимым.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1029, л. 83 и об.

№ 20

*5 мая 1905 г. — Письмо посла Великобритании в России Хардинга³⁰ министру иностранных дел Ленсдоуну³¹ о необходимости учреждения британского консульства в Баку взамен признания российского консула в Бомбее
В.О. фон Клемма Генеральным*

В добавление к моему донесению № 254 от 16 апреля о беседе, которую я имел с графом Ламздорфом о назначении британского вице-консула в Баку, которое русское правительство обуславливает повышением статуса российского консула в Бомбее, имею честь присовокупить меморандум Министерства иностранных дел, который я получил по моему возвращению в Санкт-Петербург. В нем говорится, что только на этих условиях российское правительство согласится на открытие британского консульства в Баку.

В последнем параграфе этого меморандума говорится, что деятельность фон Клемма была безусловно корректной и не давала никакого повода мне сообщать в беседе с г-ном Гартвигом о деятельности Клемма.

Не считая правильным ни мнение российского правительства, ни г-на Гартвига, касающиеся непогрешимости г-на Клемма, имею честь напомнить Вашему Высокопревосходительству, что, оставляя этот вопрос в настоящем его неудовлетворительном положении, страдает именно британский капитал, вложивший 5 000 000 фунтов стерлингов, и британский интерес. Чрезвычайно желательно, чтобы в таком беспокойном состоянии, в котором сейчас находится Кавказ, покончить с положением, когда британские подданные лишены помощи и защиты, которые были бы им предоставлены британским консулом. Имеет ли г-н Клемм статус Генерального консула или просто консула в Бомбее — не влияет на его поведение и деятельность, и, лишая его статуса Генерального консула из-за того, что деятельность г-на Клемма в прошлом вызывала нарекания, правительство Его Величества³² приносит в жертву ценные британские интересы. Британцев лишают защиты, на которую они имеют право и могут рассчитывать, только на основании того, чтобы не предоставлять г-ну Клемму какого-то титула. Современное положение в Баку и просьбы о защите, которые постоянно приходят на имя правительства Его Величества и посольства Его Величества, говорят о неотлагательности решения этого вопроса.

Сегодня утром я имел беседу в Министерстве иностранных дел с г-ном Гартвигом по этому поводу. Из того, что он мне сообщил, я пришел к твердому убеждению, что российское правительство намеревается скорее строго придерживаться тех условий, которые оно выдвинуло, чем согласится на наши требования. Я тем не менее спросил его, если ранг г-на Клемма будет поднят до ранга

Генерального консула, не даст ли правительство России частным образом заверений в том, что г-н Клемм вскорости будет переведен в другое место. Г-н Гартвиг ответил, что он думает, что такого рода решение проблемы вполне приемлемо для русского правительства, что г-н Клемм давно хотел бы служить в каком-нибудь другом месте и что Министерство иностранных дел готово пойти навстречу пожеланиям г-на Клемма. Я просил его рассматривать это предложение как неофициальное до того момента, как я буду иметь возможность доложить об этом Вашему Высокопревосходительству.

Ежели такого рода компромисс встретит одобрение с Вашей стороны и если согласится правительство Индии, я не премину получить требуемые заверения от графа Ламздорфа, поскольку я считаю, что присутствие британского консульского агента в Баку в самом ближайшем будущем крайне необходимо для того, чтобы поддержать британских предпринимателей, заинтересованных в месторождениях нефти в тех местах.

Остаюсь и проч. Чарлз Хардинг.

NAI, 1905, Foreign Department Notes, Secret-F, Proceedings. August, № 138-142. Пер. с англ. составителя.

№ 21

*27 мая 1905 г. — Секретный меморандум
посла Великобритании в Санкт-Петербурге Ч. Хардинга
в Министерство иностранных дел в Лондоне
о беседе с директором Первого департамента МИД
Н.Г. Гартвигом по поводу консульства в Бомбее
и личности консула В.О. фон Клемма*

27 мая господин Гартвиг в частной беседе сказал мне, что российское правительство очень стремится к признанию за консульством в Бомбее звания Генерального из-за причин, которые будут изложены в отдельном меморандуме, направляемом Вашему Высокопревосходительству. Что касается приведенных индийским правительством доводов против деятельности и личности российского консула фон Клемма, то здесь имело место непонимание. Господин Клемм слабого здоровья, он давно получил бы назначение в более подходящее для него место, если бы такое было найдено для него. Между прочим, он является ориенталистом, который живо интересуется восточными языками и жизнью Востока, ему будет трудно найти замену, и он далеко не интриган. Вполне возможно, что он имел обыкновение беседовать с туземцами по причинам, приведенным выше, то есть из-за своего интереса к языкам и к обычаям туземцев Индии. Его поездки в Пуну³³, вполне естественно, имеют в основе климат этого места. Так поступал каждый, кто мог себе это позволить. Его отчеты, которые были интересны с точки зрения современной истории, были такого свойства, что могли бы быть опубликованы без возбуждения беспокойства у индийского правительства. Он личный давний друг господина Гартвига, который заверил меня, что деятельность и личность господина Клемма рассматривались в неправильном ключе. Индийское правительство могло бы, если бы захотело, принять меры к выяснению, о чем

велись беседы с туземцами, которые вызвали раздражение. Первый департамент очень хотел бы избежать любого инцидента, который мог бы скомпрометировать англо-русские отношения. Недавно, когда российский консул в Персидском заливе приехал в Индию, чтобы провести там отпуск, ему тотчас же было велено возвращаться обратно.

Я заметил, что в прессе МИДу предъявляются претензии по поводу плохой постановки изучения восточных языков его дипломатическим и консульским составом. Подчеркивание господином Гартвигом знаний господина Клемма в области восточных языков может иметь к этому какое-то отношение.

NAI, 1905, Foreign Department Notes, Secret-F, Proceedings, August, № 138–142. Пер. с англ. составителя.

№ 22

*1 сентября 1905 г. — Телеграмма
директора Первого департамента МИД Н.Г.Гартвига
Генеральному консулу в Бомбее В.О. фон Клемму
об открытии британского вице-консульства в Баку*

Императорским правительством допущено учреждение британского вице-консульства в Баку взамен признания за Вами звания Генерального консула.

Благоволите уведомить, лишь только соответственные распоряжения будут сделаны местными властями³⁴.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 933, л. 6.

Примечания

¹ «Правительственный вестник» — ежедневный официоз Российской империи, издававшийся в Санкт-Петербурге в 1869–1916 гг.

² V класс по чинопроизводству — статский советник.

³ VIII класс по чинопроизводству — коллежский асессор.

⁴ «Bombay Gazette» — англоязычная газета, выходившая с 1791 г.

⁵ По-видимому, имеется в виду Г.В.Норман (1826–1904), английский военный и государственный деятель, фельдмаршал, на военную службу поступил в 1844 г. в Индии, принимал участие во многих кампаниях англо-индийской армии, с 1860 г. занимал административные посты в гражданских и военных ведомствах колоний, в том числе был губернатором Ямайки.

⁶ «The Times» — английская газета, официоз, выходящая в Лондоне с 1785 г.

⁷ 31 мая 1876 г. Дж.Т.Риккетс был признан Правительствующим Сенатом великобританским консулом в Тифлисе. Это консульство просуществовало до 1881 г. и было заменено вице-консульствами в Батуме и Новороссийске.

⁸ Имеется в виду Трактат о торговле и мореплавании, подписанный в Санкт-Петербурге между Российской империей и Великобританией 31 декабря 1858/12 января 1859 г., который провозглашал равные права в торговле и мореплавании.

⁹ Лорд Солсбери Р.А.Т. (1830–1903), маркиз, английский государственный деятель, в 1878–1880 гг. министр иностранных дел, в 1885–1892, 1895–1902 гг. — премьер-министр, лидер консерваторов.

¹⁰ Керзон, Джордж Натаниел (1859–1925), английский государственный деятель, лидер консерваторов, русофоб, вице-король Индии в 1899–1905 гг., был инициатором раздела Бенгалии, проводил меры, направленные на ослабление поднимавшегося национально-освободительного движения, в 1919–1923 гг. — министр иностранных дел Великобритании.

¹¹ Муравьев Михаил Николаевич (1845–1900), граф, дипломат, в 1897–1900 гг. — министр иностранных дел, сторонник активной политики России на Востоке.

¹² Де Сталь (по старой орфографии де Стааль) Егор Егорович (1824–1907), русский дипломат, посол России в Лондоне в 1884–1902 гг.

¹³ Чарлз Стюарт Скотт, лорд, посол Великобритании в Петербурге в 1899–1904 гг.

¹⁴ Имеется в виду генерал-адъютант А.Н. Куропаткин.

¹⁵ Имеется в виду королева Великобритании Виктория (1819–1901, правила с 1837).

¹⁶ 90-е годы XIX в. были периодом непрекращавшихся восстаний в районе долины реки Эхоб, Мирандаи, Черных гор и Куррама (Северо-Западная Индия) в полосе проживания независимых пуштунских племен. Так, в 1897 г. началось восстание племени афридиев в районе Тираха, которое было подавлено только к концу века.

¹⁷ Абдуррахман-хан (1844–1901), эмир Афганистана (с 1880), проводил централизаторскую политику объединения афганских племен, направленную на освобождение от влияния Великобритании.

¹⁸ В 1873 г. после длительных переговоров с Англией русское правительство признало Афганистан вне сферы своего влияния.

¹⁹ Curzon G.N. Persia and Persian question. Vol. 1–2. L. and N. Y., 1892; см. также: Персия и персидский вопрос Георга Курзона. Извлечения из I тома сделаны Генерального штаба подполковником Десино, а из II тома лейб-гвардии егерского полка подпоручиком Грендалем. — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, № LII, 1893.

²⁰ Греко-турецкая война 1897 г. началась после восстания населения о-ва Крит против произвола османских властей. Отряд греческой армии высадился на острове, турецкая армия имела значительный численный и технический перевес, ее поддержала объединенная эскадра Англии, Франции, России, Германии, Австро-Венгрии и Италии. По мирному договору 1897 г. Греция была вынуждена пойти на некоторые территориальные уступки в пользу Турции.

²¹ В статье XV этого договора говорилось: «...они (консульские чиновники. — *Сост.*) будут исполнять все обязанности и пользоваться всеми привилегиями, изъятиями и льготами, которые ныне принадлежат или впредь принадлежать будут Консулам наиболее благоприятствуемой нации».

²² 2 февраля 1897 г. Азиатский департамент МИД Российской империи был переименован в Первый департамент МИД. Из делопроизводства Первого департамента изымались политические дела, переходившие в ведение канцелярии МИД.

²³ Ламздорф Владимир Николаевич (1844–1907), граф, российский дипломат, на службе с 1866 г., с 1897 г. — товарищ министра, а в 1900–1906 гг. — министр иностранных дел.

²⁴ В 1897 г. Департамент внутренних сношений МИД был переименован во Второй департамент, в сферу его деятельности входили торговые отношения со странами Европы и Америки, а также юридические, консульские, карантинные и другие вопросы.

²⁵ В сборнике были опубликованы статьи В. фон Клемма: Денежное обращение в Индии. — Сборник консульских донесений [Министерства иностранных дел России]. Год 5-й. Вып. 6. СПб., 1902, с. 431–472; Торговля сахаром в Индии. — Там же. Год 5-й. Вып. 4. СПб., 1902, с. 311–334; Торговля керосином в Индии. — Там же. Год 7-й. Вып. 2. СПб., 1904, с. 87–108.

²⁶ Гартвиг Николай Генрихович (1854–1914), российский дипломат, занимал различные консульские должности в Бургасе, Бейруте и других городах, с 1897 г. — вице-директор, а с 1900 г. — директор Первого департамента МИД, 1906–1909 гг. — чрезвычайный посланник и полномочный министр при Персидском дворе, 1909–1914 гг. — чрезвычайный посланник и полномочный министр при дворе короля Сербского.

²⁷ Королева Великобритании Виктория (1819–1901, правила с 1837 г.) короновалась императрицей Индии в 1876 г.

²⁸ Норткот Ст. (1846–1911) был бомбейским губернатором в 1900–1903 гг., впоследствии — генерал-губернатор Австралии.

²⁹ Голицын Григорий Сергеевич (1838–1907), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, в 1896–1905 гг. — Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, командующий войсками Кавказского военного округа и окружной и войсковой атаман Кавказских казачьих войск.

³⁰ Хардинг, Чарлз (1858–1944), английский дипломат, с 1880 г. служил на разных дипломатических постах в Константинополе, Берлине, Вашингтоне, Тегеране, Париже, в 1898–1903 гг. — секретарь посольства, 1904–1906 гг. — посол Великобритании в Санкт-Петербурге, вице-король Индии в 1910–1916 гг.

³¹ Ленсдоун, маркиз (Петти-Фитцморис Г.Ч.К., маркиз Ленсдоун) (1845–1927), английский государственный деятель, вице-король Индии в 1888–1894 гг., 1900–1905 гг. — министр иностранных дел Великобритании.

³² Имеется в виду король Великобритании Эдуард VII (1841–1910, правил с 1901).

³³ Бомбей, главный город Бомбейского президентства, один из крупнейших портов и резиденция губернатора президентства, расположен в труднопереносимом для европейцев климате (большая влажность и высокие температуры воздуха), поэтому в наиболее жаркие и влажные месяцы (апрель–июль) большинство европейцев предпочитали переезжать в Пуна, бывшую столицу маратхского государства. Этот город расположен примерно в 180 км от Бомбея и находится выше над уровнем моря, поэтому там более сухой и несколько менее жаркий климат. В.О. фон Клемм, плохо переносивший удушливо жаркий климат Бомбея, предпочитал жить с семьей в Пуне, что встретило противодействие со стороны англо-индийских властей. Кроме курорта Пуна была местом расположения значительного воинского контингента, а также центром национально-освободительного движения во главе с маратхом Б.Г.Тилаком. Находясь в Пуне, российский консул мог вести разведку и наладить связи с индийскими национальными деятелями.

³⁴ В донесении от 14 ноября 1905 г. В.О. фон Клемм довел до сведения МИД России, что англо-индийские власти признали его российским Генеральным консулом в Бомбее.

№ 23–34

20 июля 1900 г. — 15 июля 1914 г. — Документы, связанные с выдачей наследств англо-индийских подданных, умерших в Российской империи, и российских подданных, скончавшихся в Индии

№ 23

*20 июля 1900 г. — Нота посла Великобритании
в Санкт-Петербурге Чарльза С. Скотта
Министерству иностранных дел России с просьбой
сообщить существующие правила выдачи наследств
англо-индийских подданных, скончавшихся в России,
а также в Бухаре и других вассальных государствах*

Я имел честь своевременно сообщить правительству Ее Величества содержание ноты Вашего Сиятельства от 20 декабря 1899 года, в которой Вы сообщили

мне мнение Императорского правительства относительно того, что заключение конвенции об урегулировании порядка выдачи наследств, остающихся после британско-подданных индусов, умирающих без определенных наследников в России, или российско-подданных, умирающих в Британской Индии, явилось бы несвоевременным, так как вопрос о выдаче наследства тщательно обсуждался в то время в видах возможности пересмотра конвенций, заключенных между Россией и другими державами.

Правительство Индии, которому было препровождено сообщение Вашего Сиятельства, просит ныне, чтобы Императорское правительство сообщило правительству Ее Величества для руководства подробные сведения по следующим вопросам.

1. Каким образом наследники могут действовать через поверенных.
2. Какая требуется форма доверенности для таких поверенных.
3. Куда наследники должны обращаться с прошениями.
4. Какая разница в судопроизводстве между собственно Россией и Бухарой и другими вассальными государствами.
5. Какие будут требоваться доказательства на право наследования.

Правительство Ее Величества знает, что в ханстве Бухарском не бывает законных затруднений к получению наследства, лишь бы ходатайства представлялись не позже как 2 года спустя после смерти, и что должным образом удостоверенные индийские свидетельства о правах наследования всегда принимаются к сведению бухарскими властями. Но правительство Ее Величества не уверено, соблюдается ли в других областях Средней Азии, как, например, в Хивинском ханстве, тот же порядок наследования, который установлен во всей Российской империи.

Передавая Вашему Сиятельству эти запросы имею честь покорнейше просить Вас не отказать доставить мне сведения, просимые индийским правительством, касательно выдачи наследства англо-индийским подданным, умершим на русской территории.

Перевод верен.

За делопроизводителя Протопопов.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 2616, л. 24 и об. Пер. с англ., современный подлиннику.

№ 24

*11 декабря 1900 г. — Ответ товарища министра юстиции
П.М.Бутовского Министерству иностранных дел
с разъяснением действующих в России законов
о правах наследования*

На отношение от 5 августа сего года за № 3881, по поводу ноты Великобританского посла в С.-Петербурге о разъяснении некоторых вопросов, касающихся порядка выдачи наследств, остающихся после индусов, умерших на русской территории, имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что по разъяснению правительствующего Сената, изложенному в определении от 26 января 1898 года, выдача упомянутых наследств, за отсутствием особой конвенции с Великобритан-

ским правительством о выдаче наследственных имуществ подлежащим консульским или дипломатическим агентам, может быть производима, по силе действующих законов, не иначе, как по утверждении судебными местами Российской империи в правах наследства тех лиц, которые предъявили права на сии имущества.

Ввиду сего наследники индусов, умерших в Российских владениях Средней Азии, обязаны для получения наследства обратиться, до истечения срока земской давности, в подлежащий окружной суд или к мировому судье по подсудности (ст. 1408 уст. гражд. суд.)¹, с ходатайством об утверждении в правах наследства. Ходатайство о сем может быть заявлено не только лично, но и через поверенного, снабженного доверенностью, совершенной по русским законам или, если она выдана за границей, по законам подлежащего иностранного государства. В последнем случае доверенность должна быть, однако, засвидетельствована российским консулом (ст. 914, т. X, ч. 1 св. зак. гражд. и ст. 707 уст. гражд. суд.)².

При заявлении просьбы об утверждении в правах наследства должны быть представлены доказательства родства наследника с умершим, каковыми, по общему правилу, могут, согласно ст. 209, т. X, ч. 1 св. зак. гражд.³, служить метрические свидетельства и, смотря по званию лиц, родословные дворянские книги, городовые обывательские книги, ревизские сказки и прочие акты состояния. По смыслу означенной статьи закона, в связи с ст. 914, т. X, ч. 1 св. зак. гражд.⁴, удостоверение иностранного правительственного учреждения о родстве просителя с умершим, если оно заверено надлежащим образом российской консульской властью, может быть признано за доказательство родства и со стороны русского суда.

Что касается засим, в частности, вопроса о порядке производства в пределах Бухарского ханства дел о наследствах, в коих участвуют иностранные подданные, то сей порядок определяется ближайшим образом правилами, изложенными в прил. к ст. 121 (прим.), т. II св. зак. пол. Турк. по прод. 1895 г. Согласно этим правилам (ст. 10 и 11)⁵, пребывающие в названном ханстве иностранцы подлежат ведомству Российского политического агента⁶ и подчиняются тем правилам, кои установлены для проживающих в ханстве русских подданных только в том случае, если они принадлежат к христианским вероисповеданиям. Иностранцы же — нехристиане, а следовательно и индусы, изъяты из ведомства русских судебных установлений, и дела их ведаются, наравне с делами туземцев, местными Бухарскими властями порядком (как видно из перевода ноты сэра Чарлза Скотта от 20 июля сего года), правительству Индии известным.

Точно так же и в Хивинском ханстве дела о наследствах, остающихся после смерти проживающих там иностранцев, подлежат разбирательству местных властей, согласно предписаниям шариата, так как в Гиндемианском договоре, заключенном 12 августа 1873 г. между Россией и Хивою⁷, никаких постановлений, определяющих порядок производства по упомянутым делам, не содержится. При этом, по сообщению старшего председателя Ташкентской судебной палаты, шариат никакого особого порядка наследования не устанавливает, вследствие чего имущество иностранцев, умерших на территории Хивинского ханства, следует почти тому же порядку наследования, как и имущество туземцев. Наличные наследники, с соизволения казия или даже без всяких формальностей, вступают во владение наследственным имуществом, а если их налично не окажется, то им посылается извещение по месту их жительства, в случае же неимения у казия сведений о месте пребывания наследников, имущество хранится под опекуном

управлением в течение года, а затем, при неявке наследников, вся наследственная масса идет на благотворительные дела, т.е. раздается бедным, нищим, для каковой раздачи имущество передается казием хану.

Наследники, для признания за ними наследственных прав, должны обращаться с ходатайством о сем, письменным или словесным, к казию; такая просьба наследников умершего индуса может быть заявляема также и через посредство начальника Аму-Дарьинского отдела, подобно тому, как это делают подданные Персии и Афганистана. В этом случае им надлежит представить удостоверение личности, засвидетельствованное российским консулом в Бомбее, и свидетельство того же консула о том, что явившиеся за получением имущества лица состоят по законам Британской Индии наследниками умершего в Хиве индуса. Если же вместо наследника за имуществом явятся их поверенные, то кроме двух указанных документов уполномоченные должны представить еще и засвидетельствованную тем же консулом доверенность.

По имеющимся (в Мин-ве юстиции) сведениям оказывается, однако, что случаев определения прав наследников умерших индусов на практике Хивин[ских] судебных учреждений до сих пор не встречалось, за непроживанием индусов в названном ханстве.

Об изложенном⁸ имею честь уведомить Ваше Сиятельство впоследствии отношения за № 3881.

Одно приложение при сем возвращается.

За министра юстиции⁹, товарищ министра,
Сенатор П. Бутовский.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 2616, л. 30 об., 31. Подлинник.

№ 25

*23 октября 1910 г. — Письмо советника посольства
Великобритании в России Хью О'Берна¹⁰
исполняющему обязанности министра иностранных дел
К.Э.Аргиропуло¹¹ с предложением принять в России
действующую в Индии процедуру возвращения имущества
умерших в Индии российских подданных*

Ваше Превосходительство,

Как Вашему Превосходительству известно, правительство Его Величества в течение некоторого времени рассматривало вопрос, относящийся к возвращению собственности английских подданных индийского происхождения, которые умирают на территории Средней Азии, подчиненной России.

В моем письме от 9/22 августа 1909 г. я имел честь сообщить Вашему Превосходительству о том, что с учетом условий, изложенных в письме царского правительства России от 5/18 марта 1909 г.¹² по этому вопросу, посол Его Величества¹³ предлагал правительству Его Величества распространить Декларацию от 9 августа 1880 г. относительно возвращения собственности британских моряков, умирающих на территории России, на подданных Британской Индии, умирающих на той же территории.

Правительство Индии рассматривало этот вопрос, но высказалось за невозможность принятия этого предложения, считая, что эта процедура могла быть приемлемой только в отношении самой незначительной собственности, но в большинстве случаев не подходит для рассмотрения сложных ситуаций с индийскими торговцами. В свою очередь было высказано предложение о процедуре следующего содержания.

Правительство Индии обращает внимание на процедуру, применяемую в Индии по отношению возвращения имущества умерших российских подданных. Однако эта процедура применима только к движимой собственности, когда нет завещания: стоимость такого рода имущества может варьироваться от 200 рупий в столицах президентств и Рангуне и до 10 рупий в других частях Бомбейского президентства.

В то же время этот закон не действует в пределах Мадрасского президентства. В случаях, когда эта процедура не применима, необходимо вмешательство суда, но стало возможным обойтись без присутствия претендентов лично или их представителей по положению 8 Закона о доверенных лицах 1902 (У-1902), согласно которому признается допустимым вручение документа на право распоряжения имуществом консульскому представителю. Относительно возврата собственности русских подданных, умирающих на территории Британской Индии, позиция индийского правительства состоит в следующем: 1. Если предметом рассмотрения является движимая собственность и отсутствует завещание, в Мадрасском президентстве везде, кроме его столицы, в столицах президентств и Рангуне и во всем Бомбейском президентстве стоимость упомянутого выше подлежит передаче в полицию, а в случае передачи в собственность или торгов процедурой предусмотрено участие ответственных российских властей через India Office при условии, что российский посол гарантирует правомочность претендентов на наследство. 2. В других случаях, когда вмешательство суда становится необходимым в силу наличия завещания или недвижимости, русский консул в Индии будет обладать необходимыми полномочиями согласно пункта 8 Закона У от 1902 г., регулирующего лимит стоимости, который должен быть установлен; консул будет иметь доверенность выступать в суде и вступать в право владения имуществом от имени наследников.

Что касается пункта 2, изложенного выше, правительство Индии разъясняет, что данная процедура предусматривает в случае с Россией исключение из общего правила положения о том, что функции консула ограничены его консульским округом, как указано в его экзекватуре. Правительство Индии разрешило аналогичное исключение для Соединенных Штатов, в частности в вопросе о возврате собственности граждан США, умирающих на территории Британской Индии.

Составление указа в соответствии с законом У от 1902 г. обеспечит таким образом защиту собственности русских подданных. Если правительство России, со своей стороны, готово содействовать обеспечению условий соответствующего рода относительно собственности подданных Британской Индии, умерших на территории России, правительство Индии будет готово принять закон или положение, регламентирующее лимит стоимости такого имущества, который мог бы быть установлен в размере 500 фунтов стерлингов.

По поручению министра иностранных дел Его Величества передаю данные предложения царскому правительству и запрашиваю о готовности принять их в направлении, изложенном правительством Индии.

Пользуясь случаем, выражаю свои уверения в глубоком уважении Вашего Превосходительства.

Хью О'Берн,
Великобританский поверенный в делах.

АВПРИ. ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 2616, л. 56–57 и об. Подлинник. Пер. с англ. составителя.

№ 26

*14 декабря 1911 г. — Письмо
туркестанского генерал-губернатора А. Самсонова¹⁴
министру иностранных дел С. Д. Сазонову¹⁵ о необходимости
назначения специального консульского представителя
для ведения дел о наследстве*

Милостивый Государь Сергей Дмитриевич,

Состоящий при мне чиновник по дипломатической части¹⁶ доложил мне о том, что в заботах о проживающих в Фергане индусах, английско-подданных, и главным образом по вопросу о наследствах, открывающихся в Фергане после смерти названных иностранцев, Министерство иностранных дел, в целях облегчения наследникам требуемых законом формальностей и возможного ускорения производства наследственных дел в местных административных и судебных установлениях, исход из нынешнего, подчас для наследников затруднительного положения видело бы в том, чтобы из среды местной индусской общины подыскано было заслуживающее доверия лицо, коему можно было бы поручить хлопоты по утверждению в правах наследства названных английских подданных, в каковом случае надлежало бы снабдить его соответствующей доверенностью от заинтересованных лиц.

Ввиду сего, долгом считаю сообщить Вашему Высокопревосходительству, что проектированная Министерством иностранных дел мера признается мною не соответствующей преследуемым целям по следующим причинам. Для подыскания требуемого лица нужно было бы либо предоставить выбор такового самой индусской общине, либо поручить администрации Ферганской области назначить для сего какого-либо известного ей индуса, по собственному усмотрению. В первом случае мы таким образом сами способствовали бы объединению и сплочению проживающих в Ферганской области английских подданных, которые могли бы этим воспользоваться совсем не в наших интересах; во втором — вся ответственность за назначенное лицо пала бы на администрацию, его подыскавшую, но в сущности имеющую весьма мало данных, чтобы судить о его пригодности для намеченной цели. В обоих случаях нет никаких гарантий для того, чтобы лицо, избранное на должность как бы ходатая по делам местной индусской общины по наследственным вопросам, оказалось на высоте своего нового положения и не стало бы злоупотреблять им, как мы это видим хотя бы на примере персидского агента в Асхабаде.

Посему, если бы Министерство иностранных дел осталось при мнении о необходимости облегчить индусам, английским подданным, вступление во владение наследствами, открывающимися в Фергане после смерти проживавших там их

родственников, то наиболее соответствующим этой цели я признавал бы назначение туда Великобританским правительством официального консульского представителя, ответственного перед своим правительством и поэтому представляющего гораздо более гарантий к тому, что он не выйдет из пределов данных ему обычных консульских полномочий¹⁷.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Покорный слуга
А. Самсонов.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 2616, л. 63–64 и об. Подлинник.

№ 27

*16 декабря 1912 г. — Донесение
исполняющего обязанности дипломатического чиновника
при туркестанском генерал-губернаторе А. Барановского
в МИД с предложением по ускорению решения затянувшихся
дел по выдаче наследств умерших индийцев —
английских подданных*

Имею честь уведомить Департамент, что в настоящее время, насколько мне известно, в производстве судебных учреждений, подведомственных Ташкентской судебной палате, имеются следующие дела, касательно наследств, оставшихся в Туркестане после смерти в крае индусов, английских подданных.

1. Наследство Булчанда (Гангарам), сына Мохандаса, которое ищет мать его, Мусаммат Лачибай, — с 1908 г.

2. Наследство Теумала, сына Тахибрама, которое ищет Ганшамдас, сын Тахиргорома, — с 1906 г. В составе этого имущества значится недвижимое имение (спорное) в сел. Яйпан Кокандского уезда — участок земли с лавкой — опекуном над которым назначен индус Диномаль Хиронанов.

3. Наследство Тутумала, сына Джумала, которое ищет Мусамат Певандбай, — с 1907 года. В составе этого имущества значатся недвижимости в сел. Чартак Наманганского уезда — пахотная земля, две лавки, дворовый участок с постройками — опекуном над которыми назначен отставной губернский секретарь Левчук.

4. Наследство Танумала, сына Лачланда (Тило Дильваров), которое ищет Мохандас Тарачандов и Мусамат Банибай Калумалевы, — с 1908 г. В составе имущества значится дом в Намангане, опекуном над которым назначен некий Доманский.

5. Наследство Вергомала Чойтрама, которое ищет его сын Радтгомаль, — с 1909 г.

Из вышеизложенного видно, что в составе большинства означенных наследств имеются недвижимости, которыми, однако, иностранные подданные в Туркестане владеть лишены права, на основании ст. 262 Положения об Управлении Туркестанского края¹⁸. Вследствие сего, наши судебные учреждения, до утверждения истцов в правах наследства, ждут от них особых ходатайств с указанием мер, необходимых для реализации этих имущественных прав. Проживающие же в Индии наследники, которые уже давно просят о том, чтобы искомые наследства были ликвидированы и им переданы вырученные деньги, никак не могут понять, что же от них теперь еще требуется.

Здесь на месте ничего для ускорения производства предпринять нельзя, так как местные судебные учреждения, из боязни ответственности, никогда не посмеют взять на себя какое-либо изъятие из строго определенных норм действующего закона. При таких условиях дела эти могут затянуться до бесконечности и будет длиться и продолжаться лишь переписка, а индусы так и не дождутся своих наследств, тем более что пожелания их, передаваемые через Министерство иностранных дел, здесь даже к сведению не принимаются, как подтверждается перепиской, представленной мною в Департамент при донесении от 20 июля с.г., за № 557.

Посему выход из настоящего положения, на мой взгляд, мог бы состоять в следующем: объявить Великобританскому правительству те причины, которыми затрудняется утверждение в правах означенных наследников; заручиться письменным согласием наследников на аукционную продажу указанных недвижимостей; и затем, через Министерство юстиции, исходатайствовать особое предписание на имя Ташкентской судебной палаты на предмет реализации этих наследств и пересылки вырученных денег и других сумм, имеющих образоваться от такой же продажи движимого имущества, в Министерство иностранных дел для передачи по принадлежности через Великобританское посольство в С.Петербурге.

Так как за истекшие 6–5 лет никто из русских подданных на означенные имущества никаких притязаний не заявлял, то изложенный способ никаких невыгодных последствий для императорского правительства иметь не мог бы, являясь при том чуть ли не единственным исходом из создавшегося положения, раз генерал-губернатор¹⁹ не считает возможным согласиться на избрание из среды индусов — английских подданных — особого лица для ведения подобных дел.

И.о. Дипломатического чиновника
А.Барановский.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 2616, л. 68–69 и об. Подлинник.

№ 28–32

**10 января 1913 г. — 3 июня 1914 г. —
Переписка МИД Российской империи
и различных учреждений Туркестанского края
о наследстве индуса Джеримала,
сына Хукикатрая, скончавшегося в 1905 г.**

№ 28

*10 января 1913 г. — Запрос
Первого департамента МИД Дипломатическому чиновнику
при туркестанском генерал-губернаторе А.Барановскому
о наследстве покойного индуса Джеримала*

Препровождая при сем, для зависящих распоряжений, копию с словесной ноты Великобританского посольства в С.Петербурге от 21 октября/4 ноября

м[инувшего] г[ода] по делу о наследстве, оставшемся после скончавшегося в 1905 году в Самарканде англо-индийского подданного Джеримала, сына Хакикатрай, Первый департамент имеет честь покорнейше просить о последующем благоволить его уведомить.

За вице-директора:
Персиани²⁰.

ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 359, л. 1. Подлинник.

№ 29

15 января 1913 г. — Запрос Дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе А.Барановского в Самаркандский окружной суд о наличии в судопроизводстве дела о наследстве индуса Джеримала

По поручению Министерства иностранных дел имею честь покорнейше просить сообщить мне, имеется ли в производстве Окружного суда дело о наследстве, оставшемся после смерти в Катта-Кургане 20 мая 1905 г. английского подданного Джеримала, сына Хакикатрая, в чем состоит это наследство и не утрачена ли его наследниками возможность предъявления своих прав на это имущество.

Дипломатический чиновник
А.Барановский.

Пометы на полях: «Справка: В Гражданском столе суда означенной в сей переписке дела о наследстве Джеримала, сына Хакикатрая, в период 1910–1913 гг. — нет. 24 января 1913 г. Самарканд. Помощник секретаря суда М.Костецкий».

«Справка: В Мировом столе суда означенного дела Джеримала, сына Хакикатрая, не имеется. 25/1 1913. И.об. пом. секретаря...» *(подпись неразборчива)*.

ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 359, л. 4. Подлинник.

№ 30

23 марта 1913 г. — Запрос Дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе Катта-Курганскому уездному начальнику о наследстве покойного Джеримала

Вследствие вторичного спешного запроса Министерства иностранных дел, покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие поспешить с сообщением сведений по отношению моему на имя Ваше от 30 января с.г., за № 122, о наследстве оставшемся после смерти в Катта-Кургане 20 мая 1905 г. английского подданного Джеримала, сына Хакикатрая.

И.об. Дипломатического чиновника.

ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 359, л. 6. Копия.

№ 31

25 сентября 1913 г. — Ответ
Председателя Самаркандского окружного суда
Дипломатическому чиновнику при туркестанском
генерал-губернаторе об отсутствии в его суде дела
о наследстве Джеримала

В дополнение к сообщению от 23 августа с.г. за № 10682 имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие, что, как видно из сообщения Мирowego судьи Катта-Курганского уезда от 31 августа с.г. за № 2384, в производстве названного мирового судьи дела об имуществе, оставшемся после умершего в 1905 году Британского подданного Герималая, сына Хукуматмаля (Джерималая Хакикатрая), не имеется.

За Председателя суда член суда (*подпись неразборчива*).

ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 359, л. 14 и об. Подлинник.

№ 32

3 июня 1914 г. — Ответ
Катта-Курганского уездного начальника
Дипломатическому чиновнику при туркестанском
генерал-губернаторе А.Р.Барановскому
о настоящем положении наследства покойного Джеримала

Препровождая сведения по документам, принадлежащим наследнику умершего в 1905 г. индейца Герималая Хукуматмаля, англо-индийскому подданному Чеменмалю Писумалову, с возвращением самих документов, сообщаю, что все исполнительные листы и долговые расписки за давностью и пропуском сроков потеряли всякую силу.

Что же касается документов Народного судьи, то таковые по шариату и теперь действительны, но для взыскания по ним должен явиться истец вместе с документами, или его поверенный, причем по документам, значащимся под № 5, 6 и 52, за смертью ответчиков и неимением имущества, взысканий произвести не представляется возможным; под № 43, 56 и 57 документы совершены в Бухарском ханстве и ведению моему не подлежат.

Единственным документом, по которому можно взыскать, является решение Джуй-Шагрского Народного судьи от 20 апреля 1892 г. за № 111 на 100 теньгов (15 руб.), так как ответчик жив, но для сего необходимо, как я упоминал выше, присутствие истца или его поверенного.

Караван-сарай продан Писумаловым в 1906 году по документу Катта-Курганского Народного судьи от 12 июля за № 146.

П р и л о ж е н и е: 57 документов²¹.

Начальник уезда Полковник (*подпись неразборчива*).
Секретарь (*подпись неразборчива*).

ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 359, л. 23 и об. Подлинник.

№ 33

*1 мая 1913 г. — Памятная записка
МИД России великобританскому послу Д.Бьюканену²²
о несогласии с предложенным Великобританией способом
решения вопроса о выдаче наследств и с предложением
своих вариантов*

Сношениями имп[ераторского] МИД с М[инистерством] ю[стиции] и находящимися в его ведении судебными местами выяснено, что, к сожалению, предложенный великобританским правительством способ урегулирования вопроса о выдаче наследств англо-индийских подданных, умирающих в русских среднеазиатских владениях²³, не может быть осуществлен, как не соответствующий российским законам, определяющим порядок наследования.

По-видимому, существуют лишь два пути к разрешению означенного вопроса, которые уже были указаны в ноте г. О'Берна от 9 августа 1909 г., ответной на ноту МИД от 5 марта 1909 г.²⁴ по делу Теумала Тахибрама, ноте 28 января 1913 г. по делу наследства Собрая, сына Челларамы, а именно: либо заключение особой конвенции на этот счет, либо предоставление по каждому отдельному делу британскому консулу в Петербурге права поверенного наследников. Британский консул, при наличии права передоверия, мог бы в таких случаях уполномочивать со своей стороны какого-либо адвоката на месте для выполнения тех всех необходимых действий как для утверждения наследников в правах на наследство, так и по получению самого материального имущества.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 2616, л. 80–81. Черновик.

№ 34

*15 июля 1914 г. — Письмо юрисконсультской части МИД
управляющему Третьего политического отдела МИД²⁵
В.О. фон Клемму о невозможности включения в конвенцию
о наследствах обязательность соблюдения этих правил
для Бухары и Хивы*

Милостивый Государь Василий Оскарович,

При письме от 22 апреля с.г. за № 3132²⁶ Ваше Превосходительство сообщили на заключение Юрисконсультской части проект конвенции с Великобританским правительством относительно выдачи наследств до 940 руб. (100 ф. стерл.) после умерших в Индии русских подданных, а также британских подданных, умерших в Туркестане.

Юрисконсультская часть полагает, что при выработке текста настоящей конвенции следовало бы принять за образец заключенное в 1905 году соглашение между Россией и Грецией о выдаче наследств, ценностью не свыше 1500 рублей. Проект конвенции, составленный применительно к этому образцу, при сем прилагается²⁷.

В этом проекте, так же как и в проекте, сообщенном Вашим Превосходительством, устанавливается, что конвенция эта будет иметь действие в пределах

России лишь в Туркестане, между тем Британское правительство в ноте от 29 марта/11 апреля с.г.²⁸ указывает на желательность распространения соглашения и на ханства Бухарское и Хивинское, находя, что в противном случае соглашение было бы неполным и представляло бы для Англии лишь малую ценность, так как большинство индусов торгового класса пребывает именно в Бухаре и Хиве²⁹. Несмотря на приведенное пожелание, Юрисконсультская часть не находит возможным принятие русским правительством в настоящее время каких-либо обязательств относительно порядка выдачи средств английских подданных, умерших в названных Среднеазиатских ханствах. В Хиве вовсе не существует русских органов власти, пребывающих в ханстве, которые могли бы следить за исполнением конвенции, буде она была бы заключена; что же касается Бухары, то согласно действующим правилам (св. зак., т. II пол. Турк. изд. 1892 г. прил. к ст. 117 (прил.) ст. 11)³⁰ все пребывающие в Бухаре иностранцы нехристианских исповеданий, а к числу их принадлежат индусы, подчиняются, наравне с туземцами, бухарским властям, ввиду чего русские судебные власти в этом крае не могут принять в свое заведывание наследств умерших там индусов.

В случае одобрения препровождаемого при сем проекта конвенции, предстоит сношение по настоящему вопросу с министром юстиции³¹, текст которого при сем прилагается³².

Примите уверение в отличном моем уважении и искренней преданности.

Вл. Горлов.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 2616, л. 90 и об., 92. Подлинник.

Примечания

¹ «Устав гражданского судопроизводства». СПб., 1894, ст. 1408, с. 883; М., 1914, ст. 1408, с. 310.

² «Свод законов гражданских». Т. X, ч. I. М., 1897, ст. 914, с. 162, и «Устав гражданского судопроизводства», ст. 707, по изд. 1894 (СПб.) — с. 513, по изд. 1914 (М.) — с. 157.

³ «Свод законов гражданских». Т. X, ч. I. М., 1897, с. 40.

⁴ См. примеч. 2.

⁵ «Положение об Управлении Туркестанского края». Таш., 1901. Приложение. «О круге ведомства мирового судьи в г. Бухаре, Самаркандского областного суда и Российского политического агента в Бухаре по возникающим в пределах Бухарского ханства судебным делам», ст. 10 и 11.

⁶ Бухарский эмират — государство, возникшее в Средней Азии в 1747 г., с 1868 г. — вассал Российской империи. Российское императорское политическое агентство в Бухаре было открыто в 1885 г. Политический агент, постоянный официальный представитель царя при эмире бухарском, осуществлял контроль над действиями эмира и его правительства.

⁷ Гиндемианский договор был заключен между Россией и Хивой после успешного завершения 2-го Хивинского похода русских войск под командованием генерала К.П.Кауфмана, начавшегося весной 1873 г. Хива признала вассальную зависимость от России и уступила часть территории по правому берегу Амударьи.

⁸ Вся информация, представленная в данном письме Министерства юстиции, была сообщена МИД России британскому посольству в памятной записке от 23 декабря 1900 г. (АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 2616, л. 38). Все последовавшие годы, вплоть до 1914-го, когда началась разработка конвенции, посольство Великобритании постоянно обращалось в МИД России по делам о наследствах англо-индийских подданных, предлагая варианты решения проблемы.

⁹ Министром юстиции в 1894–1904 гг. был Муравьев Николай Валерьянович (1850–1908).

¹⁰ Хью О'Берн (О'Бейрн), советник посольства Великобритании в Санкт-Петербурге, с 1914 г. — полномочный министр.

¹¹ Аргиropуло Кимон Эммануилович, дипломат, служил министром-резидентом России в Черногории, послом в Тегеране, в 1907–1915 гг. — старший советник МИД.

¹² В ноте от 5 марта 1909 г. по делу наследников Теумалья, сына Тахибрама, умершего в 1906 г., МИД еще раз изложил существовавшие тогда законы наследования (АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 2616, л. 46). В своем ответе от 23 октября 1910 г. на публикуемое письмо советника посольства Великобритании Хью О'Берна МИД уточнял, что правила о порядке выдачи наследств индийцев, умерших в России, как они изложены в указанной ноте, не распространяются на ханства Бухарское и Хивинское, где подобными делами ведают, наравне с делами туземцев, местные, туземные власти (там же, л. 58).

¹³ Имеется в виду Артур Никольсон (1849–1928), английский дипломат, служил в Берлине, Константинополе, Тегеране, Мадриде, в 1890–1891 гг. сопровождал цесаревича Николая в поездке по Индии во время его кругосветного путешествия, в 1906–1910 гг. — посол Великобритании в Петербурге.

¹⁴ Самсонов Александр Васильевич (1859–1914), генерал от кавалерии, участник русско-турецкой 1877–1878 гг. и русско-японской 1904–1905 гг. войн, с 1907 г. — наказной атаман Войска Донского, с 1909 г. по начало первой мировой войны — генерал-губернатор Туркестана, во время первой мировой войны командовал 2-й армией в составе Северо-Западного фронта, попав в окружение, застрелился.

¹⁵ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927), русский дипломат, с 1907 г. — чрезвычайный и полномочный министр при папе Римском, с 1909 г. — товарищ министра, а в 1910–1916 гг. — министр иностранных дел России, в 1917 г. — посол в Великобритании.

¹⁶ Имеется в виду Барановский Александр Рафаилович, исполнявший обязанности дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе в 1911–1915 гг., до этого служил чиновником МИД для пограничных сношений при начальнике Закаспийской области.

¹⁷ МИД России решительно не соглашался на допущение консульского представителя Великобритании и других европейских держав в Среднюю Азию (АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 2616, л. 70–73).

¹⁸ «Положение об Управлении Туркестанского края». Таш., 1901, ст. 262, с. 72.

¹⁹ Имеется в виду генерал от кавалерии А.В.Самсонов.

²⁰ Персиани Иван Александрович, делопроизводитель Первого департамента МИД, после реорганизации МИД в 1914 г. служил старшим секретарем Третьего (среднеазиатского) политического отдела.

²¹ Приложение на 9 страницах большого формата из 57 пунктов содержит подробные сведения о наследстве покойного индийца (ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 359, л. 24–28).

²² Бьюканен Дж.В. (1854–1924), английский дипломат, служил в Риме, Токио, Софии, в 1910–1918 гг. — посол Великобритании в Санкт-Петербурге, автор книги «Моя миссия в России». Берлин, 1924.

²³ Имеется в виду предложение, выдвинутое в ноте посольства Великобритании от 22 апреля/5 мая 1913 г., — для устранения сложностей в решении дел о наследстве ввести в России правила получения наследств, действующие в Индии (АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 2616, л. 79).

²⁴ См. док. № 25.

²⁵ После реорганизации МИД в 1914 г. был создан Третий политический отдел, в ведении которого находились дела, связанные со Средней Азией.

²⁶ Письмо за № 3132 от 22 апреля 1914 г. было направлено чиновнику особых поручений при министре юстиции барону Б.Э.Нольде.

²⁷ Суть предлагаемого проекта конвенции заключалась в том, что «наследства на сумму до 940 рублей/100 фунтов стерлингов или соответствующая сумма, вырученная от продажи

движимого имущества, принадлежавшего русским подданным, умершим в Британской Индии, или английским подданным, умершим в Туркестане... при отсутствии прямых наследников и если на них никто не заявит своих прав в течение полугода после последней публикации о вызове наследников — будут передаваемы местным генеральным консулам: Российскому — в Калькутте и Британскому — в Санкт-Петербурге...» (АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 2616, л. 93).

²⁸ См.: АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 2616, л. 86 и об.

²⁹ Индийцы предпочитали Бухару и Хиву в качестве своего места жительства после принятия мер по запрету ростовщичества на территории России, поскольку в этих ханствах законы России силы не имели.

³⁰ См.: «Положение об Управлении Туркестанского края». Таш., 1901, с. 107–109. Приложение. «О круге ведомства мирового судьи в г. Бухаре...», ст. 11, с. 109.

³¹ В июле 1914 г. МИД направило письмо министру юстиции И.Г.Щегловитову (АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 2616, л. 91).

³² Более поздних документов по этому вопросу в архивах пока не обнаружено.

№ 35–36

22 октября 1900 г. — 21 ноября 1902 г. — Донесения Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма в Министерство иностранных дел и В.О. фон Клемму о русско-индийской торговле

№ 35

22 октября 1900 г. — Письмо российского Генерального консула в Хорасане П.Е.Понафидина¹ Генеральному консулу в Бомбее В.О. фон Клемму о возможности экспорта в Индию русского полусукна²

Милостивый Государь Василий Оскарович,

Три года тому назад стало вывозиться из Мешеда в Бомбей чрез порты Персидского залива так называемое русское полусукно. Вывоз этот, пока незначительный, прогрессирует однако с каждым годом. Так, из собранных мною сведений видно, что в 1898 году было вывезено этого товара 8 кусков, в 1899 году 20 кусков, а в этом году, несмотря на увеличение цены на полусукно почти на 10%, был получен заказ на 40 кусков, но выслано могло быть требуемого цвета лишь 30 кусков.

Столь значительное увеличение вывоза полусукна показывает, что на него есть спрос, и дает основание рассчитывать на то, что с удешевлением доставки товар этот может найти себе хороший сбыт в Индии, что подтверждается также и сведениями, доставленными по этому предмету вице-консулом в Сеистане³.

С учреждением вверенного Вашему Высочородию Генерального консульства в Бомбее, быть может, местным купцам, нуждающимся в этом товаре, представится возможность, завязав непосредственные сношения с нашими торговыми фирмами, избежать дорогостоящей доставки чрез Персию и излишней переплаты пошлин и тем удешевить стоимость товара при продаже его в Индии.

Для предварительного расчета считаю не лишним сообщить данные о стоимости провоза одного пуда полусукна (около 100 русских аршин) из Москвы чрез Асхабад, Мешед, Бушир в Бомбей, а также количество взыскиваемых при провозе чрез Персию пошлин.

Доставка одного пуда полусукна, покупаемого в Москве по средним ценам 36 копеек за аршин и представляющего, следовательно, стоимость в 36 рублей, обходится из Москвы до Асхабада в среднем 4% стоимости пуда на месте, из Асхабада до Мешеда 2,5%, из Мешеда до Бендер-Бушира 3,5% с пуда, и из Бушира до Бомбея не менее 1%.

Кроме того, при ввозе в Персию русский торговый дом уплачивает 5% пошлину ad valorem, покупатель, персидско-подданный, при вывозе уплачивает персидской таможене 2,5%, и таким образом при доставке пуда полусукна в Бомбей уплачивается всего 18,5%, или 6 руб. 66 коп., не считая переплаты за товар, покупаемый из вторых рук.

Доставка же пуда этого товара из Москвы чрез Одессу, а оттуда с перегрузкой в Порт-Саиде или Александрии должна обойтись гораздо менее.

Препровождая при сем образчик полусукна с клеймом фабрики Викулы Морозова⁴, долгом считаю присовокупить, что из собранных мною сведений усматривается, что спрос в Индии всего более на полусукно цвета образчика и более светлых оттенков; затем идет полусукно так называемого «...⁵ цвета» и, наконец, черного. Выписывают же этот товар проживающие в Дели, в Джевачим Базаре, в доме Амир-Хасана, под названием «Чани-Чек»⁶, персидско-подданные, уроженцы Мешеда, братья Мамед Исмаил и Гулям Неби, сыновья Хаджи Мехтия.

Пользуясь представляющимся случаем, чтобы просить Вас принять уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

П. Понафидин.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 119, л. 1–2об. Подлинник.

№ 36

*21 ноября 1902 г. — Из секретного донесения
Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма
директору Первого департамента МИД Н.Г.Гартвигу
о состоянии русско-индийской торговли
и деятельности консула в целях ее развития*

Я имел честь получить с последней французской почтой секретное письмо Вашего Превосходительства от 2 минувшего октября, за № 1151, с приложением копии с депеши поверенного в делах в Лондоне от 11 сентября сего года за № 70.

Из объяснений, данных великобританским товарищем министра иностранных дел д.с.с. барону Гревеницу⁷ по поводу предъявленного мне индийским пра-

вительством требования жить непременно в Бомбее, явствует, что англо-индийские власти усматривают в моей деятельности здесь более политический, нежели коммерческий характер. Не знаю, на чем это мнение основано, но я полагаю, что англичане едва ли были бы в состоянии подкрепить его какими-либо доказательствами. Не могут же они сослаться на то, что я отправил отсюда несколько зашифрованных телеграмм и таких же донесений, которые были вскрыты ими по пути.

Само собою разумеется, что у меня пока меньше консульского дела, нежели у консулов других стран, торговля коих уже давно приняла обширные размеры и торговые суда коих периодически посещают индийские гавани, в том числе преимущественно Бомбей. При первом моем свидании с бомбейским губернатором⁸ зимою 1900 года я весьма обстоятельно объяснил ему мою задачу в этой стране. «Мы ввозим в Индию пока почти исключительно керосин*, но едва ли можно сомневаться в том, что и другие русские продукты и произведения могли бы найти сбыт на здешних рынках, подобно произведениям других европейских стран. К несчастью, русское купечество не отличается предприимчивостью и издавна привыкло к тому, чтобы в деле открытия новых рынков правительство брало на себя почин. В Англии, как и в большинстве других стран, купец идет впереди, а консул уже следует за ним, для охранения и защиты его интересов. У нас, наоборот, сначала является обыкновенно консул, который изучает страну в экономическом и торговом отношении и указывает затем торговцам, в чем именно может выразиться их деятельность. Поэтому моя задача здесь ознакомиться с экономическими условиями Индии вообще, выяснить, какие именно русские товары могли бы найти здесь сбыт, и способствовать, насколько это окажется возможным, развитию взаимного товарообмена между обеими странами».

С тех пор прошло только два года, т.е. слишком короткий срок, чтобы труды мои могли принести плоды и могла бы создаться обширная торговля с Россиею. Но уже, благодаря моим сношениям с Московским Торгово-промышленным Товариществом⁹ и некоторыми другими русскими фирмами, в Индию высылаются образцы русских мануфактурных изделий, золотоканительных товаров, самоваров, папирос, парфюмерии и т.п., и весьма возможно, что рано или поздно все эти произведения или хотя часть их найдут более или менее значительный сбыт на здешних рынках. С другой стороны, я постоянно получаю запросы от разных местных английских и туземных фирм, желающих завязать торговые сношения с Россиею, и всегда с полною готовностью даю им все имеющиеся в моем распоряжении справки. Не стану уже говорить о разных запросах и просьбах довольно большого числа индийско-подданных, преимущественно шикарпурцев, имеющих судебные или наследственные дела в России; скажу только, что вверенное мне Генеральное консульство даже этим лицам не отказывает в советах и содействии, хотя подобные дела, собственно говоря, не входят в круг его обязанностей и просители должны были обращаться по ним к британским консулам в России.

Я полагаю, что все это вместе взятое достаточно оправдывает существование в Бомбее чисто коммерческого российского консульства. Замечу, кстати, что в интересах самих подданных короля-императора было бы желательно расширить круг деятельности этого единственного в Индии русского консульства. Ко мне уже неоднократно поступали просьбы местных торговцев из Калькутты относительно засвидетельствования для них документов, и это встречало всегда затруднения за отсутствием у меня официального консульского агента в означенном

---

* Впрочем, в весьма большом количестве: за 1901–1902 г. ввезено было русского керосина около 84 миллионов галлонов, более чем на 32 миллиона рупий (примеч. автора).

городе, где почти все другие державы мира имеют генеральные или простые консульства или, по крайней мере, нештатных консулов...¹⁰.

АВПРИ, ф. 184 Посольство в Лондоне, оп. 520, д. 1084, л. 2–3. Копия.

Примечания

¹ Понафидин (Панафидин) Петр Егорович, консул в Мешхеде (Хорасан) в 1898–1903 гг., до этого служил консулом в Багдаде и Исфагани, с 1903 г. — Генеральный консул в Константинополе.

² Полусукно — ткань, в которой шерстяной уток идет по нитяной основе.

³ Имеется в виду Александр Яковлевич Миллер.

⁴ Викула Морозов (ум. в 1894 г.) — один из крупнейших русских текстильных фабрикантов из семейства Морозовых, основатель «Товарищества мануфактур Викулы Морозова с сыновьями в местечке Никольском» около железнодорожной станции Орехово.

⁵ Слово не разобрано.

⁶ Чандни Чоук — название торгового района и его центральной улицы в Дели.

⁷ Гревениц Георгий Александрович, русский дипломат, действительный статский советник, до 1901 г. — первый секретарь посольства России в Лондоне, в 1901–1904 гг. — советник посольства.

⁸ Имеется в виду Норскот.

⁹ В России существовал ряд торговых домов, учрежденных в форме товариществ полных, на вере и на паях на основании соответствующих постановлений Устава Торгового (Свод законов, т. XI, ч. 2, изд. 1903 г., ст. 56–76). Московское Торгово-промышленное Товарищество начало работать в 1874 г. (Устав утвержден в декабре 1873 г.) на улице Ильинка в доме Московского Торгового банка, занималось комиссионной продажей хлопка, шерсти и каракуля с выдачей ссуд, имело конторы (представительства) в Коканде, Ташкенте, Андижане, Намангане, Хиве. См.: Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. СПб., 1911; Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). СПб., 1912.

¹⁰ Далее следует текст, не относящийся к коммерческой деятельности российского консульства.

№ 37–40

19 февраля — 22 мая 1901 г. — Документы о поездке в Индию главы буддистов Восточной Сибири Чайзина Урельтуева¹

№ 37

*19 февраля 1901 г. — Донесение Генерального консула в Бомбее
В.О. фон Клемма директору Первого департамента МИД
Н.Г. Гартвигу о пребывании в Индии главы буддистов
Восточной Сибири Чайзина Урельтуева*

Секретно.

Милостивый Государь Николай Генрихович!

Секретным письмом от 22 декабря/9 января за № 905 императорский вице-консул в Коломбо² уведомил меня о предстоящем приезде в Калькутту главы ламайского духовенства Восточной Сибири Чайзина Урельтуева и о намерении его посетить не только священные места поклонения буддистов в Индии, но и проникнуть в Тибет, если ему удастся заручиться на то согласиём англо-индийских властей.

Принимая во внимание, что состоявшийся в минувшем году приезд к высочайшему двору посланца тибетского Далай-Ламы³ возбудил много толков в Индии и, по-видимому, внушил англо-индийскому правительству неосновательные опасения на счет наших видов и намерений по отношению к этой сопредельной с Индией стране, и имея, кроме того, в виду, что означенное правительство могло отклонить какое-либо ходатайство мое за Урельтуева под предлогом, что круг моего ведения, как не Генерального консула, ограничивается Бомбейским президентством, я предпочел не входить ни в какие предварительные сношения с калькуттскими властями, предоставив нашему ламе самому исходатайствовать себе разрешение на проезд в Тибет с помощью имевшихся у него, по словам тит[улярного] сов[етника]⁴ Шнейдера, рекомендательных писем из Лондона и Парижа к английским должностным лицам в Индии. Но дабы, в случае крайности, Урельтуев не оказался в Калькутте совершенно беззащитным, я обратился к управляющему французским консульством в Бомбее с просьбою поручить его заботам и вниманию французского Генерального консульства в Калькутте, что и было исполнено г. Омри (Omery) с большой готовностью.

Ныне мой французский коллега препроводил мне письмо управляющего французским Генеральным консульством в Калькутте г-на Георгия Фукса от 13/26 февраля, заключающее в себе следующие сведения о пребывании г. Урельтуева в столице Индии.

Сибирский лама с одним послушником прибыл в Калькутту 7 февраля н. ст. на французском пароходе «Dupleix» и был встречен г. Фуксом и единственным русско-подданным, проживающим в этом городе, часовщиком Клевеном, весьма любезно согласившимся принять на себя обязанности переводчика при ламе во время его пребывания в Калькутте. Стараниями калькуттских единоверцев Урельтуева ему отведено было помещение в здании местной буддийской общины (Mahabody Society)⁵, где он и проживал до отъезда из столицы. Багаж ламы и его спутника был задержан английскими властями и подвергнут самому тщательному досмотру, но затем по ходатайству г. Клевена вещи были возвращены владельцам. Других каких-либо стеснений Урельтуеву, по-видимому, чинимо не было. На следующий день после приезда ламы г. Фукс посетил его и пригласил к обеду, во время которого Урельтуев сообщил ему о своем намерении совершить паломничество в священные для буддистов местности Индии, Непала и Тибета и вернуться затем в Калькутту, чтобы отправиться затем в Сиам и далее в Сибирь через Японию и Владивосток.

11 февраля Урельтуев и его спутник простились с управляющим Генеральным консульством и выехали в Будда-Гая⁶ в сопровождении нанятого для них г. Фуксом переводчика, какого-то турецкого подданного, знающего русский язык, который служил матросом на пароходе «Dupleix».

Приезд в Калькутту нашего ламы был, конечно, отмечен англо-индийской прессой и дал последней повод обвинить лишней раз Россию в коварстве и интригах, а англо-индийское правительство в недалёковидности и чрезмерной уступчивости.

Насколько это повлияло на англо-индийские власти и согласились ли последние пропустить Урельтуева в Тибет, мне пока не известно.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою.

Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 915, л. 36–37 и об. Подлинник.

№ 38

*14 мая 1901 г. — Письмо
генерального секретаря общества Махабодхи А.Дхармапала⁷
в Генеральное консульство в Бомбее о посещении Индии
главой буддистов Восточной Сибири Чайзином Урельтуевым,
содержащее просьбу к российскому правительству
оказать финансовую помощь в строительстве в Бодх Гая
приюта-гостиницы для восточносибирских буддистов-бурят*

Милостивый государь,

В последнем номере журнала «Махабодхи» имеется статья о великом ламе Восточной Сибири. Его посещение святыни в Бодх Гая имеет большое значение, и мы надеемся, что многие его соотечественники посетят эту святыню.

В связи с этим хотел бы обратить внимание вашего правительства на следующее обстоятельство: поскольку царь является главой бурят-буддистов Восточной Сибири⁸, было бы хорошо построить небольшой дом в Бодх Гая, которым могли бы воспользоваться восточносибирские буряты-буддисты, которые, возможно, приедут сюда в будущем.

В настоящее время Общество Махабодхи начинает собирать пожертвования на строительство в Бодх Гая международной гостиницы для путешественников-буддистов и монастыря. В журнале «Махабодхи» за апрель этого года опубликованы подробности о предполагаемом строительстве.

Надеемся, что в интересах российских бурят царь примет участие в этом строительстве.

А.Дхармапала,
Ген[еральный] сек[ретарь] М[аха] Б[одхи].

*АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 15, л. 8–9. Подлинник.
Пер. с англ. составителя.*

*22 мая 1901 г. — Донесение
Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма
директору Первого департамента МИД Н.Г.Гартвигу
о намерении общества Махабодхи построить в Бодх Гая дом
для паломников и о просьбе к русскому царю
пожертвовать на это необходимую сумму*

Секретно.

Милостивый Государь Николай Генрихович!

В дополнение к почтительному моему секретному донесению от 19 февраля сего года за № 14 имею честь представить при сем Вашему Превосходительству перевод статьи из ежемесячного буддистского журнала «The Maha Bodhi», в которой осуждается образ действий англо-индийской администрации по отношению к главному ламе Восточной Сибири Чайзину Урельтуеву, недавно посетившему буддистские святыни в Индии.

Одновременно с номером журнала, в котором статья эта появилась, я получил от председателя буддистского общества «The Maha-Bodhi Society» письмо, в коем он извещает меня о намерении общества приступить к постройке дома для паломников в местности Будда-Гая, предполагаемой родине Будды, куда последователи этого вероучителя стекаются в большом количестве на поклонение.

Указывая на пользу такого учреждения и выражая уверенность в том, что по стопам Урельтуева в Индию начнет прибывать большое количество русских буддистов-паломников, председатель общества, от имени последнего, высказывает желание, чтобы при означенном странноприимном доме было устроено особое отделение для русских паломников, и просит меня повергнуть к стопам государя императора почтительнейшую просьбу общества о пожертвовании на то необходимой суммы.

Я ответил на это председателю, что сочувствую вполне благому начинанию общества, но не могу не заметить, что ввиду отдаленности Сибири и дороговизны проезда из нее в Индию наплыв в последнюю богомольцев из далекой окраины России представляется пока весьма гадательным и что для возбуждения ходатайства, о котором общество меня просит, надо по крайней мере выждать, какое влияние на развитие паломничества из России в Индию будет иметь поездка Чайзина Урельтуева. Признавая ввиду этого преждевременным представлять просьбу общества на усмотрение императорского правительства, я могу лишь обещать ему, что со временем, когда нужда в особом странноприимном доме для русских буддистов-паломников подтвердится статистическими данными, я не премину довести о том до сведения императорского Министерства иностранных дел. В этих видах я был бы весьма обязан обществу, если бы оно нашло возможным поставлять меня в известность обо всех русских паломниках, которые будут являться в Индию и о посещении коими буддийских священных местностей оно несомненно будет осведомлено.

Насколько я успел проследить, общество «The Maha Bodhi Society», основанное в Коломбо в мае 1891 г., пользуется довольно большим значением и влиянием среди индийских буддистов, а потому не подлежит сомнению, что всякое сочувствие, высказанное ему, было бы в должной мере оценено буддистским населением Индии. Но, с другой стороны, даже небольшое денежное пожертво-

вание в пользу этого общества не преминуло бы возбудить обычную подозрительность и недоверие к нам англо-индийского правительства и, по всем вероятностям, было бы истолковано им в смысле заигрывания с нашей стороны с индийскими буддистами.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою.

Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 915, л. 66–67. Подлинник.

№ 40

*Май 1901 г. — Выписка из статьи журнала
«Махабодхи», сделанная Генеральным консулом
В.О. фон Клеммом и приложенная к его донесению
о пребывании в Индии главы буддистов Восточной Сибири
Чайзина Урельтуева*

Его Святейшество Великий Лама Восточной Сибири бурят Пандита Камбо Чайзин Урельтуев провел около месяца, посещая священные места в Раджагриха, Будда-Гая, Бенаресе, Сравасти, Капилавасту, Ламбини, Кусинара и Вайсали, и выехал из Калькутты в Сингапур по дороге в Банкок на пароходе «Апкар» 13 марта. Санскритское имя Великого Ламы — Вагендра Дармадара, он известен как ученый и пользуется уважением таких ориенталистов, как профессор Сергей Ольденбург⁹ и Сильван Леви¹⁰ в Петербурге и Париже. В Лондоне он познакомился с г. Тоней¹¹, библиотекарем Статс-Секретариата по индийским делам. То, что ему пришлось испытать в Индии, было не особенно приятно. Он рассчитывал посетить Катманду в Непале и осмотреть тамошние буддийские храмы, но непальские власти, не желая обидеть англичан, отказались пропустить его в свои пределы. Великий Лама был очень огорчен тем, что английские власти отнесли к нему как к шпиону. Везде, куда он отправлялся, были сыщики, чтобы следить за ним, а пограничные непальские власти получили телеграфное предписание не пропускать его в пределы Непала. Этот Великий Лама — буддийский сановник, лично известный русскому царю, и путешествовал с паспортом, подписанным нынешним царем, поэтому очень странно, что его не допустили посетить Непал.

По возвращении в Сибирь Великий Лама предполагает издать описание своего путешествия¹² для сибирских бурят-буддистов. Русский царь есть глава бурят-буддистов, и буддизм признается русским правительством. Великий Лама опроверг ни на чем не основанное мнение, будто буддисты преследуются русским правительством. Напротив, буддийские ламы получили от царя больше прав, чем духовенство других вероисповеданий. Великий Лама указал на то, что 130 миллионов говорят по-русски и что в Индии следовало бы основать школу для обучения русскому языку.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 915, л. 68–68 и об. Подлинник.

Примечания

¹ Чайзин Урельтуев (Чойнзон-Доржи Иролтуев) был хамбо-ламой Восточной Сибири в 1895–1910 гг.

² В 1901 г. вице-консулом в Коломбо был Василий Карлович Шнейдер.

³ Имеется в виду второй визит в Петербург в 1900–1901 гг. бурята Агвана Дорджиева (1853 или 1854–1938), воспитателя, советника и доверенного лица XIII далай-ламы. Первый визит состоялся в 1898 г. Во второй раз А. Дорджиев привез Николаю II письмо от далай-ламы.

⁴ Титулярный советник — девятый класс по Табели о рангах.

⁵ Религиозно-просветительское общество буддистов Махабодхи было основано в 1891 г., имело значение главным образом на Цейлоне, одной из основных целей общества в Индии были реставрация храма и создание центра паломничества буддистов в Бодх Гая. Поскольку в XIX в. земля, на которой стояла буддийская святыня, принадлежала землевладельцу-индусу, то этот процесс затянулся до 1949 г.

⁶ Бодх Гая — место в Северной Индии, где, по преданию, на основателя буддизма принца Сиддхартху Гаутаму, получившего впоследствии имя Будды («Просветленный»), снизошло просветление; место паломничества буддистов со всего света.

⁷ Дхармапала Анагарика (1864–1933), буддийский монах, основатель общества Махабодхи, издатель журнала того же названия. Англичане считали, что общество было направлено против их власти, и не доверяли его основателю.

⁸ Религиозным главой русских бурят-буддистов является хамбо-лама.

⁹ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), индолог, непременный секретарь Академии наук (1904–1929), организатор и редактор серии Bibliotheca Buddhica, заместитель председателя Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (РКИСВА), руководитель экспедиции в Турфан (1909–1910) и Дуньхуан (1914–1915).

¹⁰ Леви, Сильван (1863–1935), французский санскритолог и буддолог, профессор Колеж де Франс, друг С. Ф. Ольденбурга.

¹¹ Тоней С. Х. — английский санскритолог, переводчик крупнейшего свода повествовательной литературы средневековой Индии «Океана сказаний» («Катхасаритсагара»).

¹² Данных о том, что описание путешествия Ч. Урельтуева в Индию было составлено, не обнаружено.

№ 41–43

15 мая 1901 г. — 5 мая 1905 г. — Документы о командировке в Индию подполковника И. К. Серебренникова

№ 41

15 мая 1901 г. — Ходатайство командующего войсками Туркестанского военного округа о командировании подполковника И. К. Серебренникова в Индию с подробным обоснованием

Согласно ст. 8 Положения о курсах языка индустани, один из наилучше окончивших курс офицеров может быть командирован в Индию для дальнейшего усовершенствования в языке.

На выпускном испытании в нынешнем году наибольшие успехи в знании языка индустани выказал старший адъютант штаба округа генерального штаба подполковник Серебренников...¹.

Помимо главной цели — изучения языка, командирование наших офицеров в Индию имеет и другое существенное значение. Если мы находим необходимым командировать офицеров генерального штаба из западных округов в прилежащие к ним заграничные местности, то это тем более необходимо в отношении к Индии, как в воспитательном отношении для самих офицеров, так главным образом для пополнения наших до последнего времени весьма скудных, а главное, исходящих исключительно из английских источников, а потому неверных сведений о быте англо-индийской армии, настроении местного населения и проч. Необходимо иметь в виду, что если в будущем Туркестанским войскам придется вести большую кампанию, то несомненно они столкнутся с англо-индийской армией, если не на индийской территории, то на афганской, а потому нужно заблаговременно принимать меры к изучению сильных и слабых сторон нашего будущего противника. Предыдущие командировки (подполковника Полозова, капитана Новицкого и капитана Снесарева) дали в этом отношении весьма ценный материал. Данные этих командировок послужили к установлению совершенно новых взглядов на некоторые бытовые стороны англо-индийской армии: отношение к службе английских офицеров, положение в армии туземных офицеров, резкую разницу в положении английского и туземного солдата, взаимные их отношения и проч. Воспитательное значение командировок выказалось весьма рельефно. Капитан Снесарев, отправившийся в командировку прямо с академической скамьи, возвратился в округ опытным офицером и в настоящее время прекрасно справляется с трудной и ответственной должностью старшего адъютанта отчетного отделения, и ему же поручено составление и издание сборника сведений о сопредельных странах. Нельзя не признать, что расширение кругозора и приобретенное при командировке знание английского языка в значительной степени способствуют проявлению прекрасных личных качеств этого офицера.

Подполковник Серебренников служит в округе 8 лет, со времени выпуска из академии, усвоил особенности здешней службы и местные условия; нужно думать, что и дальнейшая его служба в значительной степени будет посвящена Туркестану, а потому употребленные на его командировку средства не останутся потраченными даром. В отношении знакомства с английским языком он считает себя достаточно подготовленным для командировки.

Вследствие вышеизложенного ходатайствую перед Вашим Высокопревосходительством об испрошении Высочайшего соизволения на командирование в нынешнем году генерального штаба подполковника Серебренникова в Индию.

Относительно самого порядка командирования полагаю наилучшим придать поездке совершенно частный характер без особого предуведомления о том британского правительства. Опыт командировки подполковника Полозова и капитана Снесарева обнаружил, что подозрительность англичан относительно целей командирования наших офицеров доходит до крайних пределов. Достаточно сказать, что им запрещено было останавливаться на более или менее продолжительное время в каком-либо пункте, местным жителям был назначен штраф в 500 рупий за беседу с нашими офицерами и даже были случаи приставления часовых к тем помещениям, где наши офицеры находились, под благовидным, разумеется, предлогом оградить наших офицеров если не от оскорблений, то от назойливости туземцев Индии. Понятно, насколько такое положение стеснительно в особенности

в отношении знакомства с местным населением, а для изучения языка прямо невозможно. Между тем, при отсутствии в Индии паспортной системы, частные лица не подвергаются там никаким стеснениям, в особенности если держаться в стороне от англичан. Это подтверждается опытом командирования в Индию в 1897 году поручика — ныне капитан — Выгорницкого, который отправился туда с заграничным паспортом, без особого предупреждения о том британских властей, и, проведя там около полугода, нигде не должен был даже предъявлять своего паспорта и не подвергался никаким допросам и задержкам. Все свое время он провел в среде местного населения и мог спокойно заниматься своим делом — изучением языка. Таким же порядком я полагал бы командировать и подполковника Серебренникова. Это даст ему возможность совершенствоваться в знании языка индустани и приступить к изучению наиболее интересной части англо-индийской армии — туземных частей.

П р и л о ж е н и е: расчет расходам, вызываемым командировкой.

Подписал: Командующий войсками
генерал-лейтенант Иванов.

РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 1594, л. 1–2 и об. Копия.

№ 42

*5 ноября 1901 г. — Инструкция Генерального штаба
подполковнику Серебренникову о целях его командировки
в Индию*

Целями командировки ставятся:

- 1) Усовершенствование в изучении языка «индустани».
- 2) Пополнение военно-статистических сведений об Индии.
- 3) Знакомство с англо-индийской армией.

Для выполнения сих задач имеется исполнить:

1. Чтобы сбор военно-статистических сведений служил продолжением работ прежних поездок подполковника Полозова, капитанов Новицкого и Снесарева. Таковым продолжением должны быть общая рекогносцировка р. Инда от Аттока до устьев, военно-статистическое описание районов по левому берегу Инда, по верхнему и среднему Гангу (Раджпутана, Синд, Северо-Западные провинции, Ауд).

Если представится возможным, весьма желательно:

- а) Обрекогносцировать направление вдоль строящейся железной дороги Кушалгар — Когат — Тал — Бану.
- б) Обрекогносцировать долины рр. Курам, Точи и Гумал, устанавливающих связь между линией Кабул — Газни и долиною р. Инда в обход направления Кабул — Пешавар.
- с) Выяснить удобопроходимость Сулеймановых гор вообще и по р. Зхоб в особенности (направления на Кветту и Кандагар).
- д) Определить характер проектированного укрепленного лагеря у Вану и военных стоянок у Шерани и Миран-шаха.

2. При ознакомлении с бытом англо-индийской армии особое внимание следует обратить на туземные части, причем особенно важно выяснить порядок и успешность комплектования туземных частей, обучение их, боевую готовность, преданность англичанам сипаев и туземных офицеров.

3. Выяснить, насколько возможно подробно, статистические данные о перевозочных и коневых средствах населения, а при обзоре кавалерийских и артиллерийских частей следует обратить особенное внимание на их конский состав.

4. Привести, как результат из всего виденного, соображения о вероятных пунктах сосредоточения английской армии и о возможности для нее действий в больших массах в случае столкновения с нами.

5. Насколько предположения Мак-Грегора² о наступлении на нас заслуживают внимания при настоящей обстановке (современные политические условия в Средней Азии и подготовка России на южной границе Туркестана).

6. Мнение военной и частной прессы и знатоков положения дел в Азии о наших мероприятиях на случай столкновения с Англией. Наши слабые стороны.

7. Насколько война в Африке ослабила наличие офицерского состава и состава нижних чинов в английских частях, стоящих в Индии? Брали ли офицеров англичан из туземных частей или на это не решились, не будучи уверенными в преданности туземных частей.

8. Из вопросов не специального военного характера желательно иметь данные, характеризующие взаимные отношения англичан и туземного населения, настроение последнего, вероятное положение, которое оно займет в случае внешних для Англии затруднений на северо-западной границе Индии, и т.п.

9. Отношения индийского правительства к правительству Афганистана остались ли прежние? Если есть перемена, то в чем это выражается? Возможно ли рассчитывать на совместные действия Англии и Афганистана против нас?

Подписал: начальник штаба,
генерал-лейтенант Сахаров.

РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 1594, л. 11–12. Копия.

№ 43

*5 мая 1905 г. — Из протокола Индо-афганской комиссии³
при Обществе востоковедения. Заседание 3-е*

Заседание открыто в 8 часов 40 минут вечера.

А.Е.Снесарев. Иван Константинович Серебренников, снисходя на мою просьбу, прибыл сегодня из Выборга, чтобы поделиться с нами своими впечатлениями о поездке в Индию.

И.К.Серебренников. Несколько лет тому назад в Ташкенте открыты курсы языка индустани и урду, владея которым можно быть понятым большей частью населения Индии, в особенности в северо-западных провинциях, где он является коренным и природным языком туземного населения. Мысль об учреждении курсов индустани в Ташкенте чрезвычайно удачна. В нынешнем году это 4-й выпуск, так что в Туркестане имеется еще до 40 офицеров, основательно знакомых с этим языком. Недостатком школы служит отсутствие практиканта-туземца.

Чтобы применить приобретенные знания к разговорной речи, нужна некоторая практика. Поэтому начальство курсов имеет право ходатайствовать о командировании из каждого выпуска одного офицера в Индию. В 1901 году выбор пал на меня. Выводы, о которых я буду иметь честь доложить, сложились из того, что я лично видел, и из разговоров с лицами, с которыми я сталкивался. К числу таких нужно отнести прежде всего моих учителей языка урду, а затем главным образом случайных собеседников в вагонах. Ездил я обыкновенно во втором классе, чтобы иметь возможность беседовать с туземцами. Сам я не начинал разговоров, но туземцы, всегда держащиеся совершенно в стороне от англичан, обыкновенно делали очень словоохотливыми, как только узнавали, что я русский, и сами начинали со мной разговаривать, преимущественно на темы политического и экономического характера. Общее впечатление от этих разговоров следующее: политическое самосознание у образованных индусов сильно развито, туземцы глубоко ненавидят англичан.

Относясь к Индии поверхностно, можно вынести впечатление благоприятное. Города благоустроены, дороги превосходны. Проезд по железным дорогам баснословно дешев. Англичане не вмешиваются в религиозные и бытовые отношения туземцев. Касты имеют свой суд. Миссионеры на улицах совсем свободно рассуждают о высоких материях, словом, свобода слова полная. Национальные конгрессы (дурбары)⁴ собираются периодически, и на них туземцы не стесняются говорить много горького и обидного по адресу англичан. Индия имеет свой бюджет и не платит никакой дани, в прямом смысле этого слова, англичанам. И все-таки индусы глубоко ненавидят англичан, и заветная их мечта — освободиться от завоевателей. Мною подмечены три главные причины этой ненависти.

а) Незаметное, но систематическое высасывание соков из туземцев. Огромное содержание статс-секретариата⁵ в Лондоне. Оклады чиновников англичан непомерные. Так, чины уездной администрации получают до 1000 рублей в месяц, а индусы на тех же должностях получают гроши. $\frac{1}{5}$ часть военного бюджета платится в Англию за военные материалы. Индия расходует значительную часть своего бюджета на уплату % на капиталы, вложенные англичанами в промышленность в виде займов. Ежегодно строятся на индийский бюджет на северо-западной границе стратегические железные дороги, совершенно бездоходные. Вместе с тем и экономические условия страны чрезвычайно тяжелы. Деньги дороги. Рупия в Индии дороже нашего рубля. Заработная плата ничтожна. Так, прислуга зарабатывает 8–10 рупий в месяц, а чернорабочий — 4–5 рупий. Поденная плата — 8–12 коп., женщины же зарабатывают всего 4 коп. в сутки. Средний бюджет деревенского жителя — 12 рупий в год. В общем, надо сознаться, что ничтожная заработная плата возможна лишь при общей дешевизне жизни, продуктов и ничтожности потребностей. Так, мяса не едят, а для питания бедняка достаточно несколько зерен. Индия несомненно беднеет под владычеством англичан. Дошло до того, что все драгоценности носят женщины поддельные.

б) Явная несправедливость англичан к индусам. Суд только для богатых, бедные ничего не могут добиться судом. Мне пришлось быть в Лякнове на маневрах англо-индийских войск, и я лично видел, как по засеянным полям скакали орудия и проходила пехота без всякого стеснения. Хозяин помятой жатвы только почесывался и охал и на мои вопросы: «Будут ли уплачены убытки?» — заявил мне, что в Индии это не практикуется, суд доступен там только для богатых, а не для бедного крестьянина.

с) Самое главное — пренебрежительное отношение англичан к туземцам. Цвет кожи в Индии — это все: к парикмахеру-индусу европеец не пойдет. Европеец для туземца существо высшее, что выражается в слове «сахиб» (господин), с которым туземец обращается ко всякому европейцу. Туземцы не могут занимать высшие должности по управлению. Европейцы не могут быть в подчинении туземца даже в армии. В результате всей этой системы: горечь в душе индусов и ненависть к англичанам. Конечно, о любви к англичанам не может быть и речи, есть только страх и уважение.

Любопытно, что во всех фортах и укреплениях, охраняемых караулами из туземцев, меня пропускали беспрепятственно, так как им и в голову не приходило, что можно остановить европейца. Интересно также остановиться на отношении индусов к России. Некоторые туземцы не имеют представления о русских. Более образованные индусы очень интересуются Россией, хотя и не всегда обнаруживают правильные понятия. Так, один из них спросил меня, платит ли Россия дань афганскому эмиру, как то делают англичане⁶.

Симпатии к русским несомненны. Один интеллигентный индус, служащий по управлению, сказал мне: «Ваш император помог нам, когда был голод в Индии⁷, а Индия, когда у вас был голод, не могла помочь». У одного из фотографов я увидел на стене портрет нашего Государя. Оказывается, по словам фотографа, что портрет Государя императора встречается у многих индусов. Почтовый чиновник в Люкнове меня предупредил, что за мной следит полиция.

У туземцев несомненна вера в то, что русские придут в Индию. Мне пришлось неоднократно слышать, что сражаться против русских не будут. Я лично убежден в успехе похода на Индию. Мое мнение основано на несомненном недовольстве туземцев нынешним положением.

Заключение: хотя после почти пятимесячного пребывания я покинул Индию почти больной вследствие тяжело перенесенного климата (в апреле уже невыносимые жары), непривычных условий жизни и, наконец, некоторого нервного расстройства, вызываемого условиями исключительного положения, в котором я путешествовал, все же я покидал эту страну с сожалением. Жители ее, те, с которыми я познакомился там, оставили о себе самое симпатичное воспоминание. Я считаю Индию глубоко несчастной страной. Обладающая во многих частях богатейшей почвой и другими неисчислимыми природными богатствами, густонаселенная, имеющая свое славное историческое прошлое, обладательница нескольких древнейших культур, колыбель просвещения, человеческого ума, страна эта имеет полное право на лучшее существование, и заветная мечта лучших ее сынов — о том времени, когда родина их освободится от своих поработителей. Они ждут помощи извне, и, по крайней мере до последнего времени, взоры их обращались в нашу сторону.

По окончании доклада — обмен мнениями.

Народы Азии и Африки, 1989, № 3, с. 95–97.

Примечания

¹ Далее в документе следует обоснование командирования подполковника И.К.Серебренникова в Индию (см. док. № 5).

² Мак-Грегор, Чарльз Меткаф (1840–1887), генерал-майор, родился в Индии, начал военную службу в Индии, служил также в Китае, Абиссинии, Персии, Афганистане, Белуджиста-

не, занимался военно-статистическими исследованиями в этих странах. Принимал участие во второй англо-афганской войне, был начальником штаба. После войны был назначен генерал-квартирмейстером, особое внимание уделял разведке и силам быстрого реагирования, считал неизбежной войну с Россией, свои мысли изложил в книге «The Defence of India» («Оборона Индии»). См.: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 43 и 44. СПб., 1891.

³ Индо-афганская комиссия (Комиссия по изучению Афганистана и Индии) была образована 5 марта 1905 г. в рамках Среднеазиатского отдела Общества востоковедения в Петербурге с целью изучения современного положения и проведения имперской политики в этих странах.

⁴ Национальные конгрессы, собрания патриотически настроенных представителей образованного индийского общества, которые впоследствии в 1885 г. образовали влиятельную националистическую партию Индийский национальный конгресс, обычно не назывались дурбаром. Дурбар в XX в. — собрание владетельных князей Индии, иногда — влиятельных лиц княжества.

⁵ Статс-секретариат в Лондоне — имеется в виду секретариат (министерство) по делам Индии в метрополии.

⁶ По-видимому, имеются в виду субсидии, которые выплачивались афганскому эмиру английским правительством. Так, по Пешаварскому договору 1857 г. англичане обязались выплачивать эмиру Дост Мухаммеду «на военные нужды» 100 000 рупий. Впоследствии размер субсидий пересматривался.

⁷ Голод в Индии второй половины 90-х годов XIX в. вызвал большое сочувствие во всем мире. В России развернулось широкое движение по сбору средств в помощь голодающим. См.: Русско-индийские отношения в XIX в. М., 1997, док. № 145–148.

№ 44–49

29 мая 1901 г. — 15 июля 1902 г. — Документы о пребывании в плену в Индии штабс-капитана Керченской крепостной минной роты А.Н.Шульженко¹

№ 44

*29 мая 1901 г. — Письмо штабс-капитана А.Н.Шульженко
русскому консулу в Коломбо В.К.Шнейдеру
о том, как он попал в плен к англичанам*

Милостивый государь,

Почтительно уведомляю Вас, что я, Александр Николаевич Шульженко, офицер Керченской минной роты, 25 октября 1899 года получил от русских властей разрешение на 6-месячное пребывание за границей, пользуясь которым я проехал в Южную Африку, в Южно-Африканскую республику, где и оставался до 5 апреля 1901 года.

В этот день я добровольно и без всякого на это принуждения направился в английский лагерь в Пит-Ретифском округе, на границе Свазиленда.

Так как я просрочил свой отпуск приблизительно на год, то по русским военным законам, я подлежу исключению из службы и, в случае возвращения в Россию, — заключению в крепости от 6 до 12 месяцев.

Поэтому я почтительнейше прошу Вас уведомить русские военные власти, что я военнопленный и лишен в настоящее время возможности вернуться в Россию. Нет никаких доказательств того, чтобы я нарушил присягу нейтралитета, так как я не был взят на поле сражения, а добровольно явился к англичанам.

Не откажите в любезности сообщить мне, нет ли книг на английском языке о Трансваальской войне² и какие из (слово не разобрано. — *Сост.*). Можно ли достать в Коломбо книгу, озаглавленную «После Претории; партизанская война»?

Прошу также не отказать мне прислать старые русские газеты, которые я Вам возвращу по прочтении.

Так как наш цензор не знает русского языка, прошу ответ Ваш составить на английском или голландском языке.

Заранее благодаря Вас, остаюсь Ваш покорнейший слуга.

Шульженко.

Н.В. Так как я не владею английским языком, вышеизложенное написано моим приятелем.

РГВИА, ф. 802, оп. 10, д. 2797, л. 5–6. Копия. Опубл.: Исторический архив, 1997, № 4, с. 83.

№ 45

9 августа 1901 г. — Из письма военного министра генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу с просьбой способствовать освобождению из плена штабс-капитана А.Н. Шульженко

...Просьба войти в сношение с английским правительством для выяснения обстоятельств, при которых взят в плен означенный офицер... Причем, принимая во внимание, что штабс-капитан Шульженко во всех отношениях прекрасный офицер и отличался всегда честным и добросовестным исполнением всех обязательств по долгу военной службы, я позволю себе особенно просить, не изволите ли, Ваше Сиятельство, признать возможным оказать содействие к скорейшему возвращению его в Россию.

При этом считаю долгом присовокупить, что со стороны Военного министерства будут приняты все меры к тому, чтобы штабс-капитан Шульженко не принимал более никакого участия в Англо-Трансваальской войне.

Военный министр
Генерал от инфантерии Куропаткин.

РГВИА, ф. 802, оп. 10, д. 2797, л. 11. Копия. Опубл.: Исторический архив, 1997, № 4, с. 84.

*22 сентября 1901 г. — Донесение
Генерального консула в Индии В.О. фон Клемма
директору Первого департамента МИД Н.Г.Гартвигу
о получении им письма от штабс-капитана А.Н.Шульженко*

Содержащийся в Ахмед-Нагарском лагере пленных буров³ штабс-капитан Керченской крепостной минной роты Александр Шульженко на днях обратился ко мне и к секретарю Генерального консульства Козакову с письмами, которые вопреки установленным для военнопленных правилам были посланы из Ахмед-Нагара помимо заведующего лагерем или цензора. Копии с обоих этих писем имею честь при сем представить.

Во избежание дальнейших попыток со стороны г. Шульженко сноситься со вверенным мне Генеральным консульством таким незаконным путем, попыток, которые в случае неудачи не преминули бы навлечь на нас справедливое подозрение и неудовольствие англичан, я оставил оба письма без ответа, из чего, я надеюсь, он поймет, что подобный способ сношения нам не желателен.

Не думаю, чтобы стоило возбуждать вопрос о неправильном взятии в плен этого русского офицера. Он сам говорит, что был захвачен с оружием в руках, а в одном из последних номеров «Нового времени»⁴ имеется описание его боевых подвигов в рядах буров. Все, что можно было пока сделать для облегчения его участи, исполнено: он получает письма от родных, снабжается русскими газетами и недавно заведующему лагерем пленных внесены для его надобности 472 рупии, присланные по высочайшему повелению из Главного штаба, и 182 рупии, присланные, вероятно, его родными. За неимением в Ахмед-Нагаре переводчика русского языка и для избавления вверенного мне Генерального консульства от необходимости переводить на английский язык все письма, которые получают на имя Шульженки, заведующий лагерем майор Дикинсон разрешил ему получать письма без предварительной цензуры под честным словом, что в них не будет содержаться ничего противного правилам, установленным для военнопленных. Со временем, быть может, мне удастся выхлопотать еще некоторые льготы для нашего пленного соотечественника, но это должно быть сделано очень осторожно и не иначе, как путем личных словесных сношений с английскими военными властями.

Супруга командующего войсками Бомбейского округа Леди Уестмакот, посетившая недавно вместе со своим мужем⁵ Ахмед-нагарский лагерь, приняла большое участие в г. Шульженке: она вызвала его, беседовала с ним (хотя и не без труда, так как офицер этот говорит только по-французски, да и то чрезвычайно плохо) и, наконец, велела снять с него фотографию, которую она хочет через меня послать его родным.

Леди Уестмакот рассказывала мне о впечатлении, которое произвели на нее пленные буры. Она глубоко возмущается тем, что среди них такое множество детей 12–16-летнего возраста. Она вызвала младшего из них и спросила его, не тяготится ли он очень пленом. «Напротив, — отвечал мальчик, — чем дольше мой плен будет продолжаться, тем лучше, ибо это служит мне доказательством, что там, на родине, борьба за свободу отечества еще продолжается». На вопрос генерала Уестмакота, что бы он сделал, если бы его отпустили, мальчик отвечал просто: «Я стал бы опять воевать против вас». Этот маленький герой был, по

словам майора Дикинсона, дважды захвачен с оружием в руках: первый раз его высекли и отпустили, а второй раз решили удерживать военнопленным. Отец его пал на войне, а мать и младшие братья и сестры томятся в английском лагере в Южной Африке.

На днях в Бомбей прибыла новая партия военнопленных, среди коих многие оказались больными корью, почему партия и содержится пока в карантине.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугой.

В.Клемм.

Надпись на первой странице документа: «Мне кажется, надо сообщить это воен[ному] м[инист]ру».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 915, л. 96–97 и об. Подлинник. Опубл.: Исторический архив, 1997, № 4, с. 85–86.

№ 47

*1 октября 1901 г. — Письмо штабс-капитана
А.Н.Шульженко Генеральному консулу в Бомбее
В.О. фон Клемму о взятии его в плен и с просьбой о помощи*

Не откажите в Вашем совете по некоторым вопросам. Я, штабс-капитан Керченской крепостной минной роты Александр Шульженко, в октябре 1899 года получил заграничный отпуск и поехал в Южную Африку для изучения войны на свой страх и риск. Здесь я пробыл 15 месяцев при командах буров и наконец решил вернуться в Россию. Так как все выходы были заняты англичанами, то я направился добровольно в английский лагерь при г. Пит-Ретиве. Дорогой через кафрскую страну я подвергся нападению кафров⁶, которые захватили меня и представили в лагерь Ланкаширского полка 6-го апреля. Со мной была винтовка (к сожалению, не успел пустить ее в ход по этим негодьям), которую имел для обороны от кафров, разбойничавших в этой местности. Участия моего в войне и нарушения нейтралитета англичане доказать не могут. Так как эта война затянется еще на несколько лет, то не могу ли я через Вас ходатайствовать о назначении суда и следствия для доказанья нарушения мною нейтралитета. Пока участие мое в войне не доказано, я имею право пользоваться покровительством русских законов.

Кроме этого, не могу ли я ходатайствовать через Вас о предоставлении мне, как русскому офицеру, некоторой свободы на слово, хотя бы только ежедневно прогуливаться по окрестностям Ахмеднагара. Мы здесь сидим в форте, как разбойники, и только два раза в неделю имеем часовую прогулку под сильным конвоем. За злоупотребление мной свободой англичане могут назначить какие угодно наказания до расстреливания включительно. Или, может быть, в обеспечение моего слова я могу представить некоторую сумму денег.

Мой заграничный отпуск давно просрочен, и по возвращении в Россию меня ожидает, вероятно, отсидка в крепости.

Преданный Вам и проч.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 915, л. 98 и об. Копия.

*12 февраля 1902 г. — Донесение
Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма
директору Первого департамента МИД Н.Г.Гартвигу
о его посещении штабс-капитана А.Н.Шульженко
в лагере военнопленных*

Канцелярия Военно-Ученого комитета секретным отзывом от 18 декабря минувшего года за № 477 уведомила меня, что Государю Императору было благоугодно повелеть ассигновать штабс-капитану Шульженко, содержащемуся в лагере пленных буров в Ахмед-Нагаре, получаемое им на службе содержание впредь до его освобождения из плена и переводить ему эти деньги через мое посредство под видом пособий от его родственников. К тому отзыву приложена была и первая ассигновка для этого офицера.

О таковой монаршей милости я не мог сообщить г. Шульженке по почте, так как письмо мое могло легко пройти через английскую цензуру. С другой стороны, я опасался, что Шульженко, просивший своих родственников, людей, по видимому, небогатых, не посылать ему денег, будет отказываться принимать и расходовать деньги, пересылаемые ему мною в виде пособия от родных. Единственным выходом из этого затруднительного положения было личное свидание с пленным, к каковому средству я и решил прибегнуть.

Совершенно частным образом я исходатайствовал себе у Бомбейского губернатора⁷ разрешение на посещение лагеря буров в Ахмед-Нагаре и на свидание с соотечественником, каковое разрешение и было дано мне без всякого колебания и даже, по-видимому, с полною готовностью.

7/20 февраля я прибыл в Ахмед-Нагар и в тот же день виделся с шт. кап. Шульженко в канцелярии лагеря, а на следующее утро мне было даже разрешено совершить с ним довольно продолжительную прогулку в пределах укрепления.

Я застал г. Шульженко совершенно здоровым и бодрым.

Вопреки тому, что говорилось оппозиционной прессою в Индии и Англии, г. Ахмед-Нагар должен быть признан в климатическом отношении довольно здоровою местностью; это один из немногих населенных пунктов Бомбейского президентства, где в настоящее время совершенно нет чумы. Лагерь пленных помещается в старинном туземном укреплении, обнесенном довольно высокою стеной и крепостным рвом. Пленные живут в бараках из гофрированного железа, довольно высоких и просторных, но, должно быть, очень жарких при настоящей температуре дня. Офицеры помещаются отдельно, хотя не пользуются почти никакими другими льготами и преимуществами перед обыкновенными «бургерами»⁸. Провизия отпускается в достаточном количестве, но пленные сами должны варить себе пищу, которая вследствие этого получается не совсем вкусною. Не возбраняется имеющим на то средства покупать себе консервы у маркитанта, разрешается также курить табак, но всякие спиртные напитки запрещены простым пленным и разрешаются лишь по особой просьбе и в малом количестве офицерам. Пленные, опять-таки за исключением офицеров, должны сами убирать свои камеры, и лишь для самых грязных работ нанимаются туземцы. Площадь, на которой расположены бараки, обнесена двойной загородкой из колючей проволо-

ки, за которую пленные могут выходить лишь с особого разрешения и не иначе, как под конвоем (исключение было сделано для ш. к. Шульженко при моем посещении). С наружной стороны изгороди стоят часовые. Два раза в неделю пленные, в том числе и офицеры, выводятся из укрепления на общую прогулку под конвоем. Заведующий лагерем майор Дикинсон рассказывал мне, что он ходатайствовал о разрешении пленным офицерам прогуливаться свободно, под честным словом, но высшее начальство на это не согласилось, высказав мнение, что на честное слово бугра положиться нельзя. Впрочем, пленным офицерам разрешено было выходить на прогулки в сопровождении английских офицеров, которые пожелали бы взять их с собою под свою ответственность, это показалось, однако, тем и другим настолько стеснительным, что никто этой льготой не пользуется.

Хотя таким образом разница между офицерским и общим помещениями пленных не особенно значительна, мне было, тем не менее, очень неприятно узнать, что шт. кап. Шульженко содержится не в офицерском отделении, а в общих бараках. Очевидное неудовольствие мое, когда я узнал об этом, отразилось на моем лице, ибо майор Дикинсон, не ожидая моего вопроса, поспешил сложить с себя вину. По его словам, подтвержденным и г. Шульженко, он поместил последнего на первых порах с офицерами и донес о том по начальству, мотивировав свое распоряжение тем, что Шульженко русский офицер, но вскоре пришло приказание свыше перевести его обратно в общие бараки, так как, согласно наведенным справкам, он не был офицером в «бурской» армии.

На вопрос, нельзя ли что-нибудь сделать для облегчения участи моего соотечественника, майор Дикинсон сказал, что освобождение его из плена зависит исключительно от лорда Киченера⁹ и Военного министерства в Лондоне, но индийские власти могли бы, если б им угодно было, разрешить ему проживать на свободе под честным словом и под известным надзором. Он посоветовал мне даже похлопотать об этом. Лично майор Дикинсон показался мне действительно расположенным к Шульженко, который, по его словам, пользуется большой популярностью в лагере за свое добродушие, обходительность, щедрость и всегдашнюю готовность помочь пленным сотоварищам.

Других пленных я видел только издали, между ними есть седые старики и немало (до 60 человек) детей и юношей. Когда маленький 12-летний бур бывает дежурным по лагерю и выходит за черту изгороди, его также сопровождает высокий английский часовой с заряженным ружьем. Говорят, что это очень забавная картина, над которой немало потешаются сами англичане. На днях все дети и старики Ахмед-нагарского лагеря будут переведены в м. Сатару, чтобы очистить место для новой партии пленных. Говорят, что в Сатаре пленным будет предоставлено несколько больше свободы.

Шт. кап. Шульженко говорил мне, что, по дошедшим до него сведениям, в других лагерях пленных были случаи освобождения из плена отдельных иностранцев, преимущественно немцев и американцев, по особым ходатайствам о них. Он хотел навести более подробные справки об этом и сообщить мне фамилии освобожденных.

Если представится возможность сделать что-либо частным образом для нашего офицера, то я не премину воспользоваться случаем, чтобы облегчить его участь, но ввиду затаенного недоброжелательства ко всему русскому, господствующего среди англичан в Индии, опасаясь, что мои хлопоты едва ли увенчаются большим успехом.

С глубоким почтением и таковою же преданностью честь имею быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

В.Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 920, л. 48–50 и об. Подлинник. Оубл.: Исторический архив, 1997, № 4, с. 87–89.

№ 49

15 июля 1902 г. — Донесение

*Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма
директору Первого департамента МИД Н.Г.Гартвигу
об освобождении штабс-капитана Шульженко из плена*

Невзирая на заключение мира в Южной Африке¹⁰, англичане до сего времени продолжают держать в Индии с неизменной строгостью не только пленных буров, но и иностранцев, захваченных на театре войны. Мои неоднократные попытки добиться частным образом освобождения штабс-капитана Шульженки не увенчались успехом, и, весьма вероятно, нашему соотечественнику пришлось бы еще довольно долго просидеть в плену, если б я не обратился к помощи местной английской прессы.

По моей просьбе редактор газеты «The Times of India»¹¹ Фрезер, с которым со времени посещения Бомбея Великим Князем Борисом Владимировичем¹², у меня установились очень хорошие отношения, поместил в своей газете довольно резкую статью по адресу англо-индийских военных властей и их отношений к военнопленным иностранцам. В статье этой, в виде примера, приведено было отношение этих властей к штабс-капитану Шульженко, которому без всякого видимого основания отказано было даже в просьбе поселиться у меня впредь до полного освобождения из плена. Г.Фрезер напомнил, между прочим, своим соотечественникам, что немало предприимчивых бриттов сражалось против русских в последнюю русско-турецкую войну¹³. Статья эта имела магическое действие. Дня через два после ее появления я стал получать со всех сторон телеграммы и бумаги с запросами, желаю ли я взять на поруки г. Шульженко и берусь ли я отправить его на родину на собственный счет.

Фрезер рассказывал мне, что заведующий лагерем пленных буров в Индии выразил ему неудовольствие по поводу означенной статьи, но он ему тотчас же ответил, что он поместит еще гораздо более резкую отповедь по его адресу, если Шульженко не будет тотчас же разрешено переехать из Сатары на жительство в русское консульство¹⁴.

На прошлой неделе штабс-капитан Шульженко был освобожден и прибыл ко мне, а в четверг 18/31 июля я отправляю его отсюда на французском пароходе в Порт-Саид для дальнейшего следования в Одессу¹⁵.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

В.Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 915, л. 94 и об. Подлинник. Оубл.: Исторический архив, 1997, № 4, с. 89–90.

Примечания

¹ Шульженко Александр Николаевич (1869 — после 1903) поступил на службу вольноопределяющимся в 1886 г., окончил курс в двухгодичном отделении при Московском пехотном юнкерском училище в 1886–1888 гг. В октябре 1899 г. он получил заграничный отпуск и поехал в Южную Африку, где пробыл 15 месяцев, сражаясь на стороне буров. В одном из боев вынес раненного в ногу А.И.Гучкова, будущего председателя 3-й Государственной Думы. Решив вернуться на Родину, А.Н.Шульженко направился в английский лагерь при г. Пит-Ретиве, но по дороге был схвачен кафрами и препровожден в лагерь Ланкаширского полка. Англичане не могли доказать, что он участвовал в военных действиях, но он был захвачен кафрами с оружием, поэтому его отправили в лагерь военнопленных в Индию.

² Трансваальская (Англо-Трансваальская см. ниже в тексте, англо-бурская в русской историографии) война 1899–1902 гг. — война Великобритании против бурских республик Трансвааля (официальное название — Южно-Африканская республика) и Оранжевой (Оранжевое Свободное государство). Территории этих республик перешли к Англии после окончания Наполеоновских войн. После открытия в 70-х годах XIX в. месторождения золота в Трансваале началось соперничество Англии и Германии за доминирование в этой части Африки. В начале войны ополчению буров (потомков голландских первопоселенцев на юге Африки) сопутствовала удача, но, после того как Великобритания перебросила значительную часть своих войск в Африку, они были вынуждены перейти к тактике партизанской войны. Англичане часто сгоняли мирное население, а также военнопленных в концентрационные лагеря, некоторых депортировали в Индию. Англо-бурская война закончилась подписанием мирного договора, по которому признавалось присоединение обеих республик к Британской империи.

³ Буры — потомки европейских, главным образом голландских, поселенцев на юге Африки.

⁴ «Новое время» — одна из крупнейших русских газет, издававшаяся в Петербурге в 1868–1917 гг., с 1869 г. — ежедневная.

⁵ Имеется в виду генерал-майор Ричард Вестмакот.

⁶ Кафр (от араб. «кяфир» — «неверный») — уничижительное название европейцами негроидного населения юга Африки или только восточной части Капской провинции.

⁷ Бомбейским губернатором в 1900–1903 гг. был Генри Стаффорд Норскот.

⁸ Бургер — самоназвание буров, особенно граждан Трансвааля.

⁹ Китченер, Горацио Герберт (1850–1916), английский фельдмаршал с 1906 г., военный министр с 1914 г., проходил службу главным образом в колониальных войсках в Азии и Африке, начальник штаба в англо-бурской войне, в 1902–1909 гг. — главнокомандующий англо-индийской армией, провел военную реформу в Индии.

¹⁰ Мирный договор был заключен 31 мая 1902 г. в г. Претория.

¹¹ «Таймс оф Индия» — англоязычная газета, начала выходить с 1861 г. в Бомбее.

¹² Весной 1902 г. Индию посетил великий князь Борис Владимирович (1877–1943), двоюродный брат Николая II, см. док. № 70–72.

¹³ Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг.

¹⁴ Консул В.О. фон Клемм нашел способ отблагодарить журналиста за доброе отношение к военнопленному русскому: когда в 1903 г. Фрезер собирался посетить Россию, на бланке Российского императорского Генерального консульства в Бомбее за подписью В.О. фон Клемма ему был предоставлен Открытый лист: «Императорское Российское Генеральное консульство в Бомбее покорнейше просит российские гражданские и военные власти, коим настоящая бумага будет предъявлена, не отказать в зависящем содействии предъявителю ее, великобританскому подданному г-ну Фрезеру, редактору газеты „Times of India“, который отправляется в Россию через Манчжурию и Сибирь. Генеральное консульство имеет честь при том пояснить, что г. Фрезер неоднократно оказывал ему услуги и, между прочим, способствовал освобождению из плена одного русского офицера, захваченного в Южной Африке, и что этот журналист лично известен Его Императорскому Высочеству Великому Князю Борису Владимировичу,

когого он имел счастье принимать у себя во время поездки Его Высочества по Индии». (АВПРИ, ф. Ген. консульство в Бомбее, оп. 779, д. 30, л. 15).

¹⁵ Штабс капитан Александр Николаевич Шульженко прибыл к месту службы 16 августа 1902 г., просрочив свой отпуск на 2 года 7 месяцев и 19 дней (РГВИА, ф. 802, оп. 10, д. 2797, л. 12).

№ 50—59

2 ноября 1901 г. — 17 апреля 1904 г. — Документы об условиях работы Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма и о наблюдении за ним со стороны англо-индийской администрации

№ 50

2 ноября 1901 г. — Секретное донесение Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма директору Первого департамента МИД Н.Г.Гартвицу о действиях, которые необходимо предпринять для получения нужной информации о положении дела на северо-западной границе Индии, в Афганистане и Белуджистане

Милостивый Государь Николай Генрихович!

Во исполнение преподанной мне императорским министерством инструкции¹, мною приняты были меры к подысканию в главных пунктах северной Индии надежных агентов, от которых можно было бы черпать сведения о положении дел на северо-западной границе Индии, в Афганистане и Белуджистане. Задача эта представляется далеко не легкой ввиду особых условий, в которых находится вверенное мне Генеральное консульство.

По имеющимся у меня достоверным сведениям, англо-индийские власти все еще смотрят с крайним подозрением на нас и все чины консульства находятся под постоянным и бдительным надзором полиции. Прислуга как канцелярская, так и лично моя и секретаря, и драгомана консульства, очевидно, обязана рапортовать полиции о каждом нашем шаге. Письма и пакеты, получаемые по почте, носят нередко следы весьма бесцеремонного вскрытия и иногда доставляются нам даже незаклеенными вновь. По словам одного из высших здешних чиновников (ирландца), о каждой нашей поездке исписываются целые тома специально командированными всякий раз сыщиками и полицейскими управлениями посещаемых нами местностей.

Если прибавить к этому, что туземцы Индии питают чрезвычайный страх перед полицией, не стесняющейся прибегать к самым страшным пыткам*, то

---

* Существование пыток в Индии — факт общеизвестный и часто разоблачаемый в газетах (примеч. автора).

станет ясно, как трудно организовать разветвленную часть консульства и найти для сего подходящих людей. С другой стороны, однако, нельзя ограничиваться лишь одними газетными сведениями и теми отрывочными данными, которые удастся черпать иногда из разговоров с крайне скрытными и сдержанными англичанами.

Обсудив дело это обстоятельно, я пришел к заключению, что от непосредственных отношений с разведчиками и получения прямо от них их донесений надо раз навсегда отказаться и что добывание сведений может быть установлено лишь при помощи одной или двух промежуточных инстанций.

Случайно мне удалось напасть на одного кашмирского выходца, проживающего в г. Дели, который мог бы, мне кажется, быть нам весьма полезным. Человек этот знает хорошо северную Индию и Афганистан и имеет знакомых среди афганских должностных лиц в Кабуле. Но для того, чтобы обойти индийскую полицию и дать этому человеку возможность действовать успешно, не навлекая на себя подозрения, было бы необходимо придать ему вид агента какой-нибудь русской фирмы, через которую он и мог бы доставлять консульству свои сведения.

Проживающий в Бомбее агент торгового дома Манташев и К² дворянин Дунин³ весьма обязательно соглашается принять на себя посредничество между консульством и секретным агентом в Дели⁴ и готов отпускать последнему керосин с возможными скидками, дабы он мог открыть небольшой склад его в Дели. Это обстоятельство не спасет, конечно, кашгарца от надзора полиции, а потому лично он не будет в состоянии часто разъезжать по пограничным местностям и посылать нам по почте большие донесения, а должен будет содержать для этого своих разведчиков, одного — для Пешаварского района, другого — для Кветтского, и для доклада о собранных этим путем сведениях ему надо будет приезжать периодически в Бомбей⁵. Это, по-видимому, единственный способ постановки дела, при котором можно ожидать благоприятных результатов.

Сумму, потребную на устройство этой разведочной части, можно вычислить приблизительно следующим образом: секретному агенту надо дать не менее 50 рупий в месяц, каковая сумма может быть отпускаема ему керосином, на содержание двух толковых разведчиков ему надо будет дать по 25 рупий на каждого, всего 50 рупий, и на разъезды его разведчиков пойдет приблизительно 50 рупий в месяц, а всего около 150 рупий, или приблизительно 100 рублей. В год весь расход составит около 1200 рублей⁶.

Докладывая о вышеизложенном Вашему Превосходительству, имею честь почтительнейше просить меня уведомить, признает ли императорское министерство возможным разрешить мне производить этот расход с отнесением его на экстраординарные суммы министерства.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга

Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 915, л. 107–108 и об. Подлинник.

№ 51

*29 августа 1902 г. — Секретная телеграмма
Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма в МИД
о требовании индийских властей
постоянно жить в Бомбее*

Индийское правительство требует, чтобы я безвыездно жил в Бомбее, а летом в Пуне. Должен ли я подчиниться такому произволу. Никакого закона, ограничивающего право иностранцев разъезжать, проживая где-нибудь в Индии, не существует. Живу теперь с семьей на даче Деолали⁷, близ Бомбея.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 921, л. 153. Подлинник.

№ 52

*5 сентября 1902 г. — Секретная телеграмма
Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма в МИД
о выборе им места жительства и о реакции на то
англо-индийской администрации*

Возражение английского правительства действительно только уловка. Российское консульство есть и всегда было в городе Бомбее. Пуна, как и Деолали, всего в четырех часах езды, служит дачным местом, где всегда большое европейское общество. По климатическим соображениям ради детей я поселился там прошлой зимой с семьей, прибывшею в ноябре, но на доме флага не поднимал, щита не прибывал, даже на доске у входа значилась только фамилия моя без звания «Русский консул». Постоянно наезжал в Бомбей, проживая в консульстве иногда по несколько дней. Единственная долгая отлучка была во время поездки с Великим князем Борисом Владимировичем⁸. Штатные консулы других держав, случайно холостые или бездетные, живут, правда, больше в Бомбее, ввиду множества консульского дела и частых приходов судов, чего у меня нет, но и они нередко выезжают в разные дачные места, где живут иногда довольно долго. Имею письменные доказательства намерений австрийского и германского консулов поселиться также в случае приезда жены первого и назначения второму помощника, копии представляю. Если возможно, очень желательно отстоять мое право жить, где угодно. Слышал здесь, что австрийский консул в Батуме постоянно ездит в Баку и долго там проживает.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 921, л. 155 и об.

№ 53

30 ноября 1903 г. — Из записки
по иностранному департаменту правительства Индии
относительно местонахождения консула России в Бомбее
В.О. фон Клемма

Граф Бенкендорф⁹ в беседе с сэром Томасом Сандерсоном¹⁰, состоявшейся в Министерстве иностранных дел 30 мая 1903 г., согласился с тем, что г-н Клемм по своему служебному положению должен проживать в Бомбее, и дал понять сэру Томасу, что г-н Клемм мог бы быть и заменен. Правительство Его Величества¹¹ официально не выразило никакого недовольства, и графу Бенкендорфу было сообщено, что оно предпочло бы не поступать подобным образом, если бы данный вопрос можно было бы разрешить иначе.

Год заканчивается, а к нам не поступило из Англии никаких известий относительно смещения г-на Клемма. Сообщения, полученные через Специальный отдел из Бомбея, показывают, что г-н Клемм 28 октября вернулся из Пондишери в Бомбей, а 7 ноября уехал в Пуну и сейчас, «вероятно, находится в резиденции в Пуне».

Было бы хорошо убедиться в верности последнего сообщения прежде, чем представлять эту информацию Его Превосходительству вице-королю¹²...

Е.Х.С.Кларк¹³.

NAI, Foreign Department Notes, Secret-F. February 1905. № 1-16, Movements of Mons. W. De Klemm, Russian consul at Bombay. Пер. с англ. составителя.

№ 54

21 декабря 1903 г. — Телеграмма вице-короля Индии
лорда Керзона государственному секретарю по делам Индии
Уильяму Бродрику¹⁴ о действиях в отношении консула
В.О. фон Клемма

Пожалуйста, посмотрите записку сэра Томаса Сандерсона от 2 июня и письмо из «Индия оффис»¹⁵ от 23 июля Министерству иностранных дел. Предприняты ли какие-либо дальнейшие действия в отношении г-на Клемма? 28 октября он вернулся в Бомбей из Пондишери; 7 ноября он уехал в Пуну, где находится его семья, и практически живет там, совершая периодически кратковременные поездки в Бомбей. Г-н Клемм, без сомнения, мог бы проводить всю зиму со своей семьей в Пондишери, где климат ничуть не лучше, чем в Бомбее. Нельзя ли оказать давление на консула, чтобы семейные дела не мешали ему постоянно пребывать в Бомбее, как всем другим консулам.

NAI, Foreign Department Notes, Secret-F. February 1905. № 1-16, Movements of Mons. W. De Klemm, Russian consul at Bombay, № 1. Пер. с англ. составителя.

№ 55

27 января 1904 г. — Письмо
Министерства иностранных дел Великобритании
послу Великобритании в России Ч. Скотту о беседе
с графом Бенкендорфом, послом России в Великобритании,
о нежелательности пребывания в Пуне российского консула

Сэр; я еще раз сегодня выразил русскому послу недоумение правительства Индии по поводу поведения м-ра Клемма, русского консула в Бомбее. Русское правительство получило разрешение на назначение своего консула в этот важный порт, но м-р Клемм упорно продолжал пребывать в Пуне, которая была центром многих местных интриг и расположена в 100 милях от Бомбея. Более того, мы были информированы, что он намеревался путешествовать в течение нескольких месяцев по Северной Индии, против чего возражало правительство Индии.

Я просил графа Бенкендорфа проявить любезность и рассмотреть этот вопрос, что он и пообещал сделать.

Остаюсь...

NAI, Foreign Department Notes, Secret-F. February 1905. № 1-16, Movements of Mons. W. De Klemm. Russian consul at Bombay. Пер. с англ. составителя.

№ 56

5 марта 1904 г. — Секретное донесение агента
генерал-губернатора в Центральной Индии майора Х. Дейли¹⁶
министру иностранных дел правительства Индии Л. У. Дейну¹⁷
о действиях консула В. О. фон Клемма, посетившего Гвалиор

Герберт¹⁸ сообщает из Гвалиора, что г-н Клемм, русский консул в Бомбее, прибыл в Гвалиор из Бомбея вечером 3 февраля 1904 г. почтовым поездом и отправился в гостевой дом. Дурбар, согласно требованию, содержащемуся в телеграмме Герберту от 1 числа того же месяца от секретаря политического департамента правительства Бомбея, принял меры, чтобы создать для него необходимые удобства. Эта телеграмма поступила в Гвалиор, когда сам Герберт отсутствовал, он был в лагере, на нее должным образом отреагировало его ведомство. В тот же вечер г-н Клемм направился в резиденцию, чтобы встретиться с Гербертом, но так как Герберт все еще был в лагере, он оставил свою визитную карточку и вернулся в гостевой дом.

Утром 4-го числа из Джханси прибыл какой-то европеец и остановился у г-на Клемма в гостевом доме. Около 11 часов утра они вместе отправились в форт и вернулись в 3 часа дня, сделав несколько снимков, которые проявили в гостевом доме.

4-го числа в 7 часов вечера они поездом уехали из Гвалиора в Агру, причем господин Клемм оставил Герберту вежливую записку с выражением благодарности и с просьбой передать свою признательность махарадже¹⁹ за разрешение воспользоваться гостевым домом и с сообщением о том, что он отправляется вечером в Агру.

Герберт добавляет, что г-н Клемм, по-видимому, не делает секрета из своих перемещений и что, как он выяснил у старшего офицера полиции округа в Агре, тот слышал о том, что г-н Клемм едет в Агру. Я уже информировал вас, что махараджа Синдхия сообщил Герберту, что он не видел г-на Клемма. Когда я был на прошлой неделе в Гвалиоре, Его Высочество в беседе случайно упомянул, что русский консул приезжал в Гвалиор, но что он (Его Высочество) его не видел, хотя тот и заходил во дворец. Я просил Герберта выяснить, если возможно, кто был этот господин из Джханси или, по крайней мере, описать его.

NAI, Foreign Department Notes, Secret-F. February 1905. № 1-16, Movements of Mons. W.De Klemm, Russian consul at Bombay. Пер. с англ. составителя.

№ 57

*11 апреля 1904 г. — Сообщение
чиновника иностранного департамента
правительства Индии Д.Е.Маккрекена²⁰
об уточнении информации о беседе Генерального консула
в Бомбее В.О. фон Клемма с махараджей Синдхия*

Я обещал сообщить результаты дальнейшего расследования по вопросу о беседе, якобы состоявшейся между г-ном Клеммом, русским консулом в Бомбее, и махараджей Синдхия, во время посещения первым Гвалиора 4 февраля 1904 г.

Специальный отдел соединенных провинций информирует, что инспектор Фергюсон, которому было поручено следовать за г-ном Клеммом, докладывает:

«В 9 часов утра г-н Клемм ушел из гостевого дома во дворец и оставался там до 11 часов. Что он делал там — неизвестно».

Очевидно, что инспектор Фергюсон сделал поспешный вывод о том, что г-н Клемм «имел двухчасовую беседу с махараджей», исходя из того, что г-н Клемм оставался во дворце в течение двух часов.

Так как Его Высочество сказал майору Герберту, что он не видел г-на Клемма, мы должны поверить словам Его Высочества.

Иностраннный департамент. Д.Е.Маккрекен.

NAI, Foreign Department Notes, Secret-F. February 1905. № 1-16, Movements of Mons. W.De Klemm, Russian consul at Bombay. Пер. с англ. составителя.

№ 58

*16 апреля 1904 г. — Запрос чиновника
Министерства иностранных дел Великобритании
в «Индия оффис» о слежке за Генеральным консулом в Бомбее
В.О. фон Клеммом и о его замене в связи с длительными
и частыми поездками в Пуну*

Сообщается, что в связи с информацией о том, что г-н Клемм прервал поездку, которую он предполагал совершить по Северной Индии, лорд Лансдоун

полагает, что Государственный секретарь по делам Индии²¹ не будет больше считать необходимым предложенное ранее наблюдение за ним.

Предложение о необходимости пристального наблюдения за г-ном Клеммом исходило из иностранного департамента правительства Индии и было вызвано его длительным пребыванием в Пуне, на которое ему не давалось разрешения. По получении копии этого письма в «Индия оффис» мы послали его в специальный отдел для ознакомления. Они, без сомнения, издали приказ о необходимости ведения пристального наблюдения за передвижением г-на Клемма, поскольку мы регулярно получали от них сообщения о его передвижениях. Когда мы сообщили, что г-н Клемм отправился в свое длительное путешествие по Северной Индии, «Индия оффис» запросил Министерство иностранных дел, считает ли лорд Лансдоун целесообразным осуществить предложенное выше пристальное наблюдение за г-ном Клеммом. Вслед за этим письмом они прислали сообщение о неожиданном возвращении г-на Клемма в Бомбей. Ссылаясь на это последнее сообщение, Министерство иностранных дел обращается с запросом в «Индия оффис», считает ли «Индия оффис» необходимым наблюдение за г-ном Клеммом, принимая во внимание его возвращение в Бомбей. Г-н Клемм, как и прежде, несколько раз ездил в Пуну и явно не намеревается делать Бомбей своей постоянной резиденцией. Правительство Индии возражает против этого и очень хочет иметь в Бомбее вместо него другого консула. Но хотя граф Бенкендорф дал понять сэру Т.Сандерсону в мае 1903 г., что есть намерение заменить г-на Клемма, с тех пор русское правительство ничего не сделало в этом направлении. Мы, конечно, можем дать указание специальному отделу прекратить наблюдение за передвижением г-на Клемма между Пуной и Бомбеем, но, до тех пор пока его семья находится в первом из этих пунктов, он будет основную часть своего времени проводить там, и, если мы хотим настоять на том, что консул должен постоянно жить в Бомбее, нам необходимо знать, сколько времени он отсутствует, что возможно, лишь ведя наблюдение за его передвижениями.

Г.В.М.²² 16.04.1904.

NAI, Foreign Department Notes, Secret-F. February 1905. № 1-16, Movements of Mons. W. De Klemm, Russian consul at Bombay, № 16. Пер. с англ. составителя.

№ 59

*17 апреля 1904 г. — Докладная записка
по иностранному департаменту правительства Индии
о слежке за консулом В.О. фон Клеммом*

Мне кажется, что правительство Его Величества, которое первоначально стремилось поставить г-на Клемма в жесткие рамки, поскольку в такие рамки был поставлен наш консул в Севастополе, отказалось от этого. Однако правительство Индии не меняет своей позиции. Мы не хотим, чтобы г-н Клемм проводил вне Бомбея лучшую часть года. Мы можем сами вести наблюдение за его передвижениями. Единственный документ, который мы получили из «Индия оффис» с последней почтой, была копия документа из Министерства иностранных дел Великобритании, запрашивающего, считает ли Государственный секре-

тарь по делам Индии необходимым наблюдение за г-ном Клеммом теперь, когда он прервал свою поездку по Северной Индии. Возможно, мы вскоре получим копию ответа мистера Бродрика. До этого нам нет надобности предпринимать какие-либо действия.

Е. Х. С. Кларк
Л. У. Дэйн.

Надпись на полях: «Мы никогда ничего больше не слышали по этому вопросу. Е. Х. Кларк, 14.12.1904».

NAI, Foreign Department Notes, Secret-F. February 1905. № 1–16, Movements of Mons. W. De Klemm, Russian consul at Bombay. Пер. с англ. составителя.

Примечания

¹ В фонде «Генеральное консульство в Бомбее» (АВПРИ, ф. 214, оп. 779, д. 11, л. 2 и об.) сохранилась копия подписанного военным министром генералом от инфантерии А. Н. Куропаткиным Наставления для деятельности негласного военного агента в Индии: «1) Наблюдение за системой комплектования, составом, численностью и организацией вооруженных сил Индии... 2) Наблюдение за воспитанием, тактическим обучением и развитием военного образования в войсках. 3) Наблюдение за расквартированием войск... 4) Доставка сведений о числе и составе отрядов: а) отправляемых из Индии на другие театры войны... и б) отправляемых в экспедиции против пограничных племен, в случае восстания, и о действиях таких отрядов. 5) Доставка сведений о санитарном состоянии войск в Индии... 6) Доставка сведений о вооружении, обращая внимание на употребляемые англо-индийской армией пули (не пользуются ли пулями dum-dum, которые изготовлялись раньше в Индии, и разрывными), какие пули имеются в патронных складах, особенно на северо-западной границе, на случай войны с Россией. 7) Изучение оборонительных средств страны... арсеналов, складов и пр. В этом вопросе следует обратить особое внимание: а) на состояние путей и укреплений в горных проходах Памира и Афганистана, так, например, желательнее знать, действительно ли приступлено в настоящее время к разработке прямой дороги между Кабулом и Гератом и если приступлено, то в каком положении находится постройка этой дороги. Приобретение планов и карт... 8) Изучение вопроса в отношении офицеров-англичан к туземным офицерам и солдатам, не вызывают ли эти отношения, обыкновенно грубые и пренебрежительные, вспышек недовольства в туземных войсках, особенно в туземных офицерах. 9) Тщательная проверка существующего мнения о том, что появление серьезного неприятеля на границах Индии вызовет в ней поголовное восстание. 10) Доставка сведений о вооруженных силах и настроении народных масс и правительств в сопредельных государствах, входящих в сферу влияния Индии».

² «А. И. Манташев и К^о» — нефтепромышленное и торговое общество, основанное в 1899 г. сыном тифлисского купца Манташевым Александром Ивановичем (1849–1911), ставшим затем одним из богатейших предпринимателей России. Обществу принадлежали нефтяные промыслы в Бакинской губернии, керосиновый и машинного масла заводы, пароходы, цистерны по перевозке нефти. Акционерный капитал общества, составлявший в 1899 г. 22 млн. руб., в 1914 г. возрос до 30 млн. руб. Акции общества обращались на Санкт-Петербургской и Московской биржах. В Индии конторы и склады этой фирмы сначала были в трех городах — Бомбее, Калькутте и Карачи. Но затем из-за убытков, которые общество «А. И. Манташев и К^о» понесло во время беспорядков в 1905 г. в Баку, когда было сожжено много нефтяных вышек, контора в Калькутте была закрыта.

³ Лицо не установлено.

⁴ Русским разведчиком был Шамсуддин Касым-хан, выходец из Кашгара, но большую часть своей жизни проведший в Ташкенте в квартале Кыят. Примерно в 1880 г. он покинул пределы Российской империи и поселился в Дели.

⁵ 6 сентября 1902 г. Генеральный консул В.О. фон Клемм доносил в МИД: «Он имеет открыть склад русского керосина в Пешаваре и отправлять его оттуда в Джелалабад, Кабул, Газни и другие пункты Афганистана, а также по возможности в сторону Читрала. Сношения с ним будут производиться через агентство одной русской фирмы в Карачи. В случае каких-либо важных сведений, он будет приезжать в Бомбей, но сколь возможно реже, чтобы не навлекать напрасно на себя подозрения» (АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 921, л. 208).

⁶ «...20 дня июня с.г. Государю императору благоугодно было соизволить на ежегодный отпуск Генеральному консулу в Бомбее на устройство разведочной части в северной Индии одной тысячи двухсот рублей, с отнесением сего расхода на предельный бюджет вверенного мне Министерства по смете Главного штаба» (АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1024, л. 35).

⁷ Деолали — благоприятное в климатическом отношении место в 113 милях от Бомбея, сборный пункт английских частей, отправлявшихся из Индии в Англию.

⁸ Речь идет о пребывании в Индии в 1902 г. великого князя Бориса Владимировича (1877–1943), которого В.О. фон Клемм сопровождал в его поездках по стране (см. док. № 70–72).

⁹ Бенкендорф Александр Константинович (1849–1917), русский дипломат, на дипломатической службе с 1869 г., в 1897–1903 гг. был послом России в Дании, 1903–1905 гг. — посол в Великобритании, с 1905 г. — конфиденциальный посредник между Россией и Англией; остался жить в Англии, где и умер.

¹⁰ Сандерсон, Томас Генри (1841–1923), английский дипломат, в 1894–1906 гг. был постоянным заместителем министра иностранных дел Великобритании, в 1909–1910 гг. — председатель индийского эмиграционного комитета, в 1911–1918 гг. — председатель совета Королевского общества искусств.

¹¹ Имеется в виду Эдуард VII (1841–1910), ставший королем Великобритании в 1901 г.

¹² Имеется в виду лорд Керзон.

¹³ Лицо не установлено.

¹⁴ Имеется в виду Бродрик, Уильям Джон (1856–1939), бывший с 1903 по 1905 г. министром по делам Индии британского правительства, до этого был заместителем военного министра (1895–1898), заместителем министра иностранных дел Великобритании (1898–1900), военным министром (1900–1903).

¹⁵ «Индия оффис» — британское министерство по делам Индии и других колоний, возглавлявшееся государственным секретарем (министром) и контролировавшее деятельность там английской колониальной администрации и вооруженных сил.

¹⁶ Дейли, Хью (1860–?) — участник английской военной экспедиции в Бирму в 1886–1887 гг., был помощником, а затем заместителем секретаря иностранного департамента правительства Индии, в 1905 г. был агентом генерал-губернатора в Центральной Индии.

¹⁷ Дейн, Луис Уильям (1856–1946) — в Индии с 1876 г., служил в Пенджабе, Кашмире, в 1903 г. стал главой иностранного департамента правительства Индии, возглавлял в 1904–1905 гг. британскую миссию к эмиру Афганистана, с 1908 г. — губернатор Пенджаба.

¹⁸ Герберт, Чарльз (1854–1919) — с 1901 по 1904 г. был политическим агентом правительства Индии в Гвалиоре, до этого в Западных провинциях, Раджпутане, Котакхе. В 1905–1909 гг. — резидент в Джайпуре.

¹⁹ Имеется в виду махараджа Гвалиора Мадхава (Мадху) Рао Синдхия (1877–1925), правивший княжеством с 1894 г.

²⁰ Маккрекен Д.Е., чиновник департамента иностранных дел правительства Индии, биографические подробности не установлены.

²¹ Имеется в виду У.Д.Бродрик.

²² Лицо не установлено.

№ 60—68

19 декабря 1901 г. — 18 октября 1909 г. — Документы об ограничении допуска в среднеазиатские владения России англо-индийских подданных, занимающихся ростовщицеством или живущих на подаяния

№ 60

*19 декабря 1901 г. — Донесение
Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма
в Первый департамент МИД с просьбой сообщить,
существуют ли ограничения в выдаче виз на въезд
в Среднюю Азию лицам, занимающимся ростовщицеством*

В последнее время в вверенное мне Генеральное консульство стали поступать для визы паспорта индусов, большей частью уроженцев города Шикарпура, отправляющихся в Среднюю Азию по своим делам, в том числе немало таких, которые именуются банкирами и менялами, но в сущности занимаются ростовщицеством¹. Сего числа мне предъявлены были даже два паспорта, в которых под рубрикой «профессия» откровенно числилось «нищенство». Отказав владельцам последних, индусам Доутлераму Лилярамову и Бауа Ничалдасу Бауа Хуширамову в визе, я не счел вправе сделать то же самое в отношении упомянутых ростовщиков, не имея на то указаний императорского министерства.

Ввиду сего имею честь покорнейше просить Департамент поставить меня в известность, существует ли какое-либо ограничение относительно въезда в наши пределы индусов-ростовщиков и имею ли я право отказывать таковым в визе паспортов. По прежней моей службе в Средней Азии мне помнится, что ростовщики-индусы были однажды удалены из Туркестанского края распоряжением Туркестанского генерал-губернатора² и что, если не ошибаюсь, это вызвало протест со стороны Великобританского посольства в Санкт-Петербурге.

К вышеизложенному считаю долгом присовокупить, что вышепоименованные профессиональные нищие, по всей вероятности, попытаются все-таки проникнуть в Россию через Одессу или Батум с невизированными паспортами.

Генеральный консул: В.Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1707, л. 23 и об. Подлинник.

№ 61

23 апреля 1902 г. — Письмо начальника Главного штаба В.В.Сахарова министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу о желательности сообщать генерал-губернатору Туркестана о визировании паспортов для въезда в Туркестанский край лицам, занимающимся ростовщичеством, для установления за ними негласного надзора

Отношением от 28 января сего года за № 458 Министерство иностранных дел просило заключения по возбужденному нашим Генеральным консулом в Бомбее вопросу о визировании паспортов индийских подданных, отправляющихся в Среднюю Азию под видом банкиров и менял, но в действительности с заведомой целью ростовщичества.

Туркестанский генерал-губернатор³, с которым сделаны были надлежащие сношения, полагает, что едва ли представляется достаточно оснований для отказа в визе паспортов названных лиц. Ввиду же нежелательности пребывания и деятельности таких лиц в Туркестанском крае, было бы полезно, если бы консульство в Бомбее, визируя паспорта индусов, о ростовщической деятельности которых имеются сведения, сообщало бы о том Туркестанскому генерал-губернатору.

По прибытии этих лиц в край над ними может быть установлен негласный полицейский надзор, и в случае обнаружения их ростовщичества они будут высылаться из края на основании 15 ст. Положения об Управлении Туркестанского края⁴.

Вполне разделяя изложенные здесь соображения, имею честь уведомить о том Ваше Сиятельство.

За военного министра
генерал-лейтенант Сахаров.

За помощника начальника Главного штаба
полковник Евтюгин.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1707, л. 33. Подлинник.

№ 62

11 августа 1908 г. — Донесение Генерального консула в Бомбее А.А.Гейкинга⁵ в Первый департамент МИД о своем отказе в визировании паспортов для посещения Туркестанского края двум англо-индийским подданным брахманам, обозначившим целью своего путешествия в Россию прошение милостыни

Хотя донесения сего Генерального консульства должны служить лишь серьезным предметом, да позволено будет, в виде исключения, упомянуть о забавном инциденте. Недавно сему Генеральному консульству были представлены два паспорта для визы, в которых профессия предьявителей и цель их предполагаемого путешествия в Россию были обозначены «begging», т.е. прошение милостыни⁶.

Генеральное консульство отказало в визе этих паспортов и вернуло их предъявителям. Тогда последовало вторичное их представление к визе с указанием, что предъявители брамины и что вследствие этого их прошение милостыни не должно мешать визированию. Действительно, брамины в Индии, число коих доходит до 10 миллионов, часто открыто занимаются прошением милостыни как профессиею. Они отказываются от всякой работы, за исключением пера. Тунеядство между ними тем более процветает, что благотворительность и милосердие составляют одну из замечательных отличительных черт индийского народонаселения, имеющую, увы! деморализующее влияние, поощряя праздность и существование на чужие средства. Для России лица, живущие на счет милосердия других, конечно, являются весьма нежелательным элементом, будь они высшей или низшей касты, брамины или судра. Вследствие этого со стороны Генерального консульства последовал вторичный отказ от виз.

Генеральный консул бар[он] А.Гейкинг.

На полях надпись карандашом: «Уведомить, что он поступил совершенно правильно и что таковые случаи в практике Ген. кон-ва бывали и раньше».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1707, л. 154 и об. Подлинник.

№ 63

*31 декабря 1908 г. — Письмо
товарища министра иностранных дел Н.В.Чарыкова⁷
военному министру А.Ф.Редигеру⁸ с просьбой
поддержать предложение не визировать паспорта индийцев,
занимающихся ростовщицеством, на въезд
в среднеазиатские владения России*

Господину военному министру.

Существующее правило о недопущении иностранцев в пределы наших среднеазиатских владений без особого каждый раз на то разрешения не распространяется на подданных сопредельных Среднеазиатских государств и на индусов. Как видно из письма бывшего военного министра генерал-адъютанта Куропаткина к статс-секретарю графу Ламздорфу от 31 января 1903 г., № 56, военное ведомство признало даже желательным разрешить этому разряду иностранцев беспрепятственный въезд в те местности наших среднеазиатских владений, которые прочим иностранцам совершенно не доступны, а именно в Термез, Керки и т.д. Мотивом к этому было выставлено соображение о желательности проникновения этих элементов в наши пределы в интересах развития торговли.

Между тем поступившее от Генерального консула в Бомбее сообщение вновь подтверждает давно известный факт, что весьма многие индусы, направляющиеся в наши среднеазиатские владения, занимаются ростовщицеством как профессией и едут в русские пределы с целью продолжения там своего дела. Появление таких лиц вряд ли для нас желательно. Поэтому ст[атский] сов[етник] бар[он] Гейкинг предлагает, чтобы Генеральное консульство наше в Бомбее отказывало в визе паспортов тех лиц, о которых будет достоверно ему известно, что они

ростовщики. В этом случае консульство могло бы руководствоваться ст. 219 Устава о паспортах, на основании которой нашим представителям за границей предоставлено право не визировать паспорта лиц несомненно неблагонадежных⁹.

Со своей стороны, Министерство иностранных дел, полагая, что нам надлежит всячески охранять наши среднеазиатские владения от нежелательных элементов, вполне присоединяется к мысли ст[атского] сов[етника] бар[она] Гейкинга. Однако, предварительно снабжения его надлежащими инструкциями по этому вопросу, Министерство имеет честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство не отказать уведомить о заключении Вашем по настоящему предмету. Само собою разумеется, что в случае осуществления озн[аченной] меры уже живущие ныне в пределах среднеазиатских владений не должны были бы подвергаться действию предположенной меры и могли бы по-прежнему пребывать в тех областях.

За товарища министра:

За директора:

На первом листе документа на полях написано: «Индусы, — допущение их в Туркестан, ростовщики».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1707, л. 168–169 и об. Черновик.

№ 64

*20 января 1909 г. — Письмо
Военного министерства министру иностранных дел
А.П.Извольскому¹⁰ о своей поддержке предложения МИД
об ограничении доступа в Туркестанский край
ростовщикам-индусам*

Военное министерство вполне присоединяется к предложению Министерства иностранных дел об ограничении доступа в наши среднеазиатские владения индусов-ростовщиков, путем отказа им в визе паспортов на въезд в пределы края.

За военного министра,
Начальник Главного штаба
генерал-лейтенант Мышлаевский¹¹.
И.д. начальника Азиатского отдела
полковник Цейль.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1707, л. 192. Подлинник.

№ 65

*3 марта 1909 г. — Донесение управляющего
Генеральным консульством в Бомбее С.В.Чиркина¹²
в Первый департамент Министерства иностранных дел*

*с просьбой разъяснить, может ли он визировать
бессрочные паспорта, если с момента выдачи их владельцу
прошло более года*

Как Генеральное консульство имело случаи неоднократно доводить до сведения департамента, среди туземцев Индии, на основании визируемых паспортов, главным образом жители г. Шикарпура Синдской провинции находятся в сношениях с нашими среднеазиатскими властями.

По заведенной практике паспорта присылаются шикарпурцами по почте с приложением причитающейся за явку документа денежной суммы. Способ этот, при бесспорности паспортов, предъявляемых непосредственно по получении их владельцами от подлежащей власти, не вызывает затруднения. Но иногда присылаются паспорта, носящие даты довольно отдаленные от времени поступления их к визе, а за последнее время мною было получено несколько паспортов, выданных от 2 до 10 лет тому назад.

Правда, английские паспорта бессрочны, но, ввиду того, что сказанные документы большею частью доставляются в Генеральное консульство одним, совершенно ему неизвестным, лицом, избравшим, по-видимому, профессией снабжение своих земляков визируемыми паспортами, и подозрительности торговой деятельности шикарпурцев, известных у нас в Туркестане за ростовщиков, я отказывал в явке документов, представленных мне позднее, чем через год со времени их выдачи, не говоря уже о более старых паспортах, для проверки сведений об истинных владельцах коих Генеральному консульству приходилось бы вступать в переписку с шикарпурскими властями из-за каждого подозрительного документа.

Не будучи осведомлен, насколько сказанное отношение к подобным паспортам правильно, имею честь покорнейше просить департамент не отказать почтить меня разъяснением, возможно ли Генеральному консульству придерживаться его практики или бессрочные паспорта допускаются к визе независимо от времени их выдачи.

Управляющий Генеральным консульством:
С. Чиркин.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1707, л. 202 и об. Подлинник.

№ 66

*11 апреля 1909 г. — Письмо Первого департамента МИД
управляющему Генеральным консульством в Бомбее
С.В. Чиркину о том, что он может не визировать паспорта
лиц, которые намереваются заниматься в Туркестане
ростовщичеством*

Господину управляющему Рос[сийским] Имп[ераторским] Г[енеральным] к[онсульством] в Бомбее.

В ответ на отношение от 3 марта с.г., № 159, Первый департамент имеет честь уведомить Вас, М.Г., что, если английскими властями выдаются паспорта,

то, конечно можно визировать паспорта, даже и давно выданные. Но, с другой стороны, ст. 219 Устава о паспортах дает Вам дискреционную власть отказывать в визе паспортов лиц, которые Вам кажутся подозрительными. Поэтому, если Вы имеете основания полагать, что упоминаемые в отношении № 159 старые паспорта принадлежат лицам, намеревающимся ехать в Туркестан для занятия ростовщичеством, Вы имеете полную возможность применять к таким паспортам положения вышеупомянутой статьи Устава о паспортах.

За вице-директора:
Делопроизводитель:

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1707, л. 204 и об. Отпуск.

№ 67

*16 октября 1909 г. — Письмо Азиатского отдела
Главного штаба в Первый департамент МИД России
с предположением, что задержание туркестанским
генерал-губернатором четырех англо-индийских подданных
в Красноводске продиктовано желанием избавить
владения России от панисламистских идей,
проповедуемых мусульманскими агентами,
прибывающими в край под видом богомольцев*

Спешно.
В[есьма] секретно.

В 1-й Департамент Министерства иностранных дел.

В начале текущего месяца в Красноводске задержаны прибывшие без надлежащих разрешений англо-индийские подданные Персрам Намдас Катри Кашнамаль Чантмаль, Харбагван Фиумаль, Мулчанда Пулсидас и Париомам Мулчанда, направляющиеся в Бухару: первые два на погребение родственников, последние два — на богомолье.

Одновременное прибытие в пределы Туркестанского края нескольких англо-индийских подданных без надлежащих разрешений с целью дальнейшего направления под разными предлогами в Бухару не могло не обратить на себя внимания Туркестанского генерал-губернатора¹³, который на запрос, не встречается ли с его стороны препятствий к поездке упомянутых лиц в Бухару, ответил, что он не находит возможным согласиться на допуск их туда.

Мотивы отказа не указаны в краткой телеграмме, таковые сообщаются почтой, но надо думать, что одновременные попытки нескольких англо-индийских подданных проникнуть в Бухару вызвали подозрение в истинной цели их поездки.

С введением в Турции конституционного образа правления¹⁴ есть основание предполагать развитие среди азиатских мусульман панисламистских идей, проповедь которых может проникнуть в наши среднеазиатские владения и со стороны Индии и легко распространяться агентами, прибывающими в край под видом богомольцев, надзор за деятельностью которых крайне затруднителен, и т.п. Желанием избавить наши владения от возможности проникновения туда подобных

агентов и вызван, вероятно, отказ в пропуске в Бухару задержанных в Красноводске англо-индийских подданных.

Главный штаб, не имея в своем распоряжении мотивов отказа со стороны генерал-губернатора, тем не менее присоединяется к его окончательному выводу и в силу вышеприведенных опасений со своей стороны полагает желательным отклонить ходатайство задержанных в Красноводске англо-индийских подданных, под предлогом прибытия их в Туркестанский край без надлежащих разрешений.

Сообщая об изложенном, Главный штаб просит не отказать в заключении по сему Министерства иностранных дел, по возможности в непродолжительном времени, дабы избавить задержанных лиц от излишнего проживания в Красноводске.

И. д. начальника Азиатского отдела,
полковник Цейль.
Делопроизводитель,
полковник Карликов¹⁵.

На 1-й странице письма карандашом написано: «Согласны. Но они шикарпуры, не мусульмане, ростовщики», и немного выше: «Исполнено».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1711, л. 238–239. Подлинник.

№ 68

*18 октября 1909 г. — Письмо Первого департамента МИД
в Главный штаб о причине отказа в допуске четырех
англо-индийских подданных в Бухару*

В ответ на отношение от 16 октября с.г. № 2694, по вопросу о задержании в Красноводске направляющихся в Бухару англо-индийских подданных Персрама Намдаса Катри Кашнамаля Чантмала, Харбагвана Диумала, Мулчанда Пулсидаса и Париомама Мулчанда I Деп[артамент] им[еет] ч[есть] высказать следующие соображения.

I Департамент затрудняется присоединиться к мнению Главного штаба, что отказ Туркест[анского] ген[ерал]-губ[ернато]ра в пропуске в Бухару задержанных в Красноводске вышеуказанных лиц вызван, вероятно, желанием избавить наши среднеазиатские владения от возможности проникновения туда лиц, могущих распространить среди азиатских мусульман панисламистские идеи. Самые имена задержанных лиц указывают на то, что они не чистые мусульмане, а браманисты¹⁶ из Шикарпура, которые в большинстве случаев занимаются ростовщичеством. И более вероятно поэтому, что при отказе вышеназванным лицам в проезде в Бухару ген[ерал]-лейт[енант] Самсонов имел в виду недопущение в наши владения шикарпурцев, создавших себе в прошлом дурную репутацию.

Как бы то ни было, ввиду неиспрошения названными англо-инд[ийскими] подд[анными] предварительного разрешения на проезд в русские владения, со стороны Министерства иностранных дел не встречается препятствий к тому, чтобы их ходатайство было отклонено.

За в[ице]-д[иректора]

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1711, л. 240 и об. Черновик.

Примечания

¹ Жители города Шикарпура в провинции Синд, расположенного в центре торговых путей, издавна были известны на Среднем и Ближнем Востоке не только своими торговыми, но и ростовщическими операциями, требуя за ссуду денег порою до 150% годовых.

² В.О. фон Клемм служил в Средней Азии в 1886–1900 гг., и, по-видимому, он имеет в виду распоряжение, изданное в 1893 г. генерал-губернатором Туркестанского края А.Б.Вревским о высылке из края индийцев, занимающихся ростовщичеством и не имеющих национальных паспортов (РГВИА, ф. 400, оп. 261/911, д. 111, л. 13). Ранее, в 1877 г., генерал-губернатор Туркестанского края К.П.Кауфман издал распоряжение «О парализации эксплуатации туземного населения индийскими выходцами» (ЦГА РУз, ф. 1, оп. 11, д. 39, л. 1–95). Меры, которые предпринимали русские власти против ростовщичества — открытие ссудных касс, учреждение Среднеазиатского коммерческого банка (1881 г.) и др., — имели успех: индийцы ростовщики стали покидать край. Так, в Заравшанском округе, где их насчитывалось до 7 тыс., в 1882 г. осталось 20 человек. Закон, принятый в России 24 мая 1894 г., устанавливал уголовную ответственность за ростовщичество.

Хранящиеся в архивах документы показывают, что в 1898 г. индус Балемаль Халеманов был осужден за ростовщичество на 2 месяца с взысканием с него 25 рублей, но скрылся (АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1424, л. 1–4). В том же году еще шесть английских подданных индийцев были приговорены за ростовщичество к двухмесячному тюремному заключению и подали прошение на высочайшее имя о прощении. В письме Военного министерства в Министерство юстиции по этому делу, в частности, говорилось: «Ростовщичество составляет почти исключительное занятие индийцев, преобладающих на жительстве в Туркестанском крае, и практикуется ими в настолько тяжелых формах, что деятельность их на русских азиатских окраинах можно признать всецело вредною для местного населения, почему всякая кара закона, налагаемая за ростовщичество именно на этот класс пришлого населения, приносит, как пример другим, несомненную общественную пользу...» (РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 2192, л. 4).

³ Имеется в виду Иванов Николай Александрович.

⁴ На основании статьи 15 «Положения об Управлении Туркестанского края» генерал-губернатору предоставлялось право «высылать из вверенного ему края за границу уроженцев сопредельных ханств и иностранных подданных, когда, вследствие вредного характера деятельности сих лиц, он признает пребывание их в крае нежелательным» (*Абрамов И.Ф.* Положение об Управлении Туркестанского края. Таш., 1916, с. 11).

⁵ Гейкинг Альфонс Альфонсович, барон, Генеральный консул в Бомбее в 1908 г., до этого служил консулом в Ньюкасле (Англия), где его избрали почетным доктором гражданского права Даремского университета, с ноября 1908 г. до ухода со службы в 1917 г. — Генеральный консул в Лондоне, автор ряда публикаций, в которых выступал за расширение русско-индийских торговых связей.

⁶ Добывание средств к существованию прошением милостыни не является предосудительным или унижающим достоинство человека в Индии, представителям некоторых каст предписывается в конце жизненного пути уход из семьи и жизнь за счет подаяний. Брахманам каноны индуизма запрещают любой труд, кроме интеллектуального, и предписывают собирание милостыни.

⁷ Чарыков Николай Валерьевич, дипломат, в 1908–1909 гг. — товарищ министра иностранных дел, до этого — посол в Нидерландах, в 1909–1912 гг. — посол в Константинополе.

⁸ Редигер Александр Федорович (1853–1918), генерал от инфантерии, окончил Николаевскую академию Генерального штаба, в 1898–1905 гг. — начальник канцелярии Военного министерства, в 1905–1909 гг. — военный министр.

⁹ Имеется в виду пункт 3 ст. 219: «Посольствам, миссиям и консульствам нашим предоставлено право выдавать и свидетельствовать по их усмотрению и без предварительного испрашивания на то разрешения паспорта иностранцам на въезд в наши пределы, за исключением: 1) членов Иезуитского ордена, 2) лиц, коим поименно запрещен правительством въезд в наши

пределы, 3) лиц, коих поименно, по собственным сведениям посольств, миссий и консульств, они имеют основательную причину признавать неблагонадежными, 4) цыган, шарманщиков, разносчиков аптечных материалов и гипсовых фигур, а равно вообще людей празднующихся, 5) румынских евреев, не имеющих средств существования в России, впускать коих в пределы империи запрещается» (Устав о паспортах (Свод законов, т. XIV, издания 1903 г. по прод. 1906 и 1908 гг.). Составил Л.М.Роговин. СПб., 1910, с. 92).

¹⁰ Извольский Александр Петрович (1856–1919), дипломат, на службе в МИД с 1875 г., служил в США, Ватикане, Сербии, Германии, Японии, в 1906–1910 гг. — министр иностранных дел, 1910–1917 гг. — посол в Париже, выйдя в отставку, остался жить во Франции.

¹¹ Мышлаевский Александр Захарьевич (1856 — после 1914), генерал от инфантерии, профессор, с 1908 г. — начальник Главного штаба, начальник Генерального штаба с 1909 г. и в этом же году получил назначение на пост командира 2-го Кавказского армейского корпуса, позднее исполнял дела наместника Кавказа.

¹² Чиркин Сергей Виссарионович в 1906–1910 гг. — секретарь Генерального консульства в Бомбее, до этого служил в Персии, сначала студентом миссии в Тегеране, затем секретарем и драгоманом в Исфагане. После Бомбея стал дипломатическим чиновником при туркестанском генерал-губернаторе.

¹³ Имеется в виду Самсонов Александр Васильевич.

¹⁴ Речь идет о буржуазной революции 1908 г. в Турции, поднятой офицерами-младотурками, в результате которой султан Абдул-Хамид II был вынужден принять конституцию.

¹⁵ Карликов Вячеслав Александрович (1871 г.р.), полковник, с 1903 г. служил делопроизводителем в Азиатском отделе Главного штаба.

¹⁶ Брахманисты, т.е. индусы, приверженцы индуизма.

№ 69

*4 марта 1902 г. — Выписка из журнала
Ученого комитета Министерства народного просвещения
по поводу ходатайства индуса из Калькутты Дара
о содействии его предприятию по изданию карт
на индийских языках для индийских школ*

В заседании Ученого комитета Министерства народного просвещения 4 марта 1902 года слушали (Ст. IV) сообщенный г. председателем русский перевод английского письма члена Лондонского Королевского Географического Общества¹, индуса Дара из Калькутты, на имя г. министра народного просвещения, об исхodataйствовании все милостивейшего покровительства Государя Императора предпринятому им, г. Даром, делу издания для индусских школ географических карт на туземных наречиях и о сообщении ему общей карты Российской империи.

«Имею честь (сим) уведомить, что сегодняшней почтой я препроводил (Вам), почтовой посылкой, „Заметку об Индийском Художественном Заведении, в Калькутте“ и печатные копии с отзывов о географических изданиях (сего заведения) на английском, бенгальском и индусском² языках вместе с несколькими образцами страниц (изданных мною) местных атласов. Ознакомившись с содержанием брошюрок, Вы усмотрите, я надеюсь, что мои стенные карты и атласы заслужили успех и постепенно вводятся в учебные учреждения Индии. Индия, однако, стоит много позади европейских просвещенных стран в деле научных исследований. Бедные, вроде меня, индусы, пытающиеся выдвинуть в этой стране новый вид промышленности и посвящающие свою жизнь выполнению художественных

работ, отвечающих их национальному прогрессу, редко находят среди индийских князей покровителей таковым видам труда».

«При вышеизъясненных обстоятельствах я почел бы себя высоко поощренным, если бы Вы соизволили подвергнуть мое предприятие высокоблагосклонному вниманию Его Императорского Величества Царя России, испросив вместе с тем у милостивого монарха покровительство моему делу, поскольку Его Величеству благоугодно было бы признать заслуживающим содействия дело распространения среди миллионов индийцев-учащихся географических познаний — сколь бы оно ни было несовершенно — посредством изданных на туземных наречиях карт различных государств мира».

«В заключение осмеливаюсь просить Вас почтить меня сообщением мне общей карты Российской империи (европейской и азиатской), заключающей указания на политические ее границы, административное деление, шоссейные и железные дороги, а равно содержащей и разные другие политические и географические сведения, удобные к опубликованию для всеобщего пользования. Подобная карта в значительной мере поднимет значение моих будущих изданий».

Ученый комитет, обсудив ходатайство г. Дара и приняв во внимание, что деятельность его не имеет никакого отношения к русским интересам, не нашел оснований для удовлетворения первой его просьбы, конечною целью коей является, без сомнения, получение денежного воспособления от щедрот Его Величества Государа Императора; что же касается второй просьбы г. Дара — о сообщении ему карт Российской империи, — то ее, по мнению Ученого комитета, можно было бы удовлетворить, выслав г. Дару безвозмездно какой-либо географический атлас для низших училищ, напр[имер] Линберга, и карту железных дорог России, изданную фирмою Ильина, или какую-либо иную.

Верно: делопроизводитель Департамента народного просвещения:

Беляев.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1098, л. 2 и об. Копия.

Примечания

¹ Королевское географическое общество было основано в 1830 г. в Лондоне, издавало: *Journal* (1832–1880), *Proceedings* (1857–1892), *Geographical Journal* (с 1893).

² По-видимому, имеется в виду язык хиндустани.

№ 70–72

**17 апреля — 9 мая 1902 г. —
Документы о путешествии по Индии
великого князя Бориса Владимировича
Романова¹**

17 апреля 1902 г. — Письмо великого князя
Бориса Владимировича отцу, Владимиру Александровичу²,
о пребывании в Индии

Дорогой папа.

Мы только что приехали к моему другу Магарадже Капурталы³, который, если ты помнишь, давал такой странный обед в Париже в 1897 г. Капуртала чудно устроенная резиденция. Дом, в котором мы живем, совершенно европейский. Но что довольно странно, что в большом салоне рядом с чудными картинами висят фотографии парижских кокоток. Это очень восточно. Я только что вернулся с теннис парти. Завтра охота на перепелов. В Джайпуре нам устроили pig sticking*, чудный спорт. Гревс, Фредерикс⁴ и я всего убили по одному кабана. В Бомбее нам был чудный прием. Англичане, я должен сказать, очень милый и гостеприимный народ. Я говорю о частных лицах. Вице-король⁵ был как нельзя более груб. Он в очень учливой форме дал мне понять, что он меня не желает видеть. Что возмутило, странно сказать, почти всех англичан, которых я встретил. В воскресенье мы едем в Бенарес, оттуда в Калькутту на тигровую охоту, а из Калькутты прямо в Siam, куда я приглашен королем⁶. Я, слава Богу, здоров и хорошо выдерживаю эту страшную жару. Надеюсь, дома все здоровы и все благополучно. (Я только что узнал об убийстве Сипягина⁷.)

Крепко, крепко обнимаю тебя, маму⁸, Андрея и Елену⁹.

От всей души любящий тебя сын Борис.

ГАРФ, ф. 652, оп. 1, д. 426, л. 35–36 об. Подлинник.

№ 71

9 мая 1902 г. — Донесение
Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма
в Первый департамент МИД о путешествии великого князя
Бориса Владимировича по Индии

Точные сведения о том, когда Великий князь Борис Владимирович имел при-
быть в Индию и через какой именно индийский порт, были получены мною лишь
за несколько дней до приезда Его Императорского Высочества в Тутикорин.

Имея в виду, что Великий князь путешествует совершенно инкогнито, я не
счел удобным завести переписку по телеграфу с центральным индийским прави-
тельством об оказании Его Высочеству надлежащего содействия, потому обра-
тился к посредничеству управления Бомбейского президентства. Я попросил
старшего секретаря губернаторской канцелярии, г. Эджерлея, доложить губерна-
тору¹⁰ о предстоящем приезде в Индию Великого князя и просить его снести-
сь с центральным правительством о том, чтобы высокому гостю, хотя и путешест-
вующему частным образом, было оказано должное содействие и внимание.

* Pig sticking (англ.) — охота на кабанов (сост.).

Осведомившись из телеграмм нашего вице-консула в Коломбо¹¹, что на о. Цейлоне в распоряжение Великого князя предоставлены были местным правительством безвозмездно вагон-салон и вагон для свиты, я упомянул об этом в разговоре с г. Эджерлеем, добавив при этом, что я отнюдь не имею поручения просить о чем-либо подобном, но что было бы весьма желательно, чтобы Великий князь был поручен особому вниманию и заботам управлений индийских железных дорог и лиц местной администрации.

Имея в виду необходимость озаботиться устройством помещения для Его Высочества при посещении им г. Бомбея, я спросил г. Эджерлея, можно ли рассчитывать на то, что Великому князю, подобно другим знатым путешественникам, будет отведено помещение в губернаторском доме. На это Эджерлей заметил, что Губернатор вскоре должен переехать на дачу в горы и что в отсутствие Его Превосходительства обыкновенно никого в губернаторском доме не помещают; но он тут же добавил, что в случае приезда каких-либо высокопоставленных гостей губернаторы обыкновенно приезжают на это время с дач, чтобы принять их лично и отвести им помещение у себя, и что поэтому он мне окончательного ответа на мой вопрос сейчас дать не может. Я отмечаю последнее заявление старшего секретаря, как весьма важное при оценке дальнейших отношений к Великому князю местных губернаторов.

После этого разговора с г. Эджерлеем я в тот же день должен был выехать в Тутикорин, чтобы встретить там Великого князя. По приезде в означенный порт я получил телеграмму от г. Эджерлея, что приказано предоставить безвозмездно в распоряжение Его Высочества во время путешествия его по Индии вагон-салон, вагон первого класса для свиты и помещение для туземной прислуги. Это было, конечно, весьма любезно со стороны индийского правительства, но ввиду прецедента на о. Цейлоне ему было бы пожалуй неудобно поступить иначе. Зато этим ограничилось гостеприимство индийского правительства и во всем остальном не было никакого внимания, ни малейшего почета, ни даже простого содействия со стороны местных властей, которые абсолютно игнорировали присутствие высокого гостя. Это обнаружилось уже на первых порах, в Тутикорине. Местное таможенное управление отказалось предоставить свой паровой катер для переезда Великого князя с парохода на берег, и только путем особого ходатайства моего перед начальником таможни удалось добиться того, что вещи Великого князя и его свиты не были подвергнуты досмотру; но взамен этого пришлось спешно составить список вещей, согласно коему таможней была взыскана установленная пошлина.

При дальнейшем посещении разных городов Индии, не исключая столиц (президентств. — *Сост.*) — Калькутты, Мадраса и Бомбея, никто Великого князя не встречал, нигде помещений ему не отводилось и все, до найма экипажей включительно, должно было делаться путем частных моих сношений большею частью столичными моими знакомыми или иностранными консулами. Не будь в большинстве здешних городов прекрасно организованных клубов, которые по моей просьбе весьма любезно избирали Великого князя и сопровождавших его лиц временными почетными членами, Его Высочеству пришлось бы останавливаться в крайне примитивных и грязных индийских гостиницах, которые всякий путешественник, имеющий хоть какие-нибудь знакомства и рекомендации, старательно избегает.

Мадрасский губернатор¹² за три дня до приезда Великого князя выехал из своей резиденции на охоту. Его жена, леди Амтиль, которую его Высочество

удостоил своим посещением в Утакамунде, не только не предложила Великому князю помещения в обширном губернаторском доме в этой местности, но даже не пригласила его к обеду или завтраку, что по индийскому этикету считается обязательным. Бомбейского губернатора также не было в городе, но к чести его надо сказать, что им были приняты меры к тому, чтобы о высоком госте позаботились, и если где-либо в Индии Его Высочеству было оказано некоторое внимание, то это было именно в Бомбее. Зная лично лорда Норскота, я склонен думать, что он приехал бы в Бомбей и был бы рад принять Великого князя, если б ему не было внушено свыше воздержаться от этого. После Мадраса меньше всего внимания на Великого князя обращено было в столице Индии — Калькутте.

Что касается вице-короля, лорда Керзона, то его поведение в отношении Великого князя указывает ясно на принятое, вероятно, заранее решение уклониться от встречи с Его Высочеством.

Имея в виду болезненное самолюбие и самомнение Керзона и желая установить на первых порах хорошие отношения между ним и высоким гостем, я, по прибытии Великого князя в Тутикорин, составил проект приветственной телеграммы от Его Высочества к вице-королю с выражением признательности за распоряжение по проезду по индийским железным дорогам. Ответ на эту телеграмму, составленный в очень сухих и даже небрежных выражениях*, был получен только через пять дней и не заключал в себе никакого намека на какое-либо приглашение.

В первоначальную программу Великого князя входило, между прочим, посещение самого главного индийского туземного княжества — Хайдерабада, куда в то самое время собирался и вице-король на большую охоту, приготовлявшуюся для него низамом Хайдерабадским¹⁴. Это был весьма удобный случай для лорда Керзона оказать внимание и гостеприимство высокому гостю.

Имея в виду, что вице-королю могло быть неизвестно намерение Великого князя посетить Хайдерабад, а равно ввиду настоятельных советов многих англичан в Утакамунде, которые были твердо убеждены в том, что лорд Керзон, по принятому обычаю, не замедлит пригласить Великого князя принять участие в охоте, я, с согласия Его Высочества, отправил из Утакамунда телеграмму секретарю вице-короля, в которой значилось, что Великий князь, намереваясь посетить Хайдерабад и осведомившись о предстоящем приезде туда Его Превосходительства, поручил мне узнать, когда именно вице-король прибудет в Хайдерабад и может ли он с ним встретиться там. На эту телеграмму получен был срочный ответ, что вице-король будет так занят в Хайдерабаде государственными делами, что момент для свидания его с Великим князем был бы самый неблагоприятный. В последовавших затем газетных отчетах о пребывании вице-короля в Хайдерабаде, как и следовало ожидать, очень много говорилось о тигровых охотах и почти ровно ничего о «государственных» делах.

С чисто формальной точки зрения сам Керзон и все прочие англо-индийские власти были, разумеется, правы: Великий князь путешествовал частным образом, никаких предварительных уведомлений о его приезде здесь получено не было и т.д., а следовательно, они могли считать себя свободными от каких-либо обязательств. Но между обязательным гостеприимством и умышленным пренебрежением есть много ступеней, и все зависит от доброй воли, которой в данном слу-

---

* Великий князь титулуется в нем между прочим Королевским Высочеством¹³ (примеч. автора).

чае и не было. На Востоке понятие об «инкогнито» очень смутное. Местные газеты трубили о поездке Великого князя, и всюду народ знал, что этот гость один из близких родственников русского царя; знал он также, как это всем известно в Индии, что выдающиеся путешественники всегда пользуются вниманием и гостеприимством местных властей. Я представляю себе на месте Великого князя принца Орлеанского или другого какого-нибудь иностранного принца, и, по индийским традициям, я не сомневаюсь, что им был бы оказан прием совершенно иного свойства. Это не только мое мнение, но и мнение многих англичан и иностранных консулов, которые высказывали мне свое удивление и негодование по поводу пренебрежения, выказанного Великому князю. Понятно, какое впечатление должен был вынести народ из приема, сделанного Его Высочеству; но, очевидно, индийскому правительству, или собственно лорду Керзону, было желательно вызвать именно такое впечатление, как противоядие против распространяемых в Индии самими же англичанами идей о грозном могуществе России и о ее завоевательных намерениях на счет Индии.

В противоположность правительству, английское, или, вернее, европейское общество городов, которые посетил Великий князь, отнеслось к высокому гостю с самую большую предупредительностью; особенно отличилось в этом отношении бомбейское общество. В этом городе удалось, между прочим, устроить частным образом для Великого князя смотр войскам местного гарнизона; но я боюсь, что бригадиру генералу Уилькоксу¹⁵ пришлось впоследствии отвечать за это перед высшими властями.

В свою очередь Великий князь совершенно очаровал местное общество своею обходительностью и благосклонностью и оставил о себе самую лучшую память во всех тех, которые имели счастье быть ему представленными.

Перед самым отъездом из Индии Великий князь получил от вице-короля еще одну телеграмму, в которой высказывалась надежда, что Его Высочество остался доволен своей поездкой, и выражалось сожаление лорда Керзона, что ему не удалось принять высокого гостя у себя. На это Великий князь ответил еще раз благодарностью индийскому правительству за предоставление в его распоряжение вагонов и добавил, что, благодаря любезному приему европейского общества городов, им посещенных, а равно некоторых магараджей, он вынес весьма приятное впечатление от своей поездки по Индии.

В заключение я не могу не высказать, что единственною хорошою стороною этого дела является то, что не было никаких пререканий относительно этикета и церемониала приемов Великого князя у вице-короля и губернаторов, — пререканий, которые, наверно, бы возникли, ввиду заносчивости и мании величия, которыми заражены все здешние власти, а в особенности г. Керзон.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 920, л. 74–78. Подлинник.

9 мая 1902 г. — Донесение Генерального консула в Бомбее
В.О. фон Клемма в Первый департамент МИД о приеме,
оказанном великому князю Борису Владимировичу
индийскими князьями

Во время своего путешествия по Индии Великий князь Борис Владимирович посетил два туземных княжества, Бароду и Капурталу, а также поместье магараджи Майменсингского в восточной Бенгалии. В противоположность сухому, чтобы не сказать более, приему, сделанному высокому гостю в чисто британских владениях, туземные магараджи обнаружили широкое гостеприимство и самую полную любезность.

Магараджа Капуртальский, осведомившись о прибытии Великого князя в Индию, сам поспешил пригласить по телеграфу Его Высочество посетить его владения. Поездку к магарадже Майменсингскому на охоту было сравнительно легко устроить через старшего судью Бомбейского президентства¹⁶, лично с ним знакомого. Труднее всего было добиться доступа к магарадже Гаэквару Бародскому¹⁷, а между тем было очень желательно посетить последнего, как одного из самых крупных и богатых владетельных князей индийских, обладающего значительной коллекцией драгоценных камней, старинного восточного оружия и других интересных предметов. Посещение Бароды было тем желательнее, что попытка устроить поездку Великого князя в Хайдерабад, как значится в предыдущем моем донесении, не увенчалась успехом. Но если англо-индийскому правительству было нежелательно допускать Великого князя к туземным владетелям, то это, несомненно, касалось более всего Гаэквара и магараджи Капуртальского, которые оба на дурном счету у англичан за их независимость и неподатливость английским требованиям. Гаэквар один из немногих индийских князей, которые отказались содержать так называемые вспомогательные войска¹⁸, и о нем сам вице-король отзывался неодобрительно в одной из своих речей. Я слышал также раньше от французского консула и некоторых других лиц, что иностранцам всячески затрудняется доступ к Гаэквару.

Понятно поэтому, что знакомые мне должностные лица в Бомбее поспешили отклонить мою просьбу об устройстве свидания Великого князя с Гаэкваром, ссылаясь на нелюбезность и вообще на странности характера последнего. Случайно, однако, мне удалось найти лицо, которое взялось устроить поездку в Бароду, а именно некоего г. Фрезера, редактора-издателя влиятельного англо-индийского органа «The Times of India». На обеде, данном этим господином Его Высочеству, он свел меня с прибывшими случайно в тот же день в Бомбей английским резидентом в Бароде, полковником Мидом, и воспитателем детей Гаэквара, г. Френчем. Полковник Мид, подобно моим бомбейским друзьям, отклонил от себя устройство поездки, но указал мне на Френча как на лицо, которое, может быть, в состоянии будет помочь мне. Френч совершенно откровенно высказал мне*, что посещение Гаэквара Великим князем будет, вероятно, не особенно приятно вице-королю, но что он считает себя слугою Гаэквара и потому не заботится несколько о мнении и взглядах г. Керзона, и добавил, что он не замедлит известить сейчас же о моем желании Гаэквара, который, наверно, будет очень рад принять Его

* Это было после обеда (примеч. автора).

Высочество. Действительно, на следующий же день получено было приглашение Гаэквара посетить его владения.

Прием, оказанный Великому князю Гаэкваром, превзошел все мои ожидания. По выработанной заранее программе, три дня, проведенные Его Высочеством в Бароде, были сплошь заполнены всякими восточными увеселениями, столь интересными для европейского посетителя. На обеде, данном Гаэкваром в своем дворце в честь Великого князя, гостеприимный хозяин вспомнил, между прочим, о посещении его владений Государем Императором¹⁹ и высказал искреннее сожаление, что тяжкая болезнь лишила его в то время возможности лично принять августейшего гостя.

Даже полковник Мид, очень любезный, хотя и несколько невоспитанный ирландец, решив, вероятно, что «семь бед — один ответ», устроил в честь Великого князя Garden party*, на которой присутствовала вся европейская колония в Бароде.

К сожалению, я не имел возможности сопутствовать Великому князю в Капурталу, но из рассказов Его Высочества и лиц его свиты явствует, что магараджа Капуртальский в любезности и предупредительности даже превзошел Гаэквара.

Что касается помещика (земиндара) магараджи Багадура Майменсингского²⁰, то он устроил для Великого князя в джунглях восточной Бенгалии весьма интересную охоту на тигров, с 60 слонами. Сам магараджа оказался радушнейшим хозяином и делал все возможное, чтобы угодить гостям.

Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 920, л. 79–80 и об. Подлинник.

Примечания

¹ Великий князь Борис Владимирович (1877–1943), двоюродный брат императора Николая II, третий сын родного брата Александра III Владимира Александровича, совершил длительное путешествие на кораблях «Пересвет» и «Сингора», в Индии пробыл более месяца.

² Великий князь Владимир Александрович (1847–1909), третий сын императора Александра II.

³ Капуртхала — княжество в Восточном Пенджабе по берегам р. Сатледж. Правившая династия Ахлювалия поддержала англичан в период индийского Народного восстания 1857 г. и послала отряд в помощь англичанам. По переписи 1901 г. там проживало 314 тыс. чел. После провозглашения независимости вошло в Союз княжеств Патиялы и Восточного Пенджаба (ПЕПСУ).

⁴ Установить, кто именно из родов Фредериксов и Гревсов сопровождал в этом путешествии великого князя, не представляется возможным, вряд ли это мог быть Владимир Борисович Фредерикс (1838–1927), министр императорского двора и уделов.

⁵ Имеется в виду лорд Джордж Натаниел Керзон.

⁶ Королем Сиам с 1868 г. был Чулалонгкорн Рама V (1853–1910).

⁷ Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902), государственный деятель, был предводителем московского дворянства, московским губернатором, с 1900 г. — министр внутренних дел, 2 апреля 1902 г. убит в Марининском дворце эсером С.В. Балмашевым.

⁸ Матерью Бориса Владимировича была Мария Павловна, герцогиня Мекленбург-Шверинская (1854–1920).

* Garden Party (англ.) — прием на открытом воздухе (сост.).

⁹ Имеются в виду великий князь Андрей Владимирович (1879–1956), четвертый сын Владимира Александровича, и великая княжна Елена Владимировна (1882–1937), первая (старшая) дочь Владимира Александровича.

¹⁰ Имеется в виду лорд Норскот.

¹¹ Вице-консулом в Коломбо в 1901–1902 гг. был Василий Карлович Шнейдер.

¹² Рассел, Артур Оливер Виллиерс, второй барон Амгиль (1869–1935), английский государственный деятель, с 1895 г. — на колониальной службе, в 1900–1906 гг. — губернатор Мадраса, в 1904 г. замещал вице-короля Индии, после возвращения на родину вся его жизнь была связана с Индией: защищал права индийцев в Африке, был председателем комитета по делам индийских студентов английских учебных заведений, в парламенте был одним из немногих, голосовавших против реформ Монтегю—Чемфорда (1919), за предоставление индийцам больших прав.

¹³ В Российской империи великий князь титуловался «Императорское Высочество», «Ваше Императорское Высочество».

¹⁴ Имеется в виду Мир Махбуб Али Хан Бахадур Асаф Джах (1866–1911), низам (титул правителя) княжества Хайдерабад (1884–1911).

¹⁵ Уилкокс, Джеймс (1857–1926), родился в Индии, в 1878 г. начал военную службу в Индии, принимал участие во 2-й англо-афганской войне, служил в Африке, в Бирме.

¹⁶ Верховным судьей Бомбейского президентства с 1899 г. был сэр Лоуренс Хью Дженкинс.

¹⁷ Гаеквар (титул правителя княжества Барода) Сайеджи Рао III (1863–1939), приемный сын отстраненного в 1875 г. англичанами правителя княжества Барода, правил с 1881 г., независимый по своему характеру, не любил, чтобы вмешивались в дела княжества, поэтому отказывался содержать вспомогательные войска (см. ниже), так как англичане требовали проведения публичной инспекции этих войск, выступал за реформы традиционного индусского общества, против пережитков, к концу жизни стал более консервативным и согласился содержать вспомогательные войска.

¹⁸ Под термином «вспомогательные войска», по-видимому, имеются в виду «Imperial Service Troops», формирование которых началось в некоторых княжествах во 2-й половине 80-х годов XIX в. Обучение велось английскими инструкторами. Вооружение предоставлялось англо-индийским правительством. За период с 1890 по 1914 г. они принимали участие во многих пограничных столкновениях, а также в военных действиях в Китае.

¹⁹ Наследник престола будущий император Николай II посетил Индию в 1890–1891 гг. См.: Русско-индийские отношения в XIX в. М., 1997, док. № 131–134.

²⁰ В колониальной Индии не существовало четкой грани между мелким княжеством и крупным или средним земельным владением и крупные землевладельцы нередко имели титулы, как упомянутый махараджа Майменсингский. В Бенгалии такое земельное владение (поместье) называлось «заминдари», а его владелец — «заминдар». В данном случае речь идет о такого рода владении (имении).

№ 73–74

**10 мая 1902 г. — Два донесения
Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма
в Первый департамент МИД о сведениях,
распространяемых властями и прессой
в Индии о России, и о реакции на это
индийских князей**

*10 мая 1902 г. — Донесение Генерального консула в Бомбее
В.О. фон Клемма в МИД по поводу распространяемой
в Индии информации о России*

Стоит раскрыть любую англо-индийскую газету, и в ней почти наверно найдется статья, оригинальная или перепечатанная из какой-нибудь европейской газеты, полная вопиющих небылиц и самой возмутительной клеветы по адресу России, и стоит заглянуть в любую индийскую библиотеку, чтобы убедиться, что в ней имеются налицо почти все книги, в коих с затаенною боязнью и открытой злобой обсуждаются виды России на Индию и возможный исход неизбежной будто бы борьбы Кита с Медведем за обладание этим сокровищем. Один английский офицер не так давно сознался мне, что распространение ложных сведений о России и в особенности о русских гражданских и военных властях и их обращении с народом входит в программу обучения туземных индийских войск, а редактор одной из здешних газет, в оправдание злобных своих нападок на Россию, сослался на то, что подобные нападки угодны правительству и нравятся английской публике, как средство к упрочению английского обаяния и симпатий туземного населения Индии к английскому режиму.

Этим путем в индийском народе, или по крайней мере в образованных его классах, могущих и отчасти уже начинающих влиять на массу туземного населения, систематически развиваются, во-первых, совершенно ложные представления о России и, во-вторых, сознание или опасение, что эта невежественная, варварская страна, полная самой вопиющей тирании, бесправия, взяточничества и т.п., может в один прекрасный день наложить свою тяжелую руку на Индию. При почти полном отсутствии непосредственных торговых сношений между Индией и Россией и крайне редком появлении русских путешественников в этой стране ничто, к сожалению, не может устранить этих искусственно навешанных ложных представлений и убедить туземцев Индии в неправильности и тенденциозности сведений, распространяемых англичанами на счет России и всего русского.

Во время недавнего моего путешествия с Великим князем Борисом Владимировичем я постоянно замечал, что к нам, русским, присматриваются с особенным любопытством, и мне приходилось неоднократно слышать от туземцев, евразийцев (метисов) и даже англичан, родившихся и воспитывавшихся в Индии, что они представляли себе русских совершенно иначе. На мой вопрос, какими же именно они себе представляли русских, большинство отвечало уклончиво, лишь намекая на то, что им приходилось читать о русских в английских книгах и газетах; но один евразиец, довольно образованный, сознался мне, что он представлял себе русских прежде всего очень грязными, потом грубыми, заносчивыми и крайне невежественными; он поспешил, конечно, добавить, что с того момента, как он впервые увидел русских, он совершенно изменил свое мнение о них и что он теперь также глубоко убежден в том, что русские в вежливости, обходительности и во всем прочем не только не уступают англичанам, но даже превосходят их. Многие с большим интересом расспрашивали меня о России и справлялись у меня об английских источниках, из которых они могли бы почерпнуть более правильные сведения о ней. Некоторые заявляли мне о своем желании посетить Россию, в том числе Набоб Богрский¹ из северной Бенгалии. Последний высказал мне, между прочим, что его влечет в Россию с того времени, как он имел счастье

видеть на рауте у Бенгальского губернатора² ныне царствующего Государя Императора³, но что калькутские власти всячески отговаривают его от этой поездки, указывая ему на то, что в России его сейчас же посадят в тюрьму и сошлют в Сибирь. Когда я его пристыдил за это легковерие, он, не без основания, заметил: «Откуда же нам знать правду о России, когда нам говорят о ней только одно дурное?»

Обо всем вышеизложенном я счел своим долгом донести Вашему Превосходительству, как об одном из приемов англичан для обеспечения себе симпатий и содействия туземного населения Индии в случае столкновения с Россией.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

В.Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 920, л. 81–82 и об. Подлинник.

№ 74

*10 мая 1902 г. — Донесение Генерального консула в Бомбее
В.О. фон Клемма в МИД об интересе индийских князей
к событиям в России*

Упомянутые в предыдущем секретном моем донесении от сего числа, за № 25, газетные статьи и в особенности сочинения разных английских авторов, касающиеся ожидаемого нашествия русских на Индию, не могли не иметь известного влияния на вассальных туземных князей Индии⁴, хотя и более развитых и образованных, чем обыкновенная индийская интеллигенция. Постоянно слыша о коварных и вероломных поступках России, о постепенном расширении ее владений в сторону Индии и видя серьезные приготовления индийского правительства к предстоящей борьбе, приготовления, в которых и им приходится участвовать путем формирования вспомогательных войск, князья эти невольно должны были проникнуться идеями англичан и прийти к заключению, что завоевание Индии Россией дело возможное и даже, быть может, лишь вопрос времени.

При тесной зависимости туземных княжеств от обладателя Британской Индии, возможность замены англичан кем-либо другим в этой роли должна, понятно, интересовать и беспокоить всякого раджу. Отнюдь не желая бросать какой-либо тени на лояльность индийских князей, я все же думаю, что у них есть немало оснований быть недовольными английским режимом, стремящимся низвести их на степень простых манекенов в руках приставленных к ним британских резидентов. Я не считаю себя пока достаточно компетентным в этом вопросе, чтобы говорить о нем подробнее, но и из того немногого, что мне до сих пор удалось узнать, я вижу, что г.г. британские резиденты вмешиваются во все внутренние дела туземных княжеств, налагая, при случае, свое veto даже на личные расходы и домашние распоряжения раджей. Ухудшится ли это положение в случае воцарения русских в Индии или улучшится, — вот, весьма вероятно, вопрос, который задает себе всякий раджа.

Вследствие вышесказанного не удивительно, что и туземные князья интересуются Россией и всем русским более, нежели какой-либо другой страной. Еще

в прошлом году, во время сезона в Пуне, я заметил, что мелкие Кативарские и Раджпутанские князья, прибывшие на скачки, искали случая со мной познакомиться и были необыкновенно любезны со мною. Такое же видимое внимание оказано было мне недавно магараджею Гаэкваром Бародским⁵, с которым я познакомился во время поездки по Индии с Великим князем Борисом Владимировичем. Гаэквар особенно заинтересовался мною, узнав, что я долго был в Средней Азии, в том числе и в Бухаре. Он несколько раз заговаривал со мною об эмире Бухарском⁶ и о его положении в отношении России, причем я, разумеется, не счел нужным скрыть от него, что мы не вмешиваемся во внутренние дела Бухарского ханства и предоставляем в этих делах Эмиру полную самостоятельность. Все это его, видимо, очень интересовало. При последнем свидании магараджа высказал мне сожаление, что присутствие высокого гостя лишило его возможности ближе со мною познакомиться, но он надеется, что я вновь навещу его будущую зиму и дам ему случай поговорить со мною обстоятельнее обо всех интересующих его вопросах. На прощание Гаэквар подарил мне альбом со своим портретом и видами княжества Барода.

Не могу не упомянуть еще об одном маленьком эпизоде. Во время весьма интересных игр и ристалищ (arena sports), устроенных в честь Великого князя, магараджа посадил меня в своей ложе по левую свою руку. Когда в ложу вошел британский резидент, полковник Мид, прибывший, может быть не без умысла, позднее Великого князя, то Гаэквар предложил ему занять место во втором ряду, что, видимо, озадачило и рассердило Мида. Я поспешил загладить этот инцидент, подвинувшись настолько, что резидент мог также поставить свой стул в первом ряду.

Я предвижу, что со временем у меня завяжутся знакомства и с другими индийскими раджами. Я полагаю отнюдь не уклоняться от таких знакомств и не избегать разговоров с туземными князьями о России вообще и нашей политике в отношении среднеазиатских ханств, которая их, очевидно, всех должна интересовать, воздерживаясь, разумеется, от проведения каких-либо параллелей между нею и британской политикою в индийских туземных княжествах и избегая вообще всего, что могло бы вызвать против меня неудовольствие англо-индийского правительства или обвинение в подрыве английского престижа.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

В.Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 920, л. 83–84 и об. Подлинник.

Примечания

¹ Лицо не установлено.

² Во время пребывания в Индии цесаревича Николая Александровича губернатором Бенгалии был Чарлз Эллиот.

³ Наследник цесаревич Николай Александрович посетил Бенгалию в 1891 г.

⁴ В колониальный период территория Индии делилась на британские провинции под непосредственным управлением коронной английской администрации (до 1858 г. — Ост-Индской компании) (British India) и «туземные княжества» (Native States) под управлением местных правителей. Эти правители были вассалами британской короны: по заключенным между ними

так называемым субсидиарным договорам они должны были содержать при своем дворе резидента, через которого велись все внешние сношения этого княжества, содержать определенное количество вспомогательного войска, имелись и некоторые другие условия. Мелкие княжества группировались в агентства во главе с резидентом. На практике княжество находилось под контролем резидента, который вмешивался не только в дела управления княжеством, но и в частную жизнь князя.

⁵ Имеется в виду Гаеквар Сайеджи Рао III (1863–1939), правитель княжества Барода с 1881 г.

⁶ По договору 1868 г. бухарский эмир признал протекторат России. Вассальная зависимость Бухары выражалась в согласии свободно допускать русских купцов в пределы ханства, в учреждении торговых агентств, в свободном проезде через Бухарское ханство, в уступке Самаркандского, Катта-Курганского, Пенджикентского и Ургутского бекств, а также в уплате контрибуции. Россия, в свою очередь, обязалась и впоследствии выполняла свои обязательства по предоставлению эмиру военной помощи. Административная власть оставалась в руках эмира.

№ 75–79

17 февраля 1903 г. — 18 марта 1906 г. — Документы об обмене опытом выращивания сельскохозяйственных культур между индийскими и российскими специалистами

№ 75

*17 февраля 1903¹ г. — Письмо Департамента земледелия
Министерства земледелия и государственных имуществ
в Генеральное консульство в Бомбее с просьбой прислать
семена хинного дерева для производства в Закавказье опытов
по акклиматизации этой культуры*

Имея в виду произвести опыты акклиматизации хинного дерева в подходящих местностях Закавказья, Департамент земледелия имеет честь покорнейше просить консульство принять на себя труд по приобретению и высылке в герметически запаенных ящиках по 5 фунтов семян *Cinchona Officinalis* и *C. Succirubra*, а также некоторого количества семян других разновидностей этого дерева. При этом представлялось бы весьма желательным иметь семена с плантаций Дарджилинга и Дадабеты и других наиболее холодных областей произрастания этого дерева, по усмотрению консульства.

Семена следует направить в Сухум на имя Сухумской садовой и сельскохозяйственной опытной станции².

Все расходы консульства по исполнению этого поручения будут возмещены Департаментом.

О последующем Департамент земледелия покорнейше просит уведомить.

Директор С. Ленинт.
За начальника Отделения Сидоров.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 120, л. 1 и об. Подлинник.

*24 июня 1903 г. — Письмо Генерального консула
в Бомбее В.О. фон Клемма в Департамент земледелия
Министерства земледелия и государственных имуществ
об отправке семян хинного дерева из Индии
в Сухумскую опытную станцию*

Доверительно.

По получении отношения Департамента от 17 февраля сего года за № 4708 мною приняты были тотчас меры к выяснению вопроса, в каких именно местностях Индии имеются плантации хинного дерева и каким путем могли бы быть добыты семена этого дерева для Сухумской опытной станции. Некоторые лица, с которыми я по этому поводу переговорил в Бомбее, высказали предположение, что вывоз хинных семян из Индии воспрещен. Принимая во внимание, что если б это предположение оправдалось и я на официальный запрос получил бы ответ, что вывоз означенных семян действительно воспрещен, мне было бы уже неудобно, в моем положении консула, попытаться какими-либо косвенными путями выполнить поручение Департамента, я решил официально ни к кому не обращаться, а добыть семена через одного своего знакомого любителя садовода.

По наведенным этим господином справкам, оказалось, что кроме Дарджилинга и Утакаунда (Дадабетты) других известных плантаций хинного дерева в Индии не имеется. Ввиду этого он обратился с просьбою к заведующим обеими поименованными плантациями о высылке ему по 5 фунтов *Cinchona Officinalis* и *C. Succirubra*, а равно некоторого количества семян других разновидностей хинного дерева, произрастающих на этих плантациях. После довольно продолжительной переписки и неоднократных напоминаний (все англо-индийские учреждения отличаются большою медлительностью в делопроизводстве) он получил наконец уведомление из Дарджилинга, что никаких семян в настоящее время отпущено быть не может. Что же касается Утакаундской плантации, то она на днях прислала по 5 фунтов вышепоименованных сортов семян и 1 фунт *Cinchona Hybrid*, каковые были мною тотчас тщательно упакованы и вместе с сим отправляются в наше вице-консульство в Коломбо для дальнейшего отправления через Одессу в Сухум.

Счет на эти семена из Утакаунда еще не получен, и израсходованная мною сумма (вероятно, около 60 рупий) будет включена мною в счет чрезвычайных издержек по Генеральному консульству, который по истечении трети года представляется в Департамент личного состава [и] хозяйственных дел Министерства иностранных дел, от коего Департамент земледелия и получит надлежащее уведомление.

Осенью текущего или раннею весною будущего года я попытаюсь вновь добыть семена с Дарджилингской плантации, и если мне это удастся, то я не премину выслать эти семена тем же путем в Сухумскую опытную станцию.

Генер[альный] консул:

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 120, л. 7-8 и об. Черновик.

№ 77

*16 февраля 1905 г. — Письмо
Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма
в Департамент земледелия Министерства земледелия
и государственных имуществ с просьбой прислать семена льна
для опытной правительственной плантации в Пуне*

Заведующий индийской правительственной опытной плантацией в Пуне недавно весьма любезно ознакомил меня с таковою и при этом случае просил меня добыть ему небольшое количество льняных семян из России для испытания посева их на индийской почве. Дело в том, что индийский лен не дает совсем волокна, и все опыты, произведенные до сих пор с семенами американскими и другими, не дали в результате растения, пригодного для выделки льняного волокна. Ввиду этого заведующий плантацией желал бы испытать еще русские семена, которые, быть может, окажутся более подходящими для индийской почвы.

Удовлетворение ходатайства заведующего плантацией представляется особенно желательным, потому что он обещает, в свою очередь, снабдить меня семенами разных пород хлопка, добытых от скрещения американских и туземных пород этого растения, а равно и других растений, культура коих могла бы быть испробована в Туркестане и на Кавказе.

Ввиду этого я беру на себя смелость покорнейше просить Департамент земледелия не отказать выслать мне через Министерство иностранных дел *via* Париж небольшое количество, примерно фунта три, льняных семян из самых южных пород этого растения, дающих хорошее волокно. Стоимость этих семян будет возмещена мною с благодарностью по получении уведомления о сумме.

Генер[альный] консул:

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 40, л. 1 и об. Черновик.

№ 78

*1 сентября 1905 г. — Письмо директора
Департамента земельного учета и сельского хозяйства
англо-индийского правительства Г.С.Лоренса
Генеральному консулу в Бомбее В.О. фон Клемму
с благодарностью за присылку семян льна
и обещанием прислать в обмен семена хлопка*

Уважаемый г-н фон Клемм,

Большое спасибо за Ваше письмо от 28 истекшего месяца и за беспокойство в связи с приобретением семян русского льна. Прилагаю к письму записку для представления на таможне при получении посылки. Я также направлю письмо таможенному инспектору. Однако весьма сомневаюсь, что он примет во внимание мое письмо, так и направленную Вам записку, поскольку наши таможенные чиновники, как и в других странах, господа весьма своевольные и деспотические. Что касается обмена семенами хлопка, урожай наших лучших сортов поспекает

в январе—апреле и в настоящее время нет в наличии семян, которые мы могли бы рекомендовать. Я попрошу ответственного за это служащего зарезервировать образцы разных сортов из ближайшего урожая.

С уважением Г.С.Лоренс.

*АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 40, л. 5. Подлинник.
Пер. с англ. составителя.*

№ 79

*18 марта 1906 г. — Донесение Генерального консула
в Бомбее В.О. фон Клемма в Департамент земледелия
Министерства земледелия и государственных имуществ России
о посещении им опытных плантаций в Пуне*

Доверительно.

Недавно директор [Департамента] земледелия и земледельческой отчетности Бомбейского президентства, г. Лоренс, весьма любезно предложил мне осмотреть вместе с ним опытные плантации в Пуне. По подробном ознакомлении с этими плантациями я должен сказать, что несколько разочаровался в них и нашел их далеко не на той высоте, которую мог ожидать, судя по похвалам, расточаемым им в здешней печати.

Всего в Пуне имеется две плантации, из коих одна, в связи с большою молочной фермою, предоставлена в распоряжение вновь открытой земледельческой школы. Тут возделываются на небольших участках почти все злаки, различные сорта туземного хлопка и даже овощи, произрастающие в средней части Индии, в том числе разные сорта туземного хлопка. Другая плантация предназначена собственно для опытов, и на ней, между прочим, имеются кусты скрещенного путем искусственного опыления хлопка, равно образцы акклиматизированных привозных сортов, американских и египетского.

Кусты скрещенного американско-туземного хлопка имели жалкий, болезненный вид; шишки были мелкие, и хлопок в них, по-моему, очень близко подходит к туземным породам и мало напоминает американский или египетский; семена были очень мелкие и большею частию попорченные. Г.Лоренс, который сам мало понимает в агрономии, не мог объяснить мне этого явления. Быть может, оно находится в некоторой зависимости от общего неблагоприятного в сельскохозяйственном отношении года, хотя, с другой стороны, некоторые сорта туземного хлопка тут же рядом дали прекрасные результаты.

Немногим лучше показался мне и акклиматизированный хлопок на этой плантации из семян американских и египетских. Волокно этого хлопка было хотя и плотнее и шелковистее простого туземного, но также очень коротко. Во всяком случае оно было короче волокна, добываемого у нас в Средней Азии из привозных американских сортов, насколько мне помнится по прежней моей службе в Бухаре.

Лучшие туземные сорта хлопка, Броч и Дарвар, в общем, как мне кажется, не превосходят качеством волокна наш среднеазиатский хлопок, и, по моему мнению, вводить их в Туркестане и Бухаре было бы бесцельно. Некоторые сорта

туземного хлопка дают огромные кусты, вроде невысоких деревьев. Эти могли бы быть отчасти полезны у нас ради топлива, но волокно их несомненно грубее и короче нашего, а потому главная цель хлопководства — улучшение волокна — не была бы достигнута при введении этих пород.

Вскоре после посещения мною означенных плантаций я получил от помощника Лоренса г. Флетчера письмо, копию с коего при сем прилагаю³. В письме этом г. Флетчер, который считается специалистом в этом деле, прямо говорит, что акклиматизированный американский хлопок уже успел выродиться в Индии и в настоящее время едва ли превосходит туземный хлопок, что египетский не может еще считаться вполне акклиматизированным и, наконец, что опыты со скрещиванием привозных и местных пород не дали еще никаких ощутительных результатов. Тем не менее он просил меня сообщить ему, где именно и при каких условиях почвы и климата русское правительство желает испытать индийские породы скрещенного хлопка, обещаясь по получении таковых данных выбрать для нас наиболее подходящие семена.

Сообщая о вышеизложенном вследствие отзыва Департамента от 14 июля мин[увшего] года за № 16827 и покорнейше прося почтить меня уведомлением по поводу запроса помощника директора [Департамента] земледелия Бомбейского президентства, считаю долгом высказать, что, по моему мнению, лучше было бы нам обождать несколько, пока производимые здесь опыты со скрещиванием хлопка дадут более основательные результаты.

Что касается присланных департаментом семян льна, то, как я лично убедился, они дали прекрасные всходы, и остается лишь посмотреть, какие результаты получатся от этих растений в смысле волокна. Г.Лоренс говорил мне, что они в этом году еще не намерены будто бы извлекать волокна из русского льна, а только соберут семена с него. Я посоветовал ему, однако, произвести опыт извлечения волокна хотя бы из небольшого количества растений и в нынешнем году, дабы выяснить, какое влияние имели почва и климат на первый урожай этого растения в Индии.

Генер[альный] консул:

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 40, л. 21–23 и об. Черновик.

Примечания

¹ В документе ошибочно проставлен 1902 г. См. отсылку на этот документ в начале док. № 76.

² Сухумская садовая и сельскохозяйственная станция была основана в 1894 г., с 1911 г. издавала «Труды Сухумской садовой и сельскохозяйственной станции». После 1917 г. — Абхазская сельскохозяйственная опытная станция.

³ См.: АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 40, л. 19 и об.

**4 августа — 17 октября 1903 г. —
Документы об участии коллекции индийцев
Э.Х. и В.Н.Хате¹ в международных
и национальных выставках,
проводившихся в России**

№ 80

*4 августа 1903 г. — Письмо
председателя Российского Императорского Общества
рыбоводства и рыболовства² В.И.Вешнякова
в Генеральное консульство в Бомбее по поводу участия
индийской коллекции братьев Э.Х. и В.Н.Хате
в Международной рыбопромышленной³ и других выставках,
состоявшихся в России⁴, и о присужденных им
в связи с этим наградах*

Вследствие отношения от 4/20 марта с.г. за № 43 правление Императорского Российского Общества рыбоводства и рыболовства имеет честь сообщить Российскому Генеральному консульству в Бомбее, что все экспонаты братьев Хате, назначенные для бывшей в минувшем году в С.-Петербурге Международной рыбопромышленной выставки, были получены Распорядительным комитетом выставки только за несколько дней до закрытия ее⁵; тем не менее Комитет озабочился возможно выгоднее выставить полученные вещи для обзора публикою.

Принимая во внимание затраченные названными экспонентами на собиранье коллекции труды и средства и признавая саму коллекцию по своей оригинальности очень интересною и довольно полною, Главная экспертная комиссия присудила бр[атьям] Хате высшую награду — почетный диплом, который по подписании его августейшим покровителем Императорского Российского Общества рыбоводства и рыболовства и бывшей Международной рыбопромышленной выставки, Великим Князем Сергеем Александровичем⁶, в конце мая с.г. был отправлен заказною бандеролью в Бомбей на имя бр[атьев] Хате.

Желая подробнее ознакомить публику с коллекциею бр[атьев] Хате по индийскому рыболовству, Императорское Российское Общество рыбоводства и рыболовства в своем общем собрании 21 декабря минувшего 1902 г. устроило отдельную выставку всей коллекции. Кроме того, в интересах самих экспонентов было решено наиболее выдающиеся предметы этой коллекции отправить в Москву на бывшую там в начале текущего года Международную выставку гидробиологии, рыбоводства и рыболовства⁷, на которой часть коллекции и была выставлена как самостоятельный экспонат. В иллюстрациях, относящихся до Московской выставки, напр[имер] в «Ниве», можно видеть изображение этих экспонатов⁸.

Так как в присланной из Бомбея коллекции находятся предметы одежды местных рыбаков и рыбачек, то правление Общества, полагая поступить в интересах бр[атьев] Хате, отобрало эти предметы и выставило их на бывшей в начале текущего 1903 г. грандиозной Международной выставке костюмов⁹.

Как на Московской выставке гидробиологии, так и на костюмной выставке в С.-Петербурге экспонаты бр[атьев] Хате были удостоены высшими наградами, а именно: в Москве бр[атьям] Хате была присуждена золотая медаль, а на костюмной выставке — диплом первой степени.

Желающих приобрести экспонаты до сих пор, однако, не нашлось; только те предметы, которые были выставлены на костюмной выставке, быть может, удастся продать в Этнографический музей Академии наук¹⁰, но в самом благоприятном случае не дороже как за 70 рублей.

Кроме присужденной на выставке награды, Императорское Российское Общество рыбоводства и рыболовства постановило выразить братьям Хате в Бомбее искреннюю благодарность за принятие участия на бывшей выставке.

Что же касается до дальнейшей судьбы коллекции братьев Хате, то правление Общества, принимая во внимание уже сделанные в интересах братьев Хате затраты на установку экспонатов и на участие ими еще на двух выставках, не находит возможным делать какие-либо новые затраты для приобретения их для своего рыбопромышленного музея, а могло бы ими воспользоваться только в том случае, если бы вся коллекция поступила в пользу Общества безвозмездно.

В заключение правление Общества имеет честь покорнейше просить Российское Генеральное консульство не отказать сообщить братьям Хате обо всем изложенном.

Председатель Общества В. Вешняков.
Секретарь (подпись неразборчива).

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 121, л. 41–42 об. Подлинник.

№ 81

*17 октября 1903 г. — Письмо братьев Э.Х. и В.Н.Хате
Генеральному консулу в Бомбее В.О. фон Клемму по поводу
участия их коллекции в российских и проводившихся в России
международных выставках с благодарностью за внимание
к их экспонатам и присуждение им наград, с предложением
передать эту коллекцию в дар российским музеям*

Милостивый Государь,

С глубокой признательностью подтверждаем получение Вашего высоко ценного нами письма от 3-го текущего месяца за № 167, полного подробностей об экспонатах, посланных нами на Международную рыбопромышленную выставку в С.-Петербурге, 1902 г. Почетный диплом за подписью Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича, присужденный нам Главной экспертной комиссией и присланный заказной бандеролью, был своевременно получен несколько месяцев назад, за что передайте, пожалуйста, нашу большую благодарность Комитету Международной рыбопромышленной выставки, 1902 г.

Мы также весьма благодарны Обществу рыбоводства за большой интерес, проявленный к нашей коллекции, о чем свидетельствует организованная им отдельная выставка в помещении Общества, а затем отправка наших экспонатов на Рыбопромышленную выставку в Москву, что предоставило нам возможность

получить там золотую медаль, а также Диплом первой степени за экспозицию костюмов рыбаков и рыбачек из нашей коллекции на большой Международной выставке костюмов в С.-Петербурге, 1903 г. Надеемся своевременно через Вас получить золотую медаль и Диплом¹¹.

Сожалеем, однако, что не нашлось покупателей на наши экспонаты. Поскольку нам не хотелось бы нести дальнейшие расходы, были бы весьма рады подарить костюмы, как было предложено Вами, Этнографическому музею Императорской Академии наук, а остальные экспонаты — Обществу рыбоводства и рыболовства, которому мы выражаем особую благодарность за расходы, понесенные в связи с нашей коллекцией.

Невозможно в полной мере отблагодарить Вас за большой интерес, проявленный к нашему предприятию, и за значительные расходы, взятые Вами на себя за транспортировку наших экспонатов. Были бы рады, если бы факт о награждении нас двумя дипломами и золотой медалью был опубликован в «Таймс оф Индия», «Бомбэй Газетт» и «Эдвокит оф Индия» или по крайней мере в первом из упомянутых ежедневных изданий, если это не будет слишком затруднительно для Вас¹².

Остаемся, Милостивый Государь, Вашими покорнейшими слугами.

Экнат Харричандруджи Хате, Винаяк Нанабхай Хате.
Бомбей, 17-го октября 1903 г.

АВПРИ, ф. 214, Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 121, л. 46 и об. Автограф. Пер. с англ. составителя.

Примечания

¹ Хате Экнат Харричандруджи (1874 г.р.), уроженец Бомбея, врач, имевший частную практику в Бомбее; обучался в Бомбейском медицинском колледже. Его двоюродный брат Хате Винаяк Нанабхай — адъюнкт Уилсон-колледжа в Бомбее по кафедре биологии. Коллекция, представленная ими на выставке, была создана Э.Х.Хате, а его двоюродный брат В.Н.Хате только помогал привести экспонаты в надлежащий порядок.

² Российское Императорское Общество рыбоводства и рыболовства было основано в конце XIX в. В его учреждении и деятельности активное участие принимал ихтиолог, доктор зоологии, профессор Оскар Андреевич Гримм (1845 — после 1910 г.) в качестве вице-председателя, а в начале XX в. — председателя Общества. При Обществе имелся специализированный музей.

³ 15 января 1902 г. в Петербурге в помещении Михайловского манежа состоялось торжественное открытие Международной рыбопромышленной выставки, в которой приняло участие до 20 стран. Азия была представлена Японией, Сиамом, Персией и Индией. Выставка была грандиозной по количеству экспонатов, особый колорит придали выставке экспонаты этнографического характера, среди которых были и из коллекции братьев Хате.

⁴ В начале XX в. Россия приглашала Индию принять участие в различных выставках, проводившихся на ее территории, например, в Первой Западно-Сибирской выставке (Омск, 1910 г.), Международной учебно-промышленной выставке «Устройство и оборудование школы» (С.-Петербург, 1912 г.) и др. Аналогичные приглашения поступали из Индии в Россию, например, на промышленную и сельскохозяйственную выставку, организованную Индийским национальным конгрессом (Бенарес, 1905 г.); фотовыставку в Аллахабаде (1910 г.) и др. Однако в силу ряда причин сотрудничество в этой области в начале XX в. не состоялось. Инициатива, проявленная братьями Хате как частными лицами, была в своем роде уникальна.

⁵ Задержка с присылкой экспонатов объяснялась тем, что братья Э.Х.Хате и В.Н.Хате стремились составить как можно более полную и интересную коллекцию, а также подготовили ее каталог, выразив желание преподнести его в дар государю императору и государыне императрице и великому князю Сергею Александровичу, августейшему покровителю выставки.

⁶ Сергей Александрович, великий князь (1857–1905), пятый сын императора Александра II, дядя Николая II, генерал-адъютант; член Государственного Совета; участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; с февраля 1891 г. назначен московским генерал-губернатором, убит в Москве 4 февраля 1905 г. эсером И.П.Каляевым.

⁷ Это была IX Международная выставка гидробиологии и рыболовства, организованная отделом ихтиологии Императорского Общества акклиматизации животных и растений; она открылась 13 марта 1903 г. в Москве в залах Охотничьего клуба. Выставка была невелика, имела научно-промышленное значение, однако привлекла внимание не только специалистов, но и широкой публики. Экспонентами были Россия, Франция, Германия, Бельгия, США, Австро-Венгрия и Япония; как отмечала современная пресса, наряду с другими, одним из самых интересных уголков выставки явились собрания Российского Общества рыбоводства и рыболовства, представившего среди прочего экспонаты из коллекции братьев Хате — «бомбейское рыболовство в Индии в живых экземплярах и в соответствующей обстановке».

⁸ Это были чучела «индийского крокодила и речного дельфина».

⁹ Это была первая Международная выставка исторических и современных костюмов и их принадлежностей. Она проводилась с конца ноября 1902 г. в С.-Петербурге в Таврическом дворце и вызвала огромный интерес. Участвовали Россия, Германия, Франция, Австрия, Сербия, Румыния, Швеция, Абиссиния, Персия и Индо-Китай. Из экзотических экспонатов особое внимание привлекали костюмы индо-китайских обывателей, устрашающие манекены тропических дикарей, папуасов, к этой части выставки относились и манекены бомбейских рыбаков и рыбачек из коллекции братьев Хате.

¹⁰ Этнографический музей при Императорской Академии наук выделился в 1836 г. из Азиатского музея и в 1879 г. был преобразован в Музей антропологии и этнографии. Поскольку в его основу легли коллекции Кунсткамеры Петра Великого, музею было присвоено имя императора Петра I. Отделы Индии, Сиам, Китая и Японии в начале XX в. почти целиком состояли из коллекций, принесенных в дар музею Николаем II, привезенных им в бытность наследником цесаревичем из путешествия по Дальнему Востоку в 1890–1891 гг. (см.: Русско-индийские отношения в XIX в. М., 1997, док. № 131–134). Коллекция братьев Хате из Бомбея была первым даром музею от индийцев.

¹¹ В конце 1903 г., когда В.О. фон Клемм вручал Э.Х.Хате награды за участие в проводившихся в России выставках, последний высказал желание стать членом Российского Императорского Общества рыбоводства и рыболовства и просил Клемма хлопотать об этом. Хотя его брат В.Н.Хате такого желания не выражал, Клемм не сомневался, что тот «был бы весьма польщен и ошастливлен, если б Общ[ество] удостоило и его этой чести». Свидетельств о том, что это членство состоялось, не найдено.

¹² Документов, свидетельствующих о том, что В.О. фон Клемм хлопотал о таких публикациях, в архивных материалах не обнаружено.

№ 82–89

***4 августа 1903 г. — 25 февраля 1907 г. —
Документы о сотрудничестве с братьями
Хаджи Риаз-уд-дин Ахмедом
и Халиль-уд-дин Ахмедом:
намерении первого преподавать в России***

**хиндустану (урду) и работе второго
на офицерских курсах восточных языков
в Ташкенте в качестве учителя
языка хиндустану (урду)**

№ 82

*4 августа 1903 г. — Секретное письмо Генерального консула
в Бомбее В.О. фон Клемма дипломатическому чиновнику
при туркестанском генерал-губернаторе А.А. Половцову²
по поводу индийца Хаджи Риаз-уд-дин Ахмеда,
изъявившего желание преподавать в Ташкенте
язык хиндустану (урду)*

Милостивый Государь Александр Александрович,

Я воспользовался недавней поездкой моей в Бомбей, чтобы вызвать туда для личных переговоров Хаджи Риаз-уд-дин Ахмеда, который проявил желание отправиться в Ташкент в качестве преподавателя языка «индустану»³, который ныне проживает в г. Порт-Бандаре в Катиаваре. Из личного знакомства с этим туземцем я вынес весьма благоприятное впечатление. Он человек еще не старый, владеет свободно английским языком и знает не только несколько индийских наречий, но и персидский и арабский языки.

Он сказал мне, что его побуждает к поездке в Среднюю Азию желание ознакомиться с русскими вообще и в частности с нашей системой управления азиатскими народами, о которой в Индии распространяется так много превратных сведений. Что касается содержания, то он желал бы иметь столько, чтобы жить более или менее прилично и поддерживать семью, которую он оставит в Индии. В настоящее время он состоит преподавателем в одной высшей школе в Катиаваре, где получает 100 рупий (около 64 рублей) в месяц; если бы в Ташкенте ему дали 100 рублей, то это было бы достаточно с него. Проезд из Индии в Среднюю Азию он просит предоставить ему во втором классе, как на пароходе, так и по железным дорогам.

Я заметил ему, что, быть может, в Ташкенте будет признано желательным, чтобы он проехал не обычным путем через Константинополь и Батум, а каким-нибудь новым, например, через Кветту, Нушки и Сеистан, или через Кабул⁴. Он ответил на это, что относительно первого из этих двух направлений (т.е. Кветто-Сеистанского) он слышал такие ужасные отзывы, что положительно отказывается следовать по ним; что же касается пути через Кабул — Мазари-Шериф, то он не прочь избрать его, если ему удастся выхлопотать себе разрешение у афганского резидента в Калькутте на проезд через Афганистан, что он считает в общем возможным.

Коснулись мы с ним также его газеты Al-Riaz⁵, собственником которой он останется и которая, как и ныне, будет редактироваться его братом. Он сказал, что с удовольствием будет посылать в газету эту корреспонденции из Средней Азии для распространения среди индийских мусульман более правильных представлений о России и об отношении русских к азиатским народностям. По моему мнению, это для нас чрезвычайно важное обстоятельство, так как трудно себе

даже представить, какие только ложные сведения о нас не распространяются здесь англичанами путем своей и туземной печати. Газета Al-Riaz явилась бы тогда нашим органом, в котором можно было бы опровергать хоть часть этих гнусных инсинуаций. Если бы это зависело от меня, то я назначил бы даже Хаджи Рияз-уд-дина некоторую субсидию с тем, чтобы помочь ему поставить газету надлежащим образом и всячески способствовать ее распространению в северной Индии и среди туземных офицеров. Много на это во всяком случае не потребуется⁶.

Я полагаю, что перед отправлением Хаджи Рияз-уд-дина в Ташкент надо будет заключить с ним здесь формальный контракт, которым он обязался бы прослужить у нас не менее трех лет. В контракте этом следовало бы оговорить, что если он не выдержит этого срока, то не только должен будет сам оплатить обратный свой проезд, но и возместить расходы по поездке его из Индии в Ташкент, в обеспечение чего будет удерживаться ежемесячно некоторая часть его содержания.

Ввиду того, что уроженцу Индии было бы очень тяжело приехать в Россию поздно осенью, а тем более зимою, то было бы весьма желательно, чтобы вопрос о найме Хаджи Рияз-уд-дина был решен как можно скорее, дабы он мог выехать отсюда сколь возможно своевременнее. Поэтому я был бы весьма обязан, если бы по докладу настоящего письма моего г. Туркестанскому генерал-губернатору⁷ Ваше Высокородие уведомили меня по телеграфу о резолюции Его Высочайшего Превосходительства.

Сообщая о вышеизложенном в дополнение к письму моему от 14 июля за № 136 и присовокупляя, что дорожные расходы на поездку Хаджи Рияз-уд-дина из Порт-Бандара в Бомбей и обратно, всего в размере 40 рупий, уплачены мною из отпущенных мне г. Туркестанским генерал-губернатором средств, пользуюсь настоящим случаем, чтобы возобновить Вам, Милостивый Государь, уверения в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 14, л. 12-14 и об. Черновик.

№ 83

*4 октября 1903 г. — Секретное письмо начальника штаба
Туркестанского военного округа Вс.В. Сахарова
Генеральному консулу в Бомбее В.О. фон Клемму
о заключении контракта с Хаджи Рияз-уд-дин Ахмедом
о преподавании языка хиндустани (урду) на офицерских курсах
при штабе Туркестанского военного округа
с приложением условий контракта*

Милостивый Государь Василий Оскарович.

По поручению командующего войсками округа и в дополнение телеграммы 27 прошлого сентября № 873, имею честь уведомить Вас, что Его Превосходительство, основываясь на отзыве Вашем о Хадже Рияз-уд-дин Ахмеде, разрешил пригласить его в качестве практиканта на состоящий при вверенном мне штабе курс языка индустани (урду) и вместе с тем приказал просить Вас заключить

с вышеупомянутым индусом контракт применительно условий, изложенных в приложении к настоящему письму.

Что касается вопроса о приезде Хаджи Риаз-уд-дина из Индии не обычным морским путем, а через Афганистан, то Его Превосходительство, вполне одобряя Вашу мысль, вместе с тем полагал бы выбор маршрута предоставить самому Хадже Риаз-уд-дину, причем было бы желательно получить от него сведения об общем характере пути, который он изберет, а в частности при следовании через Кабул и Мазари-Шериф подробные сведения о степени доступности Бамианского или Хавакского перевалов (смотря по тому, через какой из них он будет следовать), а при следовании через Герат сведения как об этом городе, так и о перевальной дороге через Парапамиз в наши владения⁸.

К сему присовокупляю, что в изменение вышеприведенной телеграммы моей, за отсутствием точных сведений о стоимости проезда из Индии до Константинополя, а также ввиду того, что при следовании через Афганистан Хадже Риаз-уд-дину может потребоваться больше денег, нежели при следовании морским путем, мною переведено в Ваше распоряжение не 410, а шестьсот (600) рублей, для выдачи их вышеупомянутому индусу, причем прошу Вас предупредить его, что излишне выданные ему сверх действительной стоимости билетов деньги, при следовании морским путем, будут удержаны из его содержания.

Вместе с тем, прошу Вас не отказать сообщить для необходимых расчетов сведения о стоимости проезда во 2-м классе на пароходе от Бомбея до Константинополя или Батума.

Пользуясь случаем, прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном почтении и преданности.

В.Сахаров.

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВИЙ,

на которых Хаджа Риаз-уд-дин Ахмет может быть приглашен практикантом на курс языка индустуни (урду) в Ташкенте.

1. Хаджа Риаз-уд-дин Ахмет поступает на курс языка индустани (урду) в качестве практиканта этого языка и состоит в ведении окружного генерал-квартирмейстера, коему курс непосредственно подчинен.

2. В течение занятий на курсе индустани, ежегодно с 1 октября (ст[арого] стиля) по 1 мая, на него возлагается практическое обучение слушателей курса индустанскому (урду) языку, а также, если потребуется, английскому и персидскому языкам.

В течение остальных пяти месяцев в году на него могут быть возложены по усмотрению окружного генерал-квартирмейстера занятия или поручения соответствующего характера без особого вознаграждения.

3. Содержание Хадже Риаз-уд-дин Ахмету определяется в 100 руб. в месяц со дня прибытия его в Ташкент, причем на проезд из Индии до Ташкента ему выдается сумма по стоимости билета 2-го класса на пароходах и по железной дороге.

4. Хаджа Риаз-уд-дин Ахмет обязывается прослужить со дня подписания настоящего контракта три года, после которых, при условии исправного выполнения принятых на себя обязательств, ему разрешается либо полугодовой отпуск в Индию (с таким расчетом времени, чтобы отпуск не помешал занятиям на курсе), либо совсем оставить службу. В обоих случаях ему обеспечивается бесплатный проезд в Индию.

5. В случае, если Хаджа Риаз-уд-дин Ахмет прослужит менее 3 лет и оставит службу добровольно или будет уволен от таковой, вследствие невыполнения принятых на себя обязательств, он лишается права на получение денег на обратный проезд⁹.

За старшего адъютанта,
капитан Черкасов.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 14, л. 26–27. Подлинник.

№ 84

30 января 1904 г. — Контракт, подписанный Халил-уд-дин Ахмедом с генерал-квартирмейстером штаба Туркестанского военного округа генерал-майором М.Д.Евреиновым¹⁰ о преподавании языка хиндустани (урду) на офицерских курсах при штабе Туркестанского военного округа¹¹

Кому: Генерал-квартирмейстеру штаба Туркестанского военного округа в Ташкенте.

Я, нижеподписавшийся Халил-Удин Ахмед, сын Хаким Махомед Ибрагима, житель Барейли, Объединенные Провинции Агры и Ауда в Британской Индии, согласен служить под вашим началом в качестве учителя языка урду и, если потребуется, также английского и персидского языков на следующих условиях:

1. Я согласен служить при русском штабе Туркестанского военного округа в Ташкенте в качестве учителя на офицерских курсах под руководством генерал-квартирмейстера в период работы этих курсов, т.е. с 1 октября по 1 мая, и обязуюсь обучать офицеров, посещающих эти курсы, языку урду, а при необходимости также английскому и персидскому языкам.

2. Я также согласен в течение остальных пяти месяцев года в случае необходимости выполнять любую подобного характера работу, порученную мне вышеупомянутым генерал-квартирмейстером, без дополнительной платы.

3. Я согласен получать жалованье в размере 100 рублей в месяц, начиная с даты выезда из Бомбея в Ташкент; мне обеспечивается бесплатный проезд вторым классом из Барейли до Ташкента морем и по железной дороге.

4. Я согласен служить под вашим началом в течение трех лет с даты отъезда из Индии, по окончании этого срока имею право продолжать службу на тех же условиях или оставить службу; при желании продолжать службу по окончании вышеуказанного срока я буду иметь право поехать в Индию сроком на шесть месяцев в период, когда на курсах занятий нет. В любом случае буду иметь право на бесплатный проезд обратно в Индию вторым классом морем и по железной дороге.

5. В случае моей неизлечимой болезни или невозможности жить в условиях среднеазиатского климата, по получении мною необходимого соответствующего свидетельства от российских медицинских властей, вы должны будете обеспечить мне бесплатный проезд вторым классом морем и по железной дороге из Средней Азии до места жительства в Индии.

6. В случае, если в течение вышеуказанных трех лет я покину службу без уважительной причины или буду уволен вами за нарушение какого-либо из вышеуказанных условий или из-за неспособности выполнить взятые на себя обязательства, я не буду иметь права на бесплатный обратный проезд в Индию. Вышеуказанная дата и подпись стороны засвидетельствованы.

Халил Уддин Ахмед бин Хаким Мохамед Ибрагим.

Свидетели: Джанушеджи Сорабджи Энти
Б.К. Даниэль Варз.

Служащий фирмы «Крэфорд Браун энд К°».

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 14, л. 80–81 и об. Подлинник. Пер. с англ. составителя.

№ 85

*17 марта 1904 г. — Письмо Риаз-уд-дин Ахмеда
Генеральному консулу в Бомбее В.О. фон Клемму
об обмене печатными изданиями,
необъективности англо-индийской прессы,
с просьбой оказать финансовую поддержку
его газете «Аль-Риаз»*

Милостивый государь,

Подтверждаю с признательностью, что получил Ваше любезное письмо от 16 марта 1904 г., за которое примите, пожалуйста, мою горячую благодарность. Неделю назад получил письмо от Халил Уддин Ахмеда из Константинополя и надеюсь, что в настоящее время он уже в Ташкенте. Я был весьма огорчен, узнав о войне между Россией и Японией. Не сомневаюсь в полном успехе России. Британское правительство декларировало нейтралитет, однако английские газеты, особенно в Индии, похоже, разжигают огонь. Публикации главным образом направлены против России: аллахабадский «Пайонир»¹² и «Таймс оф Индия»...¹³ поддерживают японцев в их столкновениях с Россией на море. Я сделал необходимые выписки из журнала Англо-Русского Литературного Общества... с целью публикации их на урду... То же самое я опубликую в газете «Аль-Риаз». Не получили ли Вы других номеров «Закаспийского обозрения»¹⁴? Если можете, пришлите мне, пожалуйста, один экземпляр. Будьте любезны, попросите владельца этого журнала прислать мне экземпляр в обмен на мою газету «Аль-Риаз». Я также постараюсь найти несколько подписчиков. Я был бы рад, если бы Вы взяли меня с собой до Константинополя¹⁵. Там я смогу найти какую-нибудь работу и к Вашему возвращению в Индию верну Вам стоимость проезда. Я могу ехать третьим классом до Суэца и вторым — до Константинополя. А если бы Вы могли взять меня с собой в Россию и устроили бы меня на работу учителем урду или персидского языка в любое учебное заведение, это было бы еще лучше. Поскольку в России, когда мы туда прибудем, настанет лето, то погода для меня будет приемлемой. В пути Вы сможете читать со мной на урду.

Должен поблагодарить Вас за 100 рупий, которые Вы любезно прислали мне, и, как вы пожелали, вкладываю в письмо расписку об этом. Невозможно выра-

зять словами мою благодарность Вам за всю доброту, проявленную ко мне, и особенно за то, что Вы направили в Ташкент вместо меня моего брата. Поскольку Вы намерены через 6 месяцев уехать, я хотел бы до Вашего отъезда из Бомбея засвидетельствовать мое почтение. Все это время Вы будете в Бомбее или поедете в Пуну или в Махабалешвар? Я верну Вам «Протоколы Англо-Русского Литературного Общества» отдельной посылкой. Надеюсь, Вы любезно известите меня, как только получите ее.

Что касается известий о войне, я обязательно буду отражать их в моей газете, чтобы читатели не верили всему, что пишут об этом английские газеты, выдавая все это за истинную правду. К сожалению, моя газета выходит всего один раз в два месяца. Если бы я имел достаточно средств, то выпускал бы ее еженедельно на английском, арабском и русском языках. Однажды Ваше Превосходительство высказались о поддержке газете, если бы это случилось, то сослужило бы очень хорошую службу¹⁶.

Искренне Ваш, Х.Риаз-уд-дин Ахмад.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 14, л. 93–94 и об. Автограф. Пер. с англ. составителя.

№ 86

2 мая 1905 г. — Рапорт начальника курсов восточных языков при штабе Туркестанского военного округа в Ташкенте подполковника И.Д.Ягелло¹⁷ генерал-квартирмейстеру штаба Туркестанского военного округа генерал-майору И.И.Федотову о работе Халил-уд-дин Ахмеда в качестве преподавателя языка хиндустани (урду)

В дополнение к моему рапорту № 19 от 2 мая 1905 г. имею честь подтвердить, что индеец Халил Уддин Ахмед, назначенный Штабом практикантом разговорного языка хиндустани, превосходно продемонстрировал высокий уровень знаний хиндустанского, персидского и английского языков, а также выказал большой опыт в обучении разговорному языку. Ввиду вышеизложенного беру на себя смелость просить Ваше Превосходительство дать согласие наградить его «почетным халатом», чтобы поощрить и в дальнейшем содействовать офицерам Туркестанского военного округа, изучающим хиндустанский, персидский и английский языки¹⁸.

Подп[исал] подполковник Ягелло.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 14, л. 140. Копия. Пер. с англ. составителя.

№ 87

*1 августа 1905 г. — Свидетельство № 7442
о награждении Халил-уд-дин Ахмеда
малой серебряной медалью*

Принимая во внимание рекомендации официальных лиц об особых заслугах Халил Уддин Ахмада, учителя хиндустани на курсах этого языка, на основании предоставленной мне Его Императорским Величеством власти действовать по собственному усмотрению награждаю Халил Уддин Ахмада, учителя хиндустани на курсах этого языка при штабе Туркестанского военного округа, малой серебряной Медалью на нагрудной ленте «Станислава»¹⁹.

Подп[исал] генерал-губернатор Туркестана
генерал от кавалерии Тевяшев²⁰.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 14, л. 140. Копия. Пер. с англ. составителя. Опубл.: Туркестанские ведомости, № 115, 3 августа 1905 г.

№ 88

*15 апреля 1906 г. — Письмо Халил-уд-дин Ахмеда
туркестанскому генерал-губернатору генерал-лейтенанту
Д.И.Субботичу²¹ с просьбой ходатайствовать
о зачислении его на службу в России*

Ваше Превосходительство,

Беру на себя смелость обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой. Ввиду реорганизации курсов восточных языков в Ташкенте курс языка хиндустани был упразднен, вследствие чего по завершении срока действия мой контракт не был продлен²². Уважаемые В. фон Клемм и господин В. Некрасов²³ весьма любезно снабдили меня всеми свидетельствами и удостоверениями, выданными мне российскими властями, которые я лично представляю на Ваше благосклонное рассмотрение.

С глубочайшим почтением осмеливаюсь покорнейше просить милости Вашего Превосходительства ходатайствовать о зачислении меня на службу в качестве учителя на курсы Главного штаба в С.-Петербурге или в качестве переводчика, если таковой требуется, в Военное министерство или в Министерство иностранных дел. Уповаю на доброту Вашу и надеюсь, что вы откликнетесь на мою покорную просьбу, за что я буду весьма обязан Вашему Превосходительству.

Покорнейше Ваш Халил Уддин Ахмад из Индии,
бывший учитель языка хиндустани (урду) в Ташкенте.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 14, л. 174–175. Автограф. Пер. с англ. составителя.

25 февраля 1907 г. — Письмо В.О. фон Клемма представителю фирмы «Щербаков, Чоков и К°» в Коломбо Т.К.Чокову²⁴ по поводу возможности дальнейшего сотрудничества с индийцем Халил-уд-дин Ахмедом

Многоуважаемый и дорогой Трифон Константинович,

Предъявитель сего, индийский мусульманин Халиль-уд-дин Ахмед, по моей рекомендации в течение трех лет состоял преподавателем языков «индустани», персидского и английского при офицерских курсах восточных языков в Ташкенте и ныне, ввиду окончания срока его контракта, возвращается на родину. В Ташкенте он научился довольно порядочно говорить, читать и даже немного писать по-русски, и вообще это человек, на мой взгляд, очень способный. Он желает теперь, по возвращении в Индию, заняться каким-нибудь делом, и мне пришло на мысль, что он, быть может, мог бы быть Вам полезен в каком-нибудь отношении. Если Вы можете воспользоваться его услугами, то буду очень рад.

Я писал Вам недавно подробно и сейчас не имею ничего присовокупить, тем более что это письмо пространствует, вероятно, очень долго, пока дойдет до Вас, а может быть, даже совсем не попадет в Ваши руки, если Халиль-Уд-дин Ахмед откажется от своей поездки в Коломбо²⁵.

Крепко жму Вашу руку. Душевно Вам преданный

В.Клемм.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 14, л. 172 и об. Подлинник.

Примечания

¹ Хаджи Риаз-уд-дин Ахмед (1852 г.р.), сын Хаким Мухаммеда Ибрагима из Барейли, Соединенные провинции Ауда и Агры; проживал в г. Порт-Бандар в Катхияваре; работал преподавателем в одной из высших школ Катхиявара; интересовался Россией, симпатизировал ей; являлся владельцем газеты «Аль-Риаз», редактором которой был его младший брат Халил-уд-дин Ахмед. См. также док. № 122.

² Половцов Александр Александрович, на службе с 1888 г., определен в МИД с 1902 г.; в 1903–1905 гг. — дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе; в 1906–1907 гг. — Генеральный консул в Бомбее; с октября 1916 г. — товарищ министра иностранных дел; с 1 января 1917 г. — действительный статский советник.

³ По свидетельству В.В.Лосева (см. док. № 139–143, примеч. 1), Хаджи Риаз-уд-дин Ахмед был рекомендован В.О.Клемму редактором местной индийской газеты «Ватан». По свидетельству А.А.Половцова, в начале 1903 г. Хаджи Риаз-уд-дин Ахмед обратился к туркестанскому генерал-губернатору генерал-лейтенанту Н.А.Иванову с просьбой принять его на службу в качестве учителя языков персидского и хиндустани (урду). Ввиду нехватки на офицерских курсах восточных языков при штабе ТуркВО преподавателей разговорного языка в Ташкенте заинтересовались ходатайством индийца.

⁴ Учитывая военно-стратегическое значение дорог, соединявших Индию с территорией России через Персию, Афганистан, Кавказ, русские военные власти хотели так составить маршрут следования индийца, чтобы иметь максимум информации.

⁵ «Аль-Риаз» — газета на языке урду, выходившая в г. Порт-Бандар, в Катхияваре, один раз в два месяца; владелец газеты интересовался Россией, стремился более объективно отражать внутреннюю и внешнюю политику России. См. док. № 122.

⁶ Просьбы о субсидировании своей газеты российским правительством были своего рода рефреном в письмах Хаджи Риаз-уд-дин Ахмеда В.О.Клемму.

⁷ Генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа в это время был Иванов Николай Александрович.

⁸ Этому намерению не суждено было осуществиться, так как Халил, с которым был заключен контракт, отправился в Россию зимой и поэтому следовал морем, а сделка с Риазом вообще не состоялась; когда же Халил-уд-дин Ахмед по окончании контракта, возвращаясь назад в Индию, оказался в Сеистане, откуда мог пройти по Кветто-Сеистанскому пути, такое поручение было решено ему не давать, так как к этому времени ему уже не доверяли, подозревая в шпионаже.

⁹ Контракт с Хаджи Риаз-уд-дин Ахмедом подписан не был. Как свидетельствует В.В.Лосев, который во время его командировки в Индию в 1905–1906 гг. брал у него уроки урду, индиец испугался ехать в Ташкент под влиянием широко распространявшейся в Индии информации об ужасах, творящихся в России: сказавшись больным, он отказался от поездки и просил вместо себя послать в Туркестан своего младшего брата Халил-уд-дин Ахмеда, хорошую рекомендацию которому дал тот же редактор газеты «Ватан». Впоследствии, узнав из писем брата об условиях жизни и работы в Ташкенте и убедившись в лживости антирусской пропаганды англичан, он выражал желание поехать в Россию.

¹⁰ Евреинов Михаил Дмитриевич (1851 — после 1909), генерал-лейтенант (с 1905), в 1899–1904 гг. — генерал-квартирмейстер штаба Туркестанского военного округа, в 1904–1906 гг. — начальник штаба Туркестанского военного округа, в 1906–1908 гг. — начальник Кавказской гренадерской дивизии, с 1908 г. — начальник Закаспийской области.

¹¹ Контракт выполнен в рукописной форме на английском языке на фирменном бланке бомбейской юридической конторы «Крэфорд Браун энд К^о», шапка которого полиграфически оформлена в восточном стиле. На верхнем поле второго листа — штамп с рукописной (не полностью разборчивой) пометой, удостоверяющий уплату пошлины в размере 8 анна.

¹² «Пайонир» — газета, издававшаяся на английском языке с 1865 г. в Аллахабаде, орган английской администрации.

¹³ Здесь и далее многоточием отмечено несколько неразборчивых мест; поскольку в каждом таком случае речь идет всего об одном-двух словах, то их отсутствие при переводе, с учетом контекста данного документа и другой корреспонденции Хаджи Риаз-уд-дин Ахмеда В.О.Клемму, не исказило общий смысл письма.

¹⁴ «Закаспийское обозрение» — политическая, общественная, торгово-промышленная и литературная газета, издававшаяся в Асхабаде в 1895–1913 гг. сначала три раза в неделю, потом — ежедневно. В 1903–1910 гг. она выпускалась на персидском языке.

¹⁵ Имеется в виду отъезд В.О.Клемма из Индии в Россию на время отпуска.

¹⁶ См. док. № 122.

¹⁷ Ягелло Иван Дионисьевич (1865–1943), подполковник; окончил курсы восточных языков при МИД; с 1900 г. — член Общества востоковедения в Петербурге с начала его деятельности, секретарь Ташкентского отделения Общества востоковедения с момента его учреждения; с 1897 г. преподавал хиндустани сначала в Асхабаде, потом в Ташкенте на офицерских курсах восточных языков; автор книг «Практическая грамматика языка индустани-урду», «Индустани-русский словарь», переводов с урду «Приключения четырех дервишей» из поэмы «Сад и весна», с хинди — «Четыре брамина».

¹⁸ В удостоверении, которое И.Д.Ягелло выдал Халил-уд-дин Ахмеду 30 марта 1906 г., начальник курсов восточных языков отмечал, что, когда индеец прибыл в Ташкент, он совершенно не знал русского и сартского языков, но, будучи человеком способным, быстро изучил

их и теперь может успешно преподавать теоретический курс русского и сартского людям, владеющим английским, персидским или «хиндустанским» языком.

¹⁹ Высокая оценка работы Халил-уд-дин Ахмеда выразилась также в том, что ему было разрешено посещать в качестве гостя «все вечерние собрания и представления» в клубе офицеров ТуркВО, а также присутствовать на военных парадах, располагаясь в предназначенном для иностранцев месте.

²⁰ Тевяшев Николай Николаевич (1842 — после 1905), генерал от кавалерии (с 1902), в 1904–1905 гг. — туркестанский генерал-губернатор.

²¹ Субботич Деан Иванович (1852 — после 1906), генерал-лейтенант (с 1900), генерал-губернатор Туркестанского края с ноября 1905 по сентябрь 1906 г.

²² Контракт с Халил-уд-дин Ахмедом не был продлен потому, что ему перестали доверять, подозревая в шпионаже.

²³ Некрасов Владимир Иванович, русский дипломат, с февраля 1904 г. — секретарь Генерального консульства в Бомбее; в 1905 г. — старший секретарь Генерального консульства в Бомбее, с 1907 г. — российский консул в Сеистане, с 7 ноября 1916 г. причислен к Отделу печати МИД.

²⁴ Торговая фирма «Щербаков, Чоков и К°» была крупнейшим поставщиком чая в Россию, наряду с еще тремя русскими чаеоторговыми фирмами («Токмаков, Молотков и К°», «Молчанов, Печатников и К°», «Товарищество преемников А.Губкина, А.Кузнецова и К°») имела представительство на Цейлоне, в Коломбо ее торговым представителем был Т.К.Чоков.

²⁵ Свидетельств о дальнейшем сотрудничестве русских с Халил-уд-дин Ахмедом не обнаружено. В 1908 г. С.В.Чиркин предполагал, что Халил-уд-дин Ахмед мог преподавать русский язык в Кветтской военной академии или давать частные уроки английским офицерам в связи с интересом к русскому языку в англо-индийской армии (см. док. № 225).

№ 90

*6 сентября 1903 г. — Выдержки из анонимного письма,
полученного Генеральным консулом в Бомбее
В.О. фон Клеммом из г. Сялкотта в Пенджабе,
приложенные к его донесению в МИД,
об отношении индийцев к возможному походу русских
на Индию*

Если когда-либо вспыхнет война между Россией и Англией, Россия должна тотчас и быстро напасть на Индию. Как только она появится на границе, все (жители Индии) присоединятся к ней. Я слышу ежедневно разговоры, которые ведут между собой туземные полицейские, чиновники, адвокаты и другие люди, и всеми прославляется Россия.

России следовало бы: 1) укрепиться в Манчжурии, 2) назначить инструкторов в китайскую армию¹ и 3) открыть как можно больше банков в Индии, по крайней мере в Калькутте, Бомбее, Мадрасе, Аллахабаде, Амритсаре и Лагоре. Я ручаюсь, что эти банки будут процветать в Индии.

Россия должна всегда скрывать свои замыслы и свою силу. Пусть она останется дружною с другими нациями, но пусть также не отстанет от других в обеспечении своих прав. Относительно Тибета России не следует зевать. Англия не имеет никаких прав на него и только с некоторых пор обратила на него свое внимание².

Я не могу достаточно настаивать на том, что, когда Россия двинется на Индию, ей надо явиться в полной силе и с разных сторон. Индийцы тотчас присоединятся к ней, и с первого же дня она будет чувствовать себя здесь так, как будто бы она уже с незапамятных времен владела этой страной. Я слышал от туземного адъютанта вице-короля и многих других туземных офицеров, что они жадно следят за всеми сведениями о России в туземных газетах и что вся туземная армия перейдет на сторону русских, если последние на первых порах одержат победы и будут надежды на то, что они возьмут верх над англичанами.

Один офицер рассказывал мне, что во время Делийского дурбара³, когда много английских войск было взято с границ для больших маневров у Дели, некоторые патанцы⁴ из пограничных племен сделали набег на индийскую территорию. Против них двинут был один батальон туземной пехоты, составленный из патанцев и дограсов (индусов)⁵, но патанцы-солдаты присоединились к нападавшим и стреляли вместе с ними в дограсов. Этот инцидент был тщательно скрыт англичанами, и я узнал о нем лишь 3 месяца спустя. Много таких случаев бывало в смешанных туземных полках.

Афганцы ненавидят англичан, а к русским питают уважение, так как они считают первых низкими торгашами, а вторых — воинами. Следует заметить, что патанцы вообще не могут уважать «баричей», а только любят воинов. Если Афганистан будет на стороне России, то выгнать англичан из Индии будет легче, чем зайца из куста, ибо магометане не станут воевать против магометан. Во время тирахской экспедиции⁶ солдаты-мусульмане стреляли в воздух. Вследствие этого прошел было слух, что все мусульманские войска будут распущены, но англичане не рискнули этого сделать, так как побоялись тогда, что индусы слишком поднимут головы. Они сохранили магометан в войсках, но не против врага с севера, а для сохранения равновесия между индусами и магометанами.

Провианта и фуража всегда вдоволь в Пенджабе, и жители будут доставлять их русским с удовольствием.

Весьма важно, чтобы в азиатских странах русские солдаты оказали уважение женщинам. Только из-за этого вопроса в Индии еще опасаются русских, и надо поработать в туземной прессе, чтобы убедить народ в неосновательности этих опасений. Англичане старательно распространяют на этот счет дурные слухи о русских и разослали во все школьные библиотеки известную книгу «Фазана Азад», в которой о России рассказываются всякие гадости. Но, слава богу, многие уже знают, что все это ложь.

Издатели местных газет ежедневно получают массу писем, в коих индусы приглашаются присоединиться к России, но письма эти не печатаются, так как часть их анонимны, а другие слишком редки.

В нескольких милях от Амрицара стоит большой трехэтажный дом. В декабре прошлого года к хозяину этого дома пришел топограф и попросил позволения подняться на крышу, чтобы сделать съемку окрестностей. Когда хозяин отказал ему, то у топографа сорвалось восклицание: «Пропало мое дело!». Тогда хозяин спросил его, почему правительство не снабжает своих съемщиков нужными приспособлениями. На это топограф ответил, что он послан не англо-индийским, а русским правительством. Услышав это, хозяин не только разрешил ему подняться на крышу, но и угостил его, как мог, и помог ему всячески снять план.

Один почтенный капитан, ныне умерший, говорил мне в феврале этого года, что все британские укрепления на северо-западной границе ничего не стоят, так как могут быть легко обойдены...⁷

Есть в Пенджабе большая секта «Кука»⁸, которая была основана махараджею Рам Сингом⁹. Правительство недолюбливает эту секту, а последняя недолюбливает правительство, все последователи этой секты склоняются к России и уверены, что их гуру (духовный руководитель) Рам Синг удался в Россию и скоро вернется с севера. На мой вопрос, что они сделают, если Россия двинется на Индию, все последователи этой секты ответили, что они немедленно двинутся навстречу своему гуру, который придет с русскими. Трудно передать, с каким нетерпением весь Пенджаб ждет прихода русских! В туземных библиотеках молодые люди всегда спрашивают и с жадностью читают газеты, в которых говорится о намерении России покорить Индию.

Если англичане не могут справиться с каким-то сомалийским муллою¹⁰, то где им справиться с русскими в Индии? По мнению индусов, для России покорение Индии далеко не трудное дело.

Однажды я беседовал о политике с некоторыми туземными юристами. Они высказали мнение, что при настоящих условиях Россия, весьма вероятно, могла бы без особого труда завладеть Индией. В этом случае самое неприятное для местного населения было бы то, что рупия потеряла бы полцены, английский фунт стерлингов — три четверти, а индийские кредитные билеты не имели бы более никакой ценности. Ввиду этого все выразили сожаление, что в то время как многие европейские страны открыли банки в Индии, Россия не имеет тут ни одного банка, в который можно было бы класть свои сбережения и быть спокойным. Один из присутствовавших заметил, что недурно было бы избрать русского председателем следующего индийского национального конгресса¹¹. Многие удивлялись тому, что русские так мало посещают Индию, тогда как другие иностранцы не только ведут здесь обширную торговлю, но даже поступают на военную и гражданскую службу. Русские имеют больше прав на это, чем кто-либо, говорили они и добавили: «Пусть русские покажут свое расположение к Индии, и тогда отойдет к царю то, что должно принадлежать царю. Как взрослая девица тоскует по отсутствующему жениху, так пенджабская молодежь тоскует по России».

Если б Россия обеспечила за собой Тибет, то ей легко было бы проникнуть в Индию через Непал, который будет несомненно на ее стороне. Надо обратить внимание на Тибет.

Один простой Сик сказал мне в марте сего года, что в писании сиков сказано, что англичане будут владеть Пенджабом лишь до тех пор, пока не будут проведены все дороги, необходимые для прихода русских, и что потом придут русские и будут царить тут. По его же словам гуру Рам Синг предал проклятию всякого, кто не поверит в пришествие русских.

Странно, право, никто в этой стране не работает в пользу поднятия престижа России, а он растет сам собою.

Между индусами и магометанами много в последнее время поговаривают о новом поголовном восстании, народ только ждет приближения России, чтобы показать англичанам, чего они заслуживают. Индия точит свои зубы, и горе англичанам!

По словам одного адъютанта вице-короля, лорд Керзон в частном кругу высказал однажды следующее: «Что нам делать с афганцами? Мы думали застрашавать Хабибулла Хана¹² после смерти его отца¹³, но британское правительство трусило и осаживает нас на каждом шагу. Теперь эмир становится все более нахальным и грозит опереться на русское оружие. Наше положение теперь очень щекотливое!»

Пограничные племена, афридии¹⁴ и другие, невзирая на все старания англичан заручиться их дружбою, ненавидят их день ото дня больше. В горах пашен немного, а англичане чуть что грозят воспретить вывоз зерна к горцам. Пусть Россия через эмира внушит горцам, что они всегда могут получить зерно из России и Афганистана, когда понадобится. Надо войти в сношения с пограничными племенами как можно скорее.

В Индии теперь с виду царит спокойствие, но дело лишь в том, что народ возложил свои упования на Россию и ждет лишь ее появления, чтобы возобновить агитацию.

Сегодня я говорил с одним отшельником факиром. На мой вопрос о России он сказал: «Россия придет скоро со стороны Бухары в союзе с афганцами и займет Индию без сопротивления». Эти слова отшельника подтверждают лишь древнее пророчество.

В одной компании шел разговор о России. Один из присутствовавших сказал, что слышал, что русские обращают всех насильно в свою христианскую веру. Я объяснил ему, что все это вздор, а другой воскликнул: «Пусть только Россия придет, мы с удовольствием примем ее религию. Ее христианские принципы не таковы, как этих грабителей (англичан), которые обманывают нас на словах и на деле».

Народ любит вспоминать посещение Лагора Его Императорским Величеством¹⁵, но горько жалуется, что индийское правительство не допускало никого близко к царю. Изю всех мест, которые Его Величество посещал, народ удалялся, войска стояли по улицам и даже частные дома были полны полицейских, которые запрещали народу высказать свою радость.

В 1899 году, когда распространился слух о предстоящей будто бы войне с Россией, многие пенджабцы вышли в отставку, так как не желали сражаться против русских. В случае войны с Россией англичане встретят много затруднений в наборе рекрутов в Индии.

С некоторого времени дочери махараджи Дулип Синга¹⁶ находятся в Пенджабе, но скрываются до сих пор, и самый их приезд сюда составляет пока большой секрет. Если им удастся остаться в Пенджабе и если они примут сторону русских, то это будет очень хорошо. Да поможет Россия этим бедным девушкам, следовало бы им помочь! Мать их¹⁷ призвала англичан во время междуусобия, но лукавый их попутал, и они не возвратили страны законному правителю. Пенджаб надеется, что Россия поможет наследницам Дулип Синга.

Один издатель туземной газеты сказал мне, что с тех пор, как он стал много печатать о России, у него явилась масса подписчиков. Странно, что даже люди, разжиревшие на английской службе, недовольны английским правлением. Объясняется это нечеловеческим обращением англичан с индусами. Один чиновник-мусульманин, судья и администратор в Равульпинди, воскликнул однажды в моем присутствии: «Я покажу себя, когда придут русские, я стою во главе 200 тысяч человек. Англичане поступают подло с нами, и мы только ждем прихода России». Недавно я встретился с тем же чиновником в Дели, причем у него находился один туземный инспектор полиции. Последний сказал: «Англичане недолго останутся в Индии, ибо их притеснения превосходят всякую меру». Я заметил на это, что не сомневаюсь в справедливости его слов, раз уж полицейские служители стали так говорить.

За последние два года индийское правительство деятельно готовится к войне. В прошлом году был издан приказ, чтобы все жители привели своих лошадей,

ослов, мулов, быков и буйволов, а равно и повозки в особые сборные пункты, назначенные для каждых 4–5 селений. Когда это было исполнено, явились офицеры транспортной части и переписали всех животных и все повозки, которые имеют быть доставлены в распоряжение правительства по первому требованию*. Несколько месяцев спустя была проведена перепись всем сапожникам, столярам и кузнецам, коих также предполагается набрать в случае надобности. Потом явились офицеры, вербующие рекрутов, но лишь с большим трудом им удалось набрать небольшое число людей, и то из самых низких каст, каковых правительство до сего времени не решалось брать в солдаты**. Засим объявлено было, что правительство отведет безвозмездно землю тем, которые займутся коневодством на правильных началах. На этот вызов явились тысячи с хорошими кобылами, и несколько сот из них были выбраны и отправлены на земли канала Джелам, где им отведены были участки. Жеребцов-производителей содержит правительство.

Всякий сведущий человек советует следующее на случай похода на Индию:

1) Наступающий должен явиться с большими силами. В продовольствии и фураже недостатка не будет, ибо и того и другого имеется вдоволь и жители будут поставлять все с охотой.

2) Наступление должно совершаться быстро. Вначале индийское правительство никогда не бывает готово. Когда начинается какой-либо поход, народ всегда терпит большие притеснения, ибо животные, перевозочные средства и т.п. отбираются насильно, что вызывает, конечно, ропот. Во время Читральской экспедиции¹⁸ народ в Пенджабе был близок к восстанию, и если б Умра Хан (Джан-доульский)¹⁹ одержал хоть одну победу и приблизился бы к границе Индии, то все бы восстало. Во время бурской войны²⁰ страна также была очень возбуждена, так что правительство сочло нужным запретить туземным газетам писать о войне и полиции в городах было строго предписано не допускать никаких сборищ.

Япония не может быть страшна России, а если Англия на свою гибель наступит за нее, то надо двинуться немедленно на Индию, которая готова дать англичанам хороший урок.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 922, л. 106–109 и об.

Примечания

¹ Российские офицеры различных родов войск (инструкторы) проводили обучение китайской армии по специальному приглашению китайского правительства после окончания англо-франко-китайской (2-й «опиумной») войны 1856–1860 гг.

² Россия обратила свое внимание на Тибет раньше Великобритании: экспедиции Н.М.Пржевальского 1870–1885 гг., Г.Е.Грум-Гржимайло 1884–1890 гг., Г.Н.Потанина 1884–1886 и 1892–1893 гг., М.В.Певцова 1889–1890 гг. имели одной из целей установление контактов с Тибетом и распространение на него влияния России. Однако целенаправленная политика английских властей не давала возможности осуществиться этим намерениям. Первая военная

---

* Вполне совпадает с имеющимися у меня сведениями о конной переписи (*примеч. В.О. фон Клемма*).

** Действительно, набор рекрутов в Пенджабе становится все труднее, на это жалуется и английская печать (*примеч. В.О. фон Клемма*).

экспедиция англичан в Тибет под руководством полковника Янгхазбенда была осуществлена в 1903–1904 гг.

³ По-видимому, имеется в виду дурбар (торжественный сбор владетельных князей) в Дели в январе 1903 г., посвященный коронации британского монарха Эдуарда VII (годы правления 1901–1910).

⁴ Патаны (пуштуны) — одна из народностей, проживающая как на территории Афганистана, так и в Индии, издавна славившаяся своим свободолюбием и воинственностью.

⁵ Догра — одна из воинских каст Северной Индии.

⁶ 90-е годы XIX в. были периодом не прекращавшихся восстаний на северо-западе Индии в полосе проживания независимых пуштунских племен. В 1897 г. началось восстание афридиев в районе Тираха, которое получало негласную моральную и материальную поддержку со стороны афганского эмира и возглавлялось духовенством. К концу века восстание было подавлено, но на это потребовалось бросить значительные силы англо-индийской армии: в кампании участвовало до 40 тыс. солдат всех родов войск.

⁷ Пропущена часть текста, связанная с Афганистаном.

⁸ Куки-намдхари — секта в сикхизме, выступавшая за возвращение к первоначальной чистоте этой религии, активные выступления намдхари начались в 1870 г., но они носили стихийный, разрозненный характер. В 1872 г. произошло организованное восстание намдхари, жестоко подавленное англичанами. Вожди восстания были арестованы и сосланы в Рангун.

⁹ Баба Рам Сингх (1815–1888) — глава секты куков-намдхари, о посланцах Рам Сингха в Россию см.: Русско-индийские отношения в XIX в. М., 1997, док. № 101.

¹⁰ Мулла Мухаммед бен Абдалла Саид ал-Хасан (ок.1860–1920) — руководитель начавшегося в 1899 г. в Британском Сомали антибританского восстания, имевшего форму джихада. Восстание продолжалось около 20 лет.

¹¹ Ежегодные съезды участников национально-освободительного движения Индии назывались национальными конгрессами, на каждом избирался председатель конгресса. Постепенно это движение преобразовалось в партию того же названия. Председатель съезда становился руководителем партии на текущий год. Первым председателем ИНК в 1885 г. был англичанин А.О.Юм.

¹² Хабибулла-хан (1870–1919) — эмир Афганистана с 1901 г., в начале своего правления пытался ослабить зависимость Афганистана от Англии, проводить реформы с целью укрепления центральной власти и развития экономики, но постепенно отошел от этого курса, в 1909 г. выступил против представителей движения младоафганцев, начал проводить проанглийскую политику.

¹³ Имеется в виду Абдурахман (1844–1901), эмир Афганистана с 1880 г., отец Хабибуллы-хана.

¹⁴ Афридии — воинственные афганские племена северо-западной пограничной полосы, так называемой «зоны племен».

¹⁵ Посещение Лахора будущим императором Николаем II состоялось в 1891 г., см.: Русско-индийские отношения в XIX в. М., 1997, док. № 131–134.

¹⁶ Дулип Сингх (1838–1893) — младший сын махараджи Пенджаба Ранджит Сингха, возведенный на престол при регентстве его матери рани Джиндан в 1843 г. В результате двух англо-сикхских войн Пенджаб был аннексирован Ост-Индской компанией. С 1854 г. Дулип Сингх жил в Англии, после сокращения ему пенсии он решил ехать на родину, но был возвращен из Адена обратно в Европу, после этого он приехал в Россию с надеждой возвратиться в Индию с русской армией, но, убедившись, что у русских нет намерения завоевывать Индию, переехал во Францию, где и скончался в 1893 г.

Непонятно, кого конкретно имел в виду автор: старшая дочь Дулипа Сингха от первого брака Бамба София Джиндан (1869–1957) действительно возвратилась в Индию, поскольку она вышла замуж за доктора Сазерленда, который одно время был директором Лахорской медицинской школы, скончалась в Лахоре, судьба двух других дочерей, Катерины Хильды (р. 1871) и Софии Александры (1876–1948), неизвестна.

¹⁷ Имеется в виду не жена, а мать Дулипа Сингха Джиндан Коур (ум. 1863), которая была регентшей, поскольку Дулипу в 1843 г. было всего 5 лет. Чувствуя, что ее власть над пенджабским войском ослабевает, она спровоцировала начало первой англо-сикхской войны 1845–1846 гг.

¹⁸ Читральская экспедиция 1895 г. — одна из военных кампаний англо-индийской армии на территории Северо-Западной Индии по усмирению восставших племен дардов. Читрал, расположенный на границе между Афганистаном, Гиндукушем, Памиром и Индией, имел большое стратегическое значение. Возраставшее влияние афганского эмира в этом княжестве и стремление дардов освободиться от английского резидента Робертсона вынудили послать в этот район шесть батальонов английской и семь полков индийской пехоты. Восстание было подавлено.

¹⁹ Умра-хан, правитель небольшого пригиндукушского княжества Джхандол, один из претендентов на престол Читрала после убийства 1 января 1895 г. проанглийски настроенного михтара (правителя) Читрала. После того как отряд англо-индийских войск занял Джхандол, бежал с семьей в Кабул, где и вынужден был остаться, так как княжество не было ему возвращено.

²⁰ Имелась в виду англо-бурская война 1899–1902 гг.

№ 91–93

8 октября — 1 ноября 1903 г. — Документы о предложении индийской фирмы заключить контракт на обслуживание русских судов

№ 91

8 октября 1903 г. — Письмо индийской фирмы «Ковасджи и сыновья»¹ в Морское министерство России с предложением заключить контракт на обслуживание русских судов²

Нам очень приятно сообщить надлежащему Департаменту, что наша фирма круглосуточно обслуживала Его Императорского Величества русские крейсера «Варяг», «Аскольд» и «Боярин» во время их заходов в Карачи соответственно в январе 1902 г.³, декабре 1902 г., марте 1903 г. и снабжала их лучшим южно-уэльским углем⁴, имевшимся в то время в наличии, лучшими свежими овощами и провизией.

Когда вышеназванные военные суда пришли в Карачи, эпидемия чумы была в самом разгаре, поэтому мы приняли все меры предосторожности, чтобы все поставляемое было свежим и доброкачественным в полном соответствии с требованиями медицинской службы и офицеров указанных военных судов. Овощи доставлялись непосредственно из ботанических садов в специальных крытых поездах; мясо свежезабитого скота поставлялось по спецзаказу, аналогично обстояло дело и с другими поставками. Когда «Аскольд» прибыл в Карачи, банки были закрыты на рождественские праздники, но нам удалось договориться

с Национальным банком Индии, и авансовый платеж был осуществлен немедленно. Берем на себя смелость обратиться к Департаменту с предложением заключить контракты на поставку лучшего южноуэльского кардиффского угля адмиралтейского качества заходящим в Карачи военным судам в нижеуказанные сроки по следующим тарифам.

В настоящее время и до конца декабря 1904 г. за 1 тонну объемом 20 кубов (что равняется 2240 фф⁵) взимается 24 рупии. От настоящего момента на два года вперед, т.е. на 1904–1905 гг., устанавливается плата в размере 26 рупий за 1 тонну объемом 20 кубов, т.е. 2240 фф. На три года — 1904–1905–1906 гг. — устанавливается плата в размере 27 рупий за 1 тонну объемом 20 кубов, т.е. 2240 фф. Наш уголь хранится на стационарном складе под навесом, где гарантирована хорошая вентиляция. Поставки свежих продуктов и всего прочего осуществляются по текущим рыночным ценам.

Гарантируем поставку угля, продовольствия и всего прочего в полном соответствии с требованиями командиров и офицеров.

Просим передать по назначению настоящее письмо вместе с оригиналами свидетельств, полученных от командиров «Варяга», «Аскольда» и «Боярина» через российского Генерального консула в Бомбее. Ожидаем, что Вы сообразованно ответите на наше письмо.

Остаемся Вашими покорнейшими слугами.

«Ковасджи и сыновья».

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 33, л. 20–21. Автограф. Пер. с англ. составителя.

№ 92

8 октября 1903 г. — Письмо Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма, адресованное командирам русских военных судов, рекомендующее им пользоваться услугами фирмы «Ковасджи и сыновья»

Господам командирам русских военных и коммерческих судов.

Фирма «Ковасджи и сыновья» (Covasjee & Sons) в Карачи, поставившая уголь и другие припасы на русские военные суда «Аскольд», «Варяг» и «Боярин», заслужила за добросовестное и аккуратное выполнение поставок благодарность от г.г. ревизоров и старших механиков означенных судов⁶.

Ввиду сего считаю своею приятною обязанностью рекомендовать эту фирму всем г.г. командирам русских судов как военных, так и коммерческих, которые будут заходить в Карачи и которым могут потребоваться услуги поставщика⁷.

Генеральный консул:

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 33, л. 18. Копия.

*1 ноября 1903 г. — Письмо начальника отдела заготовлений
Морского министерства генерал-майора Манкулова
Генеральному консулу в Бомбее В.О. фон Клемму по поводу
предложения индийской фирмы «Ковасджи и сыновья»
обслуживать русские суда*

Отдел заготовлений сообщает в консульство, что управляющий Морским министерством⁸, не находя нужным заключать с фирмой «Ковасджи и сыновья» договора на поставку угля и других припасов для русских судов, заходящих в порт Карачи, приказал рекомендовать эту фирму судам русского флота, идущим в Персидский залив⁹.

Об изложенном Отдел заготовлений просит Генеральное консульство объявить фирме «Ковасджи», добавляя при этом, что копия отношения консульства за № 190 препровождена на распоряжение в Главный Морской штаб.

Документы, приложенные при отношении консульства, возвращаются при сем обратно¹⁰.

Начальник отдела заготовлений
генерал-майор Манкулов.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 33, л. 29 и об. Подлинник.

Примечания

¹ Индийская фирма «Ковасджи и сыновья» базировалась в Карачи, занималась погрузочно-разгрузочными работами в порту, поставками угля и продовольствия на суда.

² Письмо индийской фирмы «Ковасджи и сыновья» было доставлено в Генеральное консульство в Бомбее с просьбой переправить его в Петербург по назначению.

³ Рекомендательный аттестат, выданный командованием крейсера «Варяг» фирме «Ковасджи и сыновья», датирован 24 декабря 1901 г. Расхождение в датировке связано, видимо, с использованием юлианского и григорианского календарей либо объясняется тем, что и в январе 1902 г. крейсер «Варяг» находился в Карачи.

⁴ В рекомендательном аттестате механика крейсера «Варяг» упоминается «кардиф» хорошего качества — сорт угля, получившего свое название от г. Кардиффа — главного города Уэльса, места добычи каменного угля.

⁵ Фф — фрахтовый фут.

⁶ В «Аттестате», выданном командиром крейсера «Варяг» капитаном 1-го ранга В.Бером 24 декабря 1901 г., фирма «Ковасджи и сыновья» охарактеризована как старательная, предупредительная и добросовестная. Помощник старшего инженера, старший судовой механик крейсера Лейков подчеркнул аккуратность фирмы, высокое качество поставленного ею угля, быструю погрузку. Аналогичные отзывы были получены от командиров крейсеров «Аскольд» (13 декабря 1902 г.) и «Боярин» (март 1903 г.).

⁷ Управляющий Генеральным консульством в Бендер-Бушире, Персия, Г.Овсенко обязался рекомендовать фирму «Ковасджи и сыновья» командирам русских судов, заходящих в персидские порты, а также своевременно информировать В.О. фон Клемма о русских военных судах, намеревающихся зайти в индийские порты.

⁸ Управляющим Морским министерством России, или морским министром, в ноябре 1903 г. был Авелан Федор Карлович (1839 — после 1910), генерал-адъютант, адмирал, почетный член

Николаевской морской академии (1896 г.); в 1893 г. командующий Средиземноморской эскадрой, в 1896 г. — начальник Морского штаба и товарищ морского министра, в 1903–1905 гг. — морской министр; неудачи на море в начале русско-японской войны вызвали уход адмирала с министерского поста.

⁹ Русские суда редко заходили в порт Карачи, исключительно из-за обнаруживавшейся нужды в угле. Таким образом, не было необходимости иметь в Карачи поставщика угля и провизии. Отказ заключить контракт с фирмой «Ковасджи и сыновья» может объясняться еще и тем, что это могло вызвать всплеск неудовольствия и русофобии со стороны английских властей в Индии, пристально следивших за контактами России с индийцами и препятствовавших укреплению ее экономических позиций в Азии, в частности усилению ее флота, особенно накануне и во время русско-японской войны 1904–1905 гг., когда в англо-индийской прессе распространялись ложные слухи о покупках русскими агентами пароходов, угля, продовольствия в Индии. В интересах России было воздерживаться от действий, которые могли бы вызвать малейшие осложнения в отношениях с Англией.

¹⁰ Имеются в виду «Аттестаты», выданные фирме «Ковасджи и сыновья» командирами крейсеров «Варяг», «Аскольд» и «Боярин».

№ 94–97

16 декабря 1903 г. — 26 августа 1904 г. — Документы о поездке в Индию подполковника Л.Г.Корнилова¹

№ 94

16 декабря 1903 г. — Письмо подполковника Л.Г.Корнилова о первом этапе его поездки в Индию

Ваше Превосходительство Милостивый Государь Михаил Дмитриевич².

Пользуясь удобным случаем — отходом из Бомбея французского парохода, считаю своим долгом доложить Вашему Превосходительству о ходе командировки.

Выехав из Одессы в первой половине ноября, я, по прибытии в Константинополь, остановился здесь на несколько дней, чтобы повидаться с бывшим Генеральным консулом в Хорасане [действительным] с[татским] с[оветником] Понафидиным, ныне Генеральным консулом в Константинополе, и представиться нашему послу³. Дело в том, что вернуться из Индии я предполагаю не морем, а сухим путем, через Южную Персию и Азиатскую Турцию, поэтому мне представлялось необходимым заранее заручиться содействием наших дипломатических представителей в Турции. Д[ействительный] с[татский] с[оветник] Зиновьев обещал дать указания консулам в Багдаде и Конии.

Д[ействительный] с[татский] с[оветник] Понафидин высказал твердое убеждение, что англичане меня не пропустят из Кветты в Сеистан, а пройти незаметно мне вряд ли удастся при той усиленной деятельности, которую англичане проявляют в последнее время в Южной Персии, и при той строгости относительно иностранных путешественников, которая установилась со времени назначения

главнокомандующим Индийской армией лорда Китченера. Кроме того, г. Понафидин указывал, что моя фамилия несколько известна в пограничных районах Индии, поэтому ко мне отнесутся, вероятно, с большою подозрительностью. Д[ействительный] с[татский] с[оветник] Понафидин снабдил меня рекомендательными письмами к своим знакомым в Индии. В письмах этих было указано мое военное звание, но воспользоваться ими я предполагал только в том случае, если по свиданию моем с с[татским] с[оветником] Клеммом будет решено окончательно, что мне не следует скрывать своего звания.

Из Константинополя я уехал с египетским почтовым пароходом в Александрию. Отсюда я телеграфировал в Порт-Саид о предоставлении мне места на ближайшем пароходе, отходящем в Бомбей. Французский пароход О[бще]ства Messageries maritime отходил в конце декабря; ближайшим оказался английский пароход, на котором мне и было предоставлено одно место. Прибыв на пароход, я из списка пассажиров узнал, что среди пассажиров 2-го класса будет человек 15 офицеров полков, расположенных преимущественно на северо-западной границе, в Пенджабе, Равальпинди, Мультиане, Банну, Кветте. Появление на пароходе русского, быть может в связи с непривычкой моей к штатскому платью, обратило внимание и возбудило некоторую подозрительность, проходя мимо кучки пассажиров, я расслышал несколько фраз, из которых можно было заключить, что разговор шел о шпионстве и заметном усилении его в последнее время. На следующий день ко мне подошло 2-3 офицера, познакомились, расспрашивали, но вопрос о моем звании пока не затрагивался. Вечером того же дня ко мне подошел один офицер, познакомился и заявил, что он служил в Гильгите, моя фамилия ему известна и что я, вероятно, военный, кроме того, добавил он, товарищи его, служившие в Кветтском районе, припоминают, что русский офицер с такой же фамилией путешествовал по Хорасану⁴. Сопоставляя это с тем, что мне было сказано в Константинополе, предвидя возможность встречи с одним из этих офицеров в пограничных районах или с теми английскими офицерами, с которыми я знаком был раньше (подполк[овник] Медш в Равальпинди, майор Бенн в Банну), я решил не скрывать своего звания и заявил, что я действительно офицер, взял отпуск с целью познакомиться с Индией и англо-индийскими войсками; что я хотел познакомиться с представителями этих войск тотчас же по прибытии на пароход, но, к сожалению, не мог этого сделать по нездоровью (после шторма, выдержанного в Архипелаге, мне, действительно, сильно нездоровилось и я редко выходил из каюты). После этого отношения ко мне заметно изменились; ко мне отнеслись с большим радушием, многие офицеры пригласили меня в места квартирования своих полков.

12-го декабря я приплыл в Бомбей и в тот же день представился нашему генеральному консулу, прибывшему из Пуны. С[татский] с[оветник] Клемм вновь одобрил мое решение не скрывать своего военного звания, так как в противном случае англичане могли устроить мне большой скандал; моя фамилия действительно известна пограничным властям Индии.

С появлением во главе гражданского и военного управления Индии лордов Керзона и Китченера (последнего в особенности) англичане установили строгий надзор за иностранцами в пограничных районах. При таких условиях мне вряд ли удастся проехать из Кветты в Сеистан, возможно также, что меня не пустят даже в Кветту; послезавтра туда едет инспектор инженерных работ Бомбейского округа полк[овник] Гленни, с которым я познакомился сегодня; по словам полковника, в Кветте проводятся обширные работы. Из Пуны я предполагаю отпра-

виться сначала в Дели и Агру, куда направляются все туристы, путешествующие по Индии, затем, постепенно продвигаясь на запад и на юг, побывать в Пешавере, Мультане и Равальпинди, под предлогом навестить своих старых знакомых; из Мултана, не спрашивая разрешения английских властей, попытаться проехать в Кветту, а там в зависимости от обстоятельств — или в Сеистан, если удастся, или в Карачи на пароход. С[татский] с[оветник] Клемм вполне одобрил такой план и обещал свое полное содействие.

С истинным почтением и преданностью Вашего Превосходительства покорный слуга

Корнилов.

РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 1638, л. 1 и об. Автограф.

№ 95

*20 января 1904 г. — Письмо
военного министра А.Н.Куропаткина
министру иностранных дел графу В.Н.Ламздорфу
о командировании в Индию для сбора сведений
об этой стране подполковника Л.Г.Корнилова*

Милостивый государь граф Владимир Николаевич.

Предполагая испросить Высочайшее соизволение на командирование в Индию генерального штаба подполковника Корнилова для сбора сведений об этой стране, прошу Ваше Сиятельство не отказать в уведомлении, не встретится ли с Вашей стороны препятствий к тому, чтобы названный офицер был командирован без особого предуведомления британского правительства в качестве совершенно частного лица, подобно тому как в 1901 году был командирован в Индию подполковник Серебренников⁵, о чем Вашему Сиятельству было сообщено письмом от 20 июня 1901 г. № 1288.

Прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А.Куропаткин.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1094, л. 1. Подлинник.

№ 96

*10 февраля 1904 г. — Донесение Генерального консула
в Бомбее В.О. фон Клемма в Первый департамент МИД
о приезде подполковника Л.Г.Корнилова, о краже его вещей,
об отношении к нему представителей англо-индийской армии*

В декабре в Индию прибыл командированный по высочайшему повелению генерального штаба подполковник Корнилов. Согласно преподанной ему секретной инструкции он имел объехать северную часть Индии, не открывая своего

звания, как совершенно частное лицо. Но так как имя этого офицера, много разъезжавшего по Персии, в Кашгар и на Памирах⁶, хорошо известно в Индии и так как он был узнан одним английским офицером еще на пароходе, на котором ехал сюда, мы решили с ним, что скрывать его звание будет не только неудобно, но и небезопасно и что лучше будет действовать открыто, полагаясь на любезность англо-индийских военных властей.

Я представил подполковника Корнилова командующему войсками Бомбейского округа, генерал-лейтенанту сэру Арчибальду Гентеру, который принял его чрезвычайно любезно и разрешил ему не только осмотреть все войска Пунского гарнизона, но и посетить Кветту, которая ему подчинена. Затем, я рекомендовал нашего офицера начальнику Бомбейского гарнизона, генерал-майору Вилькоксу, который весьма любезно снабдил его рекомендациями к военным властям Пенджабского округа. После этого подполковник Корнилов объездил все главные стратегические центры на севере Индии, и везде военные власти оказывали ему полное внимание и гостеприимство. Он видел таким образом очень много интересного, наверное гораздо больше, чем он мог бы увидеть, если б путешествовал инкогнито, и я думаю, что он в состоянии будет представить весьма ценный отчет.

Иначе отнеслись к нему гражданские власти. Полиция, само собой разумеется, следила за ним по пятам. В Рауль Пинди полицейский комиссар донес на него местному коменданту, что он будто бы по дороге из Лагора в этот город сфотографировал какой-то мост. Обвинение это подполковнику Корнилову легко было опровергнуть, так как он проехал мост этот ночью. Затем в Пешавере у нашего офицера выкрадены были из чемодана фотографии, пленки, проявленные и не проявленные, фотографический аппарат, бинокль, некоторые частные письма и записная книжка. Ввиду того, что лежавшие в том же чемодане ценные вещи остались нетронутыми, нет никакого сомнения, что кража эта совершена была каким-нибудь агентом местной полиции, в надежде захватить какие-либо документы, компрометирующие русского офицера⁷.

Из Пешавера подполковник Корнилов проехал в Кветту, где его приняли также весьма любезно, но, однако, дали вежливо понять, что ввиду начавшейся японо-русской войны его присутствие там является не совсем удобным. В Новый Чаман его не пустили, и точно так же ему было наотрез отказано в разрешении проехать в Персию по Нушки-Сеистанской дороге⁸.

Весть о покраже у нашего офицера упомянутых вещей встревожила меня немало, так как я не мог быть уверенным, что среди похищенных документов и снимков ничего не имеется такого, к чему можно было бы придаться. Опасения мои лишь рассеялись сегодня, когда подполковник Корнилов, вернувшийся в Бомбей, уверил меня, что в выкраденных бумагах не было решительно ничего компрометирующего его.

Подполковник Корнилов является вторым офицером русским, который совершил подобное путешествие без предварительных официальных сношений с великобританским правительством⁹. В конце девяностых годов Индию посетил таким же частным образом генерального штаба капитан Новицкий, который также пользовался широким гостеприимством здешних военных властей. Появившаяся затем общедоступная книга этого офицера¹⁰, заключающая в себе весьма строгую критику всего виденного им в Индии, вызвала весьма понятное и очень сильное неудовольствие среди здешних военных. Было бы весьма желательно, чтобы это не повторилось теперь после поездки Корнилова, как потому, что это могло бы

отбить совершенно охоту у английских генералов и офицеров знакомить со своими частями русских гостей, так и потому, что едва ли уместно нам указывать англичанам на их слабые стороны. Для сведения наших военных отчет подполковника Корнилова мог бы с успехом быть отпечатан в одном из секретных изданий нашего Военного Ведомства¹¹. Впрочем, сам подполковник Корнилов обещался мне иметь это в виду.

С глубочайшим почтением и преданностью, имею честь быть Вашего Превосходительства покорным слугою

Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 927, л. 33–34 и об. Подлинник.

№ 97

26 августа 1904 г. — Докладная записка по Главному штабу с кратким изложением отчета подполковника Л.Г.Корнилова о его поездке по Индии

С Высочайшего соизволения осенью прошлого года в Британскую Индию был командирован генерального штаба подполковник Корнилов, бывший штаб-офицером при штабе Туркестанского военного округа, а ныне переведенный на службу в Главный штаб. Инструкцией начальника штаба названного округа главной целью командировки была поставлена рекогносцировка Нушки-Сеистанской дороги для выяснения ее военного значения. Начав с Бомбея, подполковник Корнилов объехал важнейшие пункты Бенгала¹², Пенджаба и приграничной полосы, закончив свою поездку Кветтой, откуда ему пришлось вернуться снова в Бомбей. Проехать через Белуджистан в Сеистан не удалось, ввиду категорического заявления английских военных властей, что индийское правительство не находит удобным пребывание нашего офицера в приграничных районах, ввиду слухов о военных приготовлениях в Туркестане, распространившихся в Индии с началом русско-японской войны.

В своем отчете, на стр. 1–100, подполковник Корнилов, последовательно излагая ход своей поездки по Индии, попутно отмечает наиболее характерные черты устройства, комплектования индо-британской армии, приемы обучения и боевой подготовки разных родов оружия и особенности ее быта; особенно подробно отчет касается обозной части, которая организована у англичан на основании широкого пользования опытом их прежних экспедиций и с полным соответствием характеру вероятного театра действий индийской армии; кроме того, в отчете дается краткий очерк укреплений, имеющих в приграничной полосе, важнейших железнодорожных линий, а также местностей, посещенных подполковником Корниловым.

Во время своей поездки названный штаб-офицер встречал в высшей степени внимательное и любезное отношение со стороны английских офицеров, не исключая и высших войсковых начальников, которые охотно разрешили ему присутствовать на занятиях войск, осматривать укрепления и военные учреждения.

На стр. 101–117 своего отчета подполковник Корнилов, на основании своих наблюдений и сведений, почерпнутых из текущей английской военной литерату-

ры, делает несколько общих выводов относительно индо-британских вооруженных сил и военного положения англичан в Индии, отмечая энергическую деятельность в армии, начавшуюся со времени назначения лорда Китченера ее главнокомандующим и ставшую особенно напряженной последнее время.

Представляя настоящий отчет Вашему Превосходительству, докладываю, что один экземпляр его Главный штаб препровождает начальнику штаба Туркестанского военного округа.

Генерал-майор Васильев¹³.

Надпись на полях 1-го листа документа: «Читал. 300/т[ысячная] армия большая сила, но не думаю, чтобы англичане могли направить не только все, но даже большую ее часть против нас, оголив Индию от войск. Что англичане стремятся усилить свое положение на Сев. Зап. границе, весьма естественно, так как на этой границе они могут ожидать единственно сильного врага. Единственный вопрос, делают ли они это с наступательными или оборонительными целями? Думаю, что наступать им незачем, так как вряд ли в их интересах возбуждать пожар, который и их может задеть. Верьте, что они готовятся на случай, если бы мы пожелали воздействовать на них на их сухопутных границах.

Сахаров».

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3244, л. 3 и об. Подлинник.

Примечания

¹ Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), военный и политический деятель, окончил Сибирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию генерального штаба, служил главным образом в азиатской части России, объездил с секретными и официальными миссиями Афганистан, Персию, Кашгарию, Индию. Принимал участие в русско-японской войне 1904–1905 гг., в 1907–1911 гг. — военный агент в Китае, затем служил на разных должностях на Дальнем Востоке, воевал на фронтах первой мировой войны, в начале 1917 г. был командующим Петроградского военного округа. После Октябрьской революции один из лидеров белого движения в России, погиб в бою. Автор многих исследований по географии, этнографии, военному делу стран Азии.

² По-видимому, имеется в виду генерал-квартирмейстер штаба Туркестанского военного округа генерал-майор Михаил Дмитриевич Евреинов.

³ Имеется в виду российский императорский чрезвычайный и полномочный посол при дворе султана Абдул-Хамида II И.А.Зиновьев.

⁴ Л.Г.Корнилов совершил путешествие по Хорасану в 1901 г.

⁵ Подполковник И.К.Серебренников совершил подобное путешествие в 1901–1902 гг. Он скрыл свое воинское звание и объехал Северо-Западную Индию под видом гражданского лица, готовящегося занять должность при русском консульстве.

⁶ В 1899–1901 гг. Л.Г.Корнилов в сопровождении поручиков Кириллова и Бабушкина совершил несколько поездок по труднодоступным районам Куньлуня и Тянь-Шаня.

⁷ В донесении от 16 мая 1904 г. секретарь Генерального консульства в Бомбее сообщал в МИД о препровождении пакета с бумагами, книгами и фотографиями подполковника Л.Г.Корнилова, которые были у него украдены (АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1096, л. 6).

⁸ Нушки-Сеистанская (другое название — Кветта-Сеистанская) караванная дорога начала строиться в начале века и была проложена в широтном направлении, параллельно границе

с Афганистаном для того, чтобы иметь выход в Южную Персию, минуя владения эмира. Впоследствии по этому же маршруту была проложена железная дорога.

⁹ В январе 1902 г. переводчик российского Генерального консульства в Бомбее капитан А.И.Выгорницкий хотел проехать по Кветта-Сеистанской дороге. Консул В.О. фон Клемм поддержал его ходатайство, «...надеясь, что, ввиду усиленного зазывания на новый путь торговцев и путешественников со стороны британских консулов в Персии, ему удастся выхлопотать г. Выгорницкому необходимое разрешение. С этой целью он снесся официально с секретарем департамента иностранных дел в Калькутте и частным письмом с политическим агентом в Белуджистане полковником Йеттом, своим личным знакомым. Г.Йетт любезно ответил, что Кветто-Сеистанский путь закрыт не только для одних русских ввиду небезопасности его от разбойничьих нападений и трудности снабжать проезжающих конвоем, провиантом и фуражом. Он просил не усматривать в отказе индийского правительства какого-либо специального недоверия к Выгорницкому и в заключение распространился относительно доступности Индии в отличие от строгостей и стеснений, существующих в русских Среднеазиатских владениях. Что же касается до ответа непосредственно от правительства в Калькутте, то и оттуда получился решительный отказ, даже без приведения мотивов» (АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 921, л. 124об.-125).

¹⁰ *Новицкий В.Ф.* Военные очерки Индии. СПб., 1899; 2-е изд. СПб., 1901.

¹¹ Отчет Л.Г.Корнилова был напечатан в секретном Добавлении к «Сборнику географических, топографических и статистических материалов по Азии». 1902, № 8.

¹² Подполковник Л.Г.Корнилов не был в Бенгалии.

¹³ Васильев Федор Николаевич (1858 — после 1917), генерал от инфантерии с 1915 г., в 1902–1906 гг. — начальник Азиатского отдела Главного штаба, после этого командующий Одесским военным округом, в 1917 г. был командиром 6-го Сибирского армейского корпуса.

№ 98–104

11 января 1904 г. — 3 октября 1905 г. — Документы о реакции в Индии на русско-японскую войну

№ 98

*11 января 1904 г. — Донесение
Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма
директору Первого департамента МИД Н.Г.Гартвигу
об отношении в Индии к Японии и России
накануне начала военных действий*

Милостивый Государь Николай Генрихович!

На днях в газете «The Times of India» появилось письмо японского консула в Бомбее г. Хаяши, в котором последний принес благодарность многим англичанам и туземцам Индии, предложившим будто бы свои услуги японскому правительству в случае войны с Россией. Вместе с тем, однако, г. Хаяши счел нужным решительно отклонить все эти предложения под предлогом, что иностранцы на японскую военную службу не принимаются. Кто именно были эти люди, жаждавшие сраться в рядах японской армии против России, в письме не поясняет-

ся, но меня ничуть не удивляет, что таковые вообще нашлись, ибо если в самой Англии у нас мало друзей, то здесь, я уверен, их еще меньше.

Сколько злобы и ненависти против России проявляется здесь в настоящее время по случаю перспективы столкновения между нашими и японцами, нелегко себе представить. Каковы бы ни были сведения о положении дел на Дальнем Востоке, снабжаемые изолгавшимися вконец агентствами Рейтера¹ и русофобской английской и англо-японской печатью, здешняя пресса всегда находит возможный вывезти из них неблагоприятный для России заключения. Если возмещается близкое начало военных действий, то Россия выставляется совершенно неподготовленную к войне: флот ее несравненно хуже и слабее во всех отношениях японского, армия составлена из жалких рабов под начальством невежественных офицеров и генералов, оборонительные средства, доки для починки судов и все прочее, а в особенности сибирская и манчжурская железные дороги² ниже всякой критики и т.п., тогда как японцы во всем представляют собою совершенство и последнее слово науки. Если же известия с Дальнего Востока звучат более успокоительно, то: «Россия струсила, сгубила свой престиж на Востоке, осаждена маленькой Японией, претерпела новый Берлинский конгресс»³ и т.п. В редких случаях, когда признается, что Россия в конце концов все же должна победить, благодаря обширности ее ресурсов, газетные писаки спешат добавить, что Англия, разумеется, не даст разнести Японию вконец и своевременно выступит с тем, чтобы вырвать у России, как после турецкой кампании⁴, плоды ее побед и спасти Восток от русского варварства.

В общем впечатление таково, что здесь все английское общество жаждет войны Японии с Россией и вместе с тем несколько побаивается ее, так как Англия легко могла бы быть вовлечена в нее, но первое чувство несомненно преобладает.

Несколько иначе, насколько я успел заметить, смотрят на это дело туземцы Индии, невзирая на убедительные доводы английских газет, они, по-видимому, считают Россию настолько могущественной, что поражение Японии, в случае столкновения, представляется им вне всякого сомнения. Мало того, туземцы, как кажется, уверены даже в том, что Россия, невзирая на осложнения на Дальнем Востоке, сумеет защитить и угнетаемый англичанами Тибет⁵. Недаром англичане в течение ряда десятилетий систематически воспитывали в индийцах страх перед Россией и (конечно, вовсе не желая) веру в ее несокрушимое могущество.

Что касается вышеприведенных предложений услуг японскому правительству англичанами в Индии, то один английский офицер на днях высказал мнение, что в этом следует усматривать не злобу против русских, а просто желание подраться. По его мнению, южноафриканская кампания⁶ развила в англичанах страсть к походной жизни и приключениям и если б только была надежда попасть в ряды русской армии, то немало нашлось бы охотников поступить и к нам. Быть может, офицер этот отчасти и прав, однако я не получил ни одного предложения услуг или хотя бы запроса от кого-либо, и вернее будет считать, что кроме немногих ирландцев, готовых с удовольствием перерезать глотки нескольким англичанам и шотландцам, поступившим в японскую армию, здесь едва ли найдутся какие-либо охотники сразиться за правое русское дело.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Клемм.

*3 февраля 1904 г. — Секретная телеграмма
Первого департамента МИД
секретарю Генерального консульства В.И.Некрасову
с новыми инструкциями в связи с началом войны*

Конфликт на Дальнем Востоке, являясь, с одной стороны, борьбой желтой расы против европейцев в лице России, с другой, может вовлечь Англию с ее азиатскими владениями в осложнения. Ввиду связи между этими двумя обстоятельствами и наблюдательной деятельностью Генерального консульства считаем долгом сообщить для руководства нижеследующие общие указания.

Надлежит: 1) следить за сведениями, публикуемыми англичанами о ходе военных действий, за впечатлением от них на местную печать и население, за течениями, которые могут сказаться под влиянием событий как среди англичан, так и среди туземцев; 2) проверить появившиеся в печати слухи о начавшихся будто бы происках японцев в Индии; 3) следить, не появится ли слухов о мобилизации Туркестанского или Кавказского военных округов и за последствиями этого известия; 4) особо тщательно ныне следить за всеми стратегическими приготовлениями.

Важнейшие сведения следует телеграфировать.

Подпись: Гартвиг.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 928, л. 1 и об.

*8 февраля 1904 г. — Донесение
Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма
директору Первого департамента МИД Н.Г.Гартвику
о реакции в Индии на начало русско-японской войны*

Милостивый Государь Николай Генрихович!

Весть о начале войны на Дальнем Востоке и в особенности поступившие вслед за этим сведения о коварном нападении японского флота на Порт Артур⁷ получены были здесь с нескрываемым удовольствием. В Калькутте в театре публика шумными овациями приветствовала первую японскую победу, и, вероятно, во всей Индии не было уголка, где бы англичане со злорадством не потирали себе рук. В основании этого ликования лежало, вероятно, троякое чувство: прежде всего радость по поводу постигшей нас неудачи, во-вторых, приятное сознание, что момент вмешательства Англии в войну тем самым отдалается, и, наконец, в известной, но несомненно, ограниченной степени чувство симпатии к японцам.

Внезапное нападение японского флота на нашу эскадру у Порт Артура нико-го здесь не удивило, так как это предвиделось и предсказывалось здешней прес-сой неоднократно, а удачному исходу этого нападения для японцев придается здесь огромное, вероятно, несколько преувеличенное значение. Само собою ра-

зумеется, что тактика японцев здесь не только не порицается, но возводится чуть ли не на степень высшей международной добродетели.

Пока война не начиналась и у англо-индийских политиканов еще существовало некоторое сомнение насчет нее, суждения здешней прессы по отношению к нам были поневоле до некоторой степени сдержанны, раздавались даже иногда робкие голоса, выражавшие сомнение, будет ли борьба с великой Россией по силам маленькой Японии. Теперь все сомнения отложены в сторону, и местные газеты как из рога изобилия сыплют самые мрачные и презрительные предсказания на наши головы. Девизом здешней прессы в настоящее время является проповедь бессилия и ничтожества России. Это считается, очевидно, делом величайшего патриотизма, и, судя по всем признакам, англо-индийское правительство усердно поддерживает это настроение, столь важное для того, чтобы произвести впечатление на умы туземного населения и вселить в последнем возможно полное убеждение в совершенной невозможности хотя бы более или менее успешного русского нашествия на Индию. В состоянии ли будет эта пропаганда в связи с публикуемыми, вероятно, заведомо ложными сведениями о постоянных наших неудачах подорвать издавна укоренившееся в Индии убеждение в нашем могуществе, трудно сказать. По крайней мере на это потребуются известное время. Насколько я имел случай убедиться во время моей недавней поездки, туземцы Индии, невзирая на первые наши неудачи, твердо верят в благополучный исход для нас начавшейся великой борьбы Запада с Востоком. Во всяком случае уверенность в нашем ничтожестве должна вселиться окончательно в образованных классах туземного населения, прежде чем проникнуть в низшие слои, а образованные туземцы должны понимать тенденциозность англо-индийских газетных сообщений⁸. Все же было бы хорошо, если бы индийская читающая публика могла быть осведомлена об истинном положении дел, и как только начнут прибывать сюда русские газеты, я не премину озаботиться, чтобы по мере возможности ложность англо-японских сообщений была обнаружена. Это тем более необходимо, что японский консул в Бомбее ежедневно снабжает индийскую прессу всевозможными сведениями, якобы получаемыми им по телеграфу от своего правительства и даже прямо от главнокомандующего японскими морскими силами⁹, причем господин этот не стесняется даже распространять слухи о мнимых зверствах, учиненных будто бы над японцами в Порт Артуре и других местностях. К сожалению, только газеты наши прибывают сюда не ранее чем на 17–24-й день.

Само собою разумеется, что англо-индийским правительством будут приняты все зависящие меры, чтобы снабжать и афганского эмира самыми тенденциозными сведениями о ходе военных действий, и было бы полезно, если б к тому представилась возможность, противодействовать этому с нашей стороны путем распространения в Средней Азии правильных сведений с театра войны.

Идея о том, что настоящая русско-японская война есть начало великой борьбы между белой и желтой расами, уже высказывалась неоднократно в английской прессе, но в Индии она имела пока лишь весьма слабые отголоски. Затрагивание каких-либо подобных вопросов в Индии, где расовая рознь обостряется с каждым годом, дело вообще щекотливое, и чуткая англо-индийская пресса от этого, несомненно, будет воздерживаться. Что же касается здешних англичан, то, не питая, по всей вероятности, никакой особенной симпатии к японцам, а скорее напротив, они вместе с тем настолько проникнуты ненавистью ко всему русскому, что вопрос о расовой их общности с нами, вероятно, не приходит им совсем

на ум. Скорее тут вопрос мог бы быть поставлен на религиозную почву при формуле «христианство против язычества». Я даже получил уже на днях одно письмо с разными добрыми советами об употреблении на войне воздушных шаров, подводных лодок и т.п., подписанное «симпатизирующий христианской нации».

Слухи о каких-то происках японцев в Индии появились, если я не ошибаюсь, во французской литературе, в Индии о них, насколько мне известно, пока совсем не говорилось, и я думаю, что могу вполне определенно высказать мнение, что слух этот до сего времени имеет весьма мало оснований. Главным поводом к нему послужило то обстоятельство, что были слухи о поступлении молодых индусов в высшие японские школы, что торговые сношения между Индией и Японией за последнее десятилетие постепенно возросли и, наконец, что столкновение русских и японских интересов на Дальнем Востоке, вопрос, уже давно обсуждаемый на столбцах русской печати, поднял здесь вообще интерес к стране восходящего солнца. Во всяком случае англо-индийское правительство и англо-индийская печать ни в чем не проявили до сих пор опасений или подозрений к Японии. Если и возникали здесь иногда туманные сомнения, то лишь в смысле предстоящей экономической борьбы с японцами в долине Янцзы и вообще в Китае.

Вашего Превосходительства покорнейший слуга

Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 927, л. 24–26. Подлинник.

№ 101

*11 июля 1904 г. — Донесение секретаря
Генерального консульства в Бомбее В.И.Некрасова
в Первый департамент МИД о сборе пожертвований
в пользу русского Красного Креста*

Имею честь препроводить при этом Вашему Превосходительству копию листа пожертвований в пользу нашего Красного Креста, внесенных в местное отделение Comptoir National d'Escompte de Paris.

Оказывающий всегда свое сильное содействие Генеральному консульству, проявив и на этот раз живое участие к русским интересам, открыв у себя сбор пожертвований в пользу русского Красного Креста, названный банк препроводил несколько недель тому назад собранную им сумму в Париж для дальнейшего направления в Петербург.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства покорным слугою

Некрасов.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 927, л. 137. Подлинник.

9 января 1905 г.¹⁰ — *Донесение
Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма
директору Первого департамента МИД Н.Г. Гартвигу
о передвижениях русских, японских и индийских кораблей*

Англо-индийские газеты, следящие с напряженным вниманием за событиями на Дальнем Востоке, приняли особенно тревожный тон в конце прошлой недели. В числе сведений появлялись беспрестанно известия о передвижении нашей эскадры¹¹ и двух купленных Япониею крейсеров, следующих из Средиземного моря на восток, намекалось на возможность столкновения между ними. Быть может, под влиянием этого напряженного состояния в Бомбее возник слух, что два крейсера Индийского флота, стоящие на здешнем рейде, будут посланы для наблюдения за нашей эскадрою. Мне также было донесено, что суда эти стоят постоянно под парами, готовые отплыть по первому сигналу. Об этом я счел долгом донести Вашему Превосходительству по телеграфу. До сих пор, однако, оба крейсера продолжают спокойно стоять на рейде, хотя эскадра наша уже должна находиться между Аденом и Коломбо.

Перед отправлением настоящего донесения мною получено сведение, что флагманское судно «Гиацинт» с начальником Индийской эскадры вице-адмиралом Аткинсон-Уиллис¹² сегодня отплывает в Коломбо.

ГАРФ, ф. 877, оп. 1, д. 54, л. 8. Копия.

17 февраля 1905 г. — *Донесение Генерального консула
в Бомбее В.О. фон Клемма в Первый департамент МИД
об усилении полицейского надзора над иностранцами*

Милостивый Государь Николай Генрихович!

Если до начала русско-японской войны англо-индийская полиция следила довольно зорко за всяким появлявшимся в Индии русским, то теперь, в особенности в последнее время, бдительность ее в этом отношении достигла, по видимому, крайнего напряжения. Прежде можно было русскому хоть более или менее спокойно разъезжать по югу Индии, теперь с самого Тутикорина к нашим соотечественникам на каждом шагу пристают с допросами полицейские агенты, которые затем следят за ними по пятам. В одной Мадрасской газете появилась даже недавно одна заметка о каком-то русском шпионе, которого полиция будто бы разыскивает. Объясняется эта нервозность сравнительною близостью нашей 2-й Тихоокеанской эскадры к Индии. Как это ни бессмысленно, но в Индии многие думают, что русская эскадра может легко напасть на индийские берега, пользуясь их беззащитностью, и натворит здесь немало бед, пока подоспеет английский флот. Существует, вероятно, также опасение, что наша эскадра могла бы зайти в какой-нибудь английский порт и нарушить английский нейтралитет.

Недавно еще здешнее общественное мнение было сильно взволновано известием, что в Бомбее почти у всех на глазах русским агентом было куплено два

парохода, которые затем были нагружены мукою и отправлены в Порт-Артур. Один из этих пароходов «King Arthur», как известно, прорвал блокаду и достиг осажденной крепости и только на обратном пути уже был захвачен японцами. Очень возможно, что это обстоятельство, наделавшее много шума, поставлено было правительством на вид бомбейской администрации и заставило все англо-индийские власти встрепенуться. Недели две тому назад здесь кем-то был пущен слух, что русское правительство через своих агентов приобретает новые суда и скупает уголь для своей эскадры. Даже крупные правительственные органы, как «The Times of India», поверили этому и произвели по этому делу через своих репортеров формальное расследование, которое, разумеется, ничем не кончилось.

Надзор за мною, очевидно, также усилен. Получаемые мною пакеты и письма чаще прежнего носят следы вскрытия. На днях, например, одно письмо из Пешавара от одного английского офицера с полковым штемпелем на конверте доставлено было мне совсем вскрытым с обоих боков, не дали даже себе труда вновь заклеить его из приличия. Недавно один англичанин профессор колледжа в Пуне, семья коего дружила с моею, узнал, что и за ним по этому поводу учрежден негласный полицейский надзор.

Если все это делается в южной и средней Индии, то можно себе представить, до чего дошла нервность индийской полиции в пределах стратегического района на севере. Недавно посетивший меня туземец-мусульманин из Дели рассказал мне между прочим, что несколько тамошних мелких торговцев, которые собирались прибыть в Бомбей, чтобы посоветоваться по каким-то своим делам, получили предостережение от полиции, чтобы они не вступали в сношения с русским консульством.

На севере Индии произвол полицейской власти, несомненно, еще сильнее, чем у нас здесь или на юге. Там полиция при случае может быть очень опасною силою. Ни один европеец не может укрыться от ее взоров в туземной толпе. Ей ничего не стоит задержать любого европейца под предлогом подозрения в шпионстве, причем она найдет сколько угодно лжесвидетелей из тех же туземцев, которые под присягою подтвердят, что данный иностранец осматривал какое-либо укрепление или иное военное сооружение, хотя бы он близко к нему не подходил. Пользование такого рода свидетелями в Индии далеко не новый прием, полиция сплошь да рядом прибегает к нему, когда, например, ей надо привлечь к ответственности какого-нибудь неудобного ей влиятельного туземца. Но кроме этого есть и более простой способ. В городах Северной Индии, как известно, нередко фанатики среди бела дня нападают даже на офицеров и солдат. Что стоит поэтому в одном из таких городов подослать убийцу, который из-за угла покончит с подозрительным и докучливым европейцем и затем как в воду канет?

Все эти соображения и факты пришли мне в голову, когда в последних числах минувшего декабря получил письмо из Коломбо от г. Шаняевского¹³, о командировании коего военным ведомством нашим в Индию я был своевременно извещен императорским министерством. Надо еще заметить, что г. Шаняевский, очевидно, не подозревая подобного положения вещей, довольно прозрачно говорил в своем письме о политической цели его поездки и даже просил меня для более успешного выполнения возложенных на него задач причислить его для вида к составу вверенного мне Генерального консульства. А письмо-то его несомненно побывало в индийской сыскной полиции, так как оно по расчету доставлено мне днем позже, чем оно должно было прибыть сюда прямым путем из Коломбо.

Ввиду этого я счел своим долгом обратиться к Вашему Превосходительству с секретною телеграммою от 23-го минувшего декабря, прося уполномочить меня отклонить поездку Шанявского на север. 31 декабря путешественник этот прибыл сюда и, претерпев в пути через Тутикорин и Мадрас немало придинок со стороны индийской полиции и убедившись, что и здесь в Бомбее она неустанно его преследует, он тотчас согласился с моими доводами и решил объехать лишь общедоступные туристам местности, не севернее Лагора.

О вышеизложенном считаю долгом донести Вашему Превосходительству в дополнение к упомянутой телеграмме моей и к секретной телеграмме от 16 сего января.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 932, л. 4–6. Подлинник.

№ 104

3 октября 1905 г. — Донесение Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма в Первый департамент МИД о реакции в Индии на заключение мира между Россией и Японией

Весть о заключении мира между Россией и Японией¹⁴ принята была в Индии с видимым удовольствием, хотя условия этого мира, доставившие японцам сравнительно скромные выгоды, немало удивили индийцев и глубоко огорчили здешних японофилов. К рейтеровским похвалам японскому великодушию здесь в общем отнеслись скептически, и даже некоторые из самых русофобских англоиндийских органов высказали мнение, что в данном случае правительство микадо¹⁵ руководилось не столько великодушными побуждениями, сколько сознанием близкого истощения сил Японии и бесцельности и даже рискованности дальнейшей борьбы. Таково же, насколько я успел убедиться, мнение туземной интеллигенции в Бомбее, и, судя по частным сведениям из Калькутты, туземцы там придерживаются того же взгляда. Ввиду этого я полагаю, что выговоренные нами мирные условия и твердость, выказанная императорским правительством при переговорах, способствовали в значительной степени восстановлению в Индии нашего пошатнувшегося было престижа.

Весьма вероятно, что вышеозначенное выгодное для нас впечатление не замедлит распространиться и на соседние с Индией страны, в том числе и на Афганистан. Уже 25 августа в одной корреспонденции в газете «Pioneer» встречаются между прочим следующие данные о мнении афганцев по отношению к России: «Разговаривая с афганцами можно тотчас подметить перемену в их мнениях... При всем их преклонении перед японцами их удивление упорному сопротивлению русских, продолжающих биться после поражения, почти так же велико. Поразительная перемена произошла во взглядах людей, которые встречаются по пути из Средней Азии (сюда): Вначале они относились к России с легким презрением, а теперь охвачены скорее чувством изумления (admiration)».

Сомневаться в верности этих данных вряд ли есть какое-либо основание, так как они исходят от англичанина, который, наверное, с особым удовольствием написал бы противное. А если это так, то весть о достигнутом нами почетном мире может лишь увеличить уважение к России, быть может, в значительной степени изгладить память о наших неудачах.

В заключение не могу не отметить, что орган Индийского национального конгресса «The Amrita Bazar Patrika»¹⁶ предсказывает тесное сближение между Россией и Японией и выражает надежду, что благодаря этому народы Азии будут впредь ограждены от каких-либо посягательств других европейских держав.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 932, л. 168–169. Подлинник.

Примечания

¹ Агентство Рейтер — крупнейшее английское информационное агентство, основанное в 1851 г. П.Ю.Рейтером, находится в Лондоне.

² Великая Сибирская магистраль (Челябинск—Владивосток), 7416 км, однопутная, рассчитана на пропуск четырех пар поездов в сутки, сооружалась с 1891 по 1905 г., к началу русско-японской войны не была закончена. Китайская Чанчуньская железная дорога (станция Маньчжурия—Харбин—Суйфыньхэ (Пограничная) и от Харбина до Дальнего (Далая) с несколькими ветками) была построена в 1897–1903 гг. в соответствии с русско-китайским договором 1896 г.

³ Берлинский конгресс был созван в 1878 г. для пересмотра Сан-Стефанского мирного договора, заключенного между Россией и Турцией после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Выступив против усиления влияния России на Балканах, Англия, Австро-Венгрия и Германия добились значительных уступок со стороны ослабленной войной России.

⁴ Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Берлинский конгресс.

⁵ В XIX в. Великобритания начала освоение путей через Гималаи в Тибет, в 1903–1904 гг. под руководством полковника Янгхазбенда была осуществлена 1-я военная экспедиция. Англо-индийские войска дошли до столицы Лхасы, где был подписан договор об открытии Тибета для английской торговли, о постоянном торговом представительстве Англии в трех городах Тибета и об уплате значительной контрибуции.

⁶ Имеется в виду англо-бурская война 1899–1902 гг.

⁷ В ночь на 27 января 1904 г. без объявления войны японские войска внезапно напали на эскадру русских кораблей в Порт-Артуре и нанесли ей серьезный урон.

⁸ Патриотически настроенные индийцы старались из любой ситуации извлечь пользу для своей родины: «Одна из индийских газет „Amrita Bazar Patrika“ высказала даже мнение, что в интересах Индии иметь своим соседом Россию, так как в таком случае можно было бы ожидать более внимательного, заботливого отношения со стороны англичан к местным нуждам» (Из донесения секретаря Генерального консульства В.И.Некрасова от 2 июня 1904 г. — АВПРИ, ф. 184 Посольство в Лондоне, оп. 520, д. 899, л. 149).

⁹ Главнокомандующим японскими морскими силами был вице-адмирал Того Хэйхатиро (1847–1934).

¹⁰ Документ из Государственного архива РФ датирован 1904 г., но, судя по его содержанию, относится к началу 1905 г.

¹¹ 2-я Тихоокеанская эскадра под командованием адмирала З.П.Рожественского в октябре 1904 г. вышла из Балтийского моря и направлялась на помощь осажденным войскам и блоки-

рованному флоту в Порт-Артуре. 14 мая 1905 г. в бою под Цусимой наголову разбита японским флотом под командованием вице-адмирала Х.Того.

¹² Лицо не установлено.

¹³ Лицо не установлено.

¹⁴ 5 сентября 1905 г. был заключен Портсмутский мир, по которому Россия уступала Японии Ляодунский п-ов с городами Порт-Артур и Дальний, южную ветку КВЖД и южную часть о-ва Сахалин. Россия отказывалась от своих притязаний на Маньчжурию и признала протекторат Японии над Кореей.

¹⁵ Микадо (букв. «Величественные врата») — распространенный в Европе титул императора Японии. Во время русско-японской войны императором Японии был Муцухито (1868–1912).

¹⁶ «Амрита Базар Патрика» — еженедельная газета националистического направления, с 1868 г. выходившая в Калькутте на бенгальском языке, с 1891 г. стала ежедневной. В настоящее время выходит на английском и бенгальском языках.

№ 105–120

11 февраля 1904 г. — 12 января 1905 г. — Документы о командировании в Туркестан двух ходжей-исмаилитов¹

№ 105

*11 февраля 1904 г. — Донесение Генерального консула
в Бомбее В.О. фон Клемма в МИД с изложением истории
исмаилитов² и Ага-хана³ и его современного положения
и значения в Индии и Средней Азии⁴*

Несколько времени назад в газете «The Pioneer» появилась небольшая заметка, в коей значилось, что в Пешавар прибыл караван с подношениями известному Ага-Хану от Шугнанского бека Мир Тагай бека⁵. Обстоятельство это побуждает меня представить ныне же на усмотрение Вашего Превосходительства сведения о личности означенного Ага-Хана, которые я собираю уже с некоторых пор и которые впоследствии надеюсь еще дополнить.

В Индии имеется особая мусульманская секта под именем «ходжей». В отношении религиозных верований, «ходжи» причисляют себя к исмаилитскому толку, близко подходящему к шиизму. Подобно прочим исмаилитам, они признают лишь семь имамов, а не 12, как шииты, но вместе с тем, вероятно под влиянием индуизма, они считают своих имамов не только преемниками пророка Божья, но как бы воплощением самого Божества. Последователи этой секты встречаются в Бомбейском президентстве, где их насчитывается свыше 50 тысяч душ, в Синде, Катиаваре, также в Кашмире и других местностях на севере Индии.

Во главе этой секты, на правах духовного руководителя и начальника ее стоит в настоящее время некто Ага-Султан Мухаммед Шах⁶, более известный под названием «Ага-Хан», по происхождению персидский исмаилит, который ведет свое происхождение от первого имама Али, зятя Мухаммеда. Сведения об этих отдаленных предках его очень туманны, но, по-видимому, они с давних пор признавались духовными руководителями персидских и вообще восточных

исмаилитов. Один из этих предков, Мухаммед-Исмаил-Шах⁷, через командированного в Индию миссионера, по имени Садр-уд-дин⁸, присоединил индийских «ходжей» (собственно коренных индусов) к исмаилитскому толку. С тех пор индийские ходжи постоянно совершали паломничество в Персию и поддерживали деятельные сношения со своим имамом.

Более или менее определенные сведения о предках Ага-Хана начинаются лишь со второй половины восемнадцатого столетия, когда прапрадед Султан Мухаммеда, Абдул-Хасан-Шах⁹, был губернатором в Кирмане. Последнему наследовал в той же должности его сын Шах-Халиль улла¹⁰, который в 1817 году переселился в г. Иезд и был убит во время народного волнения, поднятого против него шиитскими муллами. Убийство влиятельного главы исмаилитов, славившегося своею святостью, сильно взволновало его последователей, а потому Фатх-Али-Шах¹¹ поспешил наказать виновников волнения и принять под особое покровительство сына покойного, Мухаммед-Хана¹². Последний был вызван ко двору и утвержден главою исмаилитов, причем подведомственный ему округ был значительно расширен, и, наконец, получил в жены одну из дочерей Фатх-Али-Шаха, с какового времени и стал пользоваться наследственным титулом «Ага-Хан».

Когда после смерти Фатх-Али-Шаха началась борьба за персидский престол, Мухаммед-Хасан Ага-Хан принял сторону Мухаммед-Али-Шаха¹³ и помог ему воцариться. Установившиеся после этого дружеские отношения между Ага-Ханом и Шахом продолжались приблизительно до возвращения Мухаммед-Али-Шаха из неудачного подхода на Герат в 1838 году. Вскоре после этого, по словам исмаилитских биографов, Мухаммед-Хасан сделался жертвою интриг первого министра Шаха, Хаджи-Мирза Агаси, и вынужден был дважды поднимать оружие против своего властелина. В конце концов Ага-Хану пришлось спасаться бегством, и он удалился в Афганистан. В Кабуле он сблизился с англичанами и оказал им немало услуг, сражаясь между прочим в их рядах, командуя отрядом регулярной конницы из своих последователей. Из Афганистана он переселился в Индию, где был принят с восторгом местными исмаилитами. С этого момента судьба Ага-Хана и его потомков тесно связана с Индией, которую они уже более не покидали. За оказанные услуги, а равно ввиду родства его с персидским царствующим домом (хотя только по женской линии) Ага-Хану пожалован был англо-индийским Правительством наследственный титул Высочества.

В 1845 году Мухаммед-Хасан Ага-Хан поселился в Бомбее, но вслед затем, по просьбе персидского правительства был переведен на жительство в Калькутту, откуда он вернулся в Бомбей только после смерти Мухаммед-Али-Шаха. С этого времени Бомбей стал окончательно резиденцией Ага-Ханов.

Еще в бытность в Персии главы восточных исмаилитов получали постоянно денежные и иные подношения от своих последователей, не только персидских, но и индийских и среднеазиатских. Говорят даже, что персидские и среднеазиатские исмаилиты платили им определенную дань, причем, если почему-либо, например, по случаю войны, собранная сумма не могла быть доставлена Ага-Хану, то деньги бросались в воду. С переездом Ага-Ханов в Индию эти подношения прекратились, и по настоящее время глава исмаилитов продолжает получать таковые, преимущественно в виде наличных денег, изо всех стран, где имеются его последователи. В Индии, как мне говорили, ходжи обложены в пользу своего имама определенной данью за всякие духовные требы, как-то: свадьбы, похороны, обрезание и т.п. Сумма, которая таким образом скопляется в руках Ага-Хана, по некоторым сведениям, достигает более миллиона рупий в год.

Относительно последователей этого толка в других странах мне не удалось пока получить какие-либо определенные сведения, да едва ли и возможно будет получить таковые, ввиду того, что исмаилиты в Персии и Средней Азии большей частью принуждены скрываться, дабы не навлечь на себя гонений со стороны шиитов и суннитов. Судя по общим указаниям, последователи Ага-Хана встречаются, кроме Персии и Индии, почти во всей Средней Азии, мне называли такие города, как Мерв, Бухара, Самарканд, Коканд, Кашгар, Яркенд. Миссия сэра Дугласа Форсита¹⁴, командированная в Яркенд вице-королем Индии лордом Мэйо¹⁵ в семидесятых годах, обнаружила присутствие значительных общин исмаилитов, признающих над собою духовное главенство Ага-Хана, в Яркенде, а равно в памирских ханствах Шугнани, Рошани и Вахани, в Читрале, Гильгите и некоторых долинах между Бадахшаном и Кафиристаном. Русский путешественник Богоявленский¹⁶, побывавший на Памирах и посетивший затем Индию, также говорил мне, что он встретил там особую секту, которая признает своим имамом некоего Ага-Хана, проживающего в Индии. Кроме вышеперечисленных стран, последователи Ага-Хана имеются в довольно большом количестве во всех портовых городах Персидского залива, на восточном побережье Аравии, преимущественно в Маскате и в восточной Африке, начиная от британских восточноафриканских владений и вплоть до Мозамбика.

Мухаммед-Хасан Ага-Хан скончался в 1881 году, оставив трех сыновей: Ага-Али-Шаха¹⁷, Ага-Джанг-Шаха и Ага-Акбар-Шаха. Старший из них, Ага-Али-Шах, унаследовал титул Ага-Хана и имамат, но уже в 1886 году он умер, оставив всего одного малолетнего сына, нынешнего Ага-Хана Султан Мухаммед-Шаха. Последний, хотя и всего 9 лет от роду, был провозглашен имамом, под опекою своего дяди Ага-Джанг-Шаха и руководством матери своей, персиянки, женщины, как говорят, большого ума.

Его Высочество Султан Мухаммед-Шах Ага-Хан, которому теперь около 28 лет, получил преимущественно английское воспитание, и из него вышел типичный европеизированный азиат. По наружности он вполне европеец, носит европейское платье, головы не бреет, говорит по-английски безукоризненно, ест и пьет все без исключения, увлекается всякого рода спортом и содержит лучших в Индии скаковых лошадей. Я его часто встречал в здешнем английском обществе, хотя, как уроженец Азии, он не имеет доступа в английские клубы. Во время неоднократных своих поездок в Европу он был обласкан при английском дворе и награжден высшим индийским орденом. Он виделся также с шахом Персидским в Париже и Остенде, с султаном Турецким и с Германским императором, который пожаловал ему орден за содействие, оказанное им к установлению хороших отношений между его последователями и германскими властями в восточноафриканских германских владениях, и за обещание способствовать населению этих владений переселенцами ходжами из Индии.

В религиозном отношении Султан Мухаммед-Шах, по свидетельству одного близко стоящего к нему лица, весьма индифферентен, почти атеист. Всякие религиозные церемонии и роль первосвященника, которую ему поневоле приходится выполнять, видимо, тяготят его. Зато к политике он имеет, по-видимому, большое влечение.

Одним из главных проектов его является основание в Индии большого мусульманского университета на английских началах, который явился бы рассадником обновленного и объединенного мусульманства. Идея эта встречает, разумеется, полное сочувствие здешних англичан. Вот что по этому поводу высказал

в предисловии к биографии Ага-Хана некто Морисон: «При существующих условиях такой университет мог бы быть основан только в Индии, и если мечте этой суждено осуществиться, дело было бы настолько важно по своим политическим последствиям, что оно заслуживало бы самого сердечного поощрения и содействия со стороны британских государственных людей. Центр мусульманского мира очутился бы тогда на британской территории, руководители мусульманской мысли были бы британскими подданными, и, что важнее всего, английский язык явился бы посредником в деле усвоения исламом западных идей. Можно ли сомневаться в том, что подобный университет создал бы сильное расположение к Британской империи во всем мусульманском мире и что расположение это имело бы огромное политическое значение?»

Будучи убежденным и преданнейшим сторонником англичан и пользуясь несомненно безграничным влиянием на своих последователей и отчасти даже на индусов и других мусульман в Индии, Ага-Хан нередко уже оказывал индийскому правительству важные услуги, как, например, во время беспорядков 1897 года в Бомбее по случаю противочумных санитарных мероприятий. Следующее место из его биографии едва ли может считаться преувеличением:

«Нет сомнения, что Ага-Хан может быть сильным оплотом для британского правительства при помощи своих верных последователей — имя же им легион, — и необходимость облечь такого народного трибуна полным доверием правительства представляется совершенно ясной. Влияние его на последователей вне всякого сомнения, а в них живет воинственный дух, и по природе они представляют собой хороших воинов*. Немало их имеется в Читрале и вблизи северо-западной границы Индии. Влияние Ага-Хана было очень ценно в деле обеспечения за королем-императором покорности некоторых диких племен, которые, в противном случае, причинили бы бесконечные хлопоты англичанам и которые, под влиянием увещаний Его Высочества, теперь постоянно держат сторону англичан. Они доставляют секретные сведения британским властям и всячески стараются охранять британские интересы. Читральцы ежегодно в большом количестве приходят на поклон к Ага-Хану, и последний никогда не упускает случая внушить им необходимость соблюдать верность британскому правительству». Очевидно, англо-индийское правительство разделяет вышеприведенное мнение автора биографии об Ага-Хане, так как последний с прошлого года состоит членом совета вице-короля по выбору и назначению самого лорда Керзона.

Если приведенное в начале сего донесения сведение газеты «The Pioneer» справедливо (в чем, собственно говоря, нет никакого основания сомневаться), то влияние Ага-Хана в Шугнани и Рошани действительно должно быть в полной силе, а в том, что влияние это всегда будет не в нашу пользу, едва ли может быть какое-либо сомнение. Легко возможно, что и глухие намеки относительно будущих смут у нас в Средней Азии, появляющиеся теперь иногда в англо-индийской прессе, имеют в основании своем расчет на таинственную связь Ага-Хана с тамошними исмаилитами. Во всяком случае нам следует быть вполне готовыми к тому, что, в случае столкновения с Англией, последователи исмаилитского имама поднимут свою деятельную пропаганду против нас, где только это представится возможным. Особенно ненадежным элементом явятся, вероятно, шугнанцы и рошанцы.

---

* Это может быть справедливо лишь по отношению к последователям вне Индии, так как здешние почти исключительно торгоши (*примеч. В.О. фон Клемма*).

Оказать какое-либо противодействие влиянию Ага-Хана в Средней Азии, Кашгарии и на Памирах будет, вероятно, очень нелегко. Руководимые особыми старшинами, именуемыми «пирами»* и утверждаемыми Ага-Ханом, исмаилиты тех мест, вероятно, не менее преданы своему имаму, чем их единоверцы в Индии. Громадное их большинство, конечно, никогда не видало этого имама и было бы, вероятно, весьма удивлено увидеть в нем утонченного европейца, пьющего вино, вкушающего свинину и т.п. Однако голословного обвинения Ага-Хана перед ними было бы недостаточно. Быть может, поощрение суннитской или шиитской пропаганды между ними могло бы скорее повести к их отпадению, но распространение того или другого толка было бы также не особенно полезно для нас.

Следует заметить, что за последние несколько лет в г. Бомбее среди ходжей произошел раскол, как говорят, именно вследствие поведения Султан-Мухаммед-Шаха. Образовалась отдельная секта, которая несколько приблизилась к шиизму и совершенно отвернулась от Ага-Хана. Отношения между этими отщепенцами и ага-хановцами весьма натянуты, особенно с тех пор, как двое последних в порыве фанатизма избили двух из первых среди дня на улицах Бомбея. Быть может, было бы полезно войти в сношения с руководителями новой секты и убедить их послать одного или двух миссионеров в Среднюю Азию, Кашгар и на Памиры для обличения перед тамошними исмаилитами Ага-Хана. Хотя осуществление подобного предположения и будет сопряжено, по всей вероятности, с очень большими затруднениями, тем не менее я все же мог бы попытаться это сделать, если идея эта будет одобрена Вашим Превосходительством. Само собой разумеется, что в случае удачного исхода дела придется уплатить упомянутым миссионерам путевые расходы. Представляя об этом на благоусмотрение Вашего Превосходительства, пользуюсь...

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1117, л. 3–7. Копия.

№ 106

*11 февраля 1904 г. — Донесение Генерального консула
в Бомбее В.О. фон Клемма в МИД о его встрече с Ага-ханом*

На одной из железнодорожных станций, через которые мне пришлось проехать во время недавней моей поездки по Индии, я случайно встретился с Ага-Ханом, описание личности коего составило предмет моего предыдущего секретного донесения от сего числа за № 16. Он сейчас же завел речь о войне¹⁸, сведения о коей в то время только начали появляться в здешних газетах. Высказав сожаление о том, что кровопролитие не было избегнуто, он добавил, что не может, однако, признать японцев виновными в каком-либо вероломстве или коварстве и что их первые шаги на поле брани были, по его мнению, вполне естественными и правильными. — «Я считаю, — сказал он, — что Россия сделала большую ошибку, увлекшись присоединением Маньчжурии. Она никогда не может рассчитывать прочно утвердиться в Китае. Китай не Индия, население там не разнородное, как здесь, и, по моему мнению, ни одна европейская нация там никогда властвовать не будет».

* «Пир» — значит старец (*примеч. В.О. фон Клемма*).

Я поспешил возразить Ага-Хану, что, насколько мне известно, Россия никогда и не помышляла о «присоединении» Маньчжурии, а тем более о покорении Китая, и что вся наша задача там сводилась и сводится, по-видимому, до сих пор лишь к обеспечению наших неоспоримых интересов в означенной китайской провинции от всяких случайностей и к установлению там прочного *modus vivendi**.

Тут, к сожалению, отход поезда, с которым Ага-Хан ехал в Бомбей, прервал нашу беседу.

О вышеизложенном я счел долгом довести до сведения Вашего Превосходительства, ввиду того, что мнение Ага-Хана имеет несомненно известное влияние в Индии.

С глубочайшим почтением и пр.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1117, л. 8 и об. Копия.

№ 107

*6 мая 1904 г. — Донесение помощника туркестанского
генерал-губернатора Е.О.Мацевского¹⁹
министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу
о желательности присылки ходжей-исмаилитов
в Среднюю Азию, Кашгар и Памир*

Секретно.

Милостивый Государь, граф Владимир Николаевич.

На письмо Ваше от 15 апреля сего года за № 671 имею честь уведомить Вас, что я, со своей стороны, присоединяюсь к мнению Вашему о желательности для нас воспользоваться возникшим в измаилитской секте ходжей расколом и, по возможности, ослабить влияние нынешнего главы этой секты Ага-Хана; отправление в Среднюю Азию, Кашгар и Памиры одного или двух миссионеров от партии, противодействующей Ага-Хану, если удастся найти для этого людей вполне надежных, несомненно, может до некоторой степени парализовать влияние Ага-Хана среди его последователей, и я, со своей стороны, постараюсь, насколько это окажется возможным, оказать негласное содействие таким лицам, если они будут посланы в пределы вверенного мне края, для чего прошу не отказать сообщить мне о дальнейшем ходе этого дела.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности, покорнейшего слуги

Евг.Мацевского.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1117, л. 11 и об. Подлинник.

* *Modus vivendi* (лат.) — образ жизни (сост.).

*Сентябрь 1904 г. — Выписка из секретных донесений
секретаря Генерального консульства в Бомбее В.И.Некрасова
о причинах раскола в секте исмаилитов*

1) Среди распространенной в Индии исмаилитской секты ходжей возник за последние годы раскол, приобретший довольно значительное число приверженцев в Бомбее. Появление этого раскола следует объяснить экономическими причинами, а именно нежеланием многих ходжей продолжать выплачивать своему главе Ага-Хану наложенные им на ходжей подати, которые Ага-Хан расходовал не на нужды секты, а обращал в свою собственность. Личная непопулярность Ага-Хана увеличивалась еще плохим его знакомством с исламом, слишком явным желанием держать в невежестве своих последователей, постоянным допущением вмешательства своей матери в дела и, наконец, распространившимся слухом о его женитьбе на англичанке.

Протесты против Ага-Хана раздавались уже давно, но лишь года 4 тому назад раскол настолько окреп, что пришлось выстроить для членов новой секты собственные мечети в Бомбее. Главой секты состоит в настоящее время Хаджи-Абдулла-Хаджи-Моуджи²⁰, секретарь совета общины, а в духовном отношении раскольники подчиняются Неджефским муштехидам²¹.

Религия новой секты есть смесь мусульманских идей с индийскими обычаями, и, по-видимому, догматы ее еще не вполне установились и мало известны даже большинству сектантов.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1117, л. 16 и об. Копия.

*8 октября 1904 г. — Секретная телеграмма
секретаря Генерального консульства в Бомбее
В.И.Некрасова в МИД об условиях поездки
в Туркестанский край двух ходжей*

В Ташкент едут два ходжа, ввиду исключительных обстоятельств согласился на жалованье каждому 300 рупий, считая день отъезда, и на проезд полуторную стоимость билета II класса, с обязательством пробыть в Туркестане не менее четырех месяцев. Прошу возможно спешно перевести телеграфом 2908 рупий в уплату им переезда и двухмесячного жалованья. Отправляются на днях. Сообщаю почтой подробности.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1117, л. 17.

№ 110

16 октября 1904 г. — Уведомление директора Департамента личного состава и хозяйственных дел барона К.К.Буксгевдена²² в Первый департамент МИД о переводе денег в Генеральное консульство в Бомбее

В ответ на секретное отношение Первого департамента от 11-го сего октября за № 1938, Департамент Личного Состава и Хозяйственных Дел имеет честь уведомить, что предположения, изложенные в означенном отношении, удостоились высочайшего утверждения 15-го сего октября.

Вследствие сего Департаментом Личного Состава и Хозяйственных Дел ныне же сделано распоряжение о переводе по телеграфу в Генеральное консульство в Бомбее 1.865 рублей.

Директор барон Буксгевден.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1117, л. 23. Подлинник.

№ 111

18 октября 1904 г. — Донесение секретаря Генерального консульства в Бомбее В.И.Некрасова в МИД о заключении договора с исмаилитами

Препровождая при этом одну из копий контракта, заключенного с ходжами Муса-Гулям-Хуссейном и Пир-Мухаммед-Ибрагимом, имею честь донести Вашему Превосходительству, что условие это, ввиду его конфиденциального характера, не было засвидетельствовано у местного нотариуса и до известной степени пришлось положиться на добросовестность его подписавших.

Муса-Гулям-Хуссейн известен мне уже некоторое время; что же касается до Пир-Мухаммед-Ибрагима, то он рекомендован первым, как человек надежный и сведущий в делах религии, что в данном случае особенно ценно. Выбор мой остановился именно на первом из них ввиду того, что он религиозен и ему хотелось бы чем-либо отличиться в делах их молодой общины, к тому же он говорит по-персидски, искренне не любит Ага-Хана и англичан.

Столько высокую сравнительно плату мне пришлось принять, принимая во внимание, что это были единственные ходжи, которых представлялась возможность послать, что в Индии подобное жалованье считается за далеко не щедрое, а потом я имел в виду и то обстоятельство, что лица эти занимаются не только торговлей, но и комиссионерством и, конечно, отсутствие их на такое сравнительно продолжительное время из Бомбея не может не отразиться на их финансовом положении.

Названные ходжи должны взять с собой необходимые книги и фотографии Ага-Хана.

Не зная даже приблизительно, сколько времени им придется пробыть в Туркестане, пришлось упомянуть о 4-месячном сроке с оговоркою, что этот срок может быть продлен.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1117, л. 25 и об. Копия.

№ 112

*31 октября 1904 г. — Условия договора,
заключенного Генеральным консульством в Бомбее
с ходжами, отправляющимися в Туркестан*

Мы, нижеподписавшиеся Муса бхай Гулямхусейн и Пир Мухаммед Ибрагим, настоящим соглашаемся поехать в Русский Туркестан на 4 месяца для того, чтобы проповедовать религиозные взгляды исмаилитов, а если появится необходимость, остаться еще на несколько месяцев.

1. Согласно договоренности каждый из нас получает в месяц 300 рупий, что равно 192 рублям.

2. Деньги на расходы и на проезд в размере 854 рупий на каждого будут даны одновременно по отправлении в путь, и та же сумма будет выдана каждому из нас при возвращении.

3. Оплата начинается со дня отправления из Бомбея.

4. По договоренности каждому из нас по возвращении будет вручена еще одна плата за месяц.

5. Мы должны выехать как можно скорее.

6. Вышеуказанные условия заверены исполняющим обязанности русского консула в Бомбее.

Бомбей, 31 октября 1904 г.

Подписали: Муса бхай Гуллям Хуссейн, Пир Мухаммед Ибрагим.

Верно.

За делопроизводителя: *(подпись неразборчива)*.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1117, л. 26. Копия. Пер. с англ. составителя.

№ 113

*1 ноября 1904 г. — Секретное донесение
секретаря Генерального консула в Бомбее В.И.Некрасова
в МИД о выезде в Ташкент двух ходжей*

Имею честь донести департаменту, что /шифром/ должны завтра выехать в Ташкент ходжи; при них находятся фотографии и необходимые книги на местных индийских языках, что может повлечь за собой затруднения при въезде их в Россию через Одессу, куда в начале декабря они прибудут.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1117, л. 31. Копия.

№ 114

*9 ноября 1904 г. — Письмо туркестанского
генерал-губернатора генерала от кавалерии Н.Н.Тевяшева*

*министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу
о беспрепятственном пропуске исмаилитов*

Милостивый Государь, граф Владимир Николаевич.

Вследствие секретного письма от 23 октября сего года за № 1999, о предстоящей поездке двух ходжей из Бомбея в пределы Туркестанского края, имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что мною даны указания всем пограничным властям о беспрепятственном пропуске означенных лиц в случае их появления и об оказании им содействия, насколько сие возможно будет сделать, не возбуждая подозрений местных жителей.

О результатах принимаемой ныне меры для ослабления влияния Ага-Хана среди живущих в наших пределах исмаилитов я буду иметь честь сообщать Вашему Сиятельству, в связи с дальнейшим ходом настоящего дела.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности

Ваш покорный слуга Н.Тевяшев.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1117, л. 33. Подлинник.

№ 115

*4 декабря 1904 г. — Письмо туркестанского
генерал-губернатора генерала от кавалерии Н.Н.Тевяшева
министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу
о возможном использовании исмаилитов в Ташкенте*

Милостивый Государь, граф Владимир Николаевич.

Вследствие секретного письма от 24 ноября сего года за № 2251 о командировании двух ходжей-исмаилитов из Бомбея в Туркестанский край, имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что, по мнению моему, результаты поездки означенных лиц можно будет признать удачными, если Пир-Мухаммед-Ибрагим и Мусса-Гулям успеют склонить к другому образу мыслей главнейших исмаилитских ишанов, проживающих в крае, для чего им надлежит провести некоторое время в припамирских бекствах.

В течение зимних и весенних месяцев дорога до названных бекств крайне затруднительна и по временам совершенно непроходима, кроме как для горцев, вследствие глубоких снегов в горах и снежных метелей, а потому едва ли можно будет ходжам отправиться на Памиры ранее июня месяца будущего года.

Привычные к мягкому климату Индии, ходжи до того опасаются суровой северной зимы, что императорский консул в Александрии²³ секретной телеграммой от 26 ноября сего года на имя состоящего при мне Дипломатического чиновника²⁴ передавал просьбу их о разрешении им пробить до весны в Александрии.

На таковое промедление я не счел возможным выразить своего согласия, особенно ввиду того, что в Ташкенте сейчас проживает один из наиболее влиятельных исмаилитских ишанов Юсуф-Али-Ша²⁵, бежавший из Шугнана от притеснений Шугнанского бека и выжидающий ныне в Ташкенте решения вопроса об установлении в припамирских бекствах русского управления²⁶. Если вопрос

этот вырешится в непродолжительном времени, то приезжие из Бомбея ходжи могли бы, путем воздействия на означенного ишана в Ташкенте, заручиться сильной поддержкой в главной сфере распространения измаилизма, а затем пропагандой на месте довершить начатое таким образом дело.

Помимо Юсуф-Али-Ша и группы влиятельных таджиков, временно проживающих вместе с ним в Ташкенте, ходжам надлежит до поездки на Памиры съездить на свидание с главарями одного из второстепенных центров измаилизма в г. Оше.

Ввиду вышеизложенного, я полагаю, что командировка ходжей должна будет продлиться до сентября месяца 1905 года.

Во избежание огласки и слухов о явной поддержке ходжей русской администрацией, я приказал состоящему при мне Дипломатическому чиновнику снестись с императорским консулом в Александрии о том, чтобы направить ходжей в Самарканд, куда коллежский советник²⁷ Половцов выедет на свидание с ними предварительно приезда их в Ташкент.

В надежде, что Вы, Милостивый Государь, признаете изложенные предположения о пребывании ходжей в Туркестанском крае соответствующими целям их командирования, я буду ожидать дальнейших указаний Вашего Сиятельства по означенному вопросу.

Примите уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности

Ваш покорный слуга Н.Тевяшев.

Надпись на первой странице: «Все это можно одобрить».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1117, л. 41–42. Подлинник.

№ 116

*17 декабря 1904 г. — Секретное письмо
министра внутренних дел генерал-лейтенанта
П.Д.Святополк-Мирского²⁸ министру иностранных дел
В.Н.Ламздорфу о беспрепятственном пропуске ходжей,
прибывших в Одессу*

Милостивый Государь граф Владимир Николаевич,

В дополнение к письму моему от 29 минувшего ноября за № 6320, имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что индусы Пир-Мухаммед-Ибрагим и Муса-Гулям прибыли 13 сего декабря в Одессу и были, равно как и их багаж, беспрепятственно пропущены.

Примите, Ваше Сиятельство, уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Генерал-лейтенант Святополк-Мирский.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1117, л. 43. Подлинник.

№ 117

*8 января 1905 г. — Секретная телеграмма
генерал-губернатора Туркестанского края генерала
от кавалерии Н.Н.Тевяшева в Министерство иностранных дел
о целесообразности отправки ходжей обратно в Бомбей*

Присланные из Бомбея ходжи-измаилиты ни по умственному развитию, ни по умению скрывать цель поездки не пригодны для возложенного на них поручения, к тому же крайне деморализованы зимним холодом²⁹. Опасаюсь, что проживающие в Ташкенте измаилиты, на коих они не сумели приобрести никакого влияния, догадаются, что они поддержаны русской властью. Считал бы необходимым немедленно отправить их обратно в Бомбей, на что испрашиваю согласия Вашего Сиятельства. Содержание их дорого и непроизводительно.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1117, л. 48.

№ 118

*9 января 1905 г. — Секретная телеграмма
министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа
генерал-губернатору Туркестанского края Н.Н.Тевяшеву
о согласии на отpravку ходжей обратно в Бомбей*

Телеграмма 8 января получена шифром. Ввиду приведенных в ней соображений, с моей стороны не встречается препятствий к обратной отправке в Бомбей ходжей измаилитов, причем, казалось бы, следует принять во внимание заключенное с ними условие и указанные в оном сроки. Об окончательном решении настоящего дела не откажите уведомить.

Граф Ламздорф.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1117, л. 49.

№ 119

*12 января 1905 г. — Секретная телеграмма
директора Первого департамента МИД Н.Г.Гартвига
Генеральному консулу в Бомбее В.О. фон Клемму
об отъезде исмаилитов из Батума*

Генерал-от-кавалерии Тевяшев признал ходжей измаилитов непригодными для возложенного на них поручения, вследствие чего названные лица выехали обратно на родину через Батум. По прибытии их в Бомбей благоволил произвести с ними расчет на условиях по возможности выгодных для казны³⁰.

Верно.

За делопроизводителя Борис Андреев.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1117, л. 52. Копия.

*12 января 1905 г. — Секретная телеграмма
директора Первого департамента МИД Н.Г.Гартвига
Генеральному консулу России в Бомбее В.О. фон Клемму
об уплате в Одессе ходжам условленной суммы денег*

При отъезде из Одессы ходжам выдана на обратный путь условленная по договору сумма одна тысяча девятьсот три рубля 12 копеек на обоих.

/ Signé / Hartwig.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1117, л. 56.

Примечания

¹ Ходжа — здесь члены общины исмаилитов в Индии, проживающих также в отдельных районах Средней Азии, Восточного Ирана, побережья Персидского залива, восточного побережья Африки, впервые появились в Индии в IX в. в Синде и Мультане.

² Исмаилиты (семиричники, так как считают Исмаила (ум. 762 г.) последним, седьмым, имамом) — последователи одного из основных направлений шиизма в исламе.

³ Ага-хан — титул духовного главы исмаилитов с 1-й половины XIX в., первоначально почетный титул при ранних правителях династии Каджаров (1796–1925).

⁴ Интерес к исмаилитам и личности Ага-хана в высших административных кругах России прослеживался и ранее. Так, на одном из документов от июня–июля 1903 г. (Выписка из частных писем) есть помета: «Из части об Ага-Хане сделана выписка для царя. Персиани» (АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 924, л. 6).

⁵ Лицо не установлено.

⁶ Ага Султан Мухаммад Шах (1877–1957, Ага-хан с 1885 г.) получил традиционное мусульманское и европейское университетское образование, спортсмен и турист, печатался в английских журналах, участвовал в финансировании Алигархского, Лахорского и других университетов, способствовал трансформации общины мелких лавочников-ходжа в крупных предпринимателей и банкиров, в 1902–1904 гг. входил в состав совета при вице-короле, в 1906 г. возглавил верноподданническую депутацию к вице-королю Индии лорду Минто, которая привела к образованию особой мусульманской избирательной курии. Ему были дарованы короной княжеские привилегии сардара 1-го класса с пожизненной пенсией и титулом «Высочество».

⁷ Лицо не установлено.

⁸ Садр-уд-дин (нач. XV в.), исмаилитский миссионер (да'и), активно проповедовавший ислам в Синде, Гуджарате и Кашмире, традиционно считается одним из основателей общины ходжей.

⁹ Абдул Хасан Шах (2-я половина XVIII в.), дед первого Ага-хана, считался по традиции прямым потомком Мухаммеда.

¹⁰ Лицо не установлено.

¹¹ Фатх-Али-шах Каджар (1797–1834) — второй правитель персидской династии Каджаров.

¹² Первым Ага-ханом (с 1834 г.) был Ага Мухаммад Хасан Али Шах Махаллати (ум. 1881), правитель Кермана, в 1838 г. бежал в Кандагар и с 1842 г. поселился в Индии. Во время 1-й англо-афганской войны возглавлял отряд своих последователей в колонне генерала Нотта, помогал генералу Ч.Непиру завоевывать Синд в 1843–1844 гг.

¹³ Мохаммад-шах Каджар (1834–1848) — третий правитель династии Каджаров.

¹⁴ Д. Форсайт (1827–1886), крупный чиновник англо-индийской администрации, два раза, в 1870 и 1873 гг., посетил Кашгар с целью завязать торговые отношения с правителем независимого государства Джетышаар Якуб-беком.

¹⁵ Лорд Мэйо был вице-королем Индии в 1869–1872 гг.

¹⁶ Коллежский ассессор Николай Васильевич Богоявленский (1870–1930) был ассистентом при Зоологическом музее Московского университета, в 1902 г. был командирован Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии в страны Персидского залива. На обратном пути он заехал в Индию (Бомбей). В 1895 г. участвовал в научной экспедиции под руководством А.А. Бобринского в верховья Амурарья на Памире.

¹⁷ Ага Али Шах был вторым Ага-ханом (1881–1885).

¹⁸ Имелась в виду русско-японская война 1904–1905 гг.

¹⁹ Мациевский Евгений Осипович (1845 – после 1906), генерал-лейтенант (с 1900), в 1901–1904 гг. числился по Забайкальскому казачьему войску, помощник туркестанского генерал-губернатора, затем командовал 1-м Туркестанским армейским корпусом.

²⁰ Лицо не установлено.

²¹ Муджтахид (*араб.*) – прилежный, успешный; в шиизме – последняя степень богословской учености перед высшей – аятолла. Неджеф (Ирак) – священный для шиитов город, где находится могила Али.

²² Барон Буксгевден Карл Карлович был директором Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД в 1897–1910 гг., в 1912–1916 гг. – чрезвычайный посланник и полномочный министр в Дании.

²³ Императорским консулом в Александрии был статский советник Николай Петрович Щелкунов.

²⁴ Дипломатическим чиновником при туркестанском генерал-губернаторе был коллежский советник Александр Александрович Половцов.

²⁵ Юсуф-Али-Ша (Шо), пир с резиденцией в шугнанском кишлаке Поршнев, был в оппозиции к бухарской администрации, поддерживал народные выступления 1903–1904 гг. против эмира, за что был выслан из Западного Памира, придерживался независимой политики и скептически относился к Ага-хану.

²⁶ Памирские княжества Шугнан, Рошан с 1895 г. были под властью бухарского эмира, в 1905 г. его власть была сильно ограничена: был оставлен один представитель эмира, подотчетный в своих действиях представителю российской администрации – начальнику Памирского отряда; таким образом, эти княжества были фактически присоединены к Российской империи.

²⁷ Коллежский советник – гражданский чин 6-го класса по Табели о рангах.

²⁸ Святополк-Мирский Петр Дмитриевич (1857–1914), генерал-лейтенант, в 1900–1902 гг. – товарищ министра внутренних дел, 1902–1904 гг. – виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор, с августа 1904 по январь 1905 г. – министр внутренних дел.

²⁹ Генеральный консул в Бомбее В.О. фон Клемм, который предложил использовать индийских исмаилитов для агитации против Ага-хана в припамирских бекствах, считал единственной причиной постигшей их неудачи то, что они были отправлены из Индии поздней осенью и были деморализованы российскими холодами.

³⁰ При окончательном расчете с ходжами Генеральному консулу В.О. фон Клемму пришлось действовать осторожно, поскольку исмаилиты имели при себе копию с договора за подписью секретаря консульства В.И. Некрасова и могли предъявить ее. Тем не менее он сумел выторговать 480 рупий и получил расписку в том, что они не имеют претензий к консульству (АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 932, л. 92–94).

**4 марта — 4 августа 1904 г. —
Документы об издании русской газеты
на английском языке**

№ 121

*4 марта 1904 г. — Донесение Генерального консула
в Бомбее В.О. фон Клемма в Первый департамент МИД
о русофобских статьях в прессе Индии и о желательности
иметь русскую газету на английском языке*

Как образец того, что пишется о России и как комментируются события на театре войны в здешней печати, имею честь представить при сем Вашему Превосходительству вырезки из некоторых местных англо-индийских газет. Статьи эти взяты мною наугад, из первых попавших мне под руку номеров, так как нет дня, когда таких статей и заметок нельзя было бы найти в этих органах. Одно время, приблизительно в середине нашего февраля, тон здешней печати стал было несколько более сдержанным в отношении нас, отчасти, вероятно, под впечатлением полученных здесь в то время впервые сведений о понесенных японским флотом под Порт-Артуром повреждениях, которые японцы так тщательно скрывали, отчасти, как мне кажется, под влиянием полученных здешнею прессою из Лондона внушений, исходивших, как можно полагать, из самых высших правительственных сфер. Наступившее затишье продолжалось, однако, не особенно долго, и теперь опять тенденциозные статьи, произвольные толкования и злобные нападки на Россию под громкими и видными названиями встречаются чуть не на каждой отдельной странице любой англо-индийской газеты.

Редактор официальной здешней газеты «The Times of India» Фрезер, совершивший недавно поездку по Маньчжурии, Сибири и России и вынесший из этой поездки, как он мне сам говорил, не только самое приятное впечатление о любезности и предупредительности русских, но и глубокое убеждение в великой цивилизаторской миссии России в Маньчжурии и в достигнутых уже ею поразительных успехах, — этот самый Фрезер вскоре после начала войны обратился ко мне с письмом, в коем высказывал сожаление, что болезнь* помешала ему издать своевременно книгу о его поездке, которая, он уверен, произвела бы большое впечатление в Англии и вообще в публике, читающей по-английски, и убедила бы многих в неосновательности нападок на Россию и в необходимости, напротив, поддерживать все ее начинания в Маньчжурии. «Теперь, — продолжал он, — об издании моей книги, конечно, и мечтать нельзя и сам я вынужден строго придерживаться „национальной нашей политики“». Что подразумевалось под этими словами «национальной политики», нетрудно было угадать, ибо в то же время столбцы его газеты стали заполняться, по примеру прочих, статьями, явно направленными против России и русского правительства. Вся разница между его статьями и писаниями какого-нибудь «Advocate of India»¹ заключалась, может

* Он упал с большой китайской стены и после этого долго хворал (примеч. автора).

быть, лишь в несколько более приличном тоне первых. Впрочем, были у него и попытки напоминать англо-индийской публике о родстве русского царствующего дома с английским² и предостерегать здешнюю прессу и читателей от чрезмерного увлечения первыми японскими успехами; но в общем течение, несомненно поощряемое англо-индийским правительством, увлекло и его. Наиболее сдержанным и беспристрастным к нам является еще туземно-английский орган «The Amrita Bazar Patrika», в котором я не встречал по крайней мере явно умышленных нападок на Россию

Положение туземной прессы здесь вполне зависимое. Во-первых, редакторы туземных газет могут черпать свои сведения только из английских газет, а во-вторых, проявление ими ясно выраженных симпатий к России так или иначе могло бы отозваться на них. Некоторые туземцы спрашивали у меня, не выходит ли в России какой-либо газеты на английском языке, добавляя, что они желали бы немедленно на нее подписаться, чтоб иметь сведения и из других источников кроме английских, явная тенденциозность коих бросается всякому в глаза. Узнав, что никакой английской газеты в России не издается, они высказывали сожаление и даже удивление. И действительно, при обстоятельствах, подобных нынешним, невольно приходится жалеть о том, что у нас нет ни одного английского органа, хотя есть субсидируемые французская и немецкая газеты, тогда как добрая половина человечества знает лишь английский язык или, как население Индии, Китая и Японии, находится в зависимости и часто под прямым влиянием русофобской английской прессы.

Надпись на полях третьей страницы документа: «На выписке из сего донесения Высочайшая помета: „Было бы желательно“».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1118, л. 1–2. Копия.

№ 122

24 июля 1904 г. — Записка Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма в МИД с обоснованием необходимости учреждения печатного органа русского правительства для Индии

Из всех органов заграничной печати наибольшее число недоброжелательных к России встречается, несомненно, в английской прессе, и притом не только в самой Англии, но и во всех странах мира, где среди местного населения преобладает знание английского языка и где вследствие этого издаются местные газеты на этом языке. К таким странам, как известно, относятся, кроме английских колоний и протекторатов в Азии и Африке, также Северная Америка, Китай и Япония. Нападки означенных органов на Россию особенно возросли за истекшие двенадцать месяцев, сначала под влиянием обострившихся отношений между Россией и Японией, а затем в особенности в результате начавшейся в январе сего года русско-японской войны. В своем стремлении подорвать обаяние России и симпатии к ней других народов английская печать, за весьма редкими исключениями, не только прибегала и продолжает по сие время прибегать к извращению и неправильному толкованию и освещению фактов, но не стесняется даже рас-

пространять заведомо ложные сведения. Чтобы оценить должным образом вред, причиняемый этим путем России, следует лишь вспомнить, что приблизительно половина населения земного шара либо читает по-английски, либо находится так или иначе под прямым или косвенным влиянием английской прессы, главные органы коей располагают огромными средствами и связями во всех, даже самых отдаленных уголках мира.

Положение публики, даже вполне здравомыслящей и беспристрастной, но вынужденной черпать свои сведения из английских газет, представляется в большинстве случаев весьма затруднительным, так как она почти совсем лишена возможности следовать принципу «*audiatur et altera pars*»*. Оставляя в стороне самих англичан, громадное большинство коих не может или не хочет дать себе труда формулировать собственный взгляд на события, а слепо верит в то, что подносится им излюбленной их газетою, можно с уверенностью сказать, что, за исключением очень небольшого процента, люди, читающие и говорящие по-английски, не знают никакого другого европейского языка, а в особенности русского. Само собою разумеется, что крупные английские органы (печати. — *Сост.*) могут иметь и фактически имеют в своем распоряжении людей, которые доставляют им выдержки и даже подробные переводы из русских периодических изданий, но до читающей публики эти сведения тем не менее доходят либо в извращенном виде, либо с комментариями, подрывающими всякое доверие к данному русскому сообщению.

Если все вышесказанное справедливо в отношении Англии и стран, находящихся под влиянием английской прессы, то оно еще более относится к Индии, этому болезненно чувствительному нерву Англии, где распространение ложных сведений и представлений о России входит прямо в программу не только прессы, но и самого правительства. Народам Индии, воспитанным самими англичанами в ожидании великого нашествия России, внушается своевременная мысль, что держава эта представляет собой воплощение всего, что есть худшего на свете: произвола, бесправия, взяточничества и т.д., и что поэтому всякий сын Индии, хоть бы из простого чувства самосохранения, должен стать на сторону Англии и приложить все силы к отражению нашествия варваров. В настоящее время, вероятно, для придания большей бодрости туземным войскам, на случай столкновения и для устранения весьма распространенного в Индии убеждения в несокрушимой мощи России, к обычным нападкам присоединяется еще глумление над русским войском и флотом и преувеличение успехов японцев. Распространяемые английскою прессою сведения, идущие совершенно вразрез с вековыми представлениями индийцев о России, настолько озадачили на первых порах многих индусов, что у них возникло даже предположение о ложности самых фактов, сообщаемых Рейтером и англо-индийскими газетами о положении дел на театре войны. В наше Генеральное консульство в Бомбее стали поступать запросы со стороны туземцев, в том числе и от некоторых редакторов туземных газет, и просьбы о сообщении им правильных сведений с театра войны. Запросы и просьбы эти, по мере возможности, удовлетворялись безотлагательно Генеральным консульством, которое для этого делало извлечения и переводы из Правительственного Вестника и других русских газет и сообщало таковые всем, желавшим с ними ознакомиться. Этот способ имел, однако, существенный недостаток вслед-

---

* *Audiatur et altera pars* (лат.) — следует выслушать и другую (противоположную) сторону (*сост.*).

ствие того, что русские газеты получаются в Индии лишь на двадцатый день приблизительно. Ввиду этого Императорское министерство вошло в сношения с Наместником Его Величества на Дальнем Востоке³ о сообщении нашему Генеральному консульству в Бомбее сведений о ходе дел на театре войны по телеграфу. Получаемые таким образом телеграфные известия переводятся и сообщаются Генер. консульством всем местным органам печати уже приблизительно с середины марта. Однако сведения эти по необходимости довольно кратки и как официальные сообщения не могут носить полемического характера. Вместе с тем они касаются лишь настоящей войны, а не повседневной лжи о России, столь усердно распространяемой среди населения Индии.

Оставляя совершенно в стороне вопрос о нашествии России на Индию с завоевательною целью, — вопрос, который может так упорно держаться лишь в болезненном воображении англичан, дрожащих за свое сокровище, мы не можем, однако, и в особенности при настоящих условиях упускать из вида возможность осложнений в Азии, которые так или иначе могли бы привести нас в соприкосновение с Индией, а это, в свою очередь, должно побуждать нас дорожить симпатиями населения Индии и стремиться к распространению среди последних правильных взглядов на Россию и русских. В этих видах наше Генер. консульство в Бомбее не только охотно сообщало отдельным интересовавшимся туземцам всякого рода сведения, но и вошло в сношения с издателями двух индийских газет, которые изъявили готовность распространять среди туземного населения благоприятные для России сведения. Одна из этих газет издается в г. Бомбее на английском языке под названием «The Oriental Review»⁴, а другая в Бомбее на общеизвестном в Индии наречии «урду» под заглавием «Al-Riaz»⁵. Издатель первой — парс, второй — мусульманин. В обеих газетах этих помещены были, например, выдержки из весьма сочувственных России речей одного из членов англо-русского литературного общества в Лондоне, ирландца Поллена⁶, который до начала прошлого года служил в Индии и, в отличие от большинства своих соотечественников, пользовался большой популярностью и любовью среди туземного населения и туземных князей. Г. Поллен провел некогда в России целый год, говорит немного по-русски, перевел на английский язык ряд произведений русских поэтов и вообще сохранил о России и русских самую лучшую и благодарную память. — Условие с издателями упомянутых газет сводилось к тому, что они должны были рассылать бесплатно по Индии и туземным княжествам довольно большое количество экземпляров тех номеров, в которых появлялись сочувственные России статьи, за что Генер. консульство уплачивало им из имевшихся в его распоряжении сумм, отпускаемых Главным штабом на секретные расходы. Едва ли можно сомневаться в том, что статьи эти произвели известное желательное впечатление; но в сущности все это носило характер отдельных вылазок, которые все же мало способствуют достижению цели. К тому же оба упомянутых органа выпускают в неделю только по одному номеру и не пользуются в Индии надлежащею известностью. Для того чтобы поставить дело это на прочное и правильное основание, необходимо было бы обратить эти газеты окончательно в органы русского правительства, превратив их вместе с тем в ежедневные издания. Какую затрату это вызовет, нельзя пока и приблизительно определить, так как Генер. консульство не считало себя вправе без указаний императорского министерства прозондировать на этот счет издателей упомянутых газет, но с уверенностью можно сказать, что расход этот будет довольно крупный, так как печатное дело в Индии недешево. Кроме того, так как газеты эти должны

будут инспирироваться ежедневно, то в распоряжении Генер. консульства должно будет быть назначено лицо, основательно знакомое с английским языком, на которое могла бы быть возложена специальная обязанность делать извлечения из русской прессы, составлять конспекты статей полемических и т.п. Все расходы, которые вызовет учреждение таких органов русского правительства в Индии, будет нетрудно привести в известность, если вопрос о желательности такого учреждения будет решен принципиально в утвердительном смысле.

Само собою разумеется, что значение означенных органов будет исключительно местное. Едва ли можно ожидать, чтобы такими газетами заинтересовались где-либо за пределами Индии. Нелегко будет и в самой Индии этим новым органам завоевать себе прочное положение. Нечего сомневаться и в том, что они встречены будут крайне недружелюбно, как местною английскою прессою, так и англо-индийским правительством, что издатели их будут подвергаться всяким неприятностям и притеснениям и что им надо будет соблюдать величайшую осторожность, чтобы не подпасть под пресловутый закон о противуправительственных писаниях (*seditious writings*)⁷ и не навлечь на себя тяжкой ответственности. Вперед можно также сказать, что ни один англичанин в Индии, кроме, разумеется, правительственных цензоров, не станет их читать, так как чтение газет, издаваемых «туземцами», считается совершенно лишним и даже неприличным делом, что же касается англо-индийских газет, то они в отношении этих новых органов по крайней мере на первых порах будут, вероятно, придерживаться обычного своего приема, а именно абсолютного игнорирования и замалчивания. Но при известной энергии издателей и при возможности работать, быть может, довольно продолжительное время в убыток дела в конце концов должны несомненно развиваться. Иной был бы вопрос, если б нам можно было склонить на свою сторону издателя одной из английских газет в Индии, но на это едва ли можно надеяться, так как даже оппозиционные газеты вследствие присущих почти всякому англичанину патриотизма и чувства недоверия, если не прямо ненависти к России, относятся к нам не менее недоброжелательно, чем субсидируемые лордом Керзоном и распинаящиеся за него органы.

Наилучшие результаты могли бы быть достигнуты совершенно иным путем, а именно созданием в самой России, конечно в С.Петербурге, особого правительственного органа на английском языке наподобие «*Journal de St. Petersburg*»⁸, который инспирировался бы на месте и полемизировал бы с английскою печатью всего света. С таким органом пришлось бы всем считаться, и казалось бы, что широкое распространение во всех английских странах ему было бы обеспечено вперед, особенно в настоящее время, когда весь мир жаждет сведений из достоверных источников. Не подлежит сомнению, что и Индия не замедлила бы дать порядочное число подписчиков на такую газету, особенно если бы в ней было бы отведено некоторое место и на полемику с англо-индийскою прессою, если бы цена ее была назначена общедоступная и если б приняты были надлежащие меры к ознакомлению с нею населения Индии. Обращавшиеся в наше Генер. консульство в Бомбее индийцы и даже многие англичане обыкновенно осведомлялись, не выходит ли в России газеты на английском языке, и высказывали удивление, что русские, прославившие такими знатоками иностранных языков, не пользуются таким могучим средством, как английское печатное слово, для парализования заведомо вредной для России деятельности большей части английской и американской прессы.

Может возникнуть вопрос, будет ли подобная русско-английская газета допускаться в Индию и не поспешит ли английское правительство оградить населе-

ние Индии от такого пагубного с английской точки зрения влияния? На это можно только ответить, что едва ли даже такой самонадеянный человек, как лорд Керзон, осмелился бы поднять руку на свободу печати и тем навлечь на себя бурю негодования не только в Индии, но и в Англии.

На подлинной собственной Его Императорского Величества рукой начертано: «Вопрос заслуживающий внимания. Петергоф, 27 июля 1904».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1118, л. 4–10. Копия.

№ 123

10 августа 1904 г. — Письмо министра финансов В.Н.Коковцева⁹ министру иностранных дел графу В.Н.Ламздорфу о невозможности издания газеты на английском языке в России или приобретения местной газеты

Секретно.

Милостивый Государь граф Владимир Николаевич.

При письме от 3 сего августа, № 1329, Ваше Сиятельство препроводили ко мне копию записки нашего Генерального консула в Бомбее, в которой ст[арший] сов[етник] Клемм, отмечая недоброжелательное отношение к России английской печати не только в великобританских владениях — особенно в Индии, — но и вне оных, указывает на желательность «обратить в органы русского правительства» две из издающихся в Индии газет и затем основать в С.Петербурге особый правительственный орган на английском языке. Со своей стороны, Ваше Сиятельство, вполне признавая необходимость соблюдения при настоящих обстоятельствах экономии в расходах, изволите, однако, находить безусловно необходимым подвергнуть ныне же хотя бы предварительному принципиальному обсуждению намеченные ст. сов. Клеммом меры, причем более неотложным считаете приобретение печатного органа в Индии.

Вследствие сего имею честь сообщить Вашему Сиятельству, что Министерство финансов лишено возможности идти навстречу всем вообще поступающим с разных сторон требованиям относительно расширения влияния России и распространения за границей — в противовес нападкам на нас — здравых понятий о русской политике путем воздействия на местную печать. Как Вашему Сиятельству хорошо известно, нами уже принят в этом направлении ряд мероприятий, которые требуют от Государственного Казначейства крупных расходов. Так, особые наши отношения к Франции заставляют нас тратить значительные суммы на прессу в Париже. Нынешние осложнения на Дальнем Востоке побудили Наместника Его Императорского Величества, как я имел честь сообщить в письме от 3/4 сего августа № 336, принять меры для оказания воздействия на печать в Китае, и, кроме того, возбуждается вопрос о дальнейших подобных же мероприятиях в отношении этой страны. Упрочившееся влияние наше в Персии побудило нас вступить и здесь на тот же путь, и, как известно Вашему Сиятельству, мы субсидируем «Закаспийское Обзорение»¹⁰ и передаем в Тегеран по телеграфу известия для распространения их в Персии. В дополнение к этим и другим того же рода затратам, ныне, когда Государственному Казначейству приходится нести

тяжесть громадных военных расходов, ст. сов. Клеммом возбуждается вопрос об отпуске средств на новые публицистические предприятия, которые — если даже остановиться, в соответствии с мнением Вашего Сиятельства, только на «приобретении органа печати в Индии» — потребуют весьма крупных как единовременных, так и постоянных затрат.

Оценивая предположения ст. сов. Клемма, я прежде всего считаю необходимым заметить, что в то время, когда принятие перечисленных выше мер во Франции, Китае и Персии до известной степени оправдывалось важными политическими и экономическими интересами России в названных странах, в отношении Индии подобного основания не существует, так как сношения наши с этой страной находятся пока еще в зачаточном состоянии, и выгоды от газетной кампании в этой стране предусматриваются лишь предположительно и при этом только в будущем. Затем, я не могу не обратить внимание на то, что надежды на достижение этим путем каких-либо выгод едва ли являются основательными. Для того чтобы оказывать хотя бы некоторое воздействие на общественное мнение в какой-либо стране, недостаточно, по моему мнению, субсидировать местную печать; в этом деле, на мой взгляд, гораздо большее значение имеет создание прочных связей в различных общественных сферах, так как только таким образом создается почва, на которой можно уже действовать, с известным расчетом на успех, и при помощи печати. В этом же отношении в Индии как Министерство иностранных дел, так и Министерство финансов являются пока еще совершенно неподготовленными, ввиду чего возникает самое серьезное опасение, что все наши затраты на газетное дело в названной стране останутся непроизводительными.

Такое опасение поддерживается во мне и опытом, имеющимся у нас в отношении других стран. Как в Персии, так и на Дальнем Востоке борьба с агитацией против России оказалась для нас весьма затруднительной и малопродуктивной именно вследствие отсутствия широких и надежных связей с местным населением. Что же касается Парижа, то достигнутыми там успехами по крайней мере в финансовом отношении мы обязаны не столько газетной кампании, сколько доброжелательному к России отношению благоразумной части общества, ходу событий на Дальнем Востоке и существующей в широких кругах уверенности в том, что и при нынешних обстоятельствах русские бумаги представляют надежное помещение для капиталов.

Ввиду изложенных выше соображений я, со своей стороны, затрудняюсь высказаться в пользу осуществления предположений нашего Генерального консула в Бомбее и с принципиальной точки зрения.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем уважении и искренней преданности.

Коковцев.

Надпись на 1-й странице документа: «Сообщено 21 августа 1904 г. г. Клемму».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1118, л. 13-14 и об. Подлинник.

Примечания

¹ «Advocate of India» — англоязычная газета, издававшаяся в Бомбее.

² Супруга Николая II императрица Александра Федоровна (в девичестве принцесса Алиса Гессенская) была любимой внучкой английской королевы Виктории.

³ Наместником Его Императорского Величества на Дальнем Востоке в 1904 г. был генерал-адъютант адмирал Евгений Иванович Алексеев.

⁴ «Oriental Review» — издававшаяся на английском языке еженедельная газета, редактором и совладельцем которой был парс Рустомджи. Большая часть капитала была вложена в газету российским подданным ювелиром Клевеном. К началу 1905 г. у него обнаружилась чахотка, и врачи предписали ему немедленно покинуть Индию, поэтому он был вынужден продать свою долю в этом издании. Рустомджи не мог самостоятельно выкупить долю Клевена и попросил займы у российского консула, с которым был знаком, 4 тысячи рупий (около 2600 рублей). В.О. фон Клемм написал об этом в МИД Н.Г.Гартвигу: «Если теперь, быть может, несвоевременно создавать печатный орган русского правительства в Индии, то желательно было бы по крайней мере поддержать такой небольшой, но пользующийся известным значением листок, как „The Oriental Review“, и прибегать в случае надобности к его услугам. Не одна сотня образованных индусов читает его, особенно со времени последнего конгресса, и не одна туземная газета позаимствует у него правдивое слово о России, которую индийцы так живо интересуются». Позже он прислал несколько номеров этой газеты с опровержением ложных сведений о России (АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 932, л. 23–25, 51). Ответа МИД на это донесение В.О. фон Клемма в архиве не обнаружено.

⁵ Об этой газете см. док. № 82.

⁶ Лицо не установлено.

⁷ Закон о печати на местных языках (Vernacular Press Act) был принят в 1878 г., вводилась предварительная цензура и серьезные репрессии против органов печати, оппозиционных колониальному режиму.

⁸ «Journal de Saint-Petersbourg» — журнал на французском языке, издававшийся в 1825–1917 гг. под разными названиями: «Journal de Saint-Petersbourg politique et litteraire», «Journal de Saint-Petersbourg politique, litteraire, commercial et industrial», «Journal de Petrograd».

⁹ Ковцев Владимир Николаевич (1853–1943), министр финансов в 1904–1914 гг., в 1911–1914 гг. — председатель совета министров.

¹⁰ См. док. № 85.

№ 124–138

28 декабря 1904 г. — 22 июля 1908 г. — Документы о контактах российских консулов с Балом Гангадхаром Тилаком¹

№ 124

*28 декабря 1904 г. — Донесение Генерального консула
в Бомбее В.О. фон Клемма директору Первого департамента
Министерства иностранных дел Н.Г.Гартвигу о Тилаке,*

Вчера вечером меня посетил влиятельный маратский брамин Бал Гангадхар Тилак², один из самых известных и деятельных членов Индийского национального конгресса в Бомбейском президентстве³. Несколько лет тому назад этот индус был предан суду и присужден к тюремному заключению на три года⁴ за статьи в издававшейся им газете, которые признаны были революционными. Недавно бомбейская администрация пыталась вновь привлечь его к ответственности по одному уголовному делу, но после довольно долгого предварительного заключения и разных мытарств ему удалось добиться полного оправдания, но лишь в высшем бомбейском суде. Поэтому чувства Тилака к англичанам и их владычеству в Индии далеко не дружественные, и он этого отнюдь не скрывает. Я встречался с этим индусом и раньше, и он всегда расспрашивал меня обстоятельно о России, о наших отношениях к инородцам, о правах последних и т.д. Мое заявление, что у нас всякий инородец, получивший надлежащее образование, пользуется равными правами с коренными русскими, производило на него сильное впечатление.

На этот раз Тилак обратился ко мне с вопросом, принимаются ли у нас инородцы в военные школы. Я ответил, что очевидно да, так как у нас в армии, насколько мне известно, есть немало офицеров и даже генералов из мусульман⁵. Тогда он спросил, приняли ли бы индусов в эти школы. «Дело в том, — сказал он, — что мы давно уже тщетно добиваемся открытия военного училища в Индии или допущения молодых индийцев в английские военные школы. Когда герцог Конноутский⁶ после службы своей в Индии покидал эту страну, собран был по подписке, в которой участвовали почти все туземные князья, капитал на учреждение военного училища его имени. Его высочеству мысль эта очень понравилась, и он обещал нам свою поддержку, но англо-индийские военные власти, и правительство, и статс-секретарь по делам Индии⁷ признали это совершенно нежелательным, и проект не мог быть осуществлен. Теперь, как вы знаете, в туземной индийской армии индеец может только выслужиться из нижних чинов, и то лишь до чина майора-субадара, для чего ему надо предварительно прослужить по крайней мере лет пять рядовым, в крайне унижительных для порядочного человека условиях. С этим нам приходится мириться, как и с тем обстоятельством, что даже вспомогательные войска туземных княжеств (Imperial service troops) поставлены под начальство английских офицеров. Англичанам и этого, однако, недостаточно, и они теперь добиваются до собственных небольших военных контингентов некоторых туземных князей, причем они указывают на то, что войска эти ни к чему не пригодны, так как некому обучать их надлежащим образом, а настоящих офицеров из индийцев неоткуда, мол, взять. Между тем у всякого раджи есть сыновья и родственники, которых ему надо так или иначе пристроить и для которых военная карьера представляла бы самое лучшее поприще, если б только у них была возможность подготовиться к ней надлежащим образом. Вот у нас и явилась мысль добыть себе в чужой стране то, в чем англичане нам так упорно и неосновательно отказывают, т.е. познания в военном деле. Мы* хотели бы послать нескольких юношей из хороших семей в какую-либо страну для военного образования, и наиболее подходящею для этого кажется нам

---

* Подразумевается, очевидно, Национальный конгресс (*примеч. автора*).

Россия. Мы желали бы поэтому знать, могли ли бы индийские юноши поступить в военные школы разных родов оружия в России и получить там полное образование, необходимое для офицерского чина». На мое замечание, что ведь в Индии недавно учреждено было нечто вроде кадетского корпуса⁸ для княжеских сыновей, мой собеседник только рассмеялся. «Разве вы не знаете, — сказал он, — что это просто комедия. Никогда ни один из этих кадетов не попадет не только в британский, но и в туземный полк, потому что английские офицеры решительно отказываются принять их в свою среду равноправными членами. И, наконец, — добавил он, — это совсем не то, что нам нужно. Нам нужны люди, которые были бы действительно равными по познаниям английским офицерам, а по возможности даже выше последних и при этом во всех родах оружия, а не только в пехоте и кавалерии».

Я сказал Тилаку, что не могу ответить ему на его вопрос, не справившись в Петербурге, так как я не могу припомнить случая, чтобы какой-нибудь иностранец воспитывался в русском военном учебном заведении⁹, за исключением только болгар, да еще сына Бухарского эмира, из которых последнего, собственно говоря, нельзя и считать иностранцем. «За сим, — сказал я, — надо иметь в виду, что поступление индусов в русские школы вызовет в Англии сильное раздражение. Если б для русского правительства это и могло быть безразличным, то для родителей этих юношей это было бы сопряжено, быть может, с большими неприятностями». «Этого мы вовсе не опасаемся, — поспешно перебил меня мой собеседник, — это мы все уже предусмотрели, и дело будет так устроено, что англичанам никак нельзя будет придаться к нам, лишь бы русское правительство по своим политическим соображениям не признало нежелательным навлечь на себя неудовольствие англичан, оказывая нам это одолжение».

Я объяснил далее Тилаку, что для поступления в русскую школу требуется довольно основательное знание русского языка, что воспитанникам нужно носить установленное форменное платье, жить вместе с другими без всяких кастовых предрассудков и т.п. «Это, — сказал он, — все мелочи, с которыми мы легко справились бы. Само собой разумеется, что юноши явились бы в Россию с некоторым знанием русского языка, в котором они там, на месте, быстро усовершенствовались бы. Мы послали бы, конечно, интеллигентных и способных молодых людей, с достаточными познаниями в разных науках».

В заключение мой собеседник просил меня навести справки по интересующему его вопросу, притом как можно скорее и по возможности совершенно негласно. «В случае неудачи, — добавил он, — нам остается только попытаться счастья в Японии, что, по некоторым соображениям, нам не хотелось бы делать». Я сказал ему, что дело очень быстро сделано быть не может, но что я надеюсь дать ему окончательный ответ не позже начала или середины марта нового стиля.

Разговор мой с Тилаком изложен здесь, конечно, лишь в общих чертах. Кроме приведенных слов моим собеседником высказано было еще немало фраз и намеков, из которых я мог вывести следующие предположения. Умеренные члены национальной партии надеются путем определения нескольких юношей в русские военные школы вынудить англичан либо открыть такие школы в Индии, либо допустить индусов в свои военные школы в Англии. Туземные князья желают этим путем создать корпус офицеров, которые могли бы поставить их собственные войска на должную высоту, помимо англичан, а равно устранить возражения последних, что в Индии нет компетентных людей для занятия высших

военных должностей, начиная с батальонного командира. В числе этих князей первое место занимает, по-видимому, магараджа Гаэквар бародский. Наконец, крайние националисты, к которым принадлежит сам Тилак, имеют в виду необходимость создать компетентных руководителей-индусов для неизбежной со временем, по их мнению, открытой борьбы с английским деспотизмом. К России они обращаются потому, что, невзирая на наши неудачи на Дальнем Востоке, они не утратили веры в могущество ее, в возможность, почти неизбежность в будущем нашествия ее на Индию для изгнания из нее англичан, и, в частности, в высокую степень постановки в ней военного воспитания. К России их привлекает, кроме того, обходительность русских и их симпатичное отношение к восточным народам, чего они не могут ожидать ни в одной из других европейских стран. Япония стоит у них на втором плане, во-первых, потому, что она как союзница Англии и по крайней мере в настоящем стесненном ее положении не решится, вероятно, возбудить против себя неудовольствие англичан; во-вторых, потому, что японские офицеры, по их мнению, более храбры, чем основательно подготовлены, и, в-третьих, потому, что они верят в окончательное поражение японцев. Но в случае отказа России открыть им двери своих военных училищ они по необходимости обратятся к Японии. Если бы им удалось поместить своих юношей в русские военные школы и если бы со временем оказалось, что возвращение для них в Индию небезопасно, то юноши эти, вероятно, остались бы в России, приняли бы русское подданство и поступили бы там на службу впредь до того времени, когда им откроется возможность вернуться на родину.

Все это, как уже сказано, я вывел из некоторых не вполне определенных рассуждений и намеков Тилака, но мне кажется, что выводы эти соответствуют действительности.

Представляя вышеизложенное на благоусмотрение Вашего Превосходительства и почтительнейше прося снабдить меня указаниями, беру на себя смелость высказать следующее мнение по настоящему делу.

Вопрос о том, как смотрят на нас индусы и как они к нам относятся, не может быть для нас безразличным. Бог знает, до каких пор Россия в состоянии будет спокойно терпеть вызывающую и недоброжелательную нам политику Англии и к чему ход событий может нас привести; а борьба с Англией неизбежно должна вызвать с нашей стороны движение на Индию. Как бы трудно осуществимой и даже фантастичной ни была мысль о завоевании нами Индии и как бы далеки мы от нее ни были, обстоятельства могут нас вынудить прибегнуть к походу в эту страну, и тогда, разумеется, будет далеко не безразлично, как отнесутся к нам коренные жители ее. В настоящее время едва ли один процент даже вполне образованных индийцев имеют мало-мальски правильное представление о России по той простой причине, что здесь и неоткуда черпать таковое. Чем более руководящие слои индийской интеллигенции будут знакомиться с нашей страной и проникаться уважением к ней, тем число наших сторонников в Индии будет, очевидно, возрастать. Индийский национальный конгресс уже не фикция, а сила, с которой англичанам приходится ныне до известной степени считаться и которая приобретает все большее влияние на массы населения. Если б несколько сыновей индийских князей получили воспитание в России и явились потом нашими поборниками в Индии, то этим распространению доброй славы нашей в этой стране был бы дан значительный толчок. Вслед за этим мог бы возникнуть прилив индийской молодежи в наши гражданские школы, какой замечается теперь в Японии, начала бы развиваться взаимная торговля и т.д. Но если б даже этих благ

для нас и не воспоследовало, то желание членов Конгресса послать сыновей своих в Россию заслуживало бы внимания нашего хотя бы только в видах предотвращения сближения их с Японией. Отказ с нашей стороны открыть им доступ в наши военные школы, несомненно, побудит их обратиться к нашим теперешним врагам, которые едва ли и после неудачного для них исхода войны откажутся от мечты объединения народов Азии под своей гегемонией.

В Англии факт поступления молодых индийцев в русские школы произведет, конечно, сильное впечатление. Родители этих юношей, несомненно, навлекут на себя большое неудовольствие, но такие люди, как Гаэквар, знают, что они делают, и, в сущности, нельзя себе представить, каким образом англичане могли бы к нам придрататься, не навлекая на себя обвинения в вопиющем нарушении чужой свободы, — обвинение, которое даже лорд Керзон побоялся бы, вероятно, навлечь на себя. Что касается нас, то с политической точки зрения мне кажется, что английское правительство едва ли рискнуло бы обратиться к нам даже с простым запросом по этому поводу, а с нравственной точки зрения это было бы лишь очень незначительным возмездием с нашей стороны Англии за широкое пристанище, которое она дает нашим революционерам. Вернее всего, что англичане поспешат удовлетворить желание индийцев и откроют военную школу в Индии, а вместе с тем и доступ индийцам к высшим офицерским должностям, по крайней мере в туземной армии, на чем вопрос и будет исчерпан. Но и это последнее обстоятельство будет для нас не без выгоды, так как оно сделает туземную армию еще менее надежной, с точки зрения англичан, чем теперь.

По всем соображениям я решаюсь высказать мнение, что было бы желательно удовлетворить желание членов Индийского национального конгресса, от имени которых говорил Тилак, и разрешить, хоть в виде опыта, некоторым индийским юношам поступить в наши военные училища.

Ввиду большой секретности настоящего дела и ввиду крайней медлительности, с которой до меня доходят пакеты из Петербурга по единственно верному пути — через Париж, я беру на себя смелость почтительнейше просить Ваше Превосходительство не отказать уведомить меня о решении по этому вопросу по телеграфу или шифрованной бумагой *via* Бриндизи.

С глубочайшим почтением и проч.

В.Клемм.

АВПРИ, ф. 184 Посольство в Лондоне, оп. 520, д. 899, л. 165–170. Подлинник. Оpubл.: Российские путешественники в Индии. XIX — начало XX в. Документы и материалы. М., 1990, с. 259–263 (далее — Российские путешественники в Индии).

№ 125

22 февраля 1905 г. — Письмо военного министра В.В.Сахарова министру иностранных дел графу В.Н.Ламздорфу о порядке приема иностранцев в русские военные учебные заведения

Милостивый государь граф Владимир Николаевич!

В ответ на письмо Вашего Сиятельства от 17-го сего февраля, № 366, имею честь уведомить, что со стороны Военного министерства не встречается препятств-

вий к принятию в наши военно-учебные заведения молодых индусов при соответствующей подготовке и знании русского языка на общих с остальными иностранцами основаниях, сопровождающихся согласием соответствующего правительства. Если же по политическим соображениям получить согласие правительства затруднительно, то полагаю, что, не отклоня ходатайство совершенно, нам неудобно в настоящее тяжелое военное время, хотя и косвенно, вызвать неудовольствие дружественной нейтральной державы, к числу коих относится Англия.

Прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности

В. Сахаров.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1122, л. 12. Подлинник.

№ 126

*5 марта 1905 г. — Донесение Генерального консула в Бомбее
В.О. фон Клемма в Первый департамент МИД
о реакции Тилака на отказ принять индийцев
в российское военное учебное заведение*

27 минувшего февраля я имел честь получить секретную телеграмму Вашего Превосходительства от 26 февраля по вопросу о поступлении индусов в русские военные училища. Через три дня после того брамин Бал Гангадхар Тилак зашел ко мне за ответом. Я сказал ему, что, по полученным мною из Петербурга точным сведениям, иностранные подданные принимаются в наши военно-учебные заведения не иначе как с разрешения их правительств. «Это правило, — добавил я, — очевидно, известно всем иностранным правительствам и отступление от него не ускользнуло бы от их внимания; отмена же этого правила в настоящее время представлялась бы, по многим соображениям, неудобной. Не будь этого обстоятельства, русское правительство не отказалось бы теперь же открыть двери своих корпусов и высших военных училищ для индийских юношей. Дело сводится, следовательно, к тому, чтобы дожидаться благоприятного момента, когда без особых неудобств можно будет отступить от упомянутого стеснительного правила. Я понимаю, что вам нежелательно терять много времени, так как вы торопитесь с осуществлением вашего плана. Поэтому следовало бы найти какой-нибудь временный выход из этого затруднения. Отчего бы, например, вашим юношам не поступить пока в какое-нибудь французское военно-учебное заведение, с тем, чтобы при первой возможности перейти в Россию?» «А разве французы принимают иностранцев?» — спросил Тилак. «Не могу в точности утверждать это, — возразил я, — но я имею основание думать, что французское правительство не откажется сделать даже отступление от общего правила, если русское правительство его о том попросит».

На это Тилак сказал, что он и его друзья пришли уже к заключению, что в настоящее время было бы, вероятно, не совсем удобно посылать молодых людей в Россию. Он намекнул при этом на внутренние осложнения в России, которым здешняя печать всячески силится придать характер полной революции. «Мысль о Франции, — сказал он, — совсем не приходила нам в голову, и я не премину обсудить ее с моими друзьями. Это может быть действительно самый

лучший и простой выход для нас. Мы подумали только об Америке и списались с директором военной школы в Флориде, который и уведомил нас о готовности принять наших молодых людей».

Я поспешил заметить Тилаку, что Северо-Американские Штаты, как ему, вероятно, известно, не первоклассная военная держава и что поэтому военное образование там едва ли стоит на должной высоте. Во всяком случае оно должно быть менее основательно там, чем во Франции. Тилак с этим вполне согласился и добавил, что он укажет на это и своим друзьям. В заключение он сказал, что он даст мне знать, к какому решению они придут.

На прощанье я не преминул внушить Тилаку, чтобы сам он и его друзья относились крайне осторожно к сообщениям английских газет как о внутренних событиях в России, так и относительно войны. На это Тилак заметил, что недоброжелательство англичан к России им хорошо известно, так же как и недобросовестность английской печати.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

В.Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 932, л. 49–50. Подлинник. Частично опубл.: Российские путешественники в Индии, с. 264.

№ 127

27 апреля 1905 г. — Телеграмма Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма в Первый департамент МИД о готовности индусов отправиться в Европу для получения военного образования

Тилак, с которым имел свидание, желает послать [в] Европу для получения высшего военного образования двух людей, из которых один — тридцатилетний капитан туземной армии, другой же — почти что окончивший курс университета юноша. Он просит нас пристроить этих людей как можно скорее к русской или французской офицерской школе. Если это не удастся, он намерен послать их в Америку. Тилак отказывается послать мальчиков в кадетский корпус, пока не услышит из уст зрелых соотечественников, каковы обстоятельства в Европе для военного образования индусов. Индусы готовы к отъезду и ждут лишь ответа Вашего Высококородия.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 28, л. 3. Опубл.: Российские путешественники в Индии, с. 264.

№ 128

23 августа 1905 г. — Донесение Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма в Первый департамент МИД о находящемся в Париже индийце Мадхао Рао Джадао¹⁰

Уже два раза брамин Тилак через доверенное лицо справлялся у меня, в каком положении находится дело о принятии в французскую военную школу двух индийцев, упомянутых в моей телеграмме от 2/15 мая сего года. Ввиду сего почтительнейше прошу Ваше Превосходительство уведомить меня по телеграфу, есть ли надежда получить согласие французского правительства на поступление индийцев в одно из военных учебных заведений Франции. Один из кандидатов, отставной капитан Мадхаврао Джадхао, уже выехал в Париж, откуда в случае отказа французского правительства он отправится, вероятно, в Америку. По просьбе Тилака я позволил себе снабдить его рекомендательным письмом к нашему Генеральному консулу.

Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 932, л. 154. Подлинник. Оpubл.: Российские путешественники в Индии, с. 265.

№ 129

13 октября 1905 г. — Из донесения российского Генерального консула в Париже А.Н.Карцова в МИД о получении согласия швейцарского правительства принять Мадхао Рао в военную школу

...Переговоры по сему предмету не привели к желаемому результату, так как французское правительство ввиду своих дружественных отношений с Англией не сочло возможным удовлетворить сие ходатайство.

Ввиду сего и принимая во внимание подобный же отказ бельгийского правительства Императорское посольство снеслось по сему предмету с нашим Министерством иностранных дел, которое поручило нашему посланнику в Берне исходатайствовать согласие швейцарского правительства на прием Мадхаврао в одну из местных школ. Ныне д[ействительный] с[татский] с[оветник] Жадовский уведомил, что начальник военной части Миллер заявил, что в виде исключения Мадхаврао будет допущен на военный курс под нравственным ручательством русского правительства в добропорядочности поведения и уважении к установленной дисциплине...

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 28, л. 7–8. Подлинник. Оpubл.: Российские путешественники в Индии, с. 265.

№ 130

*10 декабря 1905 г. — Донесение Генерального консула
В.О. фон Клемма в Первый департамент МИД
с благодарностью от Тилака за оказанное содействие*

На днях посетил меня брамин Гангадхар Тилак, просивший об определении в одно из европейских военно-учебных заведений молодых индусов. Я тотчас же ознакомил его с содержанием секретного письма ко мне управляющего 1-м департаментом от 13 октября сего года за № 1635, которое дошло до меня лишь в последних числах ноября. Я должен пояснить при этом, что из предосторожности я с Тилаком совсем не переписываюсь и потому должен был ожидать его прихода ко мне без вызова. Выслушав содержание упомянутого письма, Тилак сказал, что ему уже известно об этом счастливом для них обстоятельстве из писем капитана Мадхаврао Джадхао и что он явился поблагодарить меня за хлопоты и просит довести до сведения императорского правительства о глубочайшей благодарности, его и его партии, за оказанное ему содействие. «Мы все сознаем, — добавил он, — что бесконечно обязаны русскому правительству, так как сами мы никогда ни под каким видом не достигли бы желанного успеха». За нравственность и безупречность поведения капитана Мадхаврао Джадхао можно, по словам Тилака, спокойно ручаться. Он не сомневается также, что швейцарское правительство, убедившись в дисциплинированности и добросовестном отношении к делу этого офицера, не откажется впоследствии открыть двери своих военных школ и для других молодых индусов.

Клемм.

*АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1122, л. 54 и об. Подлинник. Опубл.:
Российские путешественники в Индии, с. 266.*

№ 131

*10 декабря 1905 г. — Донесение Генерального консула
в Бомбее В.О. фон Клемма в Первый департамент МИД
о возможности покупки в России тонких сортов пряжи*

Во время последнего свидания моего с Тилаком он коснулся вопроса о патриотическом движении и открыто сознался мне, что им прикрывается только цель бойкотировать специально английские изделия, главным образом пряжу и ткани, которые Великобритания ввозит в Индию более чем на 22 миллиона фунтов стерлингов в год. «Мы сами понимаем, — добавил он, — что Индия не в состоянии удовлетворить собственные свои нужды и что нам не обойтись без привозных товаров, например, более тонких сортов пряжи, которые у нас не выделяются. Но мы не хотим только иметь их из Англии». К этому он тотчас же присовокупил, что одною из целей его прихода ко мне было именно желание просить меня узнать и сообщить ему цены на тонкие сорта русской пряжи от № 40 до № 100 примерно, а равно адреса русских фирм, торгующих таковою. По его словам, бомбейские фабриканты где-то вычитали, что в России замечается перепроизводство такой пряжи, так что она даже вывозится в Германию по очень

низкой цене, а потому фабриканты эти собираются завязать отношения с Россиею. Я обещал, разумеется, Тилаку полное содействие в этом отношении. Но вместе с тем заметил, что англо-индийское правительство, вероятно, вступит в борьбу с иностранной конкуренцией путем наложения дополнительных пошлин на иностранные товары, как только оно заметит, что индийцы отдают последним предпочтение. На это Тилак возразил, что это маловероятно, так как иностранные правительства могли бы ответить на это репрессиями, и что, наконец, на это потребуется время, в течение которого английской промышленности уже нанесен будет известный ущерб. Во исполнение просьбы Тилака я вместе с сим вхожу в сношения с Департаментом торговли о сообщении мне цены на тонкую пряжу и о высылке мне, по возможности, образцов таковой.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 932, л. 199. Подлинник. Опубл.: Российские путешественники в Индии, с. 266–267.

№ 132

6 января 1906 г. — Из донесения Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма в Первый департамент МИД о Мадхао Рао Джадао

Вчера мне удалось вызвать к себе брамина Гангадхара Тилака. Сведения, сообщенные им относительно капитана Мадхаврао Джадхао, сводятся к следующему. Он уроженец Бароды, принадлежащий к высшей касте «марат», к которой принадлежит и магараджа Гаэквар Бародский. Ему лет тридцать приблизительно, служит он в бародских войсках в пехоте и кавалерии, жалованье получал сто двадцать пять рупий в месяц. По познаниям в военном деле он считается выдающимся среди туземных офицеров и любит свое дело. Гаэквар брал его с собой в поездки в Англию и Францию, и, кроме того, он недавно побывал в Японии. Он продолжает еще числиться на службе, но, верно, скоро получит отставку, ввиду того, что Гаэквар опасается навлечь на себя гнев правительства, если его поступление в швейцарскую школу обнаружится. Гаэквар виделся с ним недавно в Париже и Берне и пытался, по-видимому, отговорить его от этого шага. Он был женат, но овдовел. Имеет брата, который служит в Бароде уездным начальником¹¹ и получает жалованье пятьсот или шестьсот рупий в месяц. На мое замечание, что Мадхав Рао, по-видимому, терпит некоторый недостаток в средствах, Тилак подтвердил свое прежнее заявление, что материальное положение этого офицера вполне обеспечено партией, пославшей его, и что последняя готова дать денег на это дело, сколько бы ни потребовалось. Затем он тут же предложил внести в консульство 1000 рупий с тем, чтобы наша Миссия в Берне открыла соответствующий кредит Мадхаврао в Берне. На это я изъявил согласие. Как только деньги будут внесены, донесу об этом Вашему Превосходительству по телеграфу.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1122, л. 60. Копия. Опубл.: Российские путешественники в Индии, с. 267.

*7 января 1906 г. — Донесение Генерального консула
в Бомбее В.О. фон Клемма в Первый департамент МИД
о целях получения военного образования Мадхао Рао
и о недостатке у него денежных средств*

Я имел честь получить секретную телеграмму Вашего Превосходительства от 4/17 января относительно капитана Мадхаврао Джадхао, принятого по ходатайству императорского правительства на высшие военные курсы в Швейцарии.

Ввиду необходимости соблюдать чрезвычайную осторожность в этом деле, я совсем не виделся с этим офицером лично, да и надобности в этом не было, так как просьба об определении его в военную школу в Европе исходила не от него, а от члена партии патриотов брамина Гангадхара Тилака. Со слов последнего мне известно, что Мадхаврао служил ранее в индийской армии, но в какой именно части, я не знаю. Он уроженец Пуны и, несомненно, принадлежит к партии патриотов, мечтающих если не о свержении британского владычества, то по крайней мере о полной автономии Индии. Цель изучения им военного дела в Европе, очевидно, та, чтобы со временем, в случае надобности он мог принять командование над отложившимися от англичан туземными войсками или над повстанцами. Что касается его личного имущественного положения, то мне пока о нем ничего не известно, но я должен заметить, что содержание его лежит на обязанности пославшей его партии. При первой же беседе моей с Тилаком по этому делу я предупредил его, что это будет стоить довольно дорого, но он возразил, что за деньгами дело не станет. Очень может быть, что наивные индусы несколько ошиблись в своих расчетах и ассигновали Мадхаврао слишком скромную сумму, но я думаю, что он мог легко убедить их в необходимости увеличить отпускаемое ему содержание.

К сожалению, как я уже заметил в секретном донесении моем от 10/23 декабря за № 106, я лишен возможности вызвать к себе Тилака, но я полагаю, что он скоро сам явится опять ко мне по делу о пряже (донесение № 107 от того же числа). Тогда я не премину расспросить его подробно о Мадхаврао, а равно внушить ему необходимость снабжать этого офицера достаточными денежными средствами. О последующем я не замедлю тотчас донести.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 937, л. 10 и об. Подлинник. Частично опубли.: Российские путешественники в Индии, с. 268.

№ 134

*26 января 1906 г. — Донесение Генерального консула
в Бомбее В.О. фон Клемма в Первый департамент МИД
о посылке денег в Швейцарию*

Согласно секретной телеграмме Вашей от 21 января вместе с сим посылаю в миссию в Берне переводом 1670 франков, полученных по курсу за 1000 рупий и внесенных Тилаком в субботу. Никаких объяснений при этом дать не могу за неимением шифра для сношений с Берном. Внося означенные деньги, Тилак выразил надежду, что их хватит капитану Мадхаврао на некоторое время, но добавил, что в случае необходимости он готов послать еще. Он просил выдать деньги этому офицеру частями или полностью, как он того пожелает, и сказать ему, что они посланы ему лицом, известным ему под названием «Пикчур френда». Об этом почтительнейше прошу известить миссию в Берне.

Клемм.

*АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1122, л. 62. Подлинник. Оpubл.:
Российские путешественники в Индии, с. 268–269.*

№ 135

*23 июня 1906 г. — Из донесения
российского поверенного в делах в Берне В.Р.Бахрахта
в МИД о бывшем у Мадхао Рао желании
принять русское подданство*

На днях меня посетил капитан Мадхаврао, слушающий в настоящее время курс военных наук в Инвердане... Желание его принять русское подданство, по-видимому, возникло из опасения возбудить против себя при возвращении в Индию преследование английских властей за его деятельность в Европе. Ныне капитан Мадхаврао отказался от этого, полагая, вероятно, что принятие им русского подданства не освободит его от преследований, а скорее увеличит возможность таковых...

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 28, л. 9. Подлинник.

№ 136

*17 августа 1907 г. — Письмо вице-директора
Первого департамента МИД А.А.Нератова¹² исполняющему
обязанности Генерального консула в Бомбее С.В.Чиркину
об изменении политики России в отношении Мадхао Рао
в связи с заключением соглашения между Россией и Англией¹³*

Ввиду предстоящего заключения соглашения между Россией и Англией и нового направления, которое, естественно, должна принять теперь наша общая

политика по отношению к последней, императорское правительство представляет крайне неудобным продолжать оказывать поддержку, при посредстве миссии в Берне, обучающемуся в Швейцарии военным наукам индусу Мадхаврао Джадхао. Потому посланнику в Берне было поручено воспользоваться тем, что уже в конце 1906 г. капитан Мадхаврао собирался покинуть Швейцарию, прекратить под тем или иным предлогом могущие лишь компрометировать нас сношения с названным лицом...

Ввиду состоявшегося ныне подписания русско-английского соглашения Вам надлежит тщательно воздерживаться от всего, что противоречило бы дружественному духу, которым проникнуто это соглашение, и в особенности избегать дел, подобных настоящему, которые без всякой нужды и — ввиду изменившихся ныне обстоятельств — без всякой пользы для нас могут лишь компрометировать нас в глазах англичан.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Болбее, оп. 779, д. 28, л. 15. Подлинник. Опубли.: Российские путешественники в Индии, с. 269.

№ 137

18 августа 1907 г. — Письмо действительного статского советника В.Р.Бахерахта министру иностранных дел А.П.Извольскому о его беседе с индусом Мадхао Рао и прекращении в будущем сношений с ним

Милостивый Государь Александр Петрович.

Несмотря на высказанное ровно год тому назад, как явствует из письма действительного статского советника Сталевского на имя г-на Директора Первого Департамента от 6/19 июля 1906 г. за № 1045, капитаном Madao Jadhava намерение тогда же покинуть Швейцарию, он все еще находится здесь и ныне кончает пройденный им курс учения кавалерийской школы.

Во исполнение преподанных мне в доверительном письме Вашего Высокопревосходительства от 2 августа с.г., № 1480, инструкций, я воспользовался первым удобным случаем, чтобы словесно объяснить с г. Мадао.

Я начал с того, что выразил свою надежду, что он ныне уже успел окончательно ознакомиться со всеми заинтересовавшими его в Швейцарии военными вопросами. На утвердительный его на этот мой полузапрос ответ, я возразил, что это меня тем более радует, что отныне вверенная мне миссия уже не была бы более в состоянии оказывать ему прежнее свое содействие, так как с прибытия на место служения вновь назначенного нашего военного агента все сношения миссии с федеральными военными властями обязательно должны проходить через него. Он же снабжен инструкциями, позволяющими ему входить в ходатайства перед означенными властями не иначе, как в пользу офицеров русской службы.

Подобною оговоркою, мне кажется, удалось самым естественным образом прекратить раз и навсегда крайне неудобные в настоящее время сношения наши с вышеназванным индусом.

Тут же простившись со мною, капитан Мадао высказал мне свое намерение выехать из пределов Швейцарии в Париж не позже 15 будущего сентября по

нов[ому] ст[илию]. Он предполагает возвратиться на родину, в Индию, не прямым путем, что сопряжено было бы для него, по его же словам, с некоторыми неудобствами, а через Сиам, ввиду чего он желал бы представиться в Сиамской миссии в Париже. С этой целью он просил мое содействие для снабжения его для сиамского посланника рекомендательным письмом со стороны нашего посольства. Уклонившись от прямого ответа на сию его просьбу, я сказал Мадао, что я ее передам нашему поверенному в делах, которого я не премину своевременно предупредить в смысле имеющих у меня инструкций, на случай если б Мадао обратился в наше посольство.

С глубоким почтением и таковой же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою

В.Бахерахт.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1122, л. 79–80 и об. Подлинник.

№ 138

*22 июля 1908 г. — Донесение Генерального консула в Бомбее
А.А.Гейкинга в Первый департамент МИД о репрессиях
англо-индийских властей и о суде над Б.Г.Тилаком*

За последний истекший месяц враждебное отношение индийского народонаселения к англичанам не улеглось, а скорее еще возросло. Со своей стороны англичане продолжали принимать репрессивные меры привлечением к законной ответственности редакторов газет, напечатавших статьи мятежного содержания, ораторов, произносивших речи революционного направления, и бунтовщиков, чинивших публичные беспорядки и оказавших властям явное сопротивление.

Так, например, издатель газеты «Кал»¹⁴ был осужден за напечатание мятежных статей, некий Гари Сарватама Ра наказан за революционные статьи в издаваемой им же на телугусском¹⁵ языке в Безваде газете «Swaraj», издатель выходящей на маратском языке газеты «Arunadaya» попал под суровую кару за статью, в которой он старался возбудить ненависть индийцев против англо-индийского правительства. Экстремист Этирай Сурендранат Ареа, основатель революционного общества Chenai Jenna Sangam, арестован за возбуждающие толпу против правительства речи, некий Готилал Варма присужден в Алигархе к семилетней ссылке за отправку телеграммы мятежного содержания газете «Bande Mataram»¹⁶ и за хранение писем, указывающих способ учинения бомб высокой взрывчатой силы. В Калькутте судья вынес приговор шести бенгальцам, во владении которых найдены были взрывчатые вещества. Наконец, несколько человек, бросавшие камни и чинившие беспорядки после осуждения издателя газеты «Hind Swaraj», были присуждены к тюремному заключению.

Но самым громким делом, имевшим тяжелые последствия для публичного порядка в Индии, был уголовный процесс против издателя маратской газеты «Кесари»¹⁷, известного пунского брамина Тилака¹⁸. Это интересное судебное дело разбиралось в Бомбее под председательством парсийского судьи Давара с девятью присяжными заседателями, из которых двое были парси¹⁹ и остальные англичане. Преобладание англичан в составе присяжных, оказавшее сильное

влияние на их вердикт, было решено по жребию из общего числа 242 европейцев и 158 индийцев, стоявших в списке выбираемых.

Привлечением Тилака к ответственности правительство доказало бесповоротную свою решимость бороться против революционного движения, ибо этого высокообразованного и ловкого адвоката и ориенталиста не без основания здесь считают отцом экстремистов и лидером бенгальских националистов²⁰. Он давно возбудил против себя подозрение выражением симпатий к бомбометателям. Но ближайшим поводом к его аресту служил ряд прилагаемых при сем статей, публикуемых в органе на маратском языке «Kesari», в котором Тилак старался вселить в своих маратских читателей ненависть к англо-индийскому правительству и превозносил бомбу как «обворожительный амулет» и новое судное средство для водворения нового порядка. Он при этом часто ссылался на Россию, говоря, что даже российский царь должен был повиноваться бомбе, и хотя он многократно сделал попытки покончить с Думою, он, наконец, был принужден признать ее существование по необходимости. В одной из статей Тилака, перевод которой мне, к сожалению, не удалось достать, этот последний подробно распространился на Россию с тем, чтобы доказать, что конституционный строй и гражданские свободы в нашем государстве были дарованы лишь путем устрашения правительства бомбами. Мне показалось необходимым частным образом поставить прокурора в известность о действительных обстоятельствах, под которыми в России был водворен конституционный строй, и особенно о том, что наше правительство никогда не поддавалось устрашению и на революционное направление двух первых дум и деяния бомбистов хладнокровно ответило мерами реакционными, как, например, сужением избирательных прав и т.д. Когда прокурор произнес свою речь, он не преминул упомянуть о том, что приведение Тилаком России, как пример политического успеха бомбометания, вовсе не соответствует действительности. Слова прокурора, относящиеся к этому, подчеркнуты красными чернилами на прилагаемой при сем вырезке газеты «Times of India» от 23 июля.

На суде Тилак не пользовался услугами адвоката, защищался сам и произнес продлившуюся пять дней речь, в которой он часто совершенно забывал, что защищается, а вместо того направил страстные обвинения против существующего в Индии строя и угодил судье и присяжным разными инсинуациями, не могущими принести ему пользы. Он открыто метил в мученичество, и когда по вынесении вердикта присяжных (сем англичан отдали свои голоса за виновность, остальные два присяжных-парси вотировали «не виновен») судья объявил свой приговор, осуждавший Тилака к шести годам и к уплате 1000 рупий, то этот последний торжественно воскликнул: «Высшая власть правит над участью людей и наций, и может быть, что для моего дела (cause) мое страдание будет более благоприятно, чем была бы моя свобода».

Из прилагаемого при сем портрета Тилака можно угадать его решимость и неустрашимость. Он из себя представляет тип яркого революционера. Ввиду того что я пользовался отличным почетным местом on the bench, т.е. рядом с судьей, я мог следить за всеми движениями и выражениями лица Тилака. Он действительно производит впечатление человека крайнего направления, и неудивительно, что англичане боятся оказываемого им влияния.

Ближайшие последствия осуждения Тилака так и озадачили правительство, и еще неизвестно, какие оно будет иметь последствия в будущем. За исключением английских и движущихся в фарватере ост-индского правительства индийских газет, пресса не только крайних, но и умеренных высказала свою симпатию

Тилаку и критиковала в более или менее резких выражениях приговор, выпавший на его долю. Так, например, бомбейская газета «Bombay Samachar»²¹ выставляет на вид, что приговор над Тилаком неправилен, раз присяжные, за исключением двух парси, не владели маратским языком, на котором инкриминируемые статьи Тилака были написаны. Газета «Bande Mataram» содержит следующее излияние: «Иди, Тилак, твое тело может быть уничтожено, но твой пример будет вдохновением для всех, содержимых под стражею. Твои цепи врежутся в твое тело, но в одно и то же время послужат стимулом для всех сердец в стране к исполнению их долга». Орган умеренных «Phoenix» спрашивает, предполагают ли англичане подобными процессами и наказаниями вожakov националистического движения остановить настоящее брожение и недовольство в стране и думают ли они, что такими мерами можно заручить английскому владычеству более популярности между индийцами. Листок «Maharatta»²² упоминает о том, что Тилак посвящал свою жизнь служению родине и работал над политическим воспитанием страны. «Gujaratee» находит, что приговор над Тилаком слишком строг, а «Rast Goftar»²³ высказывает свою полную симпатию к осужденным. Газета «Sarivatan» высказывается против самого привлечения Тилака к ответственности, предполагая, что предпринятое разбирательство судебного дела против Тилака вызовет опасное брожение. Того же мнения бомбейский орган «Indu Prakash»²⁴, предупреждая своих читателей, что осуждение Тилака будет чревато серьезными последствиями, прибавляет: осуждение Тилака, может быть, правильно по закону и служит выражением власти, но оно несправедливо и лишено всякого отцовского снисхождения. Оно не является тактичным для заручения себе симпатии, не есть дело дальновидного практического государственного человека. «Dnyan Prakash» провозглашает траур по всей Индии по несчастию, жертвою которого пал Тилак. «Rashtramata» упоминает, что из девяти присяжных 2 парси дали свои голоса за невиновность Тилака, и не скрывает своего волнения по поводу осуждения его. Наконец, вся туземная пресса Мадрасской провинции вооружается против осуждения Тилака.

По случаю приближающейся годовщины провозглашения движения свадеши²⁵ и бойкота английских товаров 7 августа 1905 г. известный Бабу Сурендранат Банерджи²⁶ устроил в Калькутте сборище, на котором он назвал наказание Тилака незаслуженным и чрезвычайно строгим. Мы всегда будем стремиться, продолжал он, к самоуправлению наподобие уже существующего в других британских колониях, и свадешизм послужит нам великим средством для промышленного и политического возрождения. Успех нашего движения уже превзошел всякие ожидания, и все более укрепляется национальный дух Индии. Велики перспективы, открывающиеся перед нашим народом в будущем. Другой Бабу²⁷, Сасанко Джибан Рой, на сборище, состоявшемся также в Калькутте под председательством издателя «Modern Review» Раманундро Чутерджи²⁸, воскликнул: «Пусть сошлют Тилака, на его место встанут сто Тилаков. Народ проснулся, и никто уже не сможет подавить национальную жизнь Индии».

Симпатии к Тилаку приняли еще более осязательную форму закрытием лавок и заявлением национальной стачки и учинением публичных беспорядков в разных городах чуть ли не по всей Индии. Но движение дошло до своего апогея в Бомбее, где мятеж принял опасные формы. Уже до осуждения Тилака судьи, присяжные, редакции английских газет и т.д. были завалены угрожающими письмами, один образец которых при сем приложен в копии. Судья Давар получил не менее 60 таких писем, и стачка началась еще до окончания процесса.

Бомбей служит промышленным центром Индии и имеет большое население фабрично-заводских рабочих. Весь этот люд перестал работать. Заводы остановили свое производство, базары прекратили торговлю, и большие массы праздношатающегося народа стали выбивать окна европейских домов, разрушать газовое освещение, нападать на прохожих-европейцев и совершать разного рода безобразия и хулиганство. Полиция скоро не оказалась в силах держать толпу в покорности, и войска были вызваны на помощь с включением артиллерии. Толпа приняла их градом камней, и после бесполезных увещеваний началась стрельба. Беспорядки продлились почти две недели, и за это время было убито малое число индусов, по приблизительному подсчету. Положение европейцев было далеко не завидным. В городе имелось войско количеством не более 5000 человек, оказавшихся далеко не достаточными для водворения порядка в городе с населением в слишком миллион жителей. Были в предместьях случаи осаждения домов европейцев, защищавшихся выстрелами из ружей и револьверов. Европейцы сбежали в европейском квартале — Fort — и расквартировались там по домам.

Замечательно, что за все время продолжавшихся беспорядков ни у одного индуса не оказалось огнестрельного оружия ни бомб; их агрессивность ограничивалась швырянием камней и разорением имущества. Этот факт доказывает бдительное надзирание полиции над ввозом и продажей оружия и, с другой стороны, робость и боязливость индусов. Англичане, относящиеся так осторожно к человеческой жизни в самой Англии, здесь не стеснялись пустить в ход огнестрельное оружие, тогда как в этой крайней мере, собственно говоря, еще не было необходимости. Чрезмерно жестокий отпор был признаком слабости. Англичане пытались устрашить индусов жестокостью предпринятых против них мер, хорошо соображая, что за неимением на месте достаточного количества войск они подвергались опасности быть подавленными бесметным количеством туземцев... Бомбейский губернатор сэр Джордж Кларк²⁹ старался смягчить неблагоприятное впечатление, произведенное крайними мерами полиции и войска, посещением раненых в лечебницах, но все-таки бомбейская бойня приведет к дальнейшему ожесточению индийцев против англичан. В Берампоре уже появился на улице аншлаг, в котором народ подстрекается к оптовому убийству белых, будто бы необходимому для возрождения народа.

Возрастающая ненависть индийцев к англичанам высказывается при самых разнообразных случаях. Так, например, в Калькутте во время игры в футбол в присутствии и деятельном участии громадной толпы индийцев завязалась драка и свалка между англичанами и туземцами. Почти все европейские игроки получили более или менее серьезные повреждения. Полиция, пытавшаяся водворить порядок, подверглась нападению и оказалась бесполезной.

Все эти тревожные признаки глубоко беспокоивают англичан. Правительственные круги еще не потеряли надежды привлечь индийцев на свою сторону разными политическими уступками по отношению к самоуправлению, но частные люди упали духом и прямо заявляют, что по истечении 50 лет англичан больше не будет в Индии. Действительно, трудно предвидеть, каким образом англичанам ладить с «свадешами» и «свараджом»³⁰. Одно направлено к экономической самостоятельности Индии, тогда как главный интерес британского владычества над Индией состоит в ее искусственном экономическом порабощении и высасывании ее ресурсов метрополиию, другое — сводится к политическому отторжению страны от Англии. Предполагаемые англичанами политические уступки для успокоения разбушевавшихся националистических волн будут только паллиативами, не

могущими противодействовать все более распространяющимся опаснейшим для английского владычества мятежным движениям.

Копии настоящего донесения препровождаются в императорское посольство в Лондоне и Туркестанскому генерал-губернатору.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Бар. Гейкинг.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 947, л. 65–68. Подлинник. Опубл.: Российские путешественники в Индии, с. 270–274.

Примечания

¹ Тилак, Бал Гангадхар (1856–1920) — деятель национально-освободительного движения Индии, маратх по национальности, из касты брахманов. Окончил Деканский колледж в г. Пуне в 1879 г., получил звание бакалавра юридических наук. В 1881 г. со своими сподвижниками начал издавать газеты «Махратта» на английском языке и «Кесари» на языке маратхи. Как органы национально-патриотической направленности они приобрели большую популярность. Принимал активное участие в деятельности Индийского национального конгресса, возглавил в нем крыло крайних, или экстремистов. Выступал за изгнание англичан из страны и за достижение «свараджа» («свое правление»), под которым понимал полную независимость страны. Считал необходимым вовлечь в борьбу за освобождение Индии широкие народные массы, используя опыт революционной борьбы русского народа.

За свою патриотическую деятельность трижды привлекался к суду английскими властями: в 1882 г. (приговорен к 4 мес. тюрьмы), в 1897 г. (приговорен к 18 мес. тюрьмы) и в 1908 г., когда был приговорен к 6 годам каторги и штрафу. В знак протеста против этого приговора Тилаку в Бомбее проходила шестидневная всеобщая забастовка, начались беспорядки, о чем рассказано в донесении российского консула А.А.Гейкинга.

² Знакомством с Тилаком В.О. фон Клемм был обязан барону Сталь-Гольштейну. В своем донесении от 15 ноября 1904 г. в МИД Генеральный консул просил прислать ему помощника, поскольку секретарь консульства Некрасов уехал в отпуск с намерением больше не возвращаться: «Я имею на примете одного молодого человека, который говорил мне в Петербурге, что он был бы готов ехать в Бомбей даже без содержания на первое время. Молодой человек этот — барон Сталь фон Гольштейн, причисленный к Газетной Экспедиции при Канцелярии министерства. Он в прошлом году прожил в Индии несколько месяцев, изучая в Бенаресе, под руководством браминов, санскритский язык. Будучи воспитан в Англии (Оксфорд), барон Сталь в совершенстве владеет английским языком и имеет связи в Лондоне, благодаря коим он был благосклонно принят здесь Керзоном и другими высокопоставленными лицами. С другой стороны, знание санскритского языканискало ему уважение и доверие многих браминов, и через него мне удалось познакомиться с одним выдающимся деканским брамином Тилаком, известным противником англичан. Если добавить к этому, что барон светский человек и что он играет во все английские игры, то станет вполне ясно, насколько он мог бы быть полезным здесь. К сожалению, он еще не сдал дипломного экзамена, но он сдаст его, вероятно, в декабре, и тогда с формальной стороны не будет также препятствий к командированию его в Бомбей» (АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 3295, л. 1 и об.). Подробнее о Сталь-Гольштейне см. док. 186–207, примеч. 22.

³ Первоначально территория Британской Индии делилась на три президентства — Бомбейское (столица — Бомбей), Мадрасское (столица — Мадрас) и Бенгальское (Калькутта). По мере присоединения новых княжеств они или входили в одно из этих президентств, или

образовывали новые административные единицы, так, к началу XX в. в состав Британской Индии наряду с президентствами входили провинции, политические агентства и др. В это время президентства часто назывались провинциями.

⁴ В 1897 г. суд приговорил Тилака к полутора годам тюрьмы.

⁵ В русской армии было несколько генералов, мусульман по вероисповеданию, например, в 1904 г. при войсках Кавказского военного округа состоял генерал-майор Максул Алиханов, 1846 г. рождения, служивший главным образом на Кавказе; ранее — генерал-лейтенант Исмаил-хан, 1819 г. рождения, принимавший участие во многих кампаниях русской армии с 1854 г.; и др.

⁶ Герцог Конноутский и Стролхернский Артур Вильям Патрик Альберт (1850–1942), третий сын королевы Виктории, английский военный, служил в Египте, Средиземноморье, Ирландии и др., в 1886–1890 гг. — командующий Бомбейской армией.

⁷ Статс-секретарь по делам Индии — министр по делам Индии в правительстве Великобритании.

⁸ В Индии действительно существовало нечто вроде кадетского корпуса для детей индийских князей. Кадетов было очень мало, и готовились они не для действительной военной службы. Консул В.О. фон Клемм сообщал в донесении от 23 августа 1905 г., что из этого корпуса было выпущено всего четыре поручика, которые были сыновьями крупных индийских князей. Все они были назначены адъютантами, но не в полки (АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 932, л. 152).

⁹ Сиамский принц Чакрабон (1883–1920) по личному приглашению Николая II прибыл в Россию и был зачислен в Пажеский корпус, окончил его в 1902 г. и был произведен в корнеты лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка, поступил в академию Генерального штаба и окончил ее. В 1906 г. возвратился в Сиам.

¹⁰ Из индийской исторической литературы известно, что Мадхаврао был хорошо знаком с видным индийским революционером и философом Ауробиндо Гхошем (1872–1950), который писал: «Вместе с Тилаком, Мадхаврао, Дешмукхом и Джоши... мы планировали работу в гораздо более радикальном направлении, чем Конгресс» (*Purani A.B. The Life of Sri Aurobindo. Pondichery, 1960, с. 106*). Ауробиндо Гхош упоминал имя Мадхаврао в одном из писем своей жене, которой писал, что Мадхаврао послан в Европу со «специальной миссией»: должен был добыть там оружие и готовить бомбы. Как и Тилак, Ауробиндо Гхош посылал ему деньги (*Organizer. 29.01.1972*).

¹¹ В начале XX в. княжество Барода делилось на четыре крупные административные единицы — *пранты* (во главе с *суба*), которые, в свою очередь, состояли из 33 *талук* (махалов) и нескольких *пета* (малых) *махалов* или *суб-талук*.

¹² Нератов Анатолий Анатольевич (1863 — после 1917), российский дипломат, в 1907 г. — чиновник особых поручений, старший вице-директор Первого департамента МИД, 1910–1917 гг. — товарищ министра иностранных дел.

¹³ Имеется в виду подписанное в Петербурге 31 августа 1907 г. англо-русское соглашение о разграничении сфер влияния на Среднем Востоке, что явилось одним из важных этапов оформления Антанты.

¹⁴ «Кал» — еженедельная газета, издавалась в Бомбее.

¹⁵ На языке телугу.

¹⁶ Газета «Банде Матарам» издавалась сначала в Калькутте, затем в Женеве.

¹⁷ Газета «Кесари» («Лев») издавалась Тилаком на языке маратхи с 1881 г.

¹⁸ Тилак был арестован 24 июня 1908 г. в Бомбее. Ему инкриминировались две статьи, опубликованные в газете «Кесари» 12 мая и 9 июня 1908 г. Он обвинялся «в разжигании или попытках разжигания чувства ненависти, презрения и недоброжелательства в отношении Его Величества, а также в разжигании чувства враждебности между различными классами подданных Его Величества» (ст. 124-а и 153-а Уголовного кодекса Индии). Процесс над Тилаком проходил с 13 по 22 июля 1908 г. в Бомбее. Для рассмотрения дела было назначено «специальное» жюри присяжных, в котором европейцы обязательно должны были составлять большинство. На этот раз из девяти присяжных семь были европейцы и только двое —

индийцы. 22 июля Тилак был приговорен к шести годам каторги, штрафу в 1 тыс. рупий. В октябре каторга была заменена тюремным заключением, которое Тилак отбыл в Бирме.

¹⁹ Парсы — потомки выходцев из Ирана, придерживаются религии зороастризма (т. наз. огнепоклонники), живут в основном в Бомбее. Судья Давар был также парсом. Он был адвокатом Тилака на процессе 1897 г. Назначением Давара судьей английские власти хотели подчеркнуть «объективность» подхода к рассмотрению дела Тилака.

²⁰ Ошибка консула: Тилак был лидером прежде всего маратхских крайних.

²¹ «Бомбей самачар» («Мумбаи на Самачар») — одно из первых периодических, еженедельных изданий на языке гуджарати, начало выходить с 1822 г.

²² «Махратта» — газета, издававшаяся Тилаком на английском языке с 1881 г.

²³ «Раст Гофтар» («Правдивое слово») — газета, издававшаяся один раз в две недели в Бомбее, редактор Дадабхай Наороджи, один из ведущих национальных деятелей.

²⁴ «Инду Пракаш» — англо-маратхская ежедневная газета.

²⁵ Свадеши (букв. «своя страна», «отечественный») — в начале XX в. движение в Индии за развитие национальной промышленности, связано с бойкотом английских товаров. В период подъема освободительной борьбы в 1905–1908 гг. приобрело ярко выраженную политическую окраску.

²⁶ Сурендранатх Банерджи (1848–1925) — видный деятель индийского освободительного движения, один из основателей Индийского национального конгресса, президент ИНК в 1895 и 1902 гг., вышел из ИНК в 1918 г. и основал Национальную либеральную федерацию.

²⁷ Бабу — по-бенгальски и на хинди «господин», «уважаемый».

²⁸ Имеется в виду Рамананда Чаттопадхья (1863–1943), литератор и журналист, с 1907 г. издавал на английском языке ежемесячный журнал «Модерн ревью» и др., преподавал в нескольких университетах, например, в Вишвабхарати, основанном Рабиндранатом Тагором.

²⁹ Кларк, Джордж (1848–1933), губернатор Бомбея в 1907–1913 гг.

³⁰ Сварадж (букв. «свое правление») — основной политический лозунг индийского освободительного движения с 1906 г., до 1929 г. официально трактовался Национальным конгрессом как самоуправление в рамках Британской империи, но «крайние» склонялись к его трактовке как к требованию независимости. В 1929 г. ИНК объявил своей целью достижение Индией полной независимости («пурна сварадж»).

№ 139–143

23 сентября 1905 г. — 17 апреля 1906 г. — Документы о поездке в Индию подпоручика 1-й Туркестанской артиллерийской бригады В.В.Лосева¹

№ 139

*23 сентября 1905 г. — Письмо начальника Азиатского отдела
Главного штаба генерал-майора Ф.Н.Васильева начальнику
штаба Туркестанского военного округа генерал-майору
М.Д.Евреину о командировании в Индию подпоручика
1-й Туркестанской артиллерийской бригады В.В.Лосева*

Военный совет, рассмотрев представление Главного штаба об отпуске средств на командирование офицера в Индию, в заседании 15 сего сентября положил:

представление утвердить, с отнесением расходов в 3177 руб. на § 6 ст. 2 интендантской сметы 1905 г.

Сообщая об изложенном в дополнение к отзыву от 13 минувшего августа за № 40367 и делая вместе с сим сношение с Главным интендантским управлением о предоставлении означенного выше кредита в распоряжение вверенного Вам штаба, Главный штаб просит Ваше Превосходительство об уведомлении заблаговременно относительно времени выезда и маршрута следования подпоручика Лосева для соответствующих сношений с Министерством иностранных дел об оказании названному офицеру должного содействия.

Начальник Азиатского отдела
генерал-майор Васильев.

Надпись на первом листе документа: «Читал. С[ахаров]».

РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 1656, л. 2 и об. Подлинник.

№ 140

*Без даты. — Маршрут для поездки в Индию
подпоручика В.В.Лосева*

Г. Ташкент, г. Петербург, г. Вена, порт Бриндизи. Из Бриндизи на пароходе английской компании, поддерживающей еженедельное почтовое сообщение между европейскими и Ост-Индскими портами.

Примечание. Настоящий путь выбран потому: 1) что в Бриндизи легко попасть на пароход, отходящий в Индию, 2) что на пароходах английской компании возможна практика в дороге, так как большинство пассажиров этих пароходов англичане или индусы.

Надпись на полях документа: «Программа очень широкая и вряд ли выполняемая, но преподать ее можно в расчете на исполнение в пределах возможности. Сах[аров]»².

РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 1656, л. 3. Подлинник.

№ 141

*Без даты. — Инструкция для поездки в Индию
подпоручика В.В.Лосева*³

1) Совершенствование в изучении языков: индустани (урду), английского и персидского.

2) Ознакомление на месте с индустанской и английской литературой по затронутым ниже вопросам.

3) Вопрос об изучении английского языка туземцами и туземных языков англичанами.

4) Изучение англичанами русского языка.

- 5) Касты и их значение в настоящее время.
- 6) Род службы (помимо военной) и должности, на которые допускаются туземцы.
- 7) Типы мусульманина и индуса в связи с их религиозными верованиями и степени преданности существующему порядку управления.
- 8) Ознакомление с характером и бытом англо-индийской армии дополнительно к трудам полковников Полозова, Серебренникова, Новицкого, Корнилова и Снесарева.
- 9) Дислокация войск англо-индийской армии по последним данным и изменение в обучении армии на основании результатов русско-японской войны.
- 10) Новейшее вооружение английских и туземных войск Индии.
- 11) Ознакомление с главными путями сообщений, ведущими от переправ через реку Инд к северо-западной границе Индии (в частности: с достраиваемой железной дорогой от г. Кушалгара через г. Когат к г. Талу и от г. Иссакеля к г. Бану), а также с вновь строящейся железной дорогой от Пешавера по реке Кабулу и от Пешавера через Мультак к г. Шикарпуру.
- 12) Если возможно, ознакомиться с Пишинским укрепленным лагерем⁴.
- 13) Собрать сведения о вновь учреждаемой в г. Кветте академии Генерального штаба⁵.
- 14) Собрать сведения о недавно учрежденном в г. Дерадуне Императорском кадетском корпусе для туземных принцев⁶.
- 15) Если возможно, вернуться в Россию через Нушки — Сеистан для личного осмотра Нушки-Сеистанского пути⁷.

РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 1656, л. 4 и об. Подлинник.

№ 142

*26 октября 1905 г. — Отношение Главного штаба
Первому департаменту МИД о командировании
подпоручика В.В.Лосева в Индию для совершенствования
практических знаний языка индустани*

Согласно ходатайства Туркестанского начальства военный министр разрешил командировать окончившего в текущем году курс языка индустани в Ташкенте подпоручика 1-й Туркестанской артиллерийской бригады Лосева в Индию для практического совершенствования в означенном языке.

Сообщая о сем, Главный штаб имеет честь просить о зависящем распоряжении со стороны Министерства иностранных дел об оказании названному офицеру возможного содействия нашими представителями за границей.

Справка: подпоручик Лосев предполагает выехать 26 сего октября и следовать по маршруту Ташкент, Петербург, Вена, Бриндизи и далее морем.

Начальник Азиатского отдела
генерал-майор Васильев.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1074, л. 1 и об. Подлинник.

*17 апреля 1906 г. — Донесение Генерального консула
в Бомбее В.О. фон Клемма вице-директору
Первого департамента МИД Д.К. Сементовскому-Курилло
о приобретении подпоручиком В.В. Лосевым карт
Северной Индии*

Милостивый государь Дмитрий Константинович.

Командированный в Индию 1-й Туркестанской артиллерийской бригады подпоручик Лосев в бытность в Лагоре познакомился с одним «мунши» (преподавателем туземного языка), у которого оказалась довольно обширная коллекция карт Пенджаба крупного масштаба (большей частью 2 мили в дюйме), не существующих в продаже и считающихся секретными. За недостатком средств г. Лосев приобрел у него некоторые из этих карт, перечисленных в прилагаемом списке.

Осведомившись об этом по возвращении г. Лосева в Бомбей и опасаясь, что у нас не имеется подобных карт, я вызвал означенного мунши сюда и купил у него все остальные карты, какие при сем и представляются Вашему Превосходительству.

Карты эти, как Вы изволите усмотреть, не новые (1873 г. и старше), тем не менее они имеют для нас некоторое значение ввиду того, что не только местности, но и названия населенных пунктов едва ли могли подвергнуться за это время каким-либо изменениям и что, следовательно, по ним могут быть исправлены и дополнены наши собственные карты. Кроме того, означенный мунши, поощренный этой выгодной для него сделкой, обещался достать нам такие же карты Кветтского района, а равно новейшие издания индийского картографического отдела и так называемые «газетиры» (подробные описания) северо-западной Индии.

Означенные карты приобретены мною на средства, отпускаемые мне военным ведомством на разведочную часть, а потому не признаете ли, Ваше Превосходительство, возможным передать их по рассмотрении в Главное управление Генерального штаба⁸. На случай если бы последний пожелал познакомиться с картами, приобретенными поручиком Лосевым (Пешаверский район)⁹, считаю долгом присовокупить, что последний намерен представить их в штаб Туркестанского военного округа.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 937, л. 38 и об. Подлинник.

Примечания

¹ Лосев Владимир Владимирович (1882 — после 1915) окончил Оренбургский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище, поступил на военную службу в 1900 г. В 1903–1904 гг. учился на курсах хиндустани в Ташкенте, после чего был командирован в Индию (1904–1906). Затем до 1914 г. служил в Туркестане, в 1915 г. вышел в отставку по болезни.

² Резолюция военного министра В.В.Сахарова относилась не только к маршруту предполагаемой поездки, но и ко всей программе, изложенной в инструкции (док. № 141).

³ О выполнении данной инструкции см.: *Лосев*. Отчет о поездке в Индию в 1905–1906 г. — Отчеты о поездке по Индии. Добавление к «Сборнику географических, топографических и статистических материалов по Азии». СПб., 1908, № 9, с. 1–144.

⁴ Область Пишин, ранее принадлежавшая Афганистану, была передана англичанам по Гайдамакскому договору 1879 г.

⁵ Академия Генерального штаба была открыта 7 июля 1905 г. сначала в Деолали (военный лагерь в Бомбейском президентстве), впоследствии переведена в Кветту. Первоначально в ней преподавало 6 профессоров и обучалось 24 офицера, затем штаты были увеличены. Программа обучения была аналогична европейской с добавлением связанной с Индией тематики.

⁶ См. док. 124–138, примеч. 8.

⁷ См. док. № 94–97, примеч. 5 и 8.

⁸ Ведение разведки входило в компетенцию Главного управления Генерального штаба.

⁹ АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 937, л. 39 содержит Список из 10 наименований карт и 2 газетиров.

№ 144–147

28 декабря 1905 г. — 26 августа 1908 г. — Документы МИД России и Генерального консульства в Бомбее о проблемах, возникающих в связи с паломничеством мусульман Средней Азии в Мекку и Медину через Афганистан и Индию

№ 144

28 декабря 1905 г. — Донесение Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма директору Первого департамента МИД Н.Г.Гартвигу о передвижении среднеазиатских паломников из Мекки на родину через Бомбей и возникших в связи с этим проблемах

Милостивый государь Николай Генрихович!

В первой половине сего года мною замечено было появление в Бомбее довольно большого числа наших среднеазиатских паломников, возвращающихся на родину из Мекки. На мой вопрос, почему они избрали этот путь, они большею частью отвечали, что у них не хватило денег на обратный проезд через Батум, что билеты на пароход от Джедды до Бомбея стоят очень дешево и что, следуя дальше из Бомбея через местности, населенные мусульманами, они рассчитывают на добротные пожертвования своих единоверцев.

Принимая во внимание, что в Индии эти люди подвергаются несомненно нежелательному для нас влиянию, что следование через Афганистан сопряжено для них с массой лишений, неприятностей и даже насилий, от которых мы в ущерб

нашему престижу не в состоянии их оградить, и, наконец, что, принимая по пути подавание не только деньгами, но и вещами, в том числе и старым платьем, они легко могут занести чуму в наши среднеазиатские владения, я счел своим долгом донести о подмеченном мною явлении Туркестанскому генерал-губернатору, рекомендуя принять меры к прекращению паломнического движения этим путем. Вместе с тем, желая выяснить причину этого движения, я обратился за разъяснением к нашему консулу в Джедде¹.

В ответ на это коллежский секретарь² Никольский³ препроводил мне копии с целого ряда своих донесений императорскому посольству в Константинополе по вопросу о неудовлетворительной постановке у нас хаджа⁴. В числе этих донесений имеется одно от 9 июля сего года, в коем Никольский предлагает выдавать с нашей стороны пособия индийцам-паломникам в ответ на помощь, оказываемую будто бы англичанами нашим мусульманам с целью расположения их в пользу Англии. По поводу этого донесения управляющего консульством в Джедде Вашему Превосходительству угодно было спросить мое мнение секретным письмом от 15 сентября за № 709.

Чтобы выяснить надлежащим образом вопрос, почему индийские пароходные общества перевозят паломников из Джедды в Бомбей так дешево — по словам г. Никольского иногда всего за две рупии (1 р. 28 к.), — и чтобы определить предложения господина Никольского об английских интригах среди наших богомольцев основательно, я поручил моему агенту в Бомбее собрать по этому делу возможно подробные сведения. Оказалось, что правильное пароходное сообщение между Бомбеем и Джеддою поддерживается следующими тремя компаниями: Bombay & Persia Stream Navigation Co; Bombay S.N. Co. — владелец Хаджа Касым; Essaj Tajbhoy's S.N. Co. Ни одна из этих компаний субсидий от государства не получает. Средняя плата за проезд на этих пароходах: 1-й класс — 150–175 рупий, 2-й класс — 100–80 рупий, 3-й класс — 80–70 рупий и на палубе — 50–25 рупий. Тарифы эти существуют, однако, лишь номинально, а на деле проездная плата все время колеблется в зависимости от количества пассажиров. Поименованные компании, как говорят, пришли уже давно к заключению, что совместное существование их невыносимо за недостаточностью работы, и потому между ними завязалась сильная конкуренция с целью вытеснения друг друга. Особенно конкурируют между собою последние две компании Bombay S.N. Co и Essaj Tajbhoy's S.N. Co, которые будто бы действительно возят пассажиров иногда почти даром, лишь бы отбить их друг у друга и тем уско- рить закрытие соперничающей компании.

Далее расследованием выяснено, что более или менее заметный наплыв среднеазиатских паломников в Бомбей наблюдался впервые в текущем году. Каких-либо цифровых данных моему агенту, к сожалению, не удалось добыть, но по тому, что ему пришлось слышать, он склонен думать, что таких паломников проследовало через Бомбей в оба конца едва ли более полутора или двух сотен, скорее даже много меньше этого, чем больше.

Со своей стороны я должен заметить, что мне лично пришлось теперь наблюдать наплыв русских паломников сюда впервые за мое пятилетнее пребывание в Индии, и притом, как уже сказано, только в первой половине года⁵. Являвшиеся ко мне паломники имели большей частью вид обнищавших, просили у меня пособий и ссуд на проезд до Пешавара, и на все расспросы мои ни один из них не показал, что ему была оказана какая-либо помощь со стороны агентов британского правительства в Джедде или бомбейских властей. Скорее, напротив, были

жалобы со стороны некоторых паломников, отправляющихся в Мекку, на то, что бомбейская полиция не дает им разрешения на посадку на пароход, требуя, чтобы они предварительно предъявили билет на предстоящий или по возвращении из Мекки обратный проезд до Пешевара. По этим жалобам мне приходилось неоднократно сноситься со здешней полицией и объяснять последней, что паломники эти не намерены возвращаться сюда из Мекки, а имеют в виду вернуться по окончании хаджа на родину через Константинополь и Батум.

Наконец на мой запрос здешнему правительству о том, не намерено ли оно принять каких-либо мер к предотвращению наплыва сюда нежелательного нищенствующего элемента в лице таких среднеазиатских паломников, бомбейский секретариат⁶ уведомил меня, что по проведенному тщательному расследованию такого наплыва вовсе не замечается и поэтому в принятии каких-либо мер не встречается надобности.

Сопоставляя все эти данные, я должен сказать, что не имею со своей стороны никаких оснований предполагать, что наши паломники-среднеазиатцы искусственно заманиваются сюда англичанами. Скорее склонен думать, что в основании этого несколько усиленного паломнического движения этим путем в текущем году лежат какие-либо другие причины, мне, однако, пока не известные.

Наилучшим средством к устранению этого нежелательного для нас явления было бы, как мне кажется, упорядочение хаджа с нашей стороны, о чем, по-видимому, уже давно ходатайствует наше консульство в Джедде. В частности, было бы, быть может, полезно требовать с наших паломников, при выдаче им заграничных паспортов, представление ими минимальной суммы на обратный проезд на родину через Батум или, еще проще, обратного билета перед посадкой на пароход, идущий в Джедду. Меру эту я, между прочим, предлагал г. Туркестанскому генерал-губернатору, но применение ее было признано невозможным за отсутствием соответствующего закона.

В заключение я должен заметить, что если мы, путем затраты небольшой суммы ежегодно, могли бы располагать в свою пользу хоть немногих индийских мусульман, то это несомненно желательно делать. Всякий «друг» среди населения мусульманской северной Индии может нам при случае оказаться весьма полезным, хотя бы только в виде распространителя слухов о доброте русского правительства к мусульманам. Но если мы будем помогать индийцам, пренебрегая по-прежнему собственными своими подданными, то мы этим едва ли поднимем свой престиж в мусульманском мире. Поэтому забота о собственных наших паломниках и об улучшении их положения несомненно должна стоять на первом месте.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, ваш покорный слуга

Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 932, л. 210–213. Подлинник.

№ 145

*26 мая 1907 г. — Из донесения российско-императорского
консула в Джедде В.В. фон Циммермана
российскому императорскому чрезвычайному*

...Что касается до запрещения переезда нашим поклонникам через Индию, то я руководствовался следующими мотивами: 1) Высочайше утвержденными 8 июля 1903 г. временными правилами о паломничестве мусульман, находящимися ныне в полной силе и которые поэтому отпечатаны на всех паломнических книжках, [где] ясно указаны пункты, через которые эти поклонники должны проходить при обратном их следовании из хаджа. Эти пункты для Черного моря — Феодосия и Батум, для Каспийского моря — Баку. На границе Закавказья с Персией и Турцией — Караурган, Джульфа и Худаферин, на границе Закаспийской области с Персией и Турцией (для поклонников из Мешхеда) — Гаудан. Всякий другой путь признан незаконным и всякий поклонник, возвращающийся из Мекки на основании § 7 упомянутых выше правил, уклонившийся от исполнения изложенных в ст. 2, 3, и 6 помянутых правил предписаний, т.е. обошедший вышеупомянутые пункты, привлекается к уголовной ответственности за несоблюдение мер предосторожности против распространения прилипчивых и повальных болезней (по ст. 102, т. XV Устава о наказании, налагаемом мировыми судьями, по продолж. 1902 г.). Эта статья представляет даже снисхождение к исключительным условиям магометанского паломничества, ибо на основании общего законодательства обход карантинных учреждений наказуется с особой строгостью (ст. 6, 835, и 843 Уложения о наказаниях уголовных и исправлений изд. 1885 г.). Отправляясь на Бомбей, поклонники никак не могут попасть ни в один из упомянутых пунктов. Последние лежат далеко в стороне от маршрута, который им в силу необходимости избрать, идя через Индию: Бомбей, Пешавар (по железной дороге), Хайберское ущелье, Дакка, Кабул, Баниан, Дендан-Шекан, Аму-Дарья, Шахребан, Шурат, Гисар, Гишлак, Урус, Самарканд.

Ввиду этого обстоятельства, а равно и моей обязанности как консула препятствовать всеми силами занесению чумной заразы в пределы империи, я и позволил себе считать незаконным этот путь, признанный при этом помимо меня и моими предшественниками за нежелательный и даже вредный как в санитарном, так равно и по крайней мере в одинаковой степени в административно-политическом отношении, — а равно — не допускать поклонников им пользоваться.

...Я имел, кроме того, в виду и ограждение жизни самих поклонников, которых половина, наверное, оставила бы свои кости в Индии⁷, где смертность в последнее время достигла, согласно санитарным бюллетеням, 50.000 в неделю, а теперь, вероятно, превышает эту цифру. Эта ужасающих размеров смертность побудила меня даже послать Вашему Высокопревосходительству телеграмму от 12 сего мая...

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, д. 994, л. 29об.-30 и об. Копия.

№ 146

22 июля 1908 г. — Донесение Генерального консула в Бомбее барона А.А.Гейкинга товарищу министра иностранных дел Н.В.Чарыкову о необходимости включения

*Генерального консула в состав Комитета
для содействия магометанским паломникам*

Милостивый Государь Николай Валерьевич!

Для упорядочения паломнического движения, направляющегося из Индии через Бомбей в Джедду и Мекку, англо-индийское правительство недавно принялось за формирование неофициального комитета, на который будут налагаться заботы о содействии паломникам для ускорения их путешествия туда и обратно и особенно для водворения неимущих паломников на родину. Ввиду того что в числе паломников находится немало выходцев из русских среднеазиатских владений, может показаться желательным, чтобы здешний Императорский Генеральный консул состоял бы одним из членов названного комитета, но до сих пор об этом не было возбуждено ходатайства перед местными властями ввиду того, что для этого необходимо было бы местному Генеральному консульству иметь в своем распоряжении известную сумму денег для оказания денежного содействия паломникам русского подданства по мере надобности. Если российский Генеральный консул претендовал бы на участие в совещаниях помянутого комитета, то он этим само собою заявил бы о своей готовности содействовать паломникам своей национальности денежными пособиями.

О вышеизложенном имею честь донести на благоусмотрение Вашего Превосходительства, сам не зная, готова ли наша казна брать на себя расходы по сему делу и признает ли министерство удобоисполнимым, чтобы здешний Генеральный консул возбудил вопрос о его желаемой принадлежности к комитету в Бомбее для содействия магометанским паломникам.

Копия настоящего донесения препровождается в императорское посольство в Лондон и Туркестанскому генерал-губернатору.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Барон Гейкинг.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1133, л. 6 и об. Подлинник.

№ 147

*26 августа 1908 г. — Ответ МИД России на донесение
от 22 июля 1908 г. о несогласии включения
Генерального консула в Бомбее в состав членов Комитета
для содействия магометанским паломникам*

Вследствие секретного донесения Вашего от 22 минувшего июля № 72, в коем Вы затронули вопрос об участии Вашем в индийском комитете, ведающем паломническим движением, и об ассигновании вверенному Вам Генеральному консульству специальной суммы для оказания русским подданным паломникам, направляющимся этим путем на поклонение, денежных вспомоществований, Первый департамент имеет честь сообщить Вам следующий свой взгляд на это дело.

Среднеазиатские мусульмане, желающие посетить священные для них места, имеют полную возможность сделать это с большими удобствами через Батум,

оттуда на весьма комфортабельном пароходе они за умеренную плату под наблюдением и при содействии наших консульских учреждений доставляются в Джедду. Направление их по весьма трудному и опасному пути через Афганистан и Индию для нас совершенно не желательно, тем более, что путь этот избирается обыкновенно лицами, которые хотят обойти те или иные правила, устанавливаемые для туземцев Средней Азии, отправляющихся в Хадж (обеспечение исправности уплаты податей, содержание остающихся семей и т.п.).

Департамент полагает поэтому, что Вам надлежит уклониться от участия в означенном комитете и от всяких поощрений паломнического движения через Афганистан и Индию.

На случай формального приглашения Вас примкнуть к комитету Вы могли бы ответить в вышеуказанном смысле, т.е. что русско-подданные мусульмане имеют уже в своем распоряжении весьма удобный путь к священным местам, на устройство и поддержание коего Императорским правительством производятся большие затраты, и что в создании для них нового и притом значительно более длинного и неудобного пути никакой необходимости не имеется.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1133, л. 7–8 и об. Черновик.

Примечания

¹ Консулом в Джидде в 1905–1907 гг. был Владимир Владимирович фон Циммерман.

² Коллежский секретарь — 10-й класс по Табели о рангах.

³ Никольский Михаил Эрастович — секретарь консульства в Джидде.

⁴ Хадж — поклонение священным местам ислама как средство очищения от грехов и спасения, хадж становится обязательным лишь при наличии благоприятных к тому условий: хорошего здоровья, обладания достаточными средствами и безопасности пути, а в противном случае его можно заменить наймом или даже посылкой в святую землю какой-либо лепты. Звание хаджи (лица, хотя бы однажды побывавшего в священных местах) сообщает ему особенное значение, а троекратное хождение к ним поднимает его, по общему признанию, на степень праведника и святого.

⁵ Документ конца XIX в. приводит следующие данные: «Число именно русско-подданных, ежегодно отправляющихся на поклонение, представляется при наличных условиях совершенно невозможным, так как преобладающее большинство из них идет без всяких паспортов, но по сведениям, имеющимся у местных консулов в Багдаде и Дезде, таковых насчитывается приблизительно не менее 18–25 тысяч, совершающих налагаемый на себя хадж по трем общепринятым направлениям:

А. По Закавказью и северной части Персии через узловой пункт Кирманшах и пограничный с Турцией город Ханекин по направлению на Багдад — к названным выше священным местам Казмейну, Кербеля, Неджефу и другим...

Б. Через Самарканд и Бухару в Афганистан и на Мазари-Шериф, Кабул и Пешавер в Бомбей, а оттуда морем в Дезде или Ямбо, служащие гаванями для Мекки и Медины.

и В. Из портов Черного моря через Константинополь и Суэц в Дезде или Ямбо...

По второму направлению, через Самарканд и Бухару на Афганистан, с проездом от Пешавера до Бомбея по железной дороге, следуют в числе от 4 до 7 тысяч ежегодно паломники из среднеазиатских владений, предпочитающие таковое, несмотря на всю продолжительность его, дороговизну и трудность, ввиду главным образом представляемой им легкости обхода всех паспортных требований, а затем и как веками сложившийся путь...» (см.: ГАРФ, ф. 586, оп. 1, д. 207, л. 6, 7 — из Записки неуставленного автора о паломничестве мусульман в Мекку и Медину и о мерах по его упорядочению).

⁶ Каждое из трех президентств (Калькуттское, Мадрасское и Бомбейское) имело свое правительство или секретариат, министры назывались секретарями.

⁷ Смертность среди паломников была всегда чрезвычайно высокой не только в Индии: «...личная безопасность и самая жизнь паломников нисколько не обеспечены от всевозможных посягательств как из их собственной среды, так и кочующих в степи бедуинских племен, смело нападающих на целые караваны; отсутствие, с другой стороны, самых необходимых удобств и приспособлений для жилья, страшная всюду грязь и запущенность, постоянный недостаток в Хеджасе (провинция в Саудовской Аравии, где расположены основные центры паломничества Мекка и Медина. — *Сост.*) воды для питья и годной к употреблению пищи, удушливые зловония от разлагающихся трупов тысячами приносимых в жертву животных, полное забвение всякой медицинской помощи, а равно и санитарного надзора, — все это вместе взятое дает обильную жатву ежегодными эпидемиями, и свирепствующие там болезни уносят в обыкновенное время не менее 20, а в особенно неблагоприятное и до 50% из всего числа паломников...» (см.: ГАРФ, ф. 586, оп. 1, д. 207, л. 30б.).

№ 148–149

12–31 января 1906 г. — Документы об оценке военными книги Н.Нотовича¹ «По Индии»

№ 148

12 января 1906 г. — Письмо начальника канцелярии Совета государственной обороны полковника А.А.Гулевича начальнику Генерального штаба Ф.Ф.Палицыну² с просьбой дать отзыв на книгу Н.Нотовича «По Индии»

Милостивый Государь Федор Федорович.

Начальник канцелярии Министерства императорского двора Свиты Его Величества генерал-майор Мосолов обратился ко мне с письмом от 7 января за № 263, в котором сообщает, что литератор Николай Нотович обратился с прошением на высочайшее Его Императорского Величества имя о разрешении предоставить на воззрение Его Величества написанный им труд, представляющий исследование индо-афганской границы в экономическом, политическом и военном отношениях, а также отчет по поездке вдоль индо-афганской границы и по Персидскому заливу.

Препровождая по приказанию министра императорского двора эти труды мне, Свиты Его Величества генерал-майор Мосолов просит сообщить, являются ли они серьезным, обоснованным на положительных данных исследованием, могущим быть использованным для целей государственной обороны.

Вместе с сим Свиты Его Величества генерал-майор Мосолов, ссылаясь на заявление г-на Нотовича о том, что его исследования известны его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу³, просит испросить указаний в этом отношении августейшего председателя Совета государственной обороны.

По докладу этого письма Великому Князю Его Высочество приказал сообщить начальнику канцелярии Министерства императорского двора, что лично Его Высочество не знает г-на Нотовича, ни разу его не принимал, сочинения, им представленного, не читал и признает, что вообще личность просителя требует выяснения.

Вместе с тем Его Высочество приказал препроводить представленные труды к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой не отказать приказать рассмотреть их в вверенном Вашему Превосходительству управлении и дать свое заключение о научных и практических их достоинствах непосредственно Свиты Его Величества генерал-майору Мосолову, с возвращением самих исследований.

Исполняя это приказание августейшего председателя Совета государственной обороны, приемлю смелость доложить Вашему Превосходительству, что г-н Нотович обратился ко мне с письмом, в котором просит: 1) передать его труд на рассмотрение подполковника Снесарева, 2) заключение дать по возможности к 18 января и 3) разрешить представиться Вашему Превосходительству для доклада своих соображений о службе Генерального штаба.

Почтительнейше прошу Ваше Превосходительство принять уверения в глубоком уважении и искренней преданности покорнейшего слуги

А.Гулевич.

Резолюция на первом листе документа: «Подождать» (подпись неразборчива). «Прошу поручить рассмотр[ение] труда подп. Снесареву или еще другому, к 18 не посылать» (Палицын? – Сост.).

РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 969, л. 148–149. Подлинник.

№ 149

*31 января 1906 г. — Отзыв начальника
военно-статистического отдела Главного управления
Генерального штаба генерал-майора Н.С.Ермолова⁴
на книгу Н.Нотовича «По Индии»*

Труд «По Индии» Н.А.Нотовича представляет собой близкий перевод с какой-то индийской военно-статистической работы, вернее всего со старого Пенджабского газеттира (Gazetteer of Punjab). Очень возможно, что в 80-х годах этот газеттир считался секретным и бабу в Симле, действительно, доставляли автору это сочинение по частям, как он намекает на это.

Ввиду того, что со времени путешествия г. Нотовича прошло почти 20 лет, а значит, с тех пор были произведены 2 всеобщих переписи — 1891 года и 1901 г., совершилось много нового на северо-западной границе и выпущено новое издание Пенджабского газеттира, ныне источник, которым пользовался автор и, значит, близкий перевод его не может иметь какой-либо практической цены; по крайней мере, сведения о народонаселении, его движении и деятельности, всякие статистические данные, распределение гарнизонов — все это с восьмидесятих годов изменилось до неузнаваемости. Данные же постоянного характера, как-то: орография и гидрография страны или, напр., этнографические картины в переводе описаны слабо и в этом отношении в трудах Григорьева, Ханькова, По-

лозова, Аристов⁵ мы располагаем несравненно более обстоятельным материалом. Но помимо этого переводу свойственны и много других очень серьезных недостатков.

Г.Нотович, очевидно, не располагал достаточным запасом знаний по Азии ко времени совершения своего перевода, и это сказалось, напр., в произвольной или изуродованной терминологии, так, вместо имен: Хорасан фигурирует Корасан и даже Коразан, вместо Кабул—Кабуль, Хайбер—Кайбар, Дели—Дгели и много др.* Автор оставил без перевода целую массу индийских слов, попавших в английский язык, как, напр., грам (gram), буджра (bajra), рајјата⁶ и др., что крайне затруднит неспециалиста при чтении книги.

Наконец, г. Нотович не всегда справляется с английским текстом, особенно где имеет дело с военной терминологией; напр., он говорит о «Командующем пограничной силой Пенджаба», т.е. о начальнике Пенджабского пограничного отряда, об «офицерах без комиссии», т.е. об унтер-офицерах, и т.д.

Посему казалось бы целесообразным отказать г.Нотовичу в дальнейшем направлении его работы, сославшись на ее полную устарелость.

Генерал-майор Ермолов.

РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 969, л. 147 и об. Подлинник.

Примечания

¹ Нотович Николай Александрович (1858 — после 1907), русский публицист и путешественник, в 1887 г. побывал в Индии, после чего вышли в свет его книги «Где дорога в Индию?» (М., 1889) и «La vie inconnue de Jesus Christ» (P., 1894) (версию на русск. яз см.: *Нотович Н.А.* Неизвестная жизнь Иисуса Христа (тибетское сказание). Жизнь Ииссы, наилучшего из сынов человеческих. Пер. с франц. Архимандрита Хр. Под ред. В.В.Битнера. СПб., 1910).

² Палицын Федор Федорович (1851—1923), генерал от инфантерии (1916), на службе с 1868 г., окончил Николаевскую академию Генерального штаба, начальник Генерального штаба в 1905—1908 гг.

³ Николай Николаевич (1856—1929) — великий князь, дядя императора Николая II, председатель Совета государственной обороны.

⁴ Ермолов Николай Сергеевич (1853 — после 1917), генерал-лейтенант (с 1909 г.), закончил Петербургский университет, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба; на военной службе с 1876 г., участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.; в 1891—1905, 1907—1917 гг. — военный агент в Лондоне.

⁵ *Ханыков Н.В.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843; *он же.* Самарканд. СПб., 1868; *Полозов А.А.* Северо-Западная граница Индии (краткое военно-статистическое описание). Сост. Ген. шт. полк. Полозов. Таш., 1902; *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897, и др.

⁶ Gram — сорт гороха, bajra — сорт проса, рајјата — просторные штаны, завязывающиеся на талии.

---

* Многие из этих названий, быть может, и существовали в 80-х годах, но ныне видеть их в научной работе крайне странно (*примеч. автора*).

**6 февраля 1906 г. — 13 января 1914 г. —
Документы об изучении русскими опыта
строительства в Индии ирригационных
сооружений и оросительных систем в связи
с освоением Туркестанского края¹**

№ 150

*6 февраля 1906 г. — Ходатайство Отдела земельных
улучшений Главного управления землеустройства
и земледелия в Министерстве иностранных дел об оказании
содействия инженеру путей сообщения С.Ф.Островскому,
командированному в Индию для изучения
оросительных устройств на р. Ганг*

Господину министру иностранных дел².

Для всестороннего изучения оросительных устройств на р. Ганге, с высочайшего соизволения, последовавшего в 23-й день января сего года, командировается в Индию сроком на четыре месяца производитель работ по сооружению оросительного канала в Голодной степи Самаркандской области Туркестанского края инженер путей сообщения Станислав Островский.

О таком высочайшем повелении долгом считаю сообщить Вашему Сиятельству, покорнейше прося не отказать в сношении с подлежащими представителями великобританского правительства в Индии на предмет оказания инженеру Островскому, следующему в г. Калькутту, содействия в исполнении возложенного на него поручения.

За главноуправляющего землеустройством и земледелием,
Товарищ главноуправляющего Ф.Никитин.
Управляющий Отделом, генерал-лейтенант Жилинский.

На полях имеются пометы: «По высочайшему повелению». «В посольство наше в Лондоне».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1054, л. 1. Подлинник.

№ 151

*12 мая 1906 г. — Письмо С.Ф.Островского Генеральному
консулу в Бомбее А.А.Половцову с просьбой снабдить его
удостоверением личности от англо-индийской инженерной
службы с указанием цели его поездки по Индии*

Милостивый Государь Александр Александрович.

Сегодня получил известие от Сергей Виссарионовича³, что на мое имя получено из Петербурга 2350 рупий; моя просьба к Вам, пусть эти деньги останутся

пока у Вас, так как я при себе имею около 2350 рупий. Я уже успел осмотреть один канал (Агра), но спешу довести до Вашего сведения, что на меня здесь смотрят подозрительно и меня могут встретить в дальнейшей поездке неприятности, если у меня не будет удостоверения от Главного инженера из Калькутты (Бенгалия), из Лагора (Пенджаба), из Аллахабада (United Provinces) и Мадраса (Мадраасское президентство); или, одним словом, желательно было бы иметь какое-нибудь удостоверение, выясняющее мою роль в этой поездке, а то ведь меня могут принять, пожалуй, за шпиона. Поэтому, если это Вас не затруднит, моя покорнейшая просьба возможно скорее устроить меня, тем более, что теперь самое подходящее время для осмотра плотин, так как еще не наступило половодье. Если Вы не откажете в моей просьбе, то прошу прислать в Лагор, «Nedous Hotel». А теперь я отправляюсь в Лагор и по пути намерен осмотреть все то, что мне позволят любезные англичане.

Остаюсь с глубоким почтением многим обязанный Вам

С.Островский.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 10, л. 92–93. Автограф.

№ 152

*Без даты. — Письмо С.Ф.Островского
Генеральному консулу в Бомбее А.А.Половцову
с просьбой продлить его командировку в Индию
для изучения местных ирригационных сооружений*

Милостивый Государь, многоуважаемый Александр Александрович!

Я не могу выразить всю благодарность за Ваши хлопоты по моему делу. На днях я получил от Главного инженера письмо, весьма любезное, в котором он сообщает, что мне везде будут оказаны всякие содействия и даже бесплатный проезд по всем индийским ж[елезным] дорогам; причем последней любезностью я, понятно, не воспользуюсь. До настоящего времени я успел осмотреть, кроме канала Агры, Верхне- и Нижне-Гангские, Восточно- и Западно-Джумнские, причем весьма любезными оказались инженеры Гангских каналов. Теперь-то я оценил любезные советы Мг. Клемма относительно платья: так как у англичан все вертится около этой идеи, и спешу запастись этим добром в возможно большем количестве. Да, Индия это страна чудес в ирригационном отношении, и прежде чем начинать работы в Голодной степи, нужно было осмотреть индийские каналы, которые по своей грандиозности считаются первыми в мире; так, например, Верхне-Гангский канал в тридцать раз больше нашего канала Николая I в Голодной степи⁴. Так как для изучения здешних систем требуется больше времени, чем мне назначено Министерством, то я прошу последнее продлить срок моей командировки и ответ направить к Вам. Поэтому я прошу не отказать в моей просьбе направить корреспонденцию до конца июня в Дели «Maiden's Hotel».

Чсть имею пребывать с глубоким почтением Ваш покорный слуга

С.Островский.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 10, л. 94–95. Автограф.

№ 153

*6 июля 1906 г. — Письмо инженера С.Ф.Островского
Генеральному консулу в Бомбее А.А.Половцову, сообщающее
о его болезни, с благодарностью за присланные деньги,
с упоминанием осмотренных каналов*

Милостивый Государь, многоуважаемый Александр Александрович.

Позвольте прежде всего поблагодарить за столь любезное и скорое исполнение моей просьбы относительно высылки 1000 рупий в Лагор; этим вы сделали для меня громаднейшее одолжение, так как денег у меня было не особенно много, когда со мной случилось это несчастье. Я как раз кончил осмотр каналов: «United Provinces» и «Punjab» (общим числом 10) и собирался отправиться в Бенгалию, где имеется 2–3 не особенно важных оросительных системы, как за два часа до отхода поезда со мною случился «heat stroke»*, как называют его англичане; причиной, как объяснил потом доктор, было слишком сильное переутомление, так как мне приходилось иногда работать, когда в тени был 116 Фарг⁵.

После 9-дневного пребывания в кровати доктор предписал мне отправиться в Пуну, где я должен оставаться до полного выздоровления; в настоящее время после опасного двухдневного путешествия я нахожусь постоянно в кровати, так как доктор запретил мне вставать. После выздоровления, если только доктор позволит, я намерен посетить несколько резервуаров в Бомбейском президентстве и Мадрасск[ом]. Я остановился в Hotel Connaught.

Примите уверение в совершенном почтении от многим обязанного Вам.

С.Островский⁶.

P.S. Простите меня за мое неразборчивое письмо, так как я пишу в кровати.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 10, л. 86 и об. Автограф.

№ 154

*12 марта 1912 г. — Донесение секретаря
Генерального консульства в Калькутте Л.Х.Ревелиоти⁷
товарищу министра иностранных дел А.А.Нератову
о проекте орошения некоторых частей русского Туркестана,
представленном главным инспектором по делам ирригации
правительства Индии сэром Джоном Бентоном⁸,
и его готовности принять участие в осуществлении
этого проекта*

Милостивый государь Анатолий Анатолиевич,

Имею честь донести Вашему Превосходительству о том, что Главный инспектор орошения в Индии (Inspector General of Irrigation in India) сэр Джон Бентон (Sir John Benton) обратился ко мне с просьбой представить на благоус-

---

* Heat stroke (англ.) — тепловой удар (сост.).

мотрение Императорского правительства проект об использовании рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи для орошения Туркестана, каковой проект, в случае одобрения его в С.Петербурге, сэр Джон Бентон предлагает осуществить при личном своем участии.

Проходя постепенно все стадии инженерной службы по изысканиям и устройству орошения в Индии, сэр Джон прослужил 38 лет в этой стране и приобрел широкую известность как знаток и специалист оросительного дела не только в самой империи, но и далеко за пределами ее.

Выслужив пенсию и выйдя в отставку в феврале нынешнего года, он намерен воспользоваться своими обширными познаниями и опытностью в деле орошения для частной практики. В предположении, что орошение некоторых частей Туркестана, вопрос о котором так живо интересуется наше правительство, может быть успешно осуществлено предлагаемым им способом, сэр Джон Бентон просит иметь его в виду для совместной с русскими инженерами работы в случае, если на основании его проекта будет решено приступить к изысканиям в этом направлении.

Командированный в Индию Отделом земельных улучшений для ознакомления с орошением в этой стране инженер путей сообщения Епанчин⁹, совершивший в высшей степени интересное путешествие по стране благодаря исключительной любезности и предупредительности представителей местного Департамента общественных работ, уведомленных о прибытии его сэром Джоном Бентоном, вынес самое лучшее впечатление об этом старейшине англо-индийских инженеров, руководство которого нашими оросительными изысканиями и работами в Туркестане, по мнению г-на Епанчина, было бы весьма желательным¹⁰.

Почтительнейше донося о вышеизложенном, имею честь представить у сего на благовоззрение Вашего Превосходительства означенный проект сэра Джона Бентона на английском языке¹¹.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою.

Л.Ревелиоти.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 967, л. 41–42. Подлинник.

№ 155

16 марта 1912 г. — Письмо инженера Н.Н.Епанчина секретарю Генерального консульства в Калькутте Л.Х.Ревелиоти о его поездке по Северной Индии

Милостивый Государь, Леонид Харлампиевич!

Вследствие выраженного Вами в письме за № 48, от 30 января с.г., пожелания иметь сведения о вынесенных мною из поездки по северу Индии впечатлениях, имею честь сообщить Вам нижеследующее:

15/28 декабря 1911 г. я прибыл в главный город Пенджаба Лахор, где тотчас же был принят Inspector General of Irrigation in India Sir John'ом Benton, сообщившим мне много весьма полезных сведений по вопросам орошения; начальствующим лицам Северо-Западной пограничной провинции в г. Пешавере,

Пенджабе и Соединенных Провинциях были даны инструкции об оказании мне полного содействия при предстоящих объездах оросительных систем, изучение коих было предметом моей командировки в Индию по ведомству Главного Управления землеустройства и земледелия.

16/29 дек[абря] я отправился из Лагора в Пешавер, куда и прибыл вечером того же дня; остановился я у Superintending Engineer Mr. Tickel, чрезвычайно любезно меня встретившего на вокзале, несмотря на поздний час. Я провел в Пешавере 3 дня, будучи гостем у Mr. Tickel. На следующий день я отправился к реке Кабул, в направлении на запад от Пешавера. Меня сопровождало 2 англичанина-инженера. Мы проехали около 20 верст и остановились у берега р[еки] Кабул в месте выхода одноименного канала, орошающего окрестности Пешавера. Дальше, на запад, двигаться было опасно, так как мы уже находились в пределах так называемых Outlaws* — дикарей афридиев, совершающих в среднем до 160 нападений-рейдов из своих труднодоступных гор, граничащих с Авганистаном. При поездках в окрестностях Пешавера приходится быть вооруженным и быть настороже, ибо нет никакой гарантии в безопасности от меткой пули афридия.

На следующий день я осмотрел окрестности Пешавера с южной стороны у форта Бара, а также подход к Хайберскому проходу около форта Джамруд.

2 января 1912 г. я отправился из Пешавера в форт Malakand, весьма важный стратегический пункт, соединенный узкоколейной (колея 2 1/2 фута) ж[елезной] д[орогой] со станцией Nowshera, расположенной на восток от Пешавера. По прибытии на станцию Malakand я был встречен капитаном 69[-го] Пенджабского полка W. Bingham, передавшим мне приглашение на обед в собрание офицеров 69[-го] Пенджабского полка, коего батальон стоит в Malakand. Капитан W. Bingham говорит свободно по-русски и служит русским переводчиком в Пешаверском гарнизоне. За обедом присутствовали командир дивизии в Пешавере General Sir John Nixon и около 12 офицеров 69[-го] П[енджабского] полка. За обедом я сидел по правую руку от генерала Nixon, командующий батальоном Lieutenant-colonel Hoghton — слева. Во время обеда генерал несколько раз касался дружественных отношений между Россией и Великобританией и выразил пожелание, общее многим англичанам, о скорейшем появлении грозного русского броненосного флота в Балтийском море. На след[ующий] день я отправился через проход Malakand к началу канала Upper Swat River Canal, находящегося ныне в стадии постройки. Канал проходит под перевалом тоннелем длиной 1600 саженей. На следующий день я покинул форт Malakand, унося наилучшие воспоминания о радушном приеме со стороны офицеров 69[-го] П[енджабского] полка (в этом полку все офицеры англичане) и лиц инженерного персонала, любезно сопровождавших меня по не особенно удобным горным дорогам.

5 января о (так в оригинале. — *Сост.*) прибыл на станцию Mardan той же узкоколейной ж[елезной] д[ороги], где пробыл 2 дня; верхом пришлось проехать около 40–50 верст для осмотра некоторых каналов.

7 янв[аря] я прибыл на ст[анцию] Jhelum, в Пенджабе, где пробыл день, осмотрел работы по устройству грандиозного канала, в окончательном виде стоящего 75.000.000 рублей. Этот канал начинается в Кашмире, где я и видел весьма интересные работы.

После осмотра сего канала я отправился в Wazirabad, Punjab, где пробыл около 8 дней, осмотрел наиболее интересные для меня каналы, т[ак], напр[имер], Lower Chenab Canal, Upper Chenab Canal, Upper Bari Doab и Lower Bari Doab

---

* Outlaws (англ.) — грабители, разбойники (*сост.*).

Canal и ряд иных мелких устройств. После Пенджаба я переехал в Соединенные Провинции, где осмотрел Upper Ganges Canal, Lower Ganges Canal, Agra Canal и несколько других.

За все время моего пребывания в Индии я встретил везде и всегда самое радужное отношение со стороны английских властей, очень любезно сопровождавших меня по каналам; только благодаря такому отношению мне удалось в течение 5 недель осмотреть почти все достойные внимания оросительные системы Индии; кроме сего, я был снабжен весьма интересной литературой по вопросам орошения, публикуемой английскими властями в виде отчетов и прочего.

Принимая во внимание, что столь любезное отношение было возможно исключительно благодаря Вашему личному участию при ведении предварительных переговоров и переписке по вопросу о моей поездке в Индию, а также Вашим письмам отдельным представителям английской администрации, коими Вы снабдили меня весьма щедро, я считаю своей приятной обязанностью, по долгу службы, принести Вам мою самую искреннюю признательность за крайне любезное содействие, оказанное мне Вами в течение пребывания моего в Индии.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Н.Н.Епанчин.

Инженер путей сообщения, командированный главноуправляющим землеустройством и земледелием для изучения орошения в Египте и Индии.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 91, л. 6-8 об. Автограф.

№ 156

1 мая 1913 г. — Письмо начальника оросительных изысканий центральной части Голодной степи инженера путей сообщения В.И.Чикова¹² вице-консулу в Калькутте Л.Х.Ревелиоти по поводу предстоящей ему командировки в Индию для изучения местных оросительных систем и ирригационных сооружений

Милостивый государь Леонид Харлампович!

Мною получено разрешение Отдела земельных улучшений, утвержденное главноуправляющим землеустройства и земледелия, на временную командировку в Индию для изучения гидротехнических и ирригационных сооружений, с выдачей командировочного довольствия. Срок моего пребывания в Индии, к сожалению, не может быть длительным, ибо я не освобождаюсь от руководства вверенными мне оросительными изысканиями в центральной части Голодной степи.

Я полагаю прибыть в один из портов Индии (Коломбо или Бомбей) примерно в конце августа и пробыть в Индии около 2-х месяцев. Мне бы очень хотелось осмотреть ирригационные системы восточной части полуострова и затем изучить возможно подробнее, насколько позволит столь короткая командировка, системы в бассейне рек Ганга и Инда. В настоящий момент я занят изучением ирригации в Индии, но я весьма затрудняюсь в составлении подробного маршрута, так как

не имею подробной ирригационной карты с указанием местопребывания ирригационной администрации Индии, содействие которой мне необходимо в самых широких размерах. В задачи мои, кроме осмотра сооружений, входит собирание чертежей, книг и вообще материалов, которые мне понадобятся для проекта.

Я был бы весьма благодарен и обязан, если бы Вы, Милостивый государь, не отказали бы мне в Ваших советах относительно моего путешествия и по примеру поездки инженера Островского исхлопотали бы мне бесплатный проезд по железным дорогам Индии.

Прошу принять Вас, Милостивый государь, мои уверения в совершенном почтении и преданности.

Инженер В.Чиков.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 90, л. 1 и об. Подлинник.

№ 157

*24 июня 1913 г. — Письмо
Генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова¹³
Начальнику оросительных изысканий центральной части
Голодной степи инженеру путей сообщения В.И.Чикову
по поводу планируемой последним поездки в Индию
для изучения местных оросительных систем
и ирригационных сооружений*

Господину инженеру Чикову.

Я имел честь получить письмо Ваше, адресованное находящемуся в отпуску вице-консулу Л.Х.Ревелиоти, касательно Вашего намерения приехать в Индию для осмотра ирригационных сооружений и работ.

В дополнение к моей телеграмме от сего числа считаю долгом сообщить Вам нижеследующее: месяцы август и сентябрь являются временем года крайне неблагоприятным для путешествия в Индии и осмотра каких бы то ни было сооружений ввиду того, что это период тропических дождей — муссона; в эти месяцы работ не производится. Приезд Ваш, кроме того, поставил бы ирригационную администрацию в затруднительное положение, так как ей пришлось бы специально командировать чиновника для сопровождения Вас; между тем в ноябре и декабре лица, причастные к этим работам, находятся на местах, и присутствие их значительно облегчило бы Вашу задачу.

Ввиду этого мне казалось бы наиболее целесообразным, чтобы Вы прибыли в Индию в начале ноября и проехали прямо в столицу — Дели. Будучи своевременно предупреждены о Вашем приезде, я в свою очередь извещу о нем, центральные власти (Irrigation Department) снабдят Вас соответствующими рекомендациями к местным инженерам и дадут нужные указания относительно наиболее удобного маршрута.

Что касается получения карт, чертежей и изданий, основываясь на опыте прошлогоднего посещения Индии С.И.Сыромятниковым, я считаю долгом предупредить Вас, что здешняя администрация весьма скупко делится с иностранными инженерами имеющимся у нее материалом, и Вам поэтому приходится ограничиться лишь находящимися в продаже изданиями.

В архивах Императорского Генерального консульства я не нахожу указания на то, что инженеру Островскому был предоставлен льготный проезд по индийским железным дорогам. Бывший здесь за время моего управления Генеральным консульством (в июне 1912 года) инженер Сырмятников не возбуждал этого вопроса.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 90, л. 2 и об. Черновик.

№ 158

13 января 1914 г. — Письмо начальника изысканий и проектных работ в бассейне реки Сырдарьи И.Шовинова Генеральному консулу в Калькутте К.Д.Набокову с просьбой снабдить его литературой по вопросам ирригации

Милостивый Государь Константин Дмитриевич,

В настоящее время в бассейне реки Сыр-Дарьи производятся несколькими партиями Отдела земельных улучшений под моим общим руководством обширные изыскания в целях составления проектов орошения свыше миллиона десятин плодородных, но безводных и поэтому ныне пустынных земель.

При новизне оросительного дела в России приходится обращать особенное внимание на опыт других стран и внимательно изучать специальную иностранную литературу; однако наиболее интересные издания, касающиеся ирригационных вопросов, часто весьма трудно получить, и они остаются поэтому неиспользованными.

К числу таких изданий принадлежит Punjab Irrigation Branch Papers и Report of Simla Irrigation Commission.

Настоящим я обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой оказать нашим изысканиям свое властное содействие и сделать распоряжение о высылке через консульство упомянутых изданий хотя бы за пять последних лет.

Стоимость изданий будет мною переведена немедленно по назначению, указанному консульством.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

И.Шовинов.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 90, л. 15 и об. Подлинник.

Примечания

¹ В первом десятилетии XX в. хлопок и снабжение им приобрели первостепенное значение для развивающейся текстильной промышленности России, потреблявшей около 22 млн. пудов хлопка в год, из них половину отечественного и половину импортного, главным образом американского. Зависимость от иностранного поставщика была крайне нежелательна. Правительством предпринимались меры для решения этой проблемы: введение в хозяйственный оборот

земельных площадей в Туркестане, пригодных для выращивания хлопка с помощью орошения, устройство опытных станций и полей, кредитование крестьянства и т.д. Наиболее сложным делом было орошение, необходимо стало изучение зарубежного опыта в этой области. Так, с этой целью в Египет и Индию в 1910 г. на 2 года был командирован инженер Н.Н.Епанчин, а в 1913–1914 гг. — инженер В.И.Чиков также в Индию и Египет; в 1908–1910 гг. инженер-агроном Е.Скорняков был направлен в Америку и Египет для изучения постановки оросительного и хлопкового дела; в 1912 г. агрономы Баранов и Бушуев побывали в Египте для изучения системы хлопководства, исторических и экономических условий культивирования этой сельскохозяйственной культуры.

² В феврале 1906 г. министром иностранных дел России был В.Н.Ламздорф.

³ Имеется в виду С.В.Чиркин.

⁴ Канал императора Николая I был построен в Голодной степи великим князем Николаем Константиновичем отводом воды из р. Сырдарья и оросил площадь в 10 000 десятин земли.

⁵ 116° по Фаренгейту равняется 47° по Цельсию.

⁶ С.Ф.Островский не оправился от болезни и 1 сентября 1906 г. был вынужден покинуть Индию, не завершив плана командировки. По прибытии он опубликовал свой отчет «Ирригационные системы Индии. Отчет о поездке в Индию инж. Островского С.Ф. в 1906 г.». СПб., 1907.

⁷ Ревелиоти Леонид Харлампиевич, русский дипломат, в 1906 г. работал в миссии в Вюртемберге (Германия), в 1908–1909 гг. — секретарь консульства в Александрии, с декабря 1910 г. — секретарь Генерального консульства в Калькутте, с июля 1912 по август 1917 г. — вице-консул в Калькутте, с сентября 1917 г. был управляющим Отделом денежных переводов и ссуд МИД. В 1913 г. во время отпуска совершил вместе с английским офицером А.Баттином путешествие из Индии в Россию через Памир (Кашмир—Хунза—Гилгит—Памир—Кашгар—Андижан—Ташкент), о чем написал книгу «На крыше мира. Из Кашмира в Ташкент...». Пг., 1915.

⁸ Бентон, Джон (1850–1927), английский инженер, с 1873 г. работал в Индии в Департаменте общественных работ, занимался строительством оросительных каналов главным образом в Пенджабе и Бирме, в 1906–1912 гг. — главный инженер ирригационных сооружений в Индии.

⁹ До поездки в Индию в 1911 г. Н.Епанчин побывал в Египте, куда был командирован Главным управлением землеустройства и земледелия для «всестороннего изучения строительного гидротехнического искусства и практического ознакомления с производящимися там оросительными работами и устройствами». Поездка была успешной, египетские власти оказали ему большое содействие, снабдили специальной литературой.

¹⁰ Сведений о привлечении Дж.Бентона к реализации проектов орошения земель в Туркестанском крае не обнаружено.

¹¹ Проект Дж.Бентона — «Заметка об использовании рек Амударья и Сырдарья в целях орошения Туркестана» — не содержит каких-либо конкретных предложений по предмету, поскольку, как пишет сам автор, он знаком со Средней Азией только по картам. Он делится опытом строительства гидротехнических сооружений в Индии, справедливо полагая, что в силу схожих условий и задач это может быть полезно для российских инженеров.

¹² Как и Н.Н.Епанчин, инженер В.И.Чиков впоследствии изучал опыт гидротехнического строительства в Египте, куда он направился в декабре 1913 г., завершив знакомство с каналами Индии в Пенджабе и Соединенных провинциях.

¹³ Набоков Константин Дмитриевич (1872–1950) закончил юридический факультет Петербургского университета в 1894 г., с 1896 г. — на службе в МИД; до 1912 г. служил в канцелярии МИД, в 1912–1915 гг. — Генеральный консул в Калькутте, с 15 сентября 1915 г. — советник посольства в Лондоне, с января 1917 г. — временный поверенный в делах. В 1918 г. образовал (не под своим руководством) в Лондоне комитет по вербовке русских эмигрантов для участия в военных действиях против России. До 1920 г. продолжал работать в Англии как представитель сначала Омского правительства, потом правительства Колчака. Затем обосновался в Норвегии.

**1 июня 1906 г. — 19 ноября 1909 г. —
Документы об англо-индийской прессе
и о ее реакции на события в России**

№ 159

*1 июня 1906 г. — Циркулярное письмо
министра иностранных дел А.П.Извольского
Генеральному консулу в Бомбее А.А.Половцову
с просьбой сообщить сведения об органах печати Индии*

Милостивый государь Александр Александрович!

Вступив в управление Высочайше вверенным мне Министерством, я счел необходимым не откладывая озаботиться организацией той части его деятельности, которая имеет предметом наблюдение за печатью как русскою, так и иностранною, а равно и непосредственные сношения ведомства с представителями ее.

Между прочим, я придаю особое значение осведомленности Министерства иностранных дел о степени влияния того или другого органа иностранной печати на общественное мнение и правительство другой страны.

Исходя из этих соображений я, ввиду спешности дела, имею честь покорнейше просить Ваше Высочорodie благоволить сообщить мне в возможно непродолжительное время имеющиеся в Вашем распоряжении сведения о главнейших органах печати, входящих в страну Вашего пребывания, с кратким указанием значения каждого из них, его связей с официальным миром, а также, возможно, и высшего личного состава редакции.

Такие же сведения весьма желательны и относительно телеграфных агентств.

Извольский.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 26, л. 3. Подлинник.

№ 160

*13 октября 1906 г. — Донесение Генерального консула
в Бомбее А.А.Половцова в МИД России
об органах печати в Индии*

Ваше Высокопревосходительство,

Вследствие доверительного письма от 14 июня с.г. об органах печати в Индии имею честь почтительно донести нижеследующее.

Всех письменных изданий в Индии около 2 ¹/₂ тысяч. Точного числа их мне установить не удалось, так как все доступные списки крайне неточны, и если им ведется особая регистрация, то сведения о ней сосредоточены в Калькутте, где у меня еще нет источника неофициальных сведений и куда я счел бы неуместным обратиться с официальным запросом по этому предмету.

Из газет, редактируемых по-английски, первенствующее место в данное время занимает «Times of India», издающаяся в Бомбее. Издатель ее Фрэзер (Lovat Frazer), человек много путешествовавший в Азии, с определенным империалистическим направлением и ярый поклонник лорда Керзона, не стесняется открыто оплакивать теперь в передовых статьях то, что он называет слабостью лорда Минто¹, в частном разговоре характеризует даже более сильными словами. В Бомбее его сильно поддерживает губернатор лорд Ламингтон², ставленник лорда Керзона и близкий приятель последнего еще с молодых лет; поскольку касается местных вопросов Бомбейского президентства, «Times of India» несомненно официальный орган, но насколько велико его влияние в вопросах общиндийской политики, определить трудно; едва ли, впрочем, можно сомневаться, что ему удавалось поднимать новые вопросы и обращать на них таким образом внимание правительства, а также что его редкие, впрочем и весьма умеренные, нападки на правительство не проходят незамеченными. Если есть доля правды в слухах о том, что в Индии правительство поддается влиянию прессы, то «Times of India» в данное время служит наиболее ярким примером такого положения. В прежнее время, лет 20 тому назад, репутация влиятельного органа присваивалась калькуттской газете «Englishman», но за последнее время она совершенно утратила всякое значение, и в ней редко можно найти сколько-нибудь умную статью или даже просто интересные сведения, не перепечатанные из других изданий.

Другая калькуттская газета «Statesman»³, считается наиболее фрондирующим из издаваемых англичанами органом, вследствие чего число ее подписчиков, особенно из образованных туземцев, значительно возросло и доходит до 20.000, что считается уже большой цифрой в стране, где один и тот же экземпляр газеты ходит по рукам многих читателей.

После «Times of India» наиболее осведомленная английская газета «Pioneer», издающаяся в Аллагабаде, в ней часто встречаются весьма верные сведения из таких источников, которые трудно проследить или угадать. Газета эта очень распространена, и ввиду верности ее сведений из первых источников большинство других газет перепечатывают сообщения из нее. В смысле политическом она с точки зрения правительства вполне благонадежна. В том же роде, но менее выдающаяся газета «Civil & Military Gazette»⁴ (издается в Лагоре) иногда содержит точные и верные местные сведения о Северо-Западной части Индии и вследствие этого довольно распространена среди англичан. Из окраинных газет наиболее интересна «Baluchistan Gazette», издающаяся в Кветте. Помимо сведений местного характера она часто содержит хорошо составленные тексты об Афганистане и англо-афганских отношениях, но она мало распространена, мало даже кому известна, и другие газеты никогда не содержат ссылок на нее.

В Бомбейском президентстве помимо «Times of India» наиболее распространены «Advocate of India», «Bombay Gazette», но в политической отношении они совсем бесцветны.

Все вышеупомянутые газеты издаются англичанами; но есть ряд газет, издаваемых по-английски туземцами. Значительное число их не более как бесцветные листки, перепечатавающие телеграммы и последние новости и не имеющие определенного политического характера, другие придерживаются в своих передовых статьях умеренного направления. Из наиболее распространенных газет такого рода заслуживает упоминания «Indian Spectator»⁵ (Бомбей), довольно верно выражающая умеренные взгляды большинства, и «Tribune»⁶ (Лагор), гораздо бо-

леё крайняя, но, по-видимому, соответствующая мнению многих туземцев в насущных вопросах.

Помимо этих умеренных органов туземной прессы за последнее время, при усилении и распространении противоанглийского движения среди индусов, выдвинулся ряд газет, издаваемых агитаторами этого движения. Главные центры его — Калькутта для бенгальцев и Пуна для мараттских браминов, в более слабой степени Мадрас для Южной Индии. Эти газеты являются каждая органом определенного вожака.

Наиболее революционными среди таковых в данное время — несомненно Бопинь Чандра Паль⁷, издающий в Калькутте две газеты: «Bande Materam» и «New India»⁸. Название первой из этих газет взято из древней поэмы (точное значение его *Bande Materam* можно перевести словами: «привет, матушка»), вызвало за последнее время ожесточенную полемику в других органах печати и даже в лондонской «Times», так как стало революционным возгласом в Бенгалии, и за провозглашение его и за шествие со знаменами, на которых эти слова были начертаны, применялись неоднократно меры административной репрессии⁹. Газета эта часто содержит открытые призывы к восстанию и поэтому за последнее время привлекала всеобщее внимание. «New India» более сдержанна в своих выражениях.

«Amrita Bazar Patrika»¹⁰ (Калькутта) издается приятелем Б.Ч.Паля, но придерживается менее крайнего направления. Она очень распространена, и английская часть индийской печати всегда следит за ее статьями. Другой выдающийся агитатор, Баннерджи, недавно дошедший в своей ненависти к англичанам до того, что в кругу приверженцев венчался «королем Индии» и сам об этом объявил в своей газете, издает в Калькутте «The Bengalee»¹¹. Весь инцидент коронавания Баннерджи особенно выдвинул вперед его газету, и без того, впрочем, ставшую известной своим крайним направлением. В Мадрасе «Hindu Patriot»¹² представляет те же политические воззрения, хотя в менее резкой форме, а в Пуне ту же окраску имеет «The Mahratta», орган брамина Тилака. Все эти газеты ослабляют свою антибританскую пропаганду тем, что тратят много сил на борьбу друг с другом, причем каждая партия выставляет напоказ все слабости и крайности других. Помимо «The Mahratta» Тилак издает в Пуне по-мараттски газету «Кесари», гораздо более крайнюю, чем «Mahratta», придавая в ней более резкую форму тем же вопросам.

Менее радикальный орган, но того же направления «Каль», также издается в Пуне по-мараттски, в Калькутте «Хитабди» — по-бенгальски, а в Ахмедабаде «Хинд Свараджия» — по-гуджратски; последняя газета также крайнего направления. Все они теперь привлекают внимание грамотных туземцев, изощряясь друг перед другом в нападках на англичан и в пропаганде движения свадэши, т.е. доктрины как Индии для туземцев, так и индийских рынков исключительно для индийских товаров. Разрешит ли им правительство продолжить эту пропаганду, неизвестно, но покуда английская пресса ограничивалась лишь высмеиванием их резкостей. Несомненно то, что в данное время вся эта крайняя пресса занимает очень видное место и несомненно влияет на распространение революционных взглядов среди образованных туземцев.

Из органов мусульманской прессы наиболее распространены «Ватан» (Лахор) и «Пайса Ахбар» (Лахор), обе на урду. Мусульманская пресса в настоящий момент отражает общее стремление индийских мусульман по возможности, не задевая правительства, добиться удовлетворения своих нужд. Это стрем-

ление всего совершенное выразилось в адресе, недавно представленном мусульманской депутацией вице-королю и вызывавшем всеобщее одобрение официозной прессы¹³.

Но если бы даже мусульманское население и его вожаки имели основание для нападок на правительство, то надо полагать, что, по крайней мере временно, их газеты не стали бы громко формулировать свои жалобы; взаимная ненависть индусов и мусульман лежит в основании недовольства первых по поводу образования новой провинции Восточной Бенгалии и Ассама и утраты бенгальцами¹⁴ возможности преобладать в этой части Индии над более многочисленными мусульманами; последние настолько удовлетворены реформой, что, доколе крайняя часть бенгальской прессы останется при теперешнем своем направлении, столь заметном в глазах всей Индии, мусульманские газеты едва ли отойдут от противоположных методов для достижения своих целей.

Из телеграфных агентств в Индии действует только агентство Рейтера. Некоторые газеты иногда печатают случайные телеграммы от частных корреспондентов, но в общем все они пользуются только сведениями агентства Рейтер. Ни одна газета не может войти в отношения с другим агентством, так как если бы она решилась на подобную затрату, она не могла бы опереться ни на какой закон для защиты своего права собственности на известия, и на деле она бы только доставила этим возможность другим газетам перепечатывать телеграммы даром. Сведения, сообщаемые агентством Рейтер, крайне скудны, и интерес их несоизмерим, так как объем телеграмм подгоняется под одну и ту же недельную норму, сообразно не важности известий, а работоспособности кабеля и понедельной плате по числу слов.

С глубочайшим уважением и неизменной преданностью имею честь быть Вашего Высокопревосходительства почтительнейшим слугой

А.Половцов.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, д. 26, оп. 779, л. 14-17 и об. Подлинник.

№ 161

*4 сентября 1908 г. — Донесение
Генерального консула в Бомбее А.А.Гейкинга
товарищу министра иностранных дел Н.В.Чарыкову
об изменении отношения англо-индийской прессы к России*

Милостивый Государь Николай Валерьевич,

Приятно отметить изменившийся тон англо-индийской прессы по отношению к России. Еще недавно русофобство, выражавшееся распространением нелепых слухов и враждебно критических замечаний по адресу России, было уделом почти всей индийской прессы, издаваемой англичанами. Это отношение постепенно переменялось. Вскоре после моего приезда в Индию мне еще случилось читать вздорные сенсационные сведения о России, рассчитанные на удовлетворение старого вкуса англичан видеть в нашем государстве изверга, способного на всякое злодеяние. Но отрицательное направление понемногу улеглось, и даже открыто

джингоистско-империалистические* органы англо-индийской печати мало-помалу перестали нападать на Россию.

Прежний предводитель русофобов, недавно еще громивший великобританское правительство за заключение соглашения с Россией и относящийся скептически к введению конституционного порядка в России, первенствующий официальный орган «The Times of India», на днях напечатал хвалебную статью, выдвигая водворенный порядок в России, успешную работу Государственной Думы и развитие конституции в империи. Условия жизни в России, пишет газета в передовой статье, ныне почти нормальны, и это весьма приятно, если принять во внимание, что критическое отношение к правителям России во время революционного периода не могло облегчить их трудную задачу управлять этой обширной страной. После семимесячной плодотворной работы третьей Государственной думы¹⁵ можно теперь считать установление конституционного порядка в России совершившимся и хорошо утвердившимся фактом. Главная заслуга в этом принадлежит премьеру Столыпину, кому вся Россия доверяет. Он устоял против сильной реакционной тенденции влиятельных кругов и в то же самое время сумел сохранить равновесие между Думой и Государственным Советом.

Нормальные занятия в школах и университетах также доказывают, что Россия доверяет Думе и своему премьеру. Крестьяне удовлетворены начавшимся переходом коллективного владения землей в индивидуальное. Только еврейский вопрос ожидает в России своего разрешения.

Россия нуждалась именно в государственном муже, способном осуществить конституционную форму правления против махинаций революционеров и реакционеров. Она нашла его в лице Столыпина.

Такого недвусмысленного признания успехов русского правительства и такого сочувствия к России, кажется, еще никогда не проявлялось на столбцах «Times of India».

Копии настоящего донесения препровождаются в Императорское посольство в Лондоне и Туркестанскому генерал-губернатору.

С глубоким почтением и таковой же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугой

Гейкинг.

Надпись на полях первого листа: «Не мешало бы указать б[арону] Гейкингу на недавно сделанную нами вырезку из „The Times of India“ по поводу слуха о намерении нашем построить ж.д. в Термез. (*неразборчиво*) прежний дух недоверия (*неразборчиво*) далеко еще не выветрился в Индии...»

Клемм».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 947, л. 131 и об. Подлинник.

№ 162

*14 октября 1909 г. — Донесение исполняющего обязанности
Генерального консула в Бомбее С.В. Чиркина*

* Джингоистский — шовинистический (сост.).

*товарищу министра иностранных дел С.Д.Сазонову
об отношении англо-индийской печати к России
и о ее сообщениях о пребывании российских войск в Персии*

Милостивый Государь Сергей Дмитриевич,

Вашему Превосходительству, без сомнения, неизвестно, что английская пресса в Индии всех направлений тенденциозно освещала наиболее выгодные для страны сообщения и сведения касательно России, умышленно создавая среди туземного населения извращенное понятие о всем российском. Таковая политика могла, пожалуй, найти себе оправдание в то время, когда кошмар «вторжения» не давал покоя индийскому правительству. Но обстоятельства переменялись, и недавнее соглашение, чего не отрицают и русофобские органы, сняло с Англии тяжелую обузу гарантировать на более или менее продолжительное время неприкосновенность ее крупнейшей азиатской колонии. Естественно поэтому обратиться к печати как отразительнице взглядов правительства и общества с целью проследить, насколько момент, установивший новые отношения между соседями, повлиял на создание здесь более корректных и наиболее соответствующих действительности представлений о России. События в Персии и совместная работа там наша с Англией¹⁶ дают в этом отношении наиболее выгодный материал для наблюдений и взглядов.

В предыдущих донесениях мне приходилось констатировать в общем более сдержанное и иногда даже благоприятное отношение к нам англо-индийской прессы, но следует оговориться, что оно наблюдается только до тех пор, пока обстоятельства складываются в благожелательном для Англии смысле. Введение наших отрядов в Тавриз и Казвин было встречено спокойно и даже оправдывалось. Необходимость же продолжить пребывание наших войск в сказанных городах пробудила ту нервозность, которая не слишком разборчива в выборе способов для объяснений неприятного факта.

Около 2-х месяцев тому назад все газеты обошла сенсационная телеграмма о разнузданном поведении русских солдат в Тавризе, осквернении мечетей и т.п. На первый взгляд подобное телеграфное сообщение, благоразумно не комментированное отдельными статьями, может показаться весьма маловажным, однако среди массы населения, видящей в книге и всем печатном нечто непреложно истинное, оно производит верный и поразительный эффект.

Весьма характерно отсутствие каких-либо комментариев этого известия, на которые обыкновенно не скупа здешняя пресса даже по поводам, весьма незначительным. Впрочем, кажущееся игнорирование телеграммы станет ясным, если принять во внимание, что комментаторам неизбежно пришлось бы если не опровергать сообщение, то по крайней мере высказать свои сомнения, что, конечно, не входило в план маневра. Другая сенсационная телеграмма о бойкоте русских товаров в Персии тоже произвела известное впечатление.

Любопытно, что наряду с раздуванием известий, подобных описанному, выступления самих англичан на политической арене в Персии совершенно замалчиваются и о нахождении английского отряда в Ширазе не говорит ни одна газета, как бы по предварительному уговору.

Я остановился на событиях в Персии как наиболее удобных в настоящий момент для поддержания среди туземцев Индии путем ложных известий желательных Англии взглядов на Россию как очаг варварства и несправедливости, ежедневная же пресса дает немало и других оснований, дабы заключить, что один из

принципов политики Англии в Индии по отношению к России состоит в том, чтобы дать туземцам совершенно извращенные сведения о нашем отечестве.

С глубочайшим почтением Чиркин.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 953, л. 76–77. Подлинник.

№ 163

*19 ноября 1909 г. — Письмо министра иностранных дел
А.П.Извольского советнику российского посольства в Лондоне
Н.С.Эттеру¹⁷ с просьбой принять меры для прекращения
распространения нежелательных для России сведений*

Милостивый Государь Николай Севастьянович,

Из секретного донесения управляющего Генеральным консульством в Бомбее от 14 октября с.г., № 728, Вы изволите усмотреть, что английская пресса в Индии по-прежнему продолжает тенденциозно освещать все сообщения и сведения касательно России, поддерживая тем самым среди туземного населения извращенные понятия о всем русском. Колл[ежский] ас[ессор] Чиркин указывает между прочим на то, что около двух месяцев тому назад все индийские газеты обошла сенсационная телеграмма о разнузданном поведении русских солдат в Тавризе, оскорблении мечетей, бойкоте русских товаров в Персии и пр., каковая телеграмма, как и следовало ожидать, произвела среди местного населения невыгодное для России впечатление.

Передавая о вышеизложенном, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой не отказать при случае обратить внимание статс-секретаря по делам Индии¹⁸ на крайнюю нежелательность дальнейшего распространения среди туземцев Индии подобных сведений о России и просить его оказать возможное влияние на англо-индийскую прессу в целях предотвращения на будущее время такого рода нежелательных сообщений.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Извольский.

АВПРИ, ф. 184 Посольство в Лондоне, оп. 520, д. 1206, л. 95 и об. Подлинник.

Примечания

¹ Лорд Минто, Элиот Гильберт Джон (1845–1914), английский государственный деятель, генерал-губернатор Канады в 1898–1904 гг., вице-король Индии в 1905–1910 гг. С его именем связаны проводившиеся в 1907–1909 гг. реформы управления и избирательной системы Индии (Реформы Морли–Минто), введение отдельных избирательных курий для индусов и мусульман.

² Ламингтон, Бейли Чарльз Уоллес Александр (1860–1940), английский государственный деятель, в 1903–1907 гг. — губернатор Бомбея.

³ «Statesman» — англоязычная еженедельная, впоследствии ежедневная газета правового направления, издавалась в Дели и Калькутте с 1875 г. Робертом Найтом.

⁴ «Civil and Military Gazette» издавалась в Лахоре с 1861 г.

⁵ «Indian Spectator» — еженедельная газета, издавалась Бирамджи Малабари.

⁶ «Tribune» — ежедневная газета, основана в 1877 г., выходила на английском, хинди и пенджабском языках.

⁷ Бипин Чандра Пал (1868–1932), видный деятель радикального направления в национально-освободительном движении Индии, особенно перед первой мировой войной, издавал журнал «Swaraj» (1 раз в 2 недели).

⁸ «New India» (старое название «Madras Standard») издавалась Анни Безант, одним из лидеров национально-освободительного движения.

⁹ «Bande mataram» («Да здравствует Родина-мать!») — название и первая строка патристического стихотворения Рабиндраната Тагора, ставшего гимном национально-освободительного движения Индии, а первая строка превратилась в его лозунг.

¹⁰ «Amrita Bazar Patrica» основана в 1868 г. в Калькутте как еженедельная газета на бенгали Сисиром Кумаром Гхошем со своим братом. С 1869 г. начала публиковать материалы на английском, а с 1877 г. стала выходить как двуязычное еженедельное издание. В настоящее время — ежедневная газета на английском языке.

¹¹ «Bengalee» издавалась с 1879 г. сначала как еженедельная, с 1900 г. — как ежедневная газета.

¹² «Hindu Patriot» была основана в 1853 г. Гириш Чандра Гхошем.

¹³ Речь идет об адресе, который был вручен вице-королю депутацией мусульман под руководством Ага-хана в 1906 г., который содержал просьбу предоставить определенные привилегии мусульманам при наборе на государственную службу и при выборах.

¹⁴ Консул имеет в виду индусов: раздел Бенгалии в 1905 г. произошел по религиозному принципу, но и мусульмане Восточной Бенгалии, и индусы Бенгалии оставались бенгальцами.

¹⁵ Третья Государственная Дума (1 ноября 1907 г. — 9 июня 1912 г., пять сессий) просуществовала положенные пять лет.

¹⁶ В вооруженном подавлении Иранской революции 1905–1911 гг. принимали участие как английские, так и русские войска. В соответствии с договором 1907 г., поделившим сферы влияния Великобритании и России в Иране, русские войска находились в северной части, а английские — в южной части страны.

¹⁷ Эттер Николай Севастьянович, русский дипломат, в 1909–1915 гг. был советником российского посольства в Великобритании.

¹⁸ Имеется в виду Морли, Джон (1838–1923), английский государственный деятель, в 1905–1910 гг. — министр по делам Индии.

№ 164–165

***7 августа 1907 г. — 14 апреля 1908 г. —
Донесения управляющего Генеральным
консульством в Бомбее С.В. Чиркина
в МИД о русско-индийской торговле***

№ 164

***7 августа 1907 г. — Донесение управляющего
Генеральным консульством в Бомбее С.В. Чиркина***

*в Первый департамент МИД
о торговле мануфактурой с Индией*

Индия с ее многомиллионным населением при сравнительно малом еще развитии фабричной промышленности всегда представляла превосходный рынок для товаров европейского производства, между которыми, с уверенностью можно сказать, хлопчатобумажные ткани занимают первое место. На платье как богатого так и бедняка туземца идет все тот же миткаль¹ и ситец, в шелк одеваются только избранные высокопоставленные классы, а шерстяные материи по климатическим условиям не могут иметь сбыта, разве только в северных провинциях, но в очень незначительном количестве ввиду дороговизны.

По официальным торговым отчетам ввоз бумажной мануфактуры в Индию увеличивается ежегодно и в минувшем 1906 году дошел до солидной цифры 424 миллионов рупий.

На первый взгляд для страны, производящей хлопок и имеющей в общем свыше 200 бумагопрядильных и ситценабивных фабрик, из которых до 150 приходится на Бомбейское президентство, вышеуказанная сумма ввоза может показаться странною, но дело в том, что фабричная деятельность здесь, как было упомянуто, еще очень несовершенна, и, несмотря на количество фабрик, на которых занято до 200 тысяч рук, производимого материала далеко не достаточно на местные нужды, да и по качеству, выделяемый неусовершенствованными машинами, он удовлетворяет самый непритязательный вкус. Необходимо также помнить, что фабрики здешние вырабатывают не только ткани, но и пряжу, которая в значительном количестве вывозится в Китай, а за последнее время стала спрашиваться и в Европе на фабрикации дешевых сортов мануфактуры.

Разумеется, главным поставщиком хлопчатобумажных тканей на индийский рынок является Манчестер, но немало также ввозят сюда этих изделий Австрия и Германия и делают хорошие дела.

При разнообразии населения всякая бумажная материя идет здесь впрок: дешевые ситцы расходятся в массе среди низших классов, белая бязь (лучше редкая, легкая), идущая на особого рода покрывала «дути», заменяющие мужчинам панталоны², и «сари», служащие женщинам юбками, имеет не меньший спрос, та же бязь, окрашенная преимущественно в синий и красный цвета, ввиду их практичности, охотно покупается женщинами для тех же «сари», на ситцы подороже, сатины и батисты — хорошие покупатели индусы побогаче, парсы и многочисленное полукровное население, образовавшееся из смеси белых пришельцев с туземцами, так называемые здесь индоевропейцы (eurasians).

Делая этот краткий обзор положения ввоза в Индию европейской бумажной мануфактуры, мне хотелось обратить внимание Департамента на то, что такие же наши изделия, благодаря общепризнанной на азиатских рынках доброкачественности, могли бы здесь найти себе большой и выгодный сбыт, и попытки некоторых из наших фирм в этом направлении, наверное, оправдали бы себя, на что указывают нижеследующие данные, почерпнутые мною из компетентных источников.

Русская бумажная мануфактура уже несколько лет как известна на кветтском рынке, куда она попала через Сеистан. Особенно пришлось по вкусу жителям английского Белуджистана материя, известная там под именем «махут шикан» — молескины³. Встревоженные успехом нашего товара англичане послали образцы его как в Манчестер, так и некоторым индийским фабрикантам: последние заявили, что могли бы вырабатывать материя такого же качества только под

условием благонадежности заказчика. Это было в 1903 г. Вопрос этот тогда, вследствие недостаточности данных о размерах и ценах «махута», не получил должного разрешения.

Но в 1905 г. английский политический агент в Шагае опять поставил его на очередь, так как выяснилось, что цены на русскую бумажную ткань в Кветте в два раза превышают цены на тот же товар в Персии и, несмотря на это, он покупался жителями предпочтительнее перед подобными же материями английско-го или индийского производства. Тогда уже взялся за дело коммерческий департамент при индийском правительстве, который и собрал подробные сведения о нежелательном госте на индийском рынке. Расследования показали, что спросом пользовались: «бумажное сукно», «мильтон», «молескины» и плотный высшего достоинства сатин — все следующих цветов: желтого (хаки), темно-серого, темно-синего, светло-коричневого, светло- и темно-шоколадного. Ткани эти были трех различных качеств, причем охотнее покупались низшие сорта, как наиболее дешевые, предпочтение отдавалось цвету «хаки».

Вместе с тем коммерческий департамент устанавливает, что русский «махут шикан» все же не может считаться регулярной торговой статьей на кветтском рынке и что в Афганистане спрос на него сильнее, чем в Белуджистане. Таковое мнение нельзя признать основательным ввиду очевидной случайности партий русской мануфактуры на белуджистанском рынке, куда, вероятно, переправлялся предпринимателями персами или индусами избыток сеистанского базара, но описываемый факт интересен сам по себе как характеристика качества наших бумажных тканей, уже побивших в Персии добротностью подобные же манчестерские товары и вызвавших разнообразные подделки. Да и вкус туземца потребителя улучшается, и он уже не гонится только за одной внешностью и дешевизной.

Здесь представитель одной солидной амстердамской фирмы «Bombay Holland Trading Co», некто г. Ван Райком (van Ruycom), работавший долгое время в Персии и хорошо знающий нашу бумажную мануфактуру, которую он продавал в Исфагане по поручению Учетно-ссудного банка Персии, в беседе со мной неоднократно высказывал полную уверенность в успехе наших бумажных товаров на рынках Индии, если бы некоторые фирмы, сбросив обычную нерешительность, попытались завязать сношения с здешними купцами.

Главное препятствие, удерживающее наших коммерсантов от предприятия на восточных рынках, — это торговля в кредит и связанные с нею затруднения. Начав же дела с Индией при посредстве на первых порах солидной европейской, хотя бы только что названной мною фирмы, бомбейский агент которой известен с лучшей стороны нашему консульству в Исфагане и бывшему агенту Министерства финансов в Тегеране г. Грубе, наши мануфактуристы были бы гарантированы исправной и добросовестной уплатой.

Г. Ван-Райком специалист по своему делу и знает наши как московские, так и лодзинские изделия; по его убеждению, все ткани, тонкие и толстые, экспортируемые русскими фабрикантами в Персию, при крайней обширности и разнообразности индийского рынка, нашли бы здесь отличный сбыт.

В случае если бы было признано своевременным и желательным расширение наших торговых сношений с Индией, самой подходящей статьей для вывоза являлась бы именно бумажная мануфактура.

Отправка товаров могла бы производиться на русских пароходах до Коломбо или же на иностранных через Гамбург прямо в Бомбей, так как, к сожалению,

нию, заходы русских пароходов в Бомбей и другие индийские порты еще случайны⁴.

Первое время даже фирмам, пожелавшим работать здесь, не нужно было бы затрачивать суммы на командировку специальных агентов для изучения рынков, каковые, будучи новичками в стране, да еще русскими, неминуемо встретили бы на пути много затруднений; была бы вполне достаточной посылка той или другой фирмой хорошей систематической коллекции образцов, которая при посредстве Генерального консульства была бы передана в надежные руки⁵.

Необходимое условие, на которое составители коллекции должны обратить особое внимание, это — обозначение на каждом образце цены ткани не на рынке производства, а в порте получения — цена «сif», в которую входят стоимость товара, фрахт и страховка, в крайнем случае, если бы расчет фрахта и пр. до индийских портов был бы затруднителен, можно было бы ограничиться ценою товара в порте отправления, т.е., напр., «на борту» в Одессе или Гамбурге, чистая же московская или лодзинская цена не дает полной идеи стоимости ткани и может вызвать большие недоразумения, так как расчет провоза по русским железным дорогам здесь совершенно невозможен.

Затем, необходимо оговаривать, входят ли в данную цену расходы по упаковке, возможна ли какая скидка и проч. Вообще чем больше подробностей по отношению к образцам, тем сношения с местным туземным купечеством легче и определеннее.

В заключение считаю нужным присовокупить, что если бы кому-либо из наших мануфактуристов, решившихся выступить на индийском рынке, понадобились бы более подробные сведения по интересующим их вопросам, таковые с охотою, по мере возможности, были бы даны Генеральным консульством.

Управляющий консульством Чиркин.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 942, л. 46–48. Подлинник.

№ 165

*14 апреля 1908 г. — Донесение управляющего
Генеральным консульством в Бомбее С.В.Чиркина
товарищу министра иностранных дел К.Э.Аргиропуло
о торговле с Индией керосином*

Милостивый Государь Кимон Эммануилович,

В марте месяце тек[ущего] года совершенно ликвидировала свои дела в Индии известная по торговле керосином бакинская фирма «А.И.Манташев и Компания».

Начав несколько лет тому назад торговлю в Калькутте, сказанное товарищество распространило свою деятельность также на Бомбей и Карачи ввиду успеха предприятия.

Благодаря ли нежеланию владельцев фирмы, или недостаточной их предприимчивости, или каким-либо побочным обстоятельствам, но только благоприятный момент по открытию складов-цистерн был упущен, и когда выгодность дела начала падать, выяснилось, что борьба с незаметно пустившей здесь корни

Standard Oil Co.⁶, применившей систему цистерн, уже не под силу нашим предпринимателям, ввозившим керосин в жестяных бидонах, упакованных в ящики.

По-видимому, фирма очень мало обращала внимания на рапорты своих агентов, рекомендовавших своевременно постановку дела на более широких основаниях, и потеряла рынок, на котором керосин играет выдающуюся роль, а русский продукт, барыши по ввозу коего теперь пожинаяются иностранцами, пользуется репутацией наилучшего.

С глубочайшим уважением и совершенной преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

С. Чиркин.

На полях имеются рукописные пометы: «М[инист]ру Торг[овли]».

«Дайте мне один экземпляр для разговора с А.А.Гирсом». «Еще один рынок, который будет закрыт для нашего керосина».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 947, л. 98 и об. Подлинник.

Примечания

¹ Миткаль (от перс. «миткал») — суровая тонкая хлопчатобумажная ткань; полуфабрикат в производстве клеенки, дерматина и т.п.; из миткаля в результате красильно-отделочных операций получают ситец и бельевые ткани — мадаполам, муслин и др.

² Имеется в виду «дхоти» — кусок хлопчатобумажной ткани, обернутый вокруг бедер.

³ Молескин (англ. moleskin) — плотная (толстая), прочная хлопчатобумажная ткань, обычно окрашенная в темные цвета; применяется для изготовления спецодежды, рабочих и спортивных костюмов, обуви и др.

⁴ Регулярная линия между Одессой и российским Дальним Востоком с заходом во многие восточные порты существовала с последней трети прошлого столетия, когда рейсы осуществлялись Русским обществом пароходства и торговли, Добровольным флотом (в начале XX в. 24 рейса в год), а после 1900 г. — Русским Восточно-азиатским пароходным обществом, Северным пароходным обществом. Однако ни Бомбей, ни Калькутта регулярно не посещались. Только в середине 1908 г. была открыта срочная линия между Калькуттой и Владивостоком (см. док. № 208), Бомбей же и далее оставался для русских судов портом случайного захода.

⁵ Торговый музей, экспонировавший образцы российских товаров и призванный содействовать развитию русско-индийской торговли, был открыт при Генеральном консульстве в Бомбее в 1908 г. (см. док. № 212).

⁶ «Standard Oil Co.» («Стандарт Ойл Ко.») — крупная американская нефтяная компания, в начале XX в. — один из ведущих экспортеров нефти в Индию, главный конкурент английской нефтяной компании «Азиатик Петролеум Ко.» («Asiatic Petroleum Co.»).

№ 166–171

**6 октября 1907 г. — 14 июня 1912 г. —
Документы о постройке
и проектах строительства дорог,
соединяющих транспортные сети
России и Индии**

6 октября 1907 г. — Доклад дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе А.Д.Калмыкова¹ туркестанскому генерал-губернатору генералу от инфантерии Н.И.Гродекову² о завершении англичанами строительства первой колесной дороги из Индии до границ Российской империи

В Ташкент прибыли 29 сентября из Индии через Ладак, Каракорум и Памиры капитан Генерального штаба Половцов³ и М.С.Андреев⁴, командированный в Индию по высочайшему повелению по представлению Туркестанского генерал-губернатора и временно управлявший Генеральным консульством в Бомбее.

Оба названные путешественника, по их словам, встретили большие затруднения со стороны индийского правительства при получении пропуска через сухопутную границу Индии, причем им было разрешено проехать через самый восточный проход в Яркенд и запрещен проезд по вновь устроенным дорогам к нашей границе на Памирах.

Несмотря на это, нашим путешественникам частью расспросными сведениями, частью путем наблюдения с высот на нашей стороне Памиров удалось установить факт устройства англичанами колесной дороги из Индии (Читраль и Гильгит) до Аму-Дарьи (Пянджа), причем эти дороги двумя путями на перевал Дору и перевал Борогиль с одной стороны доходят до нашей границы на Памирах и следуют вдоль ее, а с другой — перерезывают восточный Афганистан (провинция Бадахшан) и выходят к Аму-Дарье против бухарского бекства Куляб.

Подробные сведения составляются капитаном Половцовым и г. Андреевым.

Таким образом, англичанам удалось установить первый колесный путь из Индии до Аму-Дарьи в таком месте, где противоположная бухарская сторона доступна для колесного движения.

Обстоятельство это придает особое значение восточной Бухаре, находящейся сравнительно вдали как от нашего контроля, так и от контроля центрального бухарского правительства.

Не вдаваясь в оценку стратегического и политического значения английских дорог, имею честь почтительнейше доложить, что вопрос о дальнейшей деятельности англичан с весны будущего года в припамирском районе приобретает особый интерес.

Подписал: дипломатический чиновник А.Калмыков.

С подлинным верно: дипломатический чиновник А.Калмыков.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1092, л. 38 и об. Копия.

21 января 1908 г. — Секретное донесение управляющего Генеральным консульством в Бомбее С.В.Чиркина товарищу министра иностранных дел

*К.А.Губастову⁵ об откликах индийской печати
на проекты строительства железной дороги,
соединяющей российскую и индийскую
железнодорожные сети*

Милостивый Государь Константин Аркадьевич,

Недавнее англо-русское соглашение⁶, как я имел честь сообщить Вашему Превосходительству донесением от 17/30 октября мин[увшего] года, № 80, привлекло особое внимание англо-индийской прессы, подвергнувшей всестороннему обсуждению не только текст его по существу, но и возможные последствия, и моя заметка показала бы далеко не полной без упоминания о проекте соединения наших среднеазиатских железных дорог с индийскими, проекте, если и не легко осуществимом, то настолько заинтересовавшем Индию, что он приковал к себе внимание здешней печати не менее, чем самый договор.

Новое к толкам за и против проведения рельсового пути в Индию через Европу дала статья «Нового времени», посвященная разбору некогда высказанных покойным П.М.Лессаром⁷ соображений по данному вопросу, вызвавших в самое последнее время горячую поддержку в лице сэра Томаса Холдича (Sir Thomas Holdich)⁸, посвятившего в «The Morning Post»⁹ большую статью в защиту идеи нашего дипломата.

Мнения, выраженные руководящими индийскими газетами о возможности видеть когда-нибудь под сенью великолепного Victoria Terminus¹⁰ поезда «Москва – Бомбей», весьма разнообразны в своих деталях, но сходятся в одном, а именно – соединении Индии с Средней Азией железной дорогой, неизбежное в будущем, трудно осуществимо в настоящем.

Придерживаясь порядка моего вышесказанного донесения, я позволю себе, основываясь на статьях русофоба «Times of India», резюмировать взгляды наиболее популярных здесь газет, что даст возможность отметить некоторые, не лишние интересы, подробности.

Глава индийской прессы видит два несомненных результата соглашения: требование уменьшения вооруженных сил страны и возрождение проекта соединения русской и индийской железнодорожных систем. Первое он считает пагубным, ибо трактаты не вечны и зависят от доброй воли заключающих их сторон, второе заслуживающим внимания, так как с доведением русской линии до Кушка и индийской до Чамана и вероятности железнодорожных рекогносцировок с одной стороны до Герата, а с другой – до Кандагара, не может быть и речи об изолированности Индии, и только участок Герат – Кандагар явится как нечто новое, неисследованное. Что касается до эмира¹¹, то еще год тому назад его согласие на проложение рельсов через афганскую территорию показалось бы фантастичным, теперь же, по ознакомлении владыки Афганистана с удобствами железных дорог, оно не покажется даже удивительным.

Но от этих общих соображений «Times of India» переходит к проекту г. Лессара и взглядам сэра Т.Холдича и усматривает коренную ошибку защитников проекта в игнорировании мнения Индии, а оно если и не враждебно, то, во всяком случае, и не благоприятно, так как пока выгода проложения нескольких сотен миль рельсов на безводном пространстве очень проблематична.

Возвращаясь к эмиру, надо предвидеть, что, даже при его сочувствии, Афганистан, с населением его, далеко еще не готов для железных дорог, чем и объясняется медленность сооружения Лой-Шильманского пути.

Мнение сэра Т.Холдича, что выгоды почтового контракта должны заставить Россию раз навсегда отказаться от мысли войны с Англией, газета считает полнейшим абсурдом, так как годовой доход в 200–300 тысяч фунтов стерлингов вряд ли удержит государство от необходимой войны.

Торговые выгоды для Индии от немедленного соединения ее со Средней Азией рельсовым путем представляются ничтожными.

Невзирая на вышесказанное, «Times of India» повторяет, что Афганистан не может быть вечно отрезан от остального мира, а Индия довольствоваться исключительно морским сообщением с Европой, и считает разрешение этих задач вопросом времени, которое вряд ли уже настало.

Разбирая соображения стратегического характера, высказываемые сэром Т.Холдичем, газета находит вполне допустимым, что «действительная граница Индии не охватывает только ее административную и политическую сферы, но простирается до северных пределов Афганистана, так как здесь индийская армия сойдется лицом к лицу с врагом», и в этом смысле постройка железной дороги через Афганистан желательна, так как Великобритания очутится в сильном затруднении, не имея легкого сообщения с пунктами, где впервые забряцает оружие.

«Проектируемая железная дорога уменьшит шансы войны, так как поставит Индию в более выгодные условия против России».

Признавая достаточную обоснованность последних выводов, «Times of India» не берет, однако, на себя ответственности предпочесть в стратегическом смысле оборудование железнодорожного пути поддержанию в первобытном состоянии обширной бесплодной области и склоняется к сохранению status quo в настоящее время.

По убеждению газеты, прямая линия из Индии в Европу, как естественный результат настоящих и последующих исторических событий, неоспорима, но в очень еще отдаленном будущем, причем несомненно лучшим направлением явится афгано-русское, преимущества коего пред месопотамским (Багдадская ж. д.¹²) или персидско-русским очевидны.

Весьма любопытны заключения калькутского «Englishman»¹, который горячо приветствует неожиданно возродившийся проект как вернейший удар Багдадской железной дороге, грозящей британским интересам в Персидском заливе сведением их к нулю.

К сожалению, соединение индийских железных дорог с русскими, полагает «Englishman», не так легко, как это кажется на первый взгляд. Не говоря уже о технических трудностях, более тяжелой задачей являлось бы получение согласия на проведение железной дороги со стороны эмира и его недоверчивых подданных. Но кроме Афганистана возможно еще и направление через Персию, где Россия в сфере своего влияния не замедлит, вероятно, выступить с оборудованием рельсовых путей, которые можно только приветствовать. Но и при самых благих намерениях пройдет еще много лет, прежде чем линии эти будут построены и даже после сооружения долго будут бездоходными, прорезая бедную, полупустынную и редко населенную страну, каковые соображения не пробудят строительной горячки.

Радужно настроенный «Advocate of India» не видит в проекте ничего неосуществимого и считает, что при известной дипломатической ловкости склонить эмира к разрешению воспользоваться Кандагар-Гератским направлением не представлялось бы трудным, так как линия прошла бы вдалеке от Кабула и северных провинций с их непримиримо фанатичным населением, выгоды же сообщения Индии с Европой сухим путем слишком очевидны, сокращая вдвое пробег из Лондона в Бомбей и освобождая от тирании пароходных компаний.

В случае, если бы Хабибулла-хан оказался упорным последователем теорий своего отца, т.е., коротко говоря, ярим противником железных дорог и прочих западных новшеств до тех пор, пока афганская цивилизация и независимость не проложат к ним пути, [тогда], не останавливаясь перед этим препятствием и преследуя идею включения Индии в европейскую железнодорожную сеть, можно было бы избрать направление через Персию.

Не говоря уже о разнообразных выгодах сообщения Индии с цивилизованным миром сухим путем, соединение индийских и русских железных дорог было бы свежим звоном в новой англо-русской дружбе.

Очень популярный в Индии «Pioneer», весьма сочувственно встретивший англо-русское соглашение, в данном вопросе оказался недоброжелательнее даже постоянного нападки на Россию и все русское бомбейского «Times»: «Припоминая недавние опасения русских англо-германского „железного кольца“, имеющего закрыть России доступ к Босфору и в Месопотамию и уничтожить плоды вековой работы в Средней Азии, понятна поспешность, с какой сразу после соглашения возродилась идея индо-русского пути в противовес опасности германо-багдадской линии... Отдавая должное русской предприимчивости и инженерному таланту, было бы нелепым принять предложение на основаниях, избранных русской прессой».

Склоняясь к мнению сэра Т.Холдича, что рельсовые пути не менее полезны защищающемуся, чем нападающему, газета не находит необходимым спешить с открытием дверей Афганистана, так как железная дорога может вызвать такие осложнения, устранение которых было одной из целей недавнего соглашения. Нелишне также считаться с эмиром, который, при всей своей просвещенности, в достаточной мере «сын своего отца», и факт игнорирования Хабибуллой-ханом вопроса о внутренней железнодорожной сети достаточно характеризует его возможное отношение к проекту соседей.

Таковы наиболее интересные мнения некоторых из руководителей индийской печати, с которыми в большей или меньшей степени солидарны и другие выдающиеся здешние периодические издания.

В последнее время живо заинтересовало было прессу известие о формировании якобы в С.-Петербурге особого комитета для обсуждения вопроса по соединению индийской железнодорожной системы с нашей, и прошел даже слух о выезде из Москвы специальной изыскательской партии инженеров, не нашедший себе, как и следовало ожидать, никакого подтверждения, и возбудивший такие толки и пересуды в печати и обществе вопрос остается открытым, готовый, несомненно, вновь ярко вспыхнуть при первом поводе, ввиду чрезвычайной своей жизненности и глубокого интереса.

Копии настоящего донесения препровождаются в императорское посольство в Лондоне и Туркестанскому генерал-губернатору.

С глубочайшим уважением и совершенной преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

С. Чиркин.

На полях имеются рукописные пометы: «Подробную выписку». «Военн[ому] м[инист]ру. М[инист]ру фин[ансов]; несколько экз[емпляров] в...» (далее неразборчиво. — Сост.).

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 947, л. 3-5. Подлинник.

*23 декабря 1910 г. — Донесение
Генерального консула в Калькутте Б.К.Арсеньева¹³
товарищу министра иностранных дел А.А.Нератову
об отношении англо-индийских властей к проектам
строительства индо-кавказской железной дороги*

Милостивый Государь Анатолий Анатолиевич,

27 сего декабря н.ст. в вице-королевском дворце состоялся большой парадный обед, по окончании коего я впервые имел случай беседовать с лордом Хардингом, между прочим затронувшим в разговоре, как я уже имел честь донести Вашему Превосходительству секретной телеграммой, вопрос о сооружении индо-кавказской железной дороги.

«К постройке этой линии, — сказал мне вице-король, — я отношусь так же сочувственно, как и сэр Эдуард Грей¹⁴, взгляды коего в данном случае совершенно совпадают с моими. Великий рельсовый путь, который, прорезав Персию и Балучистан, соединил бы Индию с Европой, явился бы не менее драгоценным для Англии, чем для России. Правда, не совсем так смотрят на дело некоторые из здешних моих сотрудников».

«Направление и освещение этого вопроса отсюда, из Индии, всецело зависит от Вас», — заметил я, зная, как безапелляционно звучит здесь голос вице-короля, перед которым покорно склоняются головы даже самых ярых его политических противников.

«Конечно, в конце концов это будет вероятно так, — с самодовольной усмешкой продолжал лорд Хардинг. — Могу сказать одно: я сделаю все от меня зависящее. Задача моя будет в немалой мере облегчена отношением к делу военных властей Индии. Они не только не противятся осуществлению проекта; напротив, они готовы всячески ему способствовать».

Я ответил вице-королю, что дружеские чувства к России главнокомандующего индийской армией известны императорскому правительству.

Затем лорд Хардинг поинтересовался узнать, насколько можно рассчитывать на поддержку предприятия русскими капиталами. «Мне отраднo было узнать от нашего посла в С.-Петербурге¹⁵, — добавил он, — что нынешний бюджетный год России закончится не дефицитом, а излишком, из чего можно заключить, что состояние русских финансов не затормозит постройки дороги».

Хоть и не имея никаких достоверных сообщений о настроении наших коммерческих кругов, я счел своим долгом заявить вице-королю, что, при условии сочувствия императорского правительства задуманному проекту, не может быть сомнения в том, что нужные капиталы найдутся. По поводу же бюджетного остатка я напомнил лорду Хардингу, что таковой был уже в прошлом году, после многих лет хронических дефицитов, только четыре года спустя по окончании последней войны, не ранившей даже России, а причинившей ей только легкую царапину, которая давно уже зажила.

Итак, в лице вице-короля Индии, с голосом коего не может не считаться английское правительство во всех вопросах, касающихся среднеазиатской его политики, родившийся в России, среди народных ее представителей, проект транс-персидского пути в Индустан имеет могущественного заступника, решительно страхнувшего с себя бремя вековых предрассудков, векового суеверного страха пред нашествием русского воинства в равнину священного Ганга.

Как ни важен сам по себе этот факт, нелишним, мне кажется, представляется выяснить, насколько сохранили здесь влияние темные силы, относящиеся с прежним предубеждением к нашему поступательному движению на юг от Каспийского моря; в каком направлении эти силы при нынешней политической конъюнктуре работают, какие планы замышляются ими в видах предотвращения нашего приближения к теплomu океану.

На эти вопросы некоторый свет проливает, мне кажется, заявление, сделанное мне на этих днях и[сполняющим] об[язанности] секретаря индийского правительства по иностранным делам, в дружеской беседе доверительно сообщившим мне, что на первой очереди здесь ныне стоит предположение о необходимости безотлагательно приступить — якобы для обеспечения доходности будущего индо-кавказского пути — к сооружению двух железных дорог — из Бендер-Аббаса в Керман и из Мохаммеры в Ханекин, т.е. именно тех двух линий, которые для первенствующего и безраздельного влияния Англии на юге Персии и для отражения возможного нашего наступления с севера представляются наиболее важными.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Б.Арсеньев.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 958, л. 106–108. Подлинник.

№ 169

20 января 1911 г. — Донесение

*Генерального консула в Калькутте Б.К.Арсеньева
товарищу министра иностранных дел А.А.Нератову
об обсуждении в Индии маршрутов индо-кавказского
железнодорожного пути через Персию*

Из секретных моих телеграмм от 14 и 15 сего января, отправленных мною по просьбе находящегося ныне в Индии нашего военного агента в Лондоне генерал-лейтенанта Ермолова, Ваше Превосходительство изволили в общих чертах осведомиться относительно различных проектируемых здесь направлений железной дороги, имеющей связать индийскую рельсовую сеть с трансперсидской магистралью.

В настоящем моем донесении считаю долгом представить на Ваше благоусмотрение некоторые касающиеся сего предмета подробности.

Детальным изучением вопросов, возникающих в связи с принципиально принятым здесь проектом сооружения великого индо-кавказского пути, занята особая, заседающая в Калькутте, созданная вице-королем комиссия, в состав коей, наряду с военными и гражданскими чинами, входят также представители торгово-промышленных сфер.

Комиссии сей предстоит прежде всего решить: во-первых, от какого пункта индийской железнодорожной сети должна быть поведена линия в Персию; во-вторых, по какому направлению эта линия пойдет; в-третьих, где произойдет смычка английской колеи с русской.

Начальник здешнего Генерального штаба сообщил генералу Ермолову, что военное ведомство высказывается решительно против мысли об использовании

железной дороги Карачи — Сиби — Кветта — Нушки в качестве головного участка индо-кавказского пути, находя, что дорога эта, на провозоспособности коей основан весь план мобилизации и перевоза индийских войск к южным пределам Афганистана, непременно должна сохранить нынешнее свое стратегическое значение, которое неизбежно будет ею утрачено, если по ней пойдет движение пассажиров и грузов великой магистрали. Основываясь на сих соображениях, означенное ведомство настаивает на том, чтобы исходным пунктом магистрали был избран г. Карачи. Ввиду вескости приводимых им соображений, мнение его относительно данного вопроса, вероятно, восторжествует.

Что касается направления имеющей прорезать Балучистан линии, то военные стоят за проведение ее вдоль Мекранского побережья, где она находилась бы под защитой английского флота. Наиболее желательным они считают вывести ее на Бендер-Аббас, дабы оттуда продолжить ее прямо на Иезд — через самую широкую полосу нейтральной персидской зоны. Если бы сооружение сего последнего участка встретило какие-нибудь серьезные возражения, они готовы были бы обсудить направление Бендер-Аббас — Бам — Керман — Иезд. Допускается ими также возможность принятия третьего, оставляющего Бендер-Аббас в стороне от магистрали, проекта, согласно коему линия, начинающаяся от Карачи и прошедшая вдоль Мекранского побережья до Чахбара, повернула бы от этого пункта на север и, миновав Бампур и Бам, вышла на Керман и Иезд. Во всяком случае проложение головного участка вдоль морского побережья — от Карачи по крайней мере до Чахбара — они признают совершенно необходимым.

Мнение гражданского ведомства склоняется в пользу проведения рельсового пути, который, пересекши Балучистан с юго-востока на северо-запад по линии Карачи — Сеистан, прошел бы затем на Керман и Иезд, причем из Кермана должна была бы быть выстроена ветка до Бендер-Аббаса.

Против такого направления военные возражают, что было бы весьма неосторожно открыть с запада Сеистан, эту житницу юго-восточной Персии и главный продовольственный базис на пути возможного движения вражеской армии из Персии в Индию.

Вопрос будет окончательно разрешен по прибытии сюда вновь назначенного секретаря индийского правительства по иностранным делам, известного знатока положения дел на афганской границе подполковника сэра Генри Мак-Магона¹⁶, который, как офицер англо-индийской армии, состоящий на службе в гражданском ведомстве, быть может, сумеет примирить противоречивые взгляды.

Наконец, наиболее подходящим местом для смычки русской и английской колеи здешние военные власти признают Бендер-Аббас.

Из вышеизложенного Ваше Превосходительство изволите усмотреть, что англо-индийские военные и гражданские власти покамест сходятся во взглядах по трем вопросам: о своевременности сооружения индо-кавказской магистрали; о необходимости ее проведения через центральную Персию, а не через Хорасан (какое направление, быть может, с военной точки зрения, было бы для нас выгоднее); и о желательности выхода ее к Персидскому заливу — непосредственно или путем постройки ветки от Кермана на Бендер-Аббас.

С глубоким почтением и пр.

С подлинным верно: колл[ежский] ас[ессор] Н.Бравин¹⁷.

АВПРИ, ф. 184 Посольство в Лондоне, оп. 520, д. 1366, л. 29–30. Копия.

30 сентября 1911 г. — Донесение
управляющего Генеральным консульством в Калькутте
Л.Х.Ревелиоти министру иностранных дел С.Д.Сазонову
о проекте Ч.Блэка¹⁸ строительства железной дороги
Порт-Саид — Нушки

Имею честь донести Вашему Превосходительству, что появившаяся в лондонском «Observer»¹⁹ статья о проекте постройки железной дороги, долженствующей соединить будто бы Порт-Саид с Нушки, вызвала в местной англо-индийской печати оживленные комментарии.

Инициатива упомянутого проекта принадлежит хорошо известному в Индии географу г. Чарльзу Блэк[у]. Основная идея его — выработать план постройки железной дороги, по возможности, на принадлежащей Англии или находящейся в сфере ее влияния территории.

Согласно проекту, задуманная линия начнется от Порт-Саида и пройдет по северной части Аравийского полуострова через Бассору, через нейтральную зону Персии до Кермана и от Кермана через Британский Балучистан до Нушки — конечного ее пункта. Таким образом, означенная дорога соединит сеть индийских железных дорог с Порт-Саидом и тем самым установит, с одной стороны, более скорое, чем по будущей Багдадской дороге, сообщение с Персидским заливом, при условии, конечно, постройки ветки от Бассоры к Ковейту, с другой же стороны, дорога эта, перерезав Багдадскую линию, ослабит ее значение и парализует немецкое проникновение в сферу британского влияния в Персидском заливе.

Разумеется, в проекте предвидится, что получение согласия персидского правительства на постройку упомянутой линии может встретить практические затруднения, вследствие несомненных стараний Германии помешать осуществлению проекта. Принципиальное согласие России на постройку дороги Порт-Саид — Нушки представляется здешней печати заранее обеспеченным, так как Россия, в свою очередь, будет-де требовать железнодорожных компенсаций в сфере своего влияния в Персии. Отношение Турции к проведению дороги через Аравийский полуостров вовсе не обсуждается.

Что касается природных препятствий и технических трудностей осуществления проектируемой дороги, то, по словам англо-индийских газет, они являются вполне преодолимыми. Г.Блэк, ознакомившись с местностью и условиями постройки, пришел к выводу о благоприятности конъюнктуры их для приведения в исполнение своей идеи.

В здешних правительственных и политических кругах проект Чарльза Блэк[а] считают преждевременным, и надо полагать, энтузиазм англо-индийской печати, вызванный мыслью о возможном противодействии поступательному движению Германии к Персидскому заливу, под влиянием других событий вскоре утихнет.

С глубочайшим и пр.

АВПРИ, ф. 184 Посольство в Лондоне, оп. 520, д. 1366, л. 121 и об. Копия.

*14 июня 1912 г. — Из доверительного письма
Генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова
товарищу министра иностранных дел А.А.Нератову
о признании торговыми кругами Индии необходимости
строительства железной дороги из Индии в Россию
через Персию и обсуждении ими маршрута этой дороги*

Вопрос о направлении английской части железной дороги через Персию, проект которой в настоящее время обсуждается, занимает не только индийское правительство, но и торговые палаты тех промышленных центров, которые рассчитывают извлечь из этого предприятия наибольшие выгоды. Внимание Вашего Превосходительства было, несомненно, привлечено возражениями, сделанными в английской прессе, и в частности в «Manchester Guardian»²⁰, против осуществления этого проекта. Считаю долгом отметить, что резко враждебный России тон этой газеты не встретил ни малейшей поддержки в Индии ни в печати, ни в среде торговой. Как ни живы еще в здешней прессе традиции того времени, когда всякое начинание, всякое движение России толковалось как вызываемое враждебными к России замыслами, — в этом случае доводы разума оказывались сильнее чувств недоверия и предубеждения. Самый факт постройки дороги из России в Индию через Персию не является пугалом, как встарь, и разговоры о том, что «Англия строит путь, по которому русская армия пройдет в Индию», признаются детским лепетом или, вернее, старческим брюзжанием. Мысль о соединении Индии с Европой железною дорогою, которая сократит чуть ли не втрое путь отсюда в Лондон, встречена здесь всеобщим сочувствием, и правительство, по-видимому, намерено продолжать нынешнею зимою изыскания, уже доведенные до Гвадора. Дорогу от Карачи до Бендер-Аббаса первоначально предполагено было вести по берегу моря, с тем, чтобы она находилась на расстоянии «пушечного выстрела», но план этот подвергся изменению, признано более удобным проложить его приблизительно в 15-ти милях от берега...²¹

В аргументации Торговой палаты, разумеется, первенствующее значение имеют соображения чисто экономического характера, и с этой точки зрения нельзя не признать их вполне вескими и заслуживающими внимания. Прямая дорога из Карачи в Исфаган, с небольшой подъездной веткой из Кермана в Бендер-Аббас, конечно, практичнее, нежели береговая дорога. И не только потому, что короче, не только потому, что прошла бы через крупные центры в Белуджистане и Персии, а также и потому, что, если верить свидетельству экспертов, береговая линия представила бы большие технические трудности и обошлась бы Англии гораздо дороже. Пришлось бы затратить капитал настолько крупный, что тариф оказался бы непомерно высоким и стеснительным для торгового обмена между Индией и Персией. Здесь указывают на то, что только проведение пути, имеющего главной целью облегчение сношений с Персией, способно дать Англии те же выгоды, которые извлечет из этого «совместного» предприятия Россия, ибо последняя стремится главным образом достигнуть этого облегчения.

Вице-королевское правительство еще не отозвалось на письмо Торговой палаты; инженер, производивший изыскания, на днях явился в Симлу, и в настоящее время вопрос о направлении дороги, по всей вероятности, обсуждается отдельными «ведомствами». Я не премину донести Вашему Превосходительству о

дальнейшем ходе этого дела, теперь же принужден ограничиться этими немногими строками, в которых я старался лишь отметить здешнее настроение, несомненно благоприятствующее осуществлению совместными усилиями России и Англии грандиозного предприятия.

С глубочайшим почтением и проч.

Верно:

Л.Ревелиоти.

АВПРИ, ф. 184 Посольство в Лондоне, оп. 520, д. 1366, л. 227–228. Копия.

Примечания

¹ Калмыков Андрей Дмитриевич в 1906 г. принял от А.А.Половцова дела дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе и прослужил в этой должности до 1912 г., затем был консулом и Генеральным консулом в Турции.

² Гродеков Николай Иванович (1843 — после 1913), генерал от инфантерии (с 1900), в 1906 г. — командующий войсками на Дальнем Востоке, с декабря 1906 по март 1908 г. — туркестанский генерал-губернатор, член Государственного совета.

³ Половцов Петр Александрович (1874–1964), русский военный, брат Генерального консула в Бомбее Половцова Александра Александровича, окончил академию Генерального штаба, в 1906–1914 гг. служил в Главном управлении Генерального штаба, два раза побывал в Индии, с 1916 г. — начальник штаба Кавказской туземной кавалерийской дивизии, с 1917 г. — генерал-лейтенант.

⁴ Андреев Михаил Степанович (1873–1948) до 1917 г. был чиновником военного ведомства, наряду со своими обязанностями по службе изучал языки и этнографию народов Востока, после революции полностью посвятил свою жизнь изучению языков и жизненного уклада народов Советского Востока, полевой работе, педагогической деятельности, руководя в качестве ректора первым в Средней Азии высшим учебным заведением востоковедного профиля — Туркестанским Восточным институтом (Ташкент), был избран членом-корреспондентом АН СССР (1929 г.).

⁵ Губастов Константин Аркадьевич (1845 — после 1908), русский дипломат, в 1866 г. окончил учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД, 1896–1897 гг. — вице-директор Азиатского департаamenta МИД, затем служил на различных посольских должностях, в 1906–1908 гг. — товарищ министра иностранных дел.

⁶ Имеется в виду англо-русское соглашение 1907 г. о разделе сфер влияния в Азии.

⁷ Лессар Павел Михайлович (1851–1905) окончил курс наук в Институте инженеров путей сообщения и поступил на службу в Министерство путей сообщения, в 1880–1884 гг. работал в Закаспийском крае, с 1884 г. — чиновник МИД, в 1890–1895 гг. — политический агент в Бухаре, 1896–1900 гг. — советник посольства в Лондоне, в 1901–1905 гг. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Китае.

⁸ Холдич, Томас Хангерфорд (1843–1929), чиновник англо-индийской администрации, с 1865 г. служивший в ведомстве, занимавшемся разного рода обследованиями, в том числе топографическими, межеванием и пр.

⁹ Газета «Morning Post» (полное название первоначально «Morning Post, or Cheap Daily Adviser») начала выходить в Лондоне в 1772 г., несколько раз меняла свое название.

¹⁰ Victoria Terminus — центральный вокзал в Бомбее.

¹¹ Имеется в виду афганский эмир Хабибулла-хан, который в январе 1907 г. нанес визит вице-королю Индии лорду Минто. В Индии он имел возможность убедиться в удобстве передвижения по железной дороге.

¹² Багдадская железная дорога (около 2400 км) соединяет Босфор с Персидским заливом; в конце XIX — начале XX в. концессия на ее строительство была предоставлена Турции Германией, что крайне обострило противоречия между Германией и Англией.

¹³ Арсенев Борис Константинович (1874 — после 1916) на службе в МИД с 1896 г., в 1908–1909 гг. — первый секретарь русской императорской миссии в Пекине, в 1910–1912 гг. — Генеральный консул сначала в Бомбее, затем в Калькутте, в 1913–1915 гг. — первый секретарь посольства в Румынии, в 1915 г. перешел на службу в Министерство внутренних дел.

¹⁴ Грей, Эдуард, лорд Феллодон (1862–1933), английский государственный деятель, в 1905–1916 гг. — министр иностранных дел.

¹⁵ Имеется в виду Дж. Бьюкенен.

¹⁶ Мак-Магон, Генри (1862–1949) — деятель англо-индийской администрации с 1890 г., в 1905–1911 гг. — политический агент в Белуджистане, в 1911–1914 гг. — секретарь по иностранным делам индийского правительства.

¹⁷ Бравин Николай Захарович (1881–1921), выпускник Восточного факультета Петербургского университета, в 1909–1911 гг. — драгоман Генерального консульства в Калькутте, затем работал в Абиссинии и Персии, впоследствии — первый советский дипломатический агент в Афганистане, убит в Кабуле.

¹⁸ Лицо не установлено.

¹⁹ Воскресная газета либерального направления «Observer» начала выходить в Лондоне в 1791 г.

²⁰ «Manchester Guardian» начала выходить в 1821 г.

²¹ Далее следует обсуждение маршрута железной дороги в Персии.

№ 172–173

22 октября 1907 г. — 8 мая 1908 г. — Документы о деятельности в Индии чиновника для усиления личного состава Главного управления Туркестанского края М. С. Андреева

№ 172

22 октября 1907 г. — Отчет чиновника для усиления личного состава Главного управления Туркестанского края М. С. Андреева о его поездке через Кашмир и Восточный Туркестан в Русский Туркестан

В начале мая текущего года я выехал из Бомбея, где проживал более года, с тем, чтобы кружным сухим путем через Кашмир и Китайский Туркестан попытаться вернуться в Русский Туркестан. Мой путь лежал через Дели, Агру и Лагор, и я останавливался ненадолго в каждом из этих городов. В Раваль-Пинди, расставшись с железной дорогой, я проехал на почтовых в Сринагар, главный город Кашмира, где прожил около месяца, поджидая капитана генерального штаба Половцова, с которым мы решили еще заранее продолжать наше дальнейшее путешествие совместно. Закупив в Сринагаре лошадей для себя, под верх и под вьюки, 18 июня мы выехали из Сринагара, а 17 августа прибыли на наш Таш-Курганский пост, проехав через Лех и Яркенд.

Теперь считаю уместным, затрагивая местами для ясности общую картину, коснуться в немногих словах того положения, в каком представлялись Пенджаб, долина Джелума и Кашмир во время моего проезда, оставляя в стороне другие провинции севера, не посещенные мною и про которые я мог бы сообщить только то, что появлялось в английских газетах, несоответственно расширив при этом рамки настоящего моего отчета.

То политическое брожение, в котором находится в настоящее время Бенгалия¹ и вспышки которого, проявляясь то там, то здесь, заставляют тревожно прислушиваться к индийской жизни все английское общество, в настоящее время проникло и в Пенджаб, хотя и в не такой сильной степени.

Несмотря на религиозную рознь между различными в религиозном, а иногда и в племенном отношении группами населения этой обширной провинции — рознь, очень искусно подогреваемую англичанами, несмотря на заигрывание последних с мусульманами², являющимися для англичан противовесом в отношении сильно озлобленной на них массы индусского населения*, признаки этого движения, сказавшиеся и в случае с бунтом в Раваль-Пинди³, и в легких вспышках и в некоторых других местах, довольно сильно бросаются в глаза. В настоящее время очень трудно сказать, чем все это кончится. Конечно, религиозная рознь среди населения Индии, это ее самое существенное несчастье, являлась и является всегда самой сильной помехой в дружном проведении каких бы то ни было предприятий, инициатива которых возникла бы среди населения страны. Англичане всегда пользовались этой слабой стороной очень умело, и это, может быть, единственная причина столь продолжительного господства их в Индии. И на этот раз, наверное, можно сказать, что благодаря этой характерной черте Индии в ближайшем будущем настоящее волнение кончится ничем, но силы и условия, его вызвавшие, останутся те же, и со временем это может дать другие результаты. Вернее всего, что английское правительство добровольно и постепенно будет давать многое из того самоуправления, которого добиваются индусы, как это оно делало с Канадой и Австралией и намеки на что можно видеть, следя за английской политической жизнью.

В Пенджабе, как я уже упомянул, брожение проявилось пока значительно в более легкой степени, чем в Бенгалии, к большому счастью для англичан. Те англичане, с которыми мне приходилось говорить на эту тему, откровенно сознавались, что если бы волнение проникло в Пенджаб в том же размахе, как оно охватило Бенгалию, то это могло бы создать для англичан самые серьезные осложнения, так как с Пенджабом, населенным воинственными племенами⁴, не похожими на трусливых бенгальцев, справиться в случае восстания было бы несравненно труднее.

Причины неудовольствия населения очень сложные и кроются довольно глубоко. С одной стороны, развивающееся «национальное самосознание» в Индии сделало за последние годы шаги вперед. Много приложили к этому руки и сами англичане, устраивая школы и высшие учебные заведения для туземцев, давая им по программе то же самое образование, что и для себя, но совершенно не давая тех же прав на занятие должностей. Такие, чаще всего нахватавшиеся только верхов европейского образования туземцы, считая себя совершенно сравнявшимися с англичанами, естественно, должны были испытывать уколы самолюбия и

---

* Я придерживаюсь для краткости англо-индийской терминологии, подразумевающей под индусами — индусов браманистов, [под] мусульманами — индусов-мусульман и т. д. (примеч. автора).

материальное разочарование на каждом шагу при существующем отношении англичан к туземцам.

Непрекращающиеся голод и эпидемия чумы, приписываемые часто туземцами происходящими от англичан, тоже играют значительную роль. В Пенджабе чума за последнее время приняла действительно ужасающие размеры. Один английский офицер, служащий в Пенджабе, в откровенном разговоре со мной сознался, что официальные цифры смертности намеренно неточны и что действительность значительно превышает данные, приводимые в бюллетенях. На выраженное мною удивление, почему правительство недостаточно борется с эпидемией, мой собеседник намекнул мне, что население в Пенджабе слишком увеличилось и что гораздо лучше не препятствовать этому жизненному закону, по которому сами собою возникают обстоятельства, способствующие разрежению населения. Налоги всякого рода, вообще довольно тяжело ложащиеся на население, всегда порождали недовольство. Новый аграрный закон, примененный в Пенджабе⁵, породил случаи открытого возмущения, русско-японская война тоже не осталась без влияния и, произведя сильное впечатление на индусов, очень вскружила им головы. Мне приходилось слышать от многих англичан сожаление о том, что она имела место, так как это дало совершенно неожиданный для них рефлекс среди масс индусского населения. Увлечение Японией и желание подражать ей повело даже к тому, что в Лагоре открылась школа для обучения японскому языку, закрытая потом англичанами.

Англо-индийское правительство, несмотря на нападки английской прессы на его бездеятельность, на самом деле очень энергично борется с существующим брожением среди туземцев. Надзор за политическими агитаторами, собраниями туземцев и проявлениями вообще туземной общественной жизни ведется очень бдительно, и на сыскную полицию тратятся громадные суммы. Так как главными противниками англичан являются индусы, то английское правительство старается всячески привлечь на свою сторону их религиозных недругов мусульман, стравливая их одновременно с индусами. Как то, так и другое по большей части им удается. Хотя и есть среди мусульман некоторые партии, производящие единения с индусами на почве принципа «Индия для индусов» (в данном случае подразумеваемая индусов вообще), но число их незначительно, и большая часть влиятельных мусульман, стоящих во главе населения, за кое-какими исключениями, находится на стороне правительства Индии.

Такая политика англичан в отношении мусульман, являясь спасительной для первых при настоящем положении и очень выгодной для вторых, таит, однако, на мой взгляд, и возможность серьезной опасности для англичан в будущем в другом направлении. Дело в том, что мусульмане Индии, воспитанные в вековой вражде к прочим религиям, с которыми им приходится сталкиваться на каждом шагу, главным образом с кастовой нетерпимостью индусов, и очень много унаследовавшие от последней при первоначальном своем обращении в мусульманство, очень развили в себе чувство сплоченности и религиозной нетерпимости, будучи подготовлены к этому частыми столкновениями с индусами на религиозной почве.

Индийский мусульманин несравненно фанатичнее своих единоверцев, населяющих наши Средне-Азиатские владения. Он, например, ни за что не съедет есть вместе с иноверцем или не прикаснется к пище, изготовленной последним⁶. Англичане, разговаривавшие со мной, бывали всегда очень удивлены, узнав, что наши мусульмане довольно часто едят и пьют вместе с нами. На северо-западной границе некоторые муллы в своем религиозном фанатизме дошли даже до того,

что издали фатву, в которой разрешается говорить ложь неверным и воровать у них. Такое нетерпимое отношение к иноверцам, естественно, должно было выработать чувство сплоченности и желание ревностно поддерживать своих единоверцев при их столкновении с последователями других религий. Турецкий Генеральный консул в Бомбее в разговоре со мной рассказал мне, что во время последней русско-турецкой войны громадные суммы были собраны среди индийских мусульман и отправлены в Турцию. Дальнейшее показало, что эта сила религиозного чувства не только сохранилась по настоящее время, но, пожалуй, еще более развилась и окрепла.

В индийских мусульманах очень сильно стремление и к политическому объединению на религиозной почве⁷. Имя турецкого султана как повелителя правоверных (амир-уль-муминин), халифа, пользуется громадным уважением и престижем. В день его восшествия на престол вечерняя иллюминация мусульманских домов бывает несравненно более блестящей, чем устраиваемая в день восшествия на престол короля. Хутьба читается в индийских мечетях на имя турецкого султана.

Отражение этой преданности султану перешло и на Германию⁸, которая пользуется репутацией спасительницы султана из разных бед, устраиваемых ему другими державами. Мне доводилось слышать английских мусульман, которые говорили, что раз турецкий султан, их законный владыка, не может завладеть Индией, то хорошо, если бы это сделали немцы, его друзья. Есть основание думать, что в более или менее сильной степени симпатии к Германии на почве ее дружбы к турецкому султану имеют место, в особенности в недавнем прошлом в мусульманском мире, даже среди населения Афганистана.

Что же касается последнего, то притязания его эмира⁹ на титул повелителя правоверных вносят некоторую шероховатость в отношения Афганистана к Турции. Индийские мусульмане, считая султана за калифа, не признают за эмиром прав на этот титул, хотя тем не менее они вообще относятся к Афганистану с большими симпатиями, а прогресс Афганистана за последние годы, очень раздуваемый индийской мусульманской печатью, заставляет их гордиться своими единоверцами. Можно с некоторым основанием предположить, что если Хабибулла-хан ничего не сделает, чтобы испортить доброе настроение к Афганистану индийских мусульман, то в случае войны англичан с Афганистаном теперь на севере Индии будет восстание мусульман в пользу эмира, а мусульманские части англо-индийской армии если и будут драться, то против самих же англичан, переходя на сторону афганцев. В особенности можно быть уверенным в этом результате, если эмир откажется от своих притязаний на титул повелителя правоверных и заручится полной симпатией Турции.

Политика заигрываний англо-индийского правительства с мусульманами и искание в них поддержки очень придало мусульманам сознания своей силы и самоуверенности. Если прибавить к этому, что индийский мусульманин обыкновенно является более храбрым и физически сильным, чем индусы, если сказать, что число их растет и крепнет с каждым днем, так как почти не бывало случаев отречения мусульман от своей религии, а принятие мусульманства индусами совершается то и дело, и проповедь обращения ведется очень деятельно, то после этого становится ясным, что индийские мусульмане представляют громадную силу в своей религиозной сплоченности, с которой англичанам придется очень сильно считаться в тот момент, когда почему-либо их затронутое религиозное чувство будет обращено против англичан. Недавние примеры из индийской жизни подтверждают это. Стоит только вспомнить войну 1897—1899 гг.¹⁰ с неболь-

шой горстью горных племен, в которой англичане оказались бессильными, несмотря на все свои старания разгромить неорганизованного противника, поддерживаемого симпатией своих единоверцев среди англо-индийских войск. Кончилось тем, что англичане совсем не были в состоянии посылать свои мусульманские войска, так как последние или отказывались драться, или, что бывало хуже, переходили на сторону противника. Если взять другие концы Индии, то в жизни многих из них можно найти характерные примеры для подтверждения вышесказанного. В Бомбее, например, во время бунта, бывшего несколько лет тому назад, мусульманский кавалерийский полк, прибыв в Бомбей и узнав о своем назначении, сложил оружие и заявил, что драться со своими единоверцами не желает. Относительно общего настроения мусульманского населения в Индии в настоящее время стоит обратить внимание на недавний дружный протест индийских мусульман против действий Англии во время прошлогодних осложнений с Турцией на египетской границе¹¹ — протест, вызвавший изменение дальнейшей политики Англии по этому вопросу. Можно было бы привести довольно много характерных случаев в доказательство приведенного мнения, но это заняло бы слишком много места. В силу последнего же обстоятельства я избегну изложения своего впечатления об афганской политике англичан, а равно и возможном исходе, в случае столкновения последних с Афганистаном.

Из Раваль-Пинди в Кашмир мой путь пролегал по очень хорошо разработанной колесной дороге вверх по долине р. Джелума. Так как эта дорога является самым важным из путей, связывающих Кашмир и соседние с ним страны с Индией, и по ней предполагается провести ж.д. путь, то я позволю себе сказать о ней несколько слов. Есть два проекта провести полотно от ж.д. магистрали Лагор — Пешавер к Мерри (Murree), летней санитарной станции¹², находящейся в 37 милях на северо-востоке от Раваль-Пинди. Один из самого Раваль-Пинди, а другой от Хасан-Абдала. Через 27 миль далее от Мерри встречается р. Джелум, и путь идет вверх по ней до Барамуллы (на протяжении 98 миль). Это самая трудная часть пути. Колесная дорога, проходящая здесь в настоящее время, разработана прекрасно, но случаи, когда она закрывается для движения, бывают очень часты благодаря главным образом селям, снежным и каменным обвалам и в особенности снежным заносам зимой. Тесно сдвинувшиеся высокие горы, образующие долину р. Джелум на этом протяжении ее течения, заставляют идти дорогу часто под высокими обрывами, и это составляет постоянный источник для вышеназванного рода препятствий. Вообще можно сказать, что предлагаемую ж[елезную] д[орогу] провести будет очень трудно, а в проведенном виде она будет часто страдать от селей и обвалов. В настоящее время, при проезде моем по долине р. Джелума, к работам приступлено еще не было и виднелись только знаки, показывающие направление предполагаемого пути. На некотором протяжении на левом берегу, где проходила и почтовая дорога, шло новое направление, на правом виднелись следы старого, оставленного.

Проживающий в настоящее время в Кашмире и прекрасно знающий положение дел на севере Индии полковник Эдвардс¹³, а потом и другие англичане рассказывали мне, что проведению ж[елезной] д[ороги] очень противится кашмирский магараджа¹⁴, боящийся, что его страна потеряет тогда и последние остатки независимости. Он же очень сильно противится устраиваемой в настоящее время ниже Барамуллы эксплуатации р. Джелума для добычи электрической энергии. Мне передавали, что магараджа предполагал выкупить все предприятие с тем лишь, чтобы оно не приводилось в исполнение.

Магараджа кашмирский вообще очень боится усиливающегося наплыва англичан в его страну, проявляющегося пока только в летнее время, в виде наезда туристов. Чтобы не дать англичанам возможности прочно обосноваться в его владениях, он до сих пор не позволяет им приобретать в свою собственность земельные участки, так как боится, что с образованием большой постоянной колонии англичан они потребуют для себя особого управления, а затем постепенно последуют и прочие стадии перехода страны в их руки. Отношения его к англичанам довольно шероховаты. Теперешний английский резидент полковник Юнхэзбэнд¹⁵ считается среди англичан очень ловко выполняющим свою задачу по руководству делами магараджи и управлению Кашмиром, но мне довелось слышать, что, по крайней мере раньше, из различных вопросов по управлению Кашмиром у англичан с магараджей бывали серьезные затруднения. Одной из мер для усмирения строптивного магараджи было уничтожение его собственных почтовых марок (кашмирские марки остались только для оплаты телеграмм). По-видимому, магараджа при случае все еще не упускает в пределах возможности подчеркнуть свое мнение о независимости его страны. Года три тому назад, когда все вздрожало после бывшего большого наводнения, толпа народа, явившаяся жаловаться магарадже на поднявшиеся цены на хлеб, была разогнана, а выборный для переговоров схвачен и арестован. Собравшаяся снова толпа отбила своего выборного и двинулась к дому резидента с просьбой о понижении цены. Резидент вышел к народу, нашел просьбу справедливой, обещал свое полное содействие, но тем не менее толпа была снова разогнана посланным магараджей отрядом, а те, кто считался главными зачинщиками, были посажены в довольно большом числе в тюрьму за то, что ходили жаловаться английскому резиденту. При одном столкновении магараджи с англичанами у него было даже отнято одно время совершенно [право] вмешательства в дела страны, и власть возвращена была только спустя довольно продолжительное время, т.е. был применен тот же способ наказания, который англичане вообще применяют к несговорчивым индийским раджам.

Население собственно Кашмира, состоя из мусульман, находится под властью довольно небольшого числа индусов, управляющих страной¹⁶. Правда, можно думать, что индусы и здесь не пользуются особенной любовью мусульманского населения, которое, вероятно, с удовольствием попыталось бы свергнуть их владычество, превосходя их при этом значительно в численном отношении, но нужно хоть раз видеть кашмирцев, чтобы ясно понять причину такого странного на первый взгляд порядка вещей. Кашмирец действительно оправдывает свою заслуженную репутацию лживости, жадности и трусости. Это народ совершенно неспособный организовать войско или свергнуть чужеземное иго, так как для этого потребовалось бы самоотвержение и храбрость — качества, совершенно отсутствующие у кашмирцев. Небольшая армия магараджи, вероятно не превышающая 5 тыс. человек¹⁷, вербуются исключительно из уроженцев Джамму, кашмирцы же тщательно избегаются. Несмотря на большое расстояние, удаляющее Кашмир от центров теперешнего волнения в Индии, волны последнего докатились и досюда. Прилагаемый при настоящем отчете экземпляр «объявления», подписанный магараджей и расклеенный повсеместно, показывает меры, принимаемые местной властью к удержанию населения в порядке. Само собой, здесь гораздо меньше опасности, чем в Пенджабе, но панический страх, охвативший правящие круги при мысли о возможности нового восстания в Индии, проник, по-видимому, и сюда. В известной мере это оправдывается и действительностью. В долине Дже-

лума, при вспыхнувшей на этот раз с большой яростью холерной эпидемии, можно было опасаться на самом деле беспорядков, так как среди встревоженных жителей долины стали усиленно циркулировать слухи о том, что англичане стараются уничтожить местное население, отравляя для этого питьевую воду. Я не могу удержаться, чтобы не рассказать про один маленький, незначительный сам по себе случай, но очень характерный для современного положения вещей в этой части долины р. Джелума. Приехав в Барамуллу, я вышел на берег Джелума и, ушедши от толпы, окружившей Dak Bangalow¹⁸, вышел на место, где никого не было, кроме одиноко сидящего и смотревшего на реку туземца. Как-то мы разговорились, и он мне высказал в очень мягкой форме (принимая меня за англичанина), что население очень недоволено, что все дорожает, и приписывает это наплыву европейцев в Кашмир. Говорил, что их приезжает с каждым годом все больше и что потом они и совсем завладеют страной. «Вообще, саибы нас и за людей не считают, а смотрят как на рабочую скотину, полезную для них». «Конечно, есть разные саибы», — сказал он, желая смягчить свои выражения, полагая, что обидел меня.

Я не думаю, чтобы туземец несколько лет тому назад решился бы говорить такие слова тому, кого он принимает за англичанина, а заключение о взгляде англичан на туземцев, очевидно, заимствовано из уст агитаторов настоящего движения.

Из Сринагара я выехал 8 августа в Ладак, начав свое путешествие верхом, продолжавшееся до г. Оша. Я постараюсь не загромождать страниц подробным описанием пути по Кашмиру и Ладаку, как и теми данными про эти страны, которые можно встретить в английских путеводителях и описаниях путешествий. О Ладаке позволю сказать несколько слов, касаясь теперешнего положения страны.

Будучи населен тибетцами, Ладак тем не менее находится, как известно, в полной зависимости от Кашмира и управляется индусами, владеющими последним¹⁹. В главном населенном пункте Ладака — Лехе живет кашмирский губернатор, который управляет страной под надзором английского British Joint Commissioner'a*, понимая слово Joint (соединенный) в смысле совокупности его власти с ладакским губернатором-кашмирцем.

Капитан Кемпбелль²⁰ — единственный англичанин в стране. Другие европейцы — это несколько миссионеров немцев моравской церкви²¹, проживающие в том же Лехе. Одним из них издается маленькая газета — единственная, выходящая на тибетском языке. Телеграф доходит только до Леха. Дорога от Сринагара исключительно вьючная, но разработана довольно хорошо. Я слышал, что заведование этой дорогой принадлежит всецело англичанам, которые, кроме того, выгородили полосу отчуждения по 3 мили в обе стороны от дороги. Мне рассказывали, что это сделали с той целью, чтобы, в случае возникновения каких-либо препятствий со стороны магараджи, англичане имели бы возможность распоряжаться этой дорогой самостоятельно.

Старый король Ладака²² жив до сих пор и живет в деревне на левом берегу Инда, отведенной ему кашмирским правительством как оброчная статья, доходы с которой идут в его пользу. Сын его учится с мальчишками Леха в общей школе, и вообще король и его семья живут сравнительно очень бедно. Население страны тем не менее относится к нему по старой памяти с большим уважением. Ладак в общем страна крайне бедная. Пастбища для скота очень ограничены и

---

* British Joint Commissioner (англ.) — британский объединенный комиссар (сост.).

плохи, и население с трудом прокармливает себя, разрабатывая в горных долинах места, имеющие воду и сколько-нибудь доступные для земледелия. В общем, Ладак по характеру местности и его селений во многом напоминает верховья реки Пянджа. Своего хлеба в Ладаке почти всегда не хватает, и его, несмотря на довольно значительное расстояние, подвозят из Сринагара. Во время моего пребывания в Лехе во многих деревнях на левом берегу Инда был голод и мне рассказывали про случаи голодной смерти среди населения.

Отчасти вина в этом голодании лежит на англичанах. Так как через Ладак проходит из Кашмира главный и почти единственный караванный путь, связывающий Индию с Восточным Туркестаном, то англичане, желая поддержать во что бы то ни стало торговое движение на этом пути, употребляют все усилия, чтобы привлечь купеческие караваны из Яркенда и Хотана на индийские рынки, главным образом для вывоза английских и индийских товаров в Восточный Туркестан и завладения рынками последнего. Так как существующий путь проходит по очень высокой местности, где пастбищ почти нет и где население отсутствует в значительной части пути*, то на остаток местности, где имеется население, ложится задача питать караваны, проходящие через него, а также снабжать припасами почти на всю дорогу караваны, отходящие из Леха в Восточный Туркестан. Чтобы облегчить для караванов эту задачу питаться и тем привлечь купцов приезжать за европейскими товарами в Индию, а не в Россию, англичанами применена целая система снабжения торговцев нужными для питания людей и животных припасами, очень тяжело ложащаяся на местное население. Для этой цели подати, взимаемые с полей натурой и при этом в очень высокой степени обложения, собираются по дороге от Сринагара до Панамика, последнего ладакского селения по дороге в Яркенд, в особые склады, из которых отпускаются по установленной норме за плату только проходящим караванам. Местное население, голодая, если даже и имеет деньги, не имеет доступа в эти продовольственные магазины. Ко мне раза три обращались тибетцы, давая деньги и прося купить им хоть немного муки, обратившись в магазин якобы от меня, так как при проезде мы были приравнены к яркендским купцам...²³

Заговорив о выдающихся качествах нашего красного товара, я не могу удержаться, чтобы не выразить мысль о возможности основания торговли некоторыми нашими тканями, главным образом ситцами и чертовой кожей и на севере Индии. Вкусы и потребности на юге Афганистана, в Кашмире и Северо-Западной провинции — первоначальном районе нашего возможного в будущем рынка — значительно приближаются к таковым туземцев Средней Азии. Несмотря на то что попыток ввозить наш красный товар в Индию до сих пор почти не было, есть основания предполагать, что, при умелой и разумной организации этого дела, его существование и развитие могут вполне иметь место. Те немногие куски ситцев, которые случайно проникли в Кашмир, раскупались с большим удовольствием, и мне доводилось слышать потом сожаления, что нельзя было достать более. Что же касается нашей чертовой кожи, то правда в небольшом количестве, но она постоянно привозится в Кашмир и Тибет, идя через Восточный Туркестан и выдерживая непомерный фрахт. В Ладаке можно встретить среди туземцев даже наши сукна, привозимые тем же путем, а в Кветте и Пешавере наши фар-

---

* От долины Нубры до Сугета, на расстоянии 10 дней пути, есть только хижина, двое тибетцев, посылаемых туда на летнее время показывать брод через р. Шайот, и кроме этого нет ни души (примеч. автора).

форовые чайники и чашки того типа, который распространен среди среднеазиатских туземцев.

В случае устройства нашей торговли в Индии, само собой, не может быть и речи о посылке товаров очень трудным и дорогим сухим путем. Морской путь из Одессы на Карачи, давая очень дешевый провоз, поставит наши ситцы и чертову кожу, а также некоторые другие товары в условия свободного сбыта и успешной конкуренции.

Несмотря на отдаленность Восточного Туркестана от правящих центров Индии, отделенного еще к тому же от последней труднопроходимыми горами, англичане проявляют там большую деятельность. Старательно поддерживая, вопреки невероятным условиям, свою торговлю с Восточным Туркестаном, они поощряют своих подданных селиться там и заводить торговые операции, оказывая им полное содействие и защиту. Число последних, а равно и английское влияние в Восточном Туркестане за последние годы значительно увеличивается. Большая часть из них (в Яркенде с ближайшими окрестностями около 200 чел.) — индусы из Шикарпура, занимающиеся ростовщичеством. Есть и мусульмане — кашмирцы и баджаурцы, которых менее, чем индусов. Английский агент Макартней²⁴ всячески старается умножить и пригреть своих подданных, принимая в их число даже потомков из Индии. К сожалению, быть причисленным в наше подданство, по видимому, гораздо труднее. Местный аксакал мне говорил, что он принимает в число русских подданных только людей более зажиточных, что иначе от выходцев из Русского Туркестана не было бы отбою. Может быть, это и имеет свои хорошие стороны, но, казалось, еще выгоднее для нас иметь большее число наших подданных, так как это могло бы несколько содействовать распространению нашего влияния и дало бы нам более права настаивать на таковом в Восточном Туркестане.

Число наших зарегистрированных подданных в настоящее время в Яркендском оазисе, по данным, сообщенным мне нашим Яркендским аксакалом, следующее:

В Яркенде русских подданных мусульман	161 человек
В Каркалыке	25 человек
В Гума	12 человек
Всего:	198 человек

17 августа я прибыл на наш Таш-Курганский пост, оттуда, проехав через озеро Зор-Куль по верховьям Пянджа (через посты Кизил-Рабатский, Лянгарский, Ишкашимский и Хорогский), 26 сентября прибыл в Ош, проследовав через Памирский пост и Гульчу.

За время путешествия, начиная с Леха, я вел дневник с описанием пути и производил метеорологические наблюдения для определения высот при помощи трех барометров, сухого и смоченного термометров и кипятивника.

Таких пунктов мною определено около 70. Кроме того, мною было сделано около 200 фотографических снимков на 13 × 18, большая часть которых приходится на путь из Кашгара до Яркенда.

Андреев.

8 мая 1908 г. — Письмо товарища министра иностранных дел гофмейстера Н.В.Чарыкова начальнику Генерального штаба Ф.Ф.Палицыну с рекомендацией М.С.Андрееву посетить Китайский Туркестан

М.Г. Федор Федорович,

Председатель Общества Востоковедения²⁵ уведомил меня, что Совет названного общества командует в Среднюю Азию Михаила Степановича Андреева, причем доставил мне подробную программу предполагаемой поездки господина Андреева, подписанную Председателем Средне-Азиатского отдела Общества Востоковедения, генерального штаба полковником Снесаревым²⁶. Г. Андрееву, поставившему себе целью посетить южный склон Гиндукуша и изучить там местные наречия, предлагается в этой программе собрать сведения об Индии, как возможно и рынках для сбыта наших товаров, могущих иметь особенно хороший сбыт в Северной Индии.

По этому поводу я высказал генерал-лейтенанту Шведову некоторые соображения, сущность которых сводится к нижеследующему.

Нашим соглашением с Англией 1907 года положено было в развитии англо-русских отношений на азиатском материке начало новому фазису, который должен сменить прежнее вековое соперничество обеих Держав. Однако со времени заключения Соглашения протекло еще слишком мало времени, чтобы можно было серьезно рассчитывать на наступление полного взаимного доверия между обеими сторонами. Нельзя не признать, что особенно в Англии далеко еще не улеглись старые подозрения насчет воображаемых притязаний России на Индию. Прямым следствием этого продолжающегося еще чувства является то, что подступы к Пригиндукушскому району крайне ревниво оберегаются англичанами, все еще видящими в каждом мелком, незначительном событии угрозу английскому владычеству в Индии. За самое последнее время сильную тревогу в Англии вызвали наступившие в начале апреля текущего года серьезные осложнения на индо-афганской границе. Принимая все это в соображение, Министерство иностранных дел считало бы намерение господина Андреева посетить северо-западную часть Индии крайне несвоевременным. Со стороны Министерства не встретилось бы препятствий к поездке господина Андреева в Китайские среднеазиатские владения, так как это не могло бы иметь тех неблагоприятных последствий, которых можно ожидать при посещении им Индии.

Предполагая вследствие письма Вашего Высокопревосходительства на имя гофмейстера Извольского от 31 декабря 1907 г. № 847/2282, что М.С.Андреев кроме общей программы от Общества востоковедения имеет еще, быть может, и какое-либо специальное поручение от Главного управления Генерального штаба²⁷, позволяю себе выразить надежду, что ввиду общего тревожного положения на индо-афганской границе и нежелательности для нас возбуждения подозрительности англичан на наш счет — Генеральный штаб, если бы впредь возникло предположение о командировании кого-либо в Индию, найдет соответственным, предварительно принятия каких-либо мер в этом направлении, входить в сношение с Министерством иностранных дел.

Передавая Вашему Высокопревосходительству об изложенном, пользуясь настоящим случаем, чтобы просить Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Чарыков.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1024, л. 92–94. Черновик.

Примечания

¹ В 1905 г. вице-король Индии лорд Керзон для ослабления национально-освободительного движения, особенно сильного в Бенгалии, разделил эту область на две части: восточные и северные округа были присоединены к Ассаму и образовали новую провинцию Восточная Бенгалия и Ассам с преобладающим мусульманским населением, а западные округа были объединены с Бихаром и Ориссой и составили провинцию Бенгалия с преобладающим индусским населением. Отмена этого раздела стала основным лозунгом антибританского движения в то время. В 1911 г. раздел территории, населенной преимущественно бенгальцами (индусами и мусульманами), был отменен. Была образована провинция Бенгалия и отдельно от нее провинции Бихар, Орисса и Ассам.

² Автор имеет в виду политику «разделяй и властвуй», которая заключалась в том числе и в противопоставлении представителей этих двух основных для Индии религий. Одним из шагов в этом направлении было введение впоследствии куриальной избирательной системы, при которой мусульмане при выборах по своей курии имели более низкий имущественный ценз и большее число мест по отношению к численности мусульман среди всего населения.

³ 21 апреля 1907 г. в Равалпинди состоялся митинг, на котором прозвучали призывы к свержению английского ига. В начале мая организаторы митинга были вызваны в полицию, куда они явились в сопровождении нескольких тысяч рабочих железнодорожных мастерских. 45 человек было арестовано и без суда выслано в Бирму.

⁴ По-видимому, имеются в виду сикхи, из которых в значительной степени формировалась англо-индийская армия, а также афганские племена пуштунов, афридиев и др.

⁵ В 1906 г. в Пенджабе проводился очередной пересмотр ставок земельного налога, который привел к их значительному росту.

⁶ Индийские мусульмане, являясь меньшинством, переняли многое из давних традиций страны, в том числе нередки и деление на касты. Кроме чисто мусульманских социальных групп моголов, шейхов, сейидов и др. существовали параллельные (более или менее равные по статусу и по занятиям) мусульманские и индусские кастовые группы землевладельцев, ремесленников, слуг и т.п.

⁷ Политическим объединением на основе религиозной принадлежности была, например, созданная в декабре 1906 г. партия Мусульманская лига.

⁸ В конце XIX — начале XX в., особенно после получения железнодорожной концессии в Анатолии и начала строительства Багдадской железной дороги, Германия начала теснить Англию и Францию в экономике и политике Турции.

⁹ Эмиром Афганистана в 1901–1919 гг. был Хабибулла-хан.

¹⁰ Вторая половина 90-х годов XIX в. была временем непрекращавшихся боевых действий в Северо-Западной Индии на границе с Афганистаном, где правительство Индии было вынуждено держать значительные военные силы против свободолюбивых пуштунских племен, исповедовавших ислам.

¹¹ Подъем национально-освободительного движения в Египте начался в 1906 г. В стране проходили массовые митинги и демонстрации под руководством созданной в 1907 г. партии «Ватан». Основными требованиями были вывод английских войск из Египта и Судана, восстановление конституции, автономия в рамках Османской империи.

¹² Санитарная станция — курортное место, обычно на возвышенности, где жара и влажность меньше, чем на равнине. Там часто проводили свой отпуск военные и гражданские чины англо-индийской администрации.

¹³ Лицо не установлено.

¹⁴ Имеется в виду махараджа Кашмира Пратап (Партаб) Сингх (1885–1925).

¹⁵ Юнхэзбэнд, правильно — Янгхазбэнд Ф.Э. (1863–1942), английский военный исследователь Азии, поступил на военную службу в 1882 г., в 1886–1887 гг. совершил путешествие от Пекина до Яркенда и далее в Индию, в 1890 г. переведен на службу в Индию, руководил первой английской военной экспедицией в Лхасу, которая закончилась заключением англо-тибетского договора 1904 г., в 1906–1909 гг. — резидент в Кашмире; с 1919 г. — президент Королевского Географического общества, автор многих трудов по Тибету и Памиру.

¹⁶ После поражения в первой англо-сикхской войне сикхское государство в уплату за нанесенную на него контрибуцию «уступило» англичанам Кашмир. По Амритсарскому договору 1846 г. генерал-губернатор Хардинг передал это княжество Гуляб Сингху, правителю (с 1820 г.) соседнего с Кашмиром княжества Джамму, который стал его первым махараджей; таким образом, мусульманское население Кашмира с 1846 по 1952 г. (до упразднения после достижения независимости династии махараджей Кашмира) было под управлением индусской династии.

¹⁷ Армия махараджи Кашмира к 1908 г. состояла из 2 горных батарей, батареи на конной тяге, крепостной батареи, эскадрона кашмирских улан, гвардейской кавалерии, 7 полков пехоты, 4 рот саперов, всего насчитывалось 6283 человека.

¹⁸ Dak bungalow, хинди «почтовая станция», где обычно предоставлялось место для отдыха путешественников.

¹⁹ Ладакх был завоеван в 1834–1841 гг. Гуляб Сингхом, в то время правителем княжества Джамму, будущим первым кашмирским махараджей.

²⁰ Лицо не установлено.

²¹ Возможно, имеются в виду так называемые «моравские братья» — члены религиозной христианской секты, возникшей в Богемии в XV в., которые проповедовали возвращение к чистоте первых веков христианства.

²² Правитель Ладакха носил титул «гьялпо».

²³ Далее опущено описание территории Китая, по которой проезжал М.С. Андреев.

²⁴ Макартней Дж. (1867–1945), английский государственный чиновник, на службе в Индии с 1888 г., как знаток китайского языка был послан с Янгхазбэндом в Китайский Туркестан, участвовал в памирском разграничении. В Кашмире с 1890 г., с 1908 г. — консул, с 1910 по 1918 г. — генеральный консул Великобритании в Кашмире.

²⁵ Председателем Общества востоковедения со времени его основания в 1900 г. был генерал-лейтенант Николай Константинович Шведов (1849 — после 1916).

²⁶ 5 апреля 1908 г. А.Е. Снесарев, председатель Среднеазиатского отдела Общества востоковедения, писал М.С. Андрееву: «...Так как до сих пор не обращалось внимания на изучение Индии как рынка сбыта наших товаров и непосредственной покупки индийских, чему препятствовала отдаленность этой страны, а также отсутствие у нас людей, знающих индустани, то выяснение Индии как рынка может составить особенно интересную тему для Общества востоковедения; почему Среднеазиатский отдел Общества просит бы обратить преимущественное внимание на следующие задачи: а) выяснить, какие именно из русских товаров, в какой полосе распространения и в каком количестве могли бы рассчитывать на сбыт в Индии, и б) судя по тому, что некоторые из наших товаров, главным образом ткани и фарфор, проникают в Северную Индию сухим путем, рекомендуется обратить усиленное внимание на возможность развития торговли именно товарами в северной полосе Индии, где вкусы потребителей-туземцев сходны с туземными в наших Среднеазиатских владениях, для которых мы имеем ряд тканей, удовлетворяющих вкус туземцев... г) так как можно предполагать, что наши парча и позументы могут иметь сбыт в разных местах Индии вообще, то предлагается Вам обратить внимание и на эту возможную отрасль нашей торговли...» (АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1124, л. 89об).

²⁷ В ведении Главного управления Генерального штаба, которое с 1905 г. стало самостоятельным органом, находилась внешняя разведка.

**22 апреля 1908 г. — 18 июня 1911 г. —
Документы об условиях получения разрешения
на проезд по Туркестанскому краю
для англо-индийцев**

№ 174

*22 апреля 1908 г. — Предписание исполняющего обязанности
туркестанского генерал-губернатора К.А.Кондратовича¹
областным губернаторам Туркестанского края
о правилах въезда иностранных подданных
в Туркестанский край*

Ввиду постоянно возникающих недоразумений при разрешении ходатайств иностранных подданных о разрешении им посещения и временного проживания в пределах Туркестанского края и согласно указаний Главного штаба сообща Вашему Превосходительству для неуклонного исполнения, что все иностранные подданные, за исключением лишь подданных сопредельных с Туркестаном Средне-Азиатских стран (Персии, Афганистана, Китая, а также индусов), для посещения края обязаны предварительно испросить через своих дипломатических представителей разрешение военного министра, без какого разрешения никто из них и ни с какой целью не может прибыть в Туркестанский край. Что же касается до перечисленных подданных сопредельных с краем стран, то таковые для посещения края обязаны испросить разрешения генерал-губернатора.

Подписал: Исполняющий дела генерал-губернатора
генерал-лейтенант Кондратович.

Скрепил: Управляющий канцелярией
полковник Мустафин².

Верно: Исполняющий обязанности дипломатического чиновника
В.Минорский³.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1707, л. 220. Копия.

№ 175

*19 января 1910 г. — Проект правил для посещения
иностранцами Средней Азии, составленный дипломатическим
чиновником при генерал-губернаторе Туркестанского края
А.Д.Калмыковым*

Имею честь препроводить при сем копию проекта правил для посещения иностранцами Средней Азии, составленный по поручению генерал-лейтенанта Самсонова.
Дипломатический чиновник А.Калмыков.

Проект правил допуска иностранцев в край

1. Европейцы и англо-индийцы должны иметь визированные паспорта чинами Министерства иностранных дел.
2. Китайцы пропускаются беспрепятственно через все пункты вдоль всей китайской границы.
3. Персы беспрепятственно пропускаются через все пункты персидской границы.
4. Афганцы допускаются лишь на особо установленные базары, откуда могут отлучиться лишь с особого разрешения русской администрации.
5. Для европейцев и англо-индийцев остаются в силе запретные пункты: Куш-кинская ветвь, Аму-Дарья вверх от Чарджуя, Термез, Чикишляр, линия по Атреку, Памиры и граница с Китаем от Семипалатинской области, кроме дорог Ош—Андижан—Кашгар, Джаркент—Кульджа и Джаркент—Кашгар. На продолжительное пребывание в пределах ханств Бухарского, кроме запретной полосы, или Хивинского должно испрашиваться разрешение местной русской администрации. Для китайцев остаются запретными те же пункты, кроме китайской границы.

Верно: Дипломатический чиновник А.Калмыков.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1707, л. 253–254. Копия.

№ 176

*10 февраля 1910 г. — Прошение,
поступившее в посольство Великобритании в Санкт-Петербурге
от англо-индийских подданных, живущих в Бухаре,
с просьбой помочь получить разрешение на въезд
в Туркестанский край и Закаспийскую область
для продолжения ведения торговых дел*

Его Превосходительству
Господину Великобританскому послу
в Санкт-Петербурге⁴
от английско-подданных
Халиль Рахмана, Мухамед-Амина
и Мухамед Садыка Султана Мухамедовых,
живущих в Бухаре, в сарае Ришита

Прошение

Имею честь доложить Вашему Превосходительству, что мы проживаем в Бухарском ханстве с 1890 года и ведем торговлю с населением Туркестанского края, Закаспийской области и Хивы, куда часто ездим для сбора с разных лиц долгов за проданный зеленый чай и индиго беспрепятственно; между прочим, нам в нынешнем году был воспрещен въезд в вышеупомянутые места без разрешения господина Главного начальника, вследствие такого последовавшего распоряжения мы обратились к господину Российскому Императорскому Политическому агенту

в Бухаре с просьбой войти перед Главным начальником края с ходатайством о разрешении нам въезда в вышеупомянутые места с торговой целью, каковая наша просьба господином Политическим агентом была исполнена, и получено нами разрешение на въезд в эти места; ныне по ходатайству некоторых пешаварцев нам всем английско-подданным мусульманам был господином Главным начальником края въезд в вышеупомянутые места воспрещен совсем.

Имея крупные торговые дела с Туркестаном, Закаспийской областью и Хивой, имеем честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать войти с кем следует с ходатайством о получении нам разрешения на въезд в Туркестанский край, Закаспийскую область и Хиву, дабы мы не лишились возможности на таковой въезд и не несли через такие препятствия убытки в торговле.

В случае надобности паспортов наших на наложение визов на них на предмет въезда в вышеупомянутые места, то нами, по получении извещения Вашего Превосходительства, будут высланы немедленно.

По сему поводу остаемся в ожидании благоприятного ответа Вашего Превосходительства и просим таковой изложить в Вашем почтенном письме на русском языке, так как здесь в Бухаре почти что нет лиц, знающих английский язык.

Февраля 1910 года гор. Ст.Бухара, сарай Ришит.

Мухамед Садык и Султан Мухамед.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1707, л. 258 и об. Подлинник.

№ 177

3 марта 1910 г. — Вербальная нота посольства Великобритании в Санкт-Петербурге МИД России по поводу жалобы индийских купцов, проживающих в Бухаре, на новые правила получения разрешения на поездки по торговым делам

Посольство Его Величества короля Великобритании⁵ имеет честь довести до сведения Первого департамента Императорского Министерства иностранных дел, что недавно оно получило жалобу от англо-индийских подданных, осевших в Бухаре, на недавнее изменение правил, по которому им [теперь] запрещено совершать поездки по Туркестану, Закаспию, Хиве и Бухаре. Пославшие петицию пишут, что до сих пор разрешение путешествовать по этим областям они получали беспрепятственно и ликвидация права на такое разрешение приведет к большим финансовым потерям, поскольку с вышеуказанными областями у них установлены коммерческие связи.

Посольство Его Величества короля Великобритании имеет честь при сем приложить экземпляр полученного прошения на русском языке и просить Первый департамент Императорского Министерства иностранных дел сообразованно переслать этот документ компетентным органам для благоприятного его рассмотрения.

На 1-й странице карандашом написано: «Запросить Ташкент и Бухару».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1707, л. 257. Подлинник. Пер. с франц. составителя.

№ 178

*11 марта 1910 г. — Письмо Первого департамента МИД
управляющему Политическим агентством в Бухаре
И. Решетову⁶ и дипломатическому чиновнику
при генерал-губернаторе Туркестанского края
А. Д. Калмыкову с просьбой сообщить свое заключение
по содержанию ноты посольства Великобритании
от 3 марта 1910 г.*

Препровождая при сем копию с ноты Великобританского посольства от 3 марта с.г. с одним приложением относительно запрещения некоторым англо-индийским подданным въезда в Туркестанский край, Закаспийскую область и Хиву, 1-й Департамент им[еет] ч[есть] пок[орнейше] пр[осить] Вас благоволить сообщить свое заключение по содержанию приложения.

З В Д Д*

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1707, л. 259. Черновик.

№ 179

*29 марта 1910 г. — Ответ на запрос
Первого департамента МИД дипломатического чиновника
при генерал-губернаторе Туркестанского края
А. Д. Калмыкова с заключением по содержанию
ноты посольства Великобритании от 3 марта 1910 г.*

Относительно индийских подданных, о коих указывается в отношении департамента от 11 сего марта № 1662, мною наводятся справки. Вопрос о порядке разрешения въезда иностранцам вообще в край обсуждается в Петербурге. Мною представлен в Министерство проект новых правил при донесении от 19 января с.г. № 35. Проект этот был сообщен генерал-губернатором начальнику Главного штаба⁷, но ответа еще не поступало.

В настоящее время на приезд индийцев требуется разрешение генерал-губернатора с указанием маршрута. Сделано это в целях надзора за шпионами. По наведении справок об указанных в отношении департамента лицах немедленно донесу департаменту.

Дипломатический чиновник А. Калмыков.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1707, л. 261. Подлинник.

---

* За вице-директора департамента (сост.).

№ 180

*4 апреля 1910 г. — Ответ управляющего
Политическим агентством в Бухаре И.И.Решетова
на запрос Первого департамента МИД от 11 марта 1910 г.
относительно жалобы англо-индийских подданных
на запрет для них въезда в среднеазиатские владения России*

Вследствие предписания департамента от 11-го минувшего марта за № 1661 имею честь донести, что Политическое агентство в случае обращения к нему с ходатайствами английско-подданных о разрешении им поездок по торговым делам в Закаспийскую область, Хиву и Туркестан продолжает руководствоваться распоряжением г. Туркестанского генерал-губернатора от 19-го марта минувшего года за № 1144, представленном, в копии, в департамент при секретном донесении д[ействительного] с[татского] с[оветника] Лютша⁸ от 10 апреля того же года № 77, т.е. испрашивает им каждый раз через Дипломатического чиновника особое разрешение г. Главного начальника края.

В деле английско-подданных Халиль Рахмана, Мухаммед Амина и Мухаммед Садыка Султан Мухаммедовых, получивших уже через политическое агентство разрешение г. генерал-губернатора на посещение по торговым делам края и могущих таковым воспользоваться, очевидно, произошло недоразумение, какое я вместе с сим и прошу Бух[арское] пр[авительств]о разъяснить названным иностранцам, а равно поставить в известность и других их соотечественников, что абсолютного воспрещения посещения ими Туркестанского края не последовало и что, при действительно наличности в крае дел, каждый из них может испрашивать на то через Политическое агентство разрешение г. Главного начальника.

Управляющий политическим агентством: И.Решетов.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1707, л. 265 и об. Подлинник.

№ 181

*9 апреля 1910 г. — Вербальная нота посольства Великобритании
Министерству иностранных дел России по поводу жалобы
от англо-индийских подданных на новые правила перемещения
по среднеазиатским русским владениям*

Вербальными нотами от 27 июня 1909 года и 3 марта 1910 года Посольство Его Величества короля Великобритании имело честь привлечь внимание Императорского Министерства иностранных дел на неудобства и значительные финансовые потери англо-индийских подданных, обосновавшихся в Бухаре, от введения нового правила, согласно которому им было отказано в свободном перемещении по русским среднеазиатским владениям и русским территориям.

Посольство Его Величества короля Великобритании получило еще одну жалобу на это, подписанную 21 англо-индийским подданным. Посольство имеет честь просить Императорское Министерство иностранных дел соблагovolить информировать его о результатах своего ходатайства перед компетентными органами.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1707, л. 269. Подлинник. Пер. с франц. составителя.

№ 182

21 апреля 1910 г. — Ответ дипломатического чиновника при генерал-губернаторе Туркестанского края А.Д.Калмыкова на запрос Первого департамента МИД по поводу жалобы англо-индийских подданных на запрет для них на въезд в среднеазиатские владения России

На предписание Департамента от 14 сего апреля № 2547 имею честь ответить, что еще по предписанию от 11 марта с.г. № 1662 мною была запрошена канцелярия генерал-губернатора, ответившая, что проживающие в Бухаре индийско-подданные Халиль Рахман, Мухамед Амин и Мухамед Садык Султан Мухамедовы с просьбою о разрешении въезда в Закаспийскую область, Хиву и Туркестан не обращались.

Тогда я запросил Политическое агентство в Бухаре, которое отношением от 4 апреля с.г. № 1870, полученным во время моего отъезда на встречу эмира⁹, ответило, что оно предлагает жалобщикам обратиться с ходатайством на въезд, чего они, насколько явствует из отношения агентства № 1870, в копии при сем прилагаемого¹⁰, по-видимому, не сделали.

Основанием для запроса послужило предписание генерал-губернатора испрашивать каждый раз разрешение на въезд в Туркестанский край. Разрешения эти даются довольно свободно. В копии ноты 9/22 апреля 1910 г. великобританского посла в Петербурге говорится о прошении, подписанном 21 англо-индийцем, но не указано, обращались ли они с просьбой и получили ли отказ.

Согласно правилам англо-индийские подданные, проживающие в Бухаре, должны обращаться с просьбой о разрешении въезда в Туркестан в Политическое агентство, раз же они этого требования не исполнили, то и не могли получить разрешения.

Дипломатический чиновник А.Калмыков.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1707, л. 267 и об. Подлинник.

№ 183

7 февраля 1911 г. — Письмо посла Великобритании в России Дж.Бьюкенена министру иностранных дел России С.Д.Сазонову о трудностях индийских купцов в связи с новыми правилами,

Господин министр,

В соответствии с инструкцией, которую я получил от статс-секретаря по иностранным делам¹¹ Его Величества¹², имею честь информировать Ваше Превосходительство, что группа англо-индийских подданных, торгующих в Бухаре и Русском Туркестане, обратилась с петицией к правительству Индии, в которой они заявляют, что ведению торговли в этих районах мешают определенные ограничения, и просят по возможности их снять¹³.

Просители, которые являются истинными торговцами из города Пешавара, имеют торговые дома в Бухаре и Самарканде и вели большую торговлю чаем и индиго в течение последних шестидесяти лет, жалуются, что новые правила оформления паспортов, введенные год назад, оказались серьезной помехой для их агентов при сборе долгов и вообще для ведения торговых дел.

Они заявляют, что прежде британские подданные, живущие в Бухаре, могли свободно передвигаться по русской территории, получая паспорт в Бухаре, теперь же разрешение на визу в паспорте нужно сначала получить от генерал-губернатора Туркестана в Ташкенте — формальность, которая вызывает очень большие задержки. Более того, англо-индийским подданным теперь не разрешено жить или торговать в Ферганской области, передвигаться железнодорожной веткой Мерв—Кушка или следовать этим маршрутом в Герат. Эти купцы указывают, что их торговля основана на системе долгосрочных кредитов и что эти новые ограничения угрожают разорить их, поскольку их агенты не могут больше свободно передвигаться из одного места в другое при первой необходимости для сбора долгов и обычного ведения торговых дел.

Купцы высказывают также недовольство трудностями при отстаивании своих прав по делам умерших или несостоятельных должников.

Они утверждают, что, если должник умирает или становится несостоятельным и его собственность составляет менее 40% его долга, бухарские власти реализуют его имущество и передают вырученную сумму русским политическим властям. Если же британский кредитор обращается к Бухарским властям за положенной ему долей от вырученного, ему отвечают, что он должен обратиться в русский суд. Когда же он затем обращается в русский суд, ему говорят, что, поскольку он британский подданный мусульманин, а его умерший или несостоятельный должник был бухарским мусульманином, русский трибунал ничего не может сказать по этому делу и он должен получить возмещение от бухарского суда в соответствии с мусульманскими законами. Между тем требования русских кредиторов — христиан, евреев или мусульман рассматриваются в русском суде. Эти индийские купцы заявляют, что они несут большие убытки из-за этого, и требуют, чтобы с ними обращались так же, как с кредиторами русскими.

Ваше Превосходительство, без сомнения, знает, что жалобы англо-индийских подданных, торгующих в Бухаре, время от времени становились предметом переписки между нашим посольством и Императорским Министерством иностранных дел. Что касается жалоб на паспортный режим, то я могу процитировать вербальную ноту нашего посольства от 1/14 текущего месяца¹⁴ и ноту (№ 2647) от 21 апреля/4 мая 1910 года Императорского Министерства иностранных дел.

Поднимая этот вопрос перед Вашим Превосходительством, я был проинструктирован сэром Э.Греем просить, чтобы ответственные за эти вопросы власти

изучили эти факты с тем, чтобы устранить, насколько это возможно, поводы, вызывающие такие жалобы.

Пользуясь возможностью, прошу Вас, Ваше Превосходительство господин министр, принять мои уверения в моем совершенном уважении.

Джордж Э. Бьюкенен.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1711, л. 451 и об. Подлинник. Пер. с англ. составителя.

№ 184

*4 апреля 1911 г. — Письмо начальника Первого департамента
Министерства иностранных дел России в Главный штаб
с запросом о возможных мерах упрощения порядка
визирования паспортов англо-индийских купцов,
проживающих в Бухаре, для деловых поездок*

Великобританское посольство в СПб. доставило в Министерство иностранных дел телеграмму проживающих в Бухаре англо-индийских купцов, в которой просители указывают, насколько вредно отзывается на их торговых делах медлительность при визировании паспортов в Политическом агентстве с разрешения Турк[естанского] ген[ерал]-губ[ернато]ра, и ходатайствуют о том, чтобы их паспорта визировались лишь в Агентстве без разрешения генерал-губернатора, чтобы срок паспортов был продлен до одного года.

Передавая об этом на благоусмотрение Главного штаба и препровождая при сем копию с упомянутой выше телеграммы, 1-й Департамент им[еет] ч[есть] пок[орнейше] просить не отказать его уведомлением о мерах, которые признано будет возможным принять по содержанию сказанного ходатайства.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1711, л. 431. Черновик.

№ 185

*18 июня 1911 г. — Письмо начальника Азиатской части
Главного штаба Первому департаменту МИД России
о том, что существующий порядок визирования паспортов
англо-индийских купцов остается без перемен*

Главный штаб уведомляет, что, соглашаясь с заключением Туркестанского генерал-губернатора, Военное министерство, со своей стороны, признает совершенно необходимым оставить без перемен существующий порядок визирования паспортов англо-индийских купцов, проживающих в Бухаре, и не иначе как с разрешения Туркестанского генерал-губернатора.

Начальник Азиатской части генерал-майор Цейль.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1711, л. 432. Подлинник.

Примечания

¹ Кондратович Киприан Антонович (1859 — после 1916), генерал от инфантерии, с января 1907 по декабрь 1910 г. был помощником туркестанского генерал-губернатора.

² Мустафин Владимир Андреевич (1867 — после 1916), генерал-майор (с 1910), в 1906–1911 гг. служил управляющим канцелярией туркестанского генерал-губернатора.

³ Минорский Владимир Федорович (1877–1966), ученый-востоковед, окончил юридический факультет Московского университета и Специальные классы Лазаревского института восточных языков, работал в МИД в 1907–1917 гг., служил в Средней Азии, Персии, Турции сначала драгоманом, потом — секретарем посольства, заинтересовался историей мусульманского мира, особенно персидско-турецкого региона. После революции поселился в Париже, где преподавал в Национальной школе живых восточных языков, в 1930 г. переехал в Англию, с 1937 г. — профессор Лондонского университета, поддерживал связи с советскими учеными. В 1969 г. по завещанию покойного его прах перевезен в Москву и захоронен на Новодевичьем кладбище. Автор многочисленных работ по востоковедению.

⁴ Имеется в виду Артур Никольсон.

⁵ Имеется в виду Эдуард VII (1849–1910).

⁶ Решетов Иван Иванович был драгоманом и секретарем Политического агентства в Бухаре в 1907–1911 гг., затем служил в Персии и Закаспийской области.

⁷ Имеется в виду Кондратьев Николай Григорьевич (1859 — после 1911), генерал-лейтенант (с 1909), бывший в 1909–1911 гг. начальником Главного штаба.

⁸ Лютш Яков Яковлевич на службе в МИД с 1878 г., был Политическим агентом в Бухаре в 1904–1911 гг., затем работал в Сеуле Генеральным консулом до 1921 г., представляя после Октябрьской революции интересы русских эмигрантов.

⁹ Возможно, имеется в виду встреча эмира Бухарского Сеид-Абд-ул-Ахад-хана (1859–1910), возвращавшегося из Петербурга, где ему в ознаменование его 25-летнего правления был оказан торжественный прием и где он был назначен шефом 5-го полка Оренбургского казачьего войска.

¹⁰ Подлинник документа см. док № 180.

¹¹ Имеется в виду сэр Эдуард Грей.

¹² После смерти Эдуарда VII 6 мая 1910 г. королем Великобритании стал Георг V (1865–1936).

¹³ См.: АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1711, л. 429–430.

¹⁴ В ноте говорилось о телеграмме индийских купцов из Бухары, недовольных необходимостью получать разрешение генерал-губернатора на каждую поездку в Туркестанский край по торговым делам, и выражалась надежда на удовлетворение просьбы о продлении действия их паспортов на один год (см.: АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1117, л. 428).

№ 186–207

**11 июня 1908 г. — 1912 г. —
Письма и другие документы
о научной экспедиции в Индию профессора
Федора Ипполитовича Щербатского**

11 июня 1908 г. — Письмо Ф.И.Щербатского¹
 С.Ф.Ольденбургу о письме Премчанда²
 по поводу копирования рукописи из Джайсалмера

Marienhof bei Königswinter a/Rh

Дорогой Сергей Федорович!

Премчанд, первое письмо коего к Якоби³ я Вам передал (при случае верните мне его, так как я должен отдать его Якоби), пишет ему следующее: «With reference to Tattvasangrahanjika⁴... the Divan of Jessalmere⁵ writes as under to a friend of mine: „...you are well acquainted with the conservative spirit of the Panchas⁶ of Your caste of Jessalmere... two leading men however have consented to arrange that the book may be copied in Jessalmere. Should anybody be deputed for the work, I should be very happy to assist him. Now You may let me know Your views“. If You intend to get the MSS copied, please, also send me the report of S.R.G.Bhandarkar⁷, who refers to the book»*. Якоби по соглашению со мной отвечал, что мы были бы рады получить список, готовы заплатить за него den üblichen Preis und etwas darüber hinaus** и даже сделать предварительный взнос в размере 5–10 фунтов. Одобряете ли Вы эти шаги? Если удастся официальным путем получить саму рукопись или фотографический снимок, то список не мешает, и в случае получения ответа можно ли послать деньги также в задаток? Якоби едет на конгрессы в Копенгаген⁸ и Оксфорд, на последнем будет говорить о джайнской философии. Видели ли Вы попытки Leuman'a⁹ разбора среднеазиатских текстов? Bolsa=buddha, кто бы это сказал, а я все подозревал тут вспомогательный глагол! Если бы берлинцы не были такими св[олочами]¹⁰, то решение не замедлилось бы. Натравите на них Радлова¹¹, пусть проберет их хорошоенько. Якоби вовсе не получает Bibliotheca buddhica¹², только кое-что от авторов. Если можно, пришлите мне последний (5-й) выпуск M.vṛtti¹³, хотя бы не сверстаный, а также report S.Bhandarkar'a. Я бы хотел его послать Премчанд'у, а Вам я потом отдам свой экземпляр, кот[орый] теперь у меня никто не найдет.

Буду Вам несказанно признателен за помощь, в которой Вы, впрочем, мне никогда не отказывали, так что до известной степени избаловали меня. Достать Tattvasangraha¹⁴, по-моему, так же важно почти, как Pramanavartika¹⁵.

Преданный Вам Ф.Щербатской.

СПБФАРАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 30–31. Автограф.

* Что касается Tattvasangrahanjika... то диван Джайсалмера пишет моему другу: «Вам хорошо известен консервативный настрой джайсалмерских панчей вашей касты... тем не менее два видных лица согласились организовать так, чтобы книга могла быть скопирована в Джайсалмере. Если кто-нибудь будет командирован с этой целью, буду рад помочь. Уведомите меня, пожалуйста, о своих намерениях по этому поводу». Если Вы предполагаете заказать копирование рукописи, пожалуйста, пришлите мне также отчет Ш.Р.Г.Бхандаркара, который ссылается на эту книгу (*пер. с англ. сост.*).

** Обычную цену или немного больше (*пер. с нем. сост.*).

4 февраля 1910 г. — Письмо Ф.И.Щербатского
В.А.Жуковскому¹⁶ о начале его командировки в Индию
с просьбой о ее продлении

Bombay,
Taj Mahal Palace Hotel

Глубокоуважаемый Валентин Алексеевич!

Я уже третью неделю благополучно проживаю в Бомбее и могу сказать, что на первых порах счастье мне благоприятствовало. Во-первых, с рукописями в Jessalmir'e удалось мне устроить так, что они будут для меня списаны и мне не придется теперь странствовать туда на верблюде, что спасает мне по крайней мере месяц. Затем я сразу нашел туземца-факира¹⁷, знатока философии удивительного, в нем живо традиционное знание, которого из книг не добудешь¹⁸. Такие люди в современной Индии очень редки, проф. Woods¹⁹ из Chicago прожил здесь два года, не будучи в состоянии найти хорошего. Хотя и я сам, и проф. Jacobi для меня заранее писали, прося подыскать хорошего факира, но найти было нельзя, и по приезде здешний проф. Bhandarkar²⁰, член нашей Академии наук, посоветовал мне ехать в Бенарес. Но случайно я в тот же день на базаре разговаривал с каким-то брамином и от него узнал, что в деревне Ghat Koraг недалеко от Бомбея живет только что приехавший из Северной Индии великий знаток-факир. Я с ним сошелся, до сих пор ежедневно туда ездил, а с завтрашнего дня туда переселяюсь; для этого пришлось нанять целый дом²¹, так наз. bungalow*, обстановку и целый штат прислуги. Таковы уж здесь нравы, человек, который приготовляет кушанье, скорее умрет с голоду, чем согласится подавать на стол, подметать и чистить нужен особый человек, носить воду также и т.д.

В первое время я очень страдал от жары, вероятно, на второй день схватил нечто вроде маленького удара солнечного и долго потом страдал головными болями, не мог много работать; теперь как будто акклиматизировался и головных болей нет. В деревне Ghat Koraг предполагаю прожить месяца три, если не выгонит жара, затем поеду в Дарджилинг или Кашмир. Я очень скверно сделал, что приехал в январе, а не в октябре, мне не останется времени на Бенарес и Калькутту, после апреля, говорят, там жить невыносимо, да и нет никого, а чтобы поспеть вовремя в Петербург, мне нужно отсюда выезжать в конце июля или начале августа, так как я должен перед возвращением попасть дня на два-три в Лондон²². Совершать переезд в жару во время муссонов, говорят, ужасная пытка для того, кто плохо переносит и жару, и качку.

Я, конечно, не могу теперь же сказать, как пойдет моя работа впредь и как я буду себя чувствовать на севере, но даже теперь желал бы поставить вопрос о продлении моей (командировки. — *Сост.*) по крайней мере на полгода; и тогда я успею сделать только крохотную долю того, что намечается и что сделать здесь сравнительно легко. Так как у меня есть заместитель, то, вероятно, с этой стороны факультет не встретит затруднений. Кстати, не думаете ли Вы, многоуважаемый Валентин Алексеевич, что барону Шталь-Гольштейну²³ следовало бы дать содержание наравне с другими приват-доцентами, так как он единственный у

* Bungalow (*англ.*) — особняк (*сост.*).

нас, не получающий ничего. Конечно, мы можем предполагать, что у него есть свои средства, но, не говоря уж о том, что считать деньги в чужом кармане никогда не следует, его положение на факультете может сделаться неприятным, так как его положение неравноправное может вызвать нежелательные толкования. Об этом я позволил бы себе усердно просить факультет, думая, что необходимая сумма всегда найдется в специальных средствах. Я боюсь, что если я не буду об этом просить, то на меня может пасть обвинение в недостаточной заботе о своем отделении. Не знаю пока, как идут у него занятия, но особенное значение я придаю совместно с Ивановым²⁴ преподаванию для китаистов, если оно состоится. В этом деле Шталь будет нам полезен и впрямь, так как я один всего этого вести не могу.

Затем еще одна просьба. В августе нынешнего года кончается срок, в течение которого никакие ученые экспедиции в Тибет не допускались, по нашему соглашению с Англией²⁵, ни с той, ни с другой стороны, о дальнейшем было тогда постановлено, что должны быть особые соглашения. Если, неровно, услышите, что переговоры ведутся, и если, конечно, это не будет секретом, то премного обязали бы меня, сообщив мне то, что будет известно.

Фотографический аппарат²⁶ я в Берлине так и не купил, так как, во-первых, готового не оказалось, а на заказ запросили цену более высокую, чем предполагали Радлов и Штернберг²⁷, я послал расчет в Петербург. Здесь я встретился с Н.З.Бравиным, А.А.Орловым²⁸ и Андреевым, и.о.консула С.В.Чиркин очень обязательный и хороший человек. Письма и все посылки поэтому прошу посылать мне через консульство.

Надеюсь, Варвара Александровна²⁹ и Вы здоровы и счастливы, позвольте пожелать Вам того же и впрямь.

Искренне Вам преданный Ф.Щербатской.

P.S. Для университетской библиотеки я мог бы приобрести здесь печатные издания примерно рублей на 500, на севере возможно и вероятно, что можно будет купить и рукописи. Если сумма, о которой я просил в своем представлении факультету, будет отпущена из средств библиотеки, то это будет ей полезно.

Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 17, д. 10, л. 126–128. Опубл.: Российские путешественники в Индии, с. 290–292.

№ 188

*5 марта 1910 г. — Письмо Ф.И.Щербатского
В.А.Жуковскому о дальнейших планах своей работы в Индии*

Ghat Kopar

Многоуважаемый Валентин Алексеевич!

С прошлой почтой послал Вам письмо и прошение о продлении командировки на 6 месяцев, но потом сразу же почувствовал, что, быть может, энергия моя истощится раньше этого срока, даже если бы нашлись средства, что тоже сомнительно. Поэтому я буду доволен, если мне факультет продлит командировку на три месяца (сентябрь–ноябрь), я вернусь и начну читать в будущем весеннем семестре. Началась страшная жара, и работать становится здесь трудно, собираюсь

ехать в Гималаи, еду вчетвером, так как беру с собой брахмана, его слугу и своего слугу; слуги здесь должны всегда быть определенной касты, что усложняет все дела, разве только вы не живете исключительно в обществе европейцев. Если факультет найдет возможным ассигновать мне субсидию в пределах 1000–1500 руб., то вместе с жалованьем я думаю обойтись, буду осенью жить в Бенаресе в отеле, что много дешевле. Своей работой я в общем очень доволен, хотя, как это всегда бывает, дело идет втрое медленнее, чем предполагалось.

Преданный вам Щербатской.

М[ожет] б[ыть], половину или все можно было бы достать из сумм Комитета?³⁰

P.S. На всякий случай посылаю расписание моих лекций на будущий год. Я изменил дни!

Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 17, д. 10, л. 129. Автограф. Опубл.: Российские путешественники в Индии, с. 292.

№ 189

*5 марта 1910 г. — Письмо Ф.И.Щербатского
С.Ф.Ольденбургу о ходе командировки*

Ghat Kopar

Дорогой Сергей Федорович!

С прошлой почтой писал Вам подробное обо всем письмо на 6 листах, надеюсь, Вы его получили. Я просил Вашей поддержки для продления моей командировки на 6 месяцев, так как работа моя — перевод *ṇaṇyasutra*, *bhāṣya*, *vartika*, *raṅgīcuddhi*³¹ — двигается хотя удовлетворительно, но втрое медленнее, нежели я ожидал, это всегдашняя история! Теперь началась жара, и работать становится здесь трудно, собираюсь в Дарджилинг, где, м[ожет] б[ыть], буду жить у Сарат-Чандра-Даса³². На шесть месяцев, я теперь боюсь, не хватит у меня энергии; потянет домой, но три месяца, сентябрь–ноябрь, пробыть еще здесь мне совершенно необходимо. Эти месяцы я проживу в Бенаресе, где буду заниматься историей *ṇaṇya*. Очень было бы соблазнительно организовать экспедицию в Непале, я уверен, что нашел бы Дармакирти³³, но на это нужны средства, если идти в глубь страны, нужно снаряжать экспедицию. Если мне продлится командировка на 3 месяца, то субсидия рублей в 1000–1500 мне будет достаточна, я надеюсь, комитет не откажет мне в ней.

Насчет буддийского храма³⁴, пожалуйста, не пожалейте времени, дело требует внимания, а то может выйти неловкость.

Крепко жму руку.

Ф.Щербатской.

P.S. Не откажите сообщить поскорее, есть ли надежда получить субсидии от комитета, так как мне нужно соответственно распорядиться. Если Вы сделаете представление в комитет и результат будет благоприятен, то не сообщите ли В.П.Шнейдер³⁵, она регулярно мне пишет, и я сразу узнаю.

СПбФРАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 32. Автограф.

7 марта 1910 г. — Письмо Ф.И.Щербатского
Л.Я.Штернбергу о покупке экспонатов для музея

Многоуважаемый Лев Яковлевич!

Когда я просил о присылке аппарата, я думал, что он будет послан вслед за мной. Но вот уже скоро 3 месяца, что я уехал, и только теперь получаю известие, что аппарат выслан через Гамбург. Так как из Гамбурга пароходы идут раз в месяц, находятся в пути тоже месяц и в Бомбей не заходят, то возможно, что я получу его (через Коломбо) месяца через $1\frac{1}{2}$ — 2, тогда я буду в Гималаях, и там аппаратом пользоваться не придется. До сих пор я все заказываю себе списки в библиотеках Пуны, Патана и Джессалмира, и таких списков уже у меня много, но я не знал, будет ли вообще послан аппарат, вследствие его очень высокой цены, и потому предпочел не ожидать. Я буду просить о продлении моего отпуска, так как 6–7 месяцев в Индии для моей работы далеко не достаточно, и если мне его продлят, то тогда, конечно, я широко им воспользуюсь в Бенаресе и, м[ожет] б[ыть], в Непале.

Для Музея приобрету, что могу. До сих пор жертвенных принадлежностей купить не удалось, так как жертвы (ведические) стали в Индии большой редкостью. Надеюсь скоро приобрести хорошую коллекцию для иллюстрации джайнского культа. Не нужны ли также для музея хорошие фотографии, так, чтобы часть культа была иллюстрирована предметами, а часть снимками? Так как всего нельзя иметь в предметах, то вместе предметы и снимки дадут хорошую картину любого культа. В.П.Шнейдер покажет Вам снимки, которые послал ей с одного дворца в Насике, священном городе, где каждый махараджа имеет свой дворец, части этого дворца удивительной резной работы распродают по цене дерева (тикового), и если бы место на лестнице музея подходило бы, то трудно отыскать лучшее украшение, это будет куда лучше вестибюля Берлинского музея³⁶. Если будет годиться для музея, то прежде всего, конечно, получит Ваш музей, если же помещение не подходящее, то придется отдать в Штиглицевский музей³⁷. Об этом решите с В.П.Шнейдер. Напишите также, на какую приб[лизительно] сумму я могу покупать для музея? Если можно, то поторопите присылкой мне остальных отпущенных мне 1500 руб., так как вследствие удаленности и моих разъездов мне потом будет много хлопот с получением, когда я уеду в глубь страны. Деньги и письма потрудитесь посылать Care of Imperial Consul General of Russia, Apollo Bombay (зачеркнуто в оригинале. — *Сост.*).

Преданный Вам Ф.Щерб.

Сейчас узнал, что консульство в Бомбее закрыто³⁸, потому посылайте все или Бомбей *poste restante** или Care of (далее неразборчиво. — *Сост.*)... Cook & Co, оба способа одинаково хороши, на здешнюю почтовую контору надеяться нельзя. До сих пор особенной жары не было, теперь она начинается. Брать ванны, как Вы советуете 29°, мне нельзя, так как живу в таких местах, где европейцев нет. Нашел много важных рукописей, везде заказываю списки, так как на аппарат не надеялся, ужасно жалко!

* *Poste restante* (франц.) — до востребования (*сост.*).

Каковы результаты экспедиции Сергея Федоровича?³⁹ Привез ли он турецкие материалы⁴⁰ для Радлова, а то досадно: везде, в Берлине, Лондоне, Париже — есть, а у нас нет! Я буду просить продления командировки, так как не успею окончить работы, ходом которой я пока доволен!

СПбФАРАН, ф. 142, оп. 1 до 1918 г., д. 61, л. 46–48. Автограф.

№ 191

*20 марта 1910 г. — Письмо М.С.Андреева заведующему
Этнографическим музеем о покупке части дворца
для Музея и об отправке ее морем в Петербург*

Его Прев-ву г. заведующему Этнографическим музеем
при Российской Императорской Академии Наук

Марри(Murree) Северная Индия

Милостивый Государь,

Будучи командирован в Индию для изучения некоторых сев.-индийских речий, я, по сложившимся обстоятельствам, проживаю большею частью в г. Бомбее (уже около двух лет за последний мой приезд в Индию). Лично интересуясь немного старинными бронзовыми индийскими предметами, я от времени до времени заезжаю в г. Насик — центр браминства и древней индийской культуры в этой части Индии. Насик известен, между прочим, также своими старинными постройками с очень красивой резьбой по дереву. Около трех месяцев тому назад, в один из своих приездов в Насик, я случайно наткнулся на один из лучших образчиков архитектуры этого рода — старинный дом, построенный из тикового дерева, с великолепно выдержанной резьбой старого стиля. Дом этот, известный под именем Хин'гнас Вара, принадлежал за последние годы радже Бавнагара⁴¹, купившему его в свое время, прельстившись красотой старинной постройки, с намерением разобрать ее и перевезти в свою резиденцию. Потом почему-то эта мысль была им оставлена, и через несколько лет, незадолго до моего посещения, дом был продан одному индусу, служащему на жел[езной] дороге, купившему его у раджи исключительно с целью наживы и решившему, что лучший путь для этого — обратить дом на слом, очистив место для дальнейших спекуляций. Хотя я не обладаю средствами и не имел никакой склонности к приобретению старинной резьбы по дереву, но дом был так красив и является таким хорошим образчиком лучшего старинного искусства, уже редко попадающегося теперь в Индии, что я не мог устоять и при всех своих скромных средствах купил часть внутренней террасы — по видимости, одну из лучших частей дома, решив сохранить это произведение старинного индийского искусства для одного из русских музеев.

Мною приобретено три фронтонных столба и три соответствующих задних (конструкция террасы довольно ясно видна на прилагаемых фотограф[ических] снимках) со всеми относящимися к ним частями, так что является вполне возможным восстановить в музее часть террасы в ее прежнем виде, уперев, напр., концы в стены.

Получившееся в подобном виде помещение могло бы служить, напр., для индийского отделения музея.

Из части террасы мною не посланы только два или три массивных бревна, совершенно не имеющих резьбы, а следовательно, и значения и легко могущих быть замененными на месте квадратными бревнами соответствующего размера. Не послал я их главным образом из-за огромного веса. В случае если, однако, окажется желательным иметь и их, покорнейше прошу не отказать меня известить, и я постараюсь тогда раздобыть и эти части.

Купленная мною часть террасы разобрана, упакована в 27 отдельных мест и при моем отъезде из Насика 6/19 марта должна быть отправлена в тот же день по ж[елезной] д[ороге] в Бомбей. В Бомбее же мною было поручено известной агентурной фирме Thomas Cook & Sons пригнать груз и передать его пароходной компании Wilson Line, которая имеет доставить кладь морем в Петербург. Полагаю, что в настоящее время кладь или готовится к отправке, или уже отправлена из Бомбея⁴². Коносамент, а также некоторые указания относительно расположения и размеров буду иметь честь выслать дополнительно чрез неделю или две (почта из Индии отходит еженедельно), по моем возвращении в Бомбей.

Первоначально у меня была мысль отправить приобретенную часть насикского дома в музей Императора Александра III^{43*}; но приехавший в Индию соотечественник проф. Ф.И.Щербатский, с которым я встретился в Бомбее и которому рассказал о своей покупке, любезно посоветовал мне направить приобретение в Этнографический Музей при Императорской Академии Наук, так как, по его мнению, музей Имп[ератора] Алекс[андра] III вряд ли нашел бы возможным поместить насикский дом в своем здании, представляя собою собрание предметов чисто русского искусства. Полагая, что управлению Этнографического Музея на месте виднее, где и как удобнее и целесообразнее можно поместить часть насикского дома, позволяю себе отправить приобретенное в Этнографический Музей при Академии Наук. Стоимость покупки (она в общем невелика — точную цифру сообщу потом), если будет найдено возможным, покорнейше просил бы не отказать мне возвратить. Если же это окажется затруднительным, то на возврат денег не претендую и прошу принять безвозмездно.

Насикский дом, по-моему, представляет такой интересный образчик индийского искусства, что жалко было бы упустить представившийся редкий случай приобрести прочие его части (внутренний двор). Посылаемые мною колонны с соответствующими соединениями составляют значительную часть одной из сторон квадрата, образуемого террасой, составляющей внутренний двор. По-моему, было бы крайне желательно приобрести другие стороны, чтобы иметь цельное впечатление, а также заодно и верхнюю террасу (видна на прилагаемых фотографиях), из которой мною не приобретено ничего. Я полагал бы, что новый хозяин дома отдал бы все теперь довольно дешево (приблизительно, думаю, за 1—2 тыс. рупий, т.е. за 640—1280 руб.). Все целиком солидно построено из тикового дерева и, следовательно, может стоять бесконечно долго даже в петербургском климате. В Насике же никто не запомнит, когда выстроен дом. Во всяком случае ему более ста лет. Я просил на всякий случай домохозяина обождать с продажей внутреннего двора и не ломать его дальше. В случае, если найдено будет возможным приобрести остальные части двора, я мог бы, если желательно, переговорить с хозяином и условиться о цене, а также попытаться найти подходящего человека, который согласился бы взять на себя хлопоты по упаковке и отправке.

---

* Руководился гл. обр. соображением, что насикский дом представляет собою скорее интерес с точки зрения истории искусства, чем общеэтнографического характера (*примеч. автора*).

Еще лучше было бы, конечно, если бы кто-нибудь был прислан специально из Петербурга, чтобы разобрать, занумеровать и упаковать постройку. Поездка не обошлась бы дорого, так как из управления Добр[овольного] Флота⁴⁴ можно было бы получить льготный проезд до Коломбо⁴⁵ и обратно (от Одессы), и только пришлось бы заплатить за проезд от Коломбо до Насика, т.е. приблизительно 200–400 рупий, считая в оба конца. Лето в Насике по сравнению с Бомбеем довольно прохладное, и жара не так чувствуется. Муссон очень легок.

Я был бы очень рад предложить свои услуги, но, к сожалению, боюсь, что за недостатком времени не смогу сам заняться разборкой и упаковкой дома, что потребует, я думал бы, по крайней мере дней 10–15. Приезд же человека из Петербурга еще желателен в том отношении, что, познакомившись лично с расположением дома на месте и сняв все размеры, легче было бы потом восстановить дом в Петербурге, а также и проследить заодно за его перевозкой, что также можно устроить от Коломбо на парох[одах] Добр[овольного] Флота. Со своей стороны я постарался бы помочь приехавшему, чем только оказалось бы возможно.

Покорнейше прошу принять уверения в совершенном моем почтении и искренней преданности.

М. Андреев.

Мой адрес: Российское Генеральное консульство в Калькутте Russian Consulate General Calcutta для передачи Мих. Степ. Андрееву.

СПбФАРАН, ф. 142, оп. 1, д. 61, л. 146–149. Автограф.

№ 192

*2 апреля 1910 г. — Письмо Ф.И.Щербатского
Л.Я.Штернбергу о покупке части дворца и его упаковке*

Ghat Kopar

Многоуважаемый Лев Яковлевич!

По получении телеграммы от Вас[илия] Вас[ильевича]⁴⁶ я сейчас же распорядился упаковать и отправить части дворца в Насике. В настоящее время они уложены в 28 ящиков и находятся в Бомбее. Так как я писал только о 4 колоннах с фризами, то только их и отправляю. Можно купить и весь дворец, будет это стоить около 1000 руб., конечно пустяк, но у вас на него нет места. Если решите купить весь дворец, немедленно телеграфируйте, время не ушло. Укладкой распорядился М.С.Андреев, что очень большой труд, так как здешние плотники неопытны, если будет куплен весь дворец, то придется мне самому все укладывать, так как М.С.Андреев положительно отказывается. М[ожет] б[ыть], он и согласится, если его вознаградить. Придется мне проработать неделю.

Я очень жалею, что дал адрес консульства. Секретарь Бравин идиот и хам, а сам консул⁴⁷ к делам не прикасается. Одну телеграмму они изволили продержать не более не менее как 21 день! Посылайте все на Кука, так делают все англичане, Кук также и банкир, также ему можно послать и деньги. Если Вы по получении сего письма немедленно вышлете мне остальные 500 руб., то будет только вовремя, так как до получения от сегодняшнего дня пройдет, как показывает

опыт, около 2 месяцев, а то и больше. Ответа на прошлое письмо еще от Вас не получил.

Преданный Вам Щербатской.

P.S. Аппарата не получил, если не получу его в этом месяце, то надо распорядиться послать его в С.-Петербург.

СПбФАРАН, ф. 142, оп. 1, д. 62, л. 10–11. Автограф. Опул.: Российские путешественники в Индии, с. 294.

№ 193

*6 апреля 1910 г. — Письмо Ф.И.Щербатского
С.Ф.Ольденбургу о своих занятиях
древнеиндийской философией*

Bombay

Дорогой Сергей Федорович!

Получив телеграмму от В.В.Радлова с извещением о продлении командировки и высылке денег и одновременно узнав из письма Вар. Петровны⁴⁸, что Вы вернулись в Петербург, я, как искусный наяик⁴⁹, поставил эти события в причинную связь. Позвольте от души поблагодарить Вас. Дело в том, что действительно время моей командировки было очень коротко. В Европе я считал себя недурным знатоком ньяя, но, приехав сюда, увидел, что нужно переучиваться сначала и что без знания *mimamsa*⁵⁰ невозможно хорошо знать и ньяя. Я сразу напал на двух пандитов из *Mithila*⁵¹, настоящих *çastri*, один из них *sannyasi*. С их помощью прохожу полный курс ньяя, как он проходится самими шастринами. Это настоящие учителя — индусы совершенно старинного покроя, не знающие, разумеется, ни слова по-английски. Жизнь с ними устроить было довольно мудрено, так как нужно считаться с кастовыми порядками, пришлось нанять поместительный дом и отдельно для них штат прислуги, также и для себя, но я считал, что моя главная цель — изучение шастр, а объезд и знакомство с Индией — второстепенная, и потому решил сделать все, чтобы использовать своих шастринов. Скоро уже четыре месяца, как я ежедневно по 16 часов сижу за ньяя и все еще не могу сказать, чтобы чувствовал себя свободно. Другой раз, разжевав какое-либо рассуждение, ощущаю нечто вроде того, что чувствуется в теле после первого урока езды на велосипеде. Одновременно у меня завязались сношения с здешними джайнами, «Арьясамадж»⁵², «Брахмасамадж»⁵³ и махараджей Бародским⁵⁴. Все необыкновенно предупредительны и внимательны, книг и рукописей по ньяя у меня уже образовалась порядочная библиотека. Ехать в [Дарджилинг] опасаясь, так как мое имя известно в джингоистской литературе, сейчас у меня превосходные отношения как с англичанами, так и с туземцами, боюсь не испортить бы без особенной пользы⁵⁵. Я Вам писал, что не жалею, что «*Nyayabindu*»⁵⁶ до сих пор не напечатана, так как достал всю *tippani*⁵⁷ целиком. Относительно Цыбикова⁵⁸ тоже Вам писал. Писал также о приобретении книг, некоторые совершенно необходимо приобрести: все серии⁵⁹, перевод Панини⁶⁰, бирманское издание палийского канона⁶¹, словарь *Çabdastomamahaniidhi*⁶², полный экземпляр *the Pandit*⁶³ (еще можно достать). Я писал, что хорошо бы иметь

Академии агента здесь по покупке и продаже книг (я предлагал Lazarus в Бенаресе), так как на Bibliotheca buddhica большой спрос и никто не может достать, писал также, что нужно уменьшить цену для Индии, уравнив с Bibl.indica⁶⁴, причем лучше всего... (слово не разобрано. — *Сост.*) обозначить price 12 annas. На все эти вопросы жду от Вас ответа. Еще раз большое спасибо.

Ваш Ф.Щербатской.

СПбФАРАН, ф. 208, оп. 3, д. 385, л. 33–34. Автограф. Частично опубл.: Российские путешественники в Индии, с. 293.

№ 194

*16 апреля 1910 г. — Письмо Ф.И.Щербатского
В.В.Радлову с благодарностью за телеграмму,
о коллекции бронзовых статуэток М.С.Андреева и др.*

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Получив Вашу телеграмму, извещающую о продлении мне командировки и высылке денег, спешу выразить Вам мою глубокую признательность. Время моей командировки было действительно слишком коротко, я нашел столько дела сразу же, не выезжая из Бомбейского президентства, что бросить его и ехать дальше никак не мог, приходилось очень торопиться, чтобы осталось время и на посещение других частей Индии. Подробности о приобретении для музея я сообщаю в письме к Штернбергу. Позволю себе просить, чтобы М.С.Андрееву, который много потрудился по покупке, упаковке и отправке насикских резных украшений, была выражена благодарность. У него очень недурная коллекция бронзовых старых индийских статуэток, я надеюсь, что он ее также или продаст, или пожертвует в музей⁶⁵.

С глубоким почтением пребываю Вашим покорным слугою

Ф.Щербатской.

P.S. Если С.Ф.Ольденбург приехал, то пусть он через S.Levi и M.A.Stein'a⁶⁶ постарается достать рукопись уйгурского перевода Abhidharma-koṣa⁶⁷ из Лондона, о ней я писал Вам из Парижа.

СПбФАРАН, ф. 177, оп. 2, д. 287, л. 7 и об. Автограф. Опубл.: Российские путешественники в Индии, с. 294–295.

№ 195

*19 апреля 1910 г. — Письмо Ф.И.Щербатского
Е.М.Романовой⁶⁸ с благодарностью за письмо и деньги*

Ghat Kopar

Многоуважаемая Екатерина Михайловна!

Получил Ваше письмо с вложением перевода на ф.ст. 100. В Бомбей поеду на след[ующей] неделе. Из писем Льва Яковлевича⁶⁹ заключаю, что вслед за

этим должны были быть посланы еще остальные 500 руб., так как он пишет, что «на днях» вышлю остальные. Кроме того, на прошлой неделе получил телеграмму от В.Вас.⁷⁰, извещающего о продолжении командировки и высылке денег. Пока не получу этих денег, не могу двинуться в дальнейший путь, так как буду жить в местах, где нет банков. Посылайте и пишите все через Cook, он очень аккуратен, в консульстве же у нас невозможный ералаш, одну телеграмму они продержали 21 день, невероятно, но факт, что они даже не знают, как переслать письмо, это их затрудняет.

Пребываю Вашим покорным слугою

Ф.Щербатской.

СПбФАРАН, ф. 148, оп. 1, д. 62, л. 14–15. Автограф. Оpubл.: Российские путешественники в Индии, с. 295.

№ 196

*23 апреля 1910 г. — Письмо Ф.И.Щербатского
С.Ф.Ольденбургу о закупке книг для Академии наук*

Дорогой Сергей Федорович!

В прошлом письме коротко указал, что следовало бы пополнить Академическую библиотеку книгами, печатающимися в Индии, и лучше всего было бы иметь в самой Индии агента. Таковым мог бы быть или Lazarus & C. в Бенаресе или Thaker, Spink & C. в Калькутте. Через Harrasovitz⁷¹ книги стоят вдвое. Thaker я предпочитаю, хотя и Lazarus надежен. Академия может заказывать им непосредственно. Могу и я быть посредником. Без аванса ф[унтов] 50–100 они не согласятся отправлять большие посылки.

Жару я переносу хорошо, но вот эти дни с глазами что-то делается, боюсь, не пришлось бы прервать работу.

Ващ Ф.Щерб.

СПбФАРАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 35. Автограф.

№ 197

*2 июля 1910 г. — Письмо Ф.И.Щербатского
в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии
(РКИСВА) о получении фотоаппарата*

Аппарат мною наконец получен, о чем честь имею известить Комитет и выразить ему за то мою глубочайшую признательность. Он был отправлен в конце января (31-го) и прибыл в Бомбей в конце марта. В это время, хотя Hotel Watson и был закрыт, но бюро его функционирует и по сие время, вся моя корреспонденция в первое время получалась через этот адрес и ни одно письмо не пропало. Вся вина за то, что аппарат пролежал 4 месяца в кладовой фирме Glade & C°, падает на представителя ее, который не догадался даже послать мне извещение ни через Watson's Hotel, ни через poste restante, — не говоря уже о

Cook & Son, к которому все здесь в этих случаях обращаются, — а ограничился лишь констатированием факта, что отель закрыт. К сожалению, пленки оказались запакованными не так, как это следует для тропического климата. Я немедленно заказал для них непроницаемый для сырости ящик, но боюсь, что они могли уже пострадать от сырости, это можно будет узнать лишь после первых экспозиций. Так как командировка мне продолжена, то надеюсь поработать аппаратом после окончания муссона с сентября по декабрь.

Ф.Щербатской.

СПбФАРАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 22–23. Автограф.

№ 198

*Лето⁷² 1910 г. — Свидетельство,
выданное Ф.И.Щербатскому Свами Сурешваранандом*

Преподаватель императорского высшего учебного заведения Русской страны по имени Щербатска читал со мною «Ньяябхашья», «Ньяявартика», «Ньяявартикаатпарьятика», «Ньяякусуманджали», «Таттвачинтамани»⁷³, «Ньяяканикашлокавартика» и другие тексты. И после того как он прошел испытания в указанных текстах, знаток всех философских доктрин Сурешварананда Свами увенчивает его соответствующим званием «Таркабхушана»⁷⁴.

СПбФАРАН, ф. 725, оп. 3, д. 222, л. 30. Автограф. Пер. с санскрита составителя.

№ 199

*7 октября 1910 г. — Письмо Ф.И.Щербатского
С.Ф.Ольденбургу об аудиенции у далай-ламы*

Аудиенция состоялась, переводчиком был сам Bell, любезность англичан ко мне не знает границ. Вместе с Ross'ом работаем над Abhidharmaśāstra, у него китайский, японский и уйгурский текст, у меня тибетский и wuakhya⁷⁵. Надеюсь, примете наш совместный труд в Bibliotheca Buddhica. Сломал себе руку, заживает, послал Вам письмо для крупчатки. Узнайте на случай о позволении кит[айцев] в Тибет, англичане мне препятствовать не будут.

Ф.Щерб.

СПбФАРАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 37. Автограф.

10 октября 1910 г. — Письмо Ф.И.Щербатского
В.В.Радлову о пребывании в Дарджилинге
и о знакомстве с Д.Россом⁷⁶

Darjeeling, Woodland's Hotel

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Я уже неделю живу в Дарджилинге, в Калькутте в настоящее время нечто вроде рождественских праздников, все закрыто, и все разъехались; я предполагал пробыть здесь несколько дней, но, вероятно, пробуду дольше, с месяц. С первого же дня я предпринял шаги, чтобы добиться аудиенции у далай-ламы⁷⁷, пока еще аудиенция не состоялась, но она состоится почти наверное, если только не вздумает помешать русский консул. Я его лично не знаю, он теперь в Симле, но, помня недоброжелательное и завистливое отношение русского консула в Урге⁷⁸, боюсь, не повторилась бы тут та же история. Не странно ли положение — мне удалось завязать наилучшие отношения со всеми чиновниками индийского правительства, приставленными к далай-ламе, и с их стороны я не ожидаю противодействия, а вот насчет своего русского консула не совсем уверен. Секретарь консульства, некто Бравин, — просто хам! Подробности об этом сообщу в следующем письме.

Здесь я встретился с Dr.D.Ross'ом, которого Вы хорошо знаете. Мы с ним подружились, он в настоящее время поглощен буддийской литературой и для этого изучил языки китайский, тибетский и туркский. Если припомните, я писал Вам из Парижа, что французы своих уйгурских материалов никому для обработки не отдадут, так как хотят, чтобы эта работа досталась французским ученым, для чего сам S.Lévi, Pelliot⁷⁹ и еще три какие-то *homines obscuri** занимаются в настоящее время уйгурским. Тогда Lévi мне сказал, что Штейн привез прекрасную уйгурскую рукопись перевода знаменитого Abhidharmaśāstra и что так как у англичан никого для уйгурского нет, то, возможно, что они согласятся передать эту рукопись для обработки в Петербург. Из письма ко мне барона Сталь-Гольштейна я знаю, что были сделаны попытки получить эту рукопись. Но попытки эти имели не то действие, которое можно было бы от них ожидать. Stein послал фотографические снимки главы Ross'у в Калькутту; Ross принял энергично за работу, большой помощью ему оказался один японский монах⁸⁰, здесь живущий специалист по abhidharma. Между тем Lévi сам захотел заняться изданием уйгурского текста этого сочинения, и, по-видимому, как предполагает Ross, Stein уже передал ему рукопись. Lévi предлагает Ross'у приехать в Париж и принять участие в *équipe****, состоящей из него, Lévi, Pelliot и 3 *viri obscuri****. Ross, понятно, возмущен таким образом действия, но поделать ничего не может, так как рукопись в руках у Stein-Lévi, и выцарапать ее от них будет трудно.

В настоящее время мы с Ross'ом работаем над переводом и комментарием первой главы abhidharma, но, к сожалению, чего-либо пригодного для печати ожидать нельзя, так как снимки, присланные Штейном, очень плохи. Таким

* *Homines obscuri* (лат.) — неизвестные (сост.).

** *Equipe* (франц.) — компания, коллектив (сост.).

*** *Viri obscuri* (лат.) — неизвестные (сост.).

образом, в настоящее время совсем невозможно ожидать получить эту рукопись в Петербург. В будущем году Ross имеет отпуск на целый год и думает между прочим приехать в Петербург. Быть может, тогда удастся нам устроить совместные заседания по уйгурско-санскритской abhidharma, я по крайней мере советую ему не уступать своих прав. Таковы нравы гг. ученых, и ожидать от берлинцев⁸¹, что они будут делиться с кем-либо своими материалами, было неосновательно. Кстати, мне говорил Ross, что он знает из писем к нему Lecoq'a⁸² и других, что Noldeke⁸³ глубоко возмущен нападками, весьма неприличными, которые себе позволил Lecoq на Вас, и даже написал Lecoq'у письмо, где советовал ему не забывать всего того, чем обязана туркология Вашим трудам. Нёльдеке говорит в своем письме, «где бы были вы все, молодые туркологи, если бы у Вас не было под руками словаря⁸⁴ и прочих компетентных трудов Радлова». Необходимо избрать D.Ross'a членом нашего Комитета, он человек крайне милый, деятельный и обязательный, необходимо ему послать все наши издания, он и его жена хорошо знают по-русски⁸⁵.

СПбФРАН, ф. 177, оп. 2, д. 287, л. 9–10. Автограф. Опубл.: Российские путешественники в Индии, с. 295–297.

№ 201

*12 октября 1910 г. — Письмо Ф.И.Щербатского
С.Ф.Ольденбургу о его пребывании в Дарджилинге*

12.X.1910. Woodland's Hotel,
Darjeeling

Дорогой Сергей Федорович!

Получили ли Вы мое первое письмо, написанное по приезде? Я уже здесь с неделю. Сегодня, вероятно, придет из Калькутты рукопись⁸⁶ Abhidharmaкоша, и мы с Россом примемся за работу. Надеюсь, что после всего того, что я прочел из области пуауа, abhidharma не представит затруднений. Относительно свидания с Д-Ламой положение прежнее, я передал ему, «случайно» встретившись в лесу с Эмчи-хамбо⁸⁷, письмо от «строительного комитета буддийского храма». Далай-Лама жаждет меня видеть, но не хочет ничего делать без согласия англичан. Я тоже с первых шагов заявил Bell⁸⁸ (political officer for Sikkim*, приставленный к Д-Ламе), что если почему-либо мое свидание для английского правительства нежелательно, то я настаивать не буду⁸⁹. В запасе у меня письмо сэра А.Никольсона к л[орду] Минто. Bell очень любезен, пригласил обедать, обещал достать для нашего комитета от Д-Ламы все, что тому потребуется. Я дал ему список сочинений, насчет же аудиенции хотя обещает, но тянет под предлогом, что Д-Лама советует с астрологом насчет благоприятного дня. Посылаю Варваре Петровне⁹⁰ два чудных снимка Д-Ламы, ей же пошлю со следующей почтой нечто вроде фельетона насчет Дарджилинга, можно будет напечатать, это подержит дело и авторитет строительного комитета, не откажите просмотреть перед

* Political officer for Sikkim (англ.) — политический агент (резидент) по Сиккиму (сост).

напечатанием, даю *carte blanche** на исправления, фотографии можно обнародовать, только если крупчатка дошла до Петербурга.

Я, собственно, уже в Тибете, и не быть в состоянии проехать дальше глупо! Англичане, думаю, меня пропустили бы свободно, но китайцы и, главное, свои!

Крепко жму Вашу руку Ф.Щерб.

Необходимо избрать Росса членом нашего комитета. Сегодня пишу Радлову заказным. Ваш Щерб.

СПбФАРАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 40. Автограф.

№ 202

*20 октября 1910 г. — Письмо Ф.И.Щербатского
В.А.Жуковскому о том, что он сломал руку
и может опоздать к началу учебного года*

Darjeeling

Многоуважаемый Валентин Алексеевич!

Я не получил от Вас письма с уведомлением, что отпуск мне разрешен до 1-го января 1911 г., вероятно, Вы послали его через консульство, и оно затерялось. Стороной узнал, однако, что Вы посылали мне об этом и что продление командировки разрешено. К сожалению, со мной случилось здесь небольшое несчастье, я свалился с лошади во время одной экскурсии в горы по буддийским монастырям и сломал себе руку (мамаше я об этом не писал). Она теперь срастается, но все еще нельзя будет снять повязки дней десять. Я не хочу двигаться в дальнейший путь, пока не срастется кость, так как в жаре индийской все раны заживают гораздо медленнее. Английская колония и официальные лица отнеслись ко мне крайне мило, не только не делали затруднений, но даже помощи и вниманию конца не было. Не только виделся с далай-ламой, но я уверен, что не было бы трудно поехать и в Тибет. Ужасно досадно быть у самого Тибета, почти и даже совсем в Тибете и не быть в состоянии идти дальше. Здесь немало встречается англичан, свободно говорящих по-тибетски, хорошо знающих страну и свободно по ней разъезжающих, несмотря на официальный запрет. Постараюсь не опоздать к началу 2-го семестра, но если заживление руки затянется, то будьте добры доложить факультету о постигшем меня случае, который может меня задержать. Мне кажется, доктор не вполне правильно поставил кости в кисти, я сломал руку и вывихнул кисть.

Здесь я встретил доктора Д.Росса, которого Вы знаете. Он теперь занимается китайским, турецким⁹¹ и тибетским, с ним вместе мы начали одну работу на основании санскритских, китайских, тибетских, японских и турецких материалов — перевод *Abhidharmaśāstra* — текста, над которым еще Burnouf⁹² ломал себе голову и много народу после него. Думаю, что из наших усилий может выйти толк, во всяком случае, время, которое я провожу здесь, не потерянное.

* *Carte blanche* (франц.) — свобода действий (сост.).

Ross свободно читает по-русски и жалуется, что в последнее время ничего не получает из России. Будьте добры, пошлите ему Ваши персидские песни⁹³ и об диссертации Мелиоранского⁹⁴. При бароне он аккуратно получал «Записки»⁹⁵, но теперь перестал получать. Он очень энергичный и милый англичанин, может быть всегда полезен, так как, видимо, пользуется большим влиянием. Всякая услуга, ему оказанная, не пропадет, поэтому позвольте надеяться, что Вы не откажете похлопотать, чтобы книги были ему посланы в Калькутту.

Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 17, д. 10, л. 130. Автограф. Опул.: Российские путешественники в Индии, с. 297–298.

№ 203

5 ноября 1910 г. — Письмо представителя политического агента в Сиккиме Ладен Ла Ф.И.Щербатскому о предоставлении ему аудиенции у далай-ламы

Дорогой сэръ!

В отношении Вашего письма от 4 октября сообщаю Вам, что Его Святейшество Далай-Лама будет рад предоставить Вам аудиенцию в понедельник 7 ноября в 11 часов утра. Будьте любезны сообщить мне о Вашем согласии, чтобы соответственно информировать чиновников Ламы.

С почтением Ладен Ла⁹⁶.

СПбФРАН, ф. 725, оп. 3, д. 119, л. 1. Пер. с англ. составителя.

№ 204

25 ноября 1910 г. — Донесение Генерального консула в Калькутте Б.К.Арсеньева министру иностранных дел С.Д.Сазонову о свидании профессора Ф.И.Щербатского с далай-ламой

Калькутта

Милостивый государь Сергей Дмитриевич!

В дополнение к секретной телеграмме моей от 4/17 сего ноября имею честь донести Вашему Превосходительству о подробностях сообщения, сделанного мне находящимся в настоящее время в Индии профессором факультета восточных языков С-Петербургского университета Щербатским, коему в бытность его в Дарджилинге удалось повидать Далай-Ламу и получить не лишние интереса сведения касательно намерений Его Святейшества.

Прибыв в Дарджилинг в минувшем октябре, г. Щербатской обратился к проживающему в сем городе политическому агенту в Сиккиме г. Беллю с просьбой о разрешении представиться Первосвященнику. Г.Белль ответил не сразу: очевидно, он сносился с Калькуттою, не решаясь действовать в данном случае по собственной инициативе без указаний от индийского правительства.

Тем временем г. Щербатской, встретив случайно на прогулке нескольких тибетских сановников, успел познакомиться с ними и передать им имевшиеся у него письма на имя Далай-Ламы из С-Петербурга — от тибетского посланца Доржиева и других лиц.

Через несколько дней просимое позволение названным профессором получено и он в сопровождении г. Белля направился к Его Святейшеству, проживающему в стороне от города, в уединенной местности, охраняемой цепью стражников, никого до помещения Далай-Ламы без надлежащего разрешения англ[ийских] властей не допускающих. Во время аудиенции Первосвященник прежде всего осведомился о здравии Его Императорского Величества. Затем разговор перешел на незначащие темы, ни разу ввиду отсутствия а[нглийского] чиновника не коснувшись политических вопросов; конечно, не заходило также речи и о письмах, секретным путем переданных Его Святейшеству. Но на другой день один из приближенных Далай-Ламы, посетив профессора Щербатского, просил его от имени его повелителя довести до сведения императорского правительства, что преданность его Святейшества Р[оссии] остается неизменною и что чувства его разделяются тибетским народом. Кроме того, г. Щербатскому было сообщено, что Первосвященник в настоящее время хлопочет о разрешении отправиться в Калькутту и затем в Лондон, откуда он мечтает проследовать в С-Петербург.

Перед отъездом профессора из Дарджилинга Далай-Лама передал ему тем же путем несколько писем, адресованных в Р[оссию], — между прочим, на имя князя Э.Ухтомского⁹⁷. Несомненно, что переговоры, происходившие между нашим профессором и тибетскими сановниками, не остались тайною для а[нглийских] властей, с величайшим вниманием следящих за всеми шагами и действиями р[усских] путешественников, вероятно, узнали они также и о письмах, доставленных Далай-Ламе из Р[оссии] и отправленных им через посредство профессора Щ[ербатского] в С.Петербург. Однако они не только не высказали г. Щ[ербатскому] какого-нибудь неудовольствия, а, напротив, в высшей степени любезно и радушно принимали его в Дарджилинге. Равным образом и в Калькутте наш ученый был встречен а[нгличанами] отлично.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, М.Г., Вашего Пр-ва покорнейшим слугою

Арсеньев.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 985, л. 103–104 и об. Подлинник.

№ 205

*12 января 1911 г. — Из секретной телеграммы
министра иностранных дел С.Д.Сазонова
Генеральному консулу в Калькутте Б.К.Арсеньеву
об отношении российского правительства
к приезду далай-ламы в Россию*

...Если бы Далай-лама вновь обратился к Вам с запросом относительно посещения Санкт-Петербурга, благоволите ответить ему, что, если бы по приезде в Европу он имел желание и возможность посетить Россию, такая мысль была бы осуществима. Ввиду связывающего нас с английским правительством соглашения

по Тибетским делам, приезд министра Далай-ламы в Петербург был бы неудобен. Вам следует поэтому отклонить Далай-ламу от исполнения этого намерения.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 219, л. 41.

№ 206

*1912 г. — Краткий отчет Ф.И.Щербатского
о его командировке в Индию*

Целью моего путешествия в Индию, кроме общего знакомства со страной, было прежде всего разыскание остатков буддийской научной литературы, как в сочинениях собственно буддийских, так равно брахманских и джайнских, поскольку последние так или иначе отражали эпоху буддийского расцвета в истории индийской цивилизации (V–X века по Р.Х.). Одновременно с этим я имел в виду ознакомиться с положением, в котором находится изучение санскритского языка и литературы в самой Индии и особенно изучение тех отраслей литературы, которые до сего времени не поддавались интерпретации европейских ученых, представляли для них более или менее загадку.

Я приехал в Индию через Бомбей, в январе 1910 г. Остановка в этом городе не входила в мои предположения. Я хотел, собрав некоторые справки, прямо проехать в Бенарес и оттуда уже сделать ряд экскурсий в Кашмир, Непал, Сикким, а также в Калькутту и на юг, в Траванкор и Коломбо. Но обстоятельства сложились таким образом, что я провел больше всего времени в Бомбее и в Бомбейском президентстве, а от поездок на юг, в Кашмир и Непал должен был за недостатком времени отказаться, отложивши их до другого путешествия.

В Бомбейском президентстве первый город, который я собирался посетить, был Джессалмир. По сведениям, добытым проф. Ш.Р.Бхандаркар, у живущих там джайнов сохранились рукописи весьма важных буддийских философских сочинений Камалашилы⁹⁸ и Шантаракшиты⁹⁹, а также джайнского автора Маллавади¹⁰⁰, писавшего толкования на буддийские сочинения. Еще в 1908 г. наша Академия Наук предпринимала шаги, чтобы получить эти рукописи в пользование или заказать с них снимки, но безрезультатно.

По приезде в Бомбей мне удалось устроить, что списки с этих сочинений были заказаны правительством, и таким образом я избег необходимости предпринимать довольно трудное путешествие в Джессалмир через пустыню, что отняло бы у меня по крайней мере два месяца времени.

Кроме Джессалмира можно было предполагать, что у джайнов Катхиавара, в Ахмедабаде и в Патане должны были храниться рукописи буддийских сочинений. Джайны вообще в своем творчестве были мало оригинальны, зато с большим старанием собирали все то, что пользовалось известностью. Они тщательно изучали и даже комментировали буддийские научные сочинения эпохи расцвета. В каждой почти джайнской библиотеке находятся следы этого. Кроме того, джайны, благодаря своей особенной способности ладить с властью преобладающими и своему несметному богатству, сумели сохранить свои коллекции в целости от мусульманского варварства. Что это все-таки было нелегко, видно из того, как устроены их библиотеки, так называемые бхандары. Бхандар представляет собою темную комнату, которая имеет стены, покрытые мелкой резной работой,

за которой скрываются в некоторых местах потайные двери шкафов. Шкафы, в свою очередь, внутри совершенно темны: имеют стены, украшенные мелкой орнаментикой, и на первый взгляд кажутся пустыми, но в действительности стены представляют сплошь лицевую сторону потайных ящиков, в которых рукописи и заключены. В эти свои бхандары джайны пускают посторонних посетителей крайне неохотно и только особенно рекомендованных им лиц. Старики все еще боятся, что каждый чужеземец, подобно их бывшим правителям мусульманам, пожелает предать огню всякую книгу немусульманского вероучения. В последнее время джайны очень много печатают, но сравнительно незначительная часть этих вещей поступает в продажу. Печатание производится богатыми людьми как акт благочестия, и книги раздаются даром только лицам, к которым джайны чувствуют особое доверие. В Патане предполагалось существование библиотеки Хемачандры¹⁰¹, которого джайны считают величайшим своим ученым. Однако Бюлеру¹⁰², несмотря на 17 лет, проведенных в Бомбее, не удалось ее видеть. Д-р Р.Г. Бхандаркар при свидании мне сказал, что, по его убеждению, библиотека эта погибла и не существует вовсе.

Благодаря счастливой случайности и просвещенному содействию махараджи Бародского мне удалось не только напасть на след этой библиотеки, но и достать ее каталог. Среди интересовавших меня вещей оказались рукописи тех же самых сочинений, которые были открыты в Джессалмире, и, кроме того, много других. Так как к этому времени уже прибыл в Бомбей фотографический аппарат, высланный мне Комитетом, то я намеревался их сфотографировать, но хранители библиотеки запротестовали против этой необычной операции, и мне пришлось удовольствоваться заказом списков.

Кроме того, я осмотрел великолепные джайнские бхандары в Ахмедабаде, но, к сожалению, в них не оказалось ничего из той области, которой я больше всего интересовался, хотя джайнская литература представлена там с замечательной полнотой.

Когда явилась возможность пользоваться присланным мне фотографическим аппаратом, я поехал в Пуну и в библиотеке тамошнего Deccan College¹⁰³ сфотографировал две рукописи XII в. Nyayavartikatatparyatikaparicuddhi известного философа Удаяны¹⁰⁴.

Рукописи эти были настолько сухи, что ломались от прикосновения и, вероятно, скоро рассыплются на мелкие кусочки, вроде тех кусочков пальмовых рукописей, какие теперь находятся в песках Центральной Азии, если не будет принято против этого особых мер.

Главная же моя работа в Бомбейском президентстве состояла в переводе на английский язык всех основных сочинений по философии ньяя, причем я пользовался бесценными для меня указаниями туземных пандитов. В этой работе совместно с туземными пандитами я вижу главный результат своего путешествия. Опять должен сказать, что целый ряд благоприятных случайностей дал мне возможность найти лиц, которые являются непосредственными хранителями древних традиций санскритской учености. Так как эти лица принципиально чуждаются всякого общения не только с европейцами, но и со всеми индусами, которые входят в сношение с европейцами, то я в Индии не мог получить никаких решительно указаний на то, где найти настоящих индийских пандитов, и только, повторяю, счастливая случайность свела меня с одним нищим отшельником, с которым мне удалось близко сойтись, а через него и со многими другими. Он происходил из Durbhanga и в Бомбей попал случайно, вследствие голодовки на

его родине, которая заставила разбежаться половину населения. Авторитет его среди местных индийских каст был столь велик, что он мог, не стесняясь правилами кастовой исключительности, свободно жить со мною.

Я поселился вместе с ним и другими пандитами в местности Ghat Kora и прожил в этой среде в общей сложности около 8 месяцев. Жили мы в совершенно индийской обстановке, в местности, в которой не было ни одного европейца, где единственный разговорный язык был санскрит, проводя время с утра до вечера в философских диспутах, с двумя перерывами в месяц, в день новолуния и полнолуния.

Через него и других моих знакомых пандитов я собрал подробные сведения о положении санскритской учености в Индии. Во всех центрах современной Индии, где устроены университеты английского образца, изучение санскрита ведется по европейским методам и стоит очень низко. Ниже всего оно стоит в Калькутте, как городе, наиболее подверженном европейскому влиянию.

Совершенно неприкосновенно стоит система изучения, как и ее результаты, в Durbhanga, отчасти потому, вероятно, что здесь была родина большинства великих философов и ученых, а отчасти и потому, что это место лежит в стороне от современных центров и главных путей управления.

В Бенаресе мне пришлось главным образом заниматься сочинениями системы миманса.

В эпоху, непосредственно следовавшую за временем буддийского расцвета, когда звезда буддизма уже померкла и буддисты уже перестали быть серьезными противниками, философские споры велись между сторонниками системы ньяя и сторонниками системы миманса. Среди сочинений последней школы я нашел, в библиотеке Queen's College¹⁰⁵, большую рукопись, носившую заглавие Kaṣika и представлявшую собою, как оказалось, комментарий на Mīmāṃsāślokaṣartika¹⁰⁶. Мною была она эксцерпирована* в местах, имевших отношение к буддийским учениям. Интерес истории системы ньяя-вайшешика в том и состоит, что она постоянно видоизменяется под влиянием тех противников, с которыми приходится бороться.

Вначале такими противниками были буддисты-хинаянисты, затем буддисты-махаянисты¹⁰⁷, затем миманса, затем Прабхакара¹⁰⁸. По принятой в Индии системе изложения сначала выступает со своим мнением оппонент (pūrvapakṣa), а затем автор его разбивает и делает заключение (siddhanta). В Nyayabhaṣya оппонентом является, между прочим, буддист-хинаянист, в Nyayavartika и [Nyayavartika] tatparayatika буддист-махаянист, в сочинениях Удаяны чаще всего сторонник древней мимансы, а у Гангешы¹⁰⁹ почти исключительно сторонник новой мимансы — прабхакарист.

Перевод всех этих сочинений составляет теперь ближайшую мою задачу. При этом считаю нужным заметить, что перевод этот должен непременно быть сделан на языке, доступном для оценки туземных индийских ученых, а таким языком является только английский.

В Дарджилинг я приехал в начале октября, спасаясь от страшной жары в Калькутте. Я не имел особой надежды видеть Далай-Ламу, так как знал, что он содержится почти на положении военнопленного и все к нему доступы строго охраняются, сношения с ним по почте или телеграфу совершенно невозможны. Но благодаря исключительной любезности как губернатора Бенгала, который

---

* Эксцерпировать — от лат. «эксцерпт» — выписка, делать выписки (сост.).

в это время был в Дарджилинге, так и политического агента при махарадже Сиккимском, Mr. Ch. Bell'a, мне удалось не только видеть Далай-Ламу, но и сноситься с ним совершенно свободно во все время моего пребывания в Дарджилинге, которое продолжалось с лишним месяц.

От Далай-Ламы и его приближенных я пополнил свои сведения о тибетских монастырях, в которых имеются еще большие собрания санскритских рукописей и ксилографов. Библиотеки монастырей Сиккима, Бутана и Дарджилинга, по сведениям, которые удалось собрать, очень бедны и не имеют даже полного издания Канджура и Танджура¹¹⁰. Библиотеки этих монастырей не могут быть сравнимы с библиотеками монастырей Монголии и Тибета. Этим, вероятно, объясняется, что и в Библиотеке Азиатского Общества¹¹¹ в Калькутте до сих пор даже нет полного экземпляра Танджура. Напротив, в Тибете, хотя богатейшее, почти полное по преданию, собрание буддийских санскритских рукописей в монастыре Самье уничтожено пожаром, имеются еще 2 монастыря около Лхасы и один около озера Манасаровар, где санскритских рукописей очень много. Судя по словесному описанию, это, вероятно, ксилографы очень большого формата, вроде того, которым напечатаны сочинения Цзонхавы¹¹² в издании, имеющемся у нас в Азиатском Музее¹¹³. Далай-Лама пригласил меня посетить Тибет и сфотографировать их.

Путешествие от Дарджилинга в Тибет в настоящее время не представляет никаких затруднений. Имеется прекрасная дорога, почтовые станции, отличные гостиницы, так наз. дак-бангалы. В Гинцзе, в нескольких днях от Лхасы, имеется даже английский клуб и все надлежащие устройства для занятия спортом, гольф, теннис и т.п. Было поэтому весьма заманчиво воспользоваться случаем, чтобы совершить то путешествие, которое благодаря описанию Свен Гедина¹¹⁴ и других путешественников считалось сопряженным с невероятными трудностями. Дело остановилось за разрешением китайского правительства, без которого в то время ехать открыто не представлялось возможным. К сожалению, в Петербурге этого разрешения добиться не удалось, и так пришлось, находясь, так сказать, уже в самом Тибете, отказаться от осуществления этой заветной для каждого тибетаниста мечты.

1912

СПбФАРАН, ф. 725, оп. 2, д. 25, л. 1-7. Автограф. Опубл.: Известия РКИСВА, сер. II, № 1, СПб., апрель 1912, с. 70-75; Восток-Запад. Вып. 4. М., 1989.

№ 207

1912 г. — Неопубликованная часть отчета
Ф.И.Щербатского о его поездке в Индию

Во время моего пребывания в Дарджилинге с 4-го октября по 15 ноября 1910 г. я старался выяснить те обстоятельства, которые повели за собою поспешное бегство Далай Ламы из Лхасы. После дипломатических шагов, сделанных в его пользу Россией, устроив, казалось, прочие свои отношения с Пекинским правительством, Д.Л. возвратился в Лхасу в надежде на то, что он будет в состоянии править своей страной на прежних основаниях, т.е. в условиях почти полной автономии, административной, финансовой и отчасти военной. Однако

еще во время своего медленного движения из Пекина в Лхасу северной дорогою (через Гунбум) ему пришлось убедиться, что намерения китайского правительства относительно его совершенно изменились и что последнее решило использовать всю то положение, которое создано в силу взаимных обязательств Англии и России о невмешательстве в тибетские дела¹¹⁵.

Хотя весьма затруднительно было получить точные данные о том, что делается по ту сторону Гималаев, и сами англичане, по-видимому, ими не располагают, тем не менее из всего, что приходилось слышать, можно было себе составить понятие о целях китайской политики в Тибете и методах, коими цели эти предполагалось достигнуть. Методы эти таковы, что китайское правительство имеет полное основание стремиться всеми силами держать их в тайне и принимать всякие меры, чтобы избежать гласности. С другой стороны, эти же методы объясняют, почему в настоящее время Д.Л. главным, даже единственным условием своего возвращения в Тибет ставит присутствие при себе представителей заинтересованных правительств Англии и России, как бы они ни назывались — консулом, агентом или иным.

Китайское правительство, убедившись в незыблемости громадного авторитета личности Д.Л. в Тибете и Монголии, через своего представителя в Дарджилинге усиленно приглашает Д.Ламу вернуться в Лхасу и обещает ему, что все будет по-старому, т.е. что автономия или полная почти самостоятельность Тибета не будет нарушаться. В ответ на это Д.Л. дает свое согласие на возвращение только под вышеуказанным условием. Англичане, по-видимому, не желают прямо отказывать Д.Л-е, но ссылаются на англо-русское соглашение о невмешательстве, в силу коего они будто бы лишены возможности послать своего представителя в Лхасу, так как этому воспротивится Россия. Д.Л. знает, однако, о том, что вышеозначенное соглашение в этой своей части истекло в августе минувшего года, и заявил, что, если правительство Индии не в состоянии удовлетворить его просьбы, он имеет намерение продолжать хлопоты непосредственно в Лондоне. Мне лично Д.Л. сказал, что из Лондона он с той же целью предполагает ехать в Петербург. Когда я уезжал из Дарджилинга, то Д.Л. хлопотал о разрешении ехать со мною в Калькутту, на свидание с новым вице-королем лордом Хардингом, затем через Бенарес, Бомбей в Европу. В ответ на это political officer Ch. Bell не отказывал прямо, а обращал внимание Д.Л. на большие, связанные с таким путешествием расходы и не предпринимал никаких шагов для устройства путешествия Д.Л. хотя бы в Калькутту.

Положение, в котором живет Д.Л. в Дарджилинге, похоже на положение военнопленного, хотя и окруженного некоторым внешним почетом, сношения с ним по почте и телеграфу невозможны, двинуться он никуда без разрешения англ[ийских] властей не может. По моему настоянию состоящие при Д.Л. министры составили записку о всем том, что за последнее время было совершено кит[айскими] властями в нарушение тибетской автономии. Записка эта была составлена, она перечисляет (хотя без всякой системы) то, в чем Д.Л. видит нарушение своих прав и что принудило его искать спасения в бегстве и прибегнуть к покровительству Англии и России.

Из записки этой, равно и из сведений, собранных мною на месте, выясняется след[ующая] картина. Тибетские монастыри имеют характер крепостей, и потому китайцы пользуются малейшим предлогом, чтобы их разрушать до основания, грабить, и разгонять, и умерщвлять монахов. Все оружие у тибетцев отобрано, пороховые и патронные заводы закрыты, разрушены, а войско тибетское унич-

тожено. Чеканка тибетской монеты прекращена, все доходы (соляной, винный, таможенный, с торговли и т.д.) отбираются в пользу китайской казны.

Д-Л-е, по слухам, предложено было получать 20 000 лян в год. В восточный Тибет введены кит[айские] войска новой формации, для них строят на местные средства казармы, а часть их расквартирована в домах и помещениях приближенных Д-Л-ы. Все сношения с границей подвергаются строгому контролю. Никакие прямые жалобы, адресованные Пекинскому правительству, не принимались, с жалобщиками же амбань распоряжался очень круто, всем им отрубили головы. Когда Д.Л. отправил навстречу войску, надвигавшемуся на Лхасу, посольство из одного чиновника и 8 секретарей с просьбой не вводить в Лхасу кит[айское] войско, так как не найдено помещения, то этот чиновник и 8 его служителей по прибытии в кит[айский] лагерь были обезглавлены. Наиболее тяжелое впечатление произвело на Д.Л. следующее обстоятельство. Известно, что при вступлении Д.Л. на престол был открыт заговор на его жизнь, заговор не удался, и стоявший во главе лама Дел был осужден, имущество его было отобрано, и он содержался в тюрьме. По приказу амбаня этот лама Дел был освобожден и имущество ему возвращено. Когда китайское войско вступило в Лхасу и некоторые приближенные Д.Ламы были при этом убиты и ранены, а затем, вероятно, для устрашения Д.Л. была произведена стрельба по направлению к его дворцу, то Д.Л. счел свое дальнейшее пребывание в Лхасе небезопасным и решил на бегство.

СПбФРАН, ф. 725, оп. 1, д. 92, л. 7-9. Автограф.

Примечания

¹ Щербатской Федор Ипполитович (1866–1942), крупнейший специалист по буддизму и классической индийской философии, профессор факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, чл.-кор. Академии наук (1910), академик с 1918 г.

² Премчанд, Дханпатрай (1880–1936), известный индийский писатель на языках урду и хинди.

³ Якоби, Герман (1850–1937), классик немецкой санскритологии, профессор университета в Бонне, один из первых исследователей джайнизма, автор трудов по индийской логике и эстетике, учитель Ф.И.Щербатского.

⁴ Таттвасанграхапанджика — комментарий Камалашилы (700–750) на «Таттвасанграха», сочинение Шантаракшиты (680–740), в котором защищается философская доктрина буддийской школы йогачара-мадхьямика в полемике с концепциями других философских школ.

⁵ Диван Джайсалмера — имеется в виду главный (первый) министр или министр финансов княжества Джайсалмер.

⁶ Панчи, по-видимому, члены панчаята (совета, органа управления общины или касты), который состоит обычно из пяти (панч) лиц.

⁷ Бхандаркар, Шридхар — санскритолог, профессор Эльфинстон-колледжа (Бомбей), старший сын Р.Г.Бхандаркара. Речь шла о книге: *Bhandarkar Sh. Report of a Second Tour in Search of Sanskrit Manuscripts. Bombay, 1907.*

⁸ XV Международный конгресс востоковедов состоялся 14–20 августа 1908 г. в Копенгагене.

⁹ Лейман, Эрнст (1859–1931), немецкий санскритолог, профессор в Страсбурге, исследователь джайнизма и рукописей из Центральной Азии. Далее в тексте имеется в виду его работа о языках Восточного Туркестана, опубликованная в *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen*

Gesellschaft, Bd. 61–62, 1907–1908, «Über die einheimischen Sprachen von Ostturkestan im frühen Mittelalter».

¹⁰ Вопреки договоренности о международном сотрудничестве в исследовании Центральной Азии немецкие ученые (прежде всего руководитель экспедиции в Турфанский оазис (Восточный Туркестан) А.Лекко) не спешили поделиться с русскими коллегами привезенными материалами.

¹¹ Радлов Василий Васильевич (1837–1918), русский востоковед-тюрколог, академик АН (1884), специалист по тюркским языкам и фольклору. В 1884–1890 гг. — директор Азиатского музея, в 1894–1918 гг. — директор Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры, МАЭ), инициатор создания Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (РКИСВА) (1903–1918), председатель правления Общества изучения Сибири и улучшения быта ее жителей (1908–1918).

¹² *Bibliotheca Buddhica* («Библиотека Буддика») — международная серия публикаций буддийских текстов и исследований по так называемому «северному буддизму» (Тибет, Монголия, Китай, Япония, тексты, связанные с махаяной, на санскрите), основанная в 1897 г., ее изданием руководил акад. С.Ф.Ольденбург, с 1937 г. прекратила свое существование на 30 выпуске. С конца 50-х — начала 60-х годов неоднократно делались попытки ее возрождения и книгам по данной тематике присваивались очередные номера серии.

¹³ «Мадхьямика-вритти» — философский комментарий средневекового индийского мыслителя Чандракирти (VI–VII вв.) на «Мадхьямикасутры» Нагарджуны (II в.), где излагалась доктрина мадхьямики в полемике с учениями других школ. Текст опубликован бельгийским санскритологом Л. де ла Валле Пуссеном в серии *Bibliotheca buddhica*, вып. 1–7, СПб., 1904–1913.

¹⁴ Таттвасанграха — «Компендиум категорий», философский трактат, составленный Шантаракшитой (680–740).

¹⁵ Прамана-вартика — сочинение Дхармакирти (580–650) об источниках познания, в котором излагалась буддийская логика и теория познания.

¹⁶ Жуковский Валентин Алексеевич (1858–1918), иранист, в 1902–1911 гг. — декан факультета восточных языков Петербургского университета.

¹⁷ Имелся в виду санньясин, странствующий отшельник, Свами Сурешварананд (см. ниже).

¹⁸ Позднее он писал: «Я вывез эти знания из Индии, где я в живом общении и дружбе с туземными учеными изучал то, что нигде иначе не может быть изучено» (СПбФАРАН, ф. 725, оп. 1, д. 153, л. 4).

¹⁹ Вудс Дж.Г. (1864–1935), американский ученый-санскритолог, ученик немецкого философа-санскритолога П.Дойссена, переводчик и исследователь «Йогасутры» Патанджали, занимал кафедру философии в Гарварде, состоял в переписке с Ф.И.Щербатским.

²⁰ Бхандаркар Рамакришна Гопал (1837–1925), известный индийский историк, знаток религиозно-философских течений Индии, собиратель рукописей, был избран почетным членом Петербургской Академии наук в 1888 г. (Русско-индийские отношения в XIX в. М., 1997, док. № 130).

²¹ Из письма Ф.И.Щербатскому буддолога Д.Косамби (отца известного историка Д.Д.Косамби): «Мы встречались в Гхат Копаре, где Вы и доктор Суктханкар жили в одном и том же доме» (СПбФАРАН, ф. 725, оп. 3, д. 111, л. 1). Упомянутый здесь В.Суктханкар — ведущий индийский текстолог, под руководством которого позднее было осуществлено критическое издание Махабхараты. Д.Косамби, преподававший в Калькуттском университете, получил от Ф.И.Щербатского рекомендательные письма для работы в Гарварде (СПбФАРАН, там же). В свою очередь, он дал русскому ученому рекомендательные письма для своих коллег в Дарджилинге, с помощью которых Ф.И.Щербатской надеялся получить аудиенцию у далай-ламы (СПбФАРАН, ф. 725, оп. 2, д. 25, л. 32).

²² Накануне отъезда в Индию, в декабре 1909 г., в Париже Ф.И.Щербатской узнал о сенсационной находке Ауреля Стейна (Штейна), привезшего в Лондон уйгурскую рукопись «Абхидхармакоши» Васубандху, буддийской философской энциклопедии, санскритский оригинал которой тогда считался утерянным.

²³ Шталь (Сталь)-Гольштейн Александр Августович (1877–1937), российский санскритолог, буддолог и специалист по Центральной Азии, работал в музеях и рукописных собраниях Англии, исследуя так называемые «индо-скифские» древности. В 1903 г. совершил путешествие по Индии, которое описал в статье «Путевые впечатления из Индии» (Известия Императорского географического общества. СПб., т. 40, 1904). В 1905 г. назначен секретарем российского Генерального консульства в Бомбее, прибыл в Индию 29 марта, но вскоре заболел острым нервным расстройством и уже 20 апреля был уволен. С 1909 г. приват-доцент Петербургского университета, часто заменял Ф.И.Щербатского во время его командировок.

²⁴ Иванов Алексей Иванович (1878–1937), китаист, исследователь легизма и средневековой философии Китая, профессор Петербургского университета.

²⁵ Автор имел в виду окончание срока действия соглашения по Тибету, которое было заключено в 1907 г.

²⁶ Фотографический аппарат был необходим ученому для пересъемки рукописей. Он был выслан в начале 1910 г., но его пересылка заняла почти полгода.

²⁷ Штернберг Лев Яковлевич (1861–1927), этнограф, специалист по религиям малых народов Сибири, сотрудник Музея антропологии и этнографии (МАЭ), секретарь РКИСВА.

²⁸ Лицо не установлено.

²⁹ Варвара Александровна — жена В.А.Жуковского.

³⁰ Поездка Ф.И.Щербатского финансировалась Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии (РКИСВА), членом которого состоял В.А.Жуковский (2 тыс. руб.), и факультетом восточных языков Петербургского университета (3,5 тыс. руб.).

³¹ В письме идет перечисление основных текстов и средневековых комментариев древнеиндийской философской системы ньяя, уделявшей особое внимание логике.

³² Дас, Сарат Чандра (1849–1917), известный индийский путешественник по Тибету, посетил Лхасу в 1879 и 1881 гг., составитель тибетско-английского словаря, был директором школы в Бенгалии, с 1904 г. на пенсии.

³³ Дармакирти (Дхармакирти) (VIII в.), средневековый индийский ученый в области буддийской логики, автор «Ньяябинду» (изданной Ф.И.Щербатским в 1904–1918 гг.) и других сочинений, известных лишь по тибетским переводам. См.: *Щербатской Ф.И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 1. «Учебник логики» Дармакирти с толкованиями Дармотгары. СПб., 1903.

³⁴ Ф.И.Щербатский имел в виду постройку буддийского храма в Старой Деревне в Санкт-Петербурге, которая началась в 1909 г. Председателем строительного комитета был В.В.Радлов, Ф.И.Щербатской — уполномоченным по строительству, членами комитета — С.Ф.Ольденбург, В.П.Шнейдер, Н.К.Рерих и др. См.: *Андреев А.И.* Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ, 1992.

³⁵ Шнейдер Варвара Петровна (1860–1941), художница, племянница И.П.Минаева, с которой как Ф.И.Щербатского, так и С.Ф.Ольденбурга связывали дружеские отношения, член строительного комитета буддийского храма.

³⁶ Берлинский музей народоведения был основан в 1886 г. и имел два отдела: этнографический (народов Индии, Восточной Азии, Америки и некоторых европейских до введения христианства) и отдел доисторических древностей (Африка, Океания и др.).

³⁷ Штиглицевский музей (с 1895) при училище рисования, основанном в 1876 г. меценатом бароном А.Л.Штиглицем, ныне Центральное художественно-промышленное училище им. В.И.Мухомовой.

³⁸ Российское Генеральное консульство было перенесено из Бомбея в Калькутту, где начало работать с 22 февраля 1910 г.

³⁹ Речь идет об экспедиции С.Ф.Ольденбурга 1909–1910 гг. в Туркестан (см.: *Ольденбург С.Ф.* Русская Туркестанская экспедиция (1909–1910 гг.). Краткий предварительный отчет. СПб., 1914).

⁴⁰ Имелись в виду древнетюркские (уйгурские) буддийские рукописи из Центральной Азии.

⁴¹ Правитель княжества Бхавнагар (Катхивар, Гуджарат) носил титул «Тхакор сахиб» и происходил из раджпутов клана Гохел. В описываемый период княжеством правил Бхавсингхджи (р. в 1875 г.).

⁴² Груз благополучно прибыл в Россию, и сегодня его можно видеть в индийском отделе Кунсткамеры. См.: *Кудряцев М.К.* Фрагмент дворца из города Насик (Индия). — Сборник МАЭ. Т. XIV. М.—Л., 1953.

⁴³ Русский музей имени императора Александра III был открыт в 1898 г. в Санкт-Петербурге в Михайловском дворце.

⁴⁴ Добровольный флот (ДФ) — крупное российское транспортное предприятие, созданное в 1878 г. по инициативе Общества для содействия русскому торговому мореходству на народные добровольные пожертвования. ДФ установил регулярные круглогодичные рейсы на основной линии Одесса — российский Дальний Восток; в интересующем нас регионе ДФ имел агентство в Коломбо.

⁴⁵ Ни одна русская пароходная компания не совершала регулярных рейсов в порты Индии, корабли заходили в Коломбо.

⁴⁶ Имеется в виду В.В.Радлов.

⁴⁷ Имеется в виду Борис Константинович Арсеньев.

⁴⁸ Имеется в виду В.П.Шнейдер.

⁴⁹ Наяик — специалист по традиционной индусской логике ньяя.

⁵⁰ Миманса, пурва-миманса — философская школа, уделявшая особое внимание методике интерпретации вед.

⁵¹ Митхила — область в Северной Индии, с древности славившаяся как родина особо благочестивых и ученых брахманов.

⁵² «Арья самадж» — просветительское религиозно-реформаторское общество, основанное в 1875 г. Даянандой Сарасвати. Проповедовало возвращение к идеалам вед против идолопоклонства и кастового неравенства.

⁵³ «Брахмо самадж» — просветительское религиозно-реформаторское общество, основанное в Бенгалии в 1828 г. Рам Мохан Роем, выступало против таких черт индуизма, как касты, ранние браки и пр., за распространение европейского образования в Индии.

⁵⁴ Правителем княжества Барода был Сайаджи Рао Гаеквар.

⁵⁵ Ф.И.Щербатской опасался, что его появление у границ Тибета будет воспринято не как научная экспедиция, а как выполнение политической миссии.

⁵⁶ «Ньяябинду» — сочинение о логике и теории познания Дхармакирти (см. выше), ставшее предметом многолетних исследований Ф.И.Щербатского: издание тибетского перевода в «Библиотека Буддика» (1904), публикация текста (там же, 1918), индексы санскритско-тибетский и тибетско-санскритский (там же, 1927–1928).

⁵⁷ Типпани — имеется в виду Ньяябиндудикатиппани, комментарий, составленный джайнским философом Маллавади (конец VIII в.) на Ньяябиндудика Дхармоттары (730–800), издано Ф.И.Щербатским в «Библиотека Буддика», XI, 1909.

⁵⁸ Цыбиков Гомбоджаб Цэбекович (1873–1930), бурятский буддолог, учившийся на факультете восточных языков Петербургского университета. В 1899–1902 гг. под видом паломника совершил путешествие в Тибет (см.: *Цыбиков Г.Ц.* Избранные труды. Т. 1–2. Новосибирск, 1981). С 1906 г. — профессор монгольской словесности в Восточном институте (Владивосток), в 1908 г. опубликовал «Пособие для изучающих тибетский язык».

⁵⁹ Имелись в виду серии изданий санскритских текстов, осуществлявшиеся индийскими учеными с конца прошлого века («Чаукхамба», «Нирная-сагар», «Анандашрам» и др.).

⁶⁰ Панини (ок. IV в до н.э.) — автор «Аштадхьяи», классической грамматики санскрита.

⁶¹ Палийский канон — «Типитака» — собрание канонических книг буддизма школы тхеравады, распространенной на Шри Ланке и в Юго-Восточной Азии.

⁶² «Шабдастомамаханидхи» («Великая сокровищница потоков слов») — средневековый свод санскритской лексики, составленный Таранатха Таркавачаспати.

⁶³ «The Pandit» — ежемесячный журнал по санскритологии, издававшийся с 1876 г. Бенаресским санскритским колледжем, изд. Лазарус.

⁶⁴ «Библиотека Индика» — серия публикаций преимущественно санскритских текстов и переводов, осуществлявшаяся под эгидой Азиатского общества Бенгалии с 1848 г.

⁶⁵ Одну коллекцию М.С.Андреев выслал в Музей антропологии и этнографии (МАЭ) в 1912 г., вторую продал МАЭ после возвращения в Россию в 1914 г.

⁶⁶ Стейн (Штейн), Ауфель (1862–1943), индолог, руководитель ряда экспедиций в Центральную Азию (1900–1916).

⁶⁷ Абхидхармакоша — «Энциклопедия абхидхармы», т.е. философии, сочинение Васубандху (400–480), крупнейшего представителя буддийской философии. В начале века была известна только в переводах, и Ф.И.Щербатской настойчиво искал санскритский оригинал.

⁶⁸ Романова Екатерина Михайловна, сотрудник МАЭ, заведующая библиотекой и делами РКИСВА.

⁶⁹ Лев Яковлевич Штернберг.

⁷⁰ Василий Васильевич Радлов.

⁷¹ Харрасовиц Отто — известная книгоиздательская и книготорговая фирма (Лейпциг, ныне Висбаден), специализирующаяся на литературе по востоковедению.

⁷² Документ был написан, очевидно, после окончания занятий. В конце августа 1910 г. Свами Сурешварананд уже жил в Дарбханге (см.: СПбФАРАН, ф. 725, оп. 3, д. 222, л. 4).

⁷³ «Ньяябхашья» — комментарий Ватсьяяны (V в.) на сутры философской школы ньяя; «Ньяяварттика» — сочинение по ньяя Удьютакары (VI–VII вв.); «Ньяяварттикатапьярьятика» — трактат Вачаспатимишры (XI–XII вв.); «Ньяякусуманджали» — сочинение Удаяны (XII–XIII вв.); «Таттвачинтамани» — сочинение Гангешы, основателя «новой ньяи» (XII в.).

⁷⁴ «Таркабхушана» (санскр.) — букв. «увенчаный логикой».

⁷⁵ «Вьякхья» — комментарий Яшомитры «Спхутартхабхидхармакошавьякхья» на «Абхидхармакошу» Васубандху был издан Ф.И.Щербатским и С.Леви в серии «Библиотека Буддика», Пг., 1918.

⁷⁶ Росс, Денисон (1871–1940), сотрудник отдела восточных рукописей Британского музея, работник архива в Калькутте, впоследствии директор «Школы востоковедения и африканистики» Лондонского университета.

⁷⁷ Далай-лама XIII Нганван Ловзан Тхубтан Джамцо (1876–1933).

⁷⁸ В мае 1905 г. Ф.И.Щербатской встречался с далай-ламой в Урге. Однако развитие этих контактов встретило противодействие со стороны чиновников русского МИД, опасавшихся дипломатических осложнений с Англией.

⁷⁹ Пеллио, Поль (1878–1945), французский китаевед-лингвист, путешественник по Центральной Азии.

⁸⁰ См. черновик Ф.И.Щербатского: «Я узнал много полезного о значимости японской традиции для исследования абхидхармы в беседах с японским монахом Ямаками Соген в 1910 г. в доме Денисона Росса. Поэтому я послал своего в то время самого одаренного ученика д-ра О.О.Розенберга в Токио, и его напряженная работа в течение четырех лет, проведенных там, открыла новую эпоху в изучении буддизма» (СПбФАРАН, ф. 725, оп. 1, д. 117, л. 246).

⁸¹ Речь идет о трениях, возникших между русскими и немецкими (А.Лекок, Мюллер) востоковедами по поводу международного сотрудничества в деле изучения Центральной Азии. Ф.И.Щербатской в декабре 1909 г. пытался получить доступ к материалам, привезенным берлинскими коллегами из Турфана (Восточного Туркестана).

⁸² Лекок, Альберт Август (1860–1930), один из руководителей немецкой экспедиции в Турфан.

⁸³ Нельдеке Т. (1836–1930), патриарх германской семитологии и исламоведения.

⁸⁴ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб., 1893–1911.

⁸⁵ Д.Росс учился у В.Р.Розена в Петербурге и неоднократно путешествовал по России.

⁸⁶ Очевидно, имелась в виду присланная А.Штейном копия уйгурского текста. См. письмо последнего Д.Россу, датированное 22 декабря 1910 г.: «Я очень рад, что Ваша работа над „Абхидхармакошей“ продвигается успешно, а Ваше общение с Щербатским плодотворно для обоих» (Ross D. Both Ends of the Candle. L., 1943, с. 109).

⁸⁷ Эмчи-хамбо — «лейб-медик» далай-ламы, видимо Туб-ван, с которым Ф.И.Щербатской встречался еще в Урге.

⁸⁸ Белл Ч.Ф. (1870–1945), чиновник англо-индийской администрации, знаток тибетского языка, политический агент при махарадже Сиккимском в 1908–1918 гг., автор ряда книг о Тибете.

⁸⁹ В черновике своего письма, видимо, от 4 октября Ф.И.Щербатской писал: «Конечно, я был бы весьма огорчен, если мой визит к Далай-Ламе оказался бы почему-либо нежелателен для правительства Индии. Я так много обязан любезности англо-индийских властей, что сама возможность подобного ответа остановила бы меня даже от посещения Дарджилинга» (СПбФАРАН, ф. 725, оп. 3, д. 222, л. 42). В Национальном архиве (Дели) имеется дело Secret, E. Dec. 1910, 740–744 о разрешении проф. Щербатскому посетить далай-ламу в связи с открытием в Санкт-Петербурге буддийской школы, общежития и библиотеки. Вот как описывает Ч.Белл этот визит: «В то время, когда я был в Дарджилинге с Далай-ламой, приехал русский профессор, чтобы поговорить с Его Святейшеством. Я сопровождал его к последнему и переводил беседу. Профессор поклонился Ламе и положил перед ним белый шелковый шарф, как принято при любых визитах и беседах у тибетцев, и поскольку он предназначался для Далай-ламы — самого высокого качества. Он положил также перед Его Святейшеством двадцать рупий. Далай оставался сидящим на своем сиденье под балдахином во время всей беседы. Профессор был председателем комитета по строительству буддийского храма в СПб. Он поблагодарил Далай-ламу за подарки, которые последний преподнес заранее, сказал, что они надеялись построить буддийский странноприимный дом и библиотеку, и просил помощи у Его Святейшества, чтобы раздобыть копии древних санскритских рукописей из важного монастыря Ре-тин в четырех днях пути к северу от Лхасы и из другого монастыря возле озера Манасаровар в Западном Тибете.

При моей следующей с Далай-ламой несколькими днями позднее он сообщил мне, что русский профессор привез также письмо от Дорджиева, написанное десятью или одиннадцатью месяцами ранее. Профессор передал его Далай-ламе через Главного секретаря, которого он встретил во время прогулки. В письме содержалась просьба к Ламе позволить профессору поехать в Лхасу и помочь ему добыть копии нескольких священных книг. Далай-лама вежливо, но твердо отказался» (*Sir Charles Bell. Portrait of the Dalai Lama. L., 1949, с. 106*).

⁹⁰ Варвара Петровна Шнейдер.

⁹¹ Имелся в виду тюркский язык, т.е. здесь — уйгурский.

⁹² Бюрнуф Эжен (1801–1852), французский исследователь буддизма.

⁹³ Образцы персидского народного творчества. Собрал и перевел В.А.Жуковский. СПб., 1902.

⁹⁴ Мелиоранский Платон Михайлович (1868–1906), русский лингвист-тюрколог, изучавший памятники древней тюркской письменности.

⁹⁵ «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», вышедшие под редакцией барона В.Р.Розена до его кончины в 1908 г.

⁹⁶ Ладен Ла Сонам Вангфел Сардар Бахадур (1879–1936), сиккимец, по поручению политического агента при далай-ламе Ч.Белла надзиравший за далай-ламой в период пребывания последнего в Дарджилинге.

⁹⁷ Ухтомский Эспер Эсперович (1861–1921), публицист и общественный деятель, один из близких людей Николая II, сопровождавший его в поездке по Востоку в качестве официального историографа. Член РКИСВА, собрал коллекцию восточного искусства, поступившую в 1905 г. в Русский музей (с 1933 г. — в Эрмитаже), директор Русско-Китайского банка, издатель и редактор «Санкт-Петербургских ведомостей».

⁹⁸ Камалашила, ученик Шантаракшиты, представитель философии йогачара-мадхьямика (конец VIII в.).

⁹⁹ Шантаракшита, основатель философской школы йогачара-мадхьямика-свантантрика, распространявший буддизм в Тибете.

- ¹⁰⁰ Маллавади (конец VIII в.), джайнский философ, автор субкомментария (типхани) на «Ньяябиндутика».
- ¹⁰¹ Хемачандра — писатель-энциклопедист XII в.
- ¹⁰² Бюлер, Георг (1837–1898), немецкий эпиграфист и собиратель рукописей, у которого Ф.И. Щербатской учился в Вене.
- ¹⁰³ В 1821 г. на средства основанного пешвами (титул маратхских правителей) фонда был открыт Пуна Санскрит-колледж, который в 1851 г. был объединен с Инглиш Скул и стал называться Пуна-колледж, деятельность которого была приостановлена в 1934 г., а в 1938 г. он был снова открыт под именем Декан-колледж, по-видимому, это название бытовало и раньше. Это учебное заведение историко-гуманитарного направления с упором на изучение Индии.
- ¹⁰⁴ Удайна — автор комментария на «Ньяявартикакататпарьятика» Вачаспатимишры, сочинения по логике ньяя, жил в XII или XIII в.
- ¹⁰⁵ Квинс-колледж — одно из старейших учебных заведений Бенареса, в 1860 г. вошел в систему Калькуттского университета.
- ¹⁰⁶ Миманса-шлокавартика — сочинение философской школы миманса Кумарилы (VII–VIII вв.), содержащее полемику с буддистами Дхармакирти и Дигнагой.
- ¹⁰⁷ Имелась в виду приверженцы южного (Цейлон, страны ЮВА) буддизма (буддисты-хинаянисты) и приверженцы северного (Индия, Тибет, Китай, Япония) буддизма (буддисты-махаянисты).
- ¹⁰⁸ Прабхакара (VII–VIII вв.), ученик Кумарилы, основатель одного из двух направлений ортодоксальных школ буддийской философии.
- ¹⁰⁹ Гангеша — основатель «новой» школы ньяя, живший в XII в., автор «Таттва-чинтамани».
- ¹¹⁰ Канджур и Данджур (Танджур) — собрание канонических буддийских текстов и комментариев, переведенных с санскрита на тибетский, кодифицированное Будоном в XVI в.
- ¹¹¹ Азиатское общество в Калькутте было основано в 1784 г. английским судьей Вильямом Джонсом. Старейшее востоковедное учреждение, в библиотеке которого хранится большое количество уникальных рукописей по индуизму, буддизму, философии и пр.
- ¹¹² Цзонхава (XV в.), основатель тибетской секты гелугпа («желтошапочников»), составившей в буддизме направление, известное, как ламаизм.
- ¹¹³ Азиатский музей, основанный в 1818 г. в Санкт-Петербурге, — первый востоковедный центр России, ныне СПб. филиал Института востоковедения РАН.
- ¹¹⁴ Гедин, Свен (1865–1952), шведский исследователь Центральной Азии.
- ¹¹⁵ В 1907 г. было заключено англо-русское соглашение по Тибету, в котором обе стороны соглашались признать суверенитет Китая над Тибетом, обязались уважать его территориальную целостность и воздерживаться от вмешательства во внутренние дела. По этому же соглашению Россия и Англия обязались не допускать иначе как по взаимному согласию научные экспедиции в Тибет, что и соблюдалось до 1917 г.

№ 208

*6 июля 1908 г. — Секретное донесение
Генерального консула в Бомбее А.А.Гейкинга
товарищу министра иностранных дел Н.В.Чарыкову
об открытии русскими пароходными компаниями
срочных рейсов между Калькуттой и Владивостоком*

Милостивый Государь Николай Валериевич,

В дополнение к отношению сего Генерального консульства от 26 мая (8 июня) с. г., № 41, о желательности учреждения российского консульства

в Калькутте¹, имею честь донести добавочные сведения, касающиеся открывшегося недавно в Калькутте русского судоходства.

Две русские компании открыли срочные рейсы между Калькуттою и Владивостоком: Добровольный Флот² и Русское Восточно-Азиатское пароходство³. Недавно первым рейсом пришел в Калькутту пароход Добровольного Флота «Нижний Новгород». На эту новую линию Добровольный Флот назначил два больших парохода: «Саратов» и упомянутый «Нижний Новгород»⁴. 29 мая (12 июня) из Калькутты вышел первый пароход Русского Восточно-Азиатского общества «Курония». Агент этой компании в Калькутте (Finlay Muir & Co)⁵ сообщил сему Генеральному консульству, что установление новой русской линии обещает дать хорошие результаты. Фирма предполагает, что ввоз чая из Калькутты в Россию значительно увеличится в этом году.

Как известно, вывоз чая из Индии и Цейлона в Россию непосредственно и через Германию принял в последние годы громадные размеры, и наше государство стало главным иностранным потребителем этого продукта. Количества, завезенные в Россию и Германию, выразились нижеследующими цифрами. Чай, доставленный в эту последнюю страну, большею частью направляется транзитом в наше государство.

		Чай, вывезенный из Индии			
		1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.
В Россию					
Фунты ⁶ :		3 567 419	2 877 885	8 249 985	4 454 335
В Германию					
Фунты:		790 714	631 895	1 638 780	1 142 304
		Чай, вывезенный из Цейлона			
В Россию					
Фунты:		3 400 887	4 089 958	6 642 292	3 212 335
В Германию					
Фунты:		518 179	461 657	943 579	917 472

Главным портом отправки индийского чая служит Калькутта. Надо поздравить русское судоходство с установлением помянутых двух новых срочных пароходных линий, позволяющих перевозить индийский и цейлонский чай к русскому потребителю за собственный счет и зарабатывая при этом прибыль⁷. У нас есть консульские учреждения во многих портах, в которые русские суда заходят лишь случайно в виде исключения, как, например, в Бомбей. Казалось бы, в настоящее время есть тем больше основания иметь российское консульское учреждение в Калькутте.

Наглядный пример мытарств, коим подвергаются иные наши моряки, попавшие в Калькутту, представился сему Генеральному консульству на днях, когда сюда явились два матроса с вышеупомянутого парохода «Курония», прося о помощи. Они, по их заявлению, имели спор на судне, вследствие чего капитан обратился к местным полицейским властям, арестовавшим провинившихся и заключившим их в тюрьму одного на 7, другого на 10 дней. Когда их выпустили на свободу, пароход «Курония» уже ушел, и они должны были предпринять путешествие в двое суток из Калькутты в Бомбей, чтобы обратиться за помощью к русскому консулу. Винить капитана «Куронии» в том, что он обратился к англ-

лийским властям за неимением возможности взывать к вмешательству русского консула, конечно, не приходится. Тем не менее нельзя не сожалеть о случившемся факте вторжения английского судопроизводства в порядок или, вернее, беспорядок на русских судах. По общепризнанному, даже соблюдаемому в Англии, принципу международного права, дела, касающиеся дисциплины на иностранных судах, подлежат разрешению консульской власти того государства, к которому принадлежит данное судно, если только общее спокойствие порта не было нарушено. Необходимым условием для соблюдения этого принципа является существование консульского учреждения. За ненахождением русского консула в Калькутте пришлось предоставить индийским властям функции, принадлежащие обыкновенно российской государственной власти.

Копия настоящего донесения препровождается в Императорское посольство в Лондоне.

С глубоким уважением и таковой же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

бар[он] Гейкинг.

На полях имеется рукописная помета: «Выписку. Сообщить Мин[истру] торговли».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 947, л. 45–46. Подлинник.

Примечания

¹ Генеральное консульство было перенесено из Бомбея в Калькутту и начало свою работу в этом городе с 22 февраля 1910 г. См. док. № 215–219.

² Пароходы Добровольного флота заходили за грузами в Калькутту еще до открытия русского консульства в Бомбее, а в 1907 г. правление общества поставило вопрос о необходимости организации прямых рейсов между Калькуттой и Владивостоком; агентом предполагалась английская фирма «Гладстон и К°»; но до конца дело не было доведено.

³ Русское Восточно-Азиатское пароходство — акционерное общество (1899–1918), осуществляло грузовые, пассажирские, почтовые перевозки в северных водах, в Северную и Южную Америку. В дальнейшем его внимание все в большей степени приковывали страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. С этого времени Русское Восточно-Азиатское пароходное общество начало выступать конкурентом Добровольного флота в Азии.

⁴ Добровольный флот установил порядок наименования своих пароходов в честь городов, стоявших первыми по размеру поступивших пожертвований. В 1878 г. Добровольный флот пополнился пароходом «Саксония», переименованным в «Нижний Новгород», с припиской в Одессе.

⁵ Часто русские пароходства, даже имея в восточных портах свои собственные агентства, нанимали агентами западноевропейские фирмы, поскольку не располагали достаточными средствами на содержание русского штата либо не могли подыскать подходящих, подготовленных соотечественников.

⁶ Фунт — русская мера веса, равная 409,5 г; английская мера веса, равная 453,6 г; аптекарский или монетный фунт равен 373,2 г.

⁷ В 1911 г. Северным пароходным обществом была открыта прямая линия Калькутта—Владивосток (см. док. № 318–322, примеч. 1). Приблизительно с этого времени наметилось распределение сфер деятельности между Добровольным флотом, Русским Восточно-Азиатским пароходством и Северным пароходным обществом: ДФ крепко держал в своих руках перевозку шанхайских чаев, его конкуренты пустили прочные корни в Калькутте, Коломбо, Ханькоу.

**6 июля — 14 ноября 1908 г. — Донесения
Генерального консула в Бомбее А.А.Гейкинга
в Министерство иностранных дел о внешней
торговле Индии и русско-индийской торговле,
о создании при Генеральном консульстве
в Бомбее торгового музея русской продукции,
об издании справочника российских
торгово-промышленных фирм и товаров**

№ 209

*6 июля 1908 г. — Донесение Генерального консула в Бомбее
барона А.А.Гейкинга товарищу министра иностранных дел
Н.В.Чарыкову о международной торговле по пути
Нушки—Сеистан в 1907–1908 гг.*

Милостивый Государь Николай Валериевич,

Известно, что русские товары отчасти проникают в Индию транзитом через Персию и Афганистан, но, к сожалению, нет возможности установить точный его объем ввиду того, что в публикуемых в Индии статистических данных все товары, переступающие индийскую границу из Персии и Афганистана, значатся происходящими из этих стран. Тем не менее статистические сведения относительно международного обмена между Индией, Персией и Афганистаном не лишены интереса для России, тем более что вообще экономические дела, касающиеся этих стран, имеют политическое значение для нашего государства.

Журнал «The Indian Trade Journal»¹ в своем номере от 18 июня с.г. поднес своим читателям интересный отчет великобританского политического агента в Чаге, майора Уеб[а] Уер[а]², о торговле, проходившей по Нушки—Сеистанской дороге за время года 1907/08. Судя по этому отчету, вывоз из Индии в Афганистан, Персию и Белуджистан по названной дороге распространился на животных, и в том числе верблюдов для продажи, платье, хлопчатобумажную пряжу, бумажные ткани в кусках, красильные вещества, медицинские вещества, боракс, фрукты и орехи, рис зерно и стручковые овощи, джутовые мешки, обделанную кожу, металлические изделия, краски, съестные припасы, рафинированный сахар, пряности, чай, индийский тростник, канаты и веревки, стекло, шкуры, спиртные напитки, рогожи, растительное масло, писчую бумагу, шелк, табак, обработанную шерсть, керосин. Общего сложностью вывоз из Индии в Афганистан за 1907/08 г. определился в 1 л[ак] 19.219 руп[ий], в Персию в 6 лак[ов] 66.134 рупии, в Белуджистан в 5 лак[ов] 27.753 рупии, итого в 13 лаков 13.106 рупий, т.е. увеличился на 6 лаков 97.840 рупий в сравнении с предыдущим 1906/07 торговым годом. Прирост в вывозе касался особенно верблюдов, хлопчатобумажных изделий и сахара. Усиленный спрос в верблюдах стоит в связи с тайным провозом оружия из Персидского залива в Персию и Афганистан. Торговле по пути Нушки—Сеистан благоприятствовали открытие новой железной ветви из Кветты в Нушки, окончание чумной эпидемии в Сеистане и сопряженных с нею стесни-

тельных санитарных мер и господствовавшая в Керманской провинции анархия, влияющая на безопасность торгового пути от Сеистана в Бендер-Аббас.

Предметами привоза в Индию по названному торговому пути были: животные, медицинские средства, фрукты, овощи, орехи, зерно, стручковое зерно, шкуры, обработанная кожа, съестные продукты и коровье масло, пряности, селитра, шерсть в сыром виде, обработанная шерсть, платье, фаянс, красильные вещества, драгоценные камни, джутовые мешки, канаты и веревки, хлопчатобумажные изделия, металлические изделия, семена. Общего сложностью привоз в Индию за 1907/08 г. равнялся из Афганистана 28.383 рупиям, Персии — 3 лакам 24.382 рупиям, Белуджистана — 6 лакам 6.592 рупиям, т.е. увеличился на 3 лака 30.723 рупии.

Если сложить цифры привоза и вывоза, оказывается, что за истекший торговый год 1907/08 проходящая через Нушки торговля по своей стоимости определилась в 22 лака 72.463 рупии, т.е. превысила ту же торговлю в предыдущем 1906/07 г. на целые 82%. Нельзя не считать этот результат весьма благоприятным, если вспомнить, что только 12 лет тому назад через Нушки не последовало сколько-нибудь значительный торговый обмен. Торговая дорога от Нушки в Сеистан была открыта англичанами, и им в этом не приходится раскаяться. Но для дальнейшего споспешествования торговле по этому пути им придется соединить рельсами базар в Нушки с лежащей на расстоянии 2 ¹/₂ миль от него железнодорожной станцией. Местные коммерсанты поднесли майору Уер[у] прошение об этом, и он, со своей стороны, донес, что осуществление этого предположения послужило бы дальнейшему развитию торговли.

Копии настоящего донесения препровождаются в Императорское посольство в Лондоне и Туркестанскому генерал-губернатору.

С глубоким почтением и таковой же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

бар[он] Гейкинг.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 947, л. 57–58. Подлинник.

№ 210

*28 сентября 1908 г. — Секретное донесение
Генерального консула в Бомбее барона А.А.Гейкинга
товарищу министра иностранных дел Н.В.Чарыкову
о необходимости и способах развития экспорта
русских товаров в Индию*

Милостивый Государь Николай Валериевич,

Наши консульские представители часто в своих донесениях отмечали отсутствие интереса русского купечества к внешним рынкам как одну из причин, задерживающих успешное развитие нашей внешней торговли. О таком положении дела в настоящее время нельзя не сожалеть, особенно по отношению к Индии. Великобритания забыла свою вековую вражду к Франции и свой традиционный антагонизм против России под давлением страха от все более вооружающейся предприимчивой Германии, собирающейся стать самым опасным ее промышленно-торговым и колониальным соперником. Этим возникло для России благо-

приятное международное положение, коим она уже воспользовалась заключением соглашения с Великобританиею в 1907 году³ и созданием многообещающего сближения с ней для взаимного содействия. Вследствие этого сие Генеральное консульство должно ставить себе задачей избегать всякого повода к раздражению англо-индийского правительства и культивировать с его органами наидружественные сношения. Прямое политическое воздействие на индийское туземное народонаселение с нашей стороны, таким образом, в настоящее время невозможно. Но зато еще остается открытым широкое поле посредственного влияния на индийцев в смысле их сближения с Россией путем завязывания торговых сношений. В истории народов торговые сношения часто привели к политическому их сближению. Торговля — могучий рычаг для объединения интересов, оценивания друг друга и завязывания разных личных сношений. Поэтому в настоящий момент политическая конъюнктура, казалось бы, требует установления наиболее прочных и широких торговых сношений между Россией и Британскою Индию. Политические обстоятельства, а именно установление дружелюбных сношений между двумя государствами, этому способствуют. Не следует пропускать удобного момента.

Главное одолеваемое препятствие к этому кроется в вышеупомянутом отсутствии интереса русского купечества к внешним рынкам, и в том числе к индийскому. Лучшим средством для возбуждения интереса русских коммерсантов состоит в ознакомлении их с состоянием и особенностями индийского рынка и с открывающимися на нем шансами для сбыта русских товаров. Для этой цели мною составлено, при сем представляемое, обстоятельное донесение*. Ссылаясь на донесение сего Генерального консульства от 20 августа/2 сентября с.г., № 376, осмеливаюсь повергнуть на благовозрение Вашего Превосходительства приказать напечатать оное в виде отдельной брошюры для продажи, как это делается с имеющими практическое значение консульскими донесениями в других культурных государствах, и раздать его бесплатно главным периодическим изданиям в России. Таким путем получилось бы широкое распространение заключенных в названном донесении сведений относительно Индии, имеющих возбудить русскую торговую предприимчивость. Министерство иностранных дел раньше напечатало целый ряд торговых донесений в виде отдельных брошюр. Затем «Сборник консульских донесений»⁴ служил этой цели. Он же прекратил свое существование, и желательно было бы поставить издание консульских донесений на более практическую ногу для лучшего ознакомления заинтересованных кругов, именно по вышепредлагаемой мною методе.

Но до установления подобного нового порядка, может быть, пройдет еще много времени, а развитие наших торговых сношений с Индию не терпит отлагательств. Поэтому я даже готов брать на себя расходы по напечатанию прилагаемого донесения, лишь бы Ваше Превосходительство разрешили осуществить вышеизложенное мое предположение.

С глубоким почтением и таковой же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

бар[он] А.Гейкинг.

На полях имеются рукописные пометы: «Прошу переговорить. П.». «Напечатано в III вып. „Сб[орника] к[онсульских] дон[есений]“ 1909 г.»⁵.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 947, л. 132–133. Подлинник.

* На полях у этих строк помета: «N.V. Отправлено отдельно по почте».

*28 сентября 1908 г. — Донесение
Генерального консула в Бомбее барона А.А.Гейкинга
товарищу министра иностранных дел Н.В.Чарыкову
с предложением снабдить консульские учреждения России
детально систематизированным списком
промышленных предприятий России*

Милостивый государь Николай Валериевич,

За время своей консульской службы мне не раз приходилось обратить внимание нашего правительства на чрезвычайную желательность снабжения российских консульских учреждений списком главных промышленников, распределяя их систематично по их специальностям. Пока существует только изданный Министерством финансов «Список фабрик и заводов в Европейской России»⁶, в котором фирмы распределены лишь в 12 групп, тогда как число групп должно быть гораздо больше, причем было бы нелишне упомянуть все те незначительные промышленные заведения, которые не могут идти в расчет для нашего экспорта.

В сие Генеральное консульство за последнее время стали обращаться разные индийские фирмы с просьбою дать им адреса русских фирм, к которым они могли бы обращаться для заказов на сахар, растительное масло, золотую парчу и нить, бумажную мануфактуру, фарфор и фаянс, машины и т.д.⁷. Ввиду отдаленности Бомбея от Санкт-Петербурга в большинстве случаев неудобно обращаться в данном случае в Департамент торговли с запросом и приходится пользоваться вышеозначенным списком, который, однако, недостаточно соответствует целям консульским, так как часто остается невыясненным, рекомендуются ли надлежащие наилучшие фирмы. Соблюдаемый при этом Генеральным консульством порядок таковой. Высылаются конверты, снабженные именами соответствующих фирм на русском языке, и к ним прилагается записка на русском языке о том, что фирма такая-то прилагаемым письмом на английском языке желает сделать заказ в надежде, что адресат найдет переводчика, способного перевести письмо на русский язык и ответ на английский язык.

На основании вышеизложенного имею честь повергнуть на благовозрение Вашего Превосходительства предложить Департаменту торговли составить краткий, но как можно более детально группированный список промышленных заведений, кои наши консульские учреждения могли бы при случае рекомендовать иностранцам для заказов.

С глубоким почтением и таковой же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою.

Бар[он] Гейкинг.

На полях имеются пометы: 1) «Сговоритесь со II Д[епартамен]том и II Отд[елением]». 2) «Написать м[инист]ру торговли. Это дело действительно требует упорядочения. 12.08. В.Клемм».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1071, л. 18 и об. Подлинник.

*9 октября 1908 г. — Донесение
Генерального консула в Бомбее барона А.А.Гейкинга
в Первый департамент Министерства иностранных дел
по поводу открытия при консульстве торгового музея
русской продукции с просьбой выслать образцы товаров
для этого музея*

Удобнейшим способом ознакомления индийского населения с изделиями русской мануфактуры является учреждение торгового музея при сем Генеральном консульстве. В помещении его отведена одна комната, специально служащая этой цели. От московской фирмы Кузнецова⁸ недавно уже была получена большая красивая коллекция фарфоровых чайников, блюд, чашек, сахарниц и т.д., производящих весьма выгодное впечатление на индийских заказчиков, но недостает еще образцов других предметов, подходящих к вывозу в Индию. Вследствие этого беру смелость представить на благоволение Департамента войти с предложением в Департамент торговли о зависящем от него внушении нижеследующим промышленным русским фирмам выслать образцы производимых ими товаров для включения их в число предметов помянутого торгового музея⁹ с обозначением на каждом образце цены в порте получения, т.е. Бомбее, «cif», т.е. со включением сюда стоимости товара, фрахта и страховки с оговариванием, входят ли в данную цену расходы на упаковку, производится ли скидка и в каком случае¹⁰. Со своей стороны Генеральное консульство озаботится огласить на месте, что существует русский торговый музей при Генеральном консульстве и что оно, по официальному своему положению, не может ручаться за исполнение заказов фирмами, произведения которых вошли в состав предметов музея. Во избежание недоразумений не могу не присовокупить, что расходы на провоз экспонатов из России в Бомбей и до самого помещения Генерального консульства не должны падать на него, но на отправителя экспонатов. Фирмы следующие:

Ситцевая мануфактура К.Шейблера в Лодзи¹¹

Ситцевая мануфактура Э.Цинделя в Москве¹²

Прохоровская Трехгорная мануфактура в Москве¹³

Алексеев, Вишняков и Шамшин, Москва¹⁴

Братья Ионовы, Москва¹⁵.

Надеюсь, что Департамент торговли заблагорассудит от себя прибавить к приведенному списку имена нескольких первоклассных фирм, производящих сахар, папиросы, сапоги, спички, соль, растительное масло, жмыхи и т.д.

Генеральный консул: Бар[он] А.Гейкинг¹⁶.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1071, л. 14 и об. Подлинник.

*14 ноября 1908 г. — Письмо исполняющего обязанности
товарища министра иностранных дел К.Э.Аргиропуло
товарищу министра торговли и промышленности*

*М.А.Остроградскому о необходимости снабдить
консульские учреждения России детально систематизированным
списком торгово-промышленных предприятий России*

М[илостивый] Г[осударь] Михаил Александрович,

Генеральный консул в Бомбее возбудил вопрос о чрезвычайной желательности снабжения российских консульских учреждений списком главных торгово-промышленных предприятий с распределением их систематично по отраслям. В настоящее время, как сообщается ст[атским] сов[етником] бар[оном] Гейкиным¹⁷, существует только один изданный Министерством финансов «Список фабрик и заводов в Европейской России», в котором фирмы распределены лишь на 12 групп. Кроме того, этот список включает в себе все фирмы, в том числе и самые незначительные, которые не могут участвовать в нашем экспорте. Между тем в настоящее время в наше Генеральное консульство в Бомбее обращаются разные заграничные фирмы с просьбой дать им адреса русских фирм, к которым они могли бы обращаться для заказов на сахар, растительное масло, золотую парчу и нить, бумажную мануфактуру, фарфор и фаянс, машины и т.д. В смысле изложенного ст[атский] сов[етник] бар[он] Гейкин полагает, что было бы весьма целесообразно составить краткий группированный список промышленных заведений, которые могли бы служить целям нашего экспорта, чтобы дать нашим консулам возможность рекомендовать их иностранцам для заказов.

Мысль нашего Генерального консула представляется мне весьма правильной. Со своей стороны, я полагал бы, что вышеупомянутый список следовало бы составить применительно не к одному лишь Бомбею, а к широкому кругу покупателей в Азии и Европе¹⁸. Наша промышленность за последние годы несомненно сильно подвинулась вперед; и многие ее произведения ни в чем не уступают заграничным. Этим положением надлежало бы воспользоваться в полной мере в смысле содействия к проникновению наших товаров на заграничные рынки.

Передавая Вашему Превосходительству об изложенном и покорнейше прося не отказать уведомить почтить меня отзывом о последующем, пользуюсь и проч.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1071, л. 15 и об., 19 и об. Черновик.

№ 214

*Без даты. — Отрывок о русско-индийской торговле
из Отчета о деятельности Генерального консульства
за 1908 г., составленного бароном А.А.Гейкингом
и направленного товарищу министра иностранных дел
Н.В.Чарыкову*

Торговля и промышленность. Торговые сношения Индии с Россией в 1908 году, подобно предшествовавшим годам, не отличались большой оживленностью. Главными причинами этого, как уже неоднократно сообщалось, были: недоверчивое отношение русских купцов к индийскому рынку, равно как и индийских к русскому, и отсутствие, вследствие этого, желания ознакомиться детально с условиями обоюдной торговли, неимение прямого сообщения между русскими и индийскими портами и неудобство денежных операций. Впрочем, можно

отметить для минувшего года как бы некоторую тенденцию со стороны купцов обеих стран к лучшему ознакомлению с условиями взаимных торговых сношений. Необходимо только оговориться, что интерес этот пробужден в Индии среди почти исключительно коммерсантов и комиссионеров туземцев, представляющих обыкновенно небольшие фирмы, кредитоспособность коих требует тщательной проверки. Равным образом и с нашей стороны поступали чаще всего запросы фирм малоизвестных, очевидно, желавших попытаться счастья на новом рынке при подходящих условиях.

В настоящее время по экспорту солидно поставленным делом можно только считать чайное, хотя есть и другие статьи, заслуживающие внимания, по ввозу же сюда из России приходится отметить только керосин, канитель, да и то идущие через вторые руки.

Торговые обороты Индии с Россией за 1907–1908 английский отчетный год выразились в 925.000 фунт[ов] стерл[ингов], и среди стран, торгующих с Индией, Россия занимала предпоследнее место, хотя по сравнению с предыдущим годом сказанные обороты возросли почти вдвое, что объясняется усиленным вывозом чая через Владивосток по льготному таможенному тарифу.

Участие Генерального консульства выразилось в давании всевозможных справок и указаний по запросам индийских и наших коммерсантов, попытками побудить русских фабрикантов облегчить торговые сношения присылкой коллекций образцов тех или других изделий и вообще старанием, при помощи детальных разъяснений, заинтересовать стороны в обоюдных рынках. В этом отношении деятельность Генерального консульства могла бы быть поддержана и облегчена весьма ценным и даже необходимым содействием наших Министерств торговли и промышленности и финансов. Из русско-подданных, участников русско-индийского торгового обмена, надо отметить только чаоторговцев в Калькутте, все же другие обороты проходят через руки иностранцев.

Торговое мореплавание. До 1908 года между Россией и Индией не существовало регулярных рейсов ни русских, ни иностранных судов. В минувшем году были открыты две пароходные линии между Владивостоком и Калькуттой Добровольного Флота и Восточно-Азиатского общества, исключительно в интересах чайной торговли, и услуга, оказываемая ими этому делу, несомненно велика. Однако существование двух параллельных линий между одними и теми же портами и для одной и той же цели, как коммерческое предприятие, вряд ли выдерживают (так в тексте. — *Сост.*) критику, так как: 1) пароходы идут почти порожняком из Владивостока, без груза в Индию, 2) не имеют достаточного для двух линий груза из Индии, будучи в состоянии вывозить только чай, и то в известный сезон. Пассажирское движение и эмиграция из России в Индию столь незначительны, что не заслуживают упоминания...

Русских пароходных агентств в Индии не имеется, и представителями выше-названных пароходных компаний в Калькутте состоят иностранные фирмы. Ввиду новизны нашего торгового мореплавания в Индию приходится пока ограничиться сказанным...

Итоги. Подводя итоги за минувший год, необходимо остановиться на вопросе возможного развития наших торговых сношений с Индией. Хороший спрос на некоторые продукты русского производства, как-то: керосин, сахар (заслуживает особого внимания), парчу, канитель, фаянсовую посуду — несомненен, равным образом и другие наши изделия могли бы иметь здесь сбыт. Точно так же нашлись бы солидные статьи и по вывозу из Индии (см. Торговый отчет Генераль-

ного консульства за минувший год). Необходима правильная организация дела, участие в нем первоклассных фирм, неизбежные затраты на первых порах для ознакомления потребителя с товаром и постановка дела на твердое основание. К сожалению, приходилось отмечать в некоторых случаях желание сделать аферу; такие попытки здесь не могут иметь успеха ввиду того, что прочное место на здешнем рынке можно только завоевать правильной конкуренцией с обособившимися уже в Индии другими солидными фирмами. Весьма казалось бы желательным, ввиду вышеизложенного, если бы развитие наших торговых сношений с Индией было признано заслуживающим интереса, создание паровой линии между Бомбейским портом и Одессою или пока, в виде опыта, включение Бомбея в рейсы персидской линии Русского общества паровождения и торговли¹⁹. Равным образом в тех же соображениях, в случае перенесения нашего Генерального консульства в Калькутту, сохранение российского консульского представительства в Бомбее, центре торговли и промышленности Индии, хотя бы в виде вице-консульства, представлялось бы вопросом первостепенной важности.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 163, л. 135–137, 141. Подлинник.

Примечания

¹ «The Indian Trade Journal» издавался в Калькутте Департаментом коммерческой информации с 1906 г.

² Лицо не установлено.

³ Имеется в виду англо-русское соглашение 1907 г. о разграничении сфер влияния в Азии.

⁴ «Сборник консульских донесений» издавался Министерством иностранных дел Российской империи в 1898–1910 гг. После 1910 г. по договоренности МИД с Министерством торговли и промышленности Отдел торговли последнего начал издавать сборник «Донесения Императорских Российских Консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам».

⁵ См.: *Гейкинг А.* К вопросу о развитии нашей торговли с Индией. — «Сборник консульских донесений [Министерства иностранных дел России]». Год 12. Вып. 3. СПб., 1909, с. 185–225.

⁶ «Список фабрик и заводов в Европейской России» (СПб., 1903) был издан Министерством финансов. В 1907–1914 гг. стали выходить в свет справочники с более детально систематизированной подачей сведений, например 12-томное издание «Торговля и промышленность Европейской России по районам». Вып. 1–12. СПб., 1909–1911.

⁷ В консульских документах сохранились многочисленные торговые запросы как с российской, так и с индийской стороны (см., например, АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1367; ф. 214, оп. 779, д. 119; ф. 238, оп. 778, д. 157, 167, 171 и др.). Представители торгово-промышленных организаций, обществ, частных фирм проявляли интерес и завидную настойчивость в установлении прямых торговых связей. Российские торговцы искали коммерческих партнеров в Индии, а индийские — в России, предлагая торговать льном и джутом, зерном и сахаром, воском и казеином, хлопчатобумажными и шерстяными тканями, скотом и сельскохозяйственным сырьем, кожей, канителью, предметами рукоделия, скобяными изделиями, спиртными напитками, драгоценными камнями и т.д. и т.п. С обеих сторон поступали предложения об оказании услуг коммерческих агентов или посредников.

⁸ Имеется в виду «Товарищество производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С.Кузнецова» (с 1887 г.) с фабриками в Москве, С.-Петербурге, Риге, Одессе, Варшаве,

производившими столовую, чайную, умывальную и туалетную посуду, изоляторы, санитарные предметы и церковные иконостасы. Кузнецовская посуда отличалась высоким качеством и пользовалась большой популярностью и спросом.

⁹ Министерство торговли и промышленности информировало Совет съездов представителей промышленности, а также представителей биржевой торговли и сельского хозяйства и соответствующие Биржевые комитеты для последующего оповещения заинтересованных фирм о желательности выслать в этот музей образцы товаров. Торговый музей в консульстве пополнился, но не слишком активно.

¹⁰ Помимо указанных сведений по правилам торговли в Индии все ввозимые в страну иностранные товары должны были снабжаться клеймом на английском языке, обозначающим их происхождение, т.е. для российских товаров — «Made in Russia» («Произведено в России»), что помогало упорядочить статистику, путаница в которой нередко не давала реального представления, в частности, о русско-индийской торговле. Кроме того, ввозимые в Индию произведения русской мануфактуры должны были иметь точное обозначение их размеров (длины и ширины) в ярдах.

¹¹ Акционерное общество бумажных мануфактур Карла Шейблера (с 1880 г.) владело фабриками в Лодзи, Варшаве, Москве, С.-Петербурге, Ростове, Исфагане и др. Объем годового производства 21 000 000 руб.

¹² Товарищество ситценабивной мануфактуры Эмиля Цинделя (с 1874 г.) имело фабрики в Москве, Варшаве, Харькове, Самарканде, Коканде, Ташкенте, Бухаре, Хиве, Чите, Харбине и др. Объем годового производства 22 000 000 руб.

¹³ Товарищество Прохоровской Трехгорной мануфактуры (с 1874 г.) имело фабрики в Москве, Киеве, Харькове, Варшаве, Баку, Коканде, Тегеране, Исфагане, Константинополе. Объем годового производства 250 000 000 руб.

¹⁴ Имеется в виду «Московское товарищество золотоканительного производства соединенных фабрик А.Алексеева, И.Вишнякова и А.Шамшина» (Москва, С.-Петербург). Объем годового производства 1 250 000 руб.

¹⁵ Имеется в виду «Товарищество Ф.С.Ионов и сыновья и К^о» (с 1902 г.), занимавшееся торговлей изделиями из шелка, парчи и др. Являлось предшественником основанного в 1912 г. в Москве «Товарищества на паях парчовой и шелковой фабрик Ф.С.Ионов и сыновья».

¹⁶ В феврале 1915 г. в Калькутте был открыт постоянный торговый музей индийской продукции и изданы каталоги этого музея. Сообщая об этом российскому консулу, директор департамента торговли правительства Индии Г.А.Ф.Линдсей выражал надежду, что музей будет способствовать развитию торговых связей между Россией и Индией, просил русского консула информировать представителей российских торговых кругов, что им всегда будет оказан радушный прием и всевозможное содействие.

¹⁷ В тексте документа ошибочное написание фамилии российского Генерального консула в Бомбее; правильно — Гейкинг.

¹⁸ С 1912 г. издавался специальный сборник «Справочная книга по торгово-промышленной части для императорских российских консулов» (СПб., 1912, 1914).

¹⁹ Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ) было основано в 1856 г. деловыми кругами России, в том числе для ведения внешней торговли и развития торгового флота, играло большую роль в торгово-экономических связях России с зарубежными странами.

**1 августа 1908 г. — 3 июля 1910 г. —
Документы о перенесении Генерального
консульства из Бомбея в Калькутту**

№ 215

*1 августа 1908 г. — Письмо министра иностранных дел
А.П.Извольского послу в Великобритании А.К.Бенкендорфу
с обоснованием перенесения Генерального консульства
из Бомбея в Калькутту*

Милостивый Государь граф Александр Константинович,
Генеральный консул в Бомбее¹ в секретном своем донесении от 26 мая с.г. № 41, копия с коего была сообщена им Вашему Сиятельству, возбудил вопрос о перемещении вверенного ему Генерального консульства из Бомбея в Калькутту. Доводы, которыми ст[атский] сов[етник] барон Гейкинг подкрепляет свое ходатайство, сводятся к следующему,

В последние годы некоторые русские фирмы организовали закупку чая в обширных размерах в Индии² и с этой целью открыли конторы в Калькутте как главном рынке чайного вывоза из этой страны. По имеющимся в Генеральном консульстве сведениям, за последнее время на судах нашего Добровольного Флота³ отправлялось из Калькутты в Одессу и Владивосток свыше 30.000 тонн индийского чая ежегодно. До сих пор этот товар шел на иностранных судах из Калькутты в Коломбо, где он перегружался на пароходы Добровольного Флота, но с нынешнего года последний решил отделить два своих парохода, которые во время чайного сезона, продолжающегося от 7 до 8 месяцев, будут ходить непосредственно между Калькуттой и упомянутыми русскими портами⁴. По расчету агента Добровольного Флота в Коломбо, это обстоятельство повлечет за собой значительное увеличение вывоза чая, который, вероятно, в текущем же году достигнет крупной цифры в 50.000 тонн.

При закупке и погрузке на суда столь значительного количества чая постоянно возникает много вопросов, подлежащих ведению Генерального консульства, как, например, выдача удостоверений, засвидетельствование торговых сделок, содействие заходящим в порт судам и т.п. При настоящем положении дел, когда Генеральное консульство находится в Бомбее, на расстоянии двух дней пути от Калькутты, покровительство и содействие, оказываемое им нашим торговым интересам в этом последнем пункте, сопряжено с большими затруднениями и проволочками, вредно отражающимися на деятельности наших торговых фирм. С другой стороны, восьмилетний опыт существования нашего Генерального консульства в Бомбее достаточно выяснил то обстоятельство, что этот порт в торговых сношениях наших с Индией имеет пока лишь второстепенное значение, которое утратилось еще более с тех пор, как русская фирма «А.И.Манташев и К°» прекратила непосредственный ввоз русского керосина в Индию.

Барон Гейкинг указывает далее на то, что, кроме России, Турции и Португалии, все прочие державы имеют Генеральные консульства свои в месте пребывания центрального индийского правительства, в то время как в Бомбее они со-

держат лишь второстепенных консульских агентов, по званию не выше консула. Такой порядок вызван, очевидно, тем соображением, что, при подобных условиях, Генеральные консулы могут сноситься непосредственно с высшей властью в стране и быть лучше осведомленными о ходе интересующих их дел. Наше собственное положение лишает нас этих выгод и, по мнению нашего Генерального консула, ставит нас в условия менее благоприятные, чем другие державы, к явному ущербу престижу России.

Независимо от изложенных выше соображений, на которых мы могли бы основывать перед Лондонским кабинетом свое домогательство о перемещении Генерального консульства нашего из Бомбея в Калькутту, барон Гейкинг справедливо замечает, что пребывание и жизнь в столице края, в которой сосредотачиваются все сведения о положении дел в Индии и на ее границах, значительно расширили бы кругозор Генерального консульства и облегчили бы наблюдательную деятельность его. Кроме того, непосредственное соприкосновение нашего Генерального консула с вице-королем и его ближайшими сотрудниками способствовало бы установлению личных дружественных отношений между ними и ускорило бы полное устранение проявлявшегося до последнего времени недоверия англо-индийской администрации к нашему представителю в Индии.

К вышеизложенным доводам, которые представляются нам весьма убедительными, мы, со своей стороны, можем добавить еще следующие соображения:

Состоявшееся 18/31 августа 1907 года соглашение наше с Англией относительно Афганистана и Тибета⁵, несомненно, будет от времени до времени порождать вопросы, вроде возникшего недавно по поводу перехода в Закаспийскую область афганско-подданных джемшидов⁶ или дела об иске компании «Надежда» к афганскому возчику Султану Мамед Герати. Пребывание в непосредственной близости к центральному управлению Индией нашего представителя, находящегося в постоянных сношениях с нашей администрацией в Туркестане, способствовало бы более успешному разрешению подобных вопросов, так как всякие мелкие подробности могли бы выясняться на месте путем сношений Генерального консула с центральными англо-индийскими властями.

Все приведенные выше соображения побуждают меня обратиться к Вашему Сиятельству с покорнейшей просьбой принять зависящие меры к выяснению того, насколько великобританское правительство было бы склонно пойти навстречу нашему желанию о перемещении нашего Генерального консульства в Индии из Бомбея в Калькутту. При этом считаю долгом Вам сообщить, что английское посольство в С.Петербурге недавно обратилось к нам с просьбой о распространении компетенции великобританского консульства в Батуме на такие местности, которые до сего времени в его округ не входили, а именно на Дагестанскую и Карсскую области и Ставропольскую губернию, из коих две первые были специально изъяты из его ведения нотою Министерства иностранных дел на имя великобританского посла сэра Роберта Мориера⁷ от 3/15 марта 1890 года за № 880. Быть может, взамен нашего согласия на таковое расширение компетенции британского консульства в Батуме мы могли бы, со своей стороны, выставить, в виде компенсации, пожелание о перемещении нашего Генерального консульства в Калькутту. Но и помимо этого, мы полагаем, что установившиеся между нами и Англией дружественные отношения и искреннее обоюдное стремление наше отрешиться от прежнего взаимного недоверия на почве среднеазиатских дел дают нам основание надеяться, что приведенное наше пожелание будет встречено сочувственно С.Джемским кабинетом.

В ожидании ответа Вашего отзыва о последующем, пользуюсь настоящим случаем, чтобы возобновить Вам, Милостивый Государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Извольский.

АВПРИ, ф. 184 Посольство в Лондоне, оп. 520, д. 1206, л. 26–28об. Подлинник.

№ 216

4 ноября 1908 г. — Секретная телеграмма из Лондона посла России в Великобритании графа А.К.Бенкендорфа в МИД

Получил письмо № 792.

Английское правительство изъявило согласие на перенесение Генерального консульства из Бомбея в Калькутту.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1037, л. 19.

№ 217

8 июля 1909 г. — Письмо министра иностранных дел А.П.Извольского министру финансов В.Н.Коковцеву и государственному контролеру П.А.Харитонову об изменении финансирования Генерального консульства в Бомбее в случае перенесения его в Калькутту

Ввиду важной роли, которую играет Индия в вопросе о взаимных отношениях России и Англии не только в Средней Азии, но и в общем направлении политики обеих держав, Министерство иностранных дел уже давно обратило внимание на необходимость поставить единственного нашего агента в этой стране, консула в Бомбее, в такие условия, при которых положение его не только соответствовало бы положению, занимаемому в Индии консульскими представителями главнейших европейских держав, имеющих, несмотря на носимое ими звание Генеральных консулов, вполне дипломатический характер, но и сфера деятельности его не ограничивалась бы одним лишь городом Бомбеем, представляющим гораздо большее значение в торговом, чем в политическом отношении, а распространялась на всю Индию. Только путем настойчивых переговоров с великобританским правительством и взамен предоставления ему права открыть вице-консульство в Баку нам удалось в 1905 г. добиться его согласия на присвоение нашему представителю в Бомбее звания Генерального консула⁸.

Этим шагом не была, однако, еще достигнута намеченная нами цель. Основные законы, касающиеся управления Британской Индией, предоставляют вице-королю обширные права по ведению дипломатических сношений со всеми сопредельными с Индией странами. Для такого рода дел в главном управлении Индии, в Калькутте, имеется особый Департамент иностранных дел, главою которого является сам вице-король, благодаря чему Калькутта имеет чрезвычайно важное

значение с политической точки зрения. Это обстоятельство принято во внимание другими державами, которые почти все имеют своих старших представителей — Генеральных консулов в Калькутте, а в Бомбее и других городах Индии содержат лишь второстепенных агентов — консулов или вице-консулов. Из сего явствует, что для обеспечения за нашим Генеральным консулом в Бомбее возможности осуществить в полной мере предназначенную ему весьма широкую программу деятельности представляется необходимым перенести единственное наше консульское учреждение в Индии из Бомбея в Калькутту, в непосредственную близость к центральному управлению Индии, в котором сосредоточиваются все сведения политического и экономического характера и личные сношения с коим обеспечивают наиболее успешное исполнение лежащих на нашем представителе сложных и важных задач. В настоящее время, благодаря состоявшемуся между Россией и Англией особому соглашению по всем Средне-Азиатским вопросам, нам удалось заручиться согласием Лондонского кабинета на перенесение нашего Генерального консульства из Бомбея в Калькутту, и Министерство иностранных дел считает необходимым без промедления воспользоваться настоящими весьма благоприятными условиями для осуществления этой крайне желательной в политическом отношении меры.

Перенесение нашего Генерального консульства из Бомбея в Калькутту, кроме политического, будет иметь для нас существенное значение также и в торговом и промышленном отношении. С 1907 г. выяснилось уже с достаточной убедительностью, что г. Калькутта при известных условиях будет иметь огромное значение для вывоза в Россию индийского сырья и чая. Торговые отношения России с Индией из года в год постоянно увеличиваются, и из 90 миллионов фунтов потребляемого ежегодно в России листового чая, 55 миллионов приобретаются в Индии — в Калькутте и Коломбо приблизительно по равному количеству и направляются на Владивосток или Одессу. В Калькутте открыли уже свои отделения четыре русские фирмы; комитетом Добровольного Флота установлены уже прямые пароходные рейсы между Калькуттой и Владивостоком и в настоящее время ведутся переговоры, обещающие увенчаться успехом, о включении Калькутты в число портов, которые суда Добровольного Флота будут посещать на пути Владивосток—Одесса, не теряя права на возврат суэцких пошлин от казны. С появлением в Калькутте пароходов Добровольного Флота названный порт, представляющий главный рынок Индии, явится едва ли не самым крупным на Востоке торговым центром по отношению к России, несравненно более важным, чем Коломбо или Бомбей. Находящийся ныне в руках иностранцев вывоз через Гамбург, Лондон и Антверпен индийского сырья, кроме чая, в весьма больших размерах (напр., кофе и пряности 300.000 пудов в год, каучук и гуттаперча — 800.000 п., копра — 800.000 пуд., семена разные — 500.000 п. и пр.) перейдет в русские руки. При этих условиях перемещение Генерального консульства из Бомбея в Калькутту, несомненно, послужит на пользу упрочения и дальнейшего развития наших торговых интересов в Индии.

Но перемещение это вызывает безусловную необходимость в некоторых изменениях штатов названного установления, в смысле увеличения личного состава служащих, присвоенных им окладов и сумм, отпускаемых на его содержание. Как сказано выше, представители иностранных держав в Калькутте, хотя и носят звание Генеральных консулов, в действительности имеют вполне дипломатический характер. Эта точка зрения давно усвоена не только Францией и Португалией, как соседями Англии в Индостане⁹, но и другими державами, в особенности Германией и

Австрией. Правительства этих государств смотрят на Калькуттские консульские посты как на дипломатические и сообразно с этим замещают их профессиональными дипломатами, притом такими, которые обладают достаточным служебным опытом. Сами англичане, не признающие вообще в пределах своих колоний дипломатического характера за иностранными консульскими представителями, по-видимому, склонны делать исключение в этом отношении для Генеральных консулов в Калькутте.

Поэтому представитель русских интересов в Индии в лице Императорского Генерального консула в Калькутте должен будет иметь дипломатический характер. Для России Индия имеет несравненно более значения, чем для любой из иностранных держав, будучи главной исходной точкой направления великобританской политики по отношению к нам. Положивши начало нашему сближению с Англией, соглашение 1907 года не устранило, однако, до сих пор проявляющихся симптомов векового недоверия к нам со стороны англо-индийского общественного мнения, не ослабило кипучей деятельности англичан по активной обороне Индии и не прекратило разведочной работы великобританских агентов в Персии и других смежных с нашими среднеазиатскими владениями странах. При всем желании обоих правительств избегать всего, что могло бы вызвать трение во многих точках соприкосновения наших обоюдных сфер влияния в этой части Азии, возникают и долго еще будут возникать вопросы, которые могут быть разрешены в желательном для обеих сторон смысле лишь путем личных дружественных переговоров и объяснений на месте с индийской администрацией. Равным образом развитие наших коммерческих сношений с Индией, являющееся одним из лучших средств упрочить взаимные дружеские отношения, требует большой и весьма осторожной подготовки почвы на месте с целью устранения традиционного предубеждения англо-индийцев против всякого, даже вполне мирного проникновения нашего в Индию.

Вышесказанное показывает, что новый пост Генерального консула в Калькутте будет иметь для России не менее, если не более важное дипломатическое значение, чем посты дипломатических агентов наших в Каире, Сиаме и Марокко. Сообразно с этим следует обставить должным образом как служебное помещение, так и выбор лица, его занимающего. Дабы иметь возможность назначить в Калькутту чиновника с необходимым служебным опытом, Министерство иностранных дел полагало бы крайне желательным повысить класс должности Генерального консула в Калькутте, до IV-го¹⁰, по примеру Генеральных консульств в Банкоке, Каире и Танжере, увеличив вместе с тем и оклад содержания его против отпускаемого ныне Генеральному консулу в Бомбее.

Жизнь в Индии, как известно, чрезвычайно дорога, в особенности для лиц, которые по своему положению вынуждены не отставать в образе жизни и расходах на представительство от местных английских чиновников, получающих огромное содержание из средств индийского казначейства. Так, члены совета Бомбейского губернатора и главный судья (Chief Justice) получают по 60.000 рупий, или около 40.000 р. в год. Но особенно ощутительна дороговизна в столице страны и еще более в Симле, летней резиденции вице-короля и всего высшего управления, куда переселяются в жаркое время года и все иностранные представители в Калькутте. Между тем и в Бомбее нашему Генеральному консулу весьма трудно сводить концы с концами на отпускаемые ему 15.000 р. жалованья, 4.000 р. на наем квартиры и дач и 2.250 р. на канцелярские расходы. Французский Генеральный консул в Калькутте получает в общей сложности 62.000 фр. (около 23.000 р.). Германский Генеральный консул получает одного жалованья 40.000 марок (око-

ло 19.000 р.). Сообразно с этим Министерство иностранных дел полагало бы необходимым повысить личное содержание нашего Генерального консула в Калькутте хотя бы до 19.000 р., при добавочном ассигновании ему на наем квартир в Калькутте и Симле 5.000 р. и на канцелярские расходы, применительно к Генеральному консульству в Сиаме, до 3.000 р., что в общем составит 27.000 рублей, т.е. приблизительно то же, что в Сиаме, где министр-резидент получает жалованье 22.500 р., на канцелярские расходы 3.000 р. и квартиру в натуре.

Одновременно с повышением служебного и материального положения Генерального консула в Калькутте представлялось бы желательным также повысить и положение его помощника и заместителя — секретаря Генерального консульства. По местным понятиям, секретари консульств приравниваются к канцелярским чиновникам, не имеющим доступа в лучшее местное общество, тогда как секретарь российского Генерального консульства по своему характеру в действительности соответствует вице-консулу у французов и некоторых других наций или *Consular Attaché* у немцев и австрийцев. Кроме того, ввиду крайне тяжелых климатических условий в Индии, Генеральному консулу в Калькутте, как и всем служащим в этой стране европейцам, необходимо будет через каждые три года уезжать оттуда в более или менее продолжительный отпуск. Необходимо, чтобы в его отсутствие дела находились в руках достаточно опытного чиновника, который по своему общественному положению имел бы в глазах англо-индийских властей необходимое значение. Это могло бы быть достигнуто лишь при условии предоставления этому чиновнику звания вице-консула, с присвоением этой должности VII класса¹¹ (применительно к Каиру, Сиаму и Марокко) и одновременным повышением оклада его с 5.250 р. до 6.000 р. (оклад вице-консула в Сеуле). По наведенным справкам атташе германского Генерального консульства в Калькутте получает 15.000 марок, т.е. около 7.000 р. в год.

Независимо от этого, ввиду огромного количества работы в Генеральном консульстве в Бомбее, имеющего еще увеличиться с перенесением его в Калькутту, и в особенности ввиду того, что Генеральный консул и секретарь будут поочередно отсутствовать довольно продолжительное время, является совершенно необходимым учредить при Генеральном консульстве в Калькутте, по примеру большинства наших консульских установлений на Востоке, — должности драгомана, на какую бы назначался бы, по возможности, чиновник, знакомый с языком «индустани». Это особенно важно в видах непосредственных сношений Генерального консульства с туземцами, не владеющими английским языком, а равно для наблюдения за туземною прессой, приобретающей с каждым годом все большее значение. Драгоману Генерального консульства в Калькутте предполагалось бы присвоить VIII класс¹² по должности и оклад в размере отпускаемого ныне секретарю Генерального консульства в Бомбее, т.е. 5.250 р., как минимальный оклад казенного содержания в такой дорогой стране, как Индия.

Проектированные Министерством иностранных дел штаты Генерального консульства в Калькутте выражаются таким образом в следующих цифрах:

- 1) Генеральному консулу:
  - а) содержание . . . . . 19.000 руб.
  - б) на наем помещений (зимн. и летн.) . . . . . 5.000 р.
- 2) вице-консулу . . . . . 6.000 р.
- 3) драгоману . . . . . 5.250 р.
- 4) на канц. расходы . . . . . 3.000 р.
- Итого . . . . . 38.000 р.

Предполагая, ввиду вышеизложенного, возбудить в законодательном порядке вопрос о перенесении в Калькутту Императорского Генерального консульства в Бомбее, с изменением, на указанных выше основаниях, штатов сего учреждения, Министерство иностранных дел считает долгом предварительно обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбой благоволить его уведомить, в возможно непродолжительном времени, не встретится ли с Вашей стороны каких-либо препятствий к принятию на счет казны вызываемого сим нового расхода, составляющего, за отнесением на покрытие части оного сумм, отпускаемых ныне на содержание Генерального консульства в Бомбее (38.250 – 26.500), — 11.750 рублей в год.

Верно: Делопроизводитель.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1037, л. 64–67 и об. Копия.

№ 218

*5 ноября 1909 г. — Письмо
министра иностранных дел А.П.Извольского
советнику посольства России в Лондоне Н.С.Эттеру
о желательности получения от великобританского
правительства экзекватуры на звание
Генерального консула в Индии*

Милостивый Государь Николай Севастьянович,

Вследствие письма Вашего от 28 минувшего октября, за № 1713, на имя тайн[ого] сов[етника] Аргиропуло, считаю долгом сообщить Вам нижеследующие соображения по поводу нашего консульского представительства в Индии.

Согласно ранее намеченному плану и полученному согласию на то великобританского правительства я имею в виду ныне же осуществить на деле перемещение нашего Генерального консульства из Бомбея в Калькутту, и потому колл[ежскому] сов[етнику] Арсеньеву уже указано, что ему предстоит, по прибытии на место, перевести означенное учреждение в последний из названных городов.

Ввиду того, однако, что формальное учреждение нами Генерального консульства в Калькутте, с упразднением такового в Бомбее, может состояться только в законодательном порядке, Министерство лишено было возможности назначить теперь же г. Арсеньева Генеральным консулом в Калькутте, а должно было в официальном приказе о назначении наименовать его, как предместников его, Генеральным консулом в Бомбее. Законопроект о перемещении сказанного Генерального консульства в связи с некоторым изменением его штатов в настоящее время вполне разработан и находится на рассмотрении подлежащих ведомств; в ближайшем будущем он будет внесен в законодательные учреждения, но когда именно последует утверждение его, пока определить невозможно.

Чтобы несколько оформить в настоящее время положение колл[ежского] сов[етника] Арсеньева, Министерство имеет в виду поднести к Высочайшему подписанию патент для этого чиновника на звание Генерального консула в Индии, что вполне соответствовало бы его положению как единственного русского представителя в означенной стране и не противоречило бы существующему закону,

как совершенно специальное звание Генерального консула в Калькутте. К этому следует еще добавить, что Министерство предполагает испросить для г. Арсеньева у правительства португальского и французского экзекватуры на звание Генерального консула в их индийских владениях.

Не скрою от Вас, что в наших интересах было бы устроить дело так, чтобы нашему представителю было предоставлено звание Генерального консула в Индии также в экзекватуре, который будет выдан ему великобританским правительством. Однако мы отнюдь не имеем в виду произвести ради этого какое-либо давление на Лондонский кабинет, и если бы последний встретил какие-либо существенные препятствия к удовлетворению нашей просьбы, то мы вполне готовы удовольствоваться наименованием г. Арсеньева в экзекватуре Генеральным консулом в Калькутте. Я должен, впрочем, обратить Ваше внимание на то, что, по имеющимся у нас сведениям, представители некоторых других держав в Индии (например, португальский) имеют, по-видимому, экзекватуры на звание Генеральных консулов в этой стране вообще, без обозначения какого-либо определенного города.

Ввиду высказанных соображений представляется желательным, чтобы Вы объяснили великобританскому правительству мотивы, вынудившие нас обозначить этого чиновника в приказе Генеральным консулом в Бомбее, а в патенте Генеральным консулом в Индии, и затем попытались склонить Лондонский кабинет внести последнее наименование в экзекватур короля-императора, настаивая, однако, на этом, в случае явного нежелания англичан, и довольствуясь, в крайнем случае, предоставлением г. Арсеньеву в английском патенте лишь звания Генерального консула в Калькутте.

Подобно своим коллегам по консульскому корпусу в Калькутте колл[ежский] сов[етник] Арсеньев будет переезжать одновременно с центральным индийским правительством на жительство в Симлу на жаркое время года. Хотя право на это у нашего Генерального консула не может быть никем оспариваемо, я полагаю все же желательным, чтобы Вы упомянули об этом в Ваших переговорах с статс-секретарем по иностранным делам¹³, во избежание каких-либо недоразумений в будущем.

Передавая о вышеизложенном и покорнейше прося о последующем почтить меня уведомлением, пользуюсь настоящим случаем, чтобы возобновить Вам, Милостивый Государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Извольский.

АВПРИ, ф. 184 Посольство в Лондоне, оп. 520, д. 1206, л. 36–37 и об. Подлинник.

№ 219

*3 июля 1910 г. — Письмо министра иностранных дел
А.П.Извольского будущему Генеральному консулу в Калькутте
Б.К.Арсеньеву о его статусе с приложением Справки*

Милостивый Государь Борис Константинович,

Из прилагаемой при сем справки Вы усмотрите причины, побудившие британское правительство выдать Вам экзекватуру на должность Генерального консула

не в Индии, а в Калькутте. Подобное решение вопроса вполне соответствует нашим видам.

Как только учреждение Генерального консульства в Калькутте будет оформлено в законодательном порядке, Вы будете официальным приказом назначены Генеральным консулом в названном городе, причем Ваш консульский округ будет обнимать собой всю Индию, включая и колониальные территории других держав на полуострове. Впредь до этого момента Вам надлежит именоваться в Ваших сношениях с индийскими властями просто «Российским Генеральным консулом», в сношениях же с Министерством Вы, конечно, будете по-прежнему пользоваться титулом Генерального консула в Индии.

Копия настоящего письма препровождается мною вместе с сим послу в Лондоне, для сведения.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Извольский.

СПРАВКА

Письмом от 5 ноября 1909 года, № 1123, Министр иностранных дел уведомил поверенного в делах в Лондоне¹⁴, что колл[ежскому] сов[етнику] Арсеньеву, назначенному Генеральным консулом в Бомбее, поручено, соответственно имеющемуся уже согласию великобританского правительства, заняться фактическим переводом вверенного ему консульского установления из Бомбея в Калькутту. Причиной, побудившей назначить г. Арсеньева не в Калькутту, а в Бомбей, является то, что штаты проектируемого консульского установления в Калькутте еще не утверждены в законодательном порядке. Не имея, таким образом, возможности представить на Высочайшее благоволение предположение о назначении г. Арсеньева в Калькутту и желая вместе с тем немедленно осуществить таковое на практике, Министерство полагало наиболее удобным, чтобы патент, имеющий быть поднесенным к Высочайшему подписанию, был составлен на имя «Генерального консула в Индии» (а не Генерального консула в Калькутте), с упоминанием лишь о местопребывании этого лица в Калькутте. Министр прибавлял, что было бы желательным включить именно это обозначение и в Королевский экзекватур великобританского правительства, и поручал ст[атскому] сов[етнику] Эттеру сделать надлежащие шаги перед сэром Эдуардом Грэм, отнюдь не настаивая, однако, на вышеизложенной точке зрения, если бы со стороны англичан встретились какие-либо возражения, и, в крайнем случае, удовлетворяясь званием «Генерального консула в Калькутте». Великобританское министерство иностранных дел, получив патент на назначение г. Арсеньева Генеральным консулом в Индии, с местопребыванием в городе Калькутте, передало это дело на заключение Министерства по делам Индии. По установлении общей точки зрения обоих ведомств, заместитель министра иностранных дел сэр Фрэнсис Кэмпбелль¹⁵ сообщил г. Эттеру, что великобританское правительство считает необходимым выдать г. Арсеньеву экзекватур на звание Генерального консула в Калькутте, так как, по установившемуся обычаю, великобританское правительство может признавать действительность консульских представителей лишь в месте, точно обозначенном в экзекватуре, каковым в данном случае является Калькутта. Однако со стороны британского правительства не встречается препятствий к тому, чтобы иностранные правительства поручали своим консулам защиту соответственных

подданных в таком округе, какой они признают удобным, и обозначали его в выдаваемых консулам патентах (commissions). Единственная оговорка, сделанная при этом сэром Ф.Кэмпбеллем, касается обязанности иностранных консулов сноситься с туземными государствами исключительно через посредство британских властей.

Таким образом, положение колл[ежского] сов[етника] Арсеньева определяется нижеследующим образом. На основании русского патента, переданного ст[атским] сов[етником] Эттером британскому правительству, он является Российско-Императорским Генеральным консулом в Индии, с местопребыванием в Калькутте. Британское правительство, ознакомившись с содержанием вышеуказанного патента, признает г. Арсеньева Генеральным консулом в Калькутте, с распространением его деятельности на всю Индию и с оговоркой о сношениях с туземными государствами лишь при посредстве британской власти.

Означенная разница в наименованиях перестанет существовать, как только будут утверждены в законодательном порядке штаты Генерального консульства в Калькутте¹⁶, после чего наш представитель в англо-индийских владениях будет носить звание Генерального консула в Калькутте, с распространением его консульской компетенции на всю Индию, что будет вполне соответствовать положению, признаваемому ныне британскими властями за г. Арсеньевым.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 214, л. 23–26 и об. Подлинник.

Примечания

¹ Имеется в виду барон А.А.Гейкинг.

² Закупку чая в Индии производили следующие компании: «Товарищество Губкина и Кузнецова», «Щербаков, Чоков и К^о», «Токмаков, Молотков и Ко», «Молчанов, Печатников и К^о».

³ См. док. № 196–207, примеч. 44.

⁴ См. док. № 208.

⁵ 18 августа 1907 г. в Петербурге было подписано англо-русское соглашение о разделе сфер влияния в Иране, Афганистане и Средней Азии.

⁶ Джемшиды — одна из народностей смешанного иранского и тюрко-монгольского происхождения, проживающая на северо-западе Афганистана и частично в Иране, говорят на диалектах дари.

⁷ Мориер, Роберт Барнет Дэвид (1826–1893), английский дипломат, посол в России в 1887–1893 гг.

⁸ См. док. № 9–22.

⁹ Автор имеет в виду колониальные владения Франции (Пондишери, Чандернагар и др.) и Португалии (Гоа, Диу, Даман) на территории Индостана. Далее в документе пойдет речь о признании Генерального консула в Калькутте консулом Российской империи и в этих колониях.

¹⁰ IV класс по Табели о рангах — действительный статский советник (Д.С.С.) — имели директора департаментов в министерствах, губернаторы и др.

¹¹ VII класс по Табели о рангах — надворный советник — имели старшие столоначальники в департаментах министерств и др.

¹² VIII класс по Табели о рангах — коллежский ассессор — имели младшие начальники в департаментах министерств.

¹³ Имеется в виду Эдвард Грей, министр иностранных дел Великобритании в 1905–1916 гг.

¹⁴ Имеется в виду Н.С.Эттер.

¹⁵ Френсис Александр Кемпбелл был помощником заместителя министра (по английской терминологии — секретаря) иностранных дел в 1902–1911 гг.

¹⁶ Закон был принят 25 июня 1912 г. и опубликован в «Собрании Узаконений и распоряжений правительства», № 135, 9 июля 1912 г. Окончательно штаты нового консульства выглядели таким образом:

Штат
Императорского Российского
Генерального консульства в Калькутте

	Число лиц	Содержание в год		Классы и разряды	
		одному	всего	по должности	по шитью на мундир
		рубли			
Генеральный консул	1	12.000		IV	IV
Ему же на представительство	—	7.000	19.000		
Вице-консул	1	6.000	6.000	VII	VII
Драгоман	1	5.250	5.250	VIII	VIII
На канцелярские расходы . . .	—	—	2.250		
Итого	3	—	32.500		

Примечание. Оклады содержания показаны в настоящем штате за узаконенными вычетами.

Подписал: Председатель Государственного Совета М.Акимов.

АВПРИ, ф. 238 Ген. консульство в Калькутте, оп. 778, д. 29, л. 14–15. Копия. Опубл.: Собрание Узаконений и распоряжений правительства, № 135, 9 июля 1912 г.

№ 220–224

**19 сентября 1908 г. — 27 января 1910 г. —
Переписка представителей фирмы Фаберже
с Российским Императорским Генеральным
консульством в Бомбее о налаживании
торговых связей с Индией**

№ 220

*19 сентября 1908 г. — Письмо придворного ювелира
К. Фаберже¹ Генеральному консулу в Бомбее А.А.Гейкингу
с просьбой оказать содействие в продаже ювелирных изделий
в Индии*

Его превосходительству барону Гейкингу
Имп. Росс. Генеральному консулу. Бомбей.

Ваше Превосходительство,

Я прочел с большим интересом Ваше открытое письмо индусским купцам, помещенное некоторое время назад в «Times of India», и позволяю себе обратиться к Вам по следующему делу.

Месяц тому назад я получил приглашение через Е[го] Пр[евосходительство] Александра Гавриловича Яковлева², Императорского росс[ийского] министра в Бангкоке, принять участие в конце ноября н.ст. в благотворительном базаре, устраиваемом Е[го] К[оролевским] В[еличеством] Сиамским Королем³.

Следуя этому приглашению, в Бангкок прибудут 14 или 15 ноября н.ст.: мой младший сын Николай⁴, состоящий одним из доверенных отделения моей фирмы в Лондоне, один из его сотрудников, г. Norman Wall, и большой выбор моих новейших изделий из золота, эмали, нефрита и драгоценных камней, общей стоимостью 100–150.000 рублей.

В Бангкоке мой сын пробудет недели 2–3 и затем, пользуясь случаем, отправится в Калькутту, где, вероятно, пробудет весь декабрь месяц нового стиля, и Бомбей⁵.

Покорнейше прошу Вас, если Вы найдете возможным, оказать моему сыну Ваше уважаемое содействие при сбыте товаров в Бомбее, причем позволю себе обратить Ваше внимание на то, что я продаю художественные изделия моих мастерских исключительно частным лицам, в розницу.

Затем, Вы, наверное, имеете Ваших агентов в Калькутте. Быть может, Вы сообразовите известить их о предстоящем [приезде] моего сына, а также и сообщите последнему по адресу: Росс[ийская] Импер[аторская] Миссия в Бангкоке, адреса и имена этих агентов⁶.

Выражаю Вам наперед благодарность и утешаю себя мыслью, что если изделия мои и не найдут хорошего сбыта в Индии, то все-таки моя попытка поможет открытию нового рынка русским изделиям.

С совершенным почтением

К. Фаберже.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 152, л. 74–75. Подлинник.

№ 221

6 октября 1909 г. — Письмо В.О. фон Клемма исполняющему обязанности Генерального консула в Бомбее С.В. Чиркину с просьбой оказать возможное содействие представителю фирмы Фаберже г-ну Норману Уоллу

Милостивый Государь Сергей Виссарионович!

Предъявитель сего письма г. Норман Уолл (Norman Wall) командирован в Индию известною фирмою Фаберже для распространения там ювелирных изделий этой фирмы.

Ввиду сего прошу Вас оказать г. Уоллу возможное с Вашей стороны содействие.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем почтении и совершеннейшей преданности.

В. Клемм.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 152, л. 315. Подлинник.

№ 222

*14 января 1910 г. — Письмо исполняющего обязанности
Генерального консула в Бомбее С.В.Чиркина Х.Стенли Риду,
редактору газеты «Таймс оф Индия», с просьбой
дать рекламное объявление о фирме Фаберже*

Уважаемый г-н Стенли Рид, податель сего г-н Норман Уолл является представителем К.Фаберже, одного из лучших ювелиров Санкт-Петербурга и поставщиков двора Е.И.В. Г-н Уолл привез с собой большую коллекцию ювелирных изделий. Но поскольку его фирма не известна в Бомбее и г-н Уолл не располагает большим количеством времени, его визит может оказаться безуспешным, окажись он без содействия извне.

Поэтому я был бы Вам очень обязан, если бы Вы могли напечатать несколько строк в Вашем уважаемом издании об изделиях г-на Фаберже. Я советовал г-ну Уоллу показать Вам некоторые из них, чтобы Вы имели представление о том, что они из себя представляют.

Заранее благодарен Вам, с уважением

Чиркин.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 152, л. 319–320. Подлинник. Пер. с англ. составителя.

№ 223

*27 января 1910 г. — Письмо Нормана Уолла,
представителя фирмы Фаберже, исполняющему обязанности
Генерального консула в Бомбее С.В.Чиркину
с благодарностью за рекомендации*

Господину Чиркину
Е.В. Ген. консулу в Бомбее.

Уважаемый господин Чиркин!

Сердечно благодарю Вас за любезное рекомендательное письмо г-ну Стенли Риду. Я сегодня намерен навестить его утром с небольшой коллекцией ювелирных изделий, как Вы советовали.

С наилучшими пожеланиями и благодарностью, искренне Ваш

Норман Уолл.

АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 152, л. 318. Подлинник. Пер. с англ. составителя.

27 января 1910 г. — Письмо
редактора газеты «Таймс оф Индия» Стенли Рида
исполняющему обязанности Генерального консула в Бомбее
С.В.Чиркину о его готовности помочь
опубликовать объявление

Уважаемый господин Чиркин!

Я был бы рад встретиться с г-ном Норманом Уоллом как представителем г-на Фаберже. К сожалению, у меня не было возможности увидеть его предметы. Как я ему передал, он прибыл с деловой миссией, то и решать его вопрос нужно в деловом стиле, т.е. предложить ему опубликовать рекламное объявление. Я смогу быть полезным лишь в случае, если он обратится с просьбой опубликовать объявление.

С уважением

Стенли Рид.

*АВПРИ, ф. 214 Генеральное консульство в Бомбее, оп. 779, д. 152, л. 321. Подлинник.
Пер. с англ. составителя.*

Примечания

¹ Фаберже Карл Густавович (1846–1920), мастер декоративно-прикладного искусства. В делах фирмы с 1864 г. Поставщик Высочайшего двора с 1885 г., придворный ювелир с 1910 г. Поставщик короля шведского и норвежского, английского королевского дома и сиамского короля. Ювелирное дело Фаберже основано в Петербурге в 1842 г. его отцом, Густавом Фаберже. Со вступлением в дело двух сыновей, Карла и Агафона Густавовичей, мастерская расширилась, об этом свидетельствуют неоднократные упоминания о рекламе и документы о присвоении К.Г.Фаберже звания придворного ювелира. Александр III присвоил К.Фаберже звание поставщика Высочайшего двора, а Николай II — придворного ювелира.

² Яковлев Александр Гаврилович был министром-резидентом в Сиаме с 1908 по 1909 или 1910 г.

³ Сиамская королевская семья и двор были значительной клиентурой фирмы Фаберже. Работы Фаберже были ввезены в Сиам принцем Чакрабомом, сыном короля Чулалонгкорна, жившим долгое время в Петербурге, где он получил образование в Пажеском корпусе, и хорошо знавшим русский язык. Вскоре после его возвращения на родину были получены заказы от королевской семьи.

⁴ Фаберже Николай Карлович (ум. 1939) — младший сын Карла Фаберже, работал в Лондонском отделении фирмы с 1906 по 1914 г. Кроме основного магазина в Санкт-Петербурге Фаберже имели московский филиал с большой фабрикой, большой магазин был в Лондоне. После закрытия Лондонского отделения Николай занялся фотографией сначала в Лондоне, затем в Париже.

⁵ Лондонский магазин обслуживал не только английскую клиентуру, но и служил центром торговли с Францией, Америкой и Дальним Востоком. Два раза в год из Лондона отправлялся представитель фирмы на Восток, главным образом в Индию и Сиам. В течение девяти лет представители фирмы успешно совершали деловые поездки в Сиам и ко дворам индийских махараджей. Множество произведений Фаберже украшали дворец короля Сиам, дворцы сиамской знати. После смерти короля Чулалонгкорна новый король заказал К.Фаберже большую статую Будды из сибирского нефрита для усыпальницы храма его имени.

В фондах фотоархива Института истории материальной культуры РАН (СПб.) хранятся материалы по Индии и Бирме, привезенные сыном К.Г.Фаберже, посланным туда отцом для изучения искусства Индии, — снимки архитектурных памятников в Дели, джайнских и буддийских храмов, пагод (подробнее см.: *Анналы*. Вып. V–VI. М., 1996, ИВ РАН, с. 154).

⁶ В черновике ответа от 12/25 окт. 1908 г. консул А.А.Гейкинг сообщал, что в Калькутте у него нет консульского агента, но через несколько месяцев его консульство будет переведено в Калькутту. Сожалеет, что его не будет уже в Бомбее, когда сын Фаберже прибудет туда, так как на днях уезжает на новое место назначения. Советует сделать визиты редакторам газет в сопровождении управляющего консульством (С.В.Чиркина), даже предлагает обсудить вопрос об открытии в Бомбее отделения торгового дома Фаберже... (АВПРИ, ф. 214, оп. 779, д. 152, л. 87).

№ 225

*24 ноября 1908 г. — Секретное донесение исполняющего
обязанности Генерального консула в Бомбее С.В.Чиркина
товарищу министра иностранных дел Н.В.Чарыкову
об интересе в англо-индийской армии
к изучению русского языка*

Милостивый Государь Николай Валериевич,

В донесении от 30 мая (12 июня) мин[увшего] года, № 43, я между прочим имел честь указывать на интерес, возбужденный в Кветте¹ возможностью изучения в Индии русского языка в связи с признанием огромной важности знания его, равно как и наречий Центральной Азии, офицерами индийской армии. Какова была преподавательская деятельность в белуджистанской столице Халиль-уд-Дин-Ахмеда², бывшего учителя индустан и английского языков на офицерских курсах в Ташкенте, уволенного от этой должности и высланного из нашего Туркестана по подозрению в шпионстве, мне, к сожалению, не известно, но надо полагать, что он мог найти в Кветте некоторое поле для применения приобретенных им на службе в Ташкенте знаний, встретив немало желающих изучать русский среди офицеров-слушателей кветтской Академии Генерального штаба, тем более что, как видно из последующего, интерес к нашему языку здесь нисколько не пропал, но даже возрос в военной среде, несмотря на недавнее англо-русское соглашение и изменение взаимной политики обеих стран. В особенности укрепляют в этом мнение недавние распоряжения главнокомандующего военными силами Индии³, который, невзирая на установившиеся новые отношения между Соединенным Королевством и Россией, создал 10 новых должностей русских переводчиков в Индии (Indian Army order № 419 of July 27 1908*), привлекая молодых офицеров к изучению русского языка обещанием преимуществ по службе и назначением на сказанные места переводчиков, которые вдобавок к своему полковому жалованью будут получать еще по 100 рупий в месяц дополнительных. Подобные меры в военном ведомстве, разумеется, не вызваны интересом к русскому языку самому по себе, так как известно, что англичане совсем не отличаются лингвистическими стремлениями, и надо думать, что предусмотрительный лорд Китченер счел нелишним иметь «на случай» контингент опытных и толковых переводчиков.

* Приказ по вооруженным силам Индии № 419 от 27 июля 1908 г. (англ.).

Чтобы побудить молодых английских офицеров к изучению иностранных языков как в английской, так и в индийской армиях, существует, как известно, система премий, по которой каждый успешный кандидат получает денежную награду, размер коей зависит от языка, избранного испытуемым, и от уровня выказанных им познаний, причем иностранные языки по степени их трудности и практической пригодности расположены в известном порядке, в коем русский язык занимает высшую степень и премия за знание его значительно выше, чем за японский, считающийся одним из труднейших. Русский язык может быть избран в обеих академиях Генерального штаба: в Кемберлее и Кветте в качестве или обязательного, или необязательного предмета.

Офицер, желающий получить звание переводчика русского языка, должен выполнить следующие требования: выдержать предварительное испытание по русскому языку и в течение года совершенствоваться в языке в России. По прошествии года он подвергается в Англии испытанию на переводчика, награждается в случае успеха премией в 242 фунта стерлингов и получает право быть назначенным на должность переводчика в Индию, о чем говорилось выше.

Вместе с тем некий предприимчивый индивидуум в Симле, именуемый себя «good Russian scholar»*, предлагает молодому офицерству свои услуги для подготовки к предварительному экзамену в Индии, снабдив, по-видимому, соответственным объявлением все наиболее посещаемые молодыми офицерами места в военных центрах. Подобное объявление попало мне на глаза в бомбейском яхт-клубе.

Копии настоящего донесения препровождаются в Императорское посольство в Лондоне и Туркестанскому генерал-губернатору.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

С. Чиркин.

На полях имеется рукописная помета: «Выписку. Сообщить военному министру и г. Соловьеву⁴ для составления статьи в России».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 947, л. 193–194. Подлинник.

Примечания

¹ Имеется в виду открытая 7 июля 1905 г. в Деолали (военный лагерь в Бомбейском президентстве) Академия Генерального штаба, впоследствии переведена в Кветту.

² См. об этом док. № 82–89.

³ Главнокомандующим вооруженными силами Индии в 1902–1909 гг. был лорд Китченер.

⁴ Вероятно, имеется в виду А. Соловьев, главный инспектор училищ Туркестанского края, в ведении которого находилось обучение русскому языку в национальных школах.

---

* Знатор русского языка (англ.).

*23 сентября 1909 г. — Из доклада по Главному управлению
Генерального штаба о разработке оперативного плана
на Туркестанском фронте*

Высочайше утвержденные соображения по приведению войск Туркестанского военного округа на военное положение и по подготовке военных действий на афганской границе в случае нашего вооруженного столкновения с Афганистаном или Англией составлены были особой комиссией под председательством бывшего военного министра генерал-адъютанта Куропаткина, в конце 1903 и начале 1904 года. С тех пор многие условия, влияющие на характер наших оперативных соображений, изменились в значительной степени, а потому и сам оперативный план 1904 г. совершенно устарел и уже не соответствует нашему современному военному положению в Туркестане. Наиболее существенными особенностями этого плана являются: а) несоответствующая нашему нынешнему военно-политическому положению наступательная тенденция, являющаяся отражением пресловутых фантазий о походе в Индию¹, и б) выбор главного операционного направления на Герат и Кандагар, ныне уже утратившего свое первенствующее стратегическое значение. Помимо этого постройка Оренбурго-Ташкентской железной дороги² и новая организация Туркестанской пехоты³, вводимая с середины будущего года, вносят столь значительные изменения в оперативный план 1904 г., что переработка его на новых обоснованиях является в настоящее время безусловно необходимой.

В основание нового оперативного плана, казалось бы, следует положить следующие общие положения: а) полный отказ от каких бы то ни было агрессивных намерений по отношению Афганистана, а тем более от мечты о походе в Индию, с тем, чтобы вся подготовка к военным действиям на афганской границе имела в виду только обеспечение наших Туркестанских владений от возможных покушений афганцев или англичан, б) признание первенствующего стратегического значения за аму-дарьинским (Термезским) участком Туркестанского фронта и второстепенного — за Мургабским (Кушкинским). Последнее является необходимым ввиду мер, принимаемых в настоящее время англичанами для подготовки театра военных действий в восточном Афганистане и ясно указывающих на то, что в случае нашего вооруженного столкновения с англичанами главным театром борьбы будет именно эта часть Афганистана, а не его западные провинции. Постройка англичанами железных дорог на индо-афганской границе в районе Пешавара, разработка дорог в направлении от Пешавара на Читрал, разработка перевалов в восточном Гиндукуше и [тому] [подобные] мероприятия дают нам право предполагать, что главные силы англо-индийской армии будут наступать из северного Пенджаба последовательно на линии: Кабул—Читрал и Мазари-Шериф—Фейзабад, почему, естественно, и наши оборонительные мероприятия должны быть сосредоточены главным образом на участке Калиф—Термез—Куляб, как на наиболее угрожаемом участке нашего Туркестанского фронта...

Закключение.

Ввиду вышеизложенного не угодно ли будет Вашему Превосходительству дать согласие:

1. На признание за Кабульским операционным направлением первенствующего стратегического значения, а за Гератским — второстепенного.

2. На отказ от всяких агрессивных намерений по отношению Афганистана, а тем более от планов о походе в Индию, с тем, чтобы ограничиться оборонительными задачами по обеспечению наших туркестанских владений от возможных покушений соседей...

и 6. На составление проекта Высочайших указаний (директив) командующему войсками округа⁴ соответственно по перечисленным выше положениям.

Делопроизводитель:

Полковник (*подпись неразборчива*).

РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 961, л. 44–45, 49. Подлинник.

Примечания

¹ Планы похода на Индию как средство воздействия на Англию при решении вопросов внешней политики выдвигались в России в разное время (см., например: *Лебедев В.Т.* «В Индию». Военно-статистический и стратегический очерк. Проект будущего похода. СПб., 1898; Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М., 1997, док. № 2–15, 32–36 и др.).

Разработка в конце 1903 — начале 1904 г. плана подготовки к вооруженному столкновению на афганской границе была вызвана обострением отношений Англии с Афганистаном. В 1901 г. тот же Куропаткин в своем отчете о поездке в Туркестанский военный округ писал: «В разговоре с эмиром (бухарским. — *Сост.*) я настоятельно указывал на необходимость поддержания спокойствия на бухарской границе, даже если бы в Афганистане начались смуты и резня; ни нам, ни бухарцам не следует думать о каких-либо территориальных увеличениях; построив Кушк и Термез, мы ныне вовсе не нуждаемся в Герате и Мазар-и-Шерифе; поэтому не надо слушать разные речи о том, что нас ждут в Герате и афганском Туркестане и все восстанут, если русский солдат только пошевелит пальцем на афганской границе» (Отчет о служебной поездке военного министра в Туркестанский военный округ в 1901 г. СПб., 1902, с. 144).

² Строительство Оренбургско-Ташкентской железной дороги было закончено в 1905 г.

³ В соответствии с общим планом преобразования армии России в 1910–1911 гг. в Туркестанском военном округе была проведена новая дислокация войск, расформированы управления 1-й и 2-й резервных бригад, образовано общее управление местными органами, которые были ранее подведомственны расформированным управлениям, осуществлен ряд других мер.

⁴ Командующим войсками Туркестанского военного округа с весны 1909 г. был генерал от кавалерии Самсонов Александр Васильевич.

№ 227–233

**1 октября 1909 г. — 7 сентября 1910 г. —
Переписка¹ между Л.Н.Толстым² и М.К.Ганди³
о борьбе индийцев в Южной Африке,
о вере и др.**

*1 октября 1909 г. — Письмо М.К.Ганди Л.Н.Толстому
с просьбой высказать свое мнение по поводу борьбы
индийских переселенцев в Южной Африке против
дискриминации методом ненасильственного сопротивления
и с просьбой разрешить перевести и опубликовать статью
Л.Н.Толстого «Письмо к индусу» о волнениях в Индии*

Отель Вестминстер палас,
4, Виктория стрит, Лондон.

Милостивый государь,

Беру на себя смелость обратить Ваше внимание на то, что делается в Трансваале⁴ (Южная Африка) вот уже почти три года.

В этой колонии имеется население британских индусов⁵, почти 13000 человек⁶. Эти индусы уже многие годы страдали от различных правовых ограничений. Предубеждение против цветных людей, а в некоторых отношениях и против азиатов вообще, очень сильно в этой стране. Поскольку это касается азиатов, оно объясняется соперничеством в торговле. Это предубеждение достигло своей высшей степени три года назад, когда был проведен закон, специально предназначенный для азиатов⁷, рассчитанный, как думаю я и многие другие, на то, чтобы унижить и лишить человеческого достоинства тех, против которых он применялся. Я сознавал, что подчинение закону такого рода несовместимо с духом истинной религии. Как я, так и некоторые мои друзья еще раньше твердо верили в учение непротивления злу, и таковыми мы остались и теперь. Кроме того, мне выпало счастье изучать Ваши писания⁸, произведшие глубокое впечатление на мое мировоззрение⁹. Британские индусы, которым мы объяснили положение вещей, согласились не подчиняться этому закону и предпочесть заключение в тюрьму или другие наказания, которые могут быть по закону наложены за его нарушение. Следствием этого получилось то, что почти половина всего индусского населения, не бывшая в силах выдержать напряжение борьбы и перенести страдания при заключении в тюрьму, предпочла выселиться из Трансвааля, нежели подчиниться унижительному, по ее мнению, закону. Из другой половины почти 2500 человек, ради следования своей совести, предпочли тюремное заключение — некоторые из них до пяти раз. Тюремное заключение колебалось между четырьмя днями и шестью месяцами, в большинстве случаев с каторжными работами. Многие из индусов были материально совершенно разорены. В настоящее время в трансваальских тюрьмах находится около 100 таких пассивных противленцев¹⁰. Некоторые из них были и раньше совершенно бедными людьми, зарабатывавшими на свое существование изо дня в день. Поэтому пришлось содержать их жен и детей на общественные пожертвования, собранные преимущественно среди таких же пассивных противленцев. Все это потребовало тяжелого напряжения со стороны британских индусов, но, по моему мнению, они оказались на высоте положения. Борьба еще продолжается, и неизвестно, когда закончится, но она показала, по крайней мере некоторым из нас, что пассивное сопротивление может и должно победить там, где грубое насилие бессильно. Мы также поняли, что борьба затягивалась в зависимости от нашей слабости, порождавшей в умах правительства убеждение, что мы не окажемся в силах выдержать длительные страдания.

Я приехал сюда вместе с одним другом¹¹, чтобы повидать некоторых лиц из имперского правительства и изложить им положение дела, с тем, чтобы просить

отмены несправедливости. Сами пассивные противленцы заявили, что они не имеют ничего общего с обращением к правительству, но депутация послана по просьбе слабейших членов индусской общины, и потому она представляет, скорее, ее слабость, нежели силу. Но за время моего пребывания здесь мне стало казаться, что если бы устроить всеобщий конкурс на статью по вопросу о нравственности и действенности пассивного сопротивления, то это сделало бы наше движение более известным и заставило бы людей задуматься. Один мой друг поднял вопрос о нравственной допустимости устройства такого конкурса. Он думает, что такое обращение к людскому мнению не согласно с истинным духом пассивного протравления и что оно даст нам только купленное мнение. Могу ли я обратиться к Вам с просьбой высказаться по этому вопросу с точки зрения нравственности. И если Вы сочтете, что нет ничего дурного в желании получить мнения разных лиц, то не назовете ли Вы мне имена тех, к которым мне следовало бы обратиться специально с просьбой написать по данному предмету.

Есть еще одно обстоятельство, заставляющее меня отнимать Ваше время. Благодаря одному другу у меня оказалась в руках копия Вашего «Письма к индусу»¹² о теперешних волнениях в Индии. По-видимому, оно выражает Ваши взгляды. Мой друг хочет на свой счет напечатать и распространить 20000 экземпляров этого письма, а также перевести его. Но мы не смогли достать его оригинала, а потому не считаем себя вправе напечатать его, пока мы не уверены в точности копии письма и что оно действительно Ваше. Я осмеливаюсь приложить при сем копию с этой копии и сочту за большое одолжение, если Вы сообщите мне, действительно ли это Ваше письмо, верна ли копия и одобряете ли Вы его распространение таким способом. Если бы Вы захотели что-нибудь прибавить к письму, то, пожалуйста, сделайте это. Я решаюсь высказать одно предложение. В заключительном параграфе Вы, по-видимому, хотите разубедить читателя в учении о перевоплощении. Я не знаю (если это не дерзко с моей стороны), изучали ли Вы этот вопрос специально. Вера в перевоплощение, или переселение душ, очень дорога миллионам людей в Индии, а также и в Китае. Можно сказать, что для многих это уже вопрос личного переживания, а не только теоретической допустимости. Она разумно объясняет многие тайны жизни. Она служила утешением многим пассивным противленцам при их тюремных заключениях в Трансваале. Цель моего обращения к Вам не в том, чтобы убедить Вас в истинности этого учения, но чтобы просить Вас, если можно, исключить слово «реинкарнация» из числа тех понятий, в которых Вы хотите разубедить читателя Вашего письма. Вы широко ссылались на Кришну¹³ и приводили выдержки¹⁴. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы указали мне название книги, из которой Вы брали эти выдержки.

Я утомил Вас этим письмом. Я знаю, что те, кто чит Вас и пытается следовать Вам, не имеют права отнимать Ваше время и, поскольку могут, должны воздерживаться чем-либо затруднять Вас. И все же я, абсолютно неизвестный Вам человек, осмелюсь обратиться к Вам с этим письмом, ради истины и с целью услышать Ваш совет относительно тех вопросов, решение которых Вы сделали задачей нашей жизни.

С почтением
ваш покорный слуга М.К.Ганди
Графу Льву Толстому
Ясная Поляна
Россия.

7 октября 1909 г. — Письмо Л.Н.Толстого М.К.Ганди с пожеланием успеха индийцам в их борьбе против дискриминации в Южной Африке и с согласием на перевод и публикацию своей статьи «Письмо к индусу»

Ясная Поляна

Сейчас получил Ваше в высшей степени интересное и доставившее мне большую радость письмо. Помогай Бог нашим дорогим братьям и сотрудникам в Трансваале. Та же борьба мягкого против жестокого, смирения и любви против гордости и насилия с каждым днем все более и более проявляется и у нас, в особенности в одном из самых резких столкновений закона религиозного с законом мирским — в отказах от военной службы. Отказы становятся все чаще и чаще.

Письмо к индусу написано мною, перевод оч[ень] хорош. Заглавие книги о Кришне Вам будет выслано из Москвы.

Слово «reincarnation»¹⁵ мне бы не хотелось исключать, п[отому] ч[то], по моему мнению, вера в «reincarnation» никогда не может быть так тверда, как вера в неумираемость души и в справедливость и любовь бога. Впрочем, делайте как хотите. Переводу на индус[ский] язык моего письма и распространению его могу только радоваться.

Думаю, что competition¹⁶, т.е. денежное поощрение, в деле религиозном неуместно. Если я могу служить чем вашему изданию, то буду оч[ень] рад.

Братски приветствую Вас и радуюсь общению с Вами.

Л.Толстой.

Печ. по: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 80. М., 1992, с. 110–111.

10 ноября 1909 г. — Письмо М.К.Ганди Л.Н.Толстому с просьбой использовать огромный авторитет Л.Н.Толстого для поддержки сопротивления индийцев в Южной Африке и сообщение о приложении к письму книги Дж.Дока о деятельности Ганди в Южной Африке

Отель Вестминстер палас, 4
Виктория-стрит, Лондон В.С.

Дорогой сэръ, сердечно благодарю Вас за Ваше заказное письмо по поводу «Письма к индусу» и тех вопросов, которых я касался в письме к Вам.

Я не писал Вам, не желая беспокоить Вас, так как узнал, что Вы больны, а письменное выражение моей благодарности является ведь простой формальностью. Но разысканный господин Эйльмер Моод¹⁷ заверил меня, что Вы вполне здоровы и регулярно по утрам занимаетесь корреспонденцией. Эти сведения очень обрадовали меня, и я решил снова написать Вам о делах, которые, я знаю, имеют величайшее значение с точки зрения Вашего учения.

Посылаю вместе с письмом книгу, написанную одним из моих друзей — англичанином, находящимся теперь в Южной Африке¹⁸. Книга эта имеет отно-

шение к моей жизни и проливает свет на ту борьбу, которой я посвятил свою жизнь. Так как мне очень хочется привлечь Ваш интерес и симпатии, я подумал, что вы не сочтете присылку книги назойливостью.

По моему мнению, индийцы в Трансваале ведут сейчас величайшую борьбу в современной истории, поскольку она идеальна как с точки зрения поставленной цели, так и методов достижения этой цели. Я не знаю ни одного другого примера борьбы, в которой ее участники не стремились бы извлечь из нее какие-либо личные выгоды и в ходе которой половина участников подвергалась бы великим страданиям ради торжества принципа.

Я не имею возможности популяризировать нашу борьбу так широко, как мне хотелось бы. В наше время Вы пользуетесь, вероятно, наибольшим влиянием на широчайшие круги общественности. Если Вас удовлетворят факты, изложенные в книге мистера Дока, и если Вы сочтете, что эти факты оправдывают выводы, к которым я пришел, то не мог ли бы я просить Вас использовать Ваше влияние, чтобы любым способом, который Вы найдете приемлемым, популяризировать наше движение? Если оно восторжествует, то это будет не только торжеством веры, любви и истины над неверием, ненавистью и ложью, но, весьма вероятно, послужит примером для миллионов людей в Индии и в других частях света, могущих подпасть под пяту угнетателей. Оно безусловно будет во многом способствовать поражению сторонников насилия, по крайней мере в Индии. Если мы будем держаться до конца, — а я думаю, что мы выдержим, — у меня нет ни малейшего сомнения в конечном успехе¹⁹. Ваша поддержка может укрепить нашу решимость.

Переговоры, предпринятые с целью урегулировать этот вопрос, практически провалились. Вместе со своим коллегой я возвращаюсь на этой неделе в Южную Африку²⁰, где меня ждет тюремное заключение. Могу добавить, что мой сын с радостью присоединился ко мне в этой борьбе и сейчас отбывает шестимесячный срок каторжных работ. Это уже четвертый раз, как он подвергается тюремному заключению в ходе борьбы.

Если Вы будете так добры ответить на это письмо²¹, то я просил бы Вас писать на мое имя по адресу: г. Йоганнесбург, Южная Африка, почтовый ящик № 6522.

С надеждой, что мое письмо застанет Вас в добром здоровье, остаюсь

Ваш покорный слуга, М.Ганди.

Печ. по: Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. М., 1971, с. 164–165.

№ 230

*4 апреля 1910 г. — Письмо М.К.Ганди Л.Н.Толстому
с просьбой ознакомиться с посылаемой книгой
М.К.Ганди «Индийское самоуправление»,
а также о вложенной в письмо копии статьи
Л.Н.Толстого «Письмо к индусу»*

Йоганнесбург

Милостивый государь,

Вы, вероятно, припомните мою переписку с Вами, когда я временно был в Лондоне. Как Ваш скромный последователь, посылаю Вам при сем книжку,

написанную мною²². Это мой собственный перевод с языка гуджарати²³. Любопытно, что правительство Индии конфисковало книгу на этом языке. Поэтому я поспешил с опубликованием перевода. Мне не хотелось бы беспокоить Вас, но, если позволит Ваше здоровье и если Вы найдете время просмотреть книжечку, излишне говорить, что Ваша критика этого сочинения будет для меня в высшей мере ценной. Посылаю Вам также несколько копий с Вашего «Письма к индусу», которое вы разрешили мне опубликовать. Оно тоже было переведено на одно из индусских наречий.

Остаюсь Ваш покорный слуга М.К.Ганди.

Печ. по: Литературное наследство. Л.Н.Толстой. Т. 37–38. М., 1939, с. 344.

№ 231

*25 апреля (8 мая) 1910 г. — Письмо Л.Н.Толстого
М.К.Ганди о получении его книги «Самоуправление Индии»*

Ясная Поляна

Дорогой друг,

Только что получил Ваше письмо и книгу «Самоуправление Индии». Я прочел Вашу книгу с большим интересом, так как я думаю, что вопрос, который Вы в ней обсуждаете — пассивное сопротивление — вопрос величайшей важности не только для Индии, но и для всего человечества.

Я не мог отыскать Ваших предыдущих писем, но нашел Вашу биографию, написанную Дж.Доссом²⁴, которая тоже очень заинтересовала меня и дала мне возможность лучше узнать и понять Вас.

В настоящее время я не совсем здоров и потому воздерживаюсь писать Вам все, что я хотел бы сказать по поводу Вашей книги и всей Вашей работы, которую очень ценю, но напишу, как только мне станет лучше.

Ваш друг и брат.

Печ. по: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 81. М., 1992, с. 248.

№ 232

*15 августа 1910 г. — Письмо
М.К.Ганди Л.Н.Толстому с благодарностью
за хороший отзыв о книге «Индийское самоуправление»,
о создании в Трансваале Г.Калленбахом²⁵ «Толстовской фермы»
и о посылке газеты «Indian Opinion»²⁶*

Иоганнесбург

Милостивый государь,

Очень благодарен Вам за Ваше ободряющее и сердечное письмо от 8 мая с.г. Я весьма ценю Ваш общий отзыв о моей брошюре «Indian Home Rule» и буду

ожидать, что, когда у Вас найдется время, Вы выскажетесь о моей работе более подробно, как Вы были столь добры обещать мне это сделать в своем письме.

Калленбах пишет Вам о «Толстовской ферме». С Калленбахом мы друзья уже многие годы. Могу сказать о нем, что он также прошел через большинство тех испытаний, которые Вы так образно описываете в Вашей книге «Исповедь»²⁷. Никакие писания не производили на Калленбаха такого сильного впечатления, как Ваши, и, в виде стимула для дальнейшего усилия к достижению тех идеалов, которые Вы возвещаете миру, он позволил себе, посоветовавшись со мною, назвать ферму в честь Вас.

Из прилагаемых номеров «Indian Opinion» Вы более подробно узнаете о его благородном поступке передачи фермы непротивленцам.

Я не стал бы Вас утруждать всеми этими деталями, если бы Вы не проявили личного интереса к движению пассивного сопротивления в Трансваале.

Ваш покорный слуга М.К.Ганди
Графу Льву Толстому
Ясная Поляна.

Печ. по: Литературное наследство. Л.Н.Толстой. Т. 37–38. М., 1939, с. 347.

№ 233

*7 сентября 1910 г. — Письмо Л.Н.Толстого М.К.Ганди
о получении газеты «Indian Opinion» и с объяснениями
своего понимания непротивления, как учения любви
и отрицания насилия*

Кочеты²⁸

Получил Ваш журнал «Indian Opinion» и был рад узнать все то, что там пишется о непротивляющихся. И захотелось сказать Вам те мысли, которые вызвало во мне это чтение.

Чем дальше я живу, и в особенности теперь, когда живо чувствую близость смерти, мне хочется сказать другим то, что я так особенно живо чувствую и что, по моему мнению, имеет огромную важность, а именно о том, что называется непротивлением, но что в сущности есть не что иное, как учение любви, не извращенное ложными толкованиями. То, что любовь, т.е. стремление душ человеческих к единению и вытекающая из этого стремления деятельность, есть высший и единственный закон жизни человеческой, это в глубине души чувствует и знает каждый человек (как это мы яснее всего видим на детях), знает, пока он не запутан ложными учениями мира. Закон этот был провозглашен всеми, как индийскими, так и китайскими и еврейскими, греческими, римскими мудрецами мира. Думаю, что он яснее всего был высказан Христом, который даже прямо сказал, что в этом одном весь закон и пророки. Но мало этого, предвидя то извращение, которому подвергается и может подвергнуться этот закон, он прямо указал на ту опасность извращения его, которая свойственна людям, живущим мирскими интересами, а именно ту, чтобы разрешать себе защиту этих интересов силою, т.е., как он сказал, ударами отвечать на удары, силою отнимать назад присвоенные предметы и т.п. и т.п. Он знает, как не может не знать этого каждый разумный

человек, что употребление насилия несовместимо с любовью, как основным законом жизни, что, как скоро допускается насилие, в каких бы то ни было случаях, признается недостаточность закона любви и потому отрицается самый закон. Вся христианская, столь блестящая по внешности, цивилизация выросла на этом явном и странном, иногда сознательном, большей частью бессознательном недоразумении и противоречии.

В сущности, как скоро было допущено противление при любви, так уже не было и не могло быть любви как закона жизни, а не было закона любви (то не было никакого закона)²⁹, кроме насилия, т.е. власти сильнейшего. Так 19 веков жило христианское человечество. Правда, во все времена люди руководствовались одним насилием в устройстве своей жизни. Разница жизни христианских народов от всех других только в том, что в христианском мире закон любви был выражен так ясно и определенно, как он не был выражен ни в каком другом религиозном учении, и что люди христианского мира торжественно приняли этот закон и вместе с тем разрешили себе насилие и на насилии построили свою жизнь. И потому вся жизнь христианских народов есть сплошное противоречие между тем, что они исповедуют, и тем, на чем строят свою жизнь: противоречие между любовью, признанной законом жизни, и насилием, признаваемым даже необходимостью в разных видах, как власть правителей, суды и войска, признаваемым и восхваляемым. Противоречие это все росло вместе с развитием людей христианского мира и в последнее время дошло до последней степени. Вопрос теперь стоит, очевидно, так: одно из двух: или признать то, что мы не признаем никакого религиозно-нравственного учения и руководимся в устройстве нашей жизни одной властью сильного, или то, что все наши, насилием собираемые подати, судебные и полицейские учреждения и, главное, войска должны быть уничтожены.

Нынче весной на экзамене закона божия одного из женских институтов Москвы законоучитель, а потом и присутствовавший архиерей спрашивали у девиц о заповедях и особенно о шестой³⁰. На правильный ответ о заповеди архиерей обыкновенно задавал еще вопрос: всегда ли во всех случаях запрещается законом Божиим убийство, и несчастные, развращенные своими наставниками девицы должны были отвечать и отвечали, что не всегда, что убийство разрешено на войне и при казнях преступников³¹. Однако, когда одной из несчастных девиц этих (то, что я рассказываю, не выдумка, а факт, переданный мне очевидцем) на ее ответ был задан тот же обычный вопрос: всегда ли греховно убийство? Она, волнуясь и краснея, решительно ответила, что всегда, а на все обычные софизмы архиерея отвечала решительным убеждением, что убийство запрещено всегда и что убийство запрещено и в ветхом завете и запрещено Христом не только убийство, но и всякое зло против брата. И, несмотря на все свое величие и искусство красноречия, архиерей замолчал, и девушка ушла победительницей.

Да, мы можем толковать в наших газетах об успехах авиации, о сложных дипломатических отношениях, о разных клубах, открытиях, союзах всякого рода, так называемых художественных произведениях и замалчивать то, что сказала эта девица; но замалчивать этого нельзя, потому что это чувствует более или менее смутно, но чувствует всякий человек христианского мира. Социализм, коммунизм, анархизм, армия спасения³², увеличивающаяся преступность, безработность населения, увеличивающаяся безумная роскошь богатых и нищета бедных, страшно увеличивающееся число самоубийств, все это признаки того внутреннего противоречия, которое должно и не может [не] быть разрешено. И разрешается, разрешено в смысле признания закона любви и отрицания всякого наси-

лия. И поэтому Ваша деятельность в Трансваале, как нам кажется на конце света, есть дело самое центральное, самое важное из всех дел, какие делаются теперь в мире и участие в котором неизбежно примут не только народы христианского, но всего мира.

Думаю, что Вам приятно будет узнать, что у нас в России тоже деятельность эта быстро развивается в форме отказов от военной службы, которых становится с каждым годом все больше и больше. Как ни ничтожно количество и Ваших людей, непротивляющихся, и у нас в России число отказывающихся, и те и другие могут смело сказать, что с ними бог. А бог могущественнее людей.

В признании христианства, хотя бы и в той извращенной форме, в которой оно исповедуется среди христианских народов, и в признании вместе с этим необходимости войск и вооружения для убийства в самых огромных размерах на войнах, заключается такое явное, вопиющее противоречие, что оно неизбежно должно рано или поздно, вероятно очень рано, обнаружиться и уничтожить или признание христианской религии, которая необходима для поддержания власти, или существование войска и всякого поддерживаемого им насилия, которое для власти не менее необходимо. Противоречие это чувствуется всеми правительствами, как вашим британским, так нашим русским, и из естественного чувства самосохранения преследуется этими правительствами более энергично, как это мы видим в России и как это видно из статей Вашего журнала, чем всякая другая антиправительственная деятельность. Правительства знают, в чем их главная опасность, и зорко стерегут в этом вопросе уже не только свои интересы, но и вопрос быть или не быть.

С совершенным уважением Leo Tolstoy.

Печ. по: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 82. М., 1992, с. 137–140.

Примечания

¹ Переписка между М.К.Ганди и Л.Н.Толстым продолжалась почти год и оборвалась со смертью Л.Н.Толстого, последнее его письмо М.К.Ганди получил уже после смерти писателя.

В полном виде эта переписка выходит в свет впервые. Ранее публиковались отдельные письма и части переписки. Так, например, письмо Толстого от 7 сентября 1910 г. было помещено Ганди на английском языке уже 26 ноября 1910 г. в журнале «Indian Opinion», который он издавал в Южной Африке, а затем вместе с портретом Л.Н.Толстого в так называемом «золотом номере» этого журнала в 1914 г. В 1923 г. это письмо Толстого на русском языке было опубликовано П.И.Бирюковым в 4-м томе «Биографии Льва Николаевича Толстого» (М. — Пг., с. 210–212). В 1923 г. 4 письма из этой переписки (все три письма Л.Н.Толстого и письмо М.К.Ганди от 4 апреля 1910 г.) были опубликованы П.И.Бирюковым на немецком языке в сборнике: Tolstoy und der Orient. Briefe und sonstige Zeugnisse über Tolstoy's Beziehungen zu den Vertretern Orientalischer Religionen von Paul Birukoff. Rotapfelverlag. Zürich — Leipzig, 1925, с. 70–77.

Шесть писем переписки вышли в свет на русском языке, а пять из них и на английском в издании «Литературное наследство. Л.Н.Толстой», т. 37–38. М., 1939, с. 340–352. Письма Л.Н.Толстого к Ганди были опубликованы также в полном собрании сочинений Толстого (см.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч., т. 80. М., 1992, с. 110–112; т. 81. М., 1992, с. 248; т. 82. М., 1992, с. 137–140). Письмо М.К.Ганди к Л.Н.Толстому от 10 ноября 1909 г. было обнаружено лишь в 1956 г. и опубликовано А.И.Шифманом в 1957 г. на русском и английском языках в журнале «Советское востоковедение». М., 1957, № 1, с. 99–100. Тексты писем и часть

примечаний к ним приводятся здесь по этим изданиям, а также по книге А.И.Шифмана «Лев Толстой и Восток». М., 1971. Подлинники писем М.Ганди Л.Н.Толстому хранятся в Отделе рукописей Музея Л.Н.Толстого в Москве.

² Лев Николаевич Толстой (1828–1910) интересовался Востоком всю свою жизнь. Среди книг, которые он прочел в детстве, Толстой указал арабские «Сказки тысяча и одной ночи», «40 разбойников», «Принц Камаральзаман». При поступлении в мае 1844 г. в Казанский университет Толстой выбрал восточное отделение философского факультета по турецко-арабскому отделу, но в октябре 1845 г. перешел на юридический факультет, который считал более подходящим в практическом отношении (правда, его он тоже вскоре оставил). Позднее, в издаваемых им в 70-е годы книгах для детей («Азбука», «Книга для чтения») и затем в выходивших в издательстве «Посредник» книгах для народа, Толстой помещает индийские сказки, басни и рассказы на религиозно-этические темы.

Толстой имел богатую библиотеку по Востоку. Наряду с работами западных философов он глубоко интересовался учениями Лао-цзы, Конфуция, Будды, Мухаммеда. Он высоко ставил достижения древней индийской философии и культуры, писал статьи, рассказы, сказки, связанные с религиозными идеями Востока: «О верах» (1886), «Сидарта, прозванный Буддой, т.е. святым. Жизнь и учение его» (1884–1887), «Карма» (1894), «Будда» (1904), «Учение Лао Тзе» (1907), «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран» (1908) и др. Толстой сделал переводы изречений Кришны из книги Премананда Бхарати «Shree Krishna, The Lord of Love», N.Y., 1904.

Л.Н.Толстой был близок общественным деятелям Востока, в том числе и Ганди, главным образом благодаря своим религиозно-философским работам, своей морально-этической концепции непротivления злу насилем, пропаганде «Закона любви», призыву к соблюдению нравственных заповедей Христа в жизни государства и общества и вместе с тем яростному и яркому обличению угнетения и насилия.

По этим вопросам у Толстого была довольно большая переписка с представителями интеллигенции Востока, в том числе и Индии. Переписка началась во второй половине 90-х годов. Первым индийским корреспондентом Л.Н.Толстого был Упендра Кришна Датт (см.: *Sinha P.B. Indian National Liberation Movement and Russia (1905–1917). New Delhi, 1975, с. 273*). Ему писал издатель журнала «The Arya» из Мадраса А.Рамазесхан в 1901 г., в 1903 г. — издатель журнала «Review of Religion» глава индийских мусульман-суннитов муфтий Мухаммад Садык, который, прочитав о Толстом в «Encyclopaedia Britannica», что он отрицает Троицу и божественность Христа, считал, что Толстой по своим религиозным взглядам мусульманин. В том же году пришло письмо от исследователя древней индийской философии П.М.Даса Шармы. В 1905–1907 гг. ему писал издатель журнала «The Light of India» в Лос-Анджелесе Баба Премананд Бхарати (Surendranath Mukherji), сообщая о своей солидарности с религиозно-нравственными взглядами Л.Н.Толстого, в 1907 г. — Д.Гопал Четти — редактор и издатель журнала «The New Reformer» (Мадрас), написавший книгу «Count Leo Tolstoy: his Life and Teaching» (Мадрас, 1909 г.), а также статью о Л.Н.Толстом к его 80-летию юбилею. Толстой получал его журнал «The New Reformer» до самой кончины. В 1907–1908 гг. Толстому писал Абдулла-ал-Мамун Зураварди — доктор философии, издатель журнала «The Light of the World» (Лондон), в 1908 г. — философ С.Р.Читтал, а также редактор журнала «Free Hindustan» Таракнатх Дас, в 1909 г. — Бишен Нарайн, юрист по образованию, также разделявший религиозно-философские взгляды Толстого, затем редактор журнала «The Vedic Magazine» профессор Рама Дева (г. Кангра) и др. (см.: РГАЛИ, ф. 508, оп. 5, д. 15, 22, 54, 68; ф. 41, оп. 1, д. 43; ф. 279, оп. 1, д. 75, а также: *Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений, т. 37, 74, 77, 80–82 и др. М., 1992*).

³ Мохандас Карамчанд Ганди (1869–1948), лидер национально-освободительного движения Индии, заинтересовался учением Л.Н.Толстого еще в Южной Африке, куда приехал в 1893 г. Он писал: «Я усиленно изучал произведения Толстого. „Краткое Евангелие“, „Так что же нам делать?“ и другие его книги произвели на меня сильное впечатление. Я все глубже понимал безграничные возможности любви» (*Ганди М.К. Моя жизнь. М., 1969, с. 161*).

Позднее своим сторонникам он рекомендовал для прочтения работы Толстого: «Царство божие внутри нас» (1890–1893), «Рабство нашего времени» (1900), «Первый шаг» (1891–1892), «Что такое искусство» (1897–1898), «Где же выход» (1900), «Письмо к индусу» (1908).

Взгляды Л.Н.Толстого помогли, по словам Ганди, придать устойчивую форму идее ненасильственного сопротивления, ставшей основой движения против дискриминации и за свои права индийских переселенцев в Южной Африке и получившей вскоре название сатьяграха («сатья» — истина, «аграха» — твердость, т.е. твердость в истине). В дальнейшем ненасильственные действия протеста под руководством Ганди стали наиболее массовой формой национально-свободительной борьбы в Индии.

Несмотря на расхождения по некоторым вопросам, взгляды Толстого и Ганди во многом совпадали. В основе мировоззрения каждого из них лежала религия, к которой, по их убеждению, как и к религиозным писаниям, нельзя подходить догматически. Истинной религиозностью они считали не обрядность, а праведное поведение. Оба отвергали насилие, отрицательно относились к тому, что они называли современной цивилизацией, призывали к опрощению, ручному труду и т.д.

Еще до переписки с Л.Н.Толстым М.К.Ганди в издаваемой им еженедельной газете «Indian Opinion» в 1905 г. опубликовал статью «Граф Толстой» (номер от 2 сент.), а также несколько нравоучительных рассказов Толстого: «Много ли человеку земли нужно?» (опубликовано под названием «Алчность»), «Бог правду видит, да не скоро скажет» («Бог любит правду»), «Чем люди живы» («Нить жизни») и др. А 26 ноября 1910 г., т.е. вскоре после смерти Л.Н.Толстого, Ганди опубликовал в «Indian Opinion» последнее полученное им письмо Толстого от 7 сентября 1910 г. и большую статью о Толстом. О кончине Л.Н.Толстого, так же как ранее и об его уходе из дома, сообщали и другие индийские газеты, например, «Hindu Leader», помещенный в «Hindu» очерк назывался «Русский из Русских», а журнал «Modern Review» в своем декабрьском номере писал: «В лице графа Толстого покинула человечество одна из величайших личностей. Мы более не увидим его в телесной оболочке, но с течением времени его влияние, несомненно, еще усилится и его будут читать еще больше. Его романы трогают даже тех, кто не привык предаваться серьезным размышлениям. Однако все, кто заинтересован в прогрессе человечества, не могут не задумываться над тем, что им написано о мире и войне, о непротивлении и о философском анархизме» (см.: Литературное наследство. Т. 75, кн. 2. М., 1965, с. 447).

⁴ Южно-Африканская республика, или Трансвааль (как и Оранжевое Свободное государство), была образована бурами в 1852 г. С 70-х годов началось быстрое развитие Трансвааля, обусловленное притоком капиталов в Южную Африку в связи с открытием там крупных месторождений алмазов и золота. Попытки Англии аннексировать Трансвааль и Оранжевое государство (как она сделала это в 1843 г. с бурской республикой Наталь) привели к англо-бурской войне 1899–1902 гг., закончившейся признанием этими бурскими республиками своей зависимости от Англии. В 1909 г. британский парламент принял акт о создании в составе Британской империи доминиона Южно-Африканский Союз (ЮАС), в который вошли Трансвааль, Наталь, Оранжевое Свободное государство и Капская колония (официально создание ЮАС было провозглашено в мае 1910 г.).

⁵ Здесь и далее в документе слово «Indian» переведено как «индус» или «индусский», в смысле житель Индии, безотносительно к религиозной принадлежности человека. В современной историографии в этом значении употребляются слова «индиец», «индийский».

⁶ Заметная миграция индийцев в Южную Африку началась со второй половины XIX в. Их вербовали англичане для работы на сахарных плантациях Наталя. В 1866 г. эмиграция из Индии была приостановлена, поскольку возобновление торговли сахаром Соединенными Штатами Америки (после окончания в 1865 г. Гражданской войны) снизило мировые потребности в сахаре из Южной Африки. В середине 70-х годов иммиграция индийцев в Южную Африку возобновилась, причем уже не только рабочих (подробнее об этом см.: Шаститко П.М. Сто лет бесправия (Положение индийцев в Южно-Африканском Союзе. 1860–1960 гг.). М., 1963). В 1884 г., по данным «Handbook on race relation in South Africa» (London—Cape Town, 1949,

с. 214), свободных индийцев в Южной Африке насчитывалось 19 217 чел., а законтрактованных — 10 497. О количестве индийцев, проживавших в Южной Африке, можно судить и по числу репатриантов. Так, за 1902–1913 гг. в Индию вернулись 32 506 человек.

⁷ Имеется в виду Закон № 2 «О регистрации цветных» (известный как «черный закон»), опубликованный 22 августа 1906 г. и принятый 21 мая 1907 г. парламентом Трансвааля. Закон требовал обязательной регистрации и снятия отпечатков пальцев, в противном случае ограничивалось право цветного населения на проживание в стране, передвижение и занятие торговой и предпринимательской деятельностью. Борьба под руководством М.К.Ганди против этого дискриминационного закона велась до 1914 г., когда правительство Южно-Африканского Союза пошло на некоторые уступки цветному населению.

⁸ «Книга Толстого „Царство божие внутри нас“ буквально захватила меня. Она оставила неизгладимый след в моей душе. Перед независимым мышлением, глубокой нравственностью и правдивостью этой книги показались неинтересными все другие книги, рекомендованные мне мистером Коатсом...» (*Ганди М.К. Моя жизнь*. М., 1969, с. 143).

«Царство божие внутри нас» — религиозно-философский труд Л.Н.Толстого, над которым он работал с 1890 по 1893 г. и который был запрещен к изданию в России. Но работа вышла в 1893 г. во Франции и Италии, в 1894 г. — в Англии и Германии и распространилась, несмотря на запрет, по России. Толстой в этой книге излагал свое понимание сущности христианского учения, главное в котором он видел в непротвлении насилием тому, что люди считают злом, пока не найден общий критерий зла; убеждал в необходимости усвоения этого жизнепонимания и определял деятельность, вытекающую из такого жизнепонимания, заключающуюся в неуклонном соблюдении основных заповедей Христа (Нагорной проповеди), призывал к неучастию во зле и насилии, совершаемых государством, призывал к отказу от службы в государственных учреждениях и в армии.

Коатс — активный член южноафриканской христианской миссии, с которым М.К.Ганди познакомился в 1893 г. в Претории.

⁹ «Три современника оказали сильное влияние на мою жизнь: Райчандбхай — непосредственным общением со мной, Толстой — своей книгой „Царство божие внутри нас“ и Раскин — книгой „Последнему, что и первому...“» (*Ганди М.К. Моя жизнь*, с. 104).

Райчандбхай (Раджчандр Кави) — талантливый поэт, занимался также коммерцией и меценатством, познакомился с Ганди в Бомбее в 1891 г. и стал его другом, считал Ганди одним из лучших индийцев своего времени, умер в 33 года.

Раскин (Рескин) Джон (1819–1900) — английский писатель, публицист, художественный критик. Л.Н.Толстой, как и М.К.Ганди, высоко ценивший Раскина, считал, что в Англии его замалчивали как религиозного философа и политэконома. Взгляды Раскина основывались в некоторой степени на взглядах английского социалиста-утописта Роберта Оуэна (1771–1858). Книга Дж.Раскина «Последнему, что и первому» («Unto this Last»), написанная в 1860 г., состоит из четырех очерков об основных принципах политической экономии: 1-й очерк называется «Основы чести»; 2-й — «Жилы богатства»; 3-й — «Qui judicatis terram» («Кто решает вопросы земельной собственности»); 4-й — «Ad valorem» («По достоинству, сообразно цене»). В работе с романтических позиций критикуется капиталистическая цивилизация как противоречащая нравственности, утверждается, в частности, что благо отдельного человека содержится в благе всех людей, у всех живущих одинаковое право зарабатывать себе на пропитание трудом, что только жизнь, связанная с трудовой деятельностью (особенно с земледелием и ремеслом), достойна человека; что приобретение богатства возможно только при известном уровне развития нравственности общества и уверенности в существовании честности; дается определение таким политэкономическим категориям, как капитал, производство, труд, стоимость и т.д.

¹⁰ В современной историографии вместо терминов «пассивные противленцы», «непротивленцы» и «пассивное противление» приняты другие: «ненасильственные противленцы», «ненасильственное сопротивление» как более четко выражающие суть явления.

¹¹ Ганди имеет в виду своего сподвижника шета (богатого купца) Хаджи Хабиба.

¹² Речь идет о статье Л.Н.Толстого, законченной в декабре 1908 г., «Письмо к индусу», которая была ответом на обращение к нему в мае 1908 г. индийского публициста, редактора журнала «Free Hindustan» Таракнатха Даса, с просьбой написать статью об Индии и выразить в ней свои взгляды на положение в ней. В России выдержки из «Письма к индусу» впервые были напечатаны 19 апреля 1909 г. в газетах «Русские ведомости», № 89 и «Киевские вести», № 103. Это письмо-статья Л.Н.Толстого, опубликованное М.К.Ганди в своем еженедельнике «Indian Opinion», № 1, 1910 г., издаваемом на английском и гуджарати, стало широко известно не только в Африке и Индии. Л.Н.Толстой получил этот номер еженедельника уже в марте 1910 г.

¹³ Кришна (санскр. темный, черный) — самое почитаемое в индуизме восьмое воплощение бога Вишну. Герой мифологических сказаний, выступает в образах царя-воина, бога-пастуха, религиозного учителя.

¹⁴ В «Письме к индусу» перед каждой главой Толстым были поставлены изречения Кришны в своем переводе, без указания источника. Они были взяты из книги: *Baba Premchand Bharati. Shree Krishna. The Lord of Love. N.Y., 1904.*

¹⁵ Reincarnation (англ.) — перевоплощение.

¹⁶ Ганди поделился с Толстым мыслью о целесообразности общественного конкурса (Competition) на статью по вопросу о «нравственности и действительности пассивного сопротивления».

¹⁷ Моод Эйльмер (1858–1938) — переводчик сочинений Толстого на английский язык, автор популярной биографии Толстого.

¹⁸ Имеется в виду книга английского миссионера Джозефа И.Дока о Ганди: *Doke Joseph J. M.K.Gandhi. Indian Patriot in South Africa. L., 1908.* Книга сохранилась в Ясной Поляне. По-видимому, одновременно была получена и другая книга — *A Concise Statement of the British Indian Case in Transvaal. Presented by Indian Deputation. L., 1909.* Она также сохранилась в яснополянской библиотеке.

¹⁹ Описываемый этап борьбы индийцев в Южной Африке закончился соглашением, заключенным Ганди с главой Южно-Африканского Союза генералом Яном Х.Смэтсом. Однако оно не принесло индийцам облегчения. «Черный закон» не был отменен.

²⁰ М.К.Ганди покинул Лондон 13 ноября 1909 г.

²¹ Это письмо М.К.Ганди осталось без ответа, поскольку Л.Н.Толстой заболел и письмо затерялось. Оно было обнаружено лишь в 1956 г. сотрудниками музея-усадьбы Ясная Поляна Н.П.Пузиным и Е.П.Населенко.

²² Имеется в виду книга *Gandhi M.K. The Indian Home Rule, or Hind Swaraj. Johannesburg, 1901.*

²³ Гуджарати — язык западной группы новондийских языков, в Республике Индия — официальный язык штата Гуджарат.

²⁴ По-видимому, Толстой ошибся в написании фамилии автора, так как речь идет о книге Дока. См. примеч. 18.

²⁵ Герман Калленбах — друг и сподвижник М.К.Ганди в Южной Африке, богатый немецкий архитектор, предложивший в 1910 г. Ганди использовать свою ферму в 1100 акров земли неподалеку от Йоганнесбурга. На этой ферме, которую назвали именем Толстого, сторонники ненасильственного сопротивления (индусы, мусульмане, парсы, христиане — всего около 50 человек взрослых и 30 детей) стали вести хозяйство и заниматься самоусовершенствованием.

²⁶ «Indian Opinion» — еженедельная газета, зарегистрированная в 1904 г. в Натале (Трансвааль) на имя М.Назера, фактическим редактором был М.К.Ганди; первоначально издавалась на четырех языках (английском, гуджарати, хинди и тамили), затем только на английском и гуджарати.

²⁷ «Исповедь» — автобиография Л.Н.Толстого, в которой раскрывается цель его религиозно-нравственных исканий — разрешение противоречия между личным и общим, конечным и бесконечным. В 1882 г. книга была запрещена в России цензурой. Впервые была опублико-

вана в Женеве в 1884 г. В России это сочинение полностью было напечатано в 1906 г. в № 1 журнала «Всемирный вестник».

²⁸ Кочеты — имение Михаила Сергеевича Сухотина, раньше — на территории Тульской губернии, а сейчас — в Орловской области. В 1899 г. Татьяна, любимая дочь Л.Н.Толстого, близкая ему духовно, вышла замуж за М.С.Сухотина и переехала в Кочеты. Это имение включало просторный одноэтажный барский дом с флигелем (к сожалению, не сохранившимся), большой парк, сад, пруд, лес. Толстому очень нравились Кочеты, он часто и подолгу жил там. Последний раз он пробыл у дочери с конца августа по 22 сентября 1910 г. Там и было написано это письмо к М.К.Ганди.

²⁹ Часть фразы в скобках в Полн. собр соч. (М., 1992) пропущена.

³⁰ Шестая заповедь Моисея — «Не убий». Содержание заповедей излагается в Ветхом Завете (см., например: Вторая книга Моисеева. Исход, гл. 20–23; Пятая книга Моисеева. Второзаконие, гл. 12 и последующие).

³¹ Так толковалась шестая заповедь Моисея в «Катехизисе» православной церкви, который был обязательным предметом во всех учебных заведениях царской России.

³² «Армия спасения» (англ. Salvation Army) создана в 1865 г. баптистским проповедником У.Бутсом для религиозной пропаганды среди беднейших слоев населения в Лондоне. Затем распространила свою деятельность и стала международной религиозно-филантропической организацией, построенной по военному образцу. Для вербовки последователей практиковала уличные шествия под маршевую музыку. Содержит больницы, ночлежные дома, столовые.

№ 234–241

18 марта 1910 г. — 7 сентября 1913 г. — Документы о переговорах России и Великобритании об условиях, на которых Россия могла бы открыть консульское представительство в Бомбее после перенесения своего Генерального консульства в Калькутту

№ 234

*18 марта 1910 г. — Донесение Генерального консула
в Калькутте Б.К.Арсеньева министру иностранных дел
С.Д.Сазонову с предложением кандидатур
на пост вице-консула в Бомбее*

Милостивый Государь Сергей Дмитриевич,

На первых же порах по прибытии моем в Индию мне пришлось заняться приисканием подходящего кандидата для замещения поста нештатного вице-консула в Бомбее на случай, если Императорское Министерство найдет желательным иметь агента в сем крупнейшем после Калькутты городе Индии, в коем проживает и бывает проездом немалое число русско-подданных, где есть больше надежды на развитие русской торговли, чем в других портах Индийской империи, и где население привыкло в течение десяти лет видеть русский флаг над перенесенным ныне в индийскую столицу Императорским Генеральным консульством.

Ознакомившись, насколько это было возможно за время шестидневного пребывания моего в Бомбее, с местными условиями, я наметил двух кандидатов на означенный пост — представителя в Бомбее крупной Амстердамской фирмы «Holland Bombay Trading Co» голландско-подданного Ж. ван-Райкома (J. van Rijkom) и хорошо известного Императорскому Министерству по недавней обширной переписке командированного военным ведомством в Индию коллежского регистратора Андреева¹.

Г. ван-Райком, как я убедился после неоднократных встреч и разговоров с ним, мог бы с достоинством и успехом оберегать наши интересы в Бомбее. Занимая почетное положение среди местного общества, он с лучшей стороны известен также и управлявшему Генеральным консульством коллежскому асессору Чиркину, который хорошо знает его еще по прежней своей службе в Персии², где г. ван-Райком, до переезда своего в Индию, провел 12 лет в качестве представителя разных голландских торговых домов. Заслуживает внимания также и то, что, помимо языков голландского, английского, французского, немецкого, персидского, испанского и итальянского, г. ван-Райком знает немного также и русский язык. Каковым знанием наши нештатные консульские представители обладают, к сожалению, довольно редко.

Таковы положительные данные, побудившие меня включить в число кандидатов на пост нештатного вице-консула нашего в Бомбее г. ван-Райкома.

В пользу кандидатуры второго из намеченных мною лиц г. Андреева — говорят соображения и причины совершенно иного свойства. Прежде всего, только при условии назначения г. Андреева на пост вице-консула, которое обеспечило бы ему неприкосновенность его жилища и архивов и дало бы ему возможность отправлять свои секретные донесения в Россию с французской вализой, он мог бы с успехом и без риска быть разоблаченным продолжать свои занятия по разведочной части в Бомбее. Занятия эти до сего времени, благодаря крайней его осторожности и особенно благодаря тому, что г. Андреев работал и хранил свои материалы исключительно в стенах Генерального консульства, решительно никаких подозрений со стороны англичан не вызывали. Ныне положение дел изменилось. С перенесением Генерального консульства в Калькутту г. Андреев лишен прежнего безопасного убежища. Оставаясь в Бомбее, он стоит перед необходимостью принять одно из двух решений: или прекратить свою разведочную деятельность, или же подвергаться постоянной опасности быть разоблаченным. На первое едва ли даст свое согласие военное ведомство, крайне дорожащее доставляемыми г. Андреевым сведениями; второе же, грозящее чрезвычайно неприятными объяснениями с англо-индийским правительством, представлялось бы весьма нежелательным для Императорского Генерального консульства в Индии.

Но этого мало.

Как тягостно ни отразилось бы на моем положении раскрытие индийской полицией вдали от индийской столицы, в Бомбее, истинного рода занятий г. Андреева — будет несравненно хуже, если он навлечет на себя подозрения в Калькутте, в местной резиденции вверенного мне Генерального консульства, только что сюда перенесенного и делающего первые шаги к установлению добрых отношений с центральным правительством Индийской империи. А между тем именно сюда, в Калькутту, предполагает, в надежде снова пользоваться гостеприимством Генерального консульства, переехать в ближайшем будущем г. Андреев, как он мне сам о том заявил. Помешать его переезду я не имею возможности. Если он поселится здесь, я буду вынужден, в видах уменьшения опасности

раскрытия тайны, допустить его, как это делалось моими предшественниками, к работе в канцелярии Генерального консульства безо всякой уверенности в том, что обстоятельства сложатся для него здесь столь же благоприятно, как они для него складывались в течение последних лет в Бомбее. Там к нему все уже давно привыкли, считая его за ученого филолога, посвящающего свои досуги посещению своих соотечественников. Переезд же его сюда вслед за Генеральным консульством может легко вызвать вполне естественное удивление, а затем и подозрение здешней полиции, кадры коей подобраны гораздо более тщательно, чем в Бомбее.

Ввиду вышеизложенного, находя, что назначение коллежского регистратора Андреева нашим нештатным вице-консулом в Бомбее является едва ли не единственным целесообразным выходом из существующего положения вещей, могущего крайне неблагоприятно отразиться на деятельности вверенного мне Генерального консульства, позволяю себе выразить надежду, что Вашему Превосходительству угодно будет остановить свой выбор на втором из намеченных мною кандидатов на означенный пост.

Считаю долгом присовокупить, что, поскольку я мог заключить во время краткого моего пребывания в Бомбее, г. Андреев имеет все данные для того, чтобы с пользой для дела занять место нештатного консульского представителя нашего в сем городе. Он производит впечатление вполне культурного человека, хорошо говорящего по-английски и недурно по-французски. Отличное знакомство его с северо-западной Индией и прилегающими к ней странами, о которых здесь так трудно что-нибудь узнавать, могло бы очень пригодиться Генеральному консульству, для коего г. Андреев в качестве подведомственного ему агента мог бы служить ценным источником осведомления.

В заключение считаю долгом донести Вашему Превосходительству, что секретарь индийского правительства по иностранным делам³, коему я сообщил о существующем предположении назначить русского нештатного вице-консула в Бомбее, заявил мне, что вопрос этот может быть разрешен путем сношения С.-Петербургского кабинета с Сэнт-Джемским, от которого зависит признание всяких, как штатных, так и нештатных иностранных консулов в английских владениях. По мнению г. Бутлера, со стороны английского правительства едва ли встретятся какие-нибудь препятствия к осуществлению нашего намерения. «Возможно, однако, — добавил он после минутного раздумья, — что условием признания русского нештатного вице-консула в Бомбее лондонский кабинет поставит согласие русского правительства на открытие английского консульства в одном из городов России, где до сих пор великобританского правительственного агента не было».

С глубоким почтением и таковой же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Б.Арсеньев.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1029, л. 187–192. Автограф.

24 июля 1910 г. — Письмо
министра иностранных дел С.Д.Сазонова
Генеральному консулу в Калькутте Б.К.Арсеньеву
о нежелательности утверждения кандидатуры
М.С.Андреева на пост вице-консула

Милостивый Государь Борис Константинович,

Изложенные в письме Вашем от 18 марта с.г. № 3 соображения о назначении нештатного вице-консула в Бомбее переданы были Министерством иностранных дел на заключение посла в Лондоне⁴, которому было одновременно сообщено, что сохранение в той или иной форме нашего консульского представительства в Бомбее признается совершенно необходимым⁵. В своем ответном отзыве гофмейстер граф Бенкендорф высказал, что, не встречая в принципе препятствий к осуществлению означенной меры, он считал бы совершенно невозможным предоставление должности вице-консула чиновнику военного ведомства колл[ежскому] рег[истратору] Андрееву, появление которого в этой новой роли явилось бы, по мнению посла, крайне несвоевременным. В настоящее время великобританское правительство, назначая сэра Чарльза Гардинга вице-королем, видимо, стремится к тому, чтобы окончательно уничтожить недоверие, замечающееся и поныне в среде англо-индийской администрации по отношению к России. Дружественную нам деятельность нового вице-короля следовало бы по возможности облегчить, устраняя какие бы то ни было поводы, хотя бы они казались и незначительными, будущих трений и неудовольствий. Между тем, по словам гофмейстера графа Бенкендорфа, работа колл[ежского] рег[истратора] Андреева в Индии далеко не проходит незамеченной. Хотя и не имеется к тому каких-либо определенных доказательств, посол, однако, уверен, что англичане несколько не заблуждаются насчет истинного характера деятельности г. Андреева и не поднимают об этом вопроса лишь потому, что считают эту деятельность для себя пока вполне безвредной. Это отношение может, однако, легко перемениться, если г. Андреев явится в Бомбей уже в роли официального представителя. Старые, все еще враждебные нам англо-индийские официальные круги могут с пользой для себя выдвинуть это дело в таком освещении, которое не замедлило бы создать крайне нежелательную обстановку для дальнейшего укрепления и развития наладившихся отношений взаимного доверия и откровенности, существующих между обоими правительствами. Вследствие вышеизложенных соображений посол, не встречая со своей стороны препятствий к предоставлению звания нештатного вице-консула или консульского агента упоминаемому Вами г. ван-Рейкому, решительно высказывается против кандидатуры г. Андреева. Однако и вопрос о назначении г. ван-Рейкома не может еще считаться окончательно решенным, так как, по мнению гофмейстера графа Бенкендорфа, великобританское правительство, по всей вероятности, потребует от нас, взамен этого, допущения великобританского консула в какой-либо новый пункт в России; легко возможно при этом, что пожелание Лондонского кабинета окажется для нас настолько неприемлемым, что мы предпочтем не настаивать на своем предположении.

Что касается г. Андреева, то, ввиду высказываемого Вами опасения, что он может последовать за Генеральным консульством в Калькутту, или же, оставаясь в Бомбее, рисковать быть разоблаченным местными властями, мы сносимся вме-

сте с сим с военным министром⁶ в видах хотя бы временного отозвания этого негласного агента Генерального штаба из Индии.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Сазонов.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 214, л. 27–28. Подлинник.

№ 236

23 февраля 1911 г. — Секретная телеграмма В.О.Клемма, чиновника особых поручений при министре иностранных дел, в Генеральное консульство в Калькутте о попытке добиться разрешения на назначение нештатного вице-консула в Бомбее

№ 238 /Шифром/ Послу в Лондоне поручается заручиться согласием английского правительства на назначение ван-Рейкома нештатным вице-консулом в Бомбее.

Клемм.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 214, л. 29.

№ 237

Позднее 10 июля 1911 г. — Письмо Первого департамента МИД великобританскому поверенному в делах О'Берну о невозможности открытия консульского представительства в русских среднеазиатских владениях

Господин поверенный в делах,

Нотою от 24 апреля/8 мая с.г. сэр Эдуард Грей сообщил императорскому послу в Лондоне, что британское правительство согласно на назначение нидерландского подданного г. ван Рейкома русским нештатным вице-консулом в Бомбее, взамен допущения английского консула или вице-консула в Бухару. Затем, нотою от 10/23 июля того же года С.Дж.Бьюкенан уведомил меня об отсутствии препятствий к назначению г. ван Рейкома при условии согласия Императорского правительства на назначение британского консула в Ташкент, со включением в его консульский округ Бухары и Хивы.

Вследствие этого имею честь уведомить Вас, что Императорское правительство никак не может согласиться с перенесением настоящего вопроса на почву взаимности. В Бомбее имеются консулы нескольких иностранных держав; поэтому русское правительство, прося о допущении туда своего вице-консула, считает себя вправе рассчитывать на то, что британское правительство предоставит ему в этом отношении те же преимущества, какими пользуются другие державы. Относительно консульства или вице-консульства в Бухаре или Ташкенте дело обстоит иначе. Русские Средне-Азиатские владения подведомственны военному управлению и находятся на совершенно особом положении. Доступ иностранцам

туда воспрещен, и иностранные путешественники допускаются туда лишь с особого каждый раз разрешения, даваемого по соглашению между Министерством иностранных дел и Военным, причем эти разрешения даются далеко не всем желающим получить их. Что же касается Бухары, то, как Вам известно, страна эта находится под верховным управлением России, права сношений с иностранными правительствами не имеет, и сношения эти происходят через посредничество Императорского правительства, и доступ в нее иностранцам равным образом воспрещен. С этой точки зрения Бухара может быть приравнена к запретным зонам Северной Индии, и вопрос об открытии в ней британского консульства или вице-консульства по аналогии мог бы быть сопоставлен лишь с просьбой России об учреждении консульского представительства в упомянутых зонах. Независимо от этого, допустив британское консульское представительство в сказанной стране, Императорское правительство будет поставлено в невозможность закрыть Бухару для представительства и других держав, в случае их просьбы о том, что представляется для него совершенно нежелательным.

В уверенности, что британское правительство оценит по достоинству все серьезное значение приведенных выше соображений, Министерство иностранных дел высказывает надежду, что со стороны великобританского правительства не встретится препятствий к назначению г. ван Рейкома российским нештатным вице-консулом в Бомбее, на основании общего международного принципа допущения иностранного консульского представительства в городах, открытых для такового.

Покорнейше прося Вас о последующем не отказать меня уведомить, пользуясь настоящим случаем, чтобы просить Вас, господин поверенный в делах, принять уверение в совершенном моем почтении.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1029, л. 219, 220. Копия.

№ 238

*5 декабря 1912 г. — Письмо старшего советника МИД
В.О.Клемма военному министру генералу от кавалерии
В.А.Сухомлинову с просьбой сообщить свою точку зрения
на изменение требований Великобритании за свое согласие
на открытие русского консульства в Бомбее,
с двумя приложениями*

Одновременно с перенесением в 1911 году нашего Генерального консульства в Индии из Бомбея в Калькутту решено было в первом из этих городов, имеющих для нас несомненное значение с торговой точки зрения, открыть пока хотя бы нештатное наше консульство. Предположение это не могло быть, однако, до сих пор осуществлено вследствие несогласия на то великобританского пр[авительст]ва. Последнее, как известно, давно добивающееся возможности назначить своего консульского представителя в наши среднеазиатские владения, воспользовалось этим случаем, чтобы взамен своего согласия на открытие нашего консульства в Бомбее вновь потребовать допущения английского представителя в Бухару или Ташкент.

На это великобританскому правительству было вновь разъяснено, что такая постановка вопроса представляется по существу неправильной, так как мы доби-

ваемся лишь принадлежащего нам по договору на основе принципа наиболее благоприятствуемой нации права назначить консула в местности, где имеются уже представители многих других иностранных держав, тогда как Англия домогается допуска ее консульского представителя в наши владения, находящиеся на совершенно особом положении, куда доступ иностранцам открывается лишь с особого каждый раз разрешения и где нет до сего времени никаких иностранных представителей. Вместе с тем в виде репрессии нами задержано было решение возбужденного англичанами вопроса о назначении английских нештатных вице-консулов в Краснойрск и Николаевск и о возведении их вице-консула в Владивостоке в ранг консула.

Так как, однако, это не побудило лондонский кабинет сойти с его прежней точки зрения, то я воспользовался своим недавним пребыванием в Англии, чтобы коснуться этого вопроса в личных моих сношениях с британским министром иностранных дел. В ответ на это английское правительство препроводило мне памятную записку, в переводе при сем прилагаемую, в коей оно несколько изменило прежнюю постановку вопроса, а именно просит взамен согласия на открытие нашего консульства в Бомбее 1) изменить существующие у нас в Средней Азии паспортные правила, которые будто бы крайне стеснительны для англо-индийских торговцев, и 2) разрешить помощнику великобританского Генер[ального] консула в Мешхеде периодически посещать главные торговые центры Русского Туркестана с целью разрешения на месте исключительно торговых дел, касающихся интересов британских подданных с предварением всякий раз русских властей о таковых поездках.

Хотя и эти английские домогательства представляются мне далеко не удобоприемлемыми для нас, я тем не менее не могу не признать, что заявление великобританского прав[ительств]ва о наличности у него довольно крупных торговых интересов в нашей Средней Азии и о присутствии там большого количества его подданных имеет, несомненно, большое основание, как и указание его на неудобства, вытекающие из полного отсутствия в этих краях какого-либо английского представителя. С другой стороны, и в наших интересах способствовать по мере возможности развитию торговых сношений между нашими среднеазиатскими владениями и Индией и в этих видах не противиться созданию более благоприятной, чем ныне, обстановки для англо-индийских подданных в означенных владениях. Нельзя также не отметить того, что упомянутое выше несогласие наше с Англией хотя бы и в мелком сравнительно вопросе, как настоящий консульский, создает нежелательные трения и дает повод к неблагоприятным толкам на месте.

Ввиду этих соображений я признавал бы, со своей стороны, весьма желательным пойти, насколько это совместимо с нашими интересами, навстречу стремлению великобританского прав[ительств]ва облегчить положение его подданных в наших среднеазиатских владениях и оказывать им там надлежащее покровительство. Принимая во внимание, что это ближе всего касается вверенного Вам министерства, обращаюсь к Вашему Высокопр-ву с покорнейшею просьбою не отказать в сообщении мне Ваших взглядов на этот вопрос.

Примите, милостивый государь, и проч.

Надпись на 1-м листе документа: «Копию с этого письма препроводить при письме мин[ист]ра Туркестанскому ген.-губ.⁷, прося и его сообщить свое мнение по этому делу. Клемм».

*4 октября 1912 г. — Приложение 1.
Памятная записка МИД Великобритании МИД России
об условиях своего согласия на открытие консульства
России в Бомбее*

В отношении предположенного учреждения британского консульства в Ташкенте, правительство Его Величества признает трудность для русского правительства согласиться на таковое, ввиду того, что просьбы о подобной же льготе были бы немедленно предъявлены другими державами. Но оно считает долгом указать, что, насколько ему известно, Великобритания есть единственная европейская держава, коммерческие интересы коей в русской Средней Азии представляют серьезное значение и которой подданные живут в этой области в достаточном числе. Неудобства, проистекающие от отсутствия британского консульского представительства, изложены в прилагаемом сообщении. Во внимание к этим обстоятельствам, правительство Его Величества вновь настаивает на том, что существуют веские основания к учреждению британского консульства в Ташкенте, подобных каковых оснований у других держав нет.

Если, однако, российское правительство все же находило невозможным благоприятно встретить это предложение, правительство Его Величества предложило бы принять меры к тому, чтобы 1) изменить паспортные правила в русской Средней Азии, насколько они являются тягостными для индийских купцов, и 2) разрешить помощнику британского Генерального консула в Мешед периодически посетить главнейшие торговые центры Русского Туркестана, — с предварительным уведомлением русских властей в подобных посещениях, — чтобы разбираться в чисто торговых вопросах, касающихся интересов британских подданных.

Если бы Российское правительство признало возможным согласиться на эти просьбы и равным образом не препятствовать учреждению британских консульских постов в Красноярске и Николаевске и к возведению вице-консула во Владивостоке в ранг консула, правительство Его Величества не возражало бы более против назначения русского вице-консула в Бомбей.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1037, л. 84–85. Пер. с англ., современный подлиннику.

*4 октября 1912 г. — Приложение
к ноте британского правительства правительству России
с перечислением основных трудностей, с которыми сталкиваются
индийские купцы в русской Средней Азии*

Жалобы британских подданных в русской Средней Азии.

Важнейшие жалобы индо-британских подданных, торгующих в Бухаре и русском Туркестане относятся до:

1) задержек, чинимых торговым агентам, с вытекающими отсюда убытками, вследствие новых паспортных правил, введенных в 1909 году,

2) неудобств, испытываемых индо-британскими подданными, вследствие принятого в делах о распределении имущества умерших или несостоятельных должников между кредиторами порядка, вследствие какового индо-британские кредиторы ставятся в менее выгодные условия сравнительно с русскими,

3) трудности получения наследств, остающихся после умерших индо-британских подданных.

Что касается пунктов 1 и 2, то положение дела было подробно объяснено русскому правительству в ноте сэра Джорджа Бьюкэнана г-ну Сазонову от 27 февраля 1911 г. Относительно же пункта 3 затруднения испытываются главным образом вследствие решения русского правительства, принятого в 1909 году, относительно необходимости строгого соблюдения закона, требующего личного или через поверенного появления наследников перед надлежащими окружными судами в России.

Вследствие неудобств, испытываемых индо-британскими наследниками, индийское правительство предложило взаимное соглашение о наследствах русских, умирающих в Индии и индо-британцев, умирающих в России. Это предложение передано Русскому правительству нотой г. О'Берна от 23 октября 1910 года, на которую ответ пока не получен⁸.

Можно перечислить следующие конкретные случаи неудобств, испытанных индо-британскими подданными вследствие отсутствия британского консульского представительства:

1. Дело Абдул Решид Хаджи Мухаммеддинова, которому в марте 1911 г. было воспрещено остаться в Керки для ликвидации дел. Ходатайство британского посла за этого человека не имело успеха.

2. Дело Тиршисинга сына Нандасинга и Суртарамы сына Ситарамы, арестованных в начале тек[ущего] года в Самарканде, по-видимому, по обвинению в шпионстве. Это обвинение, по-видимому, ни на чем не основано. Этих людей держали в тюрьме до 14 июня 1912 года, когда они были выпущены под залог. Британский посол сделал представления русскому правительству в видах ускорения судопроизводства и возвращения этим людям их документов.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1037, л. 82-83 и об. Перевод с англ., современный подлиннику.

№ 241

7 сентября 1913 г. — Письмо

старшего советника МИД В. О. Клемма

К. Д. Набокову, Генеральному консулу в Калькутте,

о нежелательности командирования вице-консула в Бомбей

Милостивый Государь Константин Дмитриевич,

Вследствие доверительного письма Вашего от 25 июня с.г. за № 15, имею честь уведомить Вас, что Министерство иностранных дел уже давно озабочено вопросом об открытии консульского учреждения нашего в Бомбее, но предположение это не могло быть осуществлено до сего времени вследствие затруднений,

встречаемых нами со стороны великобританского правительства. Последнее домогается, взамен своего согласия на означенную меру, права открытия своего консульского учреждения в наших Средне-Азиатских владениях или, по крайней мере, периодического командирования туда одного из чинов своей консульской службы. Это предложение англичан находится ныне на рассмотрении нашего военного ведомства, по получении ответа от коего только и можно будет принять какое-либо решение.

Передавая об изложенном, я должен высказать, что при таких условиях периодическое командирование в Бомбей состоящего при вверенном Вам Генеральном консульстве вице-консула представляется мне пока невозможным.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

В.Клемм.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 214, л. 35 и об. Подлинник.

Примечания

¹ Речь идет о планировавшейся в то время второй поездке М.С.Андреева в Индию в конце 1907 — начале 1908 г. По-видимому, результаты первой его поездки настолько удовлетворили военное ведомство, что начальник Главного штаба Ф.Ф.Палицын обратился к министру иностранных дел А.П.Извольскому с просьбой создать прикрытия для М.С.Андреева в виде какой-либо должности при российском консульстве. А.П.Извольский, понимая, насколько неудобным было бы для консула присутствие разведчика среди служащих консульства, всячески сопротивлялся. Ф.Ф.Палицын настаивал, поскольку ему надо было обеспечить непрерывность поступления информации. В конечном итоге была достигнута договоренность о том, что «М.С.Андреев не будет ни в каком случае проживать в Бомбее — месте пребывания российского Генерального консульства. В прочих же местностях Индии М.С.Андрееву, по соглашению министра иностранных дел и начальника Генерального штаба, нахождение разрешено» (АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1024, л. 109 и об.). Тем не менее попытки создания дипломатического прикрытия для Андреева в конце концов увенчались успехом: в 1915–1916 гг. он числился российским внештатным вице-консулом в Пондишери, столице французских колониальных владений в Индии.

² Сергей Виссарионович Чиркин, секретарь Генерального консульства в Бомбее в 1906–1910 гг., до этого служил в Персии, сначала студентом миссии в Тегеране, затем секретарем и драгоманом в Исфагане.

³ Имеется в виду Бутлер, Харкурт (1869–1938), чиновник англо-индийской администрации, в Индии с 1890 г., в 1907–1910 гг. — секретарь индийского правительства по иностранным делам, затем губернатор Бирмы, Соединенных Провинций.

⁴ Имеется в виду А.К.Бенкендорф.

⁵ На необходимость иметь консульское представительство в Бомбее для защиты русских интересов настаивало Министерство торговли и промышленности на заседании Комитета министров 20 декабря 1910 г., когда рассматривался вопрос о перенесении Генерального консульства из Бомбея в Калькутту (АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1037, л. 139, 140об.).

⁶ Имеется в виду Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) — генерал от кавалерии, окончил академию Генерального штаба в 1874 г., участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., с 1905 г. был командующим войсками Киевского военного округа, затем начальником Главного управления Генерального штаба; в 1909–1915 гг. — военный министр,

в 1915 г. после неудач на фронте обвинен в недостаточной подготовленности русской армии к войне, отрешен от должности, в марте 1916 г. арестован и приговорен к заключению. В 1918 г. амнистирован по возрасту, эмигрировал.

⁷ Имеется в виду генерал от кавалерии А. В. Самсонов.

⁸ См. док. № 23–34.

№ 242

*8 мая 1910 г. — Донесение Генерального консула в Калькутте
Б. К. Арсеньева министру иностранных дел С. Д. Сазонову
об отношении англо-индийского правительства
и военных властей к проезду русских офицеров
на родину через Северо-Западную Индию*

Милостивый государь Сергей Дмитриевич!

Прибывший в Симлу в середине минувшего месяца капитан Генерального штаба Половцев обратился ко мне с просьбой об исходатайствовании разрешения индийского правительства на проезд его из Кашмира в пределы Российской империи через индо-китайскую границу via Гильгит, Килик, Ташкурган. Как известно императорскому министерству, капитан Половцев вернулся уже однажды из Индии в Россию сухим путем, проехав в 1907 году в бытность брата его, статского советника Половцева, нашим Генеральным консулом в Бомбее — из Сринагара в Ладакх и Кашгар, откуда он затем достиг Ташкента¹. Тогда здешнее правительство обусловило свое согласие на такой сравнительно малоинтересный в военном отношении маршрут господина Половцева участием в экспедиции английского офицера. Предвидя, что ныне, когда намеченный господином Половцевым путь пролегает через важнейшие для англичан пограничные стратегические пункты и горные проходы, дело так просто не обойдется, я спросил названного офицера, нет ли с точки зрения нашего военного ведомства каких-либо препятствий к тому, чтобы его и на этот раз сопровождал представитель индийской армии. Мне думалось, что если бы я, передавая индийскому правительству о намерении господина Половцева вернуться в Россию через Восточные Памиры, мог одновременно заявить о полной готовности нашей, в свою очередь, допустить проезд по этому пути, вместе с нашим офицером, одного или нескольких офицеров английских — всякая подозрительность местных властей была бы таким дружеским заявлением уничтожена, и они пошли бы навстречу нашему желанию.

На вопрос мой господин Половцев мне ответил, что, по личному его убеждению, проезд английского офицера вместе с ним через Восточные Памиры не мог бы представить для нас решительно никаких неудобств. Однако во избежание нареканий от наших туркестанских властей, по-прежнему, несмотря на англо-русское сближение, относящихся несочувственно к посещению англичанами наших среднеазиатских владений, он просил меня не касаться в переговорах моих со здешним правительством вопроса о допустимости участия в задуманной им поездке представителя индийской армии.

Не считая себя вправе предпринимать по собственной моей инициативе какие бы то ни было шаги, которые могли бы не согласоваться со взглядами наших военных властей, я передал секретарю индийского правительства ходатайство капитана Половцева безо всякого упоминания о возможности предоставления с на-

шей стороны соответственной компенсации за просимое разрешение. Выслушав меня, означенный английский чиновник ответил мне, что возбуждаемый мною вопрос подлежит разрешению вице-короля², которому, по прибытии его в Симлу, будет представлен по сему поводу специальный доклад.

Вероятно, доклад этот был составлен в отрицательном смысле: вскоре по приезде сюда лорда Минто Департамент иностранных дел известил меня, что, несмотря на самое искреннее желание вице-короля оказывать в пределах закона всякое содействие путешествующим по Индии русским офицерам, он, ввиду существующих правил о проезде иностранцев через пограничные пункты империи, не считает возможным разрешить капитану Половцеву проследовать через Гилгит и Килик.

С этим отказом индийского правительства любопытно сопоставить недавний мой разговор с главнокомандующим индийской армией³, которого я несколько дней тому назад посетил ввиду специально выраженного им желаниа обменяться со мною мнениями по текущим политическим вопросам.

Оживленная и продолжительная беседа наша началась с заявления сэра О'Мур Крига, что в его лице я вижу одного из искренних и горячих сторонников англо-русской дружбы, о которой он давно уже мечтал и утверждению которой он, по его словам, старался всячески способствовать. Затем, восторженно отозвавшись о нашей армии, с которой он имел случай близко познакомиться в Китае во время боксерского восстания⁴, главнокомандующий высказал свое глубокое убеждение, что Россия, конечно, осталась бы победительницей в последней войне⁵, если бы внутренние события не помешали ей выполнить свой стратегический план до конца. «Во всяком случае, — продолжал он, — за печальный исход кампании русская армия не ответственна. Я уверен в этом, ибо я знаю ее. Я знаю ее превосходные качества, ее воинский дух, которым могли бы позавидовать любые войска в мире. И я как солдат, и как англичанин, мог бы только приветствовать установление тесной дружбы между нею и армией, вверенной моему попечению. Их задачи, их цели тождественны, и я не вижу, какими соображениями можно было бы оправдать нынешнее их отчуждение».

«К сожалению, однако, — добавил он, — не совсем так смотрят на дело здешние гражданские власти. Об этом я говорю Вам с откровенностью старого служаки — под большим, конечно, секретом. В них еще живы старые предрассудки, старый, ни на чем не обоснованный страх перед русским нашествием на Индию. Никто другой, как они, тормозят дальнейшее развитие англо-русского сближения, которое одинаково желательно для обеих сторон».

Тут я счел уместным коснуться поездки капитана Половцева, лично известного главнокомандующему.

«С моей стороны, — ответил мне сэр О'Мур Криг, — не было бы никаких препятствий к проезду русского офицера через Гилгит — конечно, при том неременном условии, что и моим офицерам не возбранялось проезжать через пограничные стратегические пункты Русского Туркестана. Но разрешение вопроса, как Вы знаете, зависит не от меня, а от гражданских властей, которые, быть может, посмотрят на это иначе. Во всяком случае, — добавил главнокомандующий, — чрезвычайно важно, чтобы как мною, так и русским военным ведомством в подобном случае избирались люди тактичные и культурные, джентльмены в лучшем смысле этого слова, которые могли бы содействовать укреплению, а не ослаблению англо-русских симпатий. За капитана Половцева Вы, представитель России в Индии, ручаетесь. Этого для меня было бы вполне достаточно. В свою

очередь и я обещаю Вам, что при выборе английских офицеров, которым русское правительство, быть может, со временем разрешит проехать отсюда в Ташкент сухим путем, я буду крайне осмотрителен».

Затем главнокомандующий с живым интересом расспрашивал меня о впечатлениях, вынесенных мною от пребывания моего в Китае⁶. С особенным вниманием отнесся он к моим сообщениям о быстрых культурных успехах Срединной империи⁷, о распространении среди китайцев идеи национального единства и о преобразовании китайской армии.

«Все, что Вы говорите о Китае, лишний раз подтверждает факт пробуждения Азии, чреватый опасностями для всех держав, имеющих интересы на Востоке — прежде всего для России и Англии, которые перед лицом надвигающейся грозы должны как можно теснее сплотиться теперь же, пока еще не поздно».

Этими словами главнокомандующего закончился наш разговор, в котором с такой яркостью обнаружилось тяготение к нам главы индийской армии — лица, занимающего первое после вице-короля место в иерархии Индийской империи.

Считаю долгом донести Вашему Превосходительству, что идея необходимости теснейшего англо-русского сближения, насколько я мог заметить, широко распространена среди здешних военных кругов, представители коих неоднократно во всеуслышание высказывали мне искренние свои симпатии к России и сожаление, что между английской и русской армиями не существует более близкого единения. Дружеские излияния эти едва ли можно объяснить одною только вежливостью по отношению к иностранному представителю. С коллегами моими английские офицеры говорят совершенно иным языком. Так, например, мой немецкий сотоварищ не раз жаловался мне на крайне недоброжелательное, порою просто вызывающее их отношение к нему.

При наличии такого тяготения в нашу сторону представителей здешней армии для нас, быть может, было бы желательно пойти навстречу этому благоприятному для нас движению, условившись с английским правительством относительно установления правильного взаимобмена сношений между индийской армией и нашими туркестанскими войсками. Нынешний, одинаково стеснительный для обеих сторон порядок этих сношений, порожденный старым, отжившим предрассудком и основанный главным образом на взаимной подозрительности, едва ли при настоящих условиях соответствует нашим политическим интересам. До тех пор, пока он существует, мелкие трения и недоразумения, тормозящие дальнейшее развитие сближения нашего с Англией, неизбежны. Всякая поездка русского офицера в северо-западную Индию вызывает ныне переговоры взаимораздражающего характера, приводящие иногда, как, например, в вышеприведенном случае, к отказу, одинаково неприятному и тягостному для обеих сторон. Да это и понятно: трудно ожидать, чтобы англичане, коим мы отказываем в свободном пропуске через нашу туркестанскую границу, тем не менее с готовностью соглашались на проезд русских офицеров через важные в стратегическом отношении пункты северо-западной Индии. В результате обширный, почти непосредственно примыкающий к нашим среднеазиатским пределам край, столько раз в истории служивший поприщем военных состязаний, остается для нас запретною, неведомою областью, какою-то *terra incognita*.

Позволяю себе высказать мнение, что разрешение затронутого мною вопроса находится в тесной связи с общим принципиальным взглядом императорского правительства на английскую политику в Средней Азии. Если бы индийская армия поныне признавалась им нависшей над нами постоянной угрозой, от которой мы

должны обезопасить себя всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, — в таком случае, конечно, не могло бы быть и речи об облегчении английским офицерам доступа к нашей туркестанской пограничной линии, как не могло бы быть и надежды на то, чтобы индийское правительство допускало русских офицеров к изучению своих оборонительных и наступательных приготовлений.

Но раз такого взгляда более не существует, если, наоборот, для нас ясно, что задачи индийской армии сводятся ныне к поддержанию status quo в Средней Азии, в котором мы столько же заинтересованы, как и Англия, то, казалось бы, для нас, так же как и для англичан, могло бы быть только желательно возможно близкое единение двух соседних наших, преследующих тождественные цели, армий с устранением всех поводов для взаимного недоверия.

Каковы бы ни были неудобства, которые могли бы быть сопряжены с уничтожением недоступности нашего Туркестана для английских офицеров, неудобства эти, смею думать, были бы по меньшей мере вознаграждены уже одними теми выгодами, которые мы, в свою очередь, получили бы от возможности изучить действительное положение дел на северо-западной границе Индии.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Арсеньев.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 960, л. 54–68. Подлинник.

Примечания

¹ *Половцов*. Отчет о поездке в Индию. — Отчеты о поездке по Индии. Добавление к «Сборнику географических, топографических и статистических материалов по Азии». СПб., 1908, № 9, с. 145–176.

² Имеется в виду лорд Минто, вице-король Индии в 1905–1910 гг.

³ О'Мур Криг (1848–1923), английский военный, на службе с 1866 г., с 1870 г. — в Индии, принимал участие во 2-й англо-афганской войне, в подавлении Боксерского восстания в Китае, главнокомандующий англо-индийской армией в 1909–1914 гг.

⁴ В подавлении Ихэтуаньского (Боксерского) народного восстания (1899–1901 гг.) в Северном Китае принимали участие войска Германии, Японии, США, Франции, Италии, Австро-Венгрии, а также Великобритании и России.

⁵ Имеется в виду русско-японская война 1904–1905 гг.

⁶ До своего назначения в 1909 г. Генеральным консулом в Бомбей Б.К.Арсеньев служил первым секретарем русской императорской миссии в Пекине (с 1908 г.).

⁷ Термин некорректен. Китайцы называли свою страну «Срединное государство». Империи в Китае начиная с 225 г. до н.э. носили названия правивших династий.

№ 243–245

**16 октября 1910 г. — 17 августа 1911 г. —
Документы о командировке
генерал-лейтенанта Н.С.Ермолова в Индию**

**для изучения современного состояния
англо-индийских вооруженных сил**

№ 243

*16 октября 1910 г. — Секретное письмо военного министра
В.А.Сухомлинова министру иностранных дел С.Д.Сазонову
по поводу предполагаемой командировки генерал-лейтенанта
Н.С. Ермолова в Индию для ознакомления с состоянием
военного дела в британских колониях*

Милостивый государь Сергей Дмитриевич.

В целях всестороннего ознакомления нашей военной агентуры в Великобритании с состоянием военного дела не только в Англии, но и в колониях, я считаю существенно необходимым периодические поездки личного состава военной агентуры по колониям, потому что только таким путем военный агент будет в состоянии давать полный отчет о современном состоянии великобританских вооруженных сил¹.

Не предрешая вопрос вообще о таковых периодических поездках личного состава военной агентуры в Великобритании, я полагаю, однако, в настоящее время весьма желательным командировать генерал-лейтенанта Ермолова в Индию, на срок до 5 месяцев, причем означенной поездке, по моему мнению, следует придать совершенно гласный, но неофициальный характер.

Ввиду изложенного, имею честь просить Ваше Высокопревосходительство не отказать меня уведомить, не встречается ли с Вашей стороны каких-либо препятствий к поездке генерал-лейтенанта Ермолова с 1-го декабря с.г. на пять месяцев в Британскую Индию.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и почтении.

В.Сухомлинов.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1056, л. 1 и об. Подлинник.

№ 244

*17 августа 1911 г. — Секретный рапорт,
сопровождавший отчет военного агента в Великобритании
генерал-лейтенанта Н.С.Ермолова начальнику Генерального
штаба Я.Г.Жилинскому² о его поездке в Индию в 1911 г.*

Рапорт

Предоставляю при сем Вашему Высокопревосходительству Отчет о моей поездке в Индию. Отчет состоит из:

1) рукописи; 2) карты Индии и 3) карты участка Бирмано-Китайской границы, на которой англо-индийские войска имели прошлою зимою небольшую экспедицию против китайских патрулей; 4) 37 листов, схем и рисунков и 5) альбома видов и фотографий северо-западной границы³.

противников для России и Великобритании в Азии (быть может, и в Европе), и поэтому военные гораздо свободнее высказывали ген.-лейт. Ермолову свое желание военного сближения с Россией.

Железная дорога в Индию. Вице-король, который относится к России весьма дружелюбно, сказал в беседе с ген.-лейт. Ермоловым, что в принципе вопрос о смычке индийских дорог с русскими через Персию в Индии решен утвердительно и что вопрос о направлении Транс-Персидской магистрали изучается особым совещанием. Он прибавил, что ему известно, как живо интересуются этим проектом в России, и что в Индии тоже, вообще говоря, к нему относятся сочувственно, и если кто и оказывает ему некоторое противодействие и недоверие, то, странно сказать, не англо-индийские военные, но скорее старое англо-индийское чиновничество, которое еще никак не может свыкнуться с новыми веяниями в отношениях Индии к России. «Во всяком случае, — продолжал лорд Гардинг, — я лично употреблю все свое влияние, чтобы преодолеть в Индии всякий остаток противодействия проекту, который, несомненно, представляется выгодным и желательным и для России, и для Индии, и для самой Персии».

Затем вице-король дал также понять, что у них имеются два проекта проведения Транс-Персидской магистрали: один проект гражданский (Мак-Магона), на Керман — Сеистан — Куррачи, а другой проект военный (генерала Хэга⁶) от Бендер-Аббаса — к Куррачи по берегу моря.

Англо-индийские военные не желают ни открывать Сеистана с запада, ни вообще развивать Сеистанский путь на Нушки. Они не хотят включать в новую Индо-Кавказскую линию участок Нушки — Спезанд — Сиби — Куррачи, потому что не желают загромождать этого участка, крайне важного в стратегическом отношении (и кроме того, в горах несколько хрупкого), поездами международного транзита.

Горная буферная зона на северо-западной границе Индии. Весь район между административной границей Англо-Индии и границей Дюранда⁷ с Афганистаном принадлежит горцам и считается out of bounds*. Термин этот означает, что на своей земле горное население не подчинено английским законам. Английским офицерам строго запрещено вступать на территорию горцев. Войска англо-индийские могут вступать в этот район только, так сказать, захватным порядком, т.е. карательными экспедициями, а чиновники английские с административными целями мирного улажения местных вопросов (о колодцах, о дорогах и т.п.) въезжают в него только по некоторым нейтральным дорогам: так, например, в Хайберском проходе, вдоль Хайберского пути, только по 50 ярдов по обе стороны дороги считаются британской концессией. Остальное считается принадлежностью горцев.

За содержание таких дорог и концессий открытыми и безопасными англо-индийское правительство ежегодно выплачивает некоторым племенам ежегодные, довольно крупные субсидии. Так, напр[имер], за Когат-Котал англичане платят племени Adamkhel⁸ 10 000 рупий в год. Губернатор северо-западных провинций Рус-Кеппель считает такое положение дел для Англии просто унижительным и полагает, что из него следовало бы найти выход. Одним из таковых Рус-Кеппель считает «занятие по соглашению с Россией города Дакки» (хотя бы покупкой у афганцев). Одного появления англо-индийского гарнизона в городе Дакке по ту сторону дюрандовского буфера было бы, по мнению Рус-Кеппеля, достаточно

---

* Out of bounds (англ.) — вход воспрещен, вне границ (сост.).

для успокоения горцев, ибо появление такого отряда в их тылу произвело бы на весь буфер сильнейшее впечатление. Но ввиду соглашения с Россией 1907 года вопрос о Дакке еще не поднимается. Тем временем Рус-Кеппель крутой рукой распоряжается с горцами: он умеет с ними разговаривать и внушать в них к себе уважение.

Одна из нейтральных дорог через зону, принадлежащую горцам, пролегает через Хайберский проход.

Проход этот открыт для караванов два раза в неделю (по вторникам и пятницам), там же в эти дни вдоль дороги, на высотах, выставляются пикеты, которые, впрочем, едва ли могут защитить от нападения горцев. В остальные дни недели проход закрыт, движения по нему нет (за исключением местного) и аффриды могут сколько угодно стрелять друг в друга, выполнять свои «вендетты», то есть междоусобные распри, мщения и т.д.

Усиленное вооружение горского населения на северо-западной границе Индии. Одно из поразительных впечатлений, которые г.-л. Ермолов вынес из посещения северо-западной границы, — это страстная любовь мужского населения к ручному оружию. В сущности мужское население горцев поголовно, так или иначе, вооружено; за магазинную винтовку Ли Энфильда⁹ горцы готовы платить до 800 рупий. Само население говорит, что за хорошее ружье можно купить двух жен. Поголовное вооружение горцев — для Англо-Индии факт чрезвычайно серьезный, тем более, что в Афганистане ныне идет также поголовное вооружение; это обстоятельство является одним из наиболее важных и серьезных факторов в вопросе о современных отношениях Англо-Индии к Афганистану. Борьба с ежедневно усиливающимся вооружением горцев и афганцев англичанам чрезвычайно трудно; так, напр[имер], они посылают разные экспедиции в Персидский залив ловить «gun-runners»*, т.е. препятствовать ввозу оружия в Афганистан, а между тем ген.-лейт. Ермолов сам был в горном селении в долине Когата, в котором племя Adamkhel на глазах англичан устроило себе настоящий оружейный завод. Завод этот крошечный, но тем не менее население возит с ним, как с любимой игрушкой, и англичане приостановить, помешать этому не могут; это делается в пяти верстах за административной границей. Таких заводов, как говорили ген.-лейт. Ермолову, у горцев пограничной полосы несколько. В настоящее время из числа 200.000 бойцов, кои могли бы быть выставлены горными племенами северо-западного горного буфера, имеют ручное огнестрельное оружие никак не менее 150.000. Те горцы, которых г.-л. Ермолов встретил в Хайбере, были вооружены все, все имели винтовку или карабин и некоторое число патронов в патронташе через плечо.

Взгляды сэра Джорджа Рус-Кеппеля на Афганский вопрос. Рус-Кеппель** не только сторонник англо-русского соглашения относительно будущности Афганистана; он желал бы дальнейшего развития этого соглашения в применении к афганскому вопросу. Современное положение Англо-Индии ввиду поголовного вооружения горцев и афганцев он считает унижительным и опасным и, главное, крайне непрочным. По его мнению, настоящее положение на афганской границе не может продолжаться долее еще 5 лет, и то если что-нибудь не ускорит развязки афганского кризиса. Рус-Кеппель страстно желает соприкосновения границ Англо-Индии и России в Средней Азии; для Англии было бы несомненно выгод-

---

* Gun-runners (англ.) — люди, занимающиеся незаконным ввозом оружия (примеч. сост.).

** Главный комиссар Северо-Западных пограничных провинций (примеч. автора).

нее раз навсегда покончить с политикой «буферов» и иметь соседом Великую и Державную Россию вместо вероломных и диких горцев и афганцев.

Афганская армия, по мнению Рус-Кеппеля, никуда не годна и для Англо-Индии не опасна; но поголовное вооружение афганского и горного населения, которому англичане не могут помешать, для них источник серьезных опасений. Кроме того, наряду с поголовным вооружением опасен для Англо-Индии в Афганистане фанатизм, разгорающийся отчасти на почве панисламизма, отчасти на почве национализма.

По мнению того же Рус-Кеппеля, постройка Транс-Персидской железной дороги наверное ускорит афганский кризис, ибо в глазах афганцев такая смывка будет означать порабощение Персии Европой; афганцы, считая, что после того будет за ними черед, несомненно ускорят разрешение кризиса. Например, они вполне способны перерезать горло эмиру Хабибулле, который в глазах ислама несомненно ни то, ни се, лавирует между англичанами, с одной стороны, муллами и своим братом Насрулло¹⁰ — с другой. Затеи эмира: его автомобили, дороги, телеграфы до Джелалабада, поездки в Индию — все это противно кровному афганцу старого закала. Эмиру долго несдобровать. И вот Рус-Кеппель, отличный знаток всего северо-запада Индии, всех связанных с ним вопросов, держится того мнения, что афганский кризис непременно наступит между 1915–1920 годами и России и Англии следовало бы, как Рус-Кеппель высказал в разговоре с ген.-лейт. Ермоловым, заранее обдумать и сговориться, как этот кризис «встретить».

Ген.-лейт. Ермолов лично полагает, что нам по афганским вопросам следовало бы сговориться с Англией в связи со всеми вопросами азиатской политики в совокупности, т.е. в связи с вопросами китайскими и персидскими. Настоящее положение в Афганистане долго сохранить нельзя; и нам необходимо заранее обсудить, как мы решим могущие возникнуть в Средней Азии в скором времени новые военно-политические задачи.

В настоящее время, по мнению ген.-лейт. Ермолова, судьба намечает для России и для Англии как бы возможную общность противников (Китай, Афганистан, Германия). Казалось бы, что такой возможной общностью опасностей нам следовало бы воспользоваться и заранее сговориться, что мы могли бы от Англии получить и в чем ей взамен помочь. Генерал-лейтенант Ермолов не сомневается в том, что в вопросах китайских и афганских Англо-Индия желала бы получить от нас военно-политическую помощь.

Положение на китайско-бирманской границе. Генерал Хэг* в беседе с ген.-лейт. Ермоловым дал ему следующие сведения о положении на китайско-бирманской границе. С осени 1910 года китайцы стали проявлять некоторую активность в пограничной с северо-восточной Бирмой полосе провинций Сычуаня и Юннаня. Активность эта выражалась в том, что китайские переселенцы, китайские чиновники, а затем и китайские патрули стали появляться на заведомо великобританской территории северной Бирмы, к югу и к западу от тех великих водораздельных хребтов, кои отделяют бассейны рек китайских от бассейнов реки Lohit (притока Брампутры) и реки Ираватти. Патрули китайские были замечены: у м. Rima, на крайнем севере земли качинов (Kachins) и у перевала Pien-ma, или Pritaw, примерно в 100 верстах к северо-востоку от г. Myitkyina, в горах,

---

* Бывший начальник Генерального штаба в Индии, ныне командующий войсками Альдершотского округа (примеч. автора).

отделяющих р. Салуен от р. Иравадди. Кроме того, распространились слухи, что китайские эмиссары стали появляться и сильно интриговать против англичан при дворах разных мелких шанских князьков, территории коих расположены между китайской границей и течением р. Иравадди, между городами Muitchuina и Мандалай. Китайцы начали уже давно проникать мирными путями в Бирму, селясь в ее пределах, приобретая там разное имущество и торговые предприятия и постоянно вступая в брак с бирманскими женщинами, кои очень охотно выходят за китайцев, несравненно более деловитых и трудолюбивых, нежели мужчины-бирманцы. Весь этот трудный и опасный для англичан вопрос иммиграции, всасывания китайцев в пределы северной Бирмы, усложнился еще двумя факторами, а именно, во-первых, тем, что граница с Китаем от г. Bhamo к северу и затем к западу, к нижнему течению реки Lohit, никогда на месте пограничными столбами установлена не была, так что в точности даже англичане не знали, находятся ли местечки Rima и Hrimaw на заведомо бирманской территории или на заведомо китайской. Во-вторых, по мнению генерала Хэга, за китайцами, побуждая их к пограничной активности, вероятно, стоит кто-нибудь (в Пекине, в Юннане), быть может, немцы, быть может, японцы. Во всяком случае все положение этого дела опасно для Великобритании потому, что англичанам в Бирме крайне трудно с ним бороться по причинам географическим, политическим и военным. Во-первых, англо-индийская армия против Китая совершенно не подготовлена, войск в Бирме всего около 13.000, т. е. Бирманская 10-я дивизия (штаб в Мауму), разбросанная по огромной территории и по боевой готовности весьма слабая. Кроме Бирманской дивизии в пределах Бирмы имеется еще до 20.000 вооруженной полиции, но она еще более разбросана. Итак, всего до 36.000 чел.* во всей Бирме, что очевидно представляет собою силу, совершенно против Китая ничтожную. Хотя сосредоточить в Бирме большие силы, конечно, возможно, но продовольствовать их будет трудно. Кроме того, действия ездящей пехоты, кавалерии и артиллерии будут очень затруднены бездорожной и сильно гористой местностью. Затем граница бирманско-китайская совершенно не укреплена.

Зимой 1910 г. из г. Muitchuina было выслано навстречу китайским патрулям два небольших отряда: один вверх по Mali-Kha, к пункту Khamty; этот отряд состоял исключительно из военной полиции. Другой отряд, в составе 500 человек полиции и 5 рот 89-го Пенджабского полка с пулеметами, всего около 1400 чел., занял эшелонами горную линию, из Waingmaw (на левом берегу Иравадди, против Muitchuina) через Санеку и Нангу к Htagaw. Наилучшим решением трудного пограничного с Китаем вопроса было бы учреждение в северной и северо-восточной Бирме особого буфера, или нейтральной зоны. Население качинских земель, племя качинов, весьма воинственно, хороший боевой материал (в составе военно-полицейского батальона в Muitchuina имеется 1 рота качинов); из них следовало бы сформировать качинскую пограничную милицию, и если англичане этого не сделают и не разовьют культурой качинские земли, то это не преминут сделать, по-своему, китайцы, и тогда англичане потеряют северную Бирму.

Вообще вопрос об отношениях Индии с Китаем и о положении дел на северо-восточной границе все более и более выступает вперед, очень озабочивая англо-индийское правительство. Активность китайцев является для Англо-Индии, конечно, весьма тревожной, ибо в конце концов она может привести к очень острым с Китаем осложнениям.

---

* С 3300 волонтеров (примеч. автора).

Англо-индийский военный мир это уже теперь сознает и предвидит, и это одна из причин, почему они желали бы пойти далее навстречу соглашениям Англии с Россией.

Делопроизводитель,
полковник Грундштрем.

На полях имеются рукописные пометы: 1. В самом конце раздела «Отношения англо-индийских властей к России»: «Это всегда было так. Военные гораздо экспансивнее *civil service*» (англ.: гражданских. — *Сост.*). 2. В конце первого абзаца раздела «Железная дорога в Индию»: помета не разобрана. 3. Против второго абзаца раздела «Железная дорога в Индию»: «первый, конечно, лучше для нас». 4. В разделе «Усиленное вооружение горского населения на северо-западной границе Индии» против слов «Таких заводов, как говорили ген.-лейт. Ермолову...»: «А в чем они состоят?». 5. В разделе «Взгляды сэра Джорджа Рус-Кеппеля на Афганский вопрос» против конца первого абзаца: «А как Англия справится с этими племенами, если она их поглотила? Или Кеппель хочет нас ими наградить?».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 969, л. 2–7 и об. Подлинник.

Примечания

¹ Англо-индийская армия (ее состав, дислокация, моральное состояние, подготовка, вооружение и т.д.) представляла особый интерес для российских властей вследствие непрерывавшегося англо-русского политического, военного и экономического соперничества в Центральной Азии (включая российскую Среднюю Азию), несмотря на имевшие место временами периоды сближения и ослабления взаимной подозрительности и вражды, как это было, например, после подписания в 1907 г. соглашения, когда между Россией и Англией были поделены сферы влияния в регионе.

² Жилинский Яков Григорьевич (1853–1918), генерал от кавалерии; в 1911–1914 гг. — начальник Генерального штаба; в начале первой мировой войны командовал Северо-Западным фронтом, один из виновников поражения в Восточно-Прусской операции.

³ Все эти документы хранятся в РГВИА (ф. 2000, оп. 1, д. 3712) и представляют большой интерес.

⁴ Поскольку отчет генерал-лейтенанта Н.С.Ермолова был представлен в виде путевого дневника и сведения однородного характера разбросаны по всему отчету, а также ввиду того, что в нем помещены некоторые данные, не представлявшие интереса в военном отношении (описание встреч, обедов и др.), в Генеральном штабе было принято решение использовать материалы Н.С.Ермолова следующим образом: все сведения, изменяющие и дополняющие данные о вооруженных силах Индии, включить в новое издание «Вооруженные силы Великобритании»; поместить главнейшие сведения из отчета в сводки, представляемые царю; некоторые отделы, по переработке, поместить в сборник Генерального штаба; сведения политического характера сообщить, в виде выдержек из отчета, в Министерство иностранных дел. Последние и публикуются в настоящем сборнике как соответствующие его тематике. Отдельные выдержки из отчета Н.С.Ермолова были представлены и в другие инстанции, например, об устройстве обозов в англо-индийской армии — в Главное интендантское управление и Отдел по устройству и службе войск Главного управления Генерального штаба. Выписки составлялись сотрудниками Генштаба, чем объясняется форма изложения от 3-го лица.

⁵ Рус-Кеппел, Джордж Олаф (1866–1921), участник англо-бирманской войны 1885–1886 гг., с 90-х годов XIX в. работал на разных административных должностях в Северо-Западной

Индии, в 1908–1919 гг. — главный комиссар (губернатор) Северо-Западной пограничной провинции, в 1919 г. уехал в Англию, но продолжал заниматься проблемами колоний и состоял членом Совета Секретариата по делам Индии.

⁶ Хэг, Дуглас (1861–1928), фельдмаршал, участник англо-бурской войны, в 1909–1911 гг. — начальник Главного штаба англо-индийской армии.

⁷ Граница, или линия Дюранда, — граница между Афганистаном и Британской Индией, которая была определена по англо-афганскому договору 1893 г. и проходила по территории «независимых племен». При сопротивлении местного населения демаркация границы завершилась в 1896 г. Г.М.Дюранд (1850–1924) — секретарь по иностранным делам правительства Индии в то время.

⁸ Adamkhel (*англ.*) — адамхель, одно из горных афганских племен.

⁹ Винтовка «Ли-Энфильд» состояла на вооружении в английской армии с 1895 г., калибр 7,71 мм, заряжалась обоймой. В 1902 г. была принята на вооружение ее укороченная модификация, которая, будучи менее точной при дальней стрельбе, имела магазин, вмещающий большое количество патронов, и была более скорострельной. Различные модификации винтовки «Ли-Энфильд» были на вооружении английской пехоты в первую и вторую мировые войны.

¹⁰ Насрулла-хан (ум. 1920), младший брат афганского эмира Хабибуллы, один из претендентов на престол, возглавлял прогерманскую группировку в Афганистане, выступал против европеизации страны, защищал старые феодальные порядки.

№ 246–257

11 ноября 1910 г. — 28 ноября 1913 г. — Документы о дезертирах из Туркестанского военного округа, попавших в Индию

№ 246

11 ноября 1910 г. — Памятная записка посольства Великобритании в С.-Петербурге Министерству иностранных дел России по письму эмира Афганистана Хабибуллы-хана вице-королю Индии Хардингу о высылке на территорию Британской Индии русских солдат, бежавших из Туркестанского военного округа

Эмир Афганистана обратился к вице-королю Индии с письмом, в котором доводит до сведения о принятых мерах по депортированию на британскую территорию 17 русских, перешедших Аму-Дарью и прибывших в Ханабад и Мазар. Эмир добавляет, что эти русские, по-видимому, дезертиры. 15 человек из этой группы приняли ислам, однако эмир не позволил им поселиться в Афганистане.

Текст письма Его Величества отправлен вице-королем правительству Великобритании для ознакомления почтой. Последнее не преминет сообщить более подробные сведения по этому вопросу правительству России.

С.-Петербург, 11/24 ноября, 1910 г.
Министерству иностранных дел России.

Сверху на листе карандашом написано по-русски: «Надо уведомить Арсеньева, которому придется принять меры к выяснению личностей этих 17-ти русских поданных и к отправке их домой на родину. Телеграфировать Турк. генерал-губернатору¹, спросить нет ли у него сведений об этих лицах. Англичанам надо будет ответить сообразно с предыдущим. В.Клемм».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1124, л. 2. Подлинник. Пер. с франц. составителя.

№ 247

*16 ноября 1910 г. — Секретная телеграмма
генерал-губернатора Туркестанского края А.В.Самсонова
в Средне-Азиатский отдел Министерства иностранных дел
России со сведениями о бежавших в Афганистан солдатах
Туркестанского военного округа*

Ташкент, 16 ноября 1910 г. № 798

Получил телеграмму № 1689².

С 17 мая по 19 июля сего года бежало в Афганистан 9 нижних чинов пограничной стражи 31-й пограничной бригады. В ночь на 19 июля из Термеза бежали в Афганистан 4 нижних чина понтонной роты и впоследствии еще 2 стрелка 15-го Туркестанского стрелкового батальона. Произведенным дознанием установлены данные подговора побегу афганцами пограничных чинов обещанием перешедшим в мусульманство различных льгот и наград. Преимущественно вербовались знающие мастерство. Лиц подговаривавших установить пока не удалось, но факт одновременного побега из 3-х значительно удаленных пунктов границы такого числа нижних чинов, притом впервые, указывает, что подговор имел место. Дознание производится. По негласным сведениям штаба округа все означенные нижние чины отправлены в Кабул. Кроме того, по негласным сведениям в кабульской тюрьме находились еще нижние чины — пограничной стражи Дмитрий Костин и запасный — Абдул Насыров, задержанные афганцами около 5-ти лет тому назад*, фамилии вышепоименованных бежавших: пограничники Гамаюнов, Липатов, Золотов, Рогашев, Арбузов, Калошин, Петров, Будников, Усов, понтонеры: Максаков, Липандин, Светалкин и Трошкин. Фамилии двух стрелков будут сообщены дополнительно.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1124, л. 4. Копия.

№ 248

*25 ноября 1910 г. — Донесение
Генерального консула в Калькутте Б.К.Арсеньева
министру иностранных дел С.Д.Сазонову*

* Эта фраза в документе обведена красным карандашом (сост.).

*о беседе с исполняющим обязанности секретаря
по иностранным делам индийского правительства Дж. Вудом³
о беглых солдатах из Туркестанского военного округа,
прибывших в Индию из Афганистана*

Милостивый Государь Сергей Дмитриевич,

На этих днях и. об. секретаря индийского правительства по иностранным делам сообщил мне, что в Пешавар только что прибыла из Афганистана партия русско-подданных в 17 человек, из коих 15 — русские военные дезертиры из нашего Туркестана, а двое⁴ — торговцы из Бухары. Лица эти, перейдя русско-афганскую границу, приняли магометанство и пытались поступить в афганскую армию. Эмир, однако, решил от них отделаться, выслав их за пределы своей территории в распоряжение англо-индийских приграничных властей, коим беглецы заявили о желании своем эмигрировать в Америку и Австралию.

Сделав мне это сообщение, г. Вуд заявил, что переговоры со мной по настоящему вопросу ему предложил вице-король, который желал бы узнать, как я отнесусь к появлению на индийской территории целой партии русских дезертиров и не найду ли я возможным так или иначе содействовать освобождению индийского правительства от необходимости заботиться об устройстве их судьбы. При этом названный английский чиновник настоятельно просил меня сохранить разговор мой с ним в тайне ввиду того, что вице-король, обратившись в данном случае прямо ко мне, нарушил правило, согласно коему сношения между индийским и российским правительством по всем вопросам, имеющим хоть какое-нибудь политическое значение, должны происходить не иначе как через посредство Лондонского кабинета.

Я ответил г. Вуду, что если ко мне из Пешавара прислан будет депутат от находящихся там беглых наших солдат — я готов был бы попытаться убедить его добровольно вернуться вместе с товарищами в Россию, дабы принести повинную и подвергнуться заслуженному наказанию. «Мне кажется, — добавил я, — что только в такой попытке и может заключаться моя роль в этом случае, — ибо заставить вернуться на родину очутившихся на английской территории русских дезертиров, по английским законам выдаче не подлежащих, — я, к сожалению, не имею возможности. Если моя попытка удастся, если беженцы, выразив раскаяние, изъявят готовность отдаться в руки российского правосудия — я сочту своим долгом озаботиться отправкой их по этапу в распоряжение их военного начальства; в противном случае они, как отрекшиеся от родины изменники присяге, лишатся всякого права на покровительство русских представителей за границей».

Поблагодарив меня за желание прийти на помощь индийскому правительству, г. Вуд обещал прислать ко мне, согласно моей мысли, выборного от находящихся в Пешаваре русских.

О дальнейшем ходе этого дела я буду иметь честь своевременно донести Вашему Превосходительству.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Б. Арсеньев.

*23 декабря 1910 г. — Донесение
Генерального консула в Калькутте Б.К.Арсеньева
товарищу министра иностранных дел А.А.Нератову
о безрезультатной попытке английских властей
убедить русских дезертиров вернуться на родину*

Калькутта, 23 декабря 1910 г.

Милостивый Государь Анатолий Анатольевич,

В дополнение к донесению моему от 25 минувшего ноября за № 36 имею честь доложить Вашему Превосходительству, что, согласно сделанному мне исполняющим обязанности секретаря индийского правительства по иностранным делам сообщению, к бежавшим через Афганистан в Индию русским военным дезертирам был послан говорящий по-русски английский чиновник, пытавшийся убедить их вернуться в Россию или по крайней мере выбрать из своей среды депутата для выслушивания соответственных увещеваний от меня.

Однако, несмотря на все усилия английского посредника, беглые наши солдаты, не сознавая, по-видимому, совершенной своей неприкосновенности на британской территории и страшась попасть в руки российских властей, решительно отказались последовать преподанному им совету.

В настоящее время они проживают в Каунпоре, куда недавно переехали из Пешавара в поисках работы. До сих пор никаких подходящих занятий для них не нашлось, ввиду чего английские власти вынуждены заботиться об их прокормлении. По словам г. Вуда, очень мало надежды на то, чтобы этим простым русским людям, никакими специальными техническими познаниями не обладающим, удалось в будущем найти достаточный заработок в Индии, где плата за черный труд так ничтожна, что обеспечить пропитание даже самого неприхотливого европейца она не может. Посему, если только означенные дезертиры не решатся, наконец, возвратиться на родину, индийскому правительству придется и впредь содержать их на свои средства, каковая перспектива для него не является приятной.

«Здесь, в Индии, где мы так заботимся о сохранении престижа белой расы, — продолжал г. Вуд, — мы не можем допустить, чтобы европейцы являлись в роли нищих или голодающих. Но с другой стороны, вы понимаете, что неопределенно продолжительное содержание на наши средства целой группы русских не может входить в наши расчеты. Посоветуйте, как нам выйти из этого положения».

Я ответил, что я затрудняюсь подыскать другой способ, кроме уже ранее мною указанного — т.е. присылки ко мне выборного из беглецов, которому я постарался бы доказать всю необоснованность упорства сих последних. «Быть может, — добавил я, — дезертиры наши имеют преувеличенное представление о том наказании, которое по русским военно-уголовным законам полагается за оставление рядов армии нижними чинами в мирное время. Этот вопрос я мог бы разъяснить им при свидании. Кроме того, в случае, если они выразят чистосердечное раскаяние и если окажется, что существуют смягчающие их вину обстоятельства, я готов был бы даже ходатайствовать перед Императорским правительством о смягчении их участи».

Г. Вуд обещал еще раз попытаться сломить упорство наших беглых солдат.
С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Б.Арсеньев.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1124, л. 11–12. Подлинник.

№ 250

*8 января 1911 г. — Прошение Генеральному консулу
в Калькутте Б.К.Арсеньеву двух русских подданных,
попавших в Индию, об оказании помощи*

Его Высокопревосходительству
Российско-императорскому консулу в Бомбее
от русских подданных
Копальского мещанина
Александра Григорьевича Кондратьева
и кр[естьянина] Самарской губернии,
Бузулукского уезда,
Летниковской волости и села (далее неразборчиво)
Григория Георгиевича Шевелева.

ПРОШЕНИЕ

Имеем честь объяснить Вашему Высокопревосходительству нижеследующее: Мы, А.Г.Кондратьев и Г.Шевелев, интересуясь страной Афганистан, решили поехать туда, выехав из г. Бухары через г. Керки. Но так как нам заявили, что не мусульманам в страну оную попасть совершенно никакой нет возможности, то мы, переменяв европейское платье, выдали себя за вновь принявших мусульман. Приехав в первый город Афганистана Анхуй, мы сейчас же доставлены были ихнему градоначальнику, который нас сопровождал в г. Мазар-Шариф, где мы и прожили три месяца до получения из Кабула особого для нас ответа, по получении коего и были отправлены в Кабул, где мы были подвергнуты афганской администрацией обыску, при котором был найден и отобран годовой паспорт Шевелева, а Кондратьев, во избежание вторичного обыска, паспорт свой сжег.

Прожив в Кабуле также три месяца до приезда самого эмира, туда были доставлены из Бадахшана и Мазар-Шарифа еще 15 человек русских солдат, с которыми и были мы отправлены эмиром в Индию в Пешавур, где нас представили к допросу. На допросе английский губернатор задал нам вопрос такой: какая цель нашего пребывания в Афганистане, то мы, как свободные граждане и из-за боязни дабы не признав нас за каких-либо шпионов, то мы ответили ему на это, что мы принявшие мусульманство и что для подробного изучения обычая ихнего пожелали поехать туда, а дальнейший путь наш в Турцию. То он задал вопрос, имеем ли мы средства на это. Мы ответили да. И в действительности мы имели средства, те, на которые могли бы доехать до Бомбея, а затем хотели лично явиться к Вашему Высокопревосходительству за покровительством Вашим.

Но английское правительство нас не выпустило, а продержало нас в Пешавуре почти месяц, препоручив своему ротмистру г. Метти Бетингу, который всех нас завез в г. Кавнпур, где предлагал нам работать вместе с остальными 15 чел. русскими солдатами, но мы отказались, а лишь только настаивали на том, чтобы нас, Кондратьева и Шевелева, отправили к нашему консулу, но г. Метти Бетинг заявил нам, что будет об этом просить разрешения у своего правительства, что оно ответит ему на это. Но подобного ответа мы ждали с лишним месяц. По получении ответа он заявил, что поедем через неделю в Калькутта, где якобы находится наш Генеральный консул. Мы же стали настаивать на том, чтобы он отправил нас сейчас же, но он на это ответил так, если желаете ехать, то можете ехать лишь на свой счет, но мы на это заявили ему так, что благодаря Вашего правительства, так как оно, продержав нас почти 2 1/2 мес., мы не только теперь не можем выехать на свой счет, но даже остались без платья, то г. Метти Бетинг обещал этого дать, что и исполнил, и просил обождать неделю, но так как не имея никаких средств, мы в силу необходимости были согласны ждать.

Ввиду вышеизложенного нашего критического положения, обращаемся к Вашему Высокопревосходительству со следующей просьбой: так как не имея никаких средств на выезд в Россию, а равно также и к существованию, не будет ли возможным через посредство Ваше где-либо поступить на какую-либо вакансию, дабы была бы нам возможность заработать на проезд в Россию, а равно также не будет ли возможным через посредство Ваше вытребовать нам паспорта, так как в случае будем иметь возможность выбраться до России, то, не имея паспортов, мы должны будем подвергнуться аресту и отправлены быть в место своего жительства, что нам нежелательно было бы компрометировать себя, притом же мы в месте жительства своем ровно ничего материального не имеем, а потому убедительно просим Ваше Высокопревосходительство не оставлять нашей просьбы, помогите!

А.Кондратьев
Г.Шевелев⁵.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 117, л. 1-2. Автограф.

№ 251

*22 августа 1911 г. — Письмо военного министра
В.А.Сухомлинова временно управляющему
Министерством иностранных дел А.А.Нератову
с уведомлением о мерах наказания для солдат
за побег в мирное время*

Милостивый государь Анатолий Анатольевич,

Письмом от 22 марта сего года за № 239 Ваше Превосходительство, уведолив меня о нахождении 15 военных дезертиров на индо-британской территории, просили сообщить, какое направление признано будет желательным дать делу об этих дезертирах и, в частности, о наказаниях, которые их ожидают в случае, если бы они решились отдаться в руки русских властей, а равно и на чей счет может быть произведена доставка их на родину.

Вследствие сего считаю нужным уведомить Ваше Превосходительство, что нижние чины, совершившие побег со службы, подлежат по суду наказаниям, указанным в статье 131 кн. XXII С.В.П. 1869 года (изд. 3)⁶, каковое наказание может быть увеличено в зависимости от обстоятельств, при которых совершен этот побег, или уменьшено по усмотрению суда в случае добровольной явки (ст. 131–139 кн. XXII С.В.П. 1869 г.)⁷.

Что же касается вопроса об принятии на счет казны расходов, вызываемых доставлением упомянутых дезертиров на родину, то Военное министерство принять этих расходов на себя не может.

В отношении же вопроса об облегчении участи дезертиров в случае возвращения их в пределы России, казалось бы возможным исходатайствовать им такое облегчение, а может быть, и помилование в том случае, если они помимо раскаяния в содеянном доставят какие-либо ценные в военном отношении сведения, касающиеся Афганистана, при обратном путешествии их в пределы России.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном моем уважении и преданности

В. Сухомлинов.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1124, л. 20–21. Подлинник.

№ 252

10 января 1913 г. — Донесение Генерального консула России в Калькутте К.Д. Набокова старшему советнику Министерства иностранных дел В.О. фон Клемму по поводу ноты индийского правительства о прибытии в Индию через Афганистан 18 беглецов из Бухары

Доверительно
Калькутта, 10/23 января 1913 г.

Милостивый государь Василий Оскарович,

1/14 января с.г. я получил ноту (в копии при сем прилагаемую вместе с моим ответом)⁸ от индийского правительства в Дели, извещающую Генеральное консульство о прибытии в Индию через Афганистан 18 беглецов из Бухары. Я немедленно телеграфировал вице-консулу тит[улярному] сов[етнику] Ревелиоти, находившемуся в Бомбее на несколько дней для проводов семьи в Европу, поручив ему собрать сведения об этих беглецах.

Долгом считаю представить при сем Вашему Превосходительству докладную записку вице-консула, с изложением сведений, добытых им путем непосредственных переговоров с беглецами.

Представляется более чем вероятным, что большинство этих людей не смогут найти работу в Индии и они будут на счет индийского правительства отправлены в Австралию. Двое из дезертиров (Прокофий Зубков и Антон Гвоздик) изъявили раскаяние и желание быть водворенными в Россию; они находятся в настоящее время в Калькутте и будут отправлены на ближайшем русском пароходе во Владивосток, если не изменят своего намерения и не поставят себя снова вне сферы ведения Генерального консульства.

Мне известно частным образом, что помощь, оказанная два года тому назад другой партии беглецов из Туркестана, обошлась индийскому правительству в 6000 рупий. В настоящем случае 18 человек были отправлены из Пешавера в Бомбей за счет правительства, и, несмотря на заявление, содержащееся в прилагаемой при сем ноте сэра Генри Мак-Магона, дальнейшие расходы неизбежны.

Генеральное консульство, само собою разумеется, не имеет права принимать какое бы то ни было участие в судьбе людей, изменивших присяге, доколе они не расскаются и не выразят готовности вернуться на родину и понести заслуженную кару; правительству, допустившему их на свою территорию, надлежит по этому нести сопряженные с этим «trouble and expanse»*. Не признаете ли тем не менее, Ваше Превосходительство, что достоинство России было бы соблюдено и престиж Русской Власти огражден в глазах великобританских властей, если бы путем переговоров в Лондоне или в Дели был выяснен размер понесенных индийским правительством расходов и они были бы возмещены как плата за содержание преступников. Я разумею расходы по перевозке этих преступников, по прокормлению их в рабочем доме и выселении за пределы Индии, если таковое состоится.

Быть может, одновременно можно было бы заключить с великобританским правительством частное соглашение, распространяющееся на Индию и имеющее в виду главным образом ее северо-западную границу, — во избежание повторения случаев, подобных настоящему, на тех же основаниях, на которых существует соглашение о матросах, самовольно покидающих военные и торговые суда, в настоящее время не применимое к Индии.

Проникновение 18 беглецов из России в Индию через Афганистан служит, мне кажется, яркой иллюстрацией того ненормального положения, которое занимает Афганистан. Эмир, судя по рассказам дезертиров, не только дал им убежище, но и наградил каждого из них деньгами (отнятыми потом у них афганскою стражею). Такое отношение к преступникам вряд ли допустимо было бы со стороны власти, сознающей элементарные требования международного общения. Приютив русских дезертиров, эмир затем избавился от них, препроводив их на индийскую территорию, — прекрасно понимая, что создает этим ряд затруднений для индийского правительства. Россия и Англия принуждены молчать — ведь «Государство-буфер» поставлено вне международного закона.

Пользуюсь случаем, чтобы возобновить Вам, Милостивый Государь, уверения в отличном моем почтении и таковой же преданности

Набоков.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1124, л. 30 и об., 38 и об. Подлинник.

№ 253

1 мая 1913 г. — Донесение Генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова старшему советнику Министерства иностранных дел В.О. фон Клемму о дезертирах из Туркестанского края

* Trouble and expanse (англ.) — беспокойство и расходы (сост.).

Милостивый Государь Василий Оскарович,

В дополнение к секретному шифрованному отношению моему от 11/24 апреля с.г., № 12, по вопросу о дезертирах из Туркестана, имею честь препроводить при сем к Вашему Превосходительству копии с писем ко мне индийских властей и моих на эти письма ответов. Долгом считаю обратить внимание Вашего Превосходительства на письмо начальника полиции в Пешавере к начальнику полиции в Калькутте⁹. Из этого письма явствует, что индийское правительство или, по крайней мере, провинциальные власти не свободны от подозрения, что среди этих беглецов из Туркестана находятся русские «агенты». Обширность района вверенного мне Генерального консульства фактически лишает меня возможности быть точно осведомленным о личностях беглецов из Туркестана, об условиях совершения ими побега, о степени их виновности. Те из них, с которыми пришлось говорить — благодаря приезду их в Калькутту или случайному присутствию Ревелиоти в Бомбее, держали себя крайне заносчиво и вовсе не вызывали ни сожаления, ни желания облегчить их участь. Не смею скрыть от Вашего Превосходительства, что отзыв Военного министерства, доставленный мне при отношении департамента от 30 января с.г., № 67, крайне меня озадачил. Мне кажется, что столь снисходительное отношение к беглым солдатам способно послужить лишь весьма пагубным примером и поощрением к побегам, уж и без того начинающим принимать эпидемический характер. Мне казалось бы, что более действительной мерою борьбы с этим злом, подрывающим престиж нашей власти и нашей армии, было бы более строгое наблюдение за афганской границей и издание приказа по Туркестанскому округу, предупреждающего нижних чинов, что в случае побега они ни на какое снисхождение рассчитывать не могут, а что в Индии на заработок надежды мало и потому кончают беглые солдаты тем, чего заслуживают — рабочим домом или тюрьмой. Военное министерство, по-видимому, не совсем отдает себе отчет в том положении, которое создается здесь хроническим появлением партий беглых русских солдат в Индии. Отказ уплатить издержки по их водворению, ничем не мотивированный, при неимении в Генеральном консульстве специальных сумм на этот предмет, вынуждает меня принять его на свои средства, если мне не будет разрешено отнести его на специальный фонд, которым я располагаю для экстренных расходов (1000 рублей в год). Идея же о добыче «ценных сведений» об Афганистане от дезертиров, ни слова не говорящих ни на одном языке, кроме русского, — вызывает такое недоумение, что от оценки ее я должен воздержаться. Если кто и получает «ценные сведения» от беглых, то скорее всего англичане, препровождающие их из Пешавера в Бомбей, где, как Вашему Превосходительству хорошо известно, сколько угодно знатоков русского языка при бомбейской полиции, и затем помогающие им прискать работу.

Приношу Вашему Превосходительству почтительнейшее извинение, если в настоящем письме я позволил себе превысить свою компетенцию и высказаться с чрезмерной прямоотой. Но мне настолько обидно за достоинство нашей армии, подвергаемое серьезно испытанию этими беглыми, что я не могу не искать Вашей авторитетной поддержки в стремлении положить конец этому печальному явлению.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности

Набоков.

№ 254

*3 апреля 1913 г. — В управление начальника полиции
Калькутты от заместителя начальника полиции Пешавара
(Приложение к письму К.Д.Набокова от 1 мая 1913 г.)*

Дорогой сэръ, предъявитель сего — русский, который вместе с двумя товарищами осенью прошлого года бежал со службы в русской армии и, пройдя через территорию Афганистана, прибыл затем сюда. Военные власти тщательно проверили их, и нет причины видеть в этих людях чьих-либо агентов. Двое из них образованные и очень осведомленные люди, и было бы жаль бросить их на произвол судьбы в этой чуждой для них стране, не знающих ни слова ни на одном языке, кроме русского.

Не могли бы Вы сделать что-нибудь, чтобы помочь им найти работу. Их фамилии: Масыгин, Кричкровский и Рябин.

С извинениями за беспокойство, искренне Ваш

П.Тиг Джонс.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1124, л. 53 и об. Копия. Пер. с англ. составителя.

№ 255

*26 июля 1913 г. — Донесение Генерального консула
в Калькутте К.Д.Набокова старшему советнику
Министерства иностранных дел В.О. фон Клемму
с просьбой об инструкциях для разговоров
с высшими военными чинами в Индии по поводу
дезертирства из Туркестанского военного округа*

Секретно
Симла

Милостивый Государь Василий Оскарович,

Я имел честь представить на благовоззрение Императорского министерства мою переписку со здешним правительством по поводу дезертиров из Туркестана, а также донести, что за истекший год количество их увеличилось в размерах, причиняющих серьезный ущерб престижу русской армии. За последнее время пришлось слышать от офицеров Главного штаба, что наплыв беглецов не прекращается. Здешнее офицерство и в особенности ответственные деятели в Главном штабе выгодно отличаются от чиновников иностранного департамента в том смысле, что с первыми можно говорить о делах, между тем как последние от страха сказать лишнее слово или просто по невежеству (происходящему от того, что каждый из них сидит в своей узкой ячейке, ведает свою узкую специальность и ничего другого не знает) — при малейших попытках разговора на тему, выходящую из ряда «текущих дел», набирают воды в рот и оказываются безнадежно несостоятельными. Поэтому только с военным элементом и возможно говорить серьезно.

На выраженные мне на днях в дружеской форме сетования по поводу того, что наши власти в Туркестане не принимают мер к прекращению дезертирства, причиняющего заботы здешнему правительству и таким образом вызывающего нежелательное для наших добрых отношений настроение здешних официальных сфер, — я указал моему собеседнику — полковнику Главного штаба, что Императорское министерство мною лишь недавно осведомлено об этом явлении и что при медлительности переписки, вызываемой дальним расстоянием, нельзя ожидать, чтобы сколько-нибудь действительные меры были приняты со дня на день. С другой стороны, я высказал, что только та граница может считаться «охраняемой» как следует, которая охраняется обоими пограничными государствами, и что если русские беглецы так уж сильно затрудняют правительство, то от него зависит, руководствуясь общепринятыми международными обычаями и в согласии с существующими между Россией и Англией дружескими отношениями, — принять соответствующие меры к тому, чтобы дезертиры не встречали со стороны властей в Кабуле и затем в Индии поощрения в своем стремлении бежать из России. Мой собеседник признал, что в этом отношении здешнее правительство поставлено в затруднительное положение и не может возлагать на Императорские власти ответственности за явление, которому оно косвенно потворствует.

Считаю своим долгом почтительнейше довести до сведения Императорского министерства о вышеизложенном и покорнейше просить не отказать преподать мне инструкции на случай, если бы мне пришлось снова коснуться этого вопроса в разговорах со здешними высшими военными чинами.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем почтении и таковой же преданности

Набоков.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1124, л. 40–41 и об. Подлинник.

№ 256

16 сентября 1913 г. — Письмо Министерства иностранных дел России военному министру В.А.Сухомлинову с просьбой принять энергичные меры по пресечению дезертирства из частей Туркестанского военного округа

Секретно

М.Г. Владимир Александрович,

Наш Генеральный консул в Индии¹⁰, сообщая о том, что наплыв в Индию дезертиров из наших войск в Средней Азии не прекращается, добавляет, что за истекший год количество их увеличилось до размеров, причиняющих серьезный ущерб престижу Русской армии. Ст[атскому] сов[етни]ку Набокову пришлось недавно выслушать по этому поводу сетования одного из высших индийских военных чинов на то, что наши власти в Туркестане не принимают мер к прекращению дезертирства, причиняющего хлопоты индийскому прав[ите]льст[ву], и тем вызывают нежелательное для взаимных добрых отношений настроение индийских официальных сфер. В ответ на это Ген. консул вполне справедливо высказал своему собеседнику, что только та граница может считаться охраняемой как следует, которая охраняется обоими смежными государствами, и что если русские

беглецы так уж сильно затрудняют индийское прав[ительст]во, то последнему надлежит также озаботиться принятием соответствующих мер к тому, чтобы дезертиры не встречали со стороны афганских властей, а затем и в Индии поощрения в своем стремлении бежать из России. Это возражение представитель индийского военного ведомства признал весьма веским, но при этом, в свою очередь, указал на трудность для правительства Индии принимать какие-либо действительные меры против проникновения через Афганистан наших дезертиров.

Передавая об изложенной Вам Высокопре[восходительст]ву для сведения, считаю долгом со своей стороны высказать пожелание, чтобы нашими властями в Средней Азии были приняты возможно энергичные меры к пресечению дезертирства из военных частей Туркестанского военного округа.

Примите, М.Г., и т.д.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1124, л. 42 и об. Черновик.

№ 257

*28 ноября 1913 г. — Секретная телеграмма
Генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова
в Министерство иностранных дел с сообщением об отправке
из Калькутты во Владивосток двух дезертиров
из Туркестанского военного округа*

Сегодня на пароходе «Урал» отправлены из Калькутты во Владивосток дезертиры Тромбка и Джага, девятого Туркестанского батальона в Термезе. Благоволите сообщить штабу Туркестанского округа и во Владивосток.

/подп./ Набоков.

На полях документа надпись карандашом: «Исполнить».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1124, л. 43. Подлинник.

Примечания

¹ Имеется в виду генерал от кавалерии А.В.Самсонов.

² В телеграмме МИД сообщалось о ноте британского посольства и запрашивались сведения о бежавших в Афганистан солдатах.

³ Имеется в виду Вуд, Джон Барри (1870–1933), бывший в 1906–1910 гг. помощником секретаря индийского правительства по иностранным делам.

⁴ Это были Г.Шевелев и А.Кондратьев, см. док № 250.

⁵ По получении этого прошения Б.К.Арсеньев направил в Политическое агентство в Бухаре письмо с просьбой проверить показания Г.Шевелева о том, что он служил конторщиком в Обществе «Кавказ и Меркурий». О Кондратьеве консул писал, что, судя по разговору с ним, это «бездомный, сбившийся с пути человек, пробовавший счастья в разных местах Средней Азии». В ответе управляющего Политическим агентством сообщалось, что после наведения справок показания Шевелева подтвердились, но сведений о Кондратьеве получить не удалось (см.: АВПРИ, ф. 238, оп. 778, д. 117, л. Зоб., 9 и об.).

⁶ С.В.П. — Свод военных постановлений.

⁷ С. В. П. 1869 г. Кн. XXII, изд. 3-е.

Статья 128 — Самовольное отсутствие военнослужащего от команды или от места своего служения, продолжающееся в мирное время более шести дней, а в военное — более трех дней, признается побегом.

Нижние чины, состоящие на службе менее шести месяцев, признаются находящимися в побеге лишь по истечении, со дня отлучки, пятнадцати дней в мирное и семи дней в военное время.

Для всех военнослужащих отсутствие от команды в виду неприятеля, продолжающееся более суток, признается побегом.

Статья 131 — (По прод. 1907 г.). За означенные в 128-й статье сего Устава преступные деяния нижние чины подвергаются:

в первый раз — одиночному заключению в военной тюрьме от 1 до 4 месяцев;

во второй раз — потере некоторых прав и преимуществ по службе и отдаче в дисциплинарные батальоны или роты от одного года до трех лет;

в третий раз — лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения гражданского ведомства на время от 4 до 5 лет.

Означенные в сей статье наказания возвышаются в военное время одною или двумя степенями.

Явившемуся добровольно из побега определенные в сей статье наказания могут быть смягчены в мере или даже одною или двумя степенями.

⁸ Нота индийского правительства и ответ К. Д. Набокова на нее в деле не найдены.

⁹ В архивном деле к этому письму приложено только письмо заместителя, а не начальника, как указано в письме, полиции Пешавара начальнику полиции в Калькутте.

¹⁰ Имеется в виду К. Д. Набоков.

№ 258—269

8 мая 1911 г. — 11 апреля 1916 г. — Документы об обмене изданиями между Индийским музеем (Калькутта) и российскими научными учреждениями

№ 258

*8 мая 1911 г. — Письмо из Секции естествознания
Индийского музея в Калькутте¹ Генеральному консулу
в Калькутте Б. К. Арсеневу о высылке своих публикаций
для распространения в России*

Дорогой сэр,

В добавление к письму от 30 января № 191 я посылаю еще три пакета с публикациями нашего Музея для распространения их в России.

Искренне Ваш
Директор (подпись неразборчива).
Генеральному консулу России, Калькутта.

*АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 64, л. 5. Подлинник.
Пер. с англ. составителя.*

№ 259

4 августа 1911 г. — Письмо из Секции зоологии и антропологии Индийского музея Генеральному консулу в Калькутте Б.К.Арсеньеву о высылке своих публикаций для распространения в России

В добавление к письму от 8 мая 1911 г., № 196 посылаю Вам еще три пакета, содержащие публикации Музея для распространения их в России.

Искренне Ваш

Директор (*подпись неразборчива*).

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 64, л. 6. Подлинник. Пер. с англ. составителя.

№ 260

30 апреля 1912 г. — Письмо из Первого департамента МИД России в Генеральное консульство в Калькутте о получении изданий Индийского музея

Первый департамент имеет честь уведомить Генеральное консульство о получении трех экземпляров издания Калькуттского музея, препровожденных при отношении от 15 марта с.г., № 117.

За вице-директора: Персиани.
Делопроизводитель: Б.Андреев.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 64, л. 10. Подлинник.

№ 261

16 января 1913 г. — Письмо из Секции зоологии и антропологии Индийского музея Генеральному консулу в Калькутте К.Д.Набокову о высылке своих публикаций для распространения в России

Дорогой сэр,

В добавление к письму Музея от 26 января 1912 г. № 150 посылаю ящик с нашими публикациями для распространения их в России по прилагаемому списку.

Искренне Ваш

За директора (*подпись неразборчива*).

Список учреждений в России

1. Секретарь, Императорское общество натуралистов².
2. Директор, Кавказский музей, Тифлис³.

3. Секретарь, Русское Энтомологическое общество, Санкт-Петербург⁴.

4. Директор, Биологическая Волжская станция, Саратов⁵.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 64, л. 14, 15. Подлинник. Пер. с англ. составителя.

№ 262

*23 декабря 1913 г. — Письмо из Ихтиологической лаборатории
Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих
промыслов⁶ Генеральному консулу в Калькутту
К.Д.Набокову о возможности обмена
изданиями с индийскими научными учреждениями*

Ихтиологическая лаборатория Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов есть учреждение научно-прикладного характера и имеет целью изучение гидрологии дельты р. Волги и северной части Каспийского моря, изучение биологии организмов, населяющих эти водоемы, главным образом биологии рыб, а также изучение условий рыбного промысла в Каспийско-Волжском районе.

Ихтиологической лаборатории крайне необходимо ознакомление с работами учреждений, преследующих цели, подобные нашим. Можно предполагать, что обширная дельта реки Ганга не оставалась без исследований и, вероятно, в Британской Индии есть учреждение, изучающее гидробиологический режим этой замечательной реки.

Ввиду изложенного прошу Ваше Превосходительство не отказать в сообщении следующих сведений:

1. Имеются ли в Калькутте или вообще в бассейне реки Ганг учреждения, подобные Астраханской Ихтиологической лаборатории.

2. Если таких учреждений нет, то не производилось ли исследование р. Ганг особо снаряженными экспедициями; к кому должно обратиться для получения трудов этих экспедиций.

Не возьмет ли Ваше Превосходительство на себя труд просить эти учреждения выслать нам свои труды, причем Ихтиологическая лаборатория с готовностью обменяется своими работами.

Заранее выражая Вам благодарность, прошу Ваше Превосходительство принять уверение в глубоком почтении.

За заведующего Лабораторией
Лаборант-химик М.Тургаев.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 64, л. 20 и об. Подлинник.

№ 263

17 апреля 1914 г. — Письмо
Генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова
заведующему Ихтиологической лабораторией Управления
Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами
с изложением содержания письма секретаря Секции зоологии
и антропологии Индийского музея в Калькутте

Вследствие Вашего письма от 23 декабря 1913 г., № 2018, имею честь уведомить Вас, что Ваше предложение было передано Императорским Генеральным консульством секретарю Зоологического и антропологического отдела Индийского музея в Калькутте. Из приложения у сего письма, посланного на Ваше имя, Вы изволите усмотреть, что Индийский музей согласен установить постоянный обмен изданий с Ихтиологической лабораторией и посылает Вам последний выпуск «Трудов Индийского музея», в конце которого Вы найдете список всех изданий Музея по зоологии. В то же время Секретарь просит Вас не отказать в высылке работ Ихтиологической лаборатории и сообщении ему, находите ли Вы регулярный обмен изданиями желательным.

Далее из письма Секретаря Вы усмотрите, что он в настоящее время занят изучением пресноводных губок и по... (неразборчиво. — Сост.) Восточной Европы и Западной Азии и просил Вас не отказать в высылке ему образцов последних из Каспийского моря.

В свою очередь он согласен выслать Вам, если это будет найдено желательным, образцы фауны Ганга или взять на себя труд по приобретении коллекций.

Нужные труды Индийского музея Вы можете заказать бандеролью.

Им[ею] ч[есть], г[осподин] с[екретарь], пок[орнейше] пр[осить] Вас не отказать уведомить о получении письма.

Секр. Инд. Музея и — ... (далее неразборчиво. — Сост.).

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 64, л. 19 и об. Черновик.

№ 264

27 апреля 1914 г. — Письмо
из Секции зоологии и антропологии
Индийского музея исполняющему обязанности
Генерального консула в Калькутте П.А.Рогальскому⁷
с просьбой перевести на русский язык письмо,
отправляемое Музеем заведующему
Ихтиологической лабораторией в Астрахань

Дорогой господин Рогальский,

В ответ на Ваше недавнее обращение я посылаю при сем письмо и пакет заведующему Ихтиологической лабораторией Управления рыболовства Каспийского моря и Волги в Астрахани. Я был бы премного благодарен, если бы Вы, во

избежание недоразумений, перевели это письмо на русский язык и отправили его вместе с пакетом непосредственно указанному адресату.

Искренне Ваш

(подпись неразборчива).

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 64, л. 29. Подлинник. Пер. с англ. составителя.

№ 265

22 сентября 1915 г. — Письмо из Третьего Политического отдела МИД⁸ России в Генеральное консульство в Калькутте с просьбой передать Индийскому музею издания Русского Энтомологического общества

Препровождая при сем расписку Русского Энтомологического общества в получении присланных при отношении Генерального консульства в Индии от 16 апреля с.г., № 122, научных изданий Индийского музея в Калькутте, Третий Политический отдел имеет честь покорнейше просить Вас не отказать в зависящих распоряжениях о передаче названному Музею прилагаемых при сем изданий Энтомологического общества.

Старший секретарь: *(подпись неразборчива).*

Секретарь: *(подпись неразборчива).*

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 64, л. 38. Подлинник.

№ 266

3 октября 1915 г. — Письмо из Кавказского музея в Министерство иностранных дел о получении изданий Индийского музея

Вследствие отношения от 11 минувшего сентября за № 4491/0.111, имею честь сообщить, что присланные при том отношении научные издания Индийского музея в Калькутте получены Кавказским музеем в полной исправности⁹

Вр. исп. обяз. директора музея С.Тер-Ованесян.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 64, л. 22. Подлинник.

№ 267

18 октября 1915 г. — Письмо из Волжской биологической станции Саратовского общества естествоиспытателей

*в Министерство иностранных дел с извещением
о получении трудов Индийского музея*

В Третий Политический отдел МИД

На Ваше сообщение за № 4190/0.111 имею честь сообщить, что научные издания Индийского музея нами получены.

Заведующий библиотекой В.Фофанов.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 64, л. 23. Подлинник.

№ 268

*21 декабря 1915 г. — Письмо управляющего
Секцией зоологии и антропологии Индийского музея
в Генеральное консульство в Калькутте
с подтверждением получения изданий
Русского Энтомологического общества*

Дорогой сэр,

С благодарностью сообщаю о получении нижеуказанных* трудов Русского Энтомологического общества, отправленных вместе с Вашим письмом за № 345 от того же числа.

По ошибке в Ваше письмо не было вложено подтверждение получения наших публикаций Русским Энтомологическим обществом.

Преданный Вам

Управляющий (*подпись неразборчива*).

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 64, л. 40. Подлинник. Пер. с англ. составителя.

№ 269

*11 апреля 1916 г. — Письмо управляющего Секцией зоологии
и антропологии Индийского музея в Генеральное консульство
в Калькутте с просьбой разослать публикации Музея
в России по приложенному списку*

Дорогой сэр,

В дополнение к нашему письму за № 492 от 19 марта 1915 г. посылаю при сем ящик, содержащий публикации Музея для следующих учреждений в России:

1. Императорское общество натуралистов, Петроград.
2. Русское Энтомологическое общество, Петроград.

---

* Том XXXVII, 1904–05.

Том XXXVIII, 1907–08.

Том XI, № 3, 4, 6, 1912–13 (*примеч. автора*).

3. Кавказский музей, Тифлис.
4. Волжская биологическая станция, Саратов.

Преданный Вам

Управляющий (*подпись неразборчива*)¹⁰.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 64, л. 42. Подлинник. Пер. с англ. составителя.

Примечания

¹ Индийский музей в Калькутте — старейший музей Индии, основан в 1814 г. В настоящее время ценнейшими коллекциями обладают его археологическая и нумизматическая секции.

² Императорское общество естествоиспытателей при Санкт-Петербургском университете, созданное в 1868 г. и исследовавшее природу в основном Севера России, имело с 1888 г. три отделения: 1) ботаники, 2) зоологии и физиологии, 3) геологии и минералогии. С середины 1891 г. оно называлось Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей.

³ Кавказский музей в Тифлисе (основан в 1867 г.) имел отделения: зоологическое, ботаническое, геологическое, этнографическое и археологическое и занимался сбором и составлением научных коллекций по естествознанию, этнографии и археологии Кавказа и сопредельных стран.

⁴ Русское Энтомологическое общество в Санкт-Петербурге было основано в 1861 г. Одной из своих задач оно считало исследование пользы и вреда, приносимых теми или иными насекомыми, изыскания средств к устранению вредных из них и акклиматизацию полезных.

⁵ Волжская биологическая станция была учреждена за счет частного капитала Саратовским обществом естествоиспытателей и любителей естествознания в 1900 г. для проведения гидробиологических исследований бассейна Волги. Это была первая речная станция в Европе, отсюда понятен и интерес к ее работе — она имела связи с 14 зарубежными научными центрами. В исследованиях, проводимых станцией, участвовали профессора Саратовского и Казанского университетов, студенты Санкт-Петербургского университета. При станции на средства казны был создан показательный рыбоводный завод.

⁶ Ихтиологическая лаборатория была создана в 1904 г. Управлением Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами в Астрахани на базе существовавшей химико-бактериологической лаборатории. В полном масштабе работа лаборатории, заключающаяся в гидрхимических и ихтиобиологических исследованиях района Царицын — взморье, началась с 1907 г. В 1929 г. лаборатория была преобразована в Волжско-Каспийскую научную рыбохозяйственную станцию.

⁷ Рогальский Петр Авксентьевич назначен драгоманом в Генеральное консульство в Калькутте в 1912 г., до этого работал в Сингапуре и Бангкоке, с 1914 г. исполнял обязанности внештатного вице-консула, прослужил в Калькутте до 1917 г., был избран членом Азиатского общества Бенгалии.

⁸ После реорганизации МИД в 1914 г. Третий (Среднеазиатский) Политический отдел ведал делами, связанными с Персией, Индией, Средней Азией, Цейлоном.

⁹ Кавказский музей не только подтвердил получение изданий Индийского музея, но и 9 ноября 1915 г. переслал в Третий Политический отдел МИД бандероль с изданиями трудов своих сотрудников с просьбой доставить их в Индию (АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1140, л. 21).

¹⁰ В данном блоке приведены далеко не все документы по теме обмена научными трудами между российскими и индийскими научными учреждениями. Последний документ по этой тематике датируется 2 мая 1917 г. В нем Общество естествоиспытателей при Санкт-Петербургском университете благодарит Индийский музей и просит задержать отправку книг до особого извещения (АВПРИ, ф. 238, оп. 778, д. 64, л. 46).

**17 мая 1911 г. — 18 апреля 1916 г. —
Документы¹, связанные с литературной
деятельностью К.Д.Бальмонта²
как переводчика произведений Ашвагхоши³
и Калидасы⁴ и с изданием их произведений**

№ 270

*17 мая 1911 г. — Из письма К.Д.Бальмонта
издателю М.В.Сабашникову⁵ о переводе им поэмы
Ашвагхоши «Жизнь Будды» и высокой оценке
произведений литературы народов Древнего Востока*

Пасси

...Что касается твоего предложения перевести что-нибудь из Древних писателей, я охотно откликаюсь на этот призыв, но для меня не вполне ясно, кого ты разумеешь под Древними. Если ты говоришь о писателях греческих и латинских, я думаю, что никогда не приближусь к ним, ибо Древними их не считаю, а вижу в них известных, переизвестных, повторностью безнадежно затертых, давно вошедших в европейскую жизнь и безвозвратно исчерпанных, не превеликих талантов и гениев и несомненно эпигонов, подражателей и повторителей (сознательных или бессознательных — все равно) таких первородных ценностей, как Египет, Халдея, Еврейство и Индия, включим уж в четверной этот ряд и Китай, и Мексику с Перу, и Персию. Все это неизмеримо интереснее и первороднее греков и римлян⁶. Если бы ты захотел издать что-нибудь из этих областей, я с большим наслаждением мог бы приготовить для тебя разные любопытности, которые не только суть любопытности, но и необходимости, если в умственном убранстве необходимы рубины и алмазы, а мне кажется, что они очень необходимы.

В данное время я перевожу на русский язык — стихами — замечательнейшую, считаемую европейскими специалистами (как, напр., Самюэль Биль⁷) лучшей, среди других разночтений, легенду, «Жизнь Будды». Это канонически точная и поэтически прекрасная передача основного предания. Индусский поэт Асвагоша (так называемый Двенадцатый Буддийский Патриарх), половины 1-го века христианской эпохи, изложил предание в стройной форме, другой индусский поэт, Дгармаракша⁸, 5-го в. по Р.Хр., уехал в Китай, долго жил там и между прочим перевел на китайский язык поэму Асвагоши, очистив ее от темнот и придав ей более кристальную форму. В этом втором лике она пленительна. Я познакомился с ней года 2–3 тому назад, и много раз мне хотелось перевести отсюда хоть несколько отрывков. В конце концов я решил прибегнуть к советам и помощи специалистов и переведу эту вещь целиком. Около трети всего у меня уже переведено. Если хочешь, я могу тебе послать для прочтения. Издашь ли ты ее или не издашь, я все равно переведу ее целиком. Но, конечно, если ты захочешь ее издать, это будет для меня настоящая радость, для русского же слова и мышления — думаю — истинная польза. К повествованию этому можно было бы приложить, в виде дополнения, отрывки из других буддийских книг и поучений и пояснительный очерк.

Я думаю, что Россия быстро идет к полному пересмотру всех основных ценностей, что она уже вполне вступила в пору такого многогранного расследования и сопоставлений и что для возможности осуществить такие умственные параллели, схождения и расхождения завершённым образом надо дать русскому читателю не создания европейского духа — «себя не насытишь собою» — и в особенности не создания Эллады и Рима, к которым, в наиболее напряженные и трудные минуты внутренней борьбы, Русский дух вовсе не устремляется и которыми он не может утолить свою жажду, — а создания, которые расширяют его «Я» введением в него совершенно новых элементов, обогатят почву, дадут новые пути, новые углы зрения, удивят неожиданностью и через удивление пробудят глаз для более острого зрения. Овеянные веками чужеземные легенды хранят в себе свет для наших дней и истекающего мгновения. В тысячелетних Египетских гробницах находят иногда сосуды, в которых был душистый мед, и, хоть влага исчезла, сладость осталась, и когда выносят эти сосуды на воздух, к ним прилетают, по солнечной дороге, и осы и пчелы...

РГБ РО, ф. 261, карт. 2, д. 74, л. 18, 19, 20. Автограф. Опул.: Ашвагхоша. Жизнь Будды. Калидаса. Драмы. Пер. Бальмонта. Научная редакция Г.М.Бонгард-Левина. М., 1990, с. 14. Далее: Ашвагхоша.

№ 271

8 декабря 1911 г. — Из письма К.Д.Бальмонта
М.В.Сабашникову о состоянии работы над переводом поэмы
«Жизнь Будды»

Дорогой Миша,

После долгих недель я наконец имею минутку, чтобы ответить тебе. Раньше физически не мог.

С полной откровенностью. Ты не хотел исполнить моего маленького каприза или не мог, а каприз-то был не каприз — лишь творческая необходимость. Я просил тебя, раз берешь «Будду», послать мне без промедлений корректуру. Если бы она была мне послана, весь «Будда» давно бы уже лежал у тебя на столе. Но я не получил определенного толчка...

...Я перечитываю твое письмо. Я рад. Спасибо. Ты отнесся достойно к этому великому произведению, даже еще не зная всей красоты дальнейших страниц. А там, в дальнейшем, именно заключается, полное художественности и канонической точности, изложение легенды о Будде и основных представлений Буддизма. Я радуюсь также и общему твоему плану издания Калевалы, русских былин, Гомера. Конечно, «Жизнь Будды» Асвагхоши — Дгармаракши как раз подходит к твоей серии...⁹

...Предисловие к «Будде» необходимо. Я предпочитаю не русского, а француза, отличного знатока индусских литератур и Индии, Сильвена Леви¹⁰. На днях я сталкиваюсь с Бойэ¹¹, сколько он (Леви. — *Сост.*) возьмет за предисловие, и сообщу тебе, можно ли предложить ему формально, т.е., вернее, ты сообщишь мне об этом. Не думаю, чтобы он стал запрашивать. Знаток же он превосходный и Асвагошу знает достоверно...

Я остаюсь в Париже до 20-х чисел января 1912 г. Я уезжаю затем в Австралию, вернусь же через Индию, — и на Цейлоне, равно как в Индии, сам соберу разные интересные, касающиеся Будды, таким образом, и твою мысль об украшении книги иллюстрациями можно будет осуществить любопытно. В Индии я буду не так еще скоро, окончание же рукописи* довершится, как я сказал, на первом месте моего трехмесячного пребывания — в том или ином уголке Австралии...

Буду ждать и от тебя скорого ответа. Спасибо еще раз за истинный отклик. Всего наилучшего.

Твой К.Бальмонт.

РГБ РО, ф. 261, карт. 2, д. 74, л. 24, 25, 26. Автограф. Опул.: Ашвагхоша, с. 266–267.

№ 272

*24 декабря 1913 г. — Из письма К.Д.Бальмонта
М.В.Сабашникову о желании перевести драму
Калидасы «Сакунтала» на русский язык*

Пасси.

Миша,

Я перечитываю «Сакунталу» Калидасы, и если она мне всегда нравилась, теперь, после более близкого прикосновения к Индии, я от нее в восторге. С истинным увлечением займусь воспроизведением ее по-русски. Я вернулся также к занятию санскритским языком и намерен прочесть, с Леви или с другим санскритологом, как «Сакунталу», так и другие индусские произведения, в подлиннике, прежде чем переводить их. Мне казалось бы поэтому, — и по другим соображениям, что предпочтительнее, для начала, ограничиться одною лучшей жемчужиной, а то, собирая их все (их много!), потонем. Явим одну, а потом — еще и еще! Впрочем, просто начнем, а там увидим...

РГБ РО, ф. 261, карт. 2, д. 75, л. 20. Автограф. Опул.: Ашвагхоша, с. 552.

№ 273

*12 июня 1914 г. — 18 апреля 1916 г. — Из переписки
К.Д.Бальмонта с Е.А.Бальмонт¹² о переводе им драм
Калидасы «Сакунтала», «Малявика и Агнимитра»
и «Урваси»*

12.VI.1914 г. (из Парижа):

...Я в большой увлеченности «Сакунталой». Перечитал свой перевод двух действий (из 2-го лишь кусочка не хватает). Это такое совершенство. Мне эта драма представляется волшебством звуков¹³, красок, светов, цветов, телодвижений,

---

* Как я писал уже, у тебя немного меньше половины всего, $\frac{2}{5}$ текста. Несколько песен могу дослать до отъезда (*примеч. автора*).

пляски душ, нежного танца, утонченных ощущений. Я верю в большой успех этой пьесы на сцене.

РГБ РО, ф. 57, оп. 1, д. 136, л. 6, 7. Автограф. Оpubл.: Ашвагхоша, с. 552–553.

15.VI.1914 г. (из Парижа):

...Наконец доперевел и переписал 2-е действие «Сакунталы», но нужно свертить оттиски, хочу немедля отослать их М.Саб[ашникову] и Юргису¹⁴.

РГБ РО, ф. 57, оп. 1, д. 136, л. 9. Автограф. Оpubл.: Ашвагхоша, с. 553.

21.VI.1914 г. (из Сен-Бревена):

...Только что окончил 3-е действие «Сакунталы» и совершенно упоен Калидасой и индусами. Странно припоминаются (слово неразборчиво. — *Сост.*) дни, наши сборы в Японию и Индию и мои изучения священных индийских книг. Это лето, верно, будет посвящено Сарасвати¹⁵ и Кришне¹⁶. Я радуюсь всему, что касается Индии.

РГБ РО, ф. 57, оп. 1, д. 136, л. 14. Автограф. Частично опубл.: Ашвагхоша, с. 553.

29.VI.1914 г. (из Сен-Бревена):

Я приступил уже к 6-му действию «Сакунталы», их всех — 7. Для меня теперь ясно, что я без промедления приготовлю для М.Саб[ашникова] целый том Калидасы, т.е. переведу также и «Урваси» и «Агнимитру». Редко с кем, после Шелли¹⁷ и Словацкого¹⁸, я чувствовал такое душевное сродство, как с Калидасой.

РГБ РО, ф. 57, оп. 1, д. 136, л. 16. Автограф. Оpubл.: Ашвагхоша, с. 553.

4.VII.1914 г. (из Сен-Бревена):

Послезавтра я ставлю точку. «Сакунтала» окончена, осталось лишь несколько страниц. Это большая радость для меня... Собираюсь серьезно приступить к санскритскому...

РГБ РО, ф. 57, оп. 1, д. 136, л. 21. Автограф. Оpubл.: Ашвагхоша, с. 553.

6.VII.1914 г. (из Сен-Бревена):

...Я только что окончил и перечел последнее, 7-е действие «Сакунталы». Как быстро промелькнули передо мной все эти изящные, легкие фигуры индийской мысли. Точно сказка. Верю, что на сцене это будет торжество. Найди мне, пожалуйста, если сможешь, что говорит о Калидасе Гёте¹⁹ и Гердер²⁰. Нет ли еще у кого чего? Ее первый перевод (Джонса)²¹ в конце 18-го вызвал фурор...

РГБ РО, ф. 57, оп. 1, д. 136, л. 23. Автограф. Оpubл.: Ашвагхоша, с. 553.

10.VII.1914 г. (из Сулака):

...Отдыхаю от работы и читаю другую драму Калидасы «Малявика и Агнимитра». Мне очень нравится тонкий узор. Но не знаю, примусь ли за работу над ней теперь же. Во всяком случае до Святков я выпущу у М.Саб[ашникова] том «Индийского театра»²²...

РГБ РО, ф. 57, оп. 1, д. 136, л. 26. Автограф. Опувл.: Ашвагхоша, с. 553.

12.VII.1914 г. (из Сулака):

...Я изучаю тексты драм для задуманного мною «Индийского театра». Красивая Сакунтала не более как первая ласточка. Кстати, только что принесли мне открытку от М.Саб[ашникова]. Он отправил первые действия (теперь, наверное, уже все) в набор...

РГБ РО, ф. 57, оп. 1, д. 136, л. 28. Автограф. Опувл.: Ашвагхоша, с. 553.

5.VIII.1914 г. (из Сулака):

...Занят совсем не воинственным делом: читаю индусские книги и перевожу очаровательную любовную драму Калидасы «Малявика и Агнимитра».

РГБ РО, ф. 57, оп. 1, д. 136, л. 54. Автограф. Опувл.: Ашвагхоша, с. 554.

17.IX.1914 г. (из Сулака):

...Эти дни был очень увлечен священными гимнами «Атхарвы-Веды»²³. Воспроизводил по-русски «Песнопение Земле». Пошлю тебе завтра в письме...

РГБ РО, ф. 57, оп. 1, д. 137, л. 5. Автограф. Опувл.: Ашвагхоша, с. 22.

18.IX.1914 г. (из Сулака):

Милая, шлю тебе «Песнопение Земле» из «Атхарвы-Веды»... Тебя удивит этот гимн: в нем столько «Бальмонта». Однако перевод дословный и я никогда раньше не читал «Атхарвы-Веды», я знал лишь «Риг-Веду»²⁴...

РГБ РО, ф. 57, оп. 1, д. 137, л. 7. Автограф. Опувл.: Ашвагхоша, с. 22.

16.XI.1914 г. (из Парижа):

...Если ты выдаешься с Мишей Сабашниковым, спроси его, пожалуйста, думает ли он печатать теперь же «Сакунталу», или это неосуществимо. Если да, прошу прислать мне корректуру. Ограничусь одной. Скажи ему также, что я кончаю другую драму Калидасы «Малявика и Агнимитра». Посылать ли ему рукопись или пока подождать...

Печ. по: Ашвагхоша, с. 554.

5.XII.1914 г. (из Парижа):

...Сабашникову дважды я писал, — или он забыл, или не получил писем, — что я весьма хочу напечатать том Калидасы, и если б я имел отклик и твердое обещание прислать корректуры, этот том был бы уже почти цельностью готов. «Малявика и Агнимитра» переведена более чем наполовину, не кончил из-за ощущения ненужности работы. Теперь примусь за нее вплоть и в одну неделю кончу. Без промедления примусь и за «Урваси». Статью о Калидасе я просил бы исходатайствовать у Сергея Федоровича Ольденбурга²⁵, академика, он большой знаток Индии, человек достойный, и ко мне, кстати, по видимости, относится хорошо. Попроси Мишу Саб[ашникова] об этом от меня. Если тот откажется, пусть Миша сперва мне сообщит имя того, к кому он думает обратиться, ибо я не приму к своему тому статью любого, хотя бы и знаменитого. Сам же писать статью о Калидасе считаю неуместным, ибо я не сведущ в санскрите. Примечания изготовлю сам.

РГБ РО, ф. 57, оп. 1, д. 137, л. 33, 34. Автограф. Опул.: Ашвагхоша, с. 555.

25.XII.1914 г. (из Парижа):

Я все это последнее время был всецело поглощен окончанием «Малявики и Агнимитры». Я писал о «Малявике», что она мне очень нравится своей тонкостью и живостью. «Урваси» перевожу. Сабашникову о Калидасе писал.

РГБ РО, ф. 57, оп. 1, д. 137, л. 40, 40а. Автограф. Опул.: Ашвагхоша, с. 556.

14.I.1915 г. (из Парижа):

Я уже серьезно начал думать об отъезде в Россию, но хочется предварительно закончить намеченные чтения и подготовить разные рукописи, чтоб не с пустыми руками приехать... Надеюсь к отъезду, в марте, закончить «Урваси» Калидасы... Пошли мне, пожалуйста, какую-нибудь грамматику санскритского языка на русском языке²⁶...

Печ. по: Ашвагхоша, с. 561.

9.II.1915 г. (из Парижа):

Получил твою радостную открытку, от 10 января, с сообщением об успехе «Сакунталы», как книги (я ее еще не видел). Как это приятно!.. Прочла ли ты «Малявику»? Это как бы юношеское предчувствие «Сакунталы». А «Урваси» гаснущее воспоминание о ней. Весь том будет очень цельным...

РГБ РО, ф. 57, оп. 1, д. 138, л. 13. Автограф. Опул.: Ашвагхоша, с. 561.

9.III.1915 г. (из Парижа):

...Приближаюсь к концу «Урваси». Завтра высылаю Сабашникову 2-е действие. Кончаю 4-е...

РГБ РО, ф. 57, оп. 1, д. 138, л. 27. Автограф. Опул.: Ашвагхоша, с. 562.

18.III.1915 г. (из Парижа):

...Я только что кончил «Урваси». Отсылаю рукопись М.Сабашникову...

РГБ РО, ф. 57, оп. 1, д. 138, л. 31. Автограф. Опувл.: Ашвагхоша, с. 563.

18.IV.1916 г. (из Хабаровска):

Давно не было от тебя никакой весточки, кроме посланного тобой тома «Калидасы». Он меня очень обрадовал. Я уже беспокоился и хотел телеграфировать Саб[ашникову]. Жаль все-таки, что он так замедлил выход книги. Вряд ли она успела к тому времени, когда в театральных кругах выбирают драмы для новых постановок...

РГБ РО, ф. 57, оп. 1, д. 138, л. 38. Автограф. Опувл.: Ашвагхоша, с. 565.

№ 274

5 января 1915 г. — Из письма К.Д.Бальмонта
М.В.Сабашникову о посылке ему перевода драмы
Калидасы «Малявика и Агнимитра» с пожеланием,
чтобы вступительная статья о Калидасе была написана
академиком С.Ф.Ольденбургом

5.I.1915 г. (из Парижа)

Миша, я послал тебе вчера перевод драмы Калидасы «Малявика и Агнимитра». Так как это юношеская драма Калидасы, в томе она должна стоять на первом месте, если размещать произведение хронологически, на втором — «Сакунтала», на третьем — «Урваси», или, в полностью воспроизводя заглавие, «Мужеством добытая Урваси». Эту последнюю вещь я уже почти наполовину перевел. Окончу до отъезда, уезжать же отсюда собираюсь в начале здешнего марта. К тому Калидасы я сделаю, в виде словарика, некоторые изъяснительные примечания (как в Асвагоше). Хорошо, если бы вступительную статью о Калидасе и особенностях индусского театра (подчеркнуто Бальмонтом. — *Сост.*) написал академик С.Ф.Ольденбург. Пошли ему, пожалуйста, мой перевод «Сакунталы». Если он его одобрит, верно, он не откажется написать соответствующий очерк. Пусть со временем кто-н[и]будь более сведущий, чем я, в Индии и санскрите переведет Калидасу. Его перевод будет иметь научное значение. Но уповаю, что художественное значение мой перевод имеет, и работа не пропадет...

Буду признателен за своевременную посылку корректуры...

Шлю искренний привет и наилучшие пожелания

твой К.Бальмонт.

P.S. Я думаю, что «Сакунтала» уже вышла. Если еще нет, прошу выпустить, сверив с моей корректурой, первой и не дожидаясь второй, которая, конечно, могла бы прийти лишь слишком поздно.

РГБ РО, ф. 261, карт. 2, д. 75, л. 22, 23. Автограф. Опувл.: Ашвагхоша, с. 556–557.

10 января 1915 г. — Письмо²⁷ М.В.Сабашникова академику
С.Ф.Ольденбургу с просьбой написать предисловие к книге
переводов К.Д.Бальмонта драм Калидасы

Его Превосходительству
Академику Сергею Федоровичу Ольденбургу
Петроград В[асильевский] О[стров]
Университетская Л[иния] 1.

Ваше Превосходительство Сергей Федорович!

Издательство М. и С. Сабашниковых предприняло издание под названием «Памятники мировой литературы», задачи которого изложены в прилагаемом проспекте и с характером которого Вы можете ознакомиться по высылаемым Вам одновременно бандеролью выпускам. Поэт Константин Дмитриевич Бальмонт готовит для нашего собрания стихотворные переводы Калидасы — «Сакунтала», «Малявика и Агнимитра» и «Урваси». Мы предполагаем выпустить эти вещи в одном томе, посвященном Калидасе, и нам очень хотелось бы иллюстрировать этот том подобно вышедшей у нас же книги Асвагоши «Жизнь Будды» и дать в нем кроме указанных переводов еще и историко-литературный очерк о Калидасе. По соглашению с К.Д.Бальмонтом (находящимся сейчас в Париже) мы обращаемся к Вам с просьбой не отказать нам в содействии в нашем начинании и составить для нашего издания очерк о Калидасе.

Как Вы усмотрите из посылаемых Вам книг наших, все наше издание рассчитано на интеллигентного читателя, не сделавшего, однако, своею специальностью изучение литературы и истории. Для такой публики вводный очерк о таком совершенно неизвестном ей писателе, относящемся к таким отдаленным временам, как Калидаса, совершенно необходим. Очерк этот не должен носить характера ученого исследования, может не преследовать полноты в исчерпании предмета, а скорее желательно, чтобы он был составлен доступно. Вероятно, двух листов окажется достаточным для того, чтобы дать читателю ориентировку, но в случае надобности можно было бы пойти и на некоторое расширение рамок. Усердно прошу Вас взять на себя составление этого очерка и помочь нам таким образом ознакомить читающие круги русские с автором и эпохой, доселе им совершенно неизвестными. В случае согласия Вашего не откажите сообщить лишь условия Вашего вознаграждения и указать, к какому примерно времени можно было бы ожидать от Вас статью.

Как видите, невзирая на войну, и переводчик, и издатель стараются не нарушать своей работы, хотя, конечно, печатание книги при условии присылки корректур в Париж и обратно при теперешних обстоятельствах требует раз в пять больше времени и в десять раз больше внимания. При таких условиях мы, однако, смогли уже дать публике в отдельном выпуске «Сакунталу», которая затем должна будет войти в общий том, посвященный Калидасе.

В надежде на Вашу поддержку и на согласие Ваше прошу принять уверения в глубоком моем уважении

М.Сабашников.

№ 276

6 мая 1915 г. — Письмо С.Ф.Ольденбурга М.В.Сабашникову
с согласием написать предисловие к стихотворным переводам
драм Калидасы

Академия наук
Петроград

Милостивый государь Михаил Васильевич!

Письмо Ваше от 10 января по вопросу о переводах Калидасы и предисловия к ним я получил только теперь, по возвращении из экспедиции в Китай. Не знаю поэтому, не изменились ли Ваши намерения. Чрезвычайно сочувствую Вашему намерению познакомить русских читателей с памятниками индийской литературы.

Я мог бы дать предисловие к Калидасе, но не ранее осени, так как в настоящую минуту и значительную часть лета должен посвятить свое время приведению в порядок больших материалов моей последней экспедиции.

Двух печатных листов было бы, по-моему, вполне довольно, так как, конечно, всякие специальные подробности излишни для неспециалиста.

Что касается до вознаграждения, то я вполне предоставляю его Вашему усмотрению и от себя никаких условий не ставлю. Считаю только необходимым иметь две корректуры: в гранках и сверстанную.

Примите уверение в совершенном моем почтении

Сергей Ольденбург.

Печ. по: Ашвагхоша, с. 560.

№ 277

29 декабря 1915 г. — Письмо С.Ф.Ольденбурга
М.В.Сабашникову о посылке ему краткого очерка о Калидасе
для тома стихотворных переводов его драм К.Д.Бальмонтом

Непременный секретарь Императорской Академии наук
29.XII.1915

Милостивый государь Михаил Васильевич!

Посылаю «Несколько слов о Калидасе и его драмах и о сущности индийской поэзии». Постарался уложить свои мысли в краткий очерк, который, надеюсь, будет немногим больше листа. Я просил бы прислать мне корректуры в гранках, хотя никаких существенных изменений не внесу, только, может быть, замену несколько слов другими. Так что, если неудобно послать гранки, то могу вполне удовлетвориться и сверстанным. Корректуру задержу на один только день.

Я не согласен во многом с транскрипцией Константина Дмитриевича, но, конечно, принимаю ее. Одно только совершенно необходимо исправить в опечатках: надо читать не Пучпамитра, а Пушпамитра; ч. (Мал. и Агним.)* — просто недоразумение.

---

* В скобках Мал(явика) и Агним(итра) было написано Ольденбургом. Он же подчеркнул ч. (сост.).

Извиняюсь, что задержал Вас, но кроме моих текущих работ по Академии, как Непременного секретаря, я занят еще и Советом по обороне, в котором участвую как член Государственного Совета. Надеюсь, что последнее обстоятельство послужит извинением мне перед Вами и Константином Дмитриевичем.

Примите уверения в совершенном почтении и преданности

Сергей Ольденбург.

Рукопись послана сегодня же заказной бандеролью.

Печ. по: Ашвагхоша, с. 564.

№ 278

*16 января 1916 г. — Письмо С.Ф.Ольденбурга
М.В.Сабашникову о получении им корректуры
тома переводов К.Д.Бальмонта драм Калидасы*

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Получил корректуру 14 вечером, возвращаю 16 утром. Если возможно, прошу сверстанную, так как в первой корректуре было довольно много ошибок*. Извиняюсь, что долго не отвечал насчет иллюстраций, старых туземных светских нет, а новое, хотя и изящно иногда, но представляет досадную, с моей точки зрения, смесь Востока и Запада, именно смесь, а не соединение: пока еще не найдены, по-моему, истинные пути к этому единению.

Выученики английских школ молодые живописцы утратили непосредственность своих предков, и потому пока в современной индийской живописи чувствуется та «манерность», которая не может быть в истинном искусстве.

Извиняюсь за эти несколько длинные объяснения, но мне хотелось указать, почему я не могу указать на иллюстрации к Калидасе. Ярким образчиком может служить иллюстрация (я оставляю, конечно, в стороне технические несовершенства воспроизведения) к «Облаку-вестнику» Риттера²⁸: это ни Восток, ни Запад, а плохая смесь.

Большое спасибо за Фукидида²⁹, какая великолепная вещь Ваши памятники мировой литературы и какое спасибо мы должны Вам сказать за них!

И это отраднo, что это *свое, свои* переводы.

Примите уверения в искреннем моем уважении,

Сергей Ольденбург.

Печ. по: Ашвагхоша, с. 564–565.

Примечания

¹ В данном блоке использованы документы и материалы, приведенные в очерках акад. Г.М.Бонгард-Левина «Индийская культура в творчестве К.Д.Бальмонта», «Бальмонт —

* Если неудобно, конечно, отказываюсь, но прошу проверить мои исправления (*примеч. автора*).

переводчик Калидасы» и «История Бальмонтского перевода» в книге: *Ашвагхоша. Жизнь Будды. Калидаса. Драм. Пер. К.Бальмонта.* Научная редакция Г.М.Бонгард-Левина. М., 1990, с. 6–27, 551–568, 263–278.

² Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) родился во Владимирской губернии, в 1886 г. поступил в Московский университет, но был исключен за участие в студенческом движении, увлекался культурой и этнографией Востока, в частности, Индии, Египта, Полинезии и Океании, а также древней Мексики, был полиглот — хорошо знал 12 европейских языков, несколько хуже — грузинский, изучал японский и санскрит, много путешествовал, побывал кроме Европы, в Китае, Японии, Австралии, Цейлоне, Индии и других странах. Индию К.Д.Бальмонт посетил в 1912 г. во время кругосветного путешествия, побывав в Бенаресе, Агре, Бомбее. Увлечение древней индийской литературой, философией, религией, продолжавшее всю жизнь и оказавшее значительное влияние на Бальмонта и его поэзию, началось в 90-х годах XIX в. В то же время он познакомился с работами Е.П.Блаватской по теософии, начал изучать труды индологов М.Мюллера, С.Леви, И.П.Минаева и др. Так, Бальмонт пишет М.В.Сабашникову из Франции 1 января 1913 г.: «Возобновляю прошлогодною просьбу: пришли мне, пожалуйста, если возможно (хоть на краткое подержание), книги: Ольденберг „Будда“ и исследования по буддизму Минаева и Васильева...» (РГБ РО, ф. 261, карт. 2, д. 75, л. 1). Речь шла о книгах: *Ольденберг Г.* Будда, его жизнь, учение и община. Пер. с нем. Изд. К.Т.Солдатенкова. М., 1884 и *Васильев В.П.* Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 1. СПб., 1857.

Бальмонт читал «Ригведу», «Бхагавадгиту», «Атхарваведу», «Законы Ману», драму Шудраки «Глиняная повозка», перевел с европейских языков и опубликовал «Индийские афоризмы» Бгартригари (1914 г.), «Жизнь Будды» Ашвагхоши (1913 г.), «Индийские цветы» Бгартригари (1915 г.), гимн «Песнопение земле» из Атхарваеды (1915 г.), перевел фрагменты гимнов Ригведы и Упанишад, драмы Калидасы «Малыка и Агнимитра», «Сакунтала» и «Мужеством добытая Урваши». Он написал очерки о творчестве Калидасы («Слово о Калидасе», «Любовь и ревность в творчестве Калидасы»), статью о Тагоре (1925 г.). К.Д.Бальмонт опубликовал массу своих стихов, навеянных Индией (см. раздел «Индийские травы» в кн. «Горящие здания. Лирика современной души». М., 1900; «Литургия красоты». М., 1905; «Белый зодчий». СПб., 1914; «Ясень». М., 1916; «Где мой дом. Очерки (1920–1923)». Прага, 1924; «Дыхание Ганга» (в газете «Воля России»). Прага, 1924). В Париже в 1936 г. им написаны 4 стихотворения под общим названием «Индийская мысль», в 1939 г. — «Бенгальские песни». Подробнее о К.Д.Бальмонте см.: *Бонгард-Левин Г.М.* Индийская культура в творчестве К.Д.Бальмонта. — *Ашвагхоша. Жизнь Будды. Калидаса. Драм. Пер. К.Бальмонта.* М., 1990, с. 3–30; см. там же: Калидаса и его судьба в России, с. 285–298, там же: Бальмонт — переводчик Калидасы, с. 551–568.

³ Ашвагхоша (у К.Д.Бальмонта — Асвагоша) (жил во II в. н.э.) — индийский поэт, родился в брахманской семье, писал на санскрите. Один из основателей махаяны — северного направления в буддизме. Автор поэм «Жизнь Будды» («Буддхачарита»), «Саундаранда», драмы «Преображение Шарипутры» и др. Из санскритского оригинала «Жизнь Будды» дошло только 13 с половиной песен, в китайском и тибетском переводах — 28. Это произведение в переводе К.Д.Бальмонта вышло в Москве в 1913 г.

⁴ Калидаса (около V в.) — крупнейший индийский поэт и драматург средневековья, по происхождению брахман, живший при дворе Чандрагупты (380–413) из династии Гуптов. Других достоверных биографических данных нет. Калидаса является автором лирических поэм «Облако-вестник» («Мегхадута»), «Времена года», эпических поэм «Род Раху», «Рождение Кумары», трех драм: «Малыка и Агнимитра», «Сакунтала» («Узнанная по кольцу Шакунтала»), «Урваси» («Добытая мужеством Урваши»). Его поэмы были переведены на ряд языков Южной, Юго-Восточной и Центральной Азии еще в средние века. Европе Калидаса стал знаком впервые в 1789 г. по переводу драмы «Сакунтала» английским ученым В.Джонсом. В России впервые I и IV акты этой драмы появились в 1792 г. в переводе Н.М.Карамзина с немецкого языка, затем она переводилась несколько раз с западных языков, а в переводе с санскрита, сделанном А.Путятой, драма появилась в 1879 г.

В переводе К.Д.Бальмонта «Сакунтала» впервые вышла в свет в Москве в 1915 г., а 12 декабря этого же года в Камерном театре в Москве состоялась премьера этой драмы в постановке А.Я.Таирова с А.Г.Коонен в главной роли. Второе издание вышло в 1955 г. В 1916 г. в Москве вышли в переводе К.Бальмонта с французского три драмы Калидасы со вступительной статьей С.Ф.Ольденбурга. Эта книга переиздавалась дважды — в 1956 и 1990 гг.

⁵ Сабашников Михаил Васильевич (1871–1943) — московский книгоиздатель. Книгоиздательство братьев Сабашниковых (младший брат — Сергей Васильевич, 1873–1909) было основано в 1890 г. и просуществовало до 1930 г. Издательство выпускало преимущественно естественнонаучные и историко-литературные книги, в том числе и серии «Памятники мировой литературы», «Русские пропилеи» и др.

⁶ Эти мысли не раз повторялись К.Д.Бальмонтом: «Почему так льнем мы к Греции и Риму, к заезженным дорогам латинским и эллинским? Почему не ищем мы художественной красоты и примеров высокого подвига, явлений высокого духа в таких странах, как Индия, Китай и Япония? Там есть все, что мы любим, и есть еще то, чего мы не знаем...» (РГАЛИ, ф. 57, оп. 1, д. 69(3), л. 271а).

⁷ Бил, Самюэль (1825–1889) — английский синолог. Окончил колледж в Оксфорде, был капелланом на морской базе в Китае, с 1856 по 1858 г. — военным переводчиком, затем профессором китайского языка университетского колледжа в Лондоне; автор нескольких работ, в том числе и перевода с китайского языка «Жизни Будды» Ашвагхоши.

⁸ Дхармаракша (Дхармакшема) — индийский поэт V в. н.э., переведший на китайский язык поэму Ашвагхоши «Жизнь Будды».

⁹ Имеется в виду серия «Памятники мировой литературы. Творения Востока». М., 1916.

¹⁰ Леви, Сильван (1863–1935) — французский индолог и синолог, написал предисловие к переводу К.Д.Бальмонта поэмы «Жизнь Будды» Ашвагхоши и оказал большую помощь разъяснениями положений и терминов буддизма, отдельных моментов сюжета и реалий, встречающихся в поэме.

¹¹ Поль Буайе (Бойэ) (1864–1949) — французский славист, ректор и преподаватель русского языка Школы живых восточных языков в Париже, многократно бывавший в России и встречавшийся с русскими учеными-славистами, писателями и поэтами, в частности с Л.Н.Толстым, А.Блоком.

¹² Бальмонт (Андреева) Екатерина Алексеевна (1867–1950) — с 1896 г. вторая жена К.Д.Бальмонта, переводчица.

¹³ К.Д.Бальмонт придавал большое значение звучанию своих переводов, подчеркивая разницу между европейской и восточной музыкой: «Кто привык к европейской музыке, гениальной, нередко божески прекрасной, — Лоэнгрин, Девятая симфония, Бах, Шуман и Шопен, — но всегда таящей в себе основное свойство нашей европейской души — рассудочность, логичность, мотивированность, начало и конец, тот полюбит страстной, скажу — неутолимой любовью восточную музыку, если судьба забросит его в Индию и на вулканическую Яву. Индусская музыка, и в особенности яванская, неизъяснимо очаровательна тем, что всегда совершенно немотивированна, она без начала и конца, она приходит неизвестно откуда и уходит неизвестно куда, она начинает звучать, когда мы менее всего этого ожидали, и прекращается внезапно, когда вся душа раскрылась, чтобы ее слушать, так что на всю жизнь остается впечатление, что вот видел однажды божеский сон, но он лишь сверкнул, поманил и исчез. И в этой неудовлетворенности души есть вечная включенность души в мечту, которую воздушно качнула яванская музыка, благозвонно и сонно прозвонев, где-то там за рекой, своим певучим гамелангом...» (РГАЛИ, ф. 57, оп. 1, д. 69(1), л. 80).

Гамеланг (гамелан) (*от яван. gamelan* — шуметь, стучать) — национальный индонезийский оркестр, звучание которого отличается гибкостью динамики и своеобразием тембровых красок. Основу его составляют ударные и струнные щипковые, деревянные и шумовые инструменты.

¹⁴ Балтрушайтис Юргис (1873–1944) — литовский поэт, писал также по-русски, входил в число известных русских символистов. Имя поэта связано с историей ряда постановок

МХТ (например, «Синей птицы» Метерлинка), с началом деятельности А.Г.Коонен и А.Я.Тайрова. В 1921–1939 гг. был полномочным представителем Литвы в СССР, с 1939 г. жил в Париже. Автор ряда сборников стихов на русском языке: «Земные ступени» (1911 г.), «Горная тропа» (1912 г.), «Лилия и серп», начатый еще до первой мировой войны и вышедший в 1948 г.; перевел с английского языка «Гитанджали» Р.Тагора, книга вышла в 1913 г. в Петербурге и в 1914 г. в Москве. Высокую оценку этому переводу Балтрушайтиса дал Н.К.Рерих.

¹⁵ Сарасвати — в индусской мифологии супруга Брахмы, богиня мудрости, покровительница наук и искусств.

¹⁶ Кришна — один из главных богов в индуизме, 8-е воплощение (аватара) бога Вишну.

¹⁷ Шелли, Перси Биш (Биши) (1792–1822) — английский поэт-романтик. Автор поэм «Королева Маб» (1813 г.), «Восстание ислама» (1818 г.) и др. К.Д.Бальмонт перевел драму Шелли «Освобожденный Прометей», вышедшую в 1904 г., в 1907 г. была опубликована в его переводе трагедия «Ченчи».

¹⁸ Словацкий Юлиуш (1809–1849) — польский поэт, представитель революционного романтизма, писал исторические и сказочные драмы «Бенёвский», «Мазепа», «Мария Стюарт», автор поэмы «Король-Дух» и др. К.Д.Бальмонт перевел три драмы Словацкого: «Балладина», «Лилия Венеда», «Гелион-Эолион» (см.: *Словацкий Ю.* Три драмы. Пер. с польского стихами К.Д.Бальмонта. М., 1911).

¹⁹ Гёте прочел драму Калидасы «Сакунтала» в немецком переводе Георга Форстера (1791 г.). В статье «Об индийской и китайской поэзии» Гёте писал: «Мы были бы в высшей степени неблагодарными, если бы не отдали должного творениям индийской поэзии, и именно тем из них, которые потому уже удивления достойны, что, поднявшись в своей счастливейшей естественности над конфликтом самой запутанной философии, с одной стороны, и самой чудовищной религии — с другой, берут из обеих лишь то, что способствует внутренней углубленности и совершенству формы.

Прежде всего здесь необходимо назвать „Сакунталу“, перед которой мы вот уже многие годы все испытываем чувство восхищения. Женственная чистота, невинная покорность, непостоянство мужа, материнская самоуглубленность, отец и мать, которых вновь соединила любовь к сыну; самые естественные состояния человеческой жизни, здесь, однако, поэтически вознесенные в сферу чуда, которое парит между небом и землей, как напоенные влагой облака; и в то же время обычная драма природы, где все роли исполняют боги и дети богов...» (см.: *Гёте И.-В.* Собр. соч. в 10-ти томах. Т. 10. М., 1980, с. 326).

«Сакунтале» Гёте посвятил и следующее четверостишие:

Хочешь цветов весны, плодов осенней поры,
Хочешь то, что влечет и восхищает, то, что насыщает и питает,
Хочешь в одном слове назвать и небо и землю —
Я называю тебя, Сакунтала, и этим все сказано.

(см.: *Гёте И.-В.* Собр. соч. в 10-ти томах. Т. 1. М., 1975, с. 239).

²⁰ Гердер, Иоганн Готфрид (1744–1803) — немецкий философ, литературовед, богослов, писатель, учитель и друг И.В.Гёте. Перевел драму Калидасы «Сакунтала».

²¹ Джонс, Вильям (1746–1794) — английский ориенталист и юрист, первым перевел драму Калидасы «Сакунтала» в 1789 г.

²² «Индийский театр» — видимо, рабочее название подготовлявшейся им книги переводов драм Калидасы.

²³ Атхарва-Веда (Атхарваведа) — содержит магические заклинания и формулы и составляет с Ригведой, Самаведой и Яджурведой древнейший памятник индийской религиозной литературы конца II — начала I тысячелетия до н.э. — Веды.

²⁴ Риг-Веда (Ригведа) — собрание гимнов мифологического и космологического содержания, первый известный памятник индийской литературы, оформился к X в. до н.э.

²⁵ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) — востоковед, санскритолог, специалист по индийской литературе. Вступительная статья (очерк) С.Ф.Ольденбурга в I томе драм Калидасы в переводе К.Д.Бальмонта вышла в Москве в 1916 г.

²⁶ В России в то время уже существовало достаточное количество исследований, учебных пособий и словарей по санскриту, например: *Петров П.Я.* О свойствах и составе санскритского языка (1842 г.); *он же.* Санскритская грамматика (1865 г.); *Коссович К.А.* Санскритско-русский словарь (1854–1856 гг.); *Миллер В.Ф.* и *Кнауэр Ф.И.* Руководство к изучению санскрита (1891 г.); *Кнауэр Ф.И.* Учебник санскритского языка. Грамматика. Хрестоматия. Словарь. (1908 г.); *Риттер П.Г.* Что такое санскрит? (1900 г.); *он же.* Санскрит (1911 г.) и др.

²⁷ Это письмо было отправлено позднее, в апреле, когда С.Ф.Ольденбург вернулся из экспедиции в Восточный (Китайский) Туркестан.

²⁸ Риттер Павел Григорьевич (1872–1939) — украинский санскритолог, сделавший ритмический перевод поэмы Калидасы «Облако-вестник» (Megha-duta), вышедший в Харькове в 1914 г. Автор работ: Калидаса, его время и произведения. — Сб. статей в честь проф. В.П.Бузескула, Харьков, 1914; Дандин и его роман «Похождения десяти юношей» (К истории древнеиндийской беллетристики). Харьков, 1898; Краткий курс санскритской грамматики. Харьков, 1904 и др.

²⁹ Фукидид (ок. 460–400 гг. до н.э.) — древнегреческий историк. Автор известнейшей работы, посвященной истории Пелопоннесской войны. М.В.Сабашников, видимо, выслал вышедшую в его издательстве книгу: *Фукидид.* История. Пер. Ф.Мищенко, в переработке с примечаниями и вступительным очерком С.Жебелева. I–II. М., 1915.

№ 279–282

30 сентября 1911 г. — 13 февраля 1913 г. — Документы о русских зоологических экспедициях в Индию во главе с С.Н. фон Виком

№ 279

*30 сентября 1911 г. — Ходатайство неперемного секретаря
Императорской Академии наук академика С.Ф.Ольденбурга,
направленное министру иностранных дел С.Д.Сазонову,
о командировке в Индию русской зоологической экспедиции*

Господину министру иностранных дел.

В первой половине ноября текущего года Императорская Академия наук командировет в Британскую Индию, на срок от четырех с половиною до пяти с половиною месяцев, землевладельца Пензенской губернии, состоящего в запасе по Донскому Казачьему Войску сотника Сергея Николаевича фон-Вик, капитана Кавказской гренадерской артиллерийской бригады Александра Владимировича Андреевича Функсона для сбора зоологического материала в видах пополнения коллекции Зоологического музея Академии.

Доводя об изложенном до сведения Вашего Высокопревосходительства, Императорская Академия наук имеет честь покорнейше просить Вас не отказать исходатайствовать у великобританского правительства разрешение г-ну фон-Вик

и его спутникам на посещение с указанной целью Синда, Солимановых гор, Пенджаба, а затем Западного Кашмира, а равно испросить разрешение того же правительства на провоз названными участниками экспедиции охотничьих ружей: 3-х гладкоствольных и 3-х нарезных, а также на беспошлинный пропуск из России в пределы Британской Индии предметов снаряжения для собирания и консервирования зоологических коллекций (как то: банок, инструментов и т.п.) и необходимого количества спирта для препаратов².

О последующем Императорская Академия наук просит не оставить ее уведомлением.

Непременный секретарь, академик Сергей Ольденбург.

На полях имеется рукописная помета: «Гр. Бенкендорфу».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1083, л. 2 и об. Подлинник.

№ 280

*1 декабря 1911 г. — Нота Министерства иностранных дел
Великобритании послу России в Лондоне графу
А.К.Бенкендорфу по поводу командировки в Индию
русской зоологической экспедиции во главе с С.Н.фон Вико*

Срочно.

Ваше Превосходительство,

В продолжение моей ноты от 30 истекшего месяца, касающейся предполагаемой русской зоологической экспедиции в Индию, честь имею известить Вас, что согласно сообщению, последовавшему от Департамента по делам Индии, против отправки этой экспедиции возражений в принципе нет, однако запрошенная в данном сообщении информация должна быть представлена для утверждения деталей, и в любом случае считающееся возможным запланированное посещение горного массива Талхт-и-Сулейман³ практически неосуществимо.

Что касается содействия на таможене, честь имею передать Вашему Превосходительству копию действующих таможенных правил и пояснить, что при реэкспорте изделий, с которых пошлина уплачена, $\frac{7}{8}$ размера пошлины возвращаются при условии, что эти изделия могут быть идентифицированы и реэкспорт осуществляется в течение двух лет.

Что касается импорта огнестрельного оружия и боеприпасов, также имею честь приложить копии правил по этим вопросам и обратить Ваше внимание на полный запрет на провоз оружия .303 и .450 калибров.

Не сомневаюсь, что в данном случае индийские таможенные власти воздержатся от того, чтобы чинить необоснованные препятствия.

Честь имею быть и пр.

(подпись) За министра Льюис Моллет⁴.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1083, л. 14 и об. Копия. Пер. с англ. составителя.

8 декабря 1912 г. — Письмо неперменного секретаря
 Академии наук академика С.Ф. Ольденбурга
 министру иностранных дел С.Д. Сазонову
 о второй зоологической экспедиции С.Н. фон Вика⁵
 в Северо-Западную Индию

Господину министру иностранных дел.

В первой половине будущего 1913 года Императорская Академия наук вновь командирует в северо-западную часть Британской Индии и прилежащие к ней местности землевладельца Пензенской губернии, состоящего в запасе по Донскому Казачьему Войску сотника Сергея Николаевича фон-Вик, в сопровождении препаратора, для сбора зоологического материала в видах пополнения коллекций Зоологического музея Академии.

С.Н. фон-Вик предполагает начать свои работы в Синде, главным образом близ гор Nola Mountains, затем проехать по железной дороге в Кветту и Пишин и произвести сборы в юго-западной части хребта Хаджа-Амран; затем намеревается по железной дороге доехать до станции Рарнай и оттуда пройти по большой дороге, производя сборы по сторонам на 1–2 версты, через Лоралай, Анамбар, Кингри, свернуть на юг вдоль Сулейманова хребта на Хурч-камун и через Кар, Сахи-Сарвар выйти на Дери-Гази-Хан, направиться железной дорогой в Пешавер, оттуда к горе Сикарам по южному склону хребта Сефид-Кух и обратно на станцию железной дороги Тал по реке Кураму. После этого он предполагает произвести сборы в Соляном хребте и там закончить экспедицию.

С.Н. фон-Вик поедет в сопровождении препаратора и пробудет в экспедиции с конца января по июль 1913 года.

Получение зоологического материала из означенных в маршруте экспедиции С.Н. фон-Вика мест Академия наук считает чрезвычайно важным не только ввиду пополнения коллекций Зоологического ее музея, но главным образом для выяснения целого ряда важных вопросов по систематике и географическому распространению весьма многих форм и групп животных, обитающих в России.

Во многих случаях имеются указания на связь фауны южных частей Кавказа, Закаспийской области, Бухары и Туркестана с фауной индийской; для выяснения этих отношений имеющийся в Зоологическом музее Академии материал из северо-западной Индии совершенно недостаточен, и получение нового материала в достаточном количестве может быть достигнуто только снаряжением экспедиции.

На основании изложенного Императорская Академия наук имеет честь почтительнейше просить Ваше Высочайшее Превосходительство не отказать исходатайствовать у великобританского правительства разрешение г-ну фон-Вик и его спутникам на посещение указанных выше местностей для сбора в них, по поручению Академии, зоологического материала.

О последующем Императорская Академия наук просит не оставить ее уведомлением.

Неперменный Секретарь,
 ординарный академик Сергей Ольденбург.
 Правитель Канцелярии Конференции бар. В. Штапельберг.

13 февраля 1913 г. — Письмо Генерального консула
в Калькутте К.Д.Набокова старшему советнику МИД
В.О. фон Клемму о нецелесообразности дальнейших попыток
получить разрешение правительства Великобритании
на вторую поездку в Индию зоологической экспедиции
С.Н. фон Вика

Совершенно частное.

Многоуважаемый Василий Оскарович.

В дополнение к моим телеграммам от 8-го и 12-го февраля нов[ого] ст[илия] считаю долгом препроводить при сем под открытою печатью ответ д[ействи- тельному] с[татскому] с[оветнику] Ольденбургу, «вечному» (как он пишет «perpetuel»* вместо «permanent»**) секретарю Академии наук, на письмо его, которым он просил меня оказать содействие к получению от индийского прави- тельства разрешения на поездку г. фон Вика по Северо-Западной Индии. Я при- знаю существенно необходимым, чтобы Вы были вполне осведомлены об этом деле, и потому кроме моего письма к г. Ольденбургу, которое Вы, надеюсь, не откажете по прочтении переслать по назначению, сообщаю Вам выписку из со- вершенно частного письма ко мне помощника секретаря по иностранным делам, а также текст телеграммы, которую я счел долгом отправить императорскому послу в Лондон. Графу Бенкендорфу я телеграфировал: «Индийское правитель- ство не дает разрешения на посещение северо-западной границы по мотивам не- оспоримым. Во многие местности, указанные в маршруте ф. Вика, даже англий- ские офицеры не допускаются без эскорта. Смею думать, что дальнейшие на- стояния вызовут здесь вполне понятную подозрительность и раздражение, и без- резульатная поддержка их может только вредить нашему достоинству».

Помощник секретаря по иностранным делам пишет мне из Дели: «...His Majesty's Government consulted us the other day as to Mr. v.Wick's proposed journey, and in reply we were forced to discourage it, as his itinerary is for the most part through disturbed areas where escorts would be necessary. It is most improbable that H.M.'s Government will agree to the journey in the face of our reply. We are very sorry to have to pour cold water on the undertaking, but many of the places are such as our own officers even are not permitted to visit without special sanction and arrangement»***.

Насколько мне известно, как Академия наук, так и сам состоящий в запасе по Донскому Казачьему Войску сотник фон Вик осведомлены о том, что индий- ское правительство не дает разрешения на посещение многих из местностей, ука- занных в его маршруте. В бытность г. ф. Вика в Калькутте в прошлом году он

* perpetuel (англ.) — вечный, пожизненный, бессрочный (сост.).

** permanent (англ.) — постоянный, permanent secretary — непременный секретарь (сост.).

*** На днях правительство Его Величества спросило наше мнение по поводу предполагаемого путешествия г-на Вика, и мы были вынуждены дать отрицательный ответ, поскольку маршрут в большей его части будет проходить по территории, охваченной волнениями, где эскорт будет не- обходим. Маловероятно, чтобы правительство Его Величества дало согласие на это путешествие, имея в виду наш ответ. Нам очень жаль охладить такой энтузиазм, но посещение многих мест [означен- ных в маршруте,] разрешено даже нашим собственным офицерам не иначе как по специальному предписанию и договоренности (сост.).

выражал Л.Х.Ревелиоти желание посетить северо-запад, но затем отказался от этого намерения, когда ему было указано управляющим Генеральным консульством, что просьба об этом несомненно была бы отклонена.

Из моего ответа д[ействительному] с[татскому] с[оветнику] Ольденбургу Ваше Превосходительство увидите, что мое личное участие в этом деле ограничилось лишь частным письменным запросом в Дели; на большее я не имел права без Ваших указаний. Смею надеяться, что Вы разделите мою точку зрения и согласитесь, что, оказывая поддержку подобного рода домогательствам, по вполне понятным и веским причинам обреченным на неудачу, мы подвергаем испытанию достоинство как императорского министерства, так и посольства в Лондоне.

Пользуюсь случаем, чтобы возобновить Вам, многоуважаемый Василий Оскарович, уверение в отличном моем почтении и таковой же преданности.

К.Набоков.

На полях первой страницы имеются рукописные пометы:

- 1) «Приложение послано Ольденбургу. 18.II.13 г. В.Клемм».
- 2) «Что было сделано нами по этому делу?»

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1083, л. 36–39. Подлинник.

Примечания

¹ Зоологический музей АН ведет свою историю от Кунсткамеры Петра I.

² Такое разрешение было получено. В результате С.Н.Вик имел при себе все необходимое снаряжение для собирания и консервирования зоологических коллекций (3 ведра спирта, формалин, мышьяк, цианистый калий, хлороформ и др.), а также «2 винтовки (1 трехлинейка и 1 Маузер кал. 8), 2 гладкие двустволки, до 2000 разных патронов, 2 браунинга».

³ В тексте ошибочно; следует: Тахт-и Сулейман (перс. «тахт» — трон; букв. «трон Сулеймана»).

⁴ Льюис Моллет (1864? — после 1915), английский дипломат и государственный деятель, с 1888 г. на службе в МИД, в 1907–1913 гг. — помощник заместителя министра иностранных дел.

⁵ Сергей Николаевич фон Вик опубликовал «Путевые заметки при зоологических экспедициях на северо-восток Индии и на Голубой Нил». СПб., 1914, 145 с., с иллюстрациями и картами.

№ 283–286

**28 октября 1911 г. — 22 апреля 1912 г. —
Документы о русской зоологической экспедиции
в Индию во главе с А.Н.Авиновым**

№ 283

*28 октября 1911 г. — Ходатайство
Императорской Академии наук,
направленное министру иностранных дел С.Д.Сазонову,*

Господину министру иностранных дел.

В будущем 1912 году Императорская Академия наук командует в Британскую Индию (Сикким, Кветту, Западный Кашмир, Ладак, Соляные Горы и Кара-Корумское нагорье), на срок от 8 до 9 месяцев, начиная с 1 февраля 1912 года, зоологов Андрея Николаевича Авинова и Алексея Георгиевича Якобсона, с поручением собрать зоологический материал для Зоологического музея Академии.

Доводя о сем до сведения Вашего Высокопревосходительства, Императорская Академия наук имеет честь просить Ваше Высокопревосходительство не отказать войти в сношения с великобританским правительством по вопросу об оказании возможного содействия гг. Авинову и Якобсону во время их пребывания в пределах Британской Индии.

О последующем Императорская Академия наук просит не оставить ее уведомлением.

Непременный секретарь, академик Сергей Ольденбург.

На полях имеются рукописные пометы:

1) «Заготовить письмо гр. Бенкендорфу». 2) «Salt Range (соляной хребет)».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1050, л. 1. Подлинник.

№ 284

18 января 1912 г. — Меморандум

*Министерства иностранных дел Великобритании,
направленный послу России в Лондоне графу А.К.Бенкендорфу,
по поводу планируемой русской зоологической экспедиции
в Индию А.Н.Авинова и А.Г.Якобсона*

Министр иностранных дел Его Величества¹ свидетельствует свое почтение российскому послу и имеет честь подтвердить получение письма от Вашего Превосходительства от 16-го текущего месяца, касающегося планируемой зоологической экспедиции в Индию господ Авинова и Якобсона.

Сэр Э.Грей имеет честь сообщить в ответ графу Бенкендорфу, что правительство Индии сожалеет, что не может разрешить экспедиции посетить Кветту, Сиким, Ладак и Каракорум, однако, если Императорская Российская Академия наук укажет, какие зоологические образцы она желает получить из указанных районов, то, безусловно, можно будет предоставить таковые для коллекции.

Против посещения экспедицией Западного Кашмира никаких возражений нет, в то время как вопрос о посещении Соляного хребта обсуждался в письме сэра Э.Грея от 17-го текущего месяца, разминувшемся с отношением графа Бенкендорфа, ответом на которое является настоящий меморандум.

Кроме того, правительство Индии считает желательным, во избежание в дальнейшем недоразумений, чтобы была представлена четкая и подробная программа

предполагаемого путешествия и чтобы члены экспедиции не покидали Европу прежде, чем эта программа будет рассмотрена и одобрена.

Министерство иностранных дел Великобритании, 18 января 1912 г.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1050, л. 21 и об. Копия. Пер. с англ. составителя.

№ 285

21 января 1912 г. — Ходатайство вице-председателя Императорского Русского Географического Общества² П.П.Семенова-Тян-Шанского³, направленное министру иностранных дел С.Д.Сазонову, о поездке зоолога А.Н.Авинова в Северную Индию с научной целью

Милостивый государь Сергей Дмитриевич.

Действительный член Императорского Русского Географического Общества камер-юнкер Высочайшего двора Андрей Николаевич Авинов предпринимает на свой счет строго научное путешествие в северную Индию. По специальности зоолог, А.Н.Авинов задался целью выяснить фаунистическое распространение высокогорных форм, родственных с туркестанскими. В целях зоологических сборов и охоты он намерен посетить: Калькутту, Сикким, Кветту, Сринагар, восточную окраину Ладака, Кара-Корум, Яркенд, Кашгар и Андижан.

Ввиду изложенного и принимая во внимание важные заслуги Авинова в области энтомологии и зоологии, а также и тот научный интерес, который представляет указанное путешествие, предпринимаемое им на его счет, я, как вице-председатель Императорского Русского Географического Общества, позволяю себе обратиться к Вашему Высокопревосходительству с усерднейшей просьбой не отказать в ходатайстве Императорского Русского Географического Общества и разрешить выдать камер-юнкеру Авинову заграничный паспорт, а также уведомить представителей правительства в надлежащих местах об оказании Авинову содействия в предпринимаемом им путешествии.

Пользуюсь случаем, чтобы засвидетельствовать Вашему Высокопревосходительству чувства глубокого уважения и преданности.

П.Семенов-Тян-Шанский.

На полях имеется рукописная помета: «2 копии:

- 1) Копию при отношении в канцелярию, прося выдать заграничный паспорт.*
- 2) Упр[авляющему] Г[енеральным] к[онсульством] в Калькутте, прося о содействии и рекомендации местным властям (с копией)».*

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1050, л. 19 и об. Подлинник.

*22 апреля 1912 г. — Донесение исполнявшего обязанности
Генерального консула в Калькутте Л.Х.Ревелиоти товарищу
министра иностранных дел А.А.Нератову об экспедиции
А.Н.Авинова в Индию*

Милостивый государь Анатолий Анатолиевич,

Минувшего 23 марта мною была получена из императорского посольства в Лондоне телеграмма, предписывавшая мне уведомить командированного Географическим Обществом в Индию с научной целью камер-юнкера Высочайшего двора Авинова о том, что ему разрешено великобританским правительством посетить Равальпинди, Сринагар и некоторые области Кашмира, но отнюдь не Ладак, Шейок и Каракорамский проход.

Ввиду того, что главною целью экспедиции, организованной г. Авиновым на свои личные средства, было проникнуть на кашмирские плато высотой в 17.000 футов для собирания энтомологических коллекций, а также возвратиться в Россию через Туркестан, — запрещение посетить Ладак и Каракорам, единственный открытый для движения в это время года проход в северной части Индии, — делало достижение упомянутой цели неосуществимым для г. Авинова.

Узнав, по приезде в Калькутту, о том, каким ограничениям ему придется подвергнуться в своем путешествии, г. Авинов немедленно выехал в Симлу в надежде добиться через Генеральное консульство разрешения посетить ту часть Гималаев, в которой водятся экземпляры бабочек, необходимые для пополнения его коллекции.

Сославшись на полученную мною из Лондона телеграмму, казалось бы, исключавшую возможность дальнейшего обсуждения уже исчерпанного вопроса, я не скрыл от г. Авинова моего удивления по поводу того, что он счел необходимым хлопотать заранее о посещении таких мест, как Кветта, Равальпинди и Сринагар, куда местные власти охотно допускают всех туристов без исключения. С другой стороны, путешествие в Кветту и Равальпинди с «энтомологической целью» не могло не показаться индийскому правительству по меньшей мере странным.

Тем не менее, уступая просьбам моего гостя, я отправился к секретарю индийского правительства по иностранным делам⁴ и, вызвав его частным образом на откровенный разговор, постарался выяснить, почему индийское правительство отнеслось неодобрительно к посещению г. Авиновым и его спутниками таких мест, как Ладак, Шейок и Каракорам.

Сэр Генри Мак-Магон конфиденциально дал мне понять, что на запрос статс-секретаря по индийским делам о маршруте г. Авинова индийское правительство высказалось отрицательно о посещении научною экспедициею Ладака и Каракорама из-за следующих соображений: во-первых, официальное ходатайство г. Авинова через Лондон о разрешении посетить Кветту, Равальпинди и Сринагар отнюдь не вызывалось необходимостью и произвело здесь впечатление меры излишней предосторожности. Во-вторых, посещение Ладака и одного из немногих (всего трех) проходов, ведущих из Индии в Туркестан, сопряжено с хлопотами и затруднениями для местных англо-индийских властей, и когда эти хлопоты и заботы вознаграждаются предосудительным, с точки зрения последних, по-

ведением «путешественников с научной целью», нет основания оказывать этим путешественникам исключительную любезность.

«К тому же, — добавил секретарь по иностранным делам, — нас иногда спрашивают о том, не встречается ли с нашей стороны препятствий к посещению научной экспедицией таких мест, как Сулейманов хребет, где теперь настолько спокойно, что туда не разрешен въезд даже англичанам, или же к нам обращаются за позволением собирать энтомологические коллекции в Кашмире в январе и в феврале, когда почва в этой части Индии покрыта глубоким снегом».

Я понял, на какие именно случаи намекнул сэр Генри, и, при всем желании возразить что-либо на его слова, не был в состоянии сделать это, так как воспоминание о таких печальных прецедентах, к сожалению, было еще слишком свежо.

Тем не менее я дал понять секретарю по иностранным делам в довольно сухой форме, что в данном случае дело идет о камер-юнкере Высочайшего двора, члене Географического Общества, известном своими трудами в энтомологии⁵, и моем госте.

Тогда сэр Генри, оставив иронический тон, просто и любезно сказал мне следующее: «Если это так, я, со своей стороны, не имею ничего против посещения г. Авиновым Ладака и путешествия его в Туркестан через Каракорамский проход и надеюсь, что вице-король отнесется к этому вопросу после моего доклада вполне благоприятно. Я вам сообщу окончательный ответ лорда Хардинга по этому поводу через несколько дней».

Ответ этот, у сего в копии прилагаемый, действительно вскоре был мною получен, и г. Авинов со своими спутниками уже выехал в Равальпинди.

За день до получения мною согласия вице-короля на маршрут научной экспедиции ко мне явился некий капитан полка гурксов Марш, находящийся в отпуску в Симле, и сообщил о том, что на него возложено военным секретарем лорда Хардинга поручение сопровождать г. Авинова во время его путешествия по Кашмиру.

Хотя о такой командировке местный иностранный департамент не поднимал вопроса, я принял предложение капитана Марша с живейшей благодарностью и сказал, что мои соотечественники будут крайне рады иметь попутчика и руководителя в путешествии по незнакомым местам.

Мы условились уведомить г. Авинова по телеграфу о том, что капитан Марш намерен присоединиться к его экспедиции в Равальпинди, но на следующий день оказалось, что командировка капитана Марша отменяется и вопрос о сопровождении русской энтомологической экспедиции англо-индийским офицером остается открытым.

Мне не оставалось ничего более, как выразить капитану Маршу свое искреннее сожаление по поводу того, что мои соотечественники будут лишены во время своего путешествия общества офицера дружественной нам армии, а также свое удовлетворение при мысли, что капитан Марш, только что получивший двухмесячный отпуск, не будет вынужден провести его «on duty»*.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, Милостивый государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Л. Ревелиоти.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 967, л. 72–75. Подлинник.

* On duty (англ.) — на службе (сост.).

Примечания

¹ Имеется в виду Э.Грей.

² Императорское Русское географическое общество (ИРГО) учреждено в 1845 г. в Петербурге по инициативе адмирала Ф.П.Литке при руководящей роли военного и военно-морского ведомств; вело обширную экспедиционную, издательскую и просветительскую деятельность, внесло крупнейший научный вклад в изучение Урала, Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии, Кавказа, Ирана, Индии, Новой Гвинеи, полярных районов и др.; эти исследования связаны с именами П.А.Кропоткина, П.П.Семенова-Тян-Шанского, Н.М.Пржевальского, Н.Н.Миклухо-Маклая, М.В.Певцова, П.К.Козлова, В.А.Обручева, Л.С.Берга, И.В.Мушкетова, В.Л.Комарова, А.И.Воейкова и многих других. Наряду с разработкой физической географии развернулись исследования общего земледования, включая человека, население и конкретные материальные условия (антропогеография с переходом в экономическую географию).

³ Семенов-Тян-Шанский (до 1906 г. Семенов) Петр Петрович (1827–1914), русский географ, статистик, общественный деятель, Почетный член Петербургской Академии наук (с 1873 г.). В 1856–1857 гг. исследовал Тянь-Шань, дал первую схему его орографии и высотной зональности. Инициатор ряда экспедиций в Центральную Азию. Организатор первой переписи населения России 1897 г. Руководитель издания многотомных сводок по географии России («Географическо-статистический словарь Российской империи», «Россия»).

⁴ Имеется в виду Г.Мак-Магон.

⁵ См., например, работу Андрея Николаевича Авинова «К вопросу о более дробных зоогеографических подразделениях палеарктических частей Британской Индии на основании распространения и группировки *Lepidoptera Rhopalocera* (дневных бабочек)». Пг., 1915.

№ 287–288

***6 августа 1912 г. — 24 октября 1914 г. —
Донесения Генерального консула в Калькутте
К.Д.Набокова в МИД о торговле Индии
и русско-индийской торговле***

№ 287

***6 августа 1912 г. — Донесение Генерального консула
в Калькутте К.Д.Набокова старшему советнику МИД
В.О. фон Клемму о торговле Индии в 1911–1912 гг.
и перспективах русско-индийской торговли***

Милостивый государь Василий Оскарович,

Имею честь представить при сем Вашему Превосходительству официальный годовой отчет о торговле Индии за 1911–1912 год. Как Вашему Превосходительству известно, теперь не существует прямого ни железнодорожного, ни пароходного сообщения между Россией и Индией, и товарообмен между ними весьма незначителен. Интерес наш к содержащимся в прилагаемом отчете данным представляется мне поэтому пока второстепенным. Но в настоящее время оживленно обсуждается вопрос о постройке прямого рельсового пути через Персию, должествующего связать европейскую и нашу сеть железных дорог с индийскою. Чисто

политические соображения в настоящую минуту составляют центр тяжести аргументации за и против этого предприятия, и я затрудняюсь сказать, какова точка зрения нашего правительства на это дело¹. Но не подлежит сомнению, что проведение этой дороги даст нам возможность найти сбыт некоторым нашим товарам на этом огромном рынке, теперь для нас закрытом. С этой точки зрения знакомство с отчетом об индийской торговле может, мне кажется, представить значительный интерес для тех органов нашего правительства, которые призваны будут высказаться в деле проведения железной дороги².

Не вдаваясь в подробное рассмотрение отчета, укажу лишь на некоторые стороны его. На первом месте среди потребителей индийских товаров стоит Англия, на долю которой приходится 26% вывоза, причем за последние два года вывоз увеличился с 48.500.000 фунтов стерлингов до 57.500.000. Затем идет Германия — около 10%, и за 2 года вывоз также поднялся с 18 до 22 миллионов фунтов. Третье место занимает Китай (8,5%, всего около 19 миллионов фунтов), причем за последний год цифра вывоза несколько упала, тогда как в Японию вывоз увеличился (7,5%) благодаря росту торговли сырым хлопком и рисом. Пятое место занимают Северо-Американские Соединенные Штаты, а затем европейские государства. Хотя Индия производит около 3.000.000 тонн сахара в год, все же она нуждается в иностранном сахаре, причем спрос, по-видимому, растет быстрее, нежели производительная сила. В настоящее время 97,5% ввозимого в Индию сахара — тростниковый, и доставляется из Явы и о. Маврикия, так как население не имеет пока потребности в свекловичном сахаре высшего качества. Принимая во внимание совокупность данных о нашем сахарном производстве, выяснившихся на последней международной конференции в Брюсселе, я позволяю себе высказать предположение, что наш сахар мог бы, при существовании прямого железнодорожного сообщения, найти значительный сбыт в Индии*.

Что касается керосина, то потребность в нем также растет быстрее, нежели подвигается развитие нефтяных площадей в Индии. Имеются данные полагать, что в непродолжительном времени персидский керосин проникнет на индийский рынок. Англо-Персидская Компания для торговли керосином возводит в Бомбее резервуар вместимостью около двухсот пятидесяти тысяч ведер. Трубы, соединяющие нефтяные поля в долине Каруна с Мухаммерою, уже проложены, и завод в Абандаке** окончен постройкою. Я не имею в настоящее время под рукою достаточных данных, чтобы судить о том, насколько наша бакинская нефть⁴ способна будет конкурировать с персидскою, как по богатству площадей, так и по качеству нефти. Само собою разумеется, что персидская нефть найдет себе сбыт преимущественно в западных провинциях Индии, и центром торговли ею будут Бомбей и Карачи, так как весь восток будет питаться бирманскою нефтью, по мере развития нефтеносных площадей Бирмы. Я еще не знаю, насколько успешно подвигается разработка бирманской нефти, так как сведения по этому вопросу весьма скудны. Страна эта находится, по сравнению с другими провинциями Индии, в довольно примитивном состоянии экономического развития.

Прилагаемый отчет составлен весьма основательно и тщательно, и мне кажется, что для нашего Министерства торговли и промышленности в нем заключены весьма ценные данные. Если Ваше Превосходительство признаете полез-

---

* По только что дошедшим сюда сведениям, Англия выбыла из числа участниц Конвенции³, и это, конечно, повлияет на существо вопроса (*примеч. автора*).

** Опечатка в документе: правильно — Абадан (*сост.*).

ным, я не премину доставить дополнительно столько экземпляров отчета, сколько Вы пожелаете иметь для передачи заинтересованным ведомствам.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и отличной преданности.

К. Набоков.

На полях имеются рукописные пометы: 1) На первой странице документа: «Сообщить Мин[истерст]вам торговли и финансов, проверить сведения о керосинопроводе — см. заметку на полях. В. Клемм». 2) Против слов: «Трубы, соединяющие нефтяные поля в долине Каруна с Мухаммерою, уже проложены, и завод в Абандаке окончен постройкою»: «Проверить, так ли это?»

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 969, л. 34–35 и об. Подлинник.

№ 288

*24 октября 1914 г. — Донесение Генерального консула
в Калькутте К. Д. Набокова в Третий политический отдел
Министерства иностранных дел о состоянии торговли
в Индии и перспективах российско-индийской торговли
после войны*

Считаю долгом препроводить у сего в Отдел Меморандум Статистического департамента о торговле Индии с Германией и Австро-Венгрией. Вызванное войной прекращение товарообмена Индии с названными государствами и предположение, что нормальные торговые соглашения едва ли смогут наладиться в близком будущем, заставляют здешнее правительство, торговые и промышленные круги принять меры к заполнению образовавшегося в импорте и экспорте пробела путем изыскания новых рынков сбыта, перераспределения посевов (замена масличных семян хлебными злаками) и замены, поскольку возможно, ввозимых Германией и Австрией товаров изделиями местной промышленности. Нет сомнения, что последний проект, при слабом развитии некоторых отраслей местной промышленности и полном отсутствии многих из них, едва ли осуществим в полной мере, не говоря о вопросах финансовом и технической подготовки, и что для многих из статей ввоза и вывоза потребуется содействие иностранных рынков. Я не берусь судить, насколько этот вопрос заинтересует наши торговые круги, но склонен думать, что ознакомление их с Меморандумом пробудит интерес к индийскому рынку, на котором наша торговля представлена пока столь слабо.

В дополнение к Меморандуму индийское правительство организует в будущем ряд выставок ввозимых Германией и Австрией товаров. Генеральное консульство не преминет собрать все нужные сведения относительно распределения ввоза, возможности замены его местными изделиями, цен на товары и заинтересованных во ввозе фирм и готово содействовать, по мере возможности, русским фирмам в получении необходимых сведений. Французская справочная часть по внешней торговле уже представила местным торговым палатам список товаров, которые могут быть ввозимы из Франции взамен германских и австрийских. Мне кажется, что наша торговля по окончании войны будет иметь то преимущество, что в ее распоряжении окажется свободный тоннаж нашего коммерческого фло-

та, в то время как англичане и французы должны будут в первую очередь заботиться о перевозке войск.

Я не в состоянии, к сожалению, дать в настоящий момент полный отчет о влиянии войны на индийскую торговлю. Официальная статистика не вполне еще осветила данными этот вопрос, а имеющийся в Генеральном консульстве материал, постоянно пополняющийся, требует долгой и внимательной обработки.

Помимо общих причин, одинаково влияющих на торговлю воюющих стран, на индийской торговле сильно отразились два, по-видимому, непредвиденных факта: 1) недостаток тоннажа (реквизиция пароходов правительством для перевозки войск) и 2) отсутствие безопасности морских торговых путей (деятельность германских крейсеров), и связанный с этим вопрос о фрахтах и страховании.

Сконцентрированный в Калькутте экспорт джута и джутовых изделий, по-видимому, сильно страдает от подобного положения вещей. Цены значительно понизились. Попытка регулировать производительность фабрик ограничением рабочих дней потерпела фиаско. Банки, правда, финансируют джутовые предприятия, что дает возможность поддержать покупку джута нового сбора, но при отсутствии свободного тоннажа переполнение рынка отразится несомненно и на ценах, и на кредите, и на финансовом положении поставщиков сырья. Нет сомнения, что в странах, не затронутых непосредственно войной (Америке, Австралии), спрос на джутовые изделия существует, но отсутствие уверенности в возможности срочных доставок, очевидно, не позволяет использовать вполне этого спроса. Следует отметить крупные покупки джутовых изделий в Россию через Владивосток. Существует предположение, что в будущем все отправления джута из Индии должны будут следовать через Англию во избежание покупок последнего нейтральными государствами для Германии.

Слабое участие России в покупках чая (финансовые затруднения) сильно отражается на рынке⁵. Но с другой стороны, крупные чайные грузы, погибшие на потопленных германскими крейсерами пароходах, и широкие покупки чая на лондонском рынке (между прочим Голландией и Данией, вероятно, для Германии) удерживают чайный рынок почти на нормальной высоте.

Отмечается сильный рост в ценах на индиго.

Весьма затруднительно и положение хлопкового рынка.

В момент объявления войны на бомбейском рынке оказалось около 600.000 тюков хлопка ценностью в 3 миллиона фунтов ст[ерлингов], по тогдашней расценке. Теперь этот хлопок оценивается не более 2 миллионов. Появление на рынке хлопка нового сбора вызовет еще большее падение цен. Всеми, за исключением, быть может, бомбейских хлопчатобумажных промышленников, сознается необходимость предотвратить дальнейшее падение цен, оградить мелких землевладельцев, расширивших посевы хлопка по приглашению правительства, от крупных потерь и восстановить туземный кредит. Даже и сами промышленники склоняются к необходимости этих мер, так как сознают, что при дальнейшем падении цен возможны крупные покупки хлопка Японией, что в конечном результате даст последней возможность еще успешнее конкурировать с Англией и Индией в Китае; на рынках Дальнего Востока и, быть может, даже в самой Индии.

Хотя экспорт сахара из Голландской Индии не воспрещен, но крупные покупки его Англией отразятся на импорте в Индию; возлагаются поэтому большие надежды на усиленную деятельность по производству тростникового сахара в Индии.

Значительно понизилась, со времени объявления войны, доходность индийских железных дорог.

Генеральный консул Набоков.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1125, л. 12–14. Подлинник.

Примечания

¹ О проектах строительства железных дорог, соединяющих Россию и Индию, о проблемах, обсуждавшихся в связи с этим, см. док. № 166–171, а также, поскольку вопрос имеет свою историю, — «Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов». М., 1997, док. № 57–59.

² По той же причине К. Д. Набоков считал важным представить в российский МИД официальный отчет «Финансы Индии» за 1911–1912 гг. (АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 291, л. 71–73), имеющий косвенное отношение к русско-индийским связям, но, по мнению Генерального консула, весьма важный для осмысления возможностей установления более тесных торговых сношений в будущем.

³ Брюссельская сахарная конвенция — международное соглашение об урегулировании премий на сахар с целью взаимного ограждения интересов сахарозаводчиков различных стран — установлена в 1902, а затем перезаключена в 1907 и в 1912 гг., прекратила свое существование с началом первой мировой войны.

⁴ Россия, занимавшая в 1900 г. первое место в мире по добыче нефти (50% мирового производства), активно наращивала ее вывоз в Индию, однако уже к 1908 г. экспорт бакинской нефти сильно сократился из-за недостатков в организации дела и технического отставания в области транспортировки (см. док. № 165).

⁵ Ввоз в Россию индийского чая был единственной хорошо налаженной статьей русско-индийской торговли. Однако к концу первой мировой войны русские чаоторговцы начали испытывать сложности (см. док. № 353, 355–357).

№ 289–292

***12 марта 1913 г. — 14 марта 1915 г. —
Документы о передаче в дар России
индийских музыкальных инструментов***

№ 289

*12 марта 1913 г. — Письмо Радж Кумар Шиамы Кумар Тагора¹
в российское посольство в Лондоне с просьбой
разрешить ему преподнести в дар петербургскому музею
индийские национальные музыкальные инструменты
в ознаменование 300-летия дома Романовых²*

Желая быть удостоенным чести преподнести в дар Императорскому музею в С.-Петербурге³ несколько индийских музыкальных инструментов, а также других интересных предметов в ознаменование 300-летия царствования Дома Рома-

новых, осмеливаюсь просить любезного разрешения позволить мне переправить мой скромный дар через российского Генерального консула в Калькутте.

Благодарю Вас, с нетерпением ожидая ответа.

(Подписано) Радж Кумар Шиама Кумар Тагор.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1109, л. 2. Копия. Пер. с англ. составителя.

№ 290

Без даты. — Список⁴ индийских музыкальных инструментов, дарованных Радж Кумар Шиама Кумар Тагором Императорскому Русскому музыкальному обществу⁵

СПИСОК ИНДИЙСКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

1. КАЧАПИ ВИНА (КАСННАРИ ВИНА) или ситар (Setar). Классический струнный инструмент, на котором играют с помощью мисраба (Mizrab) (стального плектра); в настоящее время известен как качуа ситар (Kachua Setar). Своим наименованием обязан форме бутылочной тыквы, плоской как верхняя часть панциря сухопутной черепахи качаппы (Kachappa). Это классический инструмент.

2. МАХА КАЧАПИ ВИНА (МАНА КАСННАРИ ВИНА). Качапи вина большого размера.

3. ЭКТАРА (ЕКТАРА). Народный струнный инструмент, на котором играют кончиками пальцев; использовался исключительно индусами-монахами нищенствующего ордена (Bauls). Этот инструмент имеет одну струну.

4. ЭСРАР (ESRAR). Классический струнный инструмент, на котором играют с помощью смычка; современный инструмент, модификация маюри вина (Mayuri Vina).

5. ПИНАКА (PINAKA). Однострунный инструмент, на котором играют кончиками пальцев; считается прототипом всех струнных инструментов. Известен как изобретение индусского бога Шивы. Подобного рода инструмент в Индии большая редкость.

6. РАМБХА ВИНА (РАМВНА ВИНА). Старинный классический струнный смычковый инструмент; считается, что он был создан небесной нимфой Рамбхой. Это сладкозвучный инструмент, предназначенный для сопровождения женского голоса. Обычно используется при выступлениях профессиональных танцовщиц в стиле хиндустани.

7. СУР-БАХАР (SUR-ВАНАР). Классический струнный инструмент, на котором играют с помощью стального плектра (Mizrab); это качаппи вина (Kachappi Vina) большого размера; изобретен около 80 лет назад Гулям Махомед Ханом (Golam Mahomed Khan) из Лакхнау (Lucknow). Он особенно подходит для исполнения мелодии в тональности «рага» и «рагини».

8. МАЮРИ ВИНА (МАУРИ ВИНА) или таус (Taus). Старинный классический струнный смычковый инструмент, созданный, как говорят, индусским богом Картикеей (Kartekeya). Наименование получил из-за фигурки павлина (Mayura), прикрепленной к инструменту.

9. ТУМБУРУ ВИНА (TUMBURU ВИНА). Очень древний классический струнный инструмент, на котором играют кончиками пальцев; более известен как тамбура

(Tambura) или танпура (Tanpura). Создание этого инструмента приписывают божественному музыканту Тумбуру (Tumburu). Используется для аккомпанемента певцу или в сольных выступлениях, его протяжный звук заполняет нежелательные паузы.

10. ЧИТРА ВИНА (CHITRA VINA). Старинный четырехструнный классический инструмент, созданный, по преданию, гандхарвой Читра Сеном (Chitra Sen, Gandharva).

11. БАНЬЯ (BANYA). Современный классический ударный инструмент, на котором играют руками. Представляет собою копию мриданги (Mridanga), старинного ударного инструмента. На нем аккомпанируют пению и танцам.

12. ДАМАРУ (DAMARU). Народный ударный инструмент; очень древний; по преданию, был любимым инструментом индусского бога Шивы. Обычно используется в храмах Шивы во время богослужения.

13. ДОЛАКА (DHOLAKA). Классический ударный инструмент, на котором играют ладонями; особенно подходит для национальных жанров Jattras, Panchalis, Half-Akhrayees и т.д. Иногда используется для аккомпанемента песен Кхаял.

14. МРИДАНГА (MRIDANGA). Классический ударный инструмент, обтянутый кожей, на котором играют ладонями; очень древний инструмент, созданный, согласно преданию, индусским богом Брахмой. Предназначен для исполнения торжественной музыки и для сопровождения гимнов. Он также используется во время королевских дурбаров при исполнении песен высокого стиля, таких, как дхрупادا (Dhrupada), и т.д. Иногда на нем играют вместе с другими инструментами, такими, как махати вина (Mahati Vina), рудра вина (Rudra Vina), и др.

15. НАПУРА (NAPUORA). (Пара.) Металлический ударный инструмент, используемый, как колокольчики гхунгхуру (Ghunguru), для ритмического сопровождения танцев.

16. ТАБЛА (TABLA). Классический ударный инструмент, обтянутый кожей, на котором играют правой рукой. Вместе с баньей (Banya) используется для аккомпанемента песен туппа (Turpa) и других легких песенок, а также для сопровождения танцев в ансамбле с саранги (Sarang), эсаром (Esar) и др. Иногда его называют дахина (Dahina).

17. НЬСАТАРАНГА (NYASATARANGA). (Пара.) Это специфический инструмент. Хотя он и классического происхождения, однако немало изумил индийскую публику. Он выглядит как духовой инструмент, но в него не дуют. Его прикладывают к горлу, прижимают к голосовым связкам; при сильном дыхании он производит чистый звонкий звук. Его используют при исполнении мелодий или песен, напеваемых с закрытым ртом. Полагают, что подобный инструмент вряд ли можно найти где-либо еще на земном шаре. Звук можно также произвести, приложив его к щеке или ноздре. Его древнее имя — упанга (Upanga).

18. РАМА ШРИНГА (RAMA SHRINGA). Уличный инструмент, прежде использовавшийся в военных оркестрах. В настоящее время используется во время религиозных шествий харинам-санкиртан (harinam-sankirtan).

19. ГХУНГХУРА (GHUNGHURA). (Пара.) Комплект бубенчиков или маленьких колокольчиков, которые танцовщицы носят на щиколотках, чтобы отбивать ритм.

20. МАНДИРА (MANDIRA). Классический ударный инструмент из металла; используется, чтобы отбивать ритм во время музыкальных представлений. Звук извлекается ударом друг о друга двух чашек, сделанных из колокольного металла.

21. ШАНКХА (SHANKHA). Очень древний духовой инструмент — разновидность раковины, использовавшийся прежде на войне и при проведении религиозных церемоний и праздников (теперь только по праздникам). Его можно не без основания назвать праотцом духовых инструментов. Во время оно существовали шанкхи (Shankhas) различных видов, например панчаджанья (Panchajanya), которым пользовался Кришна, девадатта (Devadatta), на котором играл Арджуна, поундра (Roundra), на которой играл Бхима, и т.д. Используют этот инструмент и в буддийских храмах. Европейцы его называют ТРУБА-РАКОВИНА.

22. МУРАЛИ (MURALI). Классический духовой инструмент типа флейты; так называемая «индийская флейта»; по преданию, она была изобретена индуским богом Кришной, который очень любил этот инструмент.

23. БЕНУ (BENU). Классический духовой инструмент типа флейты, сделанный из бамбуковой трубки. Известен как классический инструмент, широко используется в Ориссе.

24. САБАРИ БЕНУ (SABARI BENU). Любимый инструмент санталов, аборигенов Бенгалии.

В конце документа имеется рукописная помета: «Для упаковки получено двадцать индийских музыкальных инструментов в хорошем состоянии. Б.Бесан Рао. 29/10/13».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1109, л. 6–8. Копия. Пер. с англ. составителя.

№ 291

11 августа 1914 г. — Из протокола заседания дирекции Московского отделения Императорского Русского музыкального общества о передаче музею при Московской консерватории⁶ коллекции индийских музыкальных инструментов

Заседание от 11 августа 1914 г.

Слушали: ...

...8. Предложение Главной дирекции Императорского Русского музыкального общества от 3-го июля 1914 г. за № 1387 о предположении передать в музей одной из столичных консерваторий коллекции индийских музыкальных инструментов, преподнесенных Музыкальному обществу Радж Кумар Шиама Кумар Тагором в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых, на каковое предложение были представлены Главной дирекцией 1-го сего августа за № 760 краткий перечень предметов, находящихся в Музее имени Н.Г.Рубинштейна при Московской консерватории, и описание помещения, занимаемого музеем, при донесении, что предложение будет доложено дирекции при первом заседании по съезде гг. директоров после летних отпусков.

Положили: Предложение принять и просить Главную дирекцию коллекцию, поднесенную в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых, передать в Музей при Московской консерватории⁷.

Подписи.

РГАЛИ, ф. 661, оп. 1, д. 133, л. 58об.–59. Подлинник.

14 марта 1915 г. — Сопроводительное письмо ИРМО
в Третий политический отдел МИД к благодарственному
письму⁸ Кумар Тагору за преподнесенную в дар
коллекцию индийских музыкальных инструментов

Вследствие отношения от 12 минувшего февраля за № 632, Главная Дирекция Императорского Русского Музыкального Общества имеет честь покорнейше просить не отказать доставить по принадлежности, в г. Калькутту, прилагаемый конверт, заключающий в себе письмо председателя общества Ее Высочества принцессы Елены Георгиевны Саксен-Альтенбургской⁹ на имя Радж Кумар Шияма Кумар Тагора с благодарностью за пожертвованную им Императорскому Русскому Музыкальному Обществу коллекцию индийских музыкальных инструментов.

Вице-председатель Общества:
Секретарь Главной Дирекции:

В.Тимиразев.
Направник.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1109, 1913 г., л. 17. Подлинник.

Примечания

¹ Радж Кумар Шиама Кумар Тагор (Тхакур) — крупный землевладелец Бенгалии, состоял нештатным консулом нескольких южноамериканских республик. Род Тагоров принадлежал к числу влиятельных в Бенгалии, пользовался заслуженной известностью в литературном и артистическом мире Индии. Отец Радж Кумара — Сурендо Мохан Тагор (к 1913 г. покойный) — знаток индийской национальной музыки, имел звание доктора искусствознания в области музыки Оксфордского, Филадельфийского и Утрехтского университетов, немало способствовал ознакомлению Европы с индийской музыкой; в этом смысле сын продолжал дело отца.

² 300-летие царствования дома Романовых торжественно отмечалось в 1913 г.

³ Императорского музея в С.-Петербурге не существовало, что и вызвало помету на полях одного из документов, не вошедших в наш сборник: «Какой такой Imperial Museum?». Автор письма не имел в виду конкретный музей, но подобным названием указал на его значимость и местонахождение.

⁴ По списку коллекция содержала 24 музыкальных инструмента; однако реально отправлено было 20, о чем свидетельствуют имеющиеся на полях документа помета и «звездочки» против четырех позиций списка (№ 15, 19, 20, 21), обозначающие не обнаруженные или не упакованные инструменты.

⁵ Императорское Русское музыкальное общество (ИРМО) создано в Петербурге в 1859 г.; директором его музыкальной части был пианист, композитор и дирижер А.Г.Рубинштейн (1829–1894). Отделения ИРМО (около 20) действовали в крупных городах России. Московское отделение общества основано в 1860 г. младшим братом А.Г.Рубинштейна — Николаем Рубинштейном (1835–1881). Целью Общества, просуществовавшего до 1917 г., было распространение музыкального образования в России. Были открыты музыкальные классы, а затем консерватории в Санкт-Петербурге и Москве.

⁶ Московская консерватория была создана Н.Г.Рубинштейном в 1866 г. на базе Московского отделения ИРМО и музыкальных классов. Музей при Московской консерватории был

основан при строительстве нового здания консерватории (1901 г.); позже присвоено имя Н.Г.Рубинштейна в знак признания заслуг последнего.

⁷ В настоящее время коллекция хранится в Музее театра, музыки и кинематографии в Петербурге.

⁸ К.Д.Набоков, российский Генеральный консул в Калькутте, выяснивший, что отец Кумар Тагора за свою деятельность по популяризации в Европе индийской музыки был неоднократно пожалован портретами высочайших особ с подписями, предложил, что благодарность К.Тагору за его дар могла бы быть передана в форме личного к нему письменного обращения Ее Высочества принцессы Елены Георгиевны Саксен-Альтенбургской, председателя ИРМО.

⁹ Принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская (1857 г.р.) — дочь великой княжны Екатерины Михайловны и герцога Мекленбург-Стрелицкого Георга; в 1891 г. вступила в брак с принцем Альбертом Саксен-Альтенбургским, много времени посвящала музыке и пению, позже была председателем Императорского Русского музыкального общества.

№ 293—301

9 июля 1913 г. — 8 сентября 1916 г. — Документы о научной командировке на о. Цейлон и в Индию Л.А. и Г.Х.Мервартов¹

№ 293

*9 июля 1913 г. — Письмо Г.Х.Мерварта В.В.Радлову
о своих занятиях в Германии и о планируемой командировке
в Индию*

Ваше Превосходительство!

Глубокоуважаемый господин тайный советник!

Прежде всего я хотел бы просить прощения за долгое молчание — в последние недели я чувствовал себя настолько уставшим и выдохшимся, что едва хватало сил на работу в музеях. Пребыванием в Берлине я очень доволен. Главным я обязан бесконечной любезности и удивительным познаниям Грюнведеля². Я очень рад тому, что мы и лично сблизились, так как именно в домашних беседах он так воодушевил меня в отношении моих целей и дал столь ценные советы, что теперь моя задача представляется мне довольно ясно, хотя пока лишь в общих чертах. Из областей особенно важных и желательных для изучения в этнографическом отношении Грюнведель прежде всего указал мне на Цейлон, Нилгири, внутренние районы Декана, Ориссу и, главным образом, области Гималаев.

На Цейлоне особенно притягательны культы демонов. Я собрал и проштудировал соответствующую литературу (Грюнведель также в свое время отдал этому дань и опубликовал очень хорошую статью) и пришел к заключению, что с некоторым знанием сингальского³ и к тому же если видеть церемонии собственными глазами здесь еще очень многое можно сделать. И как раз для понимания индуизма, а также современного буддизма необходим тщательный анализ веры в демонов — по возможности в более широком контексте. Я думаю месяца 2–3 провести на Цейлоне, чтобы с наибольшей полнотой собрать маски демонов и

Г.Х.Мерварт

попытаться достать имеющуюся туземную литературу (книги заклинаний и колдовства). Хотелось бы, если позволят обстоятельства, записать заговоры на фонограф и сделать фотографические снимки, чтобы таким образом получить материал для позднейшей, более точной обработки.

Затем я предполагаю переехать в Южную Индию, сначала на одну-две недели в Мадрас для установления контактов и далее во внутренние области, преимущественно к горным народностям. Здесь я также хотел бы среди прочего попытаться найти все, что относится к культу демонов у тамилы. Естественно, частности мне здесь еще не ясны, это придет после изучения соответствующей литературы зимою. В особенности богаты, как по словам Грюнведеля и Шермана⁴, так и по свидетельству музейных собраний, Ассам и гималайские районы. Это касается одежды, оружия, домашней утвари, которые из-за более сурового климата должны быть богаче и разнообразнее, а также самых различных форм культа, в которых первобытное колдовство, анимизм⁵ удивительно смешиваются с индуизмом и буддизмом.

При колоссальной протяженности территории я должен буду, вероятно, посвятить путешествию по гималайским районам весь второй год. Для таких центров индуистской культуры, как Дели, Бенарес, Патна и т.д., остается в лучшем случае около 6 месяцев. Но, во-первых, вся эта область прекрасно оснащена средствами транспорта, и, второе, судя по всему, что я видел, в этих индуизированных частях страны существует сильное единообразие, так что именно для нашего индийского отдела, который должен представить прежде всего самое важное и типичное, указанное время кажется совершенно достаточным.

Л.А. Мерварт

Более всего меня привлекают первобытные племена, дравиды и гималайские народности. Между тем я внимательно осмотрелся в Мюнхене и заметил здесь кое-что интересное и важное. По содержанию здешний музей⁶ дает далеко не так много, как Берлинский⁷, тем более что добыча бирманской экспедиции Шермана еще не распакована и лежит на недоступных складах. Но пребывание в Мюнхене было для меня важно, так как Шерман выставляет вещи образцово, своеобразно и с замечательным пониманием потребностей зрителя. Это внимание к посетителю, к сожалению, совершенно отсутствует в Берлине, и поэтому огромное богатство Берлина не так зрелищно и поучительно, как сравнительно более скромная экспозиция в Мюнхене. К тому же мне удалось установить наилучшие личные отношения с Шерманом, любезность которого выше всяких похвал. Они, я надеюсь, будут только полезны для нашего музея и специально для моего путешествия. Он дал мне рекомендательные письма к своим корреспондентам и знакомым в Индии, а в личном общении с ним и с его женой я получил массу полезных советов о путешествиях в Индии, общении с англичанами и местными жителями, об этнографически важных областях и т.д., так что я могу быть доволен своим пребыванием в Мюнхене.

Он сделал мне также несколько предложений относительно отношений между музеями, в особенности между Петербургским и Мюнхенским, которые мне кажутся весьма заслуживающими внимания. Я позволю себе после возвращения доложить Вам об этом устно. Теперь на остаток летних каникул я возвращаюсь в Брухзаль к родителям (Шлосраум, 23), чтобы здесь на досуге обработать летние впечатления и подготовиться к работе зимой.

26/13 августа я приеду в Петербург и буду ожидать Вашего позволения сделать Вам устный доклад. Мой петербургский адрес: Лиговка 44, кв. 425. Телефон — дом Перцова № 425. Я надеюсь видеть Вас в добром здравии и остаюсь

Преданный Вам Г. Мерварт.

СПбФАРАН, ф. 142, оп. 1, д. 65, л. 263–266. Автограф. Пер. с нем. составителя.

№ 294

2 апреля 1914 г. — Письмо Министерства народного просвещения в Императорскую Академию наук о командировании Г. и Л. Мерварт с ученой целью за границу

Господину вице-президенту Императорской Академии наук⁸.

Вследствие отношения от 19 марта сего года за № 1236 имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что на основании Высочайшего повеления 8 апреля 1896 г. Министерство разрешает командировать прикрепленных к Министерству народного просвещения доктора философии Гейдельбергского университета Германа Мерварта⁹ и Людмилу Мерварт на о. Цейлон и в Южную Индию для собирания этнографической коллекции для Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Императорской Академии наук сроком на два года с сего 5 апреля.

Подлинное подписал за мин. нар. просв.

тов. мин.: В. Шевяков.

СПбФАРАН, ф. 142, оп. 1, д. 87, л. 274. Копия.

№ 295

3 июня 1914 г. — Письмо Л. А. Мерварт В. В. Радлову о прибытии в Коломбо, об изучении местных языков и др.

Grand Oriental Hotel,
Colombo 55, Ceylon.

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Завтра уходит первая почта в Европу с тех пор, как мы здесь. С нею идут и первые известия о нашем путешествии. До Коломбо мы доехали вполне благополучно, не страдавши даже от морской болезни. Расплатившись на пароходе, мы сошли на землю с 539 английскими фунтами в кармане. Из 7700 руб., полученных нами на экспедицию, истрачено на снаряжение 2028 руб. 74 к. и на дорогу Петербург—Коломбо 574 руб. 50 к. Остаток и составляет 539 фунтов.

В цифру расходов на снаряжение экспедиции входят 934 р. 90 к. на фотографические принадлежности (в том числе 450 руб. первый взнос за кинематограф), 140 руб. за седла и обучение верховой езде, 120 руб. за бинокли, запасные очки и т. д., 42 руб. стоимость аккредитива и 791 руб. 84 к. на наше обмундирование, книги, краски и другие расходы.

В расходы на дорогу я включила и 15 фунтов, истраченных в Порт-Саиде на пополнение снаряжения вещами, покупать которые в Петербурге стоило бы дороже.

Сюда мы приехали 16/29-го мая, и за эти пять дней, что мы здесь, благодаря заботливой любезности здешнего нашего консула Б.П.Кадомцева¹⁰ и предупредительности, с какой директор и особенно остальные служащие музея идут навстречу всем нашим желаниям, дело начинает идти на лад. Утро с восьми часов до двенадцати мы проводим в музее. Тут два хранителя (один сингалец, другой тамиль) освобождены директором на время нашего пребывания здесь от всяких обязанностей и прикомандированы к нам. Один из них нашел нам учителя тамильского языка, у которого Герман Христианович ежедневно берет уроки. Я же в это время изучаю сингалский язык. Кроме того, один из этих хранителей, г-н Jayasinha¹¹, познакомил Германа Христиановича с здешним главным буддийским жрецом, который занимается с ним ежедневно Pali. Ввиду этого Герм[ан] Хр[истианович] думает остаться в Коломбо месяц или два. Я же, когда покончу с музеем, думаю уехать в Kandy. Одновременно с окончанием этого изучения я думаю покончить уже и все нужные и возможные здесь покупки. После полудня я хожу по базарам, улицам etc с боу'ем (директор музея Mr.Pearson достал нам очень толкового сингалца) и показываю ему, какие вещи он должен потом купить. Вечером он их приносит, и таким образом мы платим едва ли много дороже местных цен. Музей же указал нам человека, которому заказываем модели. Многие вещи придется собирать в Kandy и в деревнях в горах. Очень важно было бы получить костюмы и уборы кандийских вождей и их женщин. Вчера в день рождения английского короля¹² мы были на рауте у губернатора и могли рассмотреть их очень подробно. Купить их едва ли представится возможность, да и стоили бы они не одну тысячу рупий, но консул говорит, что за медаль они бы, вероятно, охотно пожертвовали бы их музею, и, может быть, не только их. Вообще, если бы только возможно было бы иметь здесь несколько медалей, жетонов или иных нагрудных знаков за споспешествование процветанию музея, то они могли бы сыграть большую роль. Мне помнится, что этот проект уже обсуждался у Вас в ноябре вместе с Prof.Grünwedel'ем и был признан исполнимым при том условии, чтобы нагрудный знак этот не имел изображения государственного герба.

Кроме этого у нас есть еще одна просьба. Здесь мы узнали, что Андреев везет музею коллекцию в тридцати ящиках¹³, — так не найдет ли кто-нибудь в музее времени сообщить нам о составе этой коллекции, чтобы мы не приобрели дубликатов. Вот, кажется, и все самое главное. О впечатлениях же наших нарочно ничего не пишу, а то никогда не кончу. Герм[ан] Хр[истианович] (он сейчас в монастыре у буддистов) и я шлем Вам, глубокоуважаемый Василий Васильевич, Вашим и всем в музее пожелания всего самого хорошего.

Искренне преданная Вам Людмила Левина-Мерварт.

СПбФАРАН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), д. 67, л. 174–175, 200–201. Автограф.

25 июня 1914 г. — Письмо Л.А.Мерварт В.В.Радлову
о готовности отправить первую коллекцию в Петербург,
о сборе фольклорного материала и др.

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Пишу Вам из Коломбо, где живу теперь одна. Герману Христиановичу пришлось уехать в Кенди. Он простудился, и у него сделался припадок невралгии. Это с ним уже было три года тому назад в П[етербурге], и он тогда пролежал почти два месяца. Теперь я надеюсь, что припадок был захвачен в самом начале и что если в Кенди будет менее сыро, чем здесь, то он оправится через неделю или две. Муссон теперь в полном разгаре, идут отчаянные дожди, воздух весь пропитан влагой, — так что руки все время мокрые, платье сырое. Кенди лежит сравнительно высоко в горах и поэтому значительно суше.

В скором времени прибудет сюда судно Добровольного флота по дороге в Одессу и возьмет первую Цейлонскую коллекцию¹⁴. В нее входит собрание театральных масок, регистрация которых была мною сделана пока очень суммарно. Дело в том, что пьесы народного репертуара — бурлески, напоминающие ателланы, — сколько мне известно, не существуют в переводе. В сингальских же оригиналах я еще пока разобраться не могла. То, что я собрала пока, представляет, по-видимому, любопытный материал юмористически-нравоучительного характера. Прежде всего, конечно, придется это все перевести. Это относится также и к песням демонических танцев. Они также не существуют в переводе. Здешний музей имеет несколько манускриптов таких церемоний, и мы думаем заказать копии тех из них, которые нельзя получить иначе.

Деньги у нас пока еще есть, но так как это письмо дойдет до Вас почти что через месяц от сегодняшнего дня, то мы попросили бы Вас перевести нам вторую половину пожертвования Игнатьева¹⁵ (это, кажется, шесть тысяч руб.) уже не почтой, а по телеграфу, чтобы не пришлось на время прекратить покупки и упустить что-нибудь интересное. Пока же мы будем собирать тем же темпом, как и до сих пор, рассчитывая на получение следующей суммы около 12/25 июля. Работы здесь столько, что нам, по всей вероятности, придется пробыть на острове еще до половины сентября. Притом же здесь Герман Христианович может хорошо изучать южный буддизм, что особенно важно ввиду важности для России буддизма северного.

Да, я забыла еще одну деловую подробность. Для того, чтобы возможно меньше потерять на переводе, придется, если это возможно по телеграфу, посылать сюда деньги всегда английским золотом (english pounds in gold).

А теперь, глубокоуважаемый Василий Васильевич, за Германа Христиановича и за себя искренне желаю Вам, Вашим и всем в музее всего самого хорошего.

Преданная Вам Людмила Левина-Мерварт.

СПбФАРАН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), д. 67, л. 197–199. Автограф.

1 июля 1914 г. — Письмо Г.Х.Мерварта В.В.Радлову
о пополнении цейлонской коллекции,
о своих занятиях пали и др.

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

К крайнему нашему огорчению, мы сегодня из письма Бернгарда Эдуардовича¹⁶ узнали, что Вы были больны. Надеемся, что Вы теперь уже поправились и за лето совсем отдохнете. Работа здесь идет довольно удачно. Мы завели знакомство с одним здешним очень богатым помещиком сингальского происхождения Mr. Rajaraksee, который имеет большие кокосовые плантации. Он обещал нам полную коллекцию всех продуктов кокосовой пальмы (дерево, лист, орех, скорлупа и т.д.), которая в жизни жителей острова играет такую огромную роль. Эта коллекция будет, насколько я мог убедиться по выставленной в здешнем музее коллекции, очень интересная и поучительная. Rajaraksee сказал, что сочтет за большую честь подарить эту коллекцию нашему музею. Так как эти предметы почти все будут специально сделаны и некоторые придется ему выписать и разыскать, то он только через три месяца сможет отослать коллекцию. Этот господин, вероятно, и для других целей окажется полезным. Во всяком случае было бы хорошо по получении коллекции, которая будет довольно ценная, послать ему официальную благодарность музея с печатью и Вашей подписью. Это ему будет очень приятно и подбодрит его, может быть, к другим подобным подвигам. Он Mudgaliyar, то есть князь и начальник округа, и имеет как таковой большое влияние.

Занимаюсь усиленно буддизмом и пали и надеюсь получить здесь довольно хорошее представление о южном буддизме. Повезло мне с учителем. Он признанный первый авторитет по палийскому языку и буддизму на острове, очень образованный, знающий человек, с которым очень приятно заниматься. Мы для начала читаем Dhammapadam¹⁷ с комментарием. Занятия ведутся то на пали, то на санскрите, так как он по-английски довольно плохо знает, приходится пользоваться этими языками. Это, конечно, только приятно. Знакомство с этим священником мне и для других целей весьма полезно. Во-первых, через него нам открыт доступ ко всем монастырям, монахам, монастырским книгохранилищам и к народу. Роль Bhikkhu здесь громадная и его слово — закон. Мы 11-го с ним поехали в Point de Galle в главный город южных провинций. Была там очень интересная церемония посвящения подаренной монастырю земли, на которой будет построен дом для исповеди. Мой учитель поехал туда в качестве епископа. Он в своей речи между прочим указал собравшемуся народу на большую честь, выразившуюся в том, что европейские pandita удостоили их праздник своим присутствием. Отношения этих людей были потом самые любезные и почтительные. Они для нас устроили танцы, угостили фруктами и т.д. Учитель, его имя Mr. Nyanisara¹⁸, познакомил нас с одним из самых важных людей на острове Gunaratne, Obermudgaliyar* южных провинций; ученым в Европе его имя известно. Он секретарь Pali Text Society¹⁹, перевел много текстов из пали на английский язык, он ученик Rhys Davids'a²⁰. Мы с ним провели несколько очень инте-

* Obermudgaliyar: от ober (нем.) — главный и mudgaliyar (тамил.) — глава, старшина, староста (примеч. сост.).

ресных часов на его bungalow*, он нам для музея подарил интересную деревянную статуэтку Будды и образец скульптур из Anuradhapura²¹. У него маленькая слабость, которая в данном случае нам может быть только приятной. Он очень дорожит тем обстоятельством, что его книги и его имя известны в Европе. Свою последнюю книгу *The Anguttara Nikaya of the Sutta pitaka (eka, duka and tika Nipata) translated from the Pali Text by E.R.Y. Gooneratne, Galle, Ceylon, 1913* он сам издает и спросил меня, нельзя ли найти в России людей, интересующихся этим переводом. Я ему обещал о его книге написать своим знакомым. Он сам заверяет, что он не ради прибыли это делает, и если бы Вы, Карл Германович²², директор университетской библиотеки, и Федор Ипполитович²³ обратились к нему с парой любезных строчек и выписали эту книгу (она в самом деле недурная), то он вышлет ее бесплатно и, кроме того, мы получим таким дешевым способом человека, который в качестве корреспондента нам сможет оказать бесценные услуги. Было бы очень хорошо, если бы это маленькое желание было исполнено. Я пока ему обещал, что на двух предметах, которые он нам подарил, будет отмечено его имя, и он был весьма польщен. Вообще, если к этим здешним господам относиться любезно и приветливо, то они все готовы сделать. И что такая любезность вызывает дерзость и назойливость, это относится к тем глупым сказкам, которыми англичане хотят оправдать свою систему.

В одном из служащих здешнего музея Mr. Jayasinha мы нашли очень полезного помощника. Он между прочим разыскал нам большой набор оригинальных масок отчасти для демонических танцев, отчасти для театральных представлений. И не только маски, но и костюмы, как они у крестьян употребляются. Мне Grünwedel и Scherman сказали, что настоящие маски найти почти невозможно и что нам, вероятно, придется их заказать. Нам удалось все маски с костюмами (48 масок) купить за 189 рублей (300 rupees). Среди них есть прямо художественные вещи. В скором будущем надеемся получить весь цикл Sunjan Jakka²⁴ и маски разных болезней (в нашей коллекции только несколько), и тогда наш музей будет иметь коллекцию ценнейших масок вдвое или втрое больше, например, Берлинского музея.

В здешнем музее имеется очень много рукописей по части демонических танцев на языке Elu (старосингальском). Я закажу для нас копии тех рукописей, которые еще не напечатаны (часть переведена в *Journal of the Ceylon Branch RAS*²⁵), и таким путем получится масса этнографического материала. Людмила Александровна занимается сингальским языком (я пока ограничусь пали и тамильским), который для знающего санскрит совсем легкий язык, и она, вероятно, через несколько недель будет в состоянии разобраться в этих заклинаниях.

Самый трудный вопрос здесь — модели. Мы хотели получить, во-первых, маленькие модели разных типов, во-вторых, несколько больших моделей, чтобы показать одежду. Здесь меня все уверяли, что во всем Коломбо, даже на всем острове имеется только один человек, который в состоянии нам сделать модели. Мы видели его произведения в музее, они нам совсем не понравились, но все-таки решили к нему обратиться. Но этот господин назначил такие баснословные цены (например, за голову, ноги и руки буддийского монаха 250 rupees — 160 рублей), что пришлось от него отказаться. Мы потом с директором музея Mr. Pearson'ом решили обратиться в Мадрас к Mr. Henderson, директору тамошнего музея, чтобы тот нам нашел человека, который бы приехал сюда и делал бы все нужные

* Bungalow (англ.) — дом, особняк (сост.).

нам модели в музей и если бы подошел, остался бы на службе музея. Но теперь, кажется, мы нашли здесь человека, подходящего, гончара из Kandy, который работает на храмы. Мы ему дали пробный заказ, и если его работа нас удовлетворит, то мы ему поручим сделать модели. Это тем более приятно, что его мастерская в Kandy, где мы будем жить довольно продолжительно.

27(14-го) июня уйдет отсюда пароход Добровольного флота. Мы думаем с ним послать первую коллекцию. Она будет, и это иначе не может быть, довольно пестра, но начало сделано, и теперь легче будет отдельные области постепенно пополнить.

Если коллекция, которую обещал мне Rajaraksee, будет так, как мы с ним договорились, то она будет единственная в Европе по богатству и поучительности. Он сказал: «It will beat everything of that kind»*. Здоровье наше пока, слава Богу, хорошее. Климат, конечно, дает себя чувствовать, и к вечеру страшно устаем. Но мы себе представляли все гораздо хуже. Муссон пока очень слаб, так что дождей совсем мало. Еще раз, желаю Вам, глубокоуважаемый Василий Васильевич, крепкого здоровья. Передавайте, пожалуйста, мой сердечный привет Льву Яковлевичу²⁶ и всем дорогим сослуживцам.

Искренне уважающий Вас Г.Мерварт (*приписка:*) и Людмила Мерварт.

СПбФАРАН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), д. 67, л. 225–232. Автограф.

№ 298

*25 февраля 1915 г. — Секретное письмо
вице-консула в Коломбо Б.П.Кадомцева
в Генеральное консульство в Калькутте
об отношении цейлонцев и англичан
к Г.Х. и Л.А.Мервартам*

Приблизительно около года тому назад в Коломбо прибыли из Петрограда Герман Христианович и Людмила Александровна Мерварт. Гг. Мерварт были посланы на Цейлон и в Индию этнографическим отделением музея Имп. Николая II²⁷ для сбора разных коллекций и для изучения быта туземцев (их религии, нравов и пр.). Гг. Мерварт были рекомендованы вниманию здешнего вице-консульства академиком Радловым, Министерством иностранных дел и нашим посольством в Париже.

Г-жа Мерварт по своему происхождению русская, ее отец²⁸ состоит профессором Медицинского института в Петрограде. Г-н Мерварт по своему происхождению немец, но получивший русское подданство, будучи принят на государственную службу. По своей наружности, привычкам г-н Мерварт является типичным немцем.

Гг. Мерварт работали на Цейлоне весьма усердно и заслужили уважение не только среди английского общества, но и среди туземцев, с которыми они непосредственно соприкасались, разъезжая по деревням и монастырям.

---

* It will beat everything of that kind (*англ.*) — она (коллекция) превзойдет все подобного же рода (коллекции) (*сост.*).

Полиции каким-то образом стало известно немецкое происхождение Мерварта, и за ним стали неустанно следить²⁹. Из тех вопросов, с которыми полиция неоднократно обращалась в вице-консульство, можно было понять, что только покровительство последнего предохраняло г. Мерварта от ареста.

В настоящее время гг. Мерварт уехали в Мадрас, откуда они собираются проехать на Гаты в гости к одному из их туземных почитателей.

Зная, что полиция в Индии (особенно после мятежа в Сингапуре³⁰) особенно строго относится к поведению и разговорам иностранцев, вице-консульство намеряло г. Мерварту, что разговоры с туземцами о войне и особенно в пангерманском направлении могут навлечь на него большие неприятности.

К сожалению, г. Мерварт не скрывает своей ненависти к англичанам, и благодаря несколько несдержанному и вспыльчивому характеру он часто позволяет обнаруживать свою неприязненность к англичанам.

Г-жа Мерварт несколько сдерживает своего мужа от политических разговоров с англичанами и туземцами. Но и она подчас поддается влиянию мужа и также высказывается во враждебном духе против Англии.

Так как гг. Мерварт в настоящее время находятся в Индии, то вице-консульство сочло своим долгом сообщить Генеральному консульству характер работы их, а также их характеристики.

Вице-консульский агент Б.Кадомцев.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 89, л. 2-4. Подлинник.

№ 299

7 декабря 1915 г. — Письмо

*Г.Х.Мерварта В.В.Радлову об их жизни в Южной Индии
с характеристикой собранных коллекций*

The State Guesthouse
Ernakulam(Cochin)

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Мы только что получили 2000 рублей от Вас и обещание, что в январе будет еще 5000. Это очень хорошо, так как теперь дело собирания идет недурно, и коллекции растут быстро и планомерно. Мы провели на восточном берегу Южной Индии всего семь месяцев. Из них мы жили 2 месяца в Kodaikanal и Shembaganur, так как жара стала невыносимой. 2 1/2 месяца мы жили в Madura у хороших знакомых. Это было, во-первых, дешевле, так как стол и комната стоили нам ничего или очень мало (один месяц, в отсутствие хозяев, нам пришлось вести хозяйство на свой счет); во-вторых, Madura — древнейший центр тамильской цивилизации, и я там научился довольно основательно тамильскому языку и перевел тамильскую поэму 5-го столетия по Р.Х. Она — единственная буддийская поэма на дравидийском языке, которая дошла до нас и кроме весьма любопытных сведений из области буддизма содержит богатый материал этнографического свойства. Кроме того, она литературный памятник большой красоты. Она называется Manimeghalei³¹. Известные тамилологи Vinson и Pope³² дали довольно сокращенный обзор этой поэмы на французском и английском языке.

Этот русский перевод будет первый полный перевод на европейский язык. Я надеюсь, что я смогу Вам послать готовый перевод с введением и объяснениями через три месяца.

Собрали мы в Мадуре материал для изучения дравидийских культов Mariammal, Karuppuswami's Аууанар³³, т.е. фигуры, сделанные во исполнение обета и т.д. Я заказал там же и смотрел за работой модели колесницы, как они употребляются для процессии (стоят 550 rup.). Части такой колесницы имеются у нас в музее. Людмила Александровна с помощью одной брахманской подруги купила целый набор медной посуды, употребляющейся в брахманском хозяйстве. Мы начали весьма интересную коллекцию (пока у нас 80 штук) так наз. Tali. Это украшение, которое во время венчания повязывается женихом (иногда другим членом семейства) на шею невесты. Это самый безошибочный знак касты и во многих случаях единственный. Мы думаем со временем получить полную коллекцию этих Tali. Они обыкновенно сделаны из золота, но мы заказываем или из серебра, или из меди и дадим позолотить их в Петрограде. У нас также собрана полная коллекция типичных драгоценностей разных каст на восточном и западном берегу Южной Индии (позолоченная медь) (около 110). Со временем мы думаем дополнить эту коллекцию для всей Индии. Кроме этого у нас имеются следующие коллекции:

1. Модели важнейших дравидийских храмов, сделанные из древесины (Pith) (5).
2. Бисерная работа женщин касты Chetty³⁴.
3. Танжорская металлическая инкрустация (swami coork) (около 10).
4. Южноиндийские бронзы разной величины (от аршина и ниже) (са 30-40).
5. Миниатюры на слоновой кости.
6. Рисунки на блюде.
7. Южноиндийская (специально мадурская) деревянная резьба.
8. Деревянные, глиняные и бисерные игрушки.
9. Модели способов орошения и сельскохозяйственных инструментов (восточный берег и племя Chenchu) (40-50).
10. Коллекция изделий из слоновой кости (са 45) (работа траванкорская и панджабская).
11. Полная коллекция гончарного производства восточного берега (50-60).
12. Доисторическая коллекция (са 250 предметов). Раскопки дольменов Южной Индии.
13. Типичные ткани, вышивки и т.д. Южной Индии и Панджаба (30).
14. Коллекция так наз. Vidiri coork (металлические произведения города Bidar в Haiderabad) (40).
15. Полный набор музыкальных инструментов (20).
16. Инструменты и украшения разных племен Cochin'a.
17. Предметы, употребляющиеся при puja (богослужению).
18. Коллекция душистых и других гирлянд.
19. Коллекция местных, народных лекарств восточного берега.
20. Циновки и плетения.
21. Набор факирских инструментов.

Кроме того, целый ряд небольших коллекций. Одна беда: внешняя жизнь индуса, в особенности на восточном берегу, очень бедна в смысле обстановки, утвари. Если он беден, то кроме циновки и пары глиняных горшков ничего не имеет. Если

он состоятелен, то он наполняет свой дом дешевой европейщиной, самым рыночным товаром. Платье: кусок материи, завернутый известным способом вокруг бедер. На западном берегу преобладает белый цвет, на восточном пестрые краски.

Коллекции предметов, конечно, далеко не полные. Мы стараемся собирать везде типичное, и это более или менее удается. Но понятно, что местные музеи давно уже сняли сливки с нашего молока, и это совершенно справедливо. Но чтобы посещающим и изучающим наш музей дать возможность иметь как можно больше материала, мы везде фотографируем самые главные коллекции местных музеев и, где это возможно, частные коллекции, таким образом, у изучающего, скажем, южноиндийские бронзы, перед глазами наша коллекция — далеко не бедная, — дающая полное представление о материале, работе и т.д., и все выдающиеся экземпляры этого искусства, находящиеся в Мадрасском, Коломбском, Пудукоттском, Тричурском и прочих музеях, так же как и в частных коллекциях. Кроме того, эти негативы являются *Vorarbeit** для целого ряда монографий. Пока у нас таких «предметных» негативов са 600. Большинство из них 12 × 24; они содержат около 3000 предметов следующих категорий:

изделия из слоновой кости,
деревянная резьба,
золотые и серебряные предметы искусства,
драгоценности,
бронзы и прочие металлические изделия,
индийские картины-миниатюры,
предметы гончарного искусства,
оружие,
каменная резьба,
изделия из разных других материалов (рог, черепаший щит, кожа, шелк и т.д.).

Оказалось в большинстве случаев, что никто до сих пор не снимал этих предметов, так что я думаю, что наш музей будет иметь единственную в Европе коллекцию фотографического материала. Мы думаем продолжать эту работу во всей Индии и, я надеюсь, получим в конце концов довольно полную коллекцию отчасти настоящих предметов, отчасти фотографий, дополняющих друг друга. У нас пока фотографий свыше 2000, отчасти они сняты нами, отчасти как отпечатки с чужих негативов.

По примеру мадрасского музея я заказал у фотографа 40 транспарантных фотографий, изображающих важнейшие племена Южной Индии. Они вышли очень хорошо и будут показательны. Книг по разным областям у нас свыше ста. Отчасти они подарки от разных правительств (цейлонского, мадрасского, пудукоттского, кочинского). Чтобы иметь деньги на все это, нам пришлось, конечно, уменьшить как можно больше расходы на жизнь. Это нам удалось таким образом. 3 месяца мы гостили у одного англичанина в Шембагануре и Мадуре, в Пуддукоттай, Кочине, и теперь в Траванкоре мы устроились как гости государства. Это обстоятельство, что мы за стол и комнату платили только в течение пяти месяцев, сделало возможным, что 6000 рублей нам хватило на жизнь и коллекции от середины марта до сих пор.

Простите, глубокоуважаемый Василий Васильевич, что я здесь прерываю письмо. Но нас ждет пароход, на котором мы попадем в Тривандрум. Оттуда я

* *Vorarbeit* (нем.) — подготовительная работа (*сост.*).

напишу продолжение моего доклада. Надеюсь, что Вы и все милые друзья в музее здоровы. Мы, слава Богу, мало страдаем от климата и чувствуем себя бодрыми и свежими. Кончилась бы только эта война. Всем от нас сердечный привет.

С искренним уважением

Г.Х.Мерварт.

СПБФАРАН, ф. 177, оп. 2, д. 176, л. 3-6. Автограф.

№ 300

*30 июня 1916 г. — Письмо Г.Х.Мерварта
исполняющему должность Генерального консула в Калькутте
Р.А.Лисовскому³⁵ с просьбой получить для них от английских
властей разрешение на беспрепятственные разъезды
по Индии*

Многоуважаемый Ростислав Александрович!

Из приложений к этому письму Вы увидите, что мы посланы Императорской Академией наук для собирания коллекций, которые должны будут лечь в основу новому отделу Этнографического музея Академии, обнимающему Индию и Цейлон. Наша командировка, начавшаяся 5/18-го апреля 1914 г., предполагалась на два года, но по истечении этого срока была возобновлена на дальнейшие два года, т.е. до 5/18-го апреля 1918 г.³⁶ Первые два года мы провели на Цейлоне и в Южной Индии, где нам удалось исполнить часть возложенной на нас задачи. При этом как правительство Цейлона, так и правительство Мадрасского президентства и туземных государств оказывали нам содействие.

Ближайшие два года мы хотим посвятить изучению Северной и Центральной Индии. Ввиду военного положения передвижения европейцев, если они не англичане, значительно затруднены разными полицейскими формальностями.

Мы были бы Вам очень обязаны, если бы Вы получили для нас следующие документы от надлежащих высших индийских властей (вице-короля, министра иностранных дел или министра народного просвещения — кто именно этим заведует, я не знаю): 1) общее разрешение на беспрепятственные разъезды по всей Индии. Так как мы состоим на государственной службе союзной с Англией России, то, мне кажется, не может быть никаких затруднений для выдачи подобного документа; 2) циркулярное обращение ко всем местным властям оказывать нам содействие. Такое обращение было у нас на Цейлоне и облегчило нам работу в очень высокой степени. Индийскому правительству было бы, вероятно, желательно знать наш маршрут. В Мадрасском президентстве мы периодически сообщали губернатору наш путь на 2-3 месяца вперед, с удовольствием делали бы то же самое здесь. В общих чертах до конца текущего года наш маршрут будет приблизительно таков: из Калькутты мы думаем поехать в Муггее с возможными короткими остановками по пути. Оттуда мы хотим сделать месячную экскурсию в Кашмир. В начале октября мы отправимся в Пешавер и оттуда поедем обратно в Калькутту по долине Ганга, останавливаясь в разных местах (Amritsar, Lahore, Delhi, Benares, Jaipur и других). В Калькутте будем жить от приблизительно середины ноября до конца декабря. Более подробного плана я сейчас не могу дать. Оба эти документа нам желательно иметь отдельно для Людмилы Александровны

и отдельно для меня, так как нам очень часто приходится работать в различных местах. Мы желали бы выехать в Муггее 10-го июля и были бы Вам чрезвычайно благодарны, если бы могли получить эти бумаги до нашего отъезда.

Прилагаем при сем копии двух документов и 4 фотографические карточки на случай, если надо будет наклеить таковые на документы.

С искренним уважением Г.Х.Мерварт,
ученый хранитель Индийского отделения Этнографического
музея Императорской Академии наук. Петроград.

АВПРИ, ф. Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 89, л. 11–13. Подлинник.

№ 301

*8 сентября 1916 г. — Письмо А.М.Мерварта
Р.А.Лисовскому, исполняющему должность
Генерального консула в Калькутте,
о своих дальнейших планах*

Многоуважаемый Ростислав Александрович!

Я очень извиняюсь, что в ответ на Ваше длинное письмо послал Вам до сих пор только одну телеграмму. Но мы все время путешествовали, собирали, двигались с места на место, так что просто не было спокойной минуты. Я должен Вам сказать большое спасибо за быстрое исполнение нашей просьбы. Здесь приказ индийского правительства оказать нам помощь имел самые приятные последствия.

Кашмирские чиновники прямо ухаживали за нами, и наша работа идет очень успешно. Я надеюсь, что мы скоро будем иметь удовольствие лично познакомиться с Вами или в Delhi, или в Калькутте. Тогда мы Вам расскажем о наших странствованиях по Индии. Мы здесь думаем остаться до 7-го октября н.ст. Хотим отсюда поехать в Пешавар, чтобы увидеть этот город (2–3 дня) и раскопки в Taxila³⁷. Оттуда поедем в Lahore на неделю, оттуда на такой же срок в Amritsar. Потом мы сделаем Delhi своей постоянной квартирой на 2 месяца. Мы там ожидаем появления на свет молодого русского гражданина³⁸. Я хотел бы оттуда сделать небольшие экскурсии в Muttra, Agra, Jaipur. Это пока наши планы до конца этого года. Будьте любезны, передайте об этом секретарю иностранных дел в Симле³⁹.

За все Ваши заботы о нас и нашей работе мы Вам от души благодарны.

С искренним уважением Мерварт.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 89, л. 9–10. Подлинник.

Примечания

¹ Мерварт Густав Герман Христиан (после православного крещения Александр Михайлович) (1884–1932), российский этнограф и лингвист, занимался переводами с санскрита и дру-

гих языков, основоположник дравидологии в России. Мерварт Людмила Александровна (1888–1965), жена А.М.Мерварта, специалист по этнографии, фольклору и языкам Южной и Юго-Восточной Азии, в 1910–1914 гг. — преподаватель Высших (Бестужевских) женских курсов. По возвращению в Россию супруги Мерварт подвергались репрессиям. После окончания Великой Отечественной войны Л.А.Мерварт занималась научно-преподавательской работой.

² Грюнведель, Альберт (1856–1935), немецкий искусствовед, исследователь индийского искусства и буддийских древностей Центральной Азии, сотрудник Берлинского музея. Активно сотрудничал с российскими востоковедами.

³ Сингальский язык — язык автохтонного населения острова Цейлон — сингалов, относится к индийской группе индоевропейских языков.

⁴ Шерман, Люсиан (1864–1946), немецкий этнограф, директор этнографического музея в Мюнхене, руководитель ряда экспедиций в Южную и Юго-Восточную Азию.

⁵ Анимизм — вера в существование духов.

⁶ Королевский этнографический музей в Мюнхене был основан в 1868 г.

⁷ См. док. № 186–207, примеч. 30.

⁸ Вице-президентом Императорской Академии наук в 1900–1916 гг. был Петр Васильевич Никитин (1849–1916), филолог и археолог.

⁹ В 1907 г. Г.Г.Х.Мерварт защитил в Гейдельберге диссертацию на тему «Общественное мнение в Бадене после освободительных войн».

¹⁰ Б.П.Кадомец был российским вице-консулом в Коломбо в 1914–1915 гг.

¹¹ Джасинха Альберт, см. о нем: *Мерварт А.М. и Л.А.* В глуши Цейлона. Л., 1929.

¹² Имеется в виду английский король Георг V (1865–1936, правил с 1910 г.).

¹³ См. док. № 191.

¹⁴ В Россию коллекция не поступила; после начала первой мировой войны она, видимо, была задержана в Александрии и распродана.

¹⁵ По-видимому, имеется в виду Б.А.Игнатъев, мировой судья, ставший незадолго до первой мировой войны членом попечительского совета Музея антропологии и этнографии (вместе с Э.Л.Нобелем, председателем правления Товарищества братьев Нобель).

¹⁶ Имелся в виду Б.Э.Петри — сверхштатный младший сотрудник МАЭ, который заведовал отделами Океании, Европейских народов и дублетов.

¹⁷ Дхаммапада — одно из основных буддийских канонических сочинений на языке пали, в котором изложены основы раннего буддизма.

¹⁸ Имеется в виду Шри Наниссера Тхеро, ученый настоятель буддийского монастыря Малигаканде.

¹⁹ Pali Text Society — международное научное общество, основанное Т.Рис Дэвидсом в 1881 г. для издания и изучения текстов на языке пали. Опубликовано более 100 томов на пали и английском языках.

²⁰ Рис Дэвидс Т.В. (1843–1922), английский буддолог, служил чиновником английской администрации на Цейлоне, знаток языка пали и раннего буддизма.

²¹ Анурадхапура — столица первого сингальского государства (V в. до н.э. — XI в. н.э.), сохранившиеся исторические памятники связаны с распространением буддизма на Цейлоне.

²² Имеется в виду Карл Германович Залеман (1844–1916), иранист, действительный член Императорской АН, в 1890–1916 гг. — директор Азиатского музея.

²³ Имеется в виду Федор Ипполитович Щербатской.

²⁴ Sunjan-yakka — главный из демонов (яка, якша), насылающих болезни.

²⁵ Журнал Цейлонского отделения Королевского Азиатского общества (Journal of the Ceylon Branch of Royal Asiatic Society), выходил в Коломбо с 1845 г.

²⁶ Имеется в виду Лев Яковлевич Штернберг.

²⁷ Г.Х. и Л.А.Мерварты были сотрудниками Музея антропологии и этнографии.

²⁸ Имеется в виду А.М.Левин, врач, один из участников экспедиции в Индию 1897 г. для изучения и борьбы с эпидемией чумы.

²⁹ Г.Х.Мерварт был связан с руководством общества Махабодхи (основано в 1891), ставившего своей целью культурное возрождение страны и ее национальное освобождение.

Согласно донесениям, он выражал возмущение строгими мерами, предпринятыми для подавления бунтов, а потому рассматривался в качестве подозрительного лица. Власти потребовали прекратить всякие контакты с обществом Махабодхи и его руководителями (АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1027, л. 9–15).

³⁰ В 1915 г. в Сингапуре восстал пехотный полк колониальных войск, рекрутированный из пенджабских мусульман. Солдаты отказались отправляться на фронт в Европу и выступили с оружием в руках. После короткого сражения это восстание было подавлено превосходящими силами англичан и десанта с кораблей союзников (русских, японцев, французов).

³¹ Manimeghalei, «Повесть о Манимехалей», русский перевод А.М.Пятигорского см. в книге «Повесть о заколдованных шакалах. Древние тамильские легенды». М., 1963.

³² Винсон Ж. (1843–1926), французский тамилст и переводчик, автор учебника тамильского языка. Поуп Г.У. (1820–1908), английский миссионер, специалист в области тамильского языка и литературы, автор многочисленных переводов тамильской классики на английский язык.

³³ Мариамма — в дравидийской мифологии богиня-мать, покровительница в образе богини оспы и других опасных болезней; Айянар — сельский бог, часто бывает связан с земледелием и плодородием.

³⁴ Четти — каста торговцев в Южной Индии.

³⁵ Лисовский Ростислав Александрович — атташе Генерального консульства в Калькутте в 1915–1917 гг., до этого служил секретарем консульства в Керманшахе.

³⁶ Мерварты прибыли во Владивосток осенью 1918 г., а в Петроград вернулись зимой 1924 г.

³⁷ Таксила (Такшашила) — город в Северо-Западной Индии, в древности крупный торговый и ремесленный центр, расположенный на важнейшем пути, который связывал Индию с внешним миром по суше. В 1913 г. английский археолог Дж.Маршалл начал раскопки на месте Таксилы.

³⁸ В Индии у Мервартов родился ребенок, который при рождении умер.

³⁹ Имеется в виду глава департамента иностранных дел, по английской традиции они назывались секретарями правительства Индии (город Симла — летняя резиденция вице-короля Индии).

Приложение

ОТЧЕТ ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ИНДИЮ в 1914–1918 гг. Л.А. и А.М.МЕРВАРТОВ

Почти полное отсутствие в составе МАЭ АН коллекций, могущих дать представление о быте народов, населяющих Индию и составляющих почти пятую часть населения земного шара, побудило директора МАЭ, ныне покойного акад. Василия Васильевича Радлова, обратить внимание на этот пробел и подыскать людей и средства для создания отдела, который достойным образом отражал бы культуры индийских племен. Для выполнения этой задачи предполагался ряд экспедиций в Индию и был приглашен на службу в МАЭ составитель настоящего отчета, ныне уч[еный] хран[итель] МАЭ Александр Михайлович Мерварт. Кроме того, к этой работе была привлечена Людмила Александровна Мерварт, состоящая на службе МАЭ в должности научн[ого] сотруду[ника] 1-го разряда.

Трудности такой задачи были чрезвычайно велики, и лица, принимавшие участие как в разработке плана экспедиции и снаряжении ее, так и проводившие работу на месте, ясно отдавали себе отчет в этих трудностях. Огромная территория, равная по своим размерам Европейской части СССР, население численностью свыше 300 миллионов человек, состоящее из самых разнородных и разно-

язычных племен, отсутствие каких бы то ни было систематических этнографических коллекций по Индии не только у нас, но даже в самих индийских музеях — вот некоторые из тех условий, при которых пришлось подойти к поставленной задаче. К тому же этнографией и вообще бытом современной Индии в России научно очень мало занимались. Индология почти целиком совпадала с изучением санскрита и тех наук, которые изложены на этом языке. Современные индийские наречия, которые в настоящее время включены в учебную программу высших учебных заведений Ленинграда и Москвы, тогда нигде не преподавались. Перед экспедицией, таким образом, стояла весьма сложная задача: во-первых, собрать как можно больше и как можно систематичнее музейный материал в виде этнографических предметов, фотографий и т.п., во-вторых, изучать этнографию Индии на месте и, в-третьих, изучать для знакомства с бытом хотя бы одной или двух областей, одно или несколько современных индийских наречий. Предварительная летняя командировка в Берлин и Мюнхен в 1913 г. дала нам, участникам экспедиции, возможность ознакомиться с индийскими коллекциями, выставленными в этнографических музеях этих двух городов.

Ввиду обширности задачи и полного отсутствия предварительной работы в этой области предполагалось рассматривать первую экспедицию, из ряда предполагаемых к отправке в Индию, как ориентировочную. Она должна была дать нам возможность ознакомиться на месте с индийским бытом, дать, конечно, известные результаты в смысле музейных коллекций и приготовить нас к исследовательской работе в той или иной области страны. Поэтому директивы, данные нам как администрацией МАЭ, так и ОИФ, носили весьма общий характер и предоставляли нам широкую свободу действий. На совещаниях, предшествовавших отправке экспедиции, некоторыми лицами, как, напр., С.Ф.Ольденбургом и Л.Я.Штернбергом, было высказано пожелание, чтобы мы обратили особое внимание на дравидийский юг Индии, как на область, чрезвычайно интересную с этнографической точки зрения и совершенно не затронутую в русской индологии. Первоначально предполагалось отправить первую экспедицию в Индию на срок не больше двух лет, каковой срок лицами, задумавшими экспедицию, справедливо считался предельным для плодотворной работы. События последующих годов привели, однако, к тому, что мы продолжали свою работу в Индии без прерыва в течение почти четырех лет.

Эти же события — война и революция — сильно сократили те средства, которыми первоначально предполагалось снабдить экспедицию. По идее покойного акад. В.В.Радлова на содержание, передвижение и другие накладные расходы двух членов экспедиции предполагалось ассигновать 12.000 руб. в год. Приблизительно столько же было ассигновано на приобретение этнографических коллекций. В действительности же сумма, полученная экспедицией от АН в течение четырех лет, достигла всего 36.000 руб.

ЦЕЙЛОН. Мы отправились 5.IV.14 через Одессу на пароходе «Екатеринослав» Добровольного Флота в Коломбо, куда прибыли 25.V.14. Мы решили посвятить изучению и собиранию материала по о-ву Цейлону продолжительное время по следующим причинам: во-первых, о-в Цейлон представляет собой, сравнительно с остальной Индией, небольшую площадь, во-вторых, первоначальное ознакомление с материальной стороной цейлонской этнографии очень облегчалось богатством хотя и несистематических коллекций Коломбского Музея, в-третьих, работа могла быть, с пользой для дела, распределена между нами так, что один участник взял на себя изучение дравидийского языка — тамильского, в то время

как другой занялся сингальским языком, представляющим собой весьма интересный отпрыск арийского семейства языков.

Для предварительной ориентации мы тщательно изучали сокровища Коломбского Музея. Многие предметы, являющиеся музейной редкостью и поэтому недоступные для приобретения, мы засняли и, таким образом, с самого начала приступили к созданию как бы дополнительного индийского отдела, долженствующего содержать, в виде фотографий, наиболее характерные предметы местных индийских музеев. Насколько нам позволили средства, мы этой системы придерживались в продолжение всей нашей работы. Одновременно мы стали приобретать разные знакомства среди местных жителей, сингальцев и тамиллов, с помощью которых нам в короткое время удалось составить значительную коллекцию, свыше 1.000 номеров. Эту коллекцию мы отправили 27 VII, через два месяца после нашего прибытия, в 4-х ящиках на пароходе Добровольного Флота «Кишинев» в адрес МАЭ. Ввиду разразившейся через несколько дней после отправки войны коллекции эти были выгружены в Александрии и сданы на хранение. К сожалению, есть основания опасаться, что эти коллекции были в свое время проданы с аукциона, ввиду неуплаты за хранение. Эти коллекции содержали приблизительно полный набор инструментов, употребляемых разными ремесленниками для местных ремесел, полный набор масок для «коланатува» (маскарадных представлений) и «яккунатува» (плясок для изгнания бесов), много предметов домашней утвари и пр.

Сейчас же по приезде на Цейлон мы начали изучение местных языков с помощью туземных учителей. Л.А.Мерварт занималась сингальским языком, а А.М.Мерварт — тамильским языком. Одновременно предпринимались краткие экскурсии для ознакомления с бытом прибрежной полосы, как-то: в города Матара, Галль, Колутара, Негомбо.

Начало войны застало нас в Кенди, куда мы поехали, чтобы немного отдохнуть от непривычной тропической жары и, с другой стороны, для изучения сингальского быта в его наиболее чистой форме. Несмотря на далекое расстояние от всех театров военных действий, мировая катастрофа не преминула отразиться и на условиях нашей работы. Прежде всего, средства экспедиции сильно сократились и, что гораздо важнее, стали приходиться в наши руки чрезвычайно нерегулярно, что, конечно, сделало почти невозможным вести собирательную работу по строго продуманному плану. Кроме того, интерес властей Индии был естественно сосредоточен на сохранении спокойствия страны. Это стремление часто выражалось в стеснительных для нашей работы запрещениях посещать ту или иную местность. Ввиду взволнованного состояния широких слоев индийского населения власти не считали целесообразным допускать работу среди первобытных племен в местностях, находящихся далеко от центров управления. С целью предохранения индийских владений от возможных нежелательных для британского престижа явлений бдительный надзор за иностранцами, который существует и в мирное время, усилился до весьма стеснительных для нашей работы размеров. Нужно, однако, отметить, что рядом с понятной в такое чрезвычайное время подозрительностью со стороны властей и полиции мы всегда встречали отменно любезный прием и помощь в нашей работе со стороны научных учреждений и ученых.

Из Кенди 23.IX.14 мы предприняли трехнедельное путешествие по той части северного Цейлона, где находятся развалины древней культуры — Анурадхапура, Полланарува, Сигирия, Дамбулла и др. Для этого путешествия мы пользовались

туземным способом передвижения — арбой, запряженной быками, что дало нам возможность ознакомиться и с бытом этой когда-то богатой, но ныне крайне запущенной, пустынной области. По возвращении мы разделили нашу работу следующим образом: Л.А.Мерварт поселилась в одной сингальской семье в д. Ампития Кендийской области, в то время как А.М.Мерварт вернулся в Коломбо, чтобы там, под руководством ученого настоятеля буддийского монастыря Малигаканде, Шри Наниссера Тхеро, изучать буддизм школы Хинаяна. Эти занятия, которые происходили ежедневно в монастыре, служили, с одной стороны, хорошей практикой в языке пали, на котором велись беседы, с другой стороны, дали возможность ознакомиться с жизнью буддийской монашеской общины. В то же время А.М.Мерварт продолжал, под руководством туземного учителя, изучение тамилского языка, а также и работу в Коломбском Музее. Между прочим, по просьбе директора Музея д-ра Пирсон, им был составлен подробный отзыв о состоянии Этнографического Отдела Коломбского Музея для представления цейлонскому правительству.

С 12.X.14 по 16.I.15 Л.А.Мерварт прожила в д. Ампития Кендийской области в семье Пуссегода, сингальца из касты земледельцев — самой высокой из цейлонских каст. Эта семья являлась центром деревушки, так как принадлежала к классу бандара, т.е. тому классу, из которого сингальские независимые цари брали своих жен. Живя в этой семье, Л.А.Мерварт имела возможность наблюдать как домашний быт сингальцев, так и деревенские религиозные церемонии, а также ознакомиться с интересами и психологией сингальского сельского населения. Одновременно она имела возможность ознакомиться со своеобразными имущественными и брачными отношениями сингальцев, особенно с очень древней формой брака «бини». Постепенное усвоение языка и участие во всей домашней жизни помогли Л.А.Мерварт стать в деревне своим человеком и дали ей возможность изучить подлинную религию народа. Это изучение показало ей различие, существующее между буддийской доктриной и фактической религией буддийского крестьянина. Эта проблема оказалась настолько интересной, что 16.I.15 Л.А.Мерварт отправилась в двухнедельное путешествие по самым глухим местам провинции Сабарагамува. Здесь, где население чрезвычайно мало встречалось с европейцами, ей удалось записать за время своих странствований свыше 150 бесед с отдельными лицами обоего пола, из которых каждая заключала ответы на серию предварительно выработанных нами совместно вопросов по народным верованиям. Как во время этого путешествия, так и во время пребывания в д. Ампития Л.А.Мерварт удалось собрать материалы по фольклору, демонизму и по поклонению звездам. При этом были собраны точные иллюстрации, сделанные местным сингальским художником, изображений, употребляющихся при «Бали» (обряды звездопоклонничества) в количестве 82 и списана самая полная имеющаяся на Цейлоне рукопись, заключающая руководство для этих обрядов. В д. Ампития были, кроме того, собраны все употребляемые сингальцами сельские орудия, посуда, одежда и другие предметы домашнего быта и исключительная по своей ценности коллекция раскрашенной посуды из необожженной глины, каковая техника в настоящее время выходит из употребления. Одновременно с этими сборами и исследованиями Л.А.Мерварт перевела в д. Ампития на русский язык одну из самых распространенных народных сингальских религиозных книг «Кесадуванса» — «История семи священных волос». Книга эта интересна как один из источников, из которых сингальский буддист удовлетворяет свои религиозные потребности.

Попутно с изучением народных верований сингальской деревни мы совершили путешествие во владения одного из крупных сингальских вождей старого типа. Это было сделано отчасти для ознакомления с укладом жизни этого вымирающего слоя сингальского населения, отчасти чтобы уточнить уже начатые раньше переговоры об одном даре, который этот вождь вызвался преподнести МАЭ. Дар должен был состоять из полной внутренней отделки буддийского храма — «джатака», фигуры Будды и архатов на расписных досках. Эту отделку с фигурами в трех типичных позах мы предполагали монтировать в помещении Индийского Отдела. Наши переговоры по этому же поводу с одним крупным коммерсантом-сингальцем из Коломбо, Раджа Пакше, окончились неудачей ввиду постигшего его семейного горя.

Кроме сингальской области нами было обращено внимание и на тамильский север острова. Ввиду того, что мы собирались уделить дравидийской культуре в самой Индии значительное время, мы ограничились непродолжительной поездкой в г. Яффна и его окрестности. При этом нам очень помогло знакомство с одним выдающимся административным и общественным деятелем Цейлона, Понамбалам Раманатан, который имеет большое личное влияние среди своих тамильских сородичей на севере Цейлона и который принимал большое участие в нашей работе. В частых беседах с ним во время поездки на его родину мы вникали, благодаря его умелому анализу, глубже в сущность современной индийской культуры, чем мы могли это сделать даже после более продолжительного пребывания в стране. В Яффне мы приобрели коллекцию изделий из пальмировой пальмы, характерной для этой части острова.

ЮЖНАЯ ИНДИЯ. В конце января 1915 г. мы поехали в южную Индию через Данушкоди и Талайманнар. Согласно принятой нами системе, мы сперва отправились в Мадрас, чтобы установить план нашей работы на основании коллекций Правительственного Музея. Там, как почти везде в Индии, этнография находится в руках специалистов, главным образом зоологов, хотя тогдашний директор Музея, Гёндерсон, и его ассистент, ботаник Нара Синга Рао, всячески шли нам навстречу и помогали нам своим практическим опытом и знанием страны. Нара Синга Рао сделался нашим личным другом, и благодаря ему нам удалось приобрести ряд интересных коллекций. Изучение музейных предметов сопровождалось съемкой наиболее интересных этнографических предметов. В Мадрасе мы, таким образом, работали до наступления жаркого времени, т.е. до начала апреля. Коллекции, которые нам удалось за это время собрать, мы, с согласия директора Музея, хранили в одной из кладовых этого учреждения. Так как это помещение имело бетонный пол, мы не предвидели никакой опасности со стороны вредителей, в особенности термитов. Но впоследствии, уже после нашего отъезда из Индии, возникла необходимость перенести наши коллекции — их было к концу нашего пребывания 92 ящика — в другое помещение с простым земляным полом. Вследствие этого завелись термиты и уничтожили около 40% наших южноиндийских коллекций, главным образом деревянные и кожаные предметы, ткани, книги, записи, эмульсию на негативах, фотографии. В конце концов, оставшиеся более или менее целыми коллекции были, по распоряжению теперешнего директора Музея д-ра Грэвели, переупакованы в 50 ящиков, из которых некоторые содержали только жалкие остатки целого ряда предметов и книг. При переупаковке, по-видимому из-за недостатка упаковочного материала, ряд каменных изваяний, изображающих змей, почитаемых в южной части Траванкора, остался не переупакованным и не был переслан сюда. К сожалению, среди коллекций, погибших

таким образом, было много предметов, иллюстрирующих быт разных примитивных племен южной Индии, как то: тодов, ведаров, кадаров, урали, мала-араян, танда-пулаян. Причину этой печальной потери следует искать в условиях военного и революционного времени, сделавших невозможной своевременную посылку коллекций в Ленинград.

В результате нашей работы в Мадрасе мы составили следующий план нашей дальнейшей деятельности: с одной стороны, подробное изучение городского и сельского быта тамиллов и малаяли, в особенности изучение народных культов, народного театра и т.п., с другой стороны, насколько было возможно, ознакомление с рядом примитивных племен. Мы с самого начала отдавали себе отчет в том, что в задачу нашей первой поездки, которая к тому же имела весьма широкие цели, не могло входить подробное исследование какой-нибудь отдельной народности. Для этого у нас не было ни опыта, ни знания языка, ни времени. С другой стороны, знакомство с различными стадиями индийского быта в соединении с более подробным исследованием той или иной из его сторон, как, напр., народного театра, нам казалось и достижимым и необходимым. Из Мадраса мы сперва предприняли краткое путешествие в центры дравидийского индуизма Читамбарам, Кумбаконам, Танжер, Тричинополи, Шрирангам. Следующей нашей целью были Пальнийские горы, где мы провели самое жаркое время — конец апреля и май. Поездка туда стояла отчасти в связи с приглашением Раманатана, имеющего там летнюю дачу. Однако, ввиду задержки с приездом самого Раманатана, нам пришлось видоизменить наши планы. Первую половину этого времени мы пробыли в Кодай-Каналь, где главным образом продолжали наши занятия тамильским языком. Остальное время мы жили в имении Чембаганур, вблизи деревушки того же имени. Это имение принадлежит помещику полуанглийского, полуиндийского происхождения, который нам оказал гостеприимство и впоследствии, когда мы жили у него в г. Мадуре. Это имение расположено поблизости от лесов, в которых обитает племя палиан. Нам удалось собрать кое-какие предметы быта этого племени, а также и интересные камни-фетиши, почитаемые им как божество. Кроме того, мы поручили одному из служащих имения, французу Леже, сделать для нас снимки, дав ему недорогую камеру, пластинки и инструкции.

Из Кодай-Каналь нам пришлось на короткое время еще раз съездить на о-в Цейлон. Из переписки по поводу вышеуказанного дара сингальского вождя выяснилось, что наше личное присутствие необходимо, чтобы добиться результатов. Мы отправились в Коломбо, куда мы прибыли в конце мая. Время до отъезда в Сабарагамува мы использовали, чтобы закончить кое-какие фотографии в Коломбском Музее, получить полный список уже упомянутых балийских заклинаний и поработать в монастыре Малигаканде. Одновременно была начата, при помощи некоторых представителей сингальской интеллигенции, анкета, которая должна была установить, в какой мере и в какой форме учение Будды отражается в мировоззрении образованных буддистов наших дней. Первое заседание, на котором присутствовало около 15 человек — сингальских общественных деятелей, адвокатов, врачей, — дало уже некоторые результаты, и на нем была выработана программа более широкой анкеты. К несчастью, в этот момент начались беспорядки, принявшие сперва форму резни между буддистами и магометанами, но раздутые впоследствии местными властями в восстание против правительства. Целый ряд тех лиц, которые собирались принять участие в вышеуказанной работе, был расстрелян, и мы сами подверглись обыску. Однако благодаря

энергичным шагам русского консула власти принесли нам извинения, но просили нас не продолжать пока нашу работу на Цейлоне. Несмотря на тревожное положение страны, мы отправились в Сабарагамува, но вследствие муссонных дождей дороги туда превратились в потоки, и нам пришлось вернуться в Коломбо. Таким образом, наша попытка обогатить МАЭ ценным и интересным даром цейлонского вождя кончилась неудачей.

По возвращении в Южную Индию работа была распределена следующим образом: Л.А.Мерварт, следуя приглашению вышеупомянутого помещика, поехала в Каликут, чтобы ознакомиться с бытом наяров. Благодаря связям пригласившего ее лица ей удалось познакомиться с рядом наярских семей, побывать в их домах и изучать наглядно их своеобразный семейный и религиозный уклад жизни. Между прочим, удалось наблюдать обряды, связанные с праздником Онам, посвященным Балараме — образу Вишну, специально почитаемому на Малабарском побережье. Кроме наяров, в Каликуте удалось изучать быт парсов, с которыми мы впоследствии больше не встречались, и быт различных низких каст музыкантов, массажистов и пр. Во время пребывания Л.А.Мерварт в Каликуте произошло одно из очередных восстаний местных магометан мапила, принявшее довольно грозные размеры ввиду неосмотрительности местного губернатора и отсутствия в области войск из-за европейской войны. Во время этого восстания белое население города подвергалось значительной опасности. А.М.Мерварт это время, т.е. июль 1915 г., провел в Мадрасе, продолжая начатую весной работу в музее и в библиотеке, а также занятия тамильским языком. По совету выдающегося тамилиста, Махамахопадхья Субраманья Айар, он занялся переводом на русский язык единственного буддийского памятника на классическом тамильском языке — «Манимекала», — каковая работа была закончена уже в Мадуре с помощью тамошнего пандита Гопалакришна Айар. С августа до начала ноября мы жили в г. Мадуре в доме того же помещика, у которого мы гостили и раньше. Этот город — старинный центр тамильской культуры — казался нам наилучшим местом для того, чтобы всесторонне изучить жизнь тамильского города и деревни. Кроме интенсивных занятий разговорным и литературным тамильским языком — последнее главным образом в связи с переводом тамильского классика — мы постоянно наблюдали жизнь и обычаи, не только на базаре или в разных святынях, но и в туземных домах. Л.А.Мерварт, как женщине, удалось попасть в дома некоторых браминов и подружиться с их женщинами. Она, кроме того, некоторое время работала в женской больнице местной американской миссии, где она могла сделать интересные наблюдения над жизнью и психологией женщин из простонародья. Из Мадуры мы предприняли ряд поездок в окрестные деревни, чтобы познакомиться с деревенскими обрядами. Кроме того, мы на несколько дней поехали, вместе с нашим другом, одним видным местным брамином, в страну четти, где присутствовали на своеобразном обряде золотой свадьбы, подробно изучили странный быт этих тамильских купцов, построивших среди почти безводной пустыни селение из мраморных дворцов, и сделали много фотографий их жилищ, украшений и т.п. Находясь в Мадуре, мы получили через мадрасское правительство, к которому мы обратились за содействием, приглашение посетить входящие в состав Мадрасского президентства княжества Пудукотта, Кочин и Траванкор в качестве гостей государства. В середине октября мы отправились сперва в Пудукотта. Благодаря любезности брата махараджи, а также английского резидента Берна мы имели полную возможность составить себе представление об учреждениях и жизни этого маленького государства. Мы вошли в близ-

кий контакт с руководителем Краеведческого Музея, Сама Рао, сняли много интересных этнографических предметов, находящихся в Музее и во дворце махараджи, собрали ряд коллекций, как, напр., коллекцию местных лекарственных трав. Быт этого маленького княжества интересен тем, что большая часть его населения и княжеский дом принадлежат к касте каллан, или разбойников, игравших когда-то немалую роль в войнах и набегах в Южной Индии.

Из Пудукотта мы поехали в Тричур на Малабарском побережье. Там мы были любезно приняты кочинским министром Бхор, в гостеприимном доме которого мы прожили около 3-х недель. Там же мы подружился с лучшим знатоком этнографии Малабарского побережья, Ананта Кришна Айар. Как автор трехтомного труда о кочинских кастах и племенах и как заведующий Музеем в Тричуре, он знал местный быт как никто другой и щедро делился с нами своим неисчерпаемым знанием. Благодаря его связям с местными жителями нам удалось проникнуть в такие области быта, которые обычно закрыты для европейского путешественника, и приобрести ряд редких коллекций. Это был единственный специалист-этнограф, с которым судьба нас свела в Южной Индии, да и вообще в Индии. Наша дружественная связь с ним сохранилась во все время нашего пребывания в стране. Мы с ним объехали окрестности Тричура, познакомились подробно с укладом жизни браминов намбудури, наяров, а также различных лесных племен (кадаров, танда пулаян и др.). Как и всегда, мы сняли наиболее интересные экспонаты Тричурского Музея. После Тричура мы отправились в другой главный город этого государства Эрнаулам-Кочин. Благодаря способам передвижения, любезно предоставленным нам кочинским раджей, с которым мы там же и познакомились, мы имели возможность объехать на автомобиле и моторной лодке весь этот богатый край с его лагунами и каналами. Благодаря уже имевшемуся у нас знанию тамильского языка нам было сравнительно легко освоиться с языком малайлам, изучением которого мы занимались и во время нашего пребывания на Малабарском побережье. Во время пребывания в Эрнауламе мы воспользовались случаем, чтобы познакомиться с живущими в г. Кочине евреями, потомками переселившихся туда в начале н.э. выходцев из Палестины. Часть из них, так называемые «белые евреи», являются удивительным примером сохранения чистоты типа в течение почти 2000 лет, в то время как другая часть, так называемые «черные евреи», антропологически и этнографически интересна как смесь семитического и южноиндийского (дравидийского) типов. Из Эрнаулам мы ехали пароходом до Квайлона и оттуда в Тривандрум. Из Квайлона Л.А.Мерварт предприняла совместно с одной наяркой, инспектрисой туземных школ, ряд поездок по деревням для собирания народных верований и обычаев.

Для передвижения в Южной Индии и отчасти на Цейлоне мы пользовались мотоциклеткой с прицепной коляской, что оказалось очень удобным ввиду отличных дорог.

Траванкор, расположенный на крайнем юге Индии, вмещает в себе, так же как и Кочин, древнейшие и первобытнейшие дравидийские племена одновременно с высокоразвитой и очень строго выдержанной браминской культурой. В лице Махамахопадхья Ганапати Шастри, заведующего изданием санскритских рукописей, мы встретили одного из самых крупных индийских санскритологов. Он как раз был занят изданием ряда драм, которые он приписывает одному предшественнику Калидасы, известному под именем Бхаса. Этот вопрос казался настолько важным для истории индийской драмы, что А.М.Мервартом был сделан перевод всех приписываемых Бхасе 13-ти драм на русский язык. Эта работа

стояла в связи с изучением малоизвестного вопроса о происхождении и истории малабарской народной драмы и о распространении арийской культуры среди дравидийских племен. Другое лицо, которое своими советами, знанием и дружбой оказало нам большие услуги, был известный автор «Индийской иконографии», Т. Гопинатха Рао. Музей в Тривандруме, который был изучен и частично сфотографирован нами, не представлял большого этнографического интереса. Скоро после прибытия в Тривандрум мы решили разделить работу. А. М. Мерварт, после окончания работы в Музее, предпринял поездку в Нагар-Койль — центр культа змей, — в Сучиндрам и на мыс Коморин. Л. А. Мерварт приняла приглашение главы касты назрани мапилла (назорейские князья), называемой англичанами «сирийскими христианами», приехать в г. Котаям и поселиться в семье одного из членов касты для изучения ее быта. Назрани мапилла — потомки индусов разных, но преимущественно высоких каст, главным образом браминов и наяров, обращенных в христианство в течение первых веков н.э. Согласно общеиндийскому укладу жизни, эти, объединенные общим признаком религии, люди образовали особую касту, стоящую очень высоко в иерархии малабарских каст. Это положение их является совершенной противоположностью положению вновь обращаемых в христианство индусов, считающихся немногим выше париев. Назрани мапилла принадлежат к христианству восточного толка и поэтому очень тяготеют к России. Это дало Л. А. Мерварт возможность быть принятой в их среде как своей и принимать участие в качестве члена семьи как в ежедневной домашней жизни, так и во всевозможных обрядах. Кроме собирания предметов быта и записывания фольклора, детских игр, кухонных рецептов и т.п., Л. А. Мерварт, в бытность свою в Котаяме, перевела на русский язык с местного малайяльского народные песни, входящие в обряд назранской свадьбы, и занималась изучением истории этой интересной группы населения, насчитывающей более миллиона человек. Назрани мапилла живут не только в Котаяме, который является их главным центром, но и расселились по всему Траванкору и Кочину, и, собирая сведения о них, Л. А. Мерварт объехала большую часть их главных селений.

Время нашего пребывания в Траванкоре мы использовали также для изучения совершенно неизвестного в Европе типа театральных представлений религиозного характера, известного под именем «катакали» или «аттакатха». На них можно проследить постепенный переход от эпоса к драме. Мы присутствовали на одном представлении, сфотографировали актеров в их своеобразных костюмах и приобрели полный набор одежды и реквизита.

Одновременно мы изучали быт некоторых интересных примитивных племен и приобрели иллюстрирующие его коллекции, а также сделали ряд интересных снимков. Там мы познакомились с племенем ведаров, живущим в окрестностях Котаяма, и впоследствии с некоторыми племенами, живущими в горах Западных Гхатов. Нашим исходным пунктом для экскурсий в леса Западных Гхатов служили раскинутые на высоте около 1.500 м чайные плантации, где мы жили по приглашению плантаторов. Это дало нам, между прочим, возможность наблюдать своеобразный уклад плантационной жизни. Из Котаяма мы отправились сперва в Мундакаям — местечко, расположенное у самого подножия Гхатов. Из Мундакаяма мы разыскали селение племени мала-араян. Потом мы поднялись в Пирмэд — центр чайных плантаций. Оттуда мы посетили селение племени урали.

В начале февраля 1916 г. мы выехали из Траванкора, причем пользовались местным способом передвижения — плоскодонными крытыми баржами, в которых мы добрались по каналам и лагунам до Эрнаулама. После непродолжительной

остановки в Тричуре мы поехали в Утакаманд на Синих горах. Наш план был следующий: посвятить некоторое время ознакомлению с племенами, населяющими Синие горы, собрать коллекции, иллюстрирующие их быт, и оттуда направиться в южную часть Деканского плоскогорья, занимаемую княжеством Майсор. В Утакаманде мы провели около месяца в ожидании необходимых средств для дальнейшей работы. Однако ввиду военного положения переводы из Англии в Индию на имя частных лиц были запрещены, и мы скоро оказались в очень критическом положении. Консулы, к которым мы обратились, предупредили нас, что такое положение может продолжаться долго и что вообще, при критическом финансовом положении России, нам не приходится ожидать дальнейшей поддержки нашей работы. Одновременно нам было предложено отправить нас на казенный счет домой через Владивосток. Три телеграммы, посланные нами АН, остались без ответа. Не имея определенного распоряжения со стороны АН прекратить работу, мы сочли своим долгом сделать все, чтобы продлить наше пребывание в Индии как можно дольше. Единственной возможностью это сделать, при отсутствии средств и невозможности для консула оказать нам дальнейшую денежную поддержку из своих личных средств, было поступление на какую-нибудь службу. Благодаря нашим связям с Союзом южноиндийских плантаторов А.М.Мерварту было предложено занять пост товарища директора Отдела Труда Союза южноиндийских плантаторов. Эта должность обеспечивала нас не только материально, но давала еще возможность собирать коллекции. Кроме того, при исполнении разнообразных обязанностей, приходилось постоянно встречаться с самыми различными кастами, в особенности низшими. Эта работа была также связана с разъездами по большому округу Южной Индии. Центром этого округа является г. Коимбатор, расположенный в равнине между Синими горами, Анамалей и Пальни, недалеко от Пальгхатского перевала, ведущего к Малабарскому побережью. Несомненно, что из всех возможностей временного заработка эта служба дала наибольший материал для этнографических наблюдений. В Коимбаторе мы провели жаркое время, т.е. март, апрель и май 1916 г. Наши планы относительно работы в Синих горах не были осуществлены ввиду отсутствия денег; и когда Л.А.Мерварт хотела вернуться из Коимбатора в Утакаманд, к ней был применен декрет, запрещающий иностранцам, ввиду военного времени, посещение ряда частей Индийской Империи. Из Коимбатора мы сделали ряд поездок, отчасти служебного характера, отчасти с исключительно этнографической целью. Так, Л.А.Мерварт съездила на ярмарку в Тричур и в Бангалор. Вместе мы ездили по окрестностям Коимбатора, углубляя таким образом наше знакомство с дравидийской деревней. Свободное от служебных занятий время было использовано для дальнейшего изучения тамильского языка и продолжения начатого А.М.Мервартом в Траванкоре перевода драм Бхасы. Приблизительно через месяц после поступления на эту службу были получены долгожданные средства для продолжения работы. Однако пришлось дослужить до условленного в служебном договоре срока, который истек 6.VI.16. Частью полученных денег был покрыт долг консулам, на другую часть мы приобрели с помощью нашего друга Ананта Кришна Айар ценные коллекции с Малабара, из Коимбатора и его окрестностей. По истечении срока пребывания в Коимбаторе мы отправились в Майсорское княжество. Сперва мы посетили Бангалор, где мы работали в течение нескольких дней в музее и завели знакомство с местными учеными. К сожалению, свобода нашего передвижения по Майсору была урезана английскими властями больше чем где бы то ни было. Для каждой поездки за пределы

Бангалорского гарнизонного города требовалось исходатайствовать предварительное разрешение полицейских властей с указанием цели и продолжительности поездки. Поэтому мы решили сократить наше пребывание в Майсоре до минимума и побывали лишь в г. Майсор, в Арсикере и в окрестностях Бангалора.

СЕВЕРНАЯ ИНДИЯ. К этому времени мы получили из АН документы, которыми срок нашей командировки был продолжен на дальнейшие два года. Ввиду отсутствия каких бы то ни было указаний нам пришлось самостоятельно решить вопрос о дальнейшем направлении нашей работы. Мы пришли к заключению, что целесообразнее всего перенести поле деятельности на север Индии. Во-первых, работа и коллекционирование на одном дравидийском юге, казалось нам, не дали бы тех результатов, для которых мы были командированы, а именно более или менее полной картины всей Индии. Во-вторых, мы заметили, что окружающий нас быт сделался слишком привычным и что уже много черт его ускользало от нашего внимания. Для обострения наблюдательности нам казалось целесообразным резко переменить область обследования. Мы поэтому выбрали ближайшим местом для нашей работы Кашмир, на крайнем северо-западе Индии. Туда мы отправились следующим маршрутом: сперва мы поехали в Мадрас, где привели в порядок собранные нами до тех пор коллекции и сговорились с директором музея относительно хранения наших коллекций до возможности их вывоза, а также относительно приема имеющих прибыть из разных частей Индии коллекций от наших корреспондентов: Ананта Кришна Айар в Кочине, Падманабха Айар в Коимбаторе, Падманабха Пиллай в Тривандруме и др. Из Мадраса мы отправились в Калькутту. Там остановились на две недели для того, чтобы явиться в Генеральное консульство, а также для предварительного изучения Индийского Музея и для первоначального ознакомления с языком хиндустани. Из Калькутты мы поехали в Лакнау, где приобрели ряд коллекций при помощи заведующего тамошним музеем, известного археолога Хирананда Шастри. Одновременно мы подробно изучали археологические и этнографические коллекции Лакнауского Музея. Там же мы заказали ряд моделей, иллюстрирующих деревенский быт северной Индии. Из Лакнау мы поехали через Дели, Лагор и Раваль-Пинди в Шринагар — столицу Кашмира. Благодаря шагам, предпринятым по нашей просьбе русским консульством, кашмирский махараджа получил от индийского вице-короля распоряжение принять нас как гостей государства. Это распоряжение пришло, однако, через несколько недель после нашего приезда, так что мы устроились на собственные средства. В Кашмире мы провели август и сентябрь 1916 г. Работа наша шла по разным направлениям. Мы подробно изучали быт и технику кашмирских ремесленников-ткачей, резчиков по дереву, по металлу, рабочих, изготавливающих предметы из папье-маше и др., и собрали множество изделий и орудий производства. В связи с этой работой мы заинтересовались вопросом об орнаменте, который в Кашмире особенно ярко иллюстрирует влияния скрещивающихся в этой стране культур персидской, китайской и индийской. С этой целью нами были собраны по возможности полные наборы образцов с орнаментами, встречающимися на изделиях из дерева и папье-маше, на тканях, вышивках, печатном ситце. Поскольку это было возможно, мы старались вникнуть в быт кашмирского населения, как крестьянского большинства, так и правящего браминского класса. В этой работе нам очень помогал приглашенный нами в качестве секретаря молодой ученый, кашмирский брамин Джагадар Заду Шастри. Через него мы познакомились со своеобразным браминским бытом этой страны, собрали сведения о браминских обрядах и приобрели полный набор их

украшений. Вообще вопросу об украшениях и их роли в обрядовой жизни Индии мы придавали большое значение. Так, мы приобрели в Индии украшения разных малабарских каст, 50 тали, т.е. знаков замужества, и в том же направлении работали везде, где это оказалось возможным, причем нас прежде всего интересовала связь украшений с бытом.

Хорошим средством для ознакомления с крестьянским бытом Кашмира нам служил театр народной сатиры. Мы присутствовали на представлении кашмирских скоморохов, так называемых бханда, продолжавшемся около 8 часов, сфотографировали представленные типы и выдающиеся моменты самого представления. Кроме того, мы вместе с Джагадар Шастри предприняли путешествие пешком, во время которого мы побывали в разных кашмирских деревнях, а также у кочующего пастушеского племени гуджаров. Во время паломничества в шиваитскую святыню Амарнат, расположенную в Гималаях на высоте приблизительно 5 км, удалось близко наблюдать религиозную жизнь индусов и в особенности разных странников и отшельников. Это паломничество продолжалось около 10-ти дней. К сожалению, вследствие порчи аппарата из снятых во время этого паломничества около 100 фотографий многие оказались негодными.

Следующим нашим этапом после Кашмира, из которого мы выехали в конце сентября, был Лагор. В этом городе мы встретили чрезвычайно любезный прием со стороны ученых: Хита, заведующего Музеем, Харгривса, заведующего археологическими раскопками в Панджабе, и Вулнера, профессора санскрита в Лагорском Университете. С их помощью нам удалось в сравнительно короткое время составить себе представление о богатой археологии северо-западного края Индии, в особенности о периоде Гандхара. Директор Музея, который в то же время заведовал художественным техникумом, предложил нам изготовить за весьма низкую цену прекрасные гипсовые мулажи скульптур, в окраске оригинала. Мы ограничились заказом одной статуи сидящего Будды Гандхарского периода ценой в 10 рупий, т.е. 6 руб. 40 коп. Этот мулаж нами привезен в МАЭ и может служить образцом того, что мог бы нам дать лагорский художественный техникум, когда можно будет осуществить план составления галереи индийского искусства. Такую галерею, дающую представление о развитии стилей в индийском искусстве от Ашоки до наших дней, можно было бы составить сравнительно недорого.

Под руководством Хита мы расширили приобретенные нами в Кашмире знакомства с художественными ремеслами Северо-Западной Индии. Важнейшие экспонаты Лагорского Музея были нами засняты. Кроме окрестностей Лагора мы посетили Амритсар и Золотой храм сикхов, где нам удалось сделать ряд интересных фотографий. Ввиду болезни Л.А.Мерварт мы поехали в конце октября в Дели, где незадолго до этого была открыта прекрасно оборудованная женская больница. Наше пребывание в Дели затянулось вследствие того, что болезнь Л.А.Мерварт приняла тяжелую форму, до декабря 1916 г. Этот период мы использовали для более подробного изучения урду, пользуясь услугами одного из лучших местных «мунши», с помощью которого Л.А.Мерварт удалось проникнуть в интимную жизнь мусульманской семьи. Кроме того, мы продолжали наше изучение ремесел и приобрели целый ряд коллекций, иллюстрирующих эту область, как напр., полный набор набоек для ситцепечатания, аппарат для чистки хлопка и шерсти, и много др[угого]. Из Дели был предпринят ряд экскурсий, сперва в г. Маттра — древний центр культа Кришны, где мы присутствовали на представлении «Раслила». Около 80 фотографий были сделаны нами во время этого представления. Там же мы познакомились с интересными скульптурами,

относящимися главным образом к периоду Кушана, и с помощью заведующего Музеем приобрели ряд интересных культовых предметов. Все коллекции, собранные в северной Индии, мы направили, по предварительному соглашению с директором Индийского Музея, в Калькутту по адресу этого учреждения. Эти коллекции хранились в сравнительно благоприятных условиях и уцелели, несмотря на долгое время их хранения.

Пользуясь присутствием в Дели центрального индийского правительства, мы познакомились с министром народного просвещения, по просьбе которого А.М.Мерварт изготовил отзыв о проекте Всеиндийского Музея в Дели, а также представил список всех правительственных изданий, имеющих отношение к этнографии, в самом широком смысле этого слова, и необходимых для МАЭ. Результатом нашего ходатайства явился щедрый дар индийского правительства в форме свыше 500 томов. Из Дели А.М.Мерварт поехал по приглашению Хирананда Шастри, заведующего археологическими раскопками в Соединенных провинциях, в Фаррухабадский округ, где производились раскопки на месте древнего Санкисса. Пребывание в течение почти 2 недель в этой местности дало возможность ознакомиться с бытом и строем северной арийской деревни и со своеобразным сращением культа деревенских божков с великими богами индусского пантеона.

По выздоровлении Л.А.Мерварт мы направились, после непродолжительной остановки в Лакнау, в Бенарес. Мы считали необходимым посвятить хоть несколько дней этому центру индуизма, куда стекаются паломники со всех концов Индии. Мы сделали ряд снимков со сцен, происходящих на берегу Ганги, омовения, сожжения трупов и т.п. Второй нашей целью было посещение знаменитого Музея в Сарнате, на месте, где Будда произнес свою первую проповедь. Музей интересен не только своим содержанием — в нем представлены прекрасные образцы искусства периода Ашоки и Гупта, — но и своим оригинальным зданием, построенным по плану древнего буддийского монастыря. Наконец, нам хотелось познакомиться с редкостным изданием Рамаяна в переводе Тулси Даса, находящимся во дворце бенаресского махараджи в Рамнагаре. Эта рукопись состоит из нескольких томов и снабжена многочисленными миниатюрами, относящимися к началу XVIII в. Нам удалось снять в течение нескольких часов целый ряд этих миниатюр, которые нами предполагалось поместить в издание перевода драм Бхасы «Пратима натакам» и «Абхишека натакам».

В начале 1917 г. мы поехали в Калькутту. По приглашению профессора Серампурского Колледжа Калькуттского Университета Гиваргиса, видного члена общины Назрани мапилла, мы поселились в общежитии малабарских студентов этого Колледжа. Такой выбор имел очень много выгод. Во-первых, это значительно удешевило стоимость жизни; во-вторых, дало нам возможность жить в небольшом старинном бенгальском городе, мало затронутом английской цивилизацией и в то же время имеющем удобное сообщение с Калькуттой; в-третьих, Л.А.Мерварт могла здесь собирать дальнейший материал для своей работы по Назрани мапилла.

Этнографический Отдел Индийского Музея в Калькутте очень богат, и в нем хранятся экспонаты, приобретенные в начале прошлого столетия и даже раньше и представляющие собой музейные редкости. С другой стороны, этим отделом никогда не заведовал европейский музеевед-этнограф. Во время нашей работы над материалом этого отдела директор Музея, он же глава Департамента Зоологии, д-р Аннандэль, предложил А.М.Мерварту взять на себя перевыставление этого Отдела, хотя бы в некоторых его частях. Так как нами уже была собрана

довольно полная коллекция музыкальных инструментов, а калькуттская коллекция содержала очень много интересного материала в дублетах, А.М.Мерварт принял предложение д-ра Аннандэя с условием, что в вознаграждение за просмотр и перевыставление инструментов, а также за составление путеводителя по этой коллекции МАЭ получит дублеты, необходимые для пополнения уже собранного материала. Одновременно с работой в Музее шла работа в библиотеке Бенгальского Общества изучения Азии, членом которого А.М.Мерварт был избран. Эта работа была главным образом посвящена истории и теории индийской драмы.

Весной 1917 г. мы отправились в Ассам, с целью собрать коллекции и по возможности этнографический материал среди многочисленных и разнообразных горных племен. Наш план был поехать в Шилонг, где находится губернатор этой провинции, получить от него разрешение на поездку по горам Ассама и отправиться в дальнейший путь. Нам представлялось особенно интересным посетить Манипур, где можно было бы сравнить племена нага, не тронутые индуистской культурой, с их одноплеменниками мейтеи, принявшими индийскую религию и цивилизацию. Этому плану не было суждено осуществиться по следующим причинам: вскоре после приезда Л.А.Мерварт заболела тяжелой формой тропической малярии, так что мы только через месяц могли предпринять шаги для налаживания работы среди ассамских племён. Мы скоро убедились, что ассамские власти не были склонны идти нам навстречу, так как это затруднило бы полицейское наблюдение, под которым мы находились во все время нашего пребывания. К тому же наши средства пришли к концу, и в течение лета 1917 г. стало очевидным, что в ближайшее время нам нельзя было рассчитывать на получение таковых от командировавшего нас учреждения. Это отсутствие средств сделало для нас невозможным воспользоваться предложением известного знатока ассамских племен, Ф.Нидзэма, приобрести для нас через его агентов в высшей степени интересные коллекции по племенам абор, мишми и микир. Поэтому мы использовали пребывание в Шилонге для изучения племени кхаси, его языка, своеобразного матриархального строя, культа предков и других сторон его быта. Изучение этого языка, хотя бы до некоторой степени, казалось нам целесообразным ввиду положения, которое он занимает как звено между монкхмерскими языками Индо-Китая и семейством хомунда Центральной Индии. Насколько средства нам позволили, мы собрали кое-какие коллекции, относящиеся к племени кхаси.

К концу августа 1917 г. наше положение стало критическим. У нас остались только средства, необходимые для возвращения в Калькутту и для прожития в течение одной-двух недель. Мы вернулись поэтому в Калькутту и стали искать выхода из создавшегося положения. Директор Индийского Музея раздобыл специальные средства, на которые он пригласил А.М.Мерварта, поручив ему временное заведование Этнографическим Отделом Музея. В течение шести месяцев А.М.Мерварт занимал эту должность, привел в порядок, перерегистрировал и выставил заново коллекции, относящиеся к Андаманским и Никобарским о-вам, к ассамским племенам и к примитивным племенам Центральной Индии. По этим коллекциям им был составлен подробный путеводитель. Одновременно он принимал деятельное участие в работе Бенгальского Общества изучения Азии, где выступил с докладом о драмах Бхасы, напечатанных в журнале этого Общества. Л.А.Мерварт поступила преподавательницей в один из женских колледжей Калькутты. Заработанные нами таким образом деньги позволили нам не только

продолжить наше пребывание в Калькутте, но и приобрести ряд интересных коллекций, как, напр., набор марионеток бенгальского кукольного театра, модели, иллюстрирующие быт бенгальской деревни, и пр.

К концу января 1918 г. специальные средства на содержание заведующего Этнографическим Отделом пришли к концу. На ходатайство директора Музея об учреждении постоянной должности заведующего с назначением на нее А.М.Мерварта на время пребывания его в Индии министр народного просвещения ответил отрицательно, ссылаясь на отсутствие средств. Предложенная А.М.Мерварту Калькуттским Университетом должность доцента санскритской литературы, в частности по индийскому театру, не давала достаточного для существования заработка. Из АН мы давно не имели указаний относительно дальнейшей судьбы экспедиции. Разыгравшиеся в то время в России события не давали нам надежды на дальнейший приток средств. К тому времени нам представилась возможность отправиться в Россию через Владивосток, на русском грузовом пароходе «Евгения», совершавшем зимой 1917/18 г. рейсы по Бенгальскому зал. К концу февраля 1918 г. мы привели в порядок все наши дела и упаковали все находившиеся в Калькутте коллекции. Дирекция Калькуттского Музея любезно согласилась взять на себя хранение наших коллекций до отправки их на место назначения.

В конце февраля мы выехали из Калькутты в Рангун. Капитан парохода предполагал совершить еще один рейс в Коломбо и обратно и потом прямым путем вернуться во Владивосток на летнее плавание. Однако, когда пароход стоял в Рангунском порту, он был конфискован британскими властями, вся команда, в том числе и мы (для облегчения портовых формальностей мы были записаны в судовую роль парохода), была высажена на берег и заключена в Рангунскую крепость. Наш плен продолжался 66 дней. Это отношение к нам британских властей объяснялось, кроме некоторой подозрительности по отношению к нашим политическим убеждениям, прежде всего, отсутствием точных инструкций со стороны центрального правительства. По освобождении нас из заключения английские власти отправили всю команду, в том числе и нас, на свой счет во Владивосток. Ввиду расстроенного морского транспорта мы приехали во Владивосток лишь 26.VII.18 после продолжительных остановок в Сингапуре, Пенанге, Гонконге и Шанхае. Образовавшийся вследствие гражданской войны фронт, отделявший Дальний Восток от остальной части СССР, принудил нас остаться во Владивостоке. Благодаря счастливой случайности мы накануне отъезда из Индии получили из Лондона сумму в 400 фунтов стерлингов, задержавшийся перевод из АН. Наличие этих денег, из которых, после покрытия задолженности консульству и других долгов, осталось к моменту прибытия во Владивосток еще 2.500 руб. золотом, позволило нам принять деятельное участие, до известной степени даже финансовое, в создании историко-филологического факультета, вошедшего впоследствии в Дальне-Восточный Государственный Университет. В течение четырех лет мы состояли доцентами этого факультета, причем А.М.Мерварт одновременно состоял и доцентом восточного факультета. В 1919 г. удалось получить из Калькутты часть коллекций, всего 11 ящиков. В 1923 г. прибыли в Ленинград остальные наши коллекции из Индии и Цейлона. Получив в связи с этим предложение от АН вернуться в Ленинград для обработки и выставления собранного нами материала, мы в июне 1924 г. выехали из Харбина, куда мы в августе 1922 г. переселились вследствие безвыходного финансового положения во Владивостоке. К юбилею АН привезенные нами коллекции были большею частью

зарегистрированы и выставлены и был открыт Отдел Индии, не уступающий по объему другим Отделам МАЭ. Зимой 1925/26 г. был составлен путеводитель, представленный 8.V.26 ОИФ АН и делающий Отдел доступным для обозрения. Таким образом, дана возможность учета и оценки той части работы экспедиции, которая относится к пополнению музейных коллекций. Ввиду необходимости закончить сперва эту предварительную работу задержалось представление настоящего отчета.

Привезенный нами музейный материал состоит из 5.575 этнографических предметов быта и культа, 975 фотографий позитивов, 1.500 фотографий негативов, около 800 томов книг.

В течение четырех лет экспедиция получила от АН на свою экипировку, содержание, разъезды, накладные расходы и собирание коллекций 36.000 руб. Кроме того, были получены 4.000 руб. накануне отъезда из Индии.

Научный материал, собранный нами, в настоящее время обрабатывается. В печать поступили пока статьи о музейном деле в Индии, об украшениях кашмирских браминов, о цейлонской богине Паттини и о малабарском народном театре. Готовится к печати 1-й выпуск очерков, обнимающий Цейлон.

Александр Мерварт Людмила Мерварт.

Печ. по: Мерварт А. и Мерварт Л. Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. Л., 1927.

№ 302–304

6 марта — 8 августа 1914 г. — Документы о пребывании в России индийского музыканта Инаят-хана¹

№ 302

*6 марта 1914 г. — Из протокола заседания
Музыкально-этнографической комиссии
Этнографического отдела Императорского общества
любителей естествознания, антропологии и этнографии²
(ИОЛЕАиЭ) о выступлении индийского музыканта
Инаят-хана и его квартета в Москве*

...6 марта 1914 г. в Политехническом музее³ состоялось публичное заседание Этнографического отдела И.О.Л.Е. и А. и Э. и состоящей при нем Музыкально-этнографической комиссии.

Присутствовали:...

Заседание было посвящено лекции профессора Инаят-Кхана об индусской музыке.

Индусский лектор коснулся сначала философской стороны музыки, а затем перешел к ее характеристике и демонстрациям.

По словам Инаят-Кхана, индусская музыка, если и бедна гармонически и не отличается богатством красок, зато она полнее выражает элемент мелодический и идеально-духовный, нежели музыка Запада, усложненная, загроможденная, «материализованная» внешними аксессуарами. К сожалению, индусская музыка тоже не избежала сторонних влияний и в теперешнем виде она далека от первоисточника. В общем, однако, сохранились и старинные напевы, которые дают верное представление об истинном характере индусской музыки.

Лекция сопровождалась иллюстрациями как древнейших напевов Индии, так и более позднейших в исполнении самого профессора Инаят-Кхана и его индусского квартета из струнных и ударных инструментов.

Лектор демонстрировал также свои национальные инструменты.

Председатель от имени комиссии выразил благодарность лектору при дружеских аплодисментах публики, переполнившей залу.

Государственный центральный музей музыкальной культуры (ГЦММК) им. М.И.Глинки, ф. 133, д. 332, л. 9. Подлинник.

№ 303

8 августа 1914 г. — Письмо Инаят-хана С.Л.Толстому⁴
с напоминанием о том, что он избран представлять
индийскую музыку в России*

Дорогой граф Толстой, мы несколько раз писали Вам и хотя не получили от Вас никакого ответа, никогда не забываем Вас и хотели бы знать, как выживаете.

Совсем недавно мы отмечали четвертую годовщину нашего суфийского орден⁵, где Вы были избраны представлять нашу музыку в России. Поэтому прошу Вас, если будут возникать какие-либо вопросы в отношении нашей музыки, пожалуйста, отвечайте на них, как сможете.

Как здоровье Вашей супруги и Вашего семейства, а также г-на и г-жи Поль?⁶

С самыми добрыми пожеланиями

Инаят-хан.

ГЦММК, ф. 249, д. 219, л. 2. Подлинник. Пер. с англ. составителя.

№ 304

*Без даты. — Из неопубликованных воспоминаний
Е.Ю.Спасской⁷ «Индусы в Москве» о встречах
с Иннаят-ханом в 1913 г.*

...В Москву приехал «Учитель» — индус Иннаят-хан с несколькими своими последователями, которые играли на струнных инструментах и пели священные

* На конверте стоит штамп: «Московская военная цензура» (сост.).

песни, но вместо того, чтобы сразу встретиться с московскими теософами⁸, они попали в руки какого-то шустрого антрепренера, который немедленно подписал с индусами выгодный для них, но в случае нарушения — кабальный договор! Условия, правда, удивили индусов, но Россия — страна незнакомая, мало ли какие в ней обычаи? Выступать надо было с двумя-тремя номерами в течение определенного срока, ежедневно, в час ночи! Гарантировалось превосходное помещение в «восточном вкусе» и всегда много посетителей.

Еще до встречи с теософами Иннаят-хан убедился, что он со своими товарищами «попался» — «восточное помещение» находилось в ночном кабаке у «Максима»⁹! А слушатели, возлежавшие на коврах и подушках, — полупьяные франты со своими ночными дамами!..

Теософы, узнав об этом ужасном факте, всполошились и решили выкупить(!) доверчивого «Учителя» и его последователей из кабацкого ада, нарушить контракт. Но «Учитель» решил иначе, по-индусски, — раз судьба привела его в притон, очевидно, они должны пройти и через это! Своих священных песнопений и музыки, при помощи которых он проповедует свое учение, они, конечно, здесь демонстрировать не будут, но с простыми народными песнями выступать будут.

Эта история, которую Павел Павлович¹⁰ переживал трагически и соответственно с этим рассказывал, показалась нам с Шуркой¹¹ настолько нелепой и смешной, что мы... стали требовать, чтобы они¹² повели нас к «Максиму» посмотреть на этих бедняг... Через несколько дней, поздно вечером, они приехали за нами, и две студентки в скромных черных платьицах поехали со своими смущенными спутниками к «Максиму», о котором имели самое смутное представление.

И вот, под какими-то балдахинами, развалясь на коврах и тахтах, полупьяные компании пили черный кофе с ликерами, а мы уселись в дальнем углу, против невысокой эстрады. Не помню уже, что там делалось перед выходом труппы Иннаят-хана, но выход этот поразил и запомнился навсегда! Из боковой двери вышел и прошел мимо нас человек редкой красоты и величины в каком-то темно-оранжевом хитоне. Шествовал он, казалось, не по грешной земле, по крайней мере по облакам, в каком-то ином мире; за ним следовали еще четыре человека. Один из них совсем юный, такой же редкой красоты, вероятно, брат Иннаят-хана.

Усевшись в ряд на эстраде, они играли на незнакомых струнных инструментах и пели незнакомые песни так, как если бы в комнате не было никого кроме них. И появление их, и поведение, и музыка смущали нас с Шуркой. Мы переглядывались, чувствуя, что шутка наша зашла слишком далеко. На несчастное лицо Павла Павловича нельзя было смотреть без боли: было нам и очень стыдно, и неловко, тем более, что песни их сами по себе были хороши и волновали своим незнакомым звучанием, а полупьяная публика вела себя более чем неприятно и нахально, без всякого уважения и интереса к артистам. Но что почувствовали мы, когда, окончив выступление, Иннаят-хан, проходя мимо нас, остановился и очень строго спросил у Павла Павловича по-английски: «Зачем вы привели сюда этих девушек?» Убитым голосом Павел Павлович ответил ему, что не мог противостать нашему желанию послушать индусские песни. Тогда Иннаят-хан, глядя на Шурку, спросил: «Тибет?» Моя круглолицая, скуластая Шуринька, с длинными прямыми косами вокруг головы, действительно была похожа на своеобразно-преlestную монголку и очень выигрывала рядом с моей обычной славянской физиономией. Павел Павлович объяснил, что мы — студентки, его друзья,

любительницы музыки. Иннаят-хан еще пристальнее посмотрел на нас (мы сгорели от стыда под его взглядом) и пригласил нас посетить его дома — через несколько дней он будет праздновать по индусскому обычаю «сороковины» со дня рождения его дочери «Руссы», которая родилась по дороге в Россию¹³. Сказал это и удалился так величественно, точно солнце закатилось. А мы, как побитые, сконфуженные, тоже сразу ушли из этого отвратительного места. Павел Павлович и Никола, спасибо им, великодушно молчали, видя наше полное расстройство... Через несколько дней под вечер явились к нам расфуфыренные Павел Павлович и Никола и застали нас врасплох. — В какой-то книге об Индии вычитали мы с Шуркой, что в этот день полагается делать подарки матери новорожденного. Какая она? Что ей нравится? Что подарить? Павел Павлович и Никола тоже пришли в замешательство и тоже не могли придумать; к тому же уже поздно, надо идти — нас ждут. Магазины далеко и, вероятно, закрыты. Проходя мимо магазина Ноева¹⁴, я вдруг заметила, что он еще открыт, а в центре витрины красуется великолепный букет белых лилий. Ничего лучше этого невозможно придумать (так получилось!). Сложили мы все наши наличные капиталы и смогли купить штук десять длинных стеблей крупных ароматных цветов!

В небольшом номере недорогой гостиницы, где-то в конце Дмитровки¹⁵, нас ждали радушные хозяева: правда, Иннаят-хан сказал, что мать занята ребенком и выйдет, как только справится с делами. Павел Павлович и Шурка сразу же заговорили по-английски с Иннаят-ханом; Никола с увлечением рассматривал инструменты и мимикой объяснялся с братом Иннаят-хана¹⁶, а на мою долю достался маленький смешливый индус¹⁷, похожий на веселую обезьянку, говоривший по-французски хуже меня, и мы сразу начали превесело подшучивать друг над другом. Но вот бархатная портьера раскрылась, и в дверях соседней комнаты появилась... не знаю, что увидели остальные, но мне показалась, что я вижу Нестеровскую голубую мадонну¹⁸: на фоне темно-красной бархатной портьеры стояла тоненькая, светлая, в голубом шарфе, обернутом вокруг стройного тела, юная мать с крошечным смуглым младенцем на руках¹⁹. Длинный конец шарфа спускался с головы, открывая спереди золотые волосы, очень ясные голубые глаза и все личико смущенное, вся хрупкая фигурка рядом с высокой величественной фигурой Иннаят-хана и его лицом, смуглым, спокойным, радостным — составляли такой удивительный контраст, какой редко встречается и крепко запоминается.

Иннаят-хан подвел ее к нам, и, когда мы с Шуркой опомнились и поднесли ей наши лилии, все подумали, что для подарка ей ничего лучшего нельзя придумать! — левой рукой она держала спокойную смуглую крошку, а правой — лилии, опуская в букет свое нежное личико.

Маленький индус (его звали как-то не то Маугли, не то Магаби) рассказал мне потом, что незадолго до поездки в Россию Иннаят-хан проповедовал в Америке и встретил там молоденькую англичанку. Она увлеклась его учением и пошла за ним! В свое время и он (Магаби), продавши свою маленькую плантацию (чайную) на Цейлоне, роздал деньги неимущим и принял послушание — петь и играть, сопровождая Учителя.

После вручения нашего подарка началась главная церемония: нашу голубую мадонну усадили на кресло, индусы подходили к ней поочередно, каждый кланялся ей низко, пел приветствие и дарил. Песни были протяжные, торжественные, но мой собеседник спел ей что-то веселое, очевидно, собственного сочинения, потому что все индусы добродушно посмеивались.

Потом по нашей просьбе пели еще много индусских песен под аккомпанемент струнных инструментов, слова переводили Павлу Павловичу на английский, а он нам на русский.

Девочка тихо лежала на руках матери, а Иннаят-хан совершенно серьезно уверял, что Русса (русская) уже сейчас теософ.

Потом нас угощали какими-то незнакомыми печениями, которые умудрился испечь один из индусов — рябоватый, толстоватый, бывший повар богатого ресторана в Индии (успевший познакомиться и подружиться с поварами соседнего ресторана).

Все были так приветливы и разумны, что неприятный осадок от встречи у «Максима» совершенно сгладился. Прощаясь, мы условились о следующей встрече. Они просили нас показать им Кремль!

Кремль, особенно росписи соборов произвели на них сильное впечатление. В стенной росписи им чудилась близость к росписи старых индусских храмов. А их чинное поведение и почтительное отношение к русской старине было полной противоположностью поведению каких-то европейских туристов в клетчатых брюках с тростями, а один из них даже ходил в шляпе в Успенском соборе...

Е. Спасская.

РГБ РО, ф. 218, карт. 1356, д. 2, л. 3–12.

Примечания

¹ Инаят-хан (1882–1927), известный индийский музыкант, поэт, певец, суфий, родился и жил в Бароде (Гуджарат), уже с 9 лет исполнял свои собственные произведения и стал широко известен в Индии. По общему признанию он превзошел талантом своего деда Мула Бакша (1833–1896) — выдающегося музыканта, основателя индийской системы нотной записи, чей портрет был помещен в Индийском отделе Британского музея в Кенсингтоне (Лондон). Выполняя завещание умершего главы суфийского братства, своего духовного наставника, Инаят-хан, уже пройдя все ступени ученичества, с 1907 г. замещал его, а в 1910 г. отправился в США и Европу, чтобы посредством своей музыки и распространением идей суфизма содействовать взаимопониманию и единению Востока и Запада. Музыку Инаят-хана называли «божественной и мистической», а его самого «современным Таценом» (знаменитый музыкант при дворе Великого Могола Акбара), «индийским Бетховеном». Интересны темы его лекций, которыми он сопровождал свои концерты, проходившие везде с неизменным успехом: «Чему должен Восток научиться у Запада и Запад у Востока?», «Суфизм», «Философия музыки», «Эзотерическая музыка», «Тайна звука» и др.

В 1926 г. Инаят-хан, оставив семью во Франции, где они все жили с 1920 г., и предчувствуя, что он уже не вернется, уезжает в Индию, где 5 февраля 1927 г. уходит из жизни.

В России (Москве и Петербурге) Инаят-хан был семь месяцев, прожив в основном (с декабря 1913 по лето 1914 г.) в Москве, где его удивительный талант был, как и везде, очень высоко оценен. Его принимала московская знать, он познакомился с выдающимися русскими музыкантами, певцами (Ф.И. Шаляпиным, Е.А. Лавровской и др.). А.Н. Скрябин, вдохновленный сюжетом драмы Калидасы, написал балет «Сакунтала», предполагаемая постановка которого в июле 1914 г., к сожалению, не состоялась.

² Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАиЭ) было основано при Московском университете в 1863 г. Помимо этнографического там были отделы антропологии, физических наук, зоологии, химии, географии. Результаты исследований отделов Общества публиковались в печатных изданиях «Известия ИОЛЕА и Э», «Землеведение», «Этнографическое обозрение», «Дневник Антропологического отдела» и др.

В 1872 г. при Обществе был открыт Музей прикладных знаний — Политехнический музей (см. ниже).

³ Политехнический музей был создан в Москве на базе экспонатов политехнической выставки, организованной Императорским Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии в 1872 г. в Манеже и Александровском саду. Строительство здания было закончено в 1877 г. В его залах проводились лекции, лекции-демонстрации, концерты, выставки достижений различных отраслей науки.

⁴ Толстой Сергей Львович (1863–1947), старший сын Л.Н.Толстого, композитор, исполнитель, музыковед-этнограф. Окончил в 1886 г. отделение естественных наук Московского университета, музыке учила мать, затем брал частные уроки. В 1908 г. был удостоен международной премии за музыку к 10 шотландским песням на стихи Р.Бернса. После революции работал в музыкальном отделе наркомата просвещения, был научным сотрудником Государственного института музыкальной науки, преподавал музыкальную этнографию в Московской консерватории (1921–1930). С.Л.Толстой совместно с В.И.Полем (см. ниже) после отъезда Инаят-хана из России выпустил в переложении для фортепьяно сборник «Индусские песни и танцы», записанные Инаят-ханом.

Позднее С.Л.Толстой, вспоминая о приезде Инаят-хана, писал: «Зимой 1913/14 года в Москве появился интересный и талантливый индусский музыкант Инаят Хан. Он с тремя своими товарищами, также индусами, играл и пел сперва в кафешантане „Максим“, а затем в двух или трех концертах в Политехническом музее. Аккомпанементом к пению индусов служила „вина“ — щипковый инструмент, нечто среднее между гитарой и маленькой арфой, смычковый инструмент — нечто вроде альта, и барабанчик. Эти инструменты звучали бедно: они только дублировали мелодию на однообразном органном пункте; поэтому Инаят Хан задумал сопроводить свои мелодии европейской гармонией на сюжет известной древней индусской поэмы „Сакунтала“ Калидасы. Он сочинил одноактную пьесу „Скетч“, где героиня должна была быть танцовщицей, а музыка состоять из индусских мелодий, сопровождаемых оркестром. Гармонизировать и оркестровать эти мелодии он предложил Танееву. Танеев отказался и предложил это сделать Гречанинову. Гречанинов тоже отказался, тогда Танеев предложил эту работу мне. Я охотно взялся за нее, но, не будучи уверен в своих силах, особенно в оркестровке, пригласил сотрудничать со мной Вл.Ив.Поля. В результате частью я, частью он гармонизировали 17 мелодий Инаят Хана; Поль их инструментировал для малого оркестра. К сожалению, Инаят Хану не удалось поставить свой „Скетч“. Клавиры его мелодий в нашей общей обработке были напечатаны. А оркестром они были два раза исполнены на Сокольничьем кругу...» (Толстой С.Л. Очерки былого. Тула, 1975, с. 356).

⁵ Суфизм — мистическое направление в исламе, возникшее в VII–VIII вв. на территории современного Ирана и Ирака. Основа суфизма — учение о приближении прозелита через мистическую любовь к познанию божественной сущности и слиянию с ней, одним из средств единения служит музыка. Музыканты-маги способны вызвать внутреннее изменение сознания только через вибрацию звука. Суфийские ордена или братства, отличающиеся между собой приверженностью разным философским концепциям, формам и средствам достижения экстаза, стали возникать в X–XI вв.

В 1910 г. Инаят-хан основал суфийский орден (The Brotherhood of Purity) со штаб-квартирой в Лондоне и отделениями в США, Англии, Франции, Германии, Швейцарии, Италии и др., а в 1923 г. в Женеве учредил международный штаб суфийского движения, ежегодно проводил летние школы для своих многочисленных учеников и последователей, которыми был постоянно окружен.

⁶ Поль Владимир Иванович (1875–1962), русский композитор, пианист, педагог, художник. Учился в Киеве, в Москве у С.И.Танеева. С 1920 г. жил в Париже, где был основателем, директором и преподавателем Русской консерватории (1931–1956), а затем ее почетным директором. Автор музыки к балетам, к индийской драме «Сакунтала» Калидасы в переводе К.Д.Бальмонта, поставленной А.Я.Таировым в Камерном театре в 1914 г., автор симфонической поэмы, цикла романсов и песен, в том числе песни «Гармонист» на слова М.Исаковского. Им написан ряд работ по истории и теории музыки.

⁷ Спасская Евгения Юрьевна окончила в 1914 г. историческое отделение Московских высших педагогических женских курсов им. В.И.Герье. Во время первой мировой войны, пройдя курсы медсестер, работала в прифронтовых госпиталях, затем училась в Киевском археологическом институте на отделении народного искусства. В 1934 г. была незаконно осуждена и выслана на Урал. По истечении срока поселения в 1937 г. переехала в Казахстан. Последнее место работы Е.Ю.Спасской — Педагогический институт им. Абая в Алма-Ате, где она была заведующей аспирантурой и откуда в 1961 г. ушла на пенсию. Имела ряд публикаций по прикладному искусству и народным промыслам.

⁸ Российское теософское общество с центром в Петербурге, основанное в 1908 г., имело свои отделы во многих городах России, в том числе и в Москве.

⁹ Кафешантан «Максим» находился на ул. Большая Дмитровка.

¹⁰ Павел Павлович — теософ, студент Высшего технического училища.

¹¹ Шура (Александра) Соколова — подруга Е.Ю.Спасской.

¹² Имеются в виду Павел Павлович и его друг Николай.

¹³ Речь идет о родившейся в Москве 20 декабря 1913/2 января 1914 г. старшей дочери Инаят-хана Нур-ун(ан)-ниса, полное имя которой было Пир-заде Нур-ун-ниса Инаят-хан, судьба которой сложилась трагически. Эта девочка, воспитывавшаяся в течение 14 лет в атмосфере Востока, царившей в семье, была очень талантлива, с детства писала стихи, пела, играла на музыкальных инструментах, знала несколько языков. В 1931 г. она закончила лицей, став бакалавром, затем музыкальную школу в Париже, позже училась в Сорбонне на факультете детской психологии, опубликовала несколько своих рассказов. В 1940 г., после вторжения Германии во Францию, она уехала в Англию и вступила в движение сопротивления: сначала в Женские вспомогательные воздушные силы (Women's Auxiliary Air Force), а затем в Специальное оперативное подразделение (Special Operations Executive), где, пройдя обучение, стала радисткой. В 1943 г. под кодовым именем Мадлен она была заброшена во Францию, откуда в течение нескольких месяцев практически единственная поддерживала связь групп сопротивления с Англией. Ее предали. Будучи арестована, Нур-ун-ниса держалась очень стойко, ничего не рассказала и пыталась бежать. Ее перевезли в Германию, и в 1944 г. она была расстреляна в Дахау. Посмертно награждена английским орденом «Крест Георгия» и «Крестом за боевые заслуги с Золотой звездой» Франции.

¹⁴ Видимо, имелся в виду магазин «Ноев Ф.Ф. и сыновья» на ул. Петровка, дом 14, где продавались цветы, семена и все прочее, необходимое садоводам.

¹⁵ В Москве есть улицы Большая Дмитровка (с 1937 г. до начала 90-х годов — Пушкинская) и Малая Дмитровка (с 1944 г. до начала 90-х годов — ул. Чехова).

¹⁶ Инаят-хан приехал в Россию с группой музыкантов, в которую входили его братья Махбуб-хан (1887–1948) и Машараф-хан (1895–1967) и две танцовщицы.

¹⁷ Вероятно, речь идет о молодом индийце Рама Свами, который, познакомившись с Инаят-ханом, захотел остаться с ним и присоединился к группе музыкантов.

¹⁸ Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942), русский художник, написал несколько изображений Богоматери — в храмах в Киеве, Абастумани на Кавказе, Москве, Сумах. Возможно, у Спасской речь идет об изображении Богородицы в алтарной апсиде церкви Марфо-Мариинской обители на Большой Ордынке в Замоскворечье.

¹⁹ Ора Рей Бекер (в замужестве Бигем Инаят-хан) (1890–1949), англичанка, жившая в Америке, с детства интересовалась Индией, была знакома с религиозными мистическими доктринами Востока. В 1913 г. решила стать женой Инаят-хана, дервиша, вопреки своему сводному брату-опекуну. У них родилось две дочери и два сына. Поскольку вся жизнь Инаят-хана была посвящена его религиозной миссии, материальное положение семьи иногда бывало бедственным. После смерти мужа Бигем около пяти лет не выходила из дома, находясь в состоянии глубокой депрессии. Во время второй мировой войны несмотря на слабое здоровье работала в госпитале в Оксфорде.

**26 ноября 1914 г. — 23 января 1915 г. —
Документы о задержании пешаварских купцов
по подозрению в шпионаже**

№ 305

*26 ноября 1914 г. — Телеграмма из Старой Бухары
великобританскому послу в Петрограде Бьюкенену
о задержании купцов*

Мухамед Бахш Илаибашиев, Абдуллаид Фазли Алаев, Мухамеджан Мухамед Заманов и Абдулазиз Фазли Илаев, отправляясь [на] родину [в] Пишавер, на дороге [в] Чарджуе арестованы русским правительством по ложному доносу, обысканы безрезультатно и привезены сюда. Прошу сделать распоряжение политическому агенту освободить означенных невинных подданных английского правительства, они известные купцы. Абдул Маджи Имир Ахмед.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 285 б, л. 4. Подлинник.

№ 306

*1 декабря 1914 г. — Телеграмма
политического агента в Бухаре А.К.Беляева¹ в МИД
о необходимости координации действий военных властей
с Политическим агентством*

25 ноября чарджуйский воинский начальник арестовал и переслал мне 4 англо-индийских подданных, только что получивших от генерал-губернатора² разрешение на возвращение на родину, куда они и направлялись. На мои двукратные запросы по телеграфу чем вызван арест, воинский начальник ответил ссылкой на 21-ю статью положения об охране и на то, что, по заявлению местного агента охранного отделения, упомянутые лица занимались шпионством. Так как доказательств этого обвинения и улики не было мне представлено никаких, а, с другой стороны, арестованные были издавна известны здесь за вполне почтенных купцов, я освободил их из-под ареста и телеграфировал в канцелярию генерал-губернатора, не надлежит ли им предоставить продолжать путь.

В ответ мне сообщено, что «моя телеграмма передана в штаб округа, по распоряжению которого произведен арест». Никаких других уведомлений или разъяснений по сему предмету ко мне ни раньше, ни после сего не поступало.

Донося о вышеизложенном, прошу, не признаете ли спешным попросить Военное министерство выяснить ташкентским властям для неуклонного исполнения необходимость придерживаться строго установленного порядка и не предпринимать помимо Агентства никаких мер в пределах Бухарского ханства, а тем более ареста подданных союзного с нами государства³, к коим, как Ваше Пре-

восходительство изволили мне предписать, желательно в настоящий момент, по политическим соображениям, относиться особенно осторожно и снисходительно.

Помимо весьма вредной для дела путаницы, которая происходит от такового непосредственного, помимо меня, обращения ташкентских властей, и притом по столь важным делам, к подчиненным мне органам власти в русских поселениях ханства, наносится ущерб престижу Агентства в глазах бухарского правительства и местного населения и тем еще более затрудняется успешное исполнение Агентством при настоящих трудных обстоятельствах лежащих на нем многосложных обязанностей.

Прошу принять меры по этому делу и ответить по телеграфу.

/подп./ Беляев.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 285 б, л. 1 и об.

№ 307

*10 декабря 1914 г. — Жалоба пешаварских купцов
на имя британского консула в Петрограде А. Вудроуза⁴
об их задержании российскими властями*

Хаджи Мухамед Бахш Илаибахшева
Абдульмаджид Фазли Илаиева —
представителя торговых фирм:
Торгового дома Хаджи Илай Бахш
и Хаджи Ахмедгуль Саиб
и Хаджи Мухамеджан Хаджи Мухамедзаманова,
Хаджи Мир Ахмад Ширахмедова Саиб

ПРОШЕНИЕ

Мы, нижеподписавшиеся подданные Великой Британской империи, закончив свою восьмилетнюю торговлю и торговую деятельность в Бухаре и его районе, намеревались возвратиться к себе на родину.

После доведения об нашем намерении вернуться на родину до сведения Его Высокопревосходительства Ташкентского генерал-губернатора мы получили от российского императорского Политического агентства в Бухаре соответствующее разрешение на нашу поездку в направлении через Одессу.

Вследствие чрезвычайных политических осложнений мы вынуждены были запросить разрешения на поездку по направлению Бухара—Асхабад—Мешед (Персия)—Пишавер, но, боясь опасности по дороге, нам пришлось отказаться от этого маршрута.

20-го ноября сего 1914 года трое наших во главе с провожатым Абдуль Азиз Фазли Илаиев направились через Новый Чарджуй для проследования в Бухарские владения в Керки, а оттуда в Афганистан, откуда и намеревались добраться до Пишавера.

О вышеуказанном Вам было сообщено телеграфно. По проследовании Старого Чарджуйа и отъезда уже нескольких верст нас догнала на фаэтоне русская полиция и арестовала, как нас самих, так и вещей, состоявших из разных шелковых

товаров, золотых и серебряных часов, а также и наличных денег из русской и бухарской золотой монеты в размере 5500 рублей, припасенных нами на расходы в дороге, а также и для оплаты пошлины на границе Афганистана.

Вместе с вещами и деньгами русская полиция арестовала также и все наши книги и торговые документы и записи за нашу восьмилетнюю торговую деятельность. Забраны также и расчеты, а также и квитанции разных торговых фирм и транспортных предприятий, каковые мы везли, как оправдательные документы своим хозяевам.

Под арестом мы находились три дня, после чего при очень суровом обращении с нами нас перевезли на станцию Каган — она же и Новая Бухара.

Обо всем происшедшем мы сообщили Вам срочной телеграммой за № 2090 от 24-го ноября с.г.

Нас выпустили только по внесении нами залоговых в размере двадцати пяти тысяч рублей, каковую сумму мы внесли бухарскому куш-беги (премьер-министр Его Высочества эмира Бухарского).

Подробнее обо всем мы сообщили Вам телеграммой от 4-го декабря с.г. за № 362.

Никаких допросов от нас пока не снимали и не предъявляли никакой вины.

Для выезда на родину у нас было разрешение — через Одессу, на поездку же через Афганистан никогда ни от кого никакого разрешения не требовалось.

Вследствие изложенного покорнейше просим Ваше Высокопревосходительство снести с русскими властями и просить, в случае нас обвиняют в чем-либо, произвести следствие и выдать нам внесенные в качестве залога двадцать пять тысяч рублей, а также и вернуть нам все арестованные у нас вещи, книги, деньги и прочее, а также выдать нам письменное разрешение на выезд наш на родину.

Мы вполне уверены в защите представителя нашей Великой Британской империи и надеемся, что Ваше Высокопревосходительство исходатайствует у русского правительства справедливого к нам обращения.

Наша компания, проводя свою торговую деятельность в Бухаре в течение многих десятков лет, никогда не подвергалась таким лишениям и позору, как нам пришлось и приходится переносить в настоящее время.

(Три неразборчивые подписи.)

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 285 б, л. 9 и об. Копия.

№ 308

*13 декабря 1914 г. — Письмо
туркестанского генерал-губернатора Ф.В.Мартсона
министру иностранных дел С.Д.Сазонову
с подробностями задержания пешаварских купцов*

Секретно

Милостивый Государь Сергей Дмитриевич.

В дополнение депеши своей от 6 сего декабря за № 953 считаю долгом уведомить Ваше Высокопревосходительство об обстоятельствах ареста пешаварских купцов в бухарских владениях, на основании данных штаба Туркестанского воен-

ного округа, Политического агента в Бухаре и состоящего при мне Дипломатического чиновника.

В сентябре сего года Политический агент испрашивал чрез Дипломатического чиновника мое разрешение на выезд из Бухары на родину следующим пешаверским купцам-магометанам: Абдул-Меджиду, Хаджи Мухаммед-Джану, Абдул-Гафару и Фазли-Иляхи; так как к выезду этих лиц не встретилось препятствий со стороны местного контрразведывательного отделения, то мною и дано было просимое разрешение на проезд этих лиц (по маршруту Асхабад-Мешед). Лица эти выехали из Бухары лишь 20 ноября, причем тогда же были получены в контрразведывательном отделении при штабе округа агентурные сведения, что бухарский куш-беги будто бы получил из Турции письмо с упреками бухарцам за неоказание помощи Турции; посоветовавшись с кази-каляном, Мирза Насрулла решил послать в Турцию очень крупную сумму денег с пешаверцем «Чача»⁵. Полное имя последнего Мухаммед-Бахш-Лакисар; вместе с вышеназванными своими соотечественниками он выехал из Бухары, везя ответное письмо в Турцию и чек на получение пожертвованных денег (сами деньги, по тем же сведениям, были переведены по назначению чрез какой-то заграничный банк). Сопровождавшие Мухаммед Бахша купцы были соучастниками последнего в деле передачи посылаемого туркам. Из Бухары всех их провожал торговый агент афганского эмира Хаджи-Абду-н-Наби и много разных влиятельных лиц, причем в столице ханства отъезду пешаверцев придавалось какое-то особое значение. По приезде в Чарджуй все пешаверцы вместо того, чтобы продолжать путь далее до Асхабада, решили на арбах направиться в Керки; тогда следивший за ними агент контрразведывательного отделения, по депеше начальника последнего, просил местного воинского начальника, как заведывающего административной частью в Чарджуе, обыскать пешаверцев. Найдя у пешаверцев большую переписку на «индустани» и не имея возможности разобраться в ней, чарджуйский воинский начальник отправил всех их в Новую Бухару в арестный дом в распоряжение Политического агента.

Узнав о сем из депеши Политического агента от 27 ноября сего года на имя моей канцелярии и ознакомившись с обстоятельствами всего дела, я — по званию своему командующего войсками — указал (в резолюции от 30 ноября) контрразведывательному отделению при штабе округа на совершенную неудачность отправления пешаверцев в арестный дом, подчеркнув, что прежде чем арестовывать людей с моим пропуском следовало бы доложить о них мне, и если есть веские данные к дальнейшему их задержанию, то необходимо немедленно отправить арестованных в другой пункт, а Политического агента известить о сути дела.

Вследствие этих указаний начальник окружного штаба, уведомляя Политического агента в Бухаре о всем происшедшем, просил его поставить в известность по содержанию найденного у пешаверских купцов, причем если у них не обнаружено ничего компрометирующего, то они подлежат немедленному освобождению с предоставлением им права выезда из края на Асхабад-Мешед. В настоящее время, как мне известно по сведениям от начальника контрразведывательного отделения, Политический агент признал возможным освободить задержанных под залог и, не находя в своем распоряжении беспристрастных переводчиков для разбора взятой у пешаверцев переписки, просил контрразведывательное отделение командировать своих переводчиков в Новую Бухару.

Доводя изложенное до сведения Вашего Превосход[ительст]ва, я вместе с тем не могу не высказать, что Полит[ическому] агенту, по моему мнению, не

следовало бы беспокоить Вас сообщением Вам сведений о факте, еще не окончательно разрешившемся и во всяком случае стоящем в зависимости от не совсем умелых действий местных второстепенных властей, главным начальником коих являюсь я. Позволяю думать, что сему положению не противоречит и письменная инструкция от 25 февраля 1912 года за № 257 в.р. управляющего Министерством ин[остранных] дел на имя б[ывшего] Полит[ического] агента в Бухаре, г. Сомова⁶, потому что разрешение местных недоразумений путем спокойных и непосредственных сношений Полит[ического] агента с ген[ерал]-губ[ернато]ром, казалось бы, составляет одну из основ взаимной здесь солидарности, необходимой всегда, а теперь в особенности.

Пользуясь случаем, прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверения в великом к Вам уважении и совершенной преданности.

Покорный слуга Ваш
Ф. Мартсон.
13 декабря 1914 г. № 1238

Далее простым карандашом написано: «Политический агент обратился по настоящему делу сначала в канцелярию генерал-губернатора, запросив по телеграфу о причинах ареста пересланных в Новую Бухару 4-х англо-индийских подданных. Получив крайне неудовлетворительный ответ: „Ваша телеграмма передана в штаб“, Политический агент обратился к г. министру иностранных дел. Какой же другой способ добиться толку от ташкентских властей ему оставался? Надо не забывать, что ответственность за дальнейшее оставление англо-индийских подданных под арестом по доставлении их в Новую Бухару ложилась бы уже на Пол[итического] агента.

Но если бы Пол[итический] агент и начал с того, что донес о случившемся м[инист]ру и[ностранных] дел, то и такое немедленное и непосредственное обращение не пришлось бы отнюдь признать ни в каком отношении неправильным. Будучи органом М.И.Дел, агент обязан о каждом заслуживающем внимания происшествии доносить своему прямому начальству, каковым является для него Министерство иностр[анных] дел. Тем более в данном случае, так как только что перед этим было получено указание Министерства относиться к интересам английских подданных с особой внимательностью».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 285 б, л. 6–8. Подлинник.

№ 309

*20 января 1915 г. — Телеграмма управляющего
Третьим Политическим отделом МИД В.О. фон Клемма
исполняющему обязанности дипломатического чиновника
при туркестанском генерал-губернаторе С.В. Чиркину
с изложением телеграммы великобританского посольства*

Ссылаюсь на телеграмму генерал-губернатора от 6 декабря № 953.
/шифром/. Великобританское посольство вновь просит о возможно спешном разрешении дела пешаверцев, задержанных в Бухаре.

Телеграфируйте, в каком положении это дело и что можно по нему предпринять.

/Подп./ Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 285 б, л. 12.

№ 310

*22 января 1915 г. — Секретная телеграмма
политического агента в Бухаре А.К.Беляева
в Третий Политический отдел Министерства иностранных дел
об освобождении купцов*

Пешаверцы находятся на свободе в Старой Бухаре по внесении залога кушбегию в том, что не выедут оттуда без разрешения генерал-губернатора. Таковое еще не последовало, так как разбор штабом около 3000 торговых бумаг на пешаверском наречии, захваченных при аресте, еще не закончен.

/Подп./ Беляев.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 285 б, л. 13.

№ 311

*24 января 1915 г. — Секретная телеграмма
исполняющего обязанности дипломатического чиновника
при туркестанском генерал-губернаторе С.В.Чиркина
в Третий Политический отдел МИД о снятии обвинения
в шпионаже с пешаварских купцов*

Телеграфирую в Бухару, ссылаясь на Вашу телеграмму за № 361.

Переписка пешаверцев разобрана, и обвинение в шпионстве отпадает. Для ликвидации дела необходимо представление дознания, хотя бы в пределах, установленных Вашей беседой с генерал-губернатором в Бухаре.

/Подп./ Чиркин.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 285 б, л. 14.

№ 312

*28 января 1915 г. — Секретная телеграмма
политического агента в Бухаре А.К.Беляева
в Третий Политический отдел МИД*

*о необходимости получения нового разрешения
на отъезд купцов*

Затребованное генерал-губернатором дознание произведено начальником полиции Старой Бухары и отправлено вчера в Ташкент. Остается получить от генерал-губернатора новое разрешение на поездку пешаверцев в Индию через Асхабад, каковое мною испрошено и, вероятно, последует на днях. Вчера лично беседовал с пешаверцами, уверив их в близком благополучном окончании их дела.

/Подп./ Беляев.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 285 б, л. 19.

№ 313

*23 февраля 1915 г. — Телеграмма дипломатического чиновника
при туркестанском генерал-губернаторе С.В.Чиркина
в Третий Политический отдел МИД об отъезде купцов*

Ссылаюсь на телеграмму от 24 января № 70.

Отъезд пешаверцев на родину маршрутом Асхабад и Мешед разрешен.

/Подп./ Чиркин.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 285 б, л. 21.

Примечания

¹ Беляев Алексей Константинович был политическим агентом в Бухаре в 1914–1916 гг.

² Мартсон Федор Владимирович (1853 — после 1917), генерал от инфантерии (с 1910), генерал-губернатор Туркестана с июля 1914 по 1916 г.

³ В первую мировую войну Индия, как колония Великобритании, воевала на стороне стран Антанты.

⁴ Артур Вудроуз служил британским консулом в Петрограде в 1914–1916 гг.

⁵ Чача (хиндустани) — младший брат отца, дядя. В быту имена родства часто прибавляли к имени собственному, подчеркивая тем самым свое уважение к этим людям вне зависимости от реальных родственных связей.

⁶ Сомов Александр Сергеевич — политический агент в Бухаре в 1912–1913 гг.

№ 314–317

**10 декабря 1914 г. — 29 апреля 1916 г. —
Документы об обмене изданиями
высших государственных учреждений
Российской империи и Индии
и других контактах
с англо-индийскими властями**

*10 декабря 1914 г. — Письмо исполняющего обязанности
Генерального консула в Калькутте П.А.Рогальского
в Третий Политический отдел МИД о просьбе
Департамента статистики правительства Индии
прислать им некоторые официальные издания*

Директор здешнего Департамента Статистики обратился в Генеральное консульство с просьбой устроить обмен официальных изданий между сказанным Департаментом и нашими Министерствами торговли и промышленности и финансов и Главным Управлением землеустройства и земледелия. Департаменту особенно важно иметь нижеследующие издания: Статистический ежегодник¹, Ежегодник Главного Управления землеустройства и земледелия² и Ежегодник Министерства финансов³, или официальные периодические отчеты, могущие содержать нужные данные. В свою очередь Департамент предлагает высылать подлежащим ведомствам те из прилагаемого списка изданий, получение которых окажется желательным.

Передавая вышеизложенную просьбу, Генеральное консульство считает долгом добавить, что новообразованный Департамент Статистики является органом, который может оказать крупное содействие в деле ознакомления России с состоянием земледелия, торговли и промышленности Британской Индии.

За Генерального консула:

П. А. Рогальский.

Надпись на первой странице документа: «1) В отдел торговли. 2) В Канцелярию Г[лавного] У[правления] з[емлеустройства] и з[емледелия]. 3) В Канцелярию М[инистерства] ф[инансов]».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1140, л. 1 и об. Подлинник.

*7 марта 1915 г. — Письмо канцелярии
Министерства финансов в Третий Политический отдел МИД
с приложением изданий и просьбой прислать
некоторые издания индийского правительства*

Вследствие отношения от 26 января сего года за № 324/о III Общая Канцелярия министра финансов имеет честь препроводить при сем в Третий Политический отдел для Департамента Статистики Индии экземпляр изданий: «Ежегодник Министерства финансов 1914 г.» и «Ежегодник Министерства финансов в 1913 г.», покорнейше прося о содействии к доставлению в обмен в Общую Канцелярию следующих изданий названного Департамента:

1) Report on the Trade of Bengal with Nepal, Tibet, Sikkim and Bhutan for 1912–13. As 14 /2a/.

2) Statistics of British India for 1911–13. Part I. Industrial, including Statistics relating to Factories, Mills, Mines, etc. RI /4a/.

3) Statistics of British India for 1911–12. Part II. Commercial, including Statistics relating to Foreign Trade and Shipping, etc. RI /4a/.

4) Statistics of British India for 1911–12. Part III. Commercial Services, including Statistics relating to Post Office, Railways, Telegraphs etc. RI /4a/.

5) Statistics of British India for 1911–12. Part IV /a/ – Finance and Revenue, including Statistics relating to Paper Currency Coinage, Public Debt, etc. RI /4a/.

6) Statistics of British India for 1911–12. Part IV /b/ – Finance and Revenue, including Statistics relating to Principal Heads of Revenue, Salt, Opium, etc. RI /4a/.

7) Statistics of British India for 1911–12. Part V. Area, Population and Public Health, including Statistics relating to Area, Population, Emigration, Births and Deaths, Vaccination etc. RI /4a/.

8) Statistics of British India for 1911–12. Part VI. Administrative and Judicial, including Statistics relating to Administrative Divisions, Civil and Criminal Justice, Registration, Police, Jails, etc. RI /4a/.

9) Statistics of British India for 1911–12. Part VII. Educational, including Statistics relating to Education, Printing Presses and Publications. RI /4a/.

10) Statistics of British India for 1911–12. Part VIII. Local Funds, including Statistics relating to Municipalities, Local Boards and Port Trusts. RI /4a/.

Директор
За делопроизводителя

Федосьев.
Е. Балабанов.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1140, л. 13 и об. Подлинник.

№ 316

*15 августа 1915 г. — Донесение
Генерального консула в Калькутте К.Д. Набокова
в Третий Политический отдел МИД с приложением
изданий индийского правительства*

Вследствие отношения Департамента от 26-го марта с.г., № 1303, Императорское Генеральное консульство, препровождая при сем, согласно прилагаемому списку, издания Статистического Департамента Индии, — имеет честь покорнейше просить Отдел о высылке Генеральному консульству русского «Статистического ежегодника» и «Ежегодника Департамента земледелия», о чем просит названное индийское учреждение.

Генеральный консул:

Набоков.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1140, л. 15. Подлинник.

*29 апреля 1916 г. — Донесение управляющего
Генеральным консульством в Калькутте Р.А.Лисовского
управляющему Третьим Политическим отделом МИД
В.О.Клемму о тесном взаимодействии
с англо-индийскими властями*

Милостивый государь Василий Оскарович.

Как я имел честь донести Вашему Превосходительству секретной телеграммой от 23-го апреля с.г., секретарь по иностранным делам обратился ко мне с просьбой, не найдет ли возможность Императорское Министерство иностранных дел осведомлять чаще департамент по иностранным делам через Императорское Генеральное консульство о всех тех событиях и сведениях, которые могут иметь касательство к индийскому правительству.

Не говоря уже о пользе такого осведомления в видах общей выгоды и совместных действий в переживаемое ныне время, получение Генеральным консульством сведений, полезных для индийского правительства, дает ему возможность войти в более близкие сношения с правительственными лицами Индии и придать более значительное и определенное положение нашему представительству в этой стране.

Уже и теперь можно с уверенностью сказать, что положение Генерального консульства далеко не то, чем оно было 4–5 лет тому назад, когда индийское правительство упорно отказывалось вступать с ним в какие бы то ни было переговоры политического характера, ограничиваясь лишь вопросами повседневной консульской практики. С чувством большого удовлетворения нужно отметить, что Императорское Генеральное консульство занимает ныне совершенно отличное среди консульских учреждений других государств положение и пользуется исключительным вниманием здешнего правительства. Внимание это выражается в целом ряде хотя и мелких, но тем не менее характерных проявлений.

По вопросам консульской практики, когда какое-либо дело восходит до центрального правительства, Генеральное консульство до сих пор не получило ни одного отказа, причем все просьбы удовлетворяются с необычной для индийского правительства быстротой.

По вопросам политического характера, как положение в Афганистане, Месопотамии и даже самой Индии — здешнее правительство не считает нужным уклоняться от каких-либо переговоров с Генеральным консульством и осведомляет последнее без всяких оговорок и указаний на принадлежность этих вопросов к чисто дипломатическим.

Таким своим положением Генеральное консульство во многом обязано бывшему Генеральному консулу ст[атскому] сов[етнику] Набокову. Конечно, переживаемые ныне события также много способствовали столь отрадной перемене во взглядах индийского правительства на наше представительство в Индии.

Нет никакого сомнения, что с приездом в Индию нового Генерального консула, последний не встретит никаких препятствий к пребыванию своему в Дели⁴, а не в Калькутте, где при наличии хотя бы одного штатного помощника и нештатного вице-консула присутствие самого Генерального консула совершенно излишне. Конечно, весьма трудно надеяться на то, чтобы индийское правительство признало его пребывание в качестве Генерального консула в Дели, так как

это вызвало бы притязания однородного характера со стороны Генеральных консулов других держав и противоречило бы установившемуся в Англии принципу иметь иностранных консулов лишь в портовых городах. Такое, впрочем, полуофициальное пребывание Императорского Генерального консула в Дели никоим образом не меняет и не помешает его дальнейшему закреплению положения Генерального консульства в Индии.

Вот почему я считаю долгом поддержать просьбу секретаря по иностранным делам касательно более частого осведомления здешнего правительства через Генеральное консульство по вопросам, могущим интересовать Индию.

С глубоким почтением и совершенной преданностью имею честь быть, Милостивый государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугой

Лисовский.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 981, л. 75–76 и об. Подлинник. Опубл.: Синяя книга. Сборник тайных документов, извлеченных из архива бывшего Министерства иностранных дел. М., 1918, с. 80–82. Далее — Синяя книга.

Примечания

¹ В России в начале XX в. существовало множество статистических ежегодников, например: Статистический ежегодник. Под ред. В.И.Шараго (Совет съездов представителей промышленности и торговли). СПб., 1912–1914; Статистический ежегодник России, изд. Центрального статистического комитета. Пг., 1882–1917; Статистические ежегодники по губерниям и пр.

² Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по департаменту земледелия и лесному департаменту. СПб., 1908–1916.

³ Ежегодник Министерства финансов. СПб., 1869–1917.

⁴ В документе подчеркивается, что благодаря хорошим взаимоотношениям с англо-индийской администрацией Генеральный консул имел возможность жить не в Калькутте, где он был официально аккредитован, а в Дели — столице Британской Индии.

№ 318–322

15 декабря 1914 г. — 8 января 1917 г. — Документы о пожертвованиях индийцами чая для действующей русской армии

№ 318

*15 декабря 1914 г. — Секретная телеграмма
Генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова
в Министерство иностранных дел с просьбой организовать
бесплатную доставку из Индии российскими транспортными
средствами чая, пожертвованного индийцами для русской армии*

Ассоциация чайных торговцев пожертвовала 15.000 рупий на покупку нами здесь чая для нашей армии. Если Северное общество¹ предпишет своему парохо-

ду принять груз безвозмездно и если будет снята пошлина и предоставлен даровой провоз по Сибирской железной дороге, то вся сумма может пойти на покупку, в противном случае только половина.

Желательно было бы передать благодарность Государыни Императрицы² за щедрый дар, который будет направлен в Комитет Ее Императорского Величества.

Прошу срочных распоряжений и ответа по телеграфу ввиду скорого отхода парохода.

Набоков.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1141, л. 6. Подлинник.

№ 319

19 декабря 1914 г. — Письмо секретаря Индийского налогового чайного комитета³ Хью Хейвуда нештатному вице-консулу в Калькутте В.П.Ампену⁴ по поводу пожертвования индийского чая в пользу русских военных госпиталей

Милостивый государь,

Чсть имею сослаться на Вашу встречу с господином А.Д.Гордоном⁵, во время которой он сообщил Вам о предложении Индийского налогового чайного комитета преподнести в дар от Налогового фонда чай для полевых госпиталей действующей русской армии. С чувством глубокого удовлетворения воспринял бы Комитет известие о том, что его дар принят, и был бы весьма обязан, если бы Вы любезно посоветовали, как это можно осуществить. Сумма, которую предполагается выделить на эту цель, составляет 15.000 рупий, и, если Ваше правительство одобрит наше предложение, мой Комитет будет рад извещению о том, что Вы осуществите закупку чая и организуете его доставку и распределение. По извещении о том, что наш дар принят и что Вы готовы заниматься этим делом, Комитет с радостью предоставит указанную сумму денег в Ваше распоряжение.

Чсть имею быть, Милостивый Государь, Вашим покорнейшим слугою,

Хью Хейвуд, секретарь.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 294, л. 164. Подлинник. Пер. с англ. составителя.

№ 320

25 декабря 1914 г. — Письмо Генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова нештатному вице-консулу в Калькутте В.П.Ампену относительно чая, пожертвованного Индией в пользу русской армии и военных госпиталей

Дорогой Всеволод Павлович!

Очень сожалею, что лишен был возможности «дать ход» Вашей телеграмме по поводу именин Государя. Согласно нашим правилам (за нарушение которых, в бытность мою в Вашингтоне, один из консулов в Америке получил выговор по

службе), телеграммы с выражением верноподданнических чувств должны быть направляемы через посольство. Телеграмму Вашу я получил 6/19-го поздно вечером; к Его Величеству — через Лондон — она должна быть не ранее вторника; что, разумеется, лишило бы ее всякого смысла.

Только что телеграфировал Вам, прося Вас заехать к chairman'у⁶ для выражения нашей благодарности. Надеюсь, что Вы не посетуете на меня за эту просьбу. Дар — очень щедрый, и нам следует, мне кажется, показать, что мы его оценили. Что гораздо важнее — следует всеми доступными нам способами обеспечить доставку чая в армию без затрат на перевозку и упаковку. Для достижения этой цели я не остановлюсь ни перед какими расходами в П[ет]рограде. Если нам сначала откажут, буду телеграфировать вторично, причем подробно объясню, как обстоит дело. У нас в М[оск]ве, конечно, к этому вопросу до сих пор отнеслись халатно, но я берусь «их» как следует «подстегнуть»⁷.

Вчера, 24-го, жалел, что не с Вами на race-course*. Еще не знаю, кто выиграл!!!

В Дели очень холодно по ночам, и я под постоянным страхом простуды.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш К.Набоков.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 294, л. 169–170. Автограф.

№ 321

2 февраля 1915 г. — Донесение Генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова в Третий Политический отдел МИД, извещающее об отправке из Индии во Владивосток чая, пожертвованного индийцами для русской армии

Имею честь препроводить у сего в Отдел для представления в Комитет Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны коносаменты на 245 ящиков чая (30.646 фунт.), купленного нашим нештатным вице-консулом В.П.Ампеновым на 15.000 рупий, пожертвованных Indian Tea Cess Committee на предмет покупки чая для русской армии. Ящики помечены «Комитет Государыни Императрицы Александры Федоровны Петроград» и отправляются сего числа во Владивосток на пароходе Северного Общества «Николай Белоцветов». Так как пароходы Добровольного Флота не заходят в Калькутту⁸, Генеральное консульство лишено было возможности отправить чай на нем согласно телеграммы д[ей]ствительного с[т]атского с[о]ветника фон-Клемма от 29 мин[ув]шего декабра. Отправляемый чай застрахован в 1.000 фунтов стерлингов. Начальник Владивостокской таможни поставлен в известность об отправке чая.

Подробный счет расходам по покупке и отправке чая будет представлен Отделу в ближайшем будущем.

Генеральный консул:

К.Набоков.

Приложения: Коносамент и подробный отвес.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1141, л. 26 и об. Подлинник.

* Race-course (англ.) — ипподром (сост.).

8 января 1917 г. — Отношение Комитета Ее Величества
Государыни Императрицы Александры Федоровны
с благодарностью калькуттской фирме
за пожертвование чая в пользу русской армии

Ее Величество Государыня Императрица Александра Федоровна всемилостивейше повелеть соизволила благодарить от имени Ее Величества калькуттскую фирму⁹ за сделанное пожертвование в пользу воинов защитников родины 10 ящиков чая.

Верно:

Секретарь:

Ф.Новолинский.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1141, л. 39. Копия.

Примечания

¹ Северное пароходное общество — акционерное общество, учрежденное в 1900 г. по инициативе и при активном участии Датско-Русского пароходства для устройства и содержания пароходных сообщений между русскими и иностранными портами с целью перевозки пассажиров и грузов, главным образом чая. Суда общества совершали постоянные рейсы между портами Черного моря и Дальним Востоком. Общество имело свои агентства в Константинополе, Смирне, Бейруте, Алжире, Порт-Саиде, Кочине, Коломбо, Калькутте, Пенанге, Сингапуре, Гонконге, Фучжоу, Ханькоу, Нагасаки, Моджи. Его суда совершали ежегодно 24 рейса до Николаевска-на-Амуре и Владивостока, 11 рейсов от Калькутты до Владивостока, 5 рейсов от Ханькоу до Николаевска, составляя конкуренцию Добровольному флоту и постепенно вытесняя его.

² Александра Федоровна (настоящее имя Алиса Гессен-Дармштадтская) (1872–1918), русская императрица, супруга Николая II с 1894 г. Расстреляна по постановлению Уральского Совета в Екатеринбурге.

³ Индийский налоговый чайный комитет (Indian Tea Cess Committee) — организация, входившая в Ассоциацию чайных торговцев Индии, участвовавшая в пожертвовании средств на приобретение чая для русской армии.

⁴ Ампенев Всеволод Павлович — нештатный вице-консул в Калькутте (1912–1917), торговый представитель в Индии и на Цейлоне крупнейшей русской чаеоторговой фирмы «Губкин, Кузнецов и К°», а затем «Товарищества преемников А.Губкина, А.Кузнецова и К°», возглавлял отделение фирмы в Калькутте, вел переговоры о пожертвованиях в пользу русской армии, руководил закупкой чая и организацией его отправки в Россию.

⁵ Лицо не установлено.

⁶ Chairman (англ.) — председатель, глава; речь, очевидно, идет о председателе Ассоциации чайных торговцев Индии, пожертвовавшей деньги на закупку для России чая в пользу действующей армии, в контакте с которым был В.П.Ампенев.

⁷ По ходатайству Генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова Отдел военных сообщений Генерального штаба и Департамент таможенных сборов Министерства финансов выдали разрешения соответственно на беспощинный пропуск чайного груза через Владивосток и бесплатный провоз его по российским железным дорогам при условии, что при надлежащем оформлении он будет направлен исключительно в действующую армию и «никому другому передан не будет».

⁸ Перевозка чая из Калькутты на судах Добровольного флота стала весьма проблематичной после открытия в 1911 г. Северным пароходным обществом прямой линии Калькутта—

Владивосток. Тем не менее Пароходное общество Добровольный флот дало согласие на бесплатную доставку чая «при наличии свободного места на заходящих в Коломбо» его судах.

⁹ Речь идет об индийской фирме «Рид» («Read»), в октябре 1916 г. отправившей из Калькутты во Владивосток 10 ящиков чая, пожертвованных ею Комитету императрицы Александры Федоровны для русской армии и госпиталей. В ответ в адрес фирмы было направлено краткое благодарственное письмо от имени Ее Величества. Аналогичное послание получила Ассоциация чайных торговцев Индии за ее щедрый дар. Таким образом, пожертвование в пользу действующей армии России не было единичным.

№ 323—342

12 февраля 1916 г. — 29 ноября 1917 г. — Документы о последних миссиях индийских националистов в Россию

№ 323

*12 февраля 1916 г. — Письмо М. Баракатуллы¹
российскому пограничному офицеру
о дипломатической миссии индийских посланцев*

Багхи Бабер Шах, Кабул
Начальнику российской пограничной стражи

Податели этого письма два индийских джентльмена Сардар Самшир Сингх и Мирза Мохаммед Али² с двумя слугами — Айя Сингхом и Абдул Хаком. Они посланы с важнейшей дипломатической миссией к генерал-губернатору Ташкента. В интересах России я надеюсь на любезное содействие в том, чтобы этим людям было позволено проследовать к месту назначения без каких-либо задержек и препятствий, и что вы будете так любезны сделать все, что в вашей власти, чтобы помочь им в их поездке по Русскому Туркестану в любом направлении.

Искренне Ваш

М. Баракатулла, диван-сахиб (министр).

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 30. Копия. Пер. с англ. составителя.

№ 324

*13 февраля 1916 г. — Письмо Махендры Пратапа³
Николаю II с выражением сожаления по поводу
противостояния России и Германии в мировой войне*

Багхи Бабер Шах, Кабул
Его Императорскому Величеству
Великому Царю Великой России

Ваше Императорское Величество, почтительнейше приветствую Вас от моего имени и от имени моей страны Индии. Мы крайне огорчены, видя двух могуще-

ственных соседей в Европе сражающихся друг против друга. Мы горячо надеемся, что рознь между нашими истинными друзьями скоро уладится и они, объединившись, употребят все усилия, чтобы опрокинуть жестокого узурпатора всего мира и освободить различные народы от несчастнейшего рабского состояния.

Я написал подробно Вашего Императорского Величества генерал-губернатору Туркестана и искренне надеюсь, что августейшее правительство Вашего Императорского Величества скоро сделает что-нибудь в этом направлении ради будущего.

Вашего Императорского Величества почитатель и доброжелатель

М.Пратап.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 25. Пер. с англ. составителя.

№ 325

*21 февраля 1916 г. — Письмо Махендры Пратапа
туркестанскому генерал-губернатору Мартсону Ф.В.
с просьбой о помощи в борьбе за освобождение Индии*

Багхи Бабер Шах, Кабул
Его Превосходительству генерал-губернатору
Русского Туркестана, Ташкент

Ваше Превосходительство, позвольте мне отнять у Вас драгоценное время в интересах России и человечества — я говорю о России, потому что я друг России и человечества, потому что я обращаюсь к Вашему Превосходительству от имени трехсот миллионов человек. Чтобы ознакомить Ваше Превосходительство с вопросом, я должен сказать, что мы, индийцы, видя возможность, предоставленную Богом, разработали план, и я отправился в Европу в надежде посетить некоторых монархов, которые могут быть хорошо расположены к нам, и изложить им суть дела. Обстоятельства помогли мне. Могущественный кайзер и святой султан сочувственно отнеслись к нашему делу и ободрили меня, даровав аудиенцию, удостоив наград и оказав мне различную помощь⁴. Для осуществления нашего плана я прибыл в Кабул и сейчас располагаю наилучшими возможностями для осуществления вековых чаяний трех поколений. Мы, индийские националисты, считаем себя совершенно нейтральными в отношении вашего несчастного европейского конфликта⁵, и, хотя мы и чувствуем себя обязанными Германии и Турции за помощь, которую они нам предоставили и предоставляют, мы глубоко уважаем и любим Россию как нашего великого соседа и брата в Азии. Естественно, что мы ожидаем от России дружеской помощи. Коварная Англия, ваш естественный соперник в Азии, никогда не останется надолго вашим другом, но мы, бедные и благодарные индийцы, когда-нибудь принесем Вам пользу как в политическом, так и торговом отношении.

Сейчас наступил момент, какого никогда больше не будет, когда ваш сосед Афганистан, который только по видимости является другом Англии и который отказался иметь какие-либо сношения с Вами, теперь, я полагаю, готов броситься в объятия России. При таких обстоятельствах я боюсь, что если Вы упустите прекрасную возможность, Вы погубите Ваше будущее в Азии, так как события

будут развиваться без участия России. Если препятствием для Вас будет ситуация в Европе, это может быть легко улажено. Потребуется только решимость Вашего правительства. Как представитель нейтральной нации и как скромный друг германского и турецкого правительств я могу многое сделать для достижения взаимопонимания, если азиатский вопрос будет рассматриваться Вами со всей серьезностью. Я также прошу отослать мое скромное золотое письмо⁶ великому царю и убежден, что я должным образом буду удостоен ответа Его Императорского Величества, так как я имею честь переписываться с другими могущественными монархами.

Ожидаю скорого ответа от Вашего Превосходительства через моих посланцев Сёрдара Самшир Сингха и Мирзу Мохаммеда Али.

Вашего Превосходительства друг

М.Пратап.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 28 и об. Копия. Пер. с англ. составителя.

№ 326

*28 марта 1916 г. — Телеграмма управляющего
Третьим Политическим отделом МИД России В.О.Клемма
управляющему Генеральным консульством в Калькутте
Р.А.Лисовскому об индийских посланцах,
прибывших в Ташкент*

В Ташкент прибыли из Кабула два индийца, доставившие генерал-губернатору письмо прибывшего в Кабул с немцами раджи местности Хартрес Соединенных провинций. Раджа, заручившийся обещанием содействия немцев и турок, считает момент благоприятным для осуществления мечты индийских националистов, предлагает России оказать им со своей стороны помощь против Англии. Есть основания думать, что к этому причастны если не сам эмир, то афганцы, сочувствующие выступлениям против Англии. Посланцы доставили также письмо на имя государя императора, содержание которого еще не известно. Можете сообщить индийскому правительству.

Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 12. Опул: Синяя книга, с. 72–73.

№ 327

*12 апреля 1916 г. — Секретная телеграмма туркестанского
генерал-губернатора Ф.В.Мартсона министру иностранных
дел С.Д.Сазонову об обещании беспрепятственного выезда
индийским посланцам*

Телеграмма за № 1665 получена. Имена посланцев пенджабцев Шемшир-Сингх из Джелума и Мирза Мохаммед-Али из Джулундура. Руководствуясь

действующей между Россией и Великобританией конвенцией о невыдаче политических деятелей, я дал обещание посланцам раджи при приеме их на безопасный выезд обратно в Афганистан. Сверх того посланцы считают себя афганскими подданными и снабжены официальными афганскими паспортами, имея при себе открытый лист-письмо от афганского министра⁷, препровожденный Вашему Превосходительству при отношении моем за № 399. В основе я имел также в виду необходимость показать афганскому правительству возможность поддержания вполне безопасных соседских отношений при обращении к Туркестанскому генерал-губернатору. Если необходимо, прошу доложить изложенное государю императору.

РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7684, л. 6.

№ 328

20 апреля 1916 г. — Телеграмма английского министра иностранных дел Э.Грея английскому послу в Петрограде Дж.Бьюкенену с просьбой задержать и выслать индийцев

Вы должны информировать господина Сазонова, что правительство Его Величества было бы очень благодарно, если бы русское правительство арестовало и незамедлительно выслало в нашу страну всех членов миссии, которые могут быть британскими подданными. Было бы желательно принять специальные меры предосторожности, чтобы предотвратить их побег.

Надпись на документе: «Уведомить, что о выяснении подданства, имени и места происхождения посланцев из Кабула сделаны сношения с Турк[естанским] ген[ерал]-губ[ернато]ром. В.Клемм».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 43. Пер. с англ. составителя.

№ 329

26 апреля 1916 г. — Доклад министра иностранных дел С.Д.Сазонова Николаю II с изложением всех обстоятельств дела индийских посланцев

Приемлю смелость повергнуть у сего на всемилостивейшее благовоззрение письмо на золотой пластинке на имя Вашего Императорского Величества от индийского уроженца Пратапа вместе с подлинными письмами его же на имя Туркестанского генерал-губернатора и именующего себя афганским министром некоего Баракатуллы к нашим пограничным властям.

Как я уже имел честь докладывать Вашему Величеству, я счел своим долгом с самого начала довести до сведения великобританского правительства о прибытии из Кабула в Ташкент посланцев с означенными письмами и в дальнейшем держать Лондонский кабинет в курсе всего этого дела.

Несколько времени назад, по-видимому, по инициативе индийского правительства великобританское правительство обратилось к нам с просьбой об арестовании и высылке в Англию упомянутых выше посланцев. Запрошенный мною по этому поводу генерал от инфантерии Мартсон уведомил, что им при первом же свидании дано было посланцам обещание относительно беспрепятственного возвращения их в Афганистан. Кроме того, оба посланца считают себя афганскими подданными и снабжены афганскими паспортами.

Ввиду сего и разделяя вполне мнение генерала Мартсона, что нам не следует обострять отношения с Афганистаном и подрывать доверие к нам правительства эмира такими мерами, как арест и выдача прибывших посланцев, я позволил себе отклонить просьбу Лондонского кабинета.

Получив к тому же повергаемую у сего телеграмму и.о. Туркестанского генерал-губернатора от 23 сего апреля за № 472, из коей устанавливается, что один из посланцев заболел, я сообщил генералу Мартсону, что к возвращению ныне же обоих посланцев в Афганистан препятствий не встречается.

Петроград,
Сазонов.

На первой странице доклада имеется пометка царя: «Да. По возвращении моем в Царское село пришлите мне это золотое письмо».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 58–59 и об. Подлинник.

№ 330

*30 апреля 1916 г. — Письмо
товарища министра внутренних дел А.В.Степанова
директору Первого департамента
Министерства иностранных дел А.А.Нератову
о прибытии индийских посланцев и с запросом
о дальнейших распоряжениях по этому вопросу*

Милостивый государь Анатолий Анатольевич,

По донесению начальника Туркестанского районного охранного отделения в минувшем марте месяце в наш пограничный с Афганистаном город Термез явились два индуса английские подданные Мамед-Мамед Али и Шайль Тер Сеид (так в тексте. — *Сост.*), которые, заявив, что они имеют экстренное и совершенно секретное дело к Туркестанскому генерал-губернатору, просили разрешения немедленно отправиться в г. Ташкент. Просьба эта была удовлетворена, и названные лица в сопровождении офицера пограничной стражи и переводчика вечером 21 марта прибыли в г. Ташкент, где на приеме у генерал-губернатора вручили генералу от инфантерии Мартсону в запечатанном конверте письмо, адресованное на высочайшее Его Императорское Величество имя и, по слухам, написанное на золотой пластинке. По этому поводу генерал от инфантерии Мартсон по телеграфу испрашивал указаний Министерства иностранных дел, как надлежит поступить с индусами и не встречается ли препятствий к вскрытию письма и сообщению содержания его по телеграфу. Сообщая о сем, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в уведомлении, какие

последовали со стороны Министерства иностранных дел распоряжения по поводу означенного запроса Туркестанского генерал-губернатора.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверения в совершенном моем почтении и преданности

А. Степанов.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 70 и об. Подлинник.

№ 331

1 мая 1916 г. — Секретная телеграмма дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе С. В. Чиркина в Третий Политический отдел МИД о содержании беседы с индийскими посланцами перед их отъездом

Вчера перед отъездом кабульских посланцев мне удалось вызвать их на откровенную беседу. Опуская общеизвестные обвинения великобританской политики в Индии и Афганистане, привожу суть их заявлений и разговора. Настоящий политический момент представляется исключительно счастливым случаем для свержения Индией великобританского ига. Почва для борьбы вполне подготовлена, и имеются все нужные средства. Совместное выступление тяготящегося английским гнетом Афганистана, не могущего, кроме того, быть безучастным зрителем священной войны ислама, уже обеспечено. Необходимо лишь знать, останется ли в этой борьбе Россия хотя бы нейтральной, но даже и враждебность наша неспособна будет остановить этой бесповоротно решенной освободительной войны.

Получив от меня ответ в смысле обязательности союзных отношений и безнадёжности окончательного торжества наших врагов, индусы сказали, что успех их борьбы как совершенно частной против обессиленной в Индии Великобритании несомненен. Я высказал соображение, что Великобритания располагает в Индии достаточными силами для подавления подобного выступления, а кроме того, может легко и скоро получить в случае надобности поддержку со стороны Японии. Последнее замечание было принято с недоверием. В заключение они осведомились, будут ли пропущены через Сибирь в случае поездки их в Японию, на что был дан уклончивый ответ.

Неполучение высочайшего ответа ни даже ответа генерал-губернатора, видимо, обеспокоило посланцев, несомненно вынесших впечатление о неуспехе их миссии. Первое объяснено ими несоответствием положения автора письма, второе — неимением пока инструкций генерал-губернатором, отпускающим их по болезни. Посланцы... (так в тексте. — *Сост.*). Беседу индусы вели с большим нервным подъемом, говорили убежденно и, видимо, искренно.

О вышеозначенном сообщаю по поручению генерал-губернатора.

Копия в Азиатскую часть Главного штаба.

С копии.

/подп./ Чиркин.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 73, 74. Копия. Опубл.: Синяя книга, с. 82–83.

№ 332

3 августа 1916 г. — Телеграмма в Министерство иностранных дел России от временно исполняющего обязанности дипломатического чиновника при генерал-губернаторе Туркестана П.П.Секретарева⁸ о приезде индийских посланцев в Термез

В Термез прибыли два индуса и заявили, что имеют дипломатическое поручение к генерал-губернатору. Генерал Ерофеев⁹ телеграфировал в Термез запросить их о сущности этого поручения.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 97.

№ 333

6 августа 1916 г. — Телеграмма временно исполняющего обязанности дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе П.П.Секретарева в Третий Политический отдел МИД о цели приезда индусов

Выяснено, что прибывшие из Кабула в Термез 2 индуса с афганскими паспортами имеют письма к генерал-губернатору от того же лица, что весной — раджи Пратапа, — а также дипломатическое поручение от афганского правительства в Японию. Пока посланцы раджи оставлены в Термезе.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 98.

№ 334

18 августа 1916 г. — Секретная телеграмма временно исполняющего обязанности дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе П.П.Секретарева в Третий Политический отдел МИД с изложением письма индийцев русским властям

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 802.

Письмо оказалось не на имя Туркестанского генерал-губернатора, а Дипломатического чиновника «при вице-короле Русского Туркестана», причем автором письма является не раджа Пратап, а его единомышленник и агитатор в Кабуле Баракатулла, о котором говорилось в телеграмме Вашего Превосходительства Чиркину за № 2229. Эти лица, очевидно, под влиянием агитирующих до сих пор в Афганистане германцев возымели наивную мысль склонить японское правительство если не к открытому выступлению против Англии, то к невмешательству в случае возмущения индусов и афганцев против английского владычества. Русский перевод письма следующий:

«Благодарю Ваше августейшее правительство от всего сердца от лица своей страны, нашего главы, моих сослуживцев и самого себя за всю доброту и гостеприимство, выказанные Вашей стороною нашим представителям. Нам было прискорбно слышать, что болезнь одного из наших посланцев не дала возможности своевременно ответить на письма. Естественно, мы теперь с нетерпением ожидаем обещанного Вашего посланца, который привезет ответы на частные письма нашего главы. Я уверен, что Вы с удовольствием узнаете о том, что афганское правительство любезно послало инструкцию губернатору Мазари Шерифастроить все возможное для комфорта и безопасности приезда прибывающего государственного гостя. Вы, конечно, также с удовольствием узнаете, что наши приготовления успешно продвигаются и должны принести плоды в недалеком будущем. Податели сего Даторсидагатманд Абд-ул-Кадыр-Хан и Сердар Сахиб-Шамшир-Синг теперь посланы с очень важной дипломатической миссией на Дальний Восток, а особенно — повидать графа Окума¹⁰, первого министра, моего личного друга. Мы искренне надеемся, что наши представители будут иметь возможность проехать через Россию в возможно кратчайший срок. Я должен добавить, что их усиленно просили не пользоваться Вашим гостеприимством на сей раз, так как они следуют проездом через Вашу страну по другому делу. Сердар отзывался очень высоко о Вашей и Вашего адъютанта симпатии к нашему общему делу. Мы искренне благодарим Вас за это. С надеждой достигнуть чего-нибудь в нашем обоюдном благополучии, согласно нашим хорошо составленным планам для Вашего будущего величия и нашего успеха».

По приказанию генерала Куропаткина оба посланца, привезшие письма из Кабула в Термез, оставлены в последнем городе под строгим надзором впредь до получения указаний из Петрограда.

Прошу телеграфных указаний.

Секретарев.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 102–103. Копия.

№ 335

*5 октября 1916 г. — Письмо М.Пратапа
туркестанскому генерал-губернатору А.Н.Куропаткину
с просьбой об аудиенции*

Письмо для отправки доверительным официальным шифром.

Его Высокопревосходительству
Генерал-Губернатору

Ваше Высокопревосходительство, мне нет надобности распространяться в этом письме о своей личности. Я тот самый индийский националист, который, будучи совершенно нейтральным в настоящем европейском конфликте, развивал дружбу с германским и турецким правительствами на благо Индии, является большим другом Кабульского двора и искал дружбы с августейшим российским правительством путем отправки дважды посланцев к правительству Вашего Высокопревосходительства. Было даже обещано Вашим правительством послать взаимно своих посланцев, но как-то по сие время нет дальнейших вестей, и мои

подчиненные все еще ожидают в Термезе. Из-за этого я прибыл сам, чтобы ускорить это дело. Я имею несколько весьма важных сообщений Вашему Высокопревосходительству, о чем не могу ни писать, ни говорить никому другому.

Я прошу вследствие этого спешного свидания в Вашей столице. Если Ваше Высокопревосходительство примет какие-либо из моих предложений, я с радостью буду сотрудничать с Вашим правительством, если же Ваше правительство не найдет возможным в настоящее время согласиться с моими соображениями, я проследую в Китай и Японию.

При настоящих обстоятельствах не должно колебаться выслушать меня, ибо даже враг должен быть выслушан, и мое удаление из соседства с Индией будет приятно временному союзнику России. Но я имею полное доверие ко всем известному верному суждению и предвидению Вашего Высокопревосходительства и верю, что Вы должным образом оцените мои почетные (бескорыстные) услуги России в Кабуле и мои выражения дружбы русскому правительству.

Я могу добавить, что я имею особый паспорт от афганского правительства, надлежащим образом подписанный самим Первым министром, разрешающий мне проезд в Россию, Китай и Японию.

Ныне я ожидаю скорого ответа в Мазари-Шарифе через Его Превосходительство губернатора афганского Туркестана.

С самыми почтительными приветствиями Его Императорскому Величеству великому царю и наилучшими пожеланиями Вашему Высокопревосходительству остаюсь истинный друг

М.Пратап Кумар и Раджа.
Верно: /подп./ С.Чиркин.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 225 и об. Копия. Пер. с англ., современный подлиннику.

№ 336

*6 октября 1916 г. — Доклад
министра иностранных дел Б.В.Штюрмера¹¹
царю о повторном приезде индийских посланцев
и о письмах М.Пратапа*

В царской ставке

Повергая у сего на всемиловитейшее благовоззрение Вашего Императорского Величества секретную телеграмму Туркестанского генерал-губернатора от 29 мин[увшего] сентября по делу о посланцах индийца Пратапа, приемлю смелость всеподданнейше доложить нижеследующие данные по этому делу.

В марте сего года в Ташкент прибыли посланцы названного индийца с предложением нам совместных действий против Индии. Осведомившееся об этом великобританское правительство просило арестовать и выдать ему этих посланцев, как англо-индийских подданных. Ходатайство это не могло, однако, быть удовлетворено вследствие того, что бывший временный Туркестанский генерал-губернатор генерал от инфантерии Мартсон по прибытии посланцев в Ташкент обещал им беспрепятственное возвращение в Афганистан. Отказ с нашей стороны в выдаче означенных лиц произвел в то время, видимо, неприятное впечатление в Лондоне.

Отпущенные без всякого ответа и вернувшиеся затем в Кабул посланцы, очевидно, сообщили Пратапу неверные данные. По поступившим впоследствии сведениям, они утверждали, что были приняты в Ташкенте весьма любезно и что генерал-губернатор, отпуская их, будто бы обещал прислать в Кабул замедлившийся ответ российского правительства с особым посланцем.

Введенный тем самым в заблуждение, Пратап в начале августа выслал в Туркестан новых посланцев, которые по прибытии в Термез обратились с просьбой к чиновнику для пограничных сношений при Туркестанском генерал-губернаторе исходатайствовать им разрешение на проезд через Россию в Японию.

Прибытие этих лиц в наш пограничный пункт я не считал возможным скрыть от великобританского правительства, которое тотчас же подняло вопрос о их задержании и выдаче. При этом Лондонский кабинет заявил, что лица эти не афганцы, а англо-индийцы, замешанные в обширном заговоре против Великобритании, а равно, что они отнюдь не пользуются поддержкой или покровительством Афганского эмира, который торжественно поклялся свято хранить дружбу к Англии. В конце английского сообщения значилось, что великобританское правительство придает величайшее значение выдаче ему упомянутых индийцев и твердо надеется, что на этот раз Императорское правительство признает возможным удовлетворить его ходатайство.

Со своей стороны генерал-адъютант Куропаткин в телеграмме от 19 августа, при сем повергаемой, высказался за арест и выдачу английскому правительству новых посланцев Пратапа.

Ввиду этого, по соглашению с Лондонским кабинетом, решено было препроводить этих посланцев в Мешхед для передачи их великобританскому генеральному консульству в этом городе, о чем и сообщено было Туркестанскому генерал-губернатору с пояснением, что арест и высылку индийцев желательно произвести с возможно меньшей оглаской.

Ныне генерал-адъютант Куропаткин высказывает опасение, что отправка индийцев в Мешхед может вызвать осложнения с Афганистаном, и считает более для нас подходящим отпустить их обратно в Афганистан с извещением Пратапа, находящегося в Мазари-Шериф и намеревающегося лично прибыть в Ташкент для каких-то переговоров и дальнейшего проезда затем в Китай и Японию, что он должен прекратить всякую переписку с нами.

Со своей стороны, я не могу не отметить крайнюю нежелательность нового отказа великобританскому правительству в выдаче ему несомненно его подданных, причастных к обнаруженному против него заговору¹². К тому же из неоднократно сообщенных нам Лондонским кабинетом вполне достоверных сведений явствует, что афганское правительство в лице эмира соблюдает в отношении Англии верность данному обещанию и что недавно им было дано ясно понять германо-турецким эмиссарам¹³, что они на его поддержку рассчитывать не могут, вследствие чего германцы и турки постепенно покидают Афганистан. Весьма вероятно, что и Пратапу предложено было последовать их примеру и что это является причиною его намерения пробраться через Россию в Китай и Японию.

На случай, если бы Вашему Императорскому Величеству благоугодно было одобрить мою точку зрения, приемлю смелость повергнуть у сего проект соответствующей телеграммы генерал-адъютанту Куропаткину.

Штюрмер.

№ 337

*Без даты. — Телеграмма Николая II
министру иностранных дел Б.В.Штюрмеру
с одобрением его действий*

Высочайшая

Одобрю ваш ответ генерал-адъютанту Куропаткину.

Николай.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 162.

№ 338

*20 октября 1916 г. — Письмо М.Пратапа
туркестанскому генерал-губернатору А.Н.Куропаткину
с просьбой разрешить ему въехать в Россию
и встретиться с ним*

Я уже уведомил о прибытии своем в местность, пограничную с областью, управляемой Вашим Высокопревосходительством, и в настоящее время с нетерпением ожидаю разрешения вступить в Вашу великую страну.

После того, как мне удалось устранить все сомнения и подозрения в Кабуле с русской стороны и совершить столь дальний путь, всякое промедление в свидании с Вашим Высокопревосходительством является для меня крайне тягостным.

Я все же надеюсь вскоре получить ответ Вашего Высокопревосходительства, как это было мне обещано в последнем письме досточтимого старшего представителя власти в Термезе, поставленного российским генерал-губернатором.

С лучшими пожеланиями остаюсь другом Вашего Высокопревосходительства.

Пратап.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 181. Пер. с англ. составителя.

№ 339

*20 ноября 1916 г. — Письмо М.Пратапа
генерал-губернатору Туркестанского края А.Н.Куропаткину
с повторной просьбой выслушать его*

Мазари-Шериф
Его Превосходительству
вице-королю и генерал-губернатору
Русского Туркестана, Ташкент.

Ваше Превосходительство,

Имею честь представить Вашему Превосходительству это мое последнее обращение.

Сегодня исполнилось полтора месяца со дня, когда я имел честь написать Вашему Превосходительству из Мазари-Шерифа, прося о встрече и пропуске через Россию в Китай, но до сего времени я не имею никакого ответа от Вашего Превосходительства.

Возможно, имеются какие-либо соображения государственного порядка или осложнения, которые побуждают Ваше Превосходительство не давать мне даже простого ответа.

Сейчас я почтительнейше беру на себя смелость сказать Вам, что если бы даже Ваше Превосходительство могло дать мне уверения в том, через одного из своих секретарей, что я не буду выдан англичанам и что в худшем случае я буду рассматриваться как пленный вражеский офицер, я готов вступить на территорию России.

Я глубоко верю в свое дело и твердо надеюсь, что если бы какое-либо высокопоставленное должностное лицо в России выслушало меня и познакомилось бы с моими доводами, он по крайней мере согласился бы со мной, но если бы мои предложения были сочтены неразумными и если бы я был интернирован на время войны как простой вражеский офицер, я бы не имел оснований для жалоб.

Молю по крайней мере об ответе.

Имею честь оставаться Вашего Превосходительства искренним доброжелателем.

М.Пратап кумар и раджа.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 197. Пер. с англ. составителя.

№ 340

*Без даты. — Письмо начальника
31-й Аму-Дарьинской пограничной бригады радже Пратапу
с просьбой прекратить дальнейшую переписку*

По приказу командующего войсками Туркестанского военного округа, сообщая, что ввиду известной Вам тесной дружбы и такового же союза между Россией и Англией никакого ответа на Ваше письмо от 20 ноября с.г. из Мазари-Шерифа Его Высокопревосходительство дать не может, почему и просит прекратить дальнейшую переписку.

Верно: С.Чиркин.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 196. Копия.

№ 341

*9 июня 1917 г. — Телеграмма С.В.Чиркина
в Третий Политический отдел МИД об обращении
М.Пратапа к новому правительству России*

Раджа Пратап прислал через командира 32-пограничной бригады письмо от 5/19 мая из Хан-Абада Бадахшанского на имя Туркестанского генерал-губерна-

тора с предложениями, аналогичными тем, с которыми он обращался к генералам Мартсону и Куропаткину. Туркестанский комитет признал необходимым, во-первых, поставить Пратапа в известность, что переворот в России не изменил наших союзнических отношений с Великобританией, а потому какие-либо переговоры с ним недопустимы; во-вторых, просить штаб округа и консулов о принятии мер наблюдения и задержания Пратапа.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 218.

№ 342

*29 ноября 1917 г. — Письмо М.Пратапа
новым российским властям о целях его миссии
в Европе и России*

Высшему должностному лицу¹⁴
Паттакесар, Русский Туркестан

Дорогой сэръ!

Во имя всеобщего, вечного и единственного Бога я пишу это письмо, и в интересах человечества я снова обращаюсь к Вам, не зная точно, являетесь ли Вы тем самым джентльменом и высокого ранга генералом, который находился на этом посту недавно и к которому я обращался прежде. Я считаю необходимым сказать несколько слов, чтобы представиться. Я индеец и происхожу из семьи, которая считается знатной в Индии. У меня были важные контакты со многими видными деятелями Индии. Во время этой войны, в поисках возможностей служить матери-родине и всему человечеству, я, с камнем на сердце, оставил родину и отправился в Европу, где, благодаря Богу, был хорошо принят Центральными державами. Имея в виду общую цель, я с германо-турецкой миссией прибыл в Афганистан. Огромная работа, проделанная в Кабуле, не могла быть секретом для бдительных соседей этой прекрасной страны.

С течением времени мой долг по отношению к человеческой расе повелел мне вступить в сношения с великим правительством России, и я рад отметить, что вначале дело пошло так хорошо, что я сам прибыл на Вашу границу. Но затем, вероятно, в Петрограде началась закулисная работа английского правительства — группы эгоистичных людей. Результатом было то, что, несмотря на предыдущие обещания, я получил неблагоприятный ответ. Это было в декабре прошлого года. Затем совершилась великая революция в Великой России. Я получил сведения об этом событии, когда был в поездке. Я опять вернулся на границу и снова обратился к вашему новому правительству. Но, к несчастью, в прошлом июле заговор врагов России привел к тому, что русское правительство снова дало мне неблагоприятный ответ. Теперь, однако, это последнее препятствие устранено, и я рад узнать из последних индийских газет, что русское правительство находится теперь под руководством благородных сынов России, которых англичане изображают предателями, но которые на самом деле являются истинными друзьями человечества. Я поздравляю Вас и нашего дорогого соседа Россию с совершением такой перемены. И по этому счастливому случаю я в третий раз обращаюсь к русскому правительству через Вас и возобновляю мой запрос, с которым обращался ранее. Поскольку я свято верю, что мои связи с Россией обеспечат огромную

взаимную выгоду, я прошу обеспечить мне возможность представить мой план работы. Милостью Бога я, кроме того, являюсь представителем влиятельных кругов в Индии и имею дружественные отношения с великими державами — Германией, Турцией и Афганистаном. Я надеюсь и верю, что смогу оказать некоторую полезную помощь России в интересах Индии и человечества. Я настоятельно прошу обеспечить мне встречу с главой нынешнего русского правительства, а затем намерен проследовать в Германию, чтобы добиться великой цели для нашей общей пользы. Будьте добры передать это мое обращение ответственным лицам в Ташкенте и Петрограде по телеграфу или почтой и, пожалуйста, дайте мне знать об их ответе как можно быстрее. Если германский посол находится в контакте с благородным русским правительством, будьте добры информировать Его Превосходительство о содержании этого письма и сообщить ему, что в настоящее время я нахожусь в Мазари-Шерифе. Естественно, я нахожусь в тесном контакте с кабульским двором и снова хочу установить прямой контакт с августейшим германским правительством.

Моя цель, как я всегда публично заявлял, заключается в том, чтобы установить тесные дружественные отношения между Россией и Индией, так как мы верим, что именно благодаря дружбе между Россией и Индией возможно подлинное освобождение Индии и установление равновесия сил в Азии и во всем мире.

М.Пратап.

Кумар (сахиб) Мурсана (Индия) и раджа (сахиб) Хартреса (Индия) и являющийся в настоящее время президентом Временного правительства Индии.

P.S. В случае, если в настоящее время в Паттакесаре нет человека, знающего английский язык, прилагаю свободный перевод этого письма на персидском языке¹⁵.

М.П.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 338 б, л. 222 и об. Копия. Пер. с англ. составителя.

Примечания

¹ Баракатулла Мухаммад, моулави (1868–1927), деятель индийского национально-освободительного движения, сторонник радикальных методов борьбы с колониальным режимом. Родился в г. Бхопал, получил образование в Бомбее и Лондоне. С 1907 г. в эмиграции, в 1909–1914 гг. — профессор Токийского университета, преподавал персидский и урду, издавал газету «Мусульманское братство» панисламистского направления. После начала первой мировой войны под давлением английского правительства был уволен из университета и уехал в Америку, где стал членом руководства революционной партии «Гадр» («Восстание»), основанной в США индийскими эмигрантами. В 1915 г. по приглашению М.Пратапа (см. ниже) прибыл в Берлин, откуда вместе с ним в составе немецкой миссии Хентига–Нидермайера отправился в Афганистан, где возглавил в качестве «премьер-министра» так называемое Временное правительство Индии, которое планировало освобождение страны от английского владычества путем вооруженного восстания. Широкой социальной базы в Индии эмигрантское правительство Пратапа–Баракатуллы не имело, методы их борьбы не получили поддержки. В 1919 г. по поручению афганского правительства прибыл в Москву с дипломатической миссией, 7 мая был принят В.И.Лениным. Вел активную пропаганду среди мусульман в поддержку советской власти. Умер в Сан-Франциско.

² Мирза Мухаммад Али в 1920 г. снова прибыл в Ташкент. В течение ряда лет с 1922 г. возглавлял Европейское бюро индийских коммунистов, стал видным организатором коммунистического движения, затем перешел на подпольную работу в Индии. Был осужден на Мирутском процессе 1929–1933 гг. над коммунистами. После отбытия тюремного заключения эмигрировал во Францию, где в годы второй мировой войны принял участие в движении сопротивления, был арестован и расстрелян гитлеровцами.

³ Пратап, Махендра (1886–1976), деятель индийского национально-освободительного движения, сын раджи небольшого княжества в Соединенных провинциях, учился в Алигархском колледже. В 1914 г. уехал из Индии, добываясь у правительств разных стран поддержки в борьбе за освобождение Индии. В годы первой мировой войны выполнял дипломатические поручения германского правительства в странах Востока. В 1915 г. вместе с миссией Хентига–Нидермайера прибыл в Кабул. Вместе с Баракатуллой в качестве «президента» возглавил так называемое Временное правительство Индии в Кабуле. В связи с его антибританской деятельностью английские власти в Индии наложили секвестр на его имение. В 1918–1919 гг. посещал Советскую Россию, побывал на приеме у В.И.Ленина. Подаренные им брошюры находились в библиотеке В.И.Ленина в Кремле. После второй мировой войны возвратился в Индию, был членом индийского парламента. Соболезнования по поводу его смерти выразили тогдашний премьер-министр республики Морарджи Десаи и президент Нилам Санджива Редди, который назвал его «человеком героического склада характера».

⁴ Титул раджи (правителя) производил впечатление на монархов различных стран и открывал Пратапу двери их кабинетов. Он действительно получил аудиенцию у германского кайзера Вильгельма II (годы правления 1888–1918) в 1914 г., а в 1915 г. проездом из Берлина в Кабул был принят турецким султаном Мехмедом V Решадом (годы правления 1909–1918).

⁵ Имеется в виду первая мировая война.

⁶ Письмо было выгравировано на золотой пластинке. В архиве имеются фотографии обеих сторон пластинки: «Сад Бебер-Шах, Кабул, 15 февраля 1916 г. Ваше Императорское Величество, с великим почтением я представляю Вашему Императорскому Величеству приветствия мои и моей страны Индии. Мы крайне огорчены, видя двух могущественных соседей в Европе сражающимися друг против друга. Мы горячо надеемся, что рознь между нашими действительными друзьями скоро уладится и оба, соединившись, употребят все усилия, чтобы опрокинуть жестокого узурпатора всего мира, и таким образом освободят разные народы от несчастнейшего состояния. Я написал подробно Туркестанскому генерал-губернатору Вашего Императорского Величества и искренно надеюсь, что августейшее правительство Вашего Императорского Величества скоро сделает что-нибудь в этом направлении в видах на будущее. Вашего Императорского Величества почитатель и доброжелатель под письмом Пратап Махендра» (РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4566, л. 2, перевод, современный подлиннику). Местонахождение письма в настоящее время неизвестно.

⁷ Неточность: в связи с тем, что Баракатулла, как «министр» Временного правительства, именно так подписался под письмом, российские власти сочли, что это письмо от афганского министра. С помощью англичан они выяснили, что такого министра в афганском правительстве нет.

⁸ Секретарев Петр Петрович был временно исполняющим должность дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе в 1916–1917 гг.

⁹ Ерофеев Михаил Родионович (1857 — после 1916), генерал от инфантерии (с 1913 г.), с 1914 г. командовал 1-м Туркестанским корпусом.

¹⁰ Окума Сигэнобу (1838–1922), премьер-министр Японии в 1914–1916 гг.

¹¹ Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) с января 1916 г. — председатель Совета министров, одновременно с июня по ноябрь — министр иностранных дел.

¹² 22 октября 1916 г. посланцы, доставленные под конвоем в г. Мешхед (Иран), были там переданы британскому консулу. Один из них по приговору Лахорского суда был казнен 27 марта 1917 г.

¹³ Германо-австро-турецкая миссия Хентига-Нидермайера в Афганистан в 1915–1916 гг. имела своей целью склонить эмира Хабибуллу-хана вступить в войну на стороне Германии.

Великобритания пообещала эмиру предоставить Афганистану после окончания войны самостоятельность во внешней политике и увеличить субсидии, после чего эмир решил остаться нейтральным в мировом конфликте. 22 мая 1916 г. миссия покинула Кабул.

¹⁴ С ноября 1917 г. председателем Совета народных комиссаров Туркестанского края был Федор Иванович Колесов (1891–1940), член РСДРП с 1917 г., с сентября 1917 г. — член Исполкома Ташкентского совета, участник Гражданской войны, в 1923–1925 гг. — председатель Совета народных комиссаров Дальнего Востока, член Гомельского губисполкома, затем в 1933 г. закончил архитектурный институт и работал архитектором.

¹⁵ Получив разрешение советских властей, Махендра Пратап в марте 1918 г. прибыл в Петроград.

№ 343–349

26 мая — 24 августа 1916 г. — Документы о задержании англо-индийских подданных, путешествовавших по России

№ 343

*26 мая 1916 г. — Памятная записка посольства
Великобритании в Петрограде в МИД Российской империи
с просьбой задерживать англо-индийских подданных,
следующих транзитом по Сибирской железной дороге*

Правительству Его Величества стало известно, что ряд находящихся сейчас в Германии мятежников-индийцев могут предпринять попытки попасть в Китай по Сибирской железной дороге по паспортам, отвечающим установленным нормам¹.

Посольству Его Величества поручено обратиться к российским властям не отказать в просьбе задерживать всех индийцев, следующих этим маршрутом, до тех пор, пока не будет установлено их bona fides*.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 3326, л. 1. Подлинник. Пер. с англ. составителя.

№ 344

*28 мая 1916 г. — Письмо товарища министра внутренних дел
А.В.Степанова товарищу министра иностранных дел
А.А.Нератову о распоряжениях, сделанных для задержания
англо-индийских подданных, следовавших транзитом
через Россию*

Милостивый государь Анатолий Анатольевич.

Вследствие письма от 26 текущего мая за № 434 имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что вместе с сим мною сделано по департаменту полиции

* Bona fides (лат.) — добропорядочность, честность намерений (сост.).

распоряжение о задержании всех имеющих прибыть в Россию через Швецию — Петроград или через Румынию индо-британских подданных и о препровождении их затем в ведение Петроградского градоначальника, коему предложено по доставлении задержанных уведомить об этом непосредственно великобританское посольство в Петрограде на распоряжение.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Степанов.

Сверху на листе надпись карандашом: «Сообщается великобританскому посольству».

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 3326, л. 3. Подлинник.

№ 345

17 июня 1916 г. — Секретная телеграмма канцелярии генерал-губернатора Финляндии в МИД о задержании англо-индийского подданного Франка Томаса де Монтэ

Телеграмма от 10 июня за № 433 получена.

Прибыл в Торнео из заграницы по национальному паспорту, выданному Генеральным консулом в Йокогаме, индобританец, помощник почтмейстера Индии, Франк Томас де Монтэ, который жандармской полицией обыскан и препровожден к Петроградскому градоначальнику.

Подп[исано] Кандауров.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 3326, л. 6.

№ 346

18 июня 1916 г. — Телеграмма управляющего Третьим Политическим отделом МИД В. О. Клемма директору канцелярии финляндского генерал-губернатора о необходимости скорейшего освобождения Франка Томаса де Монтэ

Телеграмма № 2540 получена.

Великобританское посольство удостоверяет, что задержанный индо-британской подданный Франк Томас де Монтэ действительно то лицо, за которое себя выдает, личность его известна Посольству, почему последнее признает желательным возможно скорейшее его освобождение.

Подп[исано] Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 3326, л. 11.

№ 347

4 июля 1916 г. — Вербальная нота посольства Великобритании в Третий Политический отдел МИД России об изменении мер пресечения относительно индо-британских подданных, следующих транзитом через Россию

Вербальной нотой от 20 июня за № 2867 / ДШ Третий Политический департамент Министерства иностранных дел соизволил сообщить посольству [Великобритании] о распоряжениях, данных компетентным властям относительно индо-британских подданных, которые путешествуют по России.

Министерство осведомлено, что результатом принятых мер стал арест и заключение в тюрьму чиновника высокого ранга, который путешествовал на законных основаниях. Посольство благодарит российское правительство, которое быстро отреагировало в духе благожелательности при разрешении этой проблемы, и предлагает по возможности изменить отданные приказания в том направлении, чтобы у великобританских подданных, когда речь идет об этом, были бы конфискованы их паспорта, а сами они задержаны без ареста в тех городах, куда они прибыли, пока будет идти дознание. Предлогом такого задержания могут служить обстоятельства военного времени.

Посольство со своей стороны постарается сообщать императорскому правительству обо всех индо-британских подданных, которые будут проезжать транзитом через Россию.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 3326, л. 10. Подлинник. Пер. с франц. составителя.

№ 348

29 июля 1916 г. — Письмо директора департамента полиции Е.К.Климовича² управляющему Третьим Политическим отделом МИД В.О.Клемму с просьбой дать разъяснения к распоряжению о задержании при въезде в Россию индо-британских подданных

Милостивый государь Василий Оскарович.

Гофмейстер В.А.Арцимович³ письмом от 19-го сего июля за № 642 уведомил товарища министра внутренних дел А.В.Степанова о том, что великобританское посольство в Петрограде во избежание нежелательных недоразумений, подобных имевшему место с видным чиновником, индо-британским подданным г. Франком Томасом де Монтэ, задержанным русскими властями в Торнео, предлагает ввести новый порядок в отношении проезда через Россию англо-индийских подданных. Проектируемый порядок заключается в том, что названные лица при въезде их в пределы России не допускаются к продолжению путешествия, но в то же время и не арестовываются, причем национальные паспорта их должны подлежащими властями немедленно препровождаться в Министерство иностранных дел для сношения с великобританским посольством.

В отношении лиц, проезжающих в Россию через Финляндию, проектируемый порядок не встретит затруднений, так как эти лица, по прибытии их в Петроград

и отобрании у них национальных паспортов, беззамедлительно будут поставляемы в известность Петроградским градоначальником о том или ином разрешении Министерством иностранных дел вопроса о дальнейшем их проезде через Россию. Между тем в отношении англо-индийских подданных, проезжающих через Архангельск или румынскую границу, предложенный порядок при применении его на практике встретит существенные затруднения и поставит местные административные власти, в предупреждение дальнейшего проезда названных лиц впредь до разрешения в каждом отдельном случае этого вопроса Министерством иностранных дел по соглашению с великобританским посольством, в необходимость применять к ним меры, аналогичные с арестом.

Сообщая об изложенном, имею честь просить Ваше Превосходительство не отказать в разъяснении по поводу ожидаемых затруднений при применении на практике проектируемого великобританским посольством порядка.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Ваш покорнейший слуга Е.Климович.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 3326, л. 23–24. Подлинник.

№ 349

*24 августа 1916 г. — Доверительное письмо управляющего
Третьим Политическим отделом МИД В.О.Клемма
директору департамента полиции Е.К.Климовичу
с разъяснением мер по контролю над англо-индийскими
подданными, проезжающими через Россию*

Милостивый государь Евгений Константинович.

Вследствие письма Вашего Превосходительства от 29 июля сего года за № 107818 имею честь уведомить, что пожелания великобританского посольства о контроле над всеми англо-индусами, проезжающими через Россию, сводятся лишь к удостоверению их самоличности путем проверки их паспортов. Таковая проверка отнюдь не вызывает необходимости ареста владельца паспорта: по мысли великобританского посольства паспорта, отобранные у прибывших на границу англо-индусов, должны быть спешно направляемы в М[инистер]ство ИД, каковое, по соглашению с Посольством, и разрешает дальнейший проезд владельцев паспортов, которые, по необходимости, должны будут ожидать возвращения им их национальных видов либо на самой границе, либо в ближайшем городе, где обстановка, по местным условиям, возможна; само собою разумеется, что известное наблюдение за этими лицами необходимо. Временную задержку проезда всегда можно объяснить обстоятельствами военного времени. Таким образом, по мнению Посольства, и будет достигнут нужный контроль за проездом англо-индусов, а с другой стороны, будут избегнуты нежелательные факты, вроде арестования высокопоставленного лица, занимающего видный пост по индийской телеграфной администрации, господина Томаса де Монтэ.

Передавая об изложенном, пользуюсь и пр.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 486, д. 3326, л. 13–14. Рукописный черновик.

Примечания

¹ В марте 1916 г. в Термез прибыли посланцы от считавшего себя союзником кайзера индийского националиста Махендры Пратапа, которые испрашивали позволения проехать через Россию в Японию и Китай. Вероятно, основной целью, которую преследовало посольство Великобритании, было задержание этих индийцев. См. док. № 323–342.

² Климович Евгений Константинович (1871 — после 1917), русский военный, на службе с 1889 г., генерал-майор с 1913 г., в 1906–1908 гг. — помощник московского градоначальника, с 1909 г. — градоначальник Керчи, с 1916 г. — директор департамента полиции.

³ Арцимович Владимир Антонович, дипломат, на службе с 1880 г., в 1911–1914 гг. — директор департамента личного состава и хозяйственных дел МИД, с 1914 г. — товарищ министра иностранных дел.

№ 350–353

**5 июня 1916 г. — 13 февраля 1917 г. —
Документы о торговой миссии в Россию
директора Департамента сельского хозяйства
правительства Мадраса Д.Т.Чадвика¹
для изучения современного состояния
русско-индийской торговли и возможности
наладить после войны прямую торговлю
между Индией и Россией**

№ 350

*5 июня 1916 г. — Письмо директора Департамента
сельского хозяйства правительства Мадраса Д.Т.Чадвика
Генеральному консулу в Калькутте о намерении
правительства Мадраса направить его в Россию
для изучения возможности прямой торговли
между Индией и Россией*

Милостивый государь,

Вам, вероятно, известно, что правительство Мадраса намерено отправить в Россию на короткий срок чиновника с целью установить контакт с потребителями или покупателями колониальной продукции, чтобы выяснить, возможно ли после войны наладить прямые торговые сношения между двумя странами. До сих пор многие колониальные товары приходили в Россию через Гамбург. Являясь тем чиновником, которому в случае реализации данного проекта будет дано это поручение, был бы Вам весьма обязан, если бы Вы любезно выслали мне какие-либо книги на английском или французском языке касательно торговли России за последние годы, статистики российского товарного импорта и стран, откуда товары доставляются в Россию, чтобы можно было проследить туда путь некоторых наших товаров. Был бы еще более обязан Вам, если бы во время поездки я мог иметь при себе некоторые из этих книг.

2. Полагаю, что важнейшие промышленные центры расположены вблизи Невы, в Курляндии и около Москвы, но был бы весьма рад любому совету отно-

сительно центров, которые следовало бы посетить. Не могли бы Вы мне сообщить, следует ли в случае, если я буду командирован правительством с такой миссией, взять лицензию коммерсанта-путешественника для въезда в Россию. Экспортируемая Мадрасом колониальная продукция — это хлопок, земляной орех, копра, шкуры и кожи, перец, имбирь, чай, кофе, каучук, семена клещевины, слюда и т.д. Мне бы очень помогло, если бы Вы нашли способ каким-нибудь образом представить меня кругам, которые могли бы заинтересоваться такой продукцией. Боюсь, я слишком много отнимаю у Вас времени, но любой совет по вопросам общего характера, который сделал бы мою поездку более полезной и плодотворной, будет, уверяю Вас, с благодарностью высоко оценен. Если какая-нибудь из посылаемых мне книг имеется в продаже, я с радостью куплю ее.

С уважением,

Д.Т.Чадвик.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 162, л. 2-3. Подлинник. Пер. с англ. составителя.

№ 351

*15 июня 1916 г. — Письмо исполняющего обязанности
Генерального консула в Калькутте Р.А.Лисовского
директору Департамента сельского хозяйства
правительства Мадрасского президентства Д.Т.Чадвику
о готовности снабдить его рекомендательными письмами
для путешествия по России*

Сэр, ссылаясь на Ваше письмо от 5 числа текущего месяца, переданное мне российским вице-консулом в Калькутте, с сожалением сообщаю, что не имею книг на английском или французском языках о российской торговле за последние годы, а также книг на русском языке об импорте в Россию и о странах, откуда импортные товары поступают.

2. Что касается Вашего приезда в Россию для установления контакта с покупателями или закупщиками тропической продукции с целью выяснить возможность установления после войны прямых торговых связей между двумя странами, вопроса чрезвычайно важного, то я буду очень рад содействовать Вам и снабдить рекомендательными письмами к представителям российских властей и официальных коммерческих организаций.

Касательно маршрута, я бы предложил Вам сначала поехать в Петроград, где располагаются Министерство иностранных дел и Министерство торговли — ведомства, которые я не премину информировать о Вас и которые будут рады дать Вам любые рекомендации относительно центров, которые следует посетить, а также представят Вас коммерческим организациям.

Был бы признателен Вам, если бы Вы сообщили, когда и как Вы покидаете Индию. Я не премину снабдить Вас вышеупомянутыми рекомендательными письмами и телеграфировать в Министерство иностранных дел, в Петроград, о Вашем отъезде в Россию, как только получу от Вас ответ.

Честь имею...

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 162, л. 1 и об. Черновик. Пер. с англ. составителя.

*Январь 1917 г. — Из Отчета² директора Департамента
сельского хозяйства правительства Мадраса Д.Т.Чадвика
о русско-индийской торговле*

40. ...Хотя общая годовая стоимость современного вывоза из Индии в Россию не превышает 5 000 000 фунтов стерлингов (что значительно меньше, чем предвоенный вывоз во Францию или Германию) и хотя очень трудно определить стоимость российского рынка в будущем, мы полагаем, что индийским торговцам стоит тщательно обдумать такие возможности. Как нам представляется, для продвижения в Россию индийских продуктов (за исключением чая) предпринималось мало усилий, тем не менее цифры, приведенные в главе II, демонстрируют рост потребления в России индийской продукции в предвоенные годы. После войны эта тенденция, вероятно, будет нарастать. Население России — примерно 180 млн. человек, увеличивается ежегодно на 2 млн. и располагается компактно на территории около 8,5 млн. кв. миль. Таким образом, налицо как простор, так и залог будущего развития. Большие экономические трудности, которые испытывала Россия в последние годы во время войны, выявили крайнюю необходимость развития ее собственной промышленности, а также усовершенствования и расширения средств коммуникации — как железнодорожных магистралей, так и простых дорог. Эти проблемы уже привлекают внимание. Первая подразумевает растущую потребность в сырье тропического типа, производимом на территории самой России и жизненно важном для развития отраслей ее промышленности, а именно джуте, масличных семенах, дубильных веществах, каучуке, лекарственных растениях и т.д.; вторая проблема связана с более широким рынком как для товаров, изготовленных из этого сырья, так и для импортных товаров, включая тропические продукты питания и напитки, а именно рис, чай, кофе, специи. В России, естественно, существуют разные точки зрения относительно общих экономических результатов войны, но все согласны, что в настоящее время наблюдается острый дефицит почти всех импортных товаров, что сбережения аккумулировались в больших объемах и что одним из следствий длительной мобилизации армии будет, вероятно, приобщение массы солдат, выходцев из отдаленных деревень, к постоянному использованию товаров, которые до тех пор считались роскошью, таких, как мясо и мыло, кожа, сапоги и чай. Увеличение банковских вкладов в цифровом выражении не обязательно означает роста сбережений — в нынешних обстоятельствах они могут представлять собой аккумулированный торговый капитал, ожидающий своего применения. Увеличение вкладов в Государственном сберегательном банке — это действительно сбережения и, следовательно, потенциальная покупательная способность той части населения, у которой обычно размер сбережений весьма мал. В предвоенный период радостью для крестьянина и отдушиной для рабочего была в основном водка, которая поглощала почти все их наличные средства. Монополия на спирт приносила ежегодно государству общий доход в размере примерно 100 000 000 фунтов стерлингов. Торговля спиртными напитками сейчас запрещена, и скорее всего запрет по крайней мере на водку будет сохраняться...

41. ...Далее, если бросить взгляд в отдаленное будущее — когда разовьется железнодорожная система Азии и Сибирь будет более благоустроена, что уже

делается, многие пленные австрийцы, возможно, осядут здесь, — Индия могла бы стать основным поставщиком тропической продукции в эти новые районы. Уже сейчас российская Средняя Азия нуждается в джете для упаковки хлопка, урожая которого в 1915 г. составил 1,5 млн. кип (по 500 фунтов); Томск, Омск и Самарканд в настоящее время насчитывают уже по 60–70 тысяч жителей, и далее на запад к Волге в Самаре и Саратове живут соответственно 100 и 200 тысяч человек...

42. ...Так, с учетом открывающихся возможностей, имеет смысл попытаться кратко охарактеризовать развитие спроса на некоторые индийские товары. Касательно продуктов питания и напитков, в предвоенные годы наблюдался рост потребления риса. За последние пятнадцать лет общий объем импорта увеличился в 2,5 раза, а в стоимостном выражении — в 3 раза. В этой сфере конкурентом выступает Персия, но самый большой прирост был в импорте очищенного риса при посредничестве Германии, а именно рангунского (см. Приложение I). Спрос на индийское просо вряд ли возникнет, разве что в случае, Боже упаси, широко распространенного голода. Постоянно увеличивался общий импорт специй, особенно перца, которого только в 1913 г. было ввезено почти на 250 000 фунтов стерлингов. Русские любят хорошую кухню и готовы наложить дань на весь мир ради приправ или специй, которые полюбили. Индийская чатни³ в России, по всей видимости, неизвестна. Что касается напитков, в России наблюдается особое пристрастие к чаю. В России существует твердое мнение, что запрет на водку будет стимулировать спрос как на кофе, так и на чай...

43. Что касается текстиля, цифры, приведенные в главе II, демонстрируют растущий спрос на джут в последние годы. Перед самой войной он приближался к 1 млн. центнеров ежегодно. Можно быть уверенным, что рынок джута будет расширяться. С другой стороны, спрос на индийский хлопок скорее всего будет невелик. Некоторое количество, вероятно, будет требоваться, особенно в Польше, но в целом этот рынок нельзя считать обширным и стабильным. Центром текстильной промышленности России является Москва, где фабрики в основном используют американский хлопок или гибридный американского типа, выведенный из импортных семян и выращиваемый на орошаемых землях российской Средней Азии при ежегодных урожаях, достигающих ныне примерно 1 440 000 кип (по 500 фунтов). Необходимое количество коротковолокнистого хлопка поступает в основном из Персии и с Кавказа, где его ежегодное производство составляет примерно 180 000 кип (по 500 фунтов) и который по грубости и короткой длине волокна похож на подавляющее большинство индийских сортов. Полагаем, что Москва лишь иногда будет покупать некоторые лучшие сорта индийского хлопка для смеси с миддлингом⁴ в тех случаях, когда цены на американский хлопок будут высокими. С другой стороны, нам говорили, что хлопчатобумажная промышленность в районе города Лодзь в Польше использует, как правило, значительно более коротковолокнистый хлопок и что такого сорта индийский хлопок, поступающий в Россию, направлялся в основном в Польшу. Это вполне вероятно, так как с учетом длинного железнодорожного пути доставленный в Лодзь персидский и кавказский хлопок будет стоить столько же, сколько индийский, доставленный морем, а также, возможно, по каналам и рекам.

44. Некоторые масличные семена также пользуются спросом, особенно те, которые пригодны для производства мыла и пищевых продуктов. Русское льняное семя лучшее в мире, и индийское вряд ли может конкурировать с ним, но

оно используется главным образом для изготовления красок. В больших объемах в России имеется только два сорта масличных семян, пригодных для мыловарения, — это семена подсолнечника и после гидрогенной обработки семена хлопчатника. Подсолнечник широко выращивается в районе Новороссийска и к северу от Кавказа, в 1912 г. с площади около 2,5 млн. акров было собрано 13,5 млн. тонн семян, однако по содержанию масла они уступают тропическим масличным семенам — около 12% против 36% в арахисе (земляной орех). За последние четыре года спрос на мыло невероятно увеличился, и большинство производителей масла ожидают дальнейшего огромного подъема производства. За последние пятнадцать лет количество импортируемой в Россию копры удвоилось, треть ее, согласно российским отчетам, поставляется Индией. Значительное количество копры используется для производства мыла, но все больше и больше идет на производство пищевого масла, для чего требуется высококачественный сорт, например малабарский. Земляной орех неизвестен как источник масла, так как его использование для такой цели было уничтожено высокими пошлинами. По тарифам он попал в один разряд с каштаном и цельным кокосом и считается полуделикатесным продуктом.

45. Еще одна характерная российская потребность — это пчелиный воск для свечей, используемых в церквях. Во время богослужений почти каждый прихожанин зажигает небольшую свечку перед иконой, и даже большие кафедральные соборы полностью освещаются такими и большими по размеру свечами. Используемые для таких целей свечи покупают при входе в церковь, они должны быть изготовлены в соответствии с требованиями Священного Синода; мы уверены, в действительности торговля ими — монополия церкви. Они должны быть из чистого пчелиного воска и не должны содержать ни сала, ни растительного или животного жира. Это предмет торговли, в котором чистота продукта — это единственное, что имеет значение. Стоимость импортируемого в Россию пчелиного воска с каждым годом возрастала и в настоящее время составляет около $3\frac{3}{4}$ млн. фунтов стерлингов; практически весь он поступает из Германии, которая получает его из Индии и других тропических стран.

46. Другой предмет торговли, потребность в котором в России неизбежно будет возрастать и который напрямую связан с Востоком, — это каучук. Дело не только в том, что он будет нужен для производства шин и покрышек легковых автомобилей и автофургонов, хотя уже существуют большие заводы по производству таковых, например «Проводник», шины которого уже известны в Индии, или «Треугольник». Помимо этого, существует большой рынок для отходов и обрезков резины, поскольку почти все в России носят галоши...

47. Что касается шкур и кожи, очень трудно было проследить маршрут этих товаров. Россия и экспортирует, и импортирует шкуры в больших количествах. Насколько нам удалось выяснить, она нуждается главным образом в толстых шкурах большого размера (отечественный скот в основном не очень крупный), предпочтительнее вымоченных в соляном растворе. Тем не менее нам встречались кожевники, которые использовали для верхней части ботинок и туфель небольшие шкуры молодых животных из Индии (купленные, конечно, в Германии). Кожевенная промышленность — это отрасль, которую Россия, конечно, будет стараться развивать, так как в настоящее время она экспортирует шкуры и импортирует кожу. Это в основном толстая кожа больших размеров, для дубления которой более всего подходит кора дуба или квебрахо⁵; но Россия также очень нуждается для внутреннего потребления в коже не столь сильного дубления.

Так, горожане в массе носят сапоги, крестьяне отказываются от лаптей и онучей, также предпочитая сапоги. Верхняя часть этих высоких ботинок не такая жесткая и твердая, как у английских сапог для верховой езды, и изготавливается из более мягкой и эластичной кожи. Далее, сорт кожи, которую Германия в 1913 г. поставляла в особенно больших объемах в Россию, как раз подходил для изготовления «верхней части туфель, ботинок, домашних тапочек, обивки, небольших кожаных изделий, шорного и переплетного дела», т.е. кожи мягкого дубления. Для такого дубления, по нашему мнению, широко используются мираболамы⁶ в смеси с другими веществами, и если кожевенная промышленность будет развиваться в России после войны, представляется чрезвычайно вероятным, что ей потребуется большое количество мираболамов или других веществ подобного назначения.

48. Другая категория товаров, к развитию торговли которыми Россия будет стремиться, — это «растения, пригодные для изготовления лекарств». В предыдущей главе показано, сколь неблагоприятным было влияние русско-германского торгового договора 1904 г. на фармацевтическую отрасль. В настоящее время этот договор недействителен, и мы видели несколько строящихся больших фармацевтических заводов.

49. Сельские ремесла до сих пор сохранились в разных районах России, различные организации стремятся поддерживать и поощрять их, создавая рынок для этой продукции. В Москве, например, существует Музей сельских ремесел с программой, аналогичной той, что есть у Виктория Инститют в Мадрасе, но первый значительно больше и предлагает более разнообразный ассортимент изделий на продажу. Среди этих изделий выделяются красочные лакированные шкатулки и подносы. Всюду вокруг Москвы велик спрос на шеллак⁷ и камедь⁸, в производстве которых Индия является практически монополистом.

50. Как видим, потребляемые Россией в больших количествах индийские товары не являются редкими или необыкновенными, предназначенными для эксклюзивного рынка, напротив, это товары, которые в скором времени станут предметами повседневного потребления для широких масс, и, если послевоенные экономические перемены станут действительностью, спрос на них будет расти быстрее, чем прежде.

51. Мы также полагаем, что Индии следует обратить внимание на сношения с Россией еще и по следующей причине. Индия больше уже не является мировым монополистом в производстве тропической продукции. Сиамский рис конкурирует с рангунским; западноафриканские кокосы котируются наравне с копрой; конкуренция со стороны африканских и южноамериканских колониальных товаров будет неизбежно нарастать. Общеизвестно, что для стабильности и постоянного роста торговли крупному потребителю и крупному производителю выгодно поддерживать как можно более тесные взаимоотношения, а перед лицом возможной в будущем конкуренции всегда выгоднее быть первыми на поле битвы и укреплять связи. Кроме того, русские сохраняют верность установленным связям. Нам неоднократно говорили, что они крепко держатся за марку или имя, которые им уже знакомы и которыми они довольны, что является для нас еще одной причиной спешить.

52. Наконец, обратная торговля — из России в Индию — возможна в более отдаленном будущем, но ее перспективы менее туманны, чем нам представлялось. До сих пор, кроме поставок керосина время от времени, ничего не вывозилось. Российская отечественная обрабатывающая промышленность настолько

слаба, а внутренние потребности настолько велики, что в течение нескольких лет излишков для экспорта не будет. Можно рассчитывать только на бумагу, спички и картон. С другой стороны, в России открываются крупные месторождения меди — товар, который Индия прежде покупала у Германии в больших объемах. Мы склонны думать, что стоит следить за производством в России сахара. Этот вопрос детально представлен в Приложении I. В этой области по возможностям Россия превосходит Австро-Венгрию, которой Индия в предвоенный период вылачивала за сахар миллион фунтов стерлингов в год...

54. ...Германия, уже изучившая Россию и имевшая с ней в прошлом торговые сношения, стоит у одних ворот России; а у других — Япония, все более и более активизирующаяся в Индии, развивающая свой морской флот и засылающая в настоящее время в Россию многочисленных своих коммерческих эмиссаров и агентов для сбора информации. Германия вышла в лидеры по торговле с Россией, конечно, не ради прибылей комиссионеров, торгующих колониальной продукцией. Германские торговые агенты наводнили Россию главным образом для того, чтобы продавать там немецкие промышленные товары, но, будучи на месте и изучая российский рынок, они обнаружили и другие рыночные ниши, захватили их в свои руки, и к ним отошла значительная часть торговли тех самых комиссионеров. Мы считаем, если теперь Индия и Англия не предпримут усилий к организации прямой торговли с Россией, торговля эта неизбежно вновь окажется в руках Германии или Японии либо будет поделена между ними. Ни одно из этих государств не заинтересовано в товарах Индии как индийских, коль скоро конкурентный товар можно приобрести и в других странах; равным образом они не будут защищать дифференцированные железнодорожные тарифы и расценки, что вредит интересам Индии. Нам неизвестно, какие усилия и попытки предпринимались индийскими фирмами в прошлом для установления контакта и взаимопонимания с Россией в ее интересах. Но нам хорошо известно, что приезд в Россию англичан для переговоров о торговле чаем, кофе, специями, джутом, рисом, масличными семенами и т.д. воспринимался многими русскими коммерсантами как нечто совершенно новое. ...Мы убеждены, что невозможно иметь в России большой и постоянный рынок исключительно по переписке. Не придется ожидать также, что русские приедут в Индию в поисках товаров. Мы не знаем, как они пришли в Индию за чаем. Но некоторые это сделали и в результате ведут торговлю в больших объемах. В будущем их энергия будет поглощена главным образом задачами развития отечественной экономики.

55. Далее, время поджимает. Сейчас в России очень сильны антигерманские настроения, но это не помешает торговле с Германией в будущем, если через нее можно будет быстро и просто получать колониальную продукцию. Россия не может ждать, пока другие страны не спеша изучат, в каких товарах она нуждается. Кроме того, независимо от характера послевоенного политического соглашения всем странам, особенно Германии, в дальнейшем придется, вероятно, работать более напряженно. Германия, естественно, будет обязательно уделять особое внимание тем рынкам, которые она в прошлом изучила наиболее тщательно, — России, Южной Америке, Италии. ...Желание выйти на более прямую торговлю многократно высказывалось нам и выражалось в разной форме, и каждый индийский торговец, который приедет в Россию обсудить деловые вопросы, получит самый радушный прием. Хотелось бы, однако, предостеречь. Следует тщательно избегать фраз типа «захват русского рынка», «замещение Германии» и т.п., поскольку они не только вызывают сильное раздражение, но и считаются в России

неверными по своей сути. Россия против того, чтобы какая-либо страна стремилась, подобно Германии, к экономическому доминированию. Такого рода попытка вызовет лишь волну предубеждений против претендента и поставит дело на ложное основание. А ситуация значительно проще. Индия располагает многими продуктами, в которых Россия нуждается. В этом смысле основные интересы двух стран не противоречат друг другу. Россия жаждет выйти непосредственно, насколько это возможно, к первоисточникам товаров; и стране-производителю также в целом выгодно быть в как можно более тесном контакте с конечными, самыми отдаленными рынками...

62. ...Мы считаем, что индо-русская торговля обладает большим потенциалом, но не можем скрывать и того факта, что на ее пути имеется немало трудностей...

63. Наиважнейший вопрос — транспорт, который по понятным причинам исключал надежду иметь перспективу в будущем. Дело представляется еще более сложным, поскольку, как будет видно из последующих глав, торговый поток, вероятно, пойдет пароходами из Бенгальской бухты и от Малабарского побережья в балтийские порты. Чай, конечно, будет доставляться по-прежнему через Владивосток. Насколько нам удалось выяснить, британские компании никогда до сих пор не думали о доставке индийских товаров в балтийские порты. В конторе Русского Добровольного Флота, куда мы обращались за информацией, нам сообщили, что накануне войны рассматривался вопрос о заходе его судов в Бомбей и Персидский залив, однако нам представляется, что предложение грузов будет в основном в восточной Индии. Бенгальская бухта вряд ли будет включена в регулярный маршрут дальневосточных судов Добровольного Флота, поскольку это слишком удлинит их обратный путь во Владивосток. И Добровольный Флот, и Северное Пароходное Общество выражали свою готовность стараться удовлетворять потребности торговли...

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ РОССИИ

Объем и стоимость импорта индийских товаров
в Россию за 1903–1913 гг.

Годы	Общий объем, тыс. центнеров	Из них доля чая	Стоимость, тыс. фунтов стерлингов	Из них доля чая
1903	943,7	5	1.017,5	30
1904	733,1	...	960	...
1905	642,2	...	1.064	...
1906	610,9	...	1.132,8	...
1907	721,0	...	1.573	...
1908	965,4	...	2.130,6	...
1909	999,7	162	200,78	928
1910	1.168,9	180	2.321	1.065
1911	1.481,6	189	3.046	1.128
1912	1.520,6	190	3.169	1.130
1913	1.617,0	191	3.656	1.138

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИНДИИ

Объем и стоимость экспорта индийских товаров
в Россию за 1903-04 — 1913-14 гг.

Годы	Общий объем, тыс. центнеров	Из них доля чая	Стоимость, тыс. фунтов стерлингов	Из них доля чая
1903-04	420	41	527,7	117,2
1904-05	350	83	388,6	219,9
1905-06	197	89	397,9	280,8
1906-07	316	114	502	367,7
1907-08	447	137	657	463,7
1908-09	283	166	691,5	560,8
1909-10	423	93	584	327,8
1910-11	541	278	1.237	994
1911-12	654	236	1.158	873,6
1912-13	644	296	1.328,5	991
1913-14	777	298	1.636	1.110

<...>

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1126, л. 20 об-23 об., 24 об., 27 об.
Подлинник. Пер. с англ. составителя.

№ 353

*13 февраля 1917 г. — Донесение
Генерального консула в Калькутте В.В.Томановского⁹
товарищу министра иностранных дел А.А.Нератову
о миссии Д.Т.Чадвика с целью установления
прямой торговли между Россией и Индией
и о неудовлетворительном состоянии этой торговли*

Милостивый государь Анатолий Анатольевич!

Как небызвестно Вашему Превосходительству, Мадрасской торговой палате принадлежит инициатива в посылке индийскими властями делегации в Россию с целью исследовать пути, на коих могла бы завязаться, упрочиться и получить дальнейшее развитие непосредственная торговля между обеими странами.

Индийское правительство охотно пошло на эту меру и содействовало успеху ее, согласившись поставить во главе этой миссии, также по указанию вышеупомянутой палаты, правительственного чиновника, каким является Д.Т.Чадвик, бывший за последние четыре года директором [Департамента] земледелия в Южной Индии и пользующийся репутацией авторитетного лица по всем делам, касающимся как торговли, так и земледелия.

После трехмесячного пребывания в России и упорных трудов по исследованию обоюдных потребностей как русских, так и местных рынков в Петрограде и

Москве комиссия эта недавно вернулась сюда и представила существенные данные для установления в ближайшем будущем непосредственных торговых сношений ввиду предстоящего, настоятельно требуемого в интересах обоих государств развития товарообмена после войны.

Обсуждая этот вопрос, здешняя печать отмечает, что существовавшее многие годы обоюдное недоверие между Англией и Россией в вопросах азиатской политики, конечно, не могло не влиять парализующим образом и на сферу торговых сношений, и с чувством нескрываемого удовлетворения подчеркивает то обстоятельство, что с первой же поры установления полного политического согласия, достигнутого англо-русским договором 1907 г., торговый вывоз из Индии в Россию еще до настоящей войны более чем утроился, но остался все-таки же незначительным в сравнении с тем, чего он мог бы достичь, если бы русская торговля располагала противодействующей или, по крайней мере, равнодействующей германскому торговому проникновению силою, в смысле местных русских торговых фирм, достаточно снабженных средствами современной коммерческой техники для успешной борьбы с германской конкуренцией.

На самом деле, кроме чаоторговцев в Калькутте, в Индии вовсе не существует русской торговли. Единственным русским кредитным установлением, имевшим свое отделение в Бомбее (бывшее в Калькутте в настоящее время закрыто), является Русско-Азиатский банк.

Не встречая серьезного противодействия с нашей стороны, немцы, как неоднократно уже отмечалось, забрали всю вывозную торговлю, что касается России, в свои руки, играя роль, столь им привычную, «честных маклеров» в свою исключительно пользу, наживая огромные барыши, которые иначе попали бы к нам.

Из сего легко можно убедиться, сколь широкое поле предстоит русским экспортерам и как обильна будет их жатва при энергичном и умелом, поставленном в нормальные условия, непосредственном вывозе из Индии в Россию.

Будучи одинаково странами земледельческими, оба эти государства обладают, однако, столь разнящимися друг от друга климатическими условиями, благодаря чему и производство их, далеко не равнозначасее, в состоянии будет снабжать наши рынки громадным количеством сырья и отчасти мануфактуры, необходимых для грядущего развития нашей промышленности, раз что снаряды перестанут быть всепоглощающим предметом нашего ввоза.

Привожу несколько статистических цифр роста нашей торговли в годы, непосредственно предшествующие войне. Прямой вывоз из Индии в Россию увеличился и достиг в 1913–14 гг. 1.636.000 ф. ст. В 1914–15 гг. заметное понижение из-за начавшейся войны, но уже в следующем году опять значительное повышение, определившееся в 3.623.000 ф. ст.

Из отдельных отраслей, могущих служить предметами вывоза в Россию отсюда, особенно выделяются чай, рис, вещества для прядильной мануфактуры и красящие. Прямой вывоз чая, совершающийся отчасти черноморским путем, отчасти через Владивосток, в 20-летний срок своего существования до войны подвергался различным колебаниям, и выражавшийся в 1905–6 гг. в сумме 284.000 ф. ст., достиг в последний год до войны цифры в 1.110.000 ф. ст.

На все увеличивающийся и впредь вывоз чая можно рассчитывать уже по той причине, что, если, допустим, такое отрадное явление, как полное запрещение спиртных напитков лишь только временное у нас, все-таки оно успело уже за время войны пустить корни и приучить население к употреблению напитков, не содержащих алкоголя.

На маслянистые семена, особенно те сорта из них, которые пригодны для мыловарения, будет в одинаковой степени большой спрос у нас по окончании войны.

Что касается прядильной или текстильной промышленности, то для нее на первом месте стоит сырой джут, вывоз коего в 1913–14 гг. достиг суммы в 266.000 ф. ст. В привозе же хлопка Россия всего менее нуждается, так как можно с достоверностью рассчитывать на то, что с развитием оросительных работ в Туркестанском крае спрос на высшие по крайней мере сорта легко будет удовлетворяться местным производством.

Из веществ красящих, вывоз которых из Индии весьма значителен, индиго занимает для России преимущественное положение благодаря тому обстоятельству, что наши кустики еще до сих пор широко придерживаются этого средства для окраски своих изделий. Снабжение им наших рынков при более благоприятных условиях, имеющих наступить после войны, вполне обеспечено.

Те же благоприятные условия, без сомнения, будут содействовать возрастающему экспорту к нам прямым путем, а не через Германию, как это сплошь да рядом замечалось до войны, риса, перца, корицы и прочих пряностей, чем изобилует здешняя страна.

В заключение необходимо упомянуть об огромных плантациях каучука в Южной Индии и Бирме, на низшие сорта коего всегда у нас существует потребность, благодаря все возрастающему производству калош и прочих резиновых изделий.

С глубочайшим почтением и таковой же преданностью имею честь быть,
Милостивый Государь,

Вашего Превосходительства покорнейший слуга

В.Томановский.

Печ. по: Синяя книга, с. 111–113.

Примечания

¹ Д.Т.Чадвик (Чедвик) приехал в Россию из Лондона в сопровождении своего помощника Г.В.Блэка, провел здесь около трех месяцев, побывав в Петербурге, Москве и в Одессе. Они посетили многочисленные учреждения (министерства, торговые палаты, банки, статистические управления, отдельные фирмы и др.), где предметно обсуждали интересующие их вопросы. Их целью было путем непосредственных сношений с российскими торговыми фирмами, являющимися покупателями продуктов сельского хозяйства и промышленности Индии, выяснить, какие именно товары, в каком количестве и виде, в какой упаковке, какие сорта, на каких условиях могут находить себе сбыт на конкретном региональном рынке (напр., петербургском или московском). В России, равным образом заинтересованной в торговле с Индией без посредников, они встретили самый радушный прием, взаимопонимание и готовность помочь. Газета «Русское слово» (1916, № 212) опубликовала информационную заметку о приезде индийской торговой миссии и извещала, что «Д.Т.Чадвик и Г.В.Блэк приглашают всех интересующихся указанными вопросами обращаться к ним в „Национальную“ гостиницу № 427. Лично они не будут принимать заказов и заключать сделок, но могут дать интересующимся все необходимые справки и указания».

² «Отчет об индо-русской торговле» Д.Т.Чадвика и Г.В.Блэка (Симла, 1917) состоит из 5 глав, посвященных вопросам организации торговли в России, учреждениям, занимающимся торговлей и смежными делами, состоянию российской торговли в предвоенные годы,

влиянию и месту Германии в торговле России, вопросам развития торговли России в будущем, транспортным проблемам. Он снабжен многочисленными таблицами, комментариями к ним, содержит выводы авторов по каждому конкретному предмету. Отдельной брошюрой были также изданы «Приложения». Обе части «Отчета» являются весьма ценным сводом обширной, насколько было возможно, тщательно выверенной информации о торговле между Индией и Россией в начале XX в., представлявшей большой интерес для торговых кругов не только Индии, но и России в силу своей уникальности по тем временам, ибо подобного свода информации до тех пор не было ни в Индии, ни в России. Экземпляр «Отчета» Чадвика был направлен в российское Генеральное консульство в Калькутте с обещанием прислать еще несколько при необходимости и с расчетом не только заинтересовать россиян, но и помочь им в новом деле.

В настоящем сборнике публикуются выдержки из 4-й и 5-й глав о перспективах развития прямых торговых сношений между Индией и Россией. Весь отчет разбит на пункты, нумерация сплошная.

³ Чатни — индийская кисло-сладкая фруктово-овощная приправа к мясу.

⁴ Миддлинг — стандартный сорт американского хлопка.

⁵ Квебрахо — очень твердая древесина некоторых южно-американских деревьев, кора и древесина которых применяется в качестве дубителя, а также в медицине.

⁶ Мираболамы (правильно — миробаланы) — плоды деревьев семейства Combrataceae, произрастающие в Индии, богатые дубильными веществами, ввозились в Европу и употреблялись для дубления и крашения кож.

⁷ Шеллак — смолистое вещество некоторых тропических и субтропических растений, употребляемое в производстве лака, пластмасс.

⁸ Камедь — застывший клейкий сок из коры некоторых растений (напр., камедного дерева); камеди (гумми), высокомолекулярные углеводы, главная составная часть соков и выпотов, выделяемых рядом растений при механических повреждениях и некоторых заболеваниях; содержится также в некоторых водорослях. Используется в промышленности как клей, стабилизатор эмульсий и суспензий, для производства искусственного волокна и др., а также в медицине как обволакивающее средство.

⁹ Томановский Владимир Владимирович на службе в МИДе с 6 апреля 1894 г., в 1901–1912 гг. — секретарь канцелярии МИД, в 1913–1915 гг. — первый секретарь посольства в Лондоне, с 13 ноября 1915 г. по январь 1920 г. — Генеральный консул в Калькутте.

№ 354–360

20 июня 1916 г. — 21 ноября 1917 г. — Документы об особенностях развития русско-индийской торговли во время первой мировой войны и о перспективах ее развития в послевоенное время

№ 354

*20 июня 1916 г. — Донесение драгомана
Генерального консульства в Калькутте П.А.Рогальского¹
управляющему Генеральным консульством Р.А.Лисовскому*

Его Высокородию
господину управляющему Императорским
российским Генеральным консульством
Симла

Имею честь представить у сего предварительную сводку имеющихся в вице-консульстве материалов по вопросу о вывозе из Индии в Россию (исключая чай) на основании удостоверенных вице-консульством свидетельств о происхождении с мая 1915 года по вторую неделю мая н.с. 1916 года. Распределение экспорта по месяцам сделано исключительно на основании дат коносаментов.

Полученные цифры — весьма интересные как показатели необыкновенного роста экспорта в Россию со времени начала войны, как вследствие усилившегося спроса на некоторые предметы экспорта, так и в результате перемещения распределяющих вывоз из Индии центров, — не дают, однако, возможности прийти к каким бы то ни было определенным обобщениям и заключениям: в частности, причины колебания цен на вывозимые продукты и фрахтовых ставок выходят далеко за пределы простого языка цифр и требуют более подробного и внимательного изучения, чем простая регистрация проходящих через вице-консульство документов. Опубликование правительственных статистических отчетов за истекший финансовый год вместе с имеющимися в вице-консульстве данными дадут, быть может, в будущем возможности подробнее остановиться на этом вопросе.

Нет сомнения, что наладившийся, благодаря исключительным обстоятельствам, непосредственный товарообмен между Индией и Россией не прекратится с окончанием войны. Со стороны местного торгового мира делаются уже попытки к закреплению этой связи и заметно растет интерес к русскому рынку. К сожалению, должен отметить, что выбор фирм нашими покупателями не всегда является удачным. Из всей суммы экспорта для частных фирм (исключая заказы Министерства земледелия на джутовые мешки, на сумму (приблизительно) £ 961.697) — 47,9% падает на долю фирмы Ralli Bros. и 7,6% на фирму Ernsthausen Ltd. Оставляя в стороне их коммерческую дееспособность (фирма Ralli Bros. является одной из наиболее крупных и [*слово неразборчиво*] в Индии), — я позволю себе остановиться на их, если можно так выразиться, «политической благонадежности». С формальной точки зрения все обстоит благополучно: обе фирмы английские (incorporated in England) и по обстоятельствам момента в широких размерах ведут обороты с союзными странами. Но, по словам местного Департамента торговли, фирма Ralli Bros. признается английской только «для удобства». Связь фирмы Ernsthausen Ltd. (натурализованные немцы) с немецкой торговлей до войны была весьма очевидной: а до сих пор оставшаяся неразгаданной ликвидация этой фирмы несколько месяцев тому назад «с разрешения правительства» и появление ее опять под именем «East Indian Exports Ltd.» едва ли говорит в ее пользу. Никто не может поручиться за то, что с окончанием войны капиталы этих фирм не окажут сильного содействия возрождению германской промышленности и торговли.

В заключение отмечу крайне незначительное участие русского тоннажа (занимающегося, впрочем, контрактной перевозкой чаев) в увеличившемся вывозе

и весьма несвоевременное закрытие Калькуттского отделения Русско-Азиатского банка², являющегося крупным покупателем.

Вр[еменно] управляющий вице-консульством,
драгоман Генерального консульства П.А.Рогальский.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 156, л. 22 и об. Подлинник.

№ 355

*31 августа 1916 г. — Письмо торгового агента фирмы
«Губкин, Кузнецов и К°» В.П.Ампенова управляющему
Генеральным консульством в Калькутте Р.А.Лисовскому
о повышении в Индии вывозной пошлины на чай
и неблагоприятном влиянии этого нововведения
на экспорт чая из Индии в Россию*

Дорогой Ростислав Александрович.

В прошлом марте индийское правительство ввело вывозную пошлину на чай в размере 3-х пай на фунт, или 1 ¹/₂ рупии со 100 ф[унтов]. Побудительными причинами для такой меры послужила, по-видимому, с одной стороны, нужда в деньгах, с другой, цветущее состояние чайной индустрии в Индии, дававшей даже в мирное время доход в среднем свыше 15%. Повышенный же спрос на чай для армий в связи с войной и вызванные этим спросом небывало высокие цены еще более увеличили доходность чайных плантаций. Дивиденды во многих случаях за 1915 год достигли 100%. В изыскании доходов внимание г. Мейера³ поэтому, естественно, остановилось на чае. Но вводя налог на чай, Мейер, во-первых, не указал в бюджете, кто должен платить его, во-вторых, совершенно упустил из виду, что, облагая только экспорт, он позволяет ускользнуть от обложения внутреннее потребление в Индии, определяемое приблизительно в 20–25 миллионов фунтов в год. Между тем как следствие неясности закона об обложении чая русским экспортерам, которых едва ли г. Мейер имел в виду облагать, придется уплачивать ежегодно в индийскую казну свыше 750.000 рупий на отправляемые 50.000.000 фун[тов] чая ежегодно в Россию. Очевидно, что здесь кроется недоразумение, вследствие которого тягота налога с прямых плательщиков перелagается на ни в чем неповинного русского потребителя.

Закон в его настоящем виде даст возможность плантации, приносящей даже 100% дохода, избежать уплаты налога, прибегая просто к продаже чая на местных аукционах. Несуразность такого положения необъяснима, если индийское правительство при введении налога руководилось желанием привлечь к налогу плантации с повышенным доходом. Немедленно по введении налога возник вопрос, кто же должен уплачивать налог. Экспортеры считали совершенно несправедливым по отношению к себе такое обложение, так как они не участвуют в повышенных прибылях плантаторов. Плантаторы отказались принять на себя уплату налога ввиду отсутствия определенных указаний в законе. Экспортеры-англичане писали докладную записку Мейеру, в которой высказывали соображения, близкие к приведенным выше, отстаивая преимущественно свои, так сказать, английские интересы и не касаясь интересов русского потребителя. Записка успеха не

имела, Мейер просто ответил, что ему безразлично, кто уплачивает налог — плантатор или экспортер.

Все это происходило во время моего отсутствия. Вернувшись, я решил хлопотать о сложении налога с экспортеров, ввиду его явной несправедливости по отношению к русскому потребителю, и очень прошу Вас сообщить мне, найдете ли Вы возможным сделать соответствующее представление г. Мейеру по этому поводу, в каком случае я представлю Вам дополнительно все необходимые материалы.

Я предполагаю совместно с другими отправителями чая в Россию представить свои соображения министру торговли в Петрограде, а также нашему послу в Лондоне.

Искренне Вам преданный В.Ампенев.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 9, л. 42–43. Подлинник.

№ 356

13 сентября 1916 г. — Письмо торгового агента фирмы «Губкин, Кузнецов и К°» В.П.Ампенова управляющему Генеральным консульством в Калькутте Р.А.Лисовскому по поводу повышения в Индии вывозной пошлины на чай и неблагоприятного влияния этого нововведения на русско-индийскую торговлю чаем

Дорогой Ростислав Александрович.

Очень благодарю Вас за Ваше письмо от 4-го с[его] м[есяца] и спешу ответить Вам на него.

Вы спрашиваете, уплачивает ли наше Товарищество пошлину. — Да.

Налог введен в виде пошлины на всякий чай, вывозимый из Индии. Пошлина уплачивается в таможеню. Вывоз чая до уплаты пошлины не разрешается.

Я вполне согласен с Вашим взглядом, что введение пошлины на чай есть чисто акт внутреннего распорядка индийского правительства, против которого у нас нет права возражать, но ввиду того, что эта мера своими последствиями затрагивает непосредственно интересы русского потребителя, что едва ли преследовалось индийским правительством при введении ее, мне кажется дает нам основание попробовать внести необходимую поправку, исходя просто из того соображения, что мы союзники и несем уже свою долю тяготы в этой войне. Между тем индийский чайный плантатор, не неся вообще никаких налогов, благодаря существующему закону о необложении предприятий, занимающихся обработкой земли, и в этом случае, несмотря на его необычайные барыши, имеет возможность ускользнуть, невзирая на войну, от нового налога, прибегая просто к продаже чая на калькуттских аукционах. Закон, таким образом, предоставляет возможность одной и той же плантации, вывозя чай в Лондон, уплачивать налог, а продавая в Калькутте, избегать его.

Подобный же налог введен и на Цейлоне. В бюджетной речи г. Мейер ссылался, между прочим, на это обстоятельство, но цейлонское правительство было более предусмотрительно при разработке проекта, указав в точности на произво-

дителя как объект обложения. Поэтому на Цейлоне интересы экспортирующих фирм налогом не затронуты.

Помимо очевидной несправедливости по отношению к нам, индийский налог содержит в себе элемент, вредный для дальнейшего развития местных чайных аукционов, ставя Калькутту в невыгодные условия сравнительно с другими рынками. После войны русские фирмы вынуждены будут пересмотреть вопрос о месте закупок чая для России. Калькутта, несомненно, окажется невыгодным рынком, и центр внимания русских покупателей, вероятно, будет перенесен прежде всего на Яву, Цейлон и Лондон как свободные от вывозной пошлины рынки.

Ясно, насколько далек от совершенства новый закон и как плохо продуманы последствия его влияния на чайную торговлю. Г[осподин] Мейер бьет не по лошади, а по оглоблям.

У сего прилагаю извещение Скакового клуба, из которого, к нашему общему сожалению, увидите, что билеты, взятые мною, ничего не выиграли.

Искренне преданный Вам В.Ампенов.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 9, л. 40–41. Подлинник.

№ 357

29 января 1917 г. — Донесение Генерального консула в Калькутте В.В.Томановского товарищу министра иностранных дел А.А.Нератову о наблюдающемся застое во внешней торговле Индии и на ее финансовом рынке, а также трудностях, испытываемых в связи с этим русскими торговцами чаем

Милостивый государь Анатолий Анатолиевич,

Все более и более затягивающаяся война не могла, конечно, не отразиться и на внешней торговле Индии. Три месяца тому назад, когда я только что прибыл в Калькутту, меня поразило всеобщее оживление как на улицах этого первого по своему значению индийского порта, так и в торгово-промышленных и особенно финансовых кругах в связи с многоразличными биржевыми сделками, ажиотаж достигал баснословных размеров. Угольные и джутовые акции, едва лишь выпущенные на рынок, тотчас же попадали в водоворот биржевой игры и котировались с ежедневно возрастающим темпом.

Но лишь только в газетах появились первые толки о мире, как произошла поразительная и мгновенная перемена на биржевом рынке, что привело к падению всех ценных бумаг со стремительной быстротой, пропорциональной их недавнему повышению; в результате наступила реакция, повлекшая за собой полный застой как в ввозной, так и в вывозной торговле.

На таковую реакцию в еще большей мере подействовали принятые центральным правительством ограничительные меры, приведшие к сокращению денежных переводов из Англии в Индию, что окончательно парализовало всю торговлю.

В связи с этим последним распоряжением оказалась в весьма затруднительном положении одна из главнейших наших чайных фирм — «Товарищество Губ-

кина и Кузнецова». Владея огромными капиталами, находящимися в Лондоне, торговый дом этот, отделение коего с давних лет существует в Калькутте и во главе коего стоит наш нештатный вице-консул в этом городе В.П.Ампенев, не может получить необходимых денег для расчетов по закупке чаев, сезон коей в полном разгаре. Поставленный в такое критическое положение, г. Ампенев заявил мне, что он или скорее фирма, представителем коей он состоит, связана, между прочим, обязательной поставкой чая для наших войск на фронте и что всякое промедление в закупке такового могло бы отразиться на своевременном снабжении этим важным пищевым продуктом нашей армии.

Вследствие сего я счел необходимым тотчас же войти в сношение по этому поводу со здешним Иностранным департаментом, поставив ему на вид необходимость срочного разрешения этого вопроса, на что получил уверение с его стороны в немедленном и тщательном рассмотрении такового.

Коснувшись положения единственной в Индии крупной русской торговой фирмы и ее представителя В.П.Ампенева, не могу не упомянуть о другом весьма полезном для общегосударственных дел и обороны роде деятельности этого пользующегося большим кредитом как в финансовых, так и в общественных сферах Калькутты русского деятеля.

Находившееся в этом городе до войны отделение Русско-Азиатского банка по неизвестным мне причинам прекратило свое существование, и, таким образом, этот важнейший и богатейший центр индийского торгового мира оказался как бы без посредника для прямых сношений с нашим денежным рынком. А между тем располагающая громадными финансовыми ресурсами среда здешних коммерсантов представляет весьма удобную, казалось бы, почву хотя бы для размещения выпусков наших военных займов; вот на этом-то поприще и оказывает свою посильную помощь отделение фирмы Губкина и Кузнецова с В.П.Ампеневым во главе.

При сем прилагаю перечень лиц, приобретших 5 ¹/₂% военный заем 1916 года чрез посредство конторы Торгово-Промышленного Товарищества «Преимники Алексея Губкина, А.Кузнецов и К°».

С совершенным почтением и таковой же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга

В.Томановский.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 981, л. 105–106 и об. Подлинник.

№ 358

26 апреля 1917 г. — Письмо секретаря правительства Индии по торгово-промышленным делам Г.Ф.Ховарда⁴ Генеральному консулу в Калькутте В.В.Томановскому о невозможности льготного банковского кредитования российских импортеров индийского чая

Милостивый государь,

Ссылаясь на ваше письмо от 12 февраля 1917 г., адресованное секретарю правительства Индии по иностранным и политическим делам, имею поручение сообщить вам, что вследствие больших затруднений в финансировании экспорта

из Индии в настоящее время правительство Его Величества определило список товаров, крайне необходимых для военных поставок, и распорядилось об их первоочередном финансировании. Что касается чая, то согласно этого распоряжения, данная преференция распространяется только на сравнительно небольшое его количество, экспортируемое из Индии в Соединенное Королевство и закупаемое в Индии по заказу британского правительства. Экспорт чая в Россию не запрещен, но при сложившихся обстоятельствах правительство Индии, к сожалению, не может дать распоряжение банкам о предпочтительном финансировании экспорта чая в Россию, о чем шла речь в вашем письме.

2. Я также сожалею о задержке с ответом на ваше письмо. Причиной этому послужило то обстоятельство, что весь круг вопросов о предпочтительном финансировании находился в процессе обсуждения.

Честь имею быть, Милостивый Государь, Вашим покорнейшим слугою,

Г.Ф.Ховард
Секретарь правительства Индии.

На полях имеется рукописная помета «idiot!» против фразы «Экспорт чая в Россию не запрещен...», в которой слова «не запрещен» подчеркнуты.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 9, л. 38 и об. Подлинник. Пер. с англ. составителя.

№ 359

*10 мая 1917 г. — Циркуляр первого секретаря
российского посольства в Лондоне В.Д.Сибилева⁵
консульским установлениям о необходимости освобождения
от экономического влияния Германии и ее союзников
и установления более оживленных деловых сношений
с союзными державами, в частности, налаживания
товарообмена между Россией и Индией*

В связи с положениями, выработанными экономическим совещанием представителей союзных держав в Париже, г. министр⁶ признал необходимым безотлагательно приступить к выяснению господствующего в Великобритании и ее колониях настроения относительно необходимости освобождения от экономического влияния Германии и ее союзников и установления более оживленных деловых сношений с союзными державами, и с Россией в частности, а равным образом ныне же, хотя и в общих чертах, наметить те практические мероприятия, которые могли бы на деле способствовать торгово-промышленному сближению между союзными странами⁷.

В исполнение сего консульским установлениям надлежит безотлагательно приступить к исследованию намеченных г. министром вопросов, используя для этого все данные, которые могут быть получены от подведомственных им нештатных консульских агентов, от торговых корпораций и отдельных частных лиц, поскольку таковые могут оказаться полезными.

Особенно существенными представляются вопросы о построении таможенных тарифов, о фрахтах, о железнодорожных тарифах, о торговых и тарифных

договорах и специальных соглашениях, о развитии и удешевлении товарного, пассажирского, почтового и телеграфного движения, о торгово-промышленном кредите и, главным образом, о создании такой кредитной и торгово-промышленной системы между союзными странами, которая могла бы удовлетворять их взаимные потребности в кредите, товарах, перевозках.

Было бы желательно выяснить мнения торговых палат, финансовых и торгово-промышленных организаций и отдельных выдающихся представителей науки, финансов и торговли, промышленности и транспортного и страхового дела о наиболее действенных мерах к восстановлению товарообмена с Россией, практиковавшегося вследствие закрытия проливов.

Далее было бы чрезвычайно важно ознакомиться с мнением названных организаций и лиц относительно установления непосредственных торговых сношений для обмена теми товарами, которые до войны получались через посредство германских и австрийских фирм.

При сношении по затронутым вопросам с местными деятелями необходимо иметь в виду, что организация международного делового оборота между союзными странами на новых основаниях является задачей весьма нелегкой и сложной, и осуществление ее на деле потребует со стороны участников соглашения много взаимных уступок и жертв, которые, однако, не замедлят принести обильные плоды в ближайшем будущем и положить прочное основание к развитию хозяйственной мощи союзных стран и к поднятию их производительности.

Ввиду обширности и сложности намеченной г. министром программы было бы весьма желательно, чтобы консульские установления приступили к выполнению ее немедленно и сообщили бы для начала те данные, которые уже у них имеются, не стесняясь их неполностью, а затем пополняли бы и развивали бы их более систематично последующими донесениями.

При этом было бы желательно в первую очередь уделить особое внимание тем начинаниям местных властей, обществ и отдельных личностей, которые уже успели принять определенную форму, как-то учреждение обществ, комитетов, научных курсов, справочных контор и тому подобных предприятий для изучения России и приготовления экономического сближения с нею⁸.

Всю переписку по настоящему делу надлежит направлять в посольство, прилагая одновременно соответствующие копии для пересылки оных г. министру.

Первый секретарь российского посольства в Лондоне

В. Сибилев.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 181, л. 62-64. Подлинник.

№ 360

*21 ноября 1917 г. — Письмо индийской фирмы «Хит и К°»
Генеральному консулу в Калькутте В.В.Томановскому
с предложением заключить контракты
между правительством России и ведущими
индийскими фирмами-экспортерами чая в Россию
в связи с намерением российского правительства*

*вести государственную монополию
на торговлю чаем*

Милостивый государь,

Нам стало известно о решении российского правительства ввести в России с 14 ноября [19]17 г. государственную монополию на чай, и мы были рады встретиться с четырьмя господами, членами Российской правительственной комиссии, которых вы нам представили.

Мы полагаем, что целью данной Комиссии является сбор информации о торговле чаем и поиск наилучшего способа введения в России государственной монополии на чай. Действуя всецело в интересах наших заказчиков в Москве, мы считаем, что этот вопрос со временем должен быть решен путем взаимного соглашения между российским правительством и ведущими импортерами чая в Москву. Мы думаем, что Россия была бы обеспечена чаем наилучшим образом как в смысле качества, так и в смысле цены, если бы фирмы, импортирующие чай в течение многих лет, имеющие обширный опыт и хорошо знающие потребности России и особенности торговли чаем, обеспечили бы аналогичные договоренности в странах-производителях, с тем, чтобы эти фирмы продолжили импортировать чай и чтобы между ними и правительством России были заключены соответствующие договоры относительно передачи прибывающего в Россию чая.

Мы уверены, что только таким образом можно обеспечить требуемое количество и качество при максимально низких ценах, а именно используя признанных экспортеров чая.

Искренне Ваши, Милостивый Государь,

«Хит и К°.»

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 60, л. 62. Подлинник. Пер. с англ. составителя.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: Записка драгомана Генерального консульства в Калькутте П.А.Рогальского. Внешняя торговля Индии за 1912–1913 гг. в сборнике: Донесения Императорских российских консулов за границей по торгово-промышленным вопросам. 1914, № 35, с. 54–101.

² Русско-Азиатский банк был образован слиянием Русско-Китайского и Северного банков согласно постановлению общего собрания акционеров от 30 марта 1910 г. (Устав утвержден 30 июля 1910 г.), имел отделения в городах России и за границей — в Бомбее, Гонконге, Йокогаме, Калькутте, Лондоне, Кашгаре, Пекине, Харбине и др.

³ Мейер, Вильям Стивенсон (1860–1922), на службе в Индии с 1881 г., с 1898 г. до конца первой мировой войны служил сначала заместителем, а затем секретарем департамента финансов правительства Индии.

⁴ Ховард, Генри Фрейзер (1874 — после 1917), на службе в Индии с 1896 г., с 1914 г. работал в департаменте контроля за денежным обращением Индии.

⁵ Сибилев Валериан Данилович в 1906–1916 гг., до назначения на должность первого секретаря российского императорского посольства в Лондоне (1916–1917 гг.), был управляющим Отделом торговли Министерства торговли и промышленности России.

⁶ Имеется в виду министр иностранных дел России Терещенко Михаил Иванович (1886–1956), русский капиталист, сахарозаводчик; был близок к партии прогрессистов; в 1917 г. —

министр финансов, затем (май) министр иностранных дел Временного правительства; эмигрировал за границу.

⁷ В мае 1917 г. Русско-английская торговая палата представила в МИД России свои соображения по реформе консульской службы за границей в связи с новыми экономическими задачами, выдвигаемыми общим переустройством международной хозяйственной жизни после войны. В пункте 3 этого проекта, в частности, говорилось: «Необходимо озаботиться, при первой к тому возможности, расширением сети консульств в странах, имеющих или обещающих для нас в отношении товарообмена наибольшее значение. Согласно данным Русско-английской торговой палаты и высказанным комиссией соображениям, к числу таких стран должны быть отнесены большинство английских колоний, в особенности Индия...» (АВПРИ, ф. 155, оп. 408, д. 1494, л. 14–15 об.).

⁸ Интерес к русско-индийской торговле без посредников в начале XX в. постепенно нарастал в Индии, о чем свидетельствовали многочисленные торговые запросы, приходившие от местных фирм в российское Генеральное консульство в Бомбее и Калькутте, и торговая миссия в Россию чиновника англо-индийского правительства Д.Т.Чадвика в 1916 г., пришедшего в результате изучения состояния российского рынка к выводу о реальной возможности наладить прямую торговлю между двумя странами после первой мировой войны, исключив посредничество Германии (см. док. № 350–353).

№ 361–365

17 сентября 1916 г. — 1 апреля 1917 г. — Документы о пребывании в Индии председателя Российского Теософского общества¹ А.А.Каменской²

№ 361

*17 сентября 1916 г. — Открытый лист,
удостоверяющий личность А.А.Каменской
во время ее путешествия по Индии*

Музей Антропологии и Этнографии имени императора Петра Великого при Императорской Академии наук, удостоверяя, что предьявительница сего Анна Алексеевна Каменская отправляется в Индию для изучения местных религий и ей поручается Музеем собирание предметов культа и быта, обращается к местным начальствующим лицам и всем учреждениям, с которыми А.А.Каменская войдет в сношения при исполнении данного ей поручения, а равно на пути следования к месту работы и обратно, с просьбой оказать ей всякое законное содействие.

Директор Музея Антропологии и Этнографии имени императора Петра Великого действительный тайный советник

/ Место печати /

Академик В.Радлов.

Настоящий Открытый лист по истечении командировки должен быть возвращен в Музей.

Печ. по: Вестник теософии. Пг., 1917, № 3–5, с. 135.

1 декабря 1916 г. — март 1917 г. — Из дневника
А.А.Каменской о своем пребывании в Индии

1 декабря. Адыяр³. ...Работая в библиотеке я нашла несколько интересных фактов: 1) я узнала, что Академия наук посылает в Адыяр извещения о всех своих работах и начинаниях; 2) я увидела среди русских книг издание буддийского катехизиса, составленного полк. Олькоттом в переводе свящ[енника] Буткевича, 1888 г. в Харькове. Перевод плохой (с немецкого), и ему предшествует резкое полемическое вступление, но тем не менее факт интересен. 3) В книге «Из пещер и дебрей Индостана», принадлежащей самой Е.П.Блаватской⁴, я нашла два засушенных горных цветка...

10 декабря. Адыяр. ...Сегодня у нас были гости к чаю, почти все адыярские друзья. Мы с Александрой Логиновой⁵ украсили гостиную русскими тканями и устроили маленькую выставку русских пейзажей, картин, вышивок и сказок... После чаю мы собрались в гостиной (чаепитие происходило на веранде) и беседовали с друзьями о России, объясняя значение выставленных предметов. Я говорила о психологии русского народа, А.Л.Погоская о крестьянском труде и о кустарных промыслах. Наша беседа затянулась, и некоторые гости еще долго оставались с нами, рассматривая русские вышивки и картины. Все, видимо, были чрезвычайно заинтересованы... Завтра мы едем в Бомбей.

24 декабря. Лукноу. ...Сегодня в 4 часа дня приехали одним и тем же поездом Президент национального конгресса⁶ и Президент Теософического съезда А.Безант⁷. Их встречала многочисленная толпа. Поезд запоздал, и нам пришлось довольно долго ожидать момента, когда торжественная процессия тронется со станции. Зато мы успели наглядеться на пеструю толпу и видеть все праздничные приготовления.

Для собрания Национального Конгресса воздвигнута огромная палата с золоченым куполом и золочеными башенками, красивая и оригинальная. Вокруг нее устроены всевозможные учреждения: столовая, чайная, эстрада, много лавочек и целый город палаток, больших и маленьких, предназначенных для ночлега делегатов. Улица, разукрашенная флагами, лентами и символами, представляла из себя оригинальную картину. Индусы в разноцветных одеждах, в чалмах с длинными развевающимися концами и в красиво задрапированных тканях, оживленно беседовали. Члены распорядители в особых светло-желтых чалмах и лентах заведовали главными приготовлениями. По дороге то и дело проезжали местные повозки-таратайки, так называемые екки и тонги, на которых пассажиры каким-то чудом держались, сидя подобно птицам на жердочке, а возница отчаянно махал кнутом над лошадью и громко звонил. Проезжали какие-то допотопные кареты, вроде древних колымаг, в которых сидело неисчислимое количество людей в ярких одеждах. В шестом часу поезд подошел и процессия выстроилась.

Сперва проехала конная полиция, расчищая дорогу. Это были молодцы в длинных темно-синих кафтанах, отделанных бархатом и золотом, в высоких такого же цвета чалмах. За ними прошло несколько сот распорядителей и делегатов в желтых чалмах. Затем высокая колесница, запряженная в несколько пар белых коней с розовым паланкином. В ней ехал президент Национального Конгресса, высокий, седой человек с длинной белой бородой. В следующей коляске,

разукрашенной гирляндами цветов, ехала А.Безант. Толпа приветствовала их криками, рукоплесканиями. Чувствовалась какая-то сильная и радостная волна. Сегодня была торжественная встреча, сам Национальный Конгресс начинается только через три дня⁸. Съезжаются теософы со всех концов Индии. Приехали и наши адьярские друзья. Они привезли мне телеграмму, полученную на мое имя: привет ноябрьского собрания. И повеяло на меня от этого братского приветов теплом и светлой радостью.

30 декабря. Лукноу. ...Наши индусские друзья нам рассказали о блестящих результатах Национального Конгресса, собиравшегося все время параллельно с нашим в другой части города. Впервые магометане соединились с индусами и все партии объединились на нескольких резолюциях, которые ясно и определенно выражают необходимость самоуправления для Индии. К нам подходили представители различных секций. Представитель Бирмы приглашал нас приехать в Рангун, где очень интересуются Россией, а парсы в лице г-жи Тамы из Бомбея просили присылать периодические маленькие отчеты о нашей работе в России, чтобы быть в постоянном соприкосновении с русским движением. Подходила также только что приехавшая из Англии дочь Президента г-жа Безант-Скотт⁹. Мы заговорили о ее дочери, талантливой скрипачке, Мюриель. Оказалось, что она вышла замуж за русского, г. Шапиро, известного музыканта. Она очень счастлива и имеет маленькую дочку, которая названа Надеждой. Таким образом, у нашего президента есть русская правнучка — Надя.

Бенарес. 2 января. ...Мы были приглашены побеседовать с молодежью о России и о русских кустарных изделиях. Лекция была устроена в главном зале Т[еософического] О[бщества]. Над платформой висит большой портрет Елены Петровны¹⁰, писанный масляными красками, а напротив, в другом конце зала, — портрет президента. Посреди зала большой голубой ковер, на котором разместились слушатели. Мы разложили разноцветные ткани, вышивки, некоторые русские картины, альбомы и сказки. После краткого, сделанного мною вступления, А.Л.Погосская сказала о значении ручного труда, об организации его, о влиянии чистых растительных красок на здоровье и настроение, показала и объяснила некоторые символические рисунки и выразила горячее пожелание, чтобы в Индии родилось движение для восстановления прекрасных ремесел древности. Молодая аудитория, среди которой были также и учителя, слушала с глубоким вниманием и блестящими глазами. По окончании беседы нас окружила молодежь и у нас завязалась еще более интимная беседа с ними. Девушки пригласили нас посетить их колледж.

Адьяр. 16 января. Сегодня утром меня пригласил к себе г. Джинараджадаса*¹¹. Мы с ним беседовали о нашем движении и об условиях работы. Его все интересует в России: ее искания, ее литература, ее борьба, ее страдания, ее надежды. Он предсказывает России великое будущее и говорит, что Теософическое движение поможет ей познать себя и исполнить свою миссию...

Адьяр. 2 февраля. ...г-н Вуд... и г-жа Вуд — заведующие комитетом по вопросам воспитания очень заинтересовались работой А.Л.Погосской, рассматривали наши выставки и очень звали прочитать лекцию о России и о кустарных промыслах в двух больших школах, находящихся в 20 часах (по ж.д.) от Мадраса... Нас зовут в колледж Маданапалле...

---

* С.Джинараджадаса — известный деятель теософского движения, активный сподвижник А.Безант, автор многих работ по теософии, член Общего совета Международного теософического общества (*примеч. автора*).

Маданалле. 26 февраля. Вчера мы пошли с Александрой Логиновой заранее в залу, в которой была назначена наша лекция, и с помощью нескольких студентов-индусов украсили стены и стол русскими тканями и вышивками. Длинный четырехугольный зал, напоминая своей неудобной формой нашу Петроградскую консерваторию, сразу преобразился, и в нем запели какие-то милые таинственные звуки.

К 5-ти часам зал был переполнен индусской молодежью и городскими посетителями. Г-н Кузенс открыл собрание и предложил меня в председатели (chairman) и сказал несколько сочувственных слов о России, «о великой стране, давшей миру Е.П. Блаватскую и имеющей такое большое будущее».

При дружеских рукоплесканиях я взшла на эстраду. Я сказала краткое слово о духовном облике России и о ее идеалах, сближающих ее с нашей древней Арийской матерью Индией. Затем я указала на значение крестьянских изделий и той работы, которую столько лет делает А.Л. Затем я передала слово Александре Логиновой Погосской. А.Л. сделала очаровательный очерк истории кустарного дела в России, рассказала о своих исканиях и наблюдениях и выяснила значение растительной краски. Попутно она дала несколько ярких картинок из крестьянской жизни: посиделки, помочи, тканье и беление холстов. Она закончила некоторыми указаниями на символизм рисунков, общий нам и Индии, и выразила пожелание, чтобы важное кустарное дело нашло бы поскорее в Индии достойных своих вдохновителей... В зале создалась особая, тихая и глубокая атмосфера, и мы чувствовали, что нас слушают не обыкновенным слухом, а всем сердцем. После лекции обступили стол, на котором были разложены ткани, вышивки, и рассматривали крестьянские работы... Вечером в 8.30 была назначена вторая часть нашего выступления: «Крестьяне и русская сказка». Но здесь нас постиг ряд неудач. Хоть был приготовлен великолепный экран и волшебный фонарь с тройким механизмом, световые картины совершенно не удались... Мы разошлись в одиннадцатом часу, очень усталые, сожалея, что наши милые сказки были по ряду технических недоразумений так невыгодно представлены индусской публике...

Маданалле. 28 февраля. Второй день нашего приезда закончился вечером в Теософическом обществе. Мы поднялись по скалистой дорожке к очаровательному белому домику с голубыми украшениями. В небольшой зале, украшенной портретами лидеров и картинами мистического содержания, собралась небольшая группа местных теософов, главным образом индусов. Они расположились на ковре, а для нас были приготовлены кресла. Меня попросили рассказать о теософической работе в России. Я сделала краткий очерк теософического движения у нас и затем отвечала на вопросы. Создалась интимная и задушевная атмосфера, в которой беседа велась непринужденно. В конце беседы меня попросили прочитать какую-нибудь русскую молитву. Я прочитала «Отче наш». Удивительный это был час, проведенный среди индусов в беседе о России, и, когда мы после нескольких минут молчания стали расходиться, нам показалось, что где-то на высших планах ткуются дорогие и важные нити, соединяющие нас с Индией...

...В 8 ч. утра за нами пришли, и мы отправились в сады Олькотта, где строятся два новых коттеджа для учеников-пансионеров. Нас просили положить краеугольный камень фундамента. Сперва г-н Гири Рао, работавший 20 лет в этой школе еще до того как она стала теософическим колледжем, сказал приветственную речь, в которой он отметил, что все здания колледжа посвящаются Сарасвати, богине знания, музыки и красноречия, поэтому закладка поручается кому-

нибудь из женщин. Он перечислил имена всех, на кого пала эта честь до нас, и выразил особенную радость, что сегодня положат краеугольные камни две русские женщины, из которых одна — председательница Теософического Общества в России.

Я сказала несколько слов о любви и интересе России к Индии, поблагодарила за большую честь, оказанную мне, и выразила радость, что на физическом плане как бы закрепились связи России с нашей древней Арийской матерью. Потом я исполнила обычную маленькую церемонию, взяв на лопаточку немного цемента и возложив его на камень, на который потом опустила краеугольный камень. Тогда я произнесла формулу: «Объявляю, что сей камень правильно и хорошо положен», и прибавила от себя: — для работы Учителя.

А.Л. со своей стороны сказала несколько прочувствованных слов и исполнила ту же церемонию.

Таким образом, имена двух русских женщин будут вырезаны на краеугольных камнях двух индусских коттеджей...

Адьяр. 3 марта. Вернувшись в Адьяр, мы застали большой пакет писем из России, ноябрьский № «Русской Мысли»¹² и таинственный ящик из Лукнау, в котором оказался чудесный бюст Будды. Это наши друзья Мертворты¹³, коллекторы для Академии Наук, посылают через меня дар Теософическому Обществу в России. Это снимок с древнего изваяния большой красоты. Лик Будды дышит необычайным миром. С радостью повезу я этот чудный дар в Россию.

В «Русской Мысли» статья Н.Бердяева¹⁴ о теософии, антропософии и сектантстве. Написано не вдумчиво, и конец противоречит началу. Но есть интересные мысли. Само по себе появление этого очерка в одном из крупных русских журналов есть признак растущего интереса к нашему движению. Сам автор принужден сознаться, что теософия сильно распространяется в России и что сфера ее влияния все расширяется. Жаль, что автор не мог приступить к изучению теософии без предубеждения и не сумел почувствовать ее животворящей силы.

Если удосужусь, напишу ответ Н.Бердяеву...

Адьяр. 19 марта. Вчера, в бэнглоу г. Шварца собралось большое общество. Мы с А.Л.Погоской показывали картины русской жизни с помощью волшебного фонаря.

Перед началом я сказала несколько слов о России и сыграла бурлацкую песню: «Ты взойди, взойди солнце красное».

Затем А.Л.П. показала русские ландшафты, русские типы и костюмы, наши церкви и картины Билибина¹⁵ к сказке Волга, а также былинку: «Как ныне собирается вещей Олег»... Последняя картина была «Сеятель». Я сказала о стихотворении Некрасова и сыграла «Слава в вышних Богу!» А.В.Унковской¹⁶.

После нашего выступления президент А.Безант подошла к нам и поблагодарила нас за интересный вечер. Ее очень поразили крестьянские типы. На их лицах она прочитала силу, сосредоточенную мысль и скорбь.

После Президента к нам подходили все гости поочередно и все выражали удовольствие и благодарность. ...

Печ. по: Вестник теософии. Пг., 1917, № 10–12, с. 64, 66, 76, 77, 79, 80, 83, 85, 86.

*1 апреля 1917 г. — Письмо председателя
Российского Теософского общества А.А.Каменской
в Генеральное консульство в Калькутте о своем пребывании
в Индии*

Ваше Превосходительство!

В ноябре я приехала в Индию, чтобы в Адияре заниматься сравнительным изучением религий и философий. Имею также поручение от Академии наук кое-что собрать для Музея при Академии. На Рождество я ездила с А.Л.Погосской в Бомбэй, Делхи, Лукнау и Бенарес. В Бомбее мы искали русское консульство, так как в Мадрасе его нет. Нам сказали, что Вы выехали в Делхи. В Делхи оказалось, что Вы только что переехали в Калькутту, и таким образом мы не могли побывать в консульстве. Нас знают лично г-н и г-жа Мерварт, которые сообщили нам о Вашем отъезде, а также г. Роджерс¹⁷, директор Русско-Азиатского банка в Бомбее, и его русская жена.

Мы хотим уехать в Россию с пароходом, который отъезжает 13 апреля, и подали заявление и просьбу о выдаче бумаги о выезде в местном полицейском управлении. Из Мадраса мы ждем теперь свои бумаги, но до сих пор не получаем. Если нужно Ваше слово или еще какие-нибудь формальности, будьте добры — протелеграфируйте. Адрес:...

Честь имею оставаться с искренним уважением

А.Каменская, председательница
Российского Теософического общества

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 112, л. 33–34. Подлинник.

Без даты. — А.А.Каменская. Письмо из Адьяра

Сейте разумное, доброе, вечное...
Некрасов.

На Рождестве сего года в северной Индии в старом «граде Лакшми» (Лукноу, как его называют англичане) было несколько замечательных съездов. Происходило годовое собрание международного Теософического О[бщест]ва и годовое собрание индусской секции. На эти собрания съехались члены многочисленных теософических центров Индии, было также несколько представителей других секций, и воздвигнутая для этого случая палата в некоторые дни едва вмещала тысячную толпу.

Еще более многочислен был Национальный Конгресс, на котором собиралось ежедневно несколько тысяч человек конгрессистов. На собраниях присутствовали представители всех просветительных, этических и прогрессивных движений, были делегаты от 52 различных Союзов и Обществ.

Третий съезд, имевший также место на Рождественской неделе, был съезд Ордена Звезды Востока¹⁸, собиравшийся всего два дня, но объединивший также огромное число членов и заинтересованных людей.

Таким образом, одновременно происходила коллективная работа двух духовных движений и одного социального. Может быть, в этом интересном совпадении лежит и ключ к тому знаменательному факту, что в Национальном Конгрессе, имевшем исключительно общественные задачи, прозвучала также нота духовности. Произошло необыкновенное событие: враждовавшие партии и народности, Мусульмане, Индусы и Парсы всех направлений, впервые объединились вокруг лозунга грядущего возрождения Индии. Несомненно здесь сказалось мощное влияние Теософии в лице нашего президента А.Безант, которая была одним из самых видных делегатов Национального Конгресса...

Печ. по: Вестник теософии. Пг., 1917, № 3-5, с. 13, 14.

№ 365

*Без даты. — Из статьи А.А.Каменской
«На сторожевом посту»*

...Индусы, беседовавшие со мной, радостно волновались по поводу первых шагов революции в России и говорили: «Как нам близко все это и понятно! Как много общего между нами и Россией! Ведь Индия и Россия жаждут одного и того же: Бога и Правды Его»... (Брахмы и Закона Его).

Действительно, в индусском народе и в методах его общественной работы есть много общего с нами. Те же свойства кроткого терпения и незлобивости и те же пламенные увлечения отвлеченными вопросами при косности и большой непрактичности на физическом плане; то же недоверие к себе, та же глубокая мистическая складка и тот же безбрежный идеализм, который не терпит компромиссов и хочет осуществить на земле всю правду, сейчас и без промедления, не считаясь ни с какими условиями времени и пространства. И как Россия в былые времена, Индия покрыта в течение всего года миллионами паломников, странствующими по святым местам. Среди них много «саньязи», т.е. людей, отрекшихся от личной собственности и личных радостей, добровольных нищих и подвижников. В древнем городе Каши (Бенарес)¹⁹, сердце Индии, тысячная толпа ежедневно омывается в священных водах Ганга, а на берегу сидят молящиеся, читают проповеди саньязи, и брахманы производят священные обряды над усопшими, которые предаются сожжению. И когда смотришь на эту живописную толпу, исполненную такого настроения тишины и благоговения, то становится ясным, что религиозное сознание занимает главное место в душе этого кроткого народа и что глубокий идеализм является основной нотой всего уклада его жизни.

Мистическое искание Правды и сверхличного служения сближает Россию с Индией. Но есть нечто в психологии и жизни индуса, чего не хватает русскому человеку: это ясное и отчетливое знание практического применения своих идеалов в повседневной жизни, детальная разработка своих обязанностей и сознательная культура своей души. Исполнение долга, дхармы, является центральной задачей жизни индуса, и это постоянное усилие жить в согласии с внутренним законом окрашивает ее особой, тонкой красотой.

Индусы многим обязаны своему законодателю, Ману²⁰, который прибавил к высокому призыву древнеарийских Св[ященных] Писаний важные практические указания, ставшие обязательными правилами жизни. Поэтому рядом с величайшим идеализмом мы встречаем в Индии благоговейное отношение к земному своему долгу, как к чему-то священному, свыше определенному, чего преступить нельзя и что исполнить надо в совершенстве. Культ дхармы наложил глубокую и своеобразную печать не только на все Св[ященные] Писания, но и на древний эпос и народные предания, и эта нота продолжает звучать как основная и в настоящее время.

Долг на первом плане у индуса, долг перед Богом, перед миром и перед собственной своей душой. Он обнимает собой и обязанности к миру животных и растений, пробуждая чувство нравственной ответственности перед всем живущим, ибо все, что живет и дышит, есть частица Бога. Выполнение долга является основной задачей в Индии в течение всего дня. С минуты пробуждения до той минуты, когда он засыпает, индус непрестанно думает о том, чтобы возможно совершеннее исполнить свою дхарму на земле. И он действительно это делает. Европейцы, зная о духовных подвигах индусов, склонны думать, что индусский народ способен только к жизни мистической и созерцательной. Но согласно законам Ману, индус должен прежде всего исполнить свой семейный и гражданский долг. Только после 55 лет он имеет право совершенно отдаться созерцательной жизни и уйти в горы или джунгли. Это следует помнить, чтобы верно оценить духовный характер индусского народа.

Когда индоевропейские народы, покинув свою арийскую колыбель, перекочевали в Европу²¹ и разместились по ее окраинам, они отделились от задач общегосударственного строительства и национального самоопределения. В течение этого исторического процесса они утратили древнеарийский синтез и сузили горизонты своего миропонимания. Западная Европа в особенности была захвачена созданием своей внешней цивилизации, развитием знаний и выработкой внешних прав человека. Вопросы же религиозные стали достоянием церкви и резко отделились от интересов мира. Мир и религия стали чужды друг другу, и в этом разрыве коренится начало той враждебной и непримиримой позиции, в которую со временем европейская наука стала к вопросам духа. Несомненно, та социально-политическая система, обосновавшая науку о правах человека, подняла ценность человеческой личности на небывалую высоту, но оторванность западноевропейской мысли от религиозного сознания привела постепенно к ослаблению и атрофированию чувства долга и к нравственному упадку. Настоящая страшная война ярко свидетельствует о том, к чему может привести неодоумленная цивилизация и как дорого может полатиться все человечество за одностороннее развитие низшего разума.

Здесь ясно раскрывается вся разница между внешней цивилизацией и внутренней культурой народа. При самом большом блеске и красоте своих форм, такая цивилизация не будет в состоянии привести человека к счастью и к благой жизни и будет грозить ему гибелью. Для осуществления полноты своего человечества человек должен получить внутренний импульс от своего духа; только в недрах просветленной воли и сверхличной любви рождается тот огонь живой, который ведет человечество вперед и который, выявляя свободно вечные ценности духа, строит новое небо и новую землю.

История указывает, что работа человеческой мысли протекает по различным линиям и что со времени первых своих вдохновений, на заре древнеарийской

цивилизации, она создала новые и обновленные русла для своего творчества. На Западе Европы она сосредоточилась главным образом на формах внешнего строительства; в Восточной части ее, у нас, она направилась в сторону мистических исканий, ибо в России правовая наука недавно родилась, развиваясь на почве отвлеченных теорий; только за последнее время революционное движение, подготовившее современный переворот, выдвинуло ее значение. А на Западе Европы только недавно, под влиянием тяжелых испытаний и потрясений, возродились духовные искания. Эти течения должны помочь друг другу и дополнить себя, но они ждут того нового, объединяющего импульса, который придет с Востока, ибо древнеарийский синтез требует дальнейшего своего осуществления в жизни народов. Весь тот опыт, который добыт западноевропейской наукой и мистическими исканиями славянской души, должен влиться в этот грядущий синтез, чтобы стать силой возрождающей для мира. И Россия, которая сердцем всегда была так близка Индии и которая столькому научилась интеллектуально у Западной Европы, будет звеном между Западом и Востоком и поможет слиться мудрости нашей общей арийской матери с государственным опытом могучей представительницы западноевропейской культуры, славной нашей союзницы, Англии. Недаром за последнее время Англия так чутко прислушивается к голосу Индии и в Парламенте ставится вопрос о ее автономии в то время, как в самой Индии, под влиянием Теософического движения, идет такая могучая работа духовного и общественного обновления. Запад может много дать Востоку в сфере своего политического опыта, но Восток может дать еще больше Западу в сфере своего нравственно-религиозного творчества, в которой так много сделано для выработки отношений высшего типа. Если в соприкосновении с этим полетом духа западноевропейское сознание перейдет на высшую ступень, то оно проникнет в самую суть исповедуемой им религии и народы европейские станут христианскими не по имени только, но и по духу.

Печ. по: Вестник теософии. Пг., 1917, № 10–12, с. 8–12.

Примечания

¹ Первые теософские кружки в Москве, Петербурге, Калуге и некоторых других городах появились в начале века. Российское Теософское общество было официально зарегистрировано в Городском по делам об Обществах Присутствии г. Санкт-Петербурга 30 сентября 1908 г. В 1991 г. возобновило свою работу в Москве.

² Каменская Анна Алексеевна (псевдоним Alba) (1867–1952), председатель Российского Теософского общества, редактор «Вестника теософии» в 1908–1913 гг., эмигрировала и в 20-е годы жила в Париже, в 30-е годы — приват-доцент Женевского университета. Это была не первая поездка А.А.Каменской в Индию, еще в 1911–1912 гг. она побывала в Адьяре.

³ Адьяр, предместье Мадраса, с 1882 г. и по настоящее время является местопребыванием штаб-квартиры Теософского общества, основанного в 1875 г. Е.П.Блаватской и Г.Олькоттом.

⁴ Книга «Из пещер и дебрей Индостана» вышла в 1885–1886 гг. в приложении к «Русскому вестнику». Е.П.Блаватская выступила здесь под псевдонимом Радда Бай. В 1893 и 1912 гг. книга вышла в Санкт-Петербурге отдельным изданием.

⁵ Погосская Александра Логиновна, активный член Теософского общества, специалист по русским кустарным промыслам и народному творчеству, в 1911 г. создала в Лондоне Международный союз ручного труда, много сделала для восстановления древних русских промыслов и ремесел, автор публикаций: Попытка организации производства и сбыта кустарных изделий

народно-художественного творчества. СПб., 1901 (оттиск из журн. «Трудовая помощь»); Идеалы труда как основа счастливой жизни. Калуга, 1914.

⁶ Председателем Индийского национального конгресса в 1916 г. был бенгалец Амбика Чаран Маджумдар (1851–1922).

⁷ Анни Безант (1847–1933), англичанка, приехала в Индию в 1893 г. как член Теософского общества, с 1915 г. стала принимать активное участие в национально-освободительном движении Индии, в 1917 создала Лигу гомруля, в этом же году была избрана председателем Индийского национального конгресса.

⁸ Работа Индийского национального конгресса до принятия в 1919 г. его устава носила характер прежде всего ежегодных съездов деятелей национально-освободительного движения при стечении больших масс народа, своего рода празднеств.

⁹ Имеется в виду дочь Анни Безант — Марбел, 1870 г. рожд.

¹⁰ Имеется в виду Елена Петровна Блаватская.

¹¹ Лицо не установлено.

¹² «Русская мысль» — журнал, издававшийся в Москве и Петрограде в 1880–1918 гг. ежемесячно, имевший приложение «Библиографический отдел», где печаталась информация о всех литературных новинках. В 1918 г. был закрыт как антисоветский, в 1921–1924 гг. выходил в Праге, а в 1927 г. — в Париже.

¹³ Имеются в виду Л.А. и Г.Х.Мерварты, находившиеся в то время в Индии. См. док. № 293–301.

¹⁴ Бердяев Николай Александрович (1874–1948), русский философ, участник сборника «Вехи». В 1922 г. был выслан из Советской России.

¹⁵ Билибин Иван Яковлевич (1876–1942), русский художник, член объединения «Мир искусства», автор многих иллюстраций и рисунков на темы русских сказок и былин.

¹⁶ Унковская Александра Васильевна (1857–...) закончила курс Петербургской консерватории, автор текста и музыки к произведениям духовного содержания, вела музыкально-педагогическую работу в школе по методу цвет-звук-число, в начале XX в. сотрудничала в религиозно-философско-научном журнале «Вестник теософии», в некоторых номерах которого (1912, № 10; 1913, № 12; 1914, № 5–6) печатались ее «Письма о музыке».

¹⁷ Роджерс, американец, долгое время проживший в России и женившийся на русской, был директором отделения Русско-Азиатского банка в Бомбее.

¹⁸ Орден Звезды Востока был основан в 1911 г. А.Безант, считавшей Дж.Кришнамурти (1895–1970-е годы), которого сделали главой ордена, Мировым Учителем, Мессией. В 1929 г. Кришнамурти, пересмотревший свои взгляды, распустил орден, не считая себя ни гуру, ни мессией и рассматривая организацию средством принуждения человека к духовному росту, в то время когда путь к духовности и вере — процесс индивидуальный. В России центр последователей этого ордена находился в Петербурге, его возглавляла В.Н.Пушкина.

¹⁹ Бенарес — европеизированное название Варанаси, древнее название — Каши, один из священных городов Индии, центр паломничества, где на ступенчатых спусках к Гангу совершается ритуальное омовение.

²⁰ По преданию, Ману, сын бога Брахмы, даровал людям «Манава-дхармашастру», или «Законы Ману», в которых трактуются нормы поведения представителей разных сословий древности, нормы судопроизводства и наказания, а также проблемы сотворения мира и т.д.

²¹ Одна из современных гипотез о прародине древних ариев заключается в том, что ею является степное Причерноморье. См.: *Петрухин В.Я. и Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и средневековье. М., 1998.

13 декабря 1916 г. — Донесение Генерального консула
В.Томановского товарищу министра иностранных дел
А.А.Нератову о сирийских христианах¹ в Индии

Милостивый государь Анатолий Анатольевич!

В бытность мою еще первым секретарем в Лондоне я имел случай интересоваться положением копто-сирийской церкви в связи с вопросом о возможном сближении этой отрасли Восточно-христианского вероисповедания с нашей церковью. Как-то в разговоре с о. Смирновым², настоятелем посольской церкви, затронут был вопрос о необходимости ближе ознакомиться с положением этой заброшенной церкви, лишенной до сих пор всякого общения с нами. Отец Смирнов передал мне, что еще до японской войны одна епархия в Индии через его посредство обращалась³ в Святейший Синод⁴ с просьбой о принятии ее в лоно православной церкви и дать ей епископа. В епархии этой насчитывалось до 22 тысяч христиан, имелось до 23 храмов и до 16 священников. От имени этой епархии о. Смирнову предлагалось съездить в Индию, чтобы на месте исследовать религиозное движение в пользу православия и представить в Синод беспристрастный отзыв. Делу этому, однако, из-за начавшейся тогда войны, к прискорбию, не суждено было осуществиться. Оно перешло в руки самозванного епископа из среды англичан.

В настоящее время я собрал по этому вопросу кое-какие сведения, о которых я считаю долгом донести министерству до сведения, причем оговариваюсь, что вовсе не считаю настоящую минуту удобной для возбуждения каких-либо мер к практическому сближению с индийской православной общиной ввиду необходимости избегать всего, могущего нарушить добрососедские отношения наши с индийским правительством в настоящее время.

Из прилагаемой при сем карты Индийского полуострова, юго-западная часть коего составляет провинция Траванкор и очерчена красными чернилами, Ваше Превосходительство можете ознакомиться с географическим положением местности, население коей ныне в количестве около 200 тысяч признает себя «назарянами»⁵ (от Назарета) или «якобитами»⁶ (от Якова, брата Господня) и по общевыражаемому ими убеждению принадлежит к Восточно-христианской церкви. Город Котоям, внутри страны, и порты Алеппи и Квилон являются главным сосредоточием этой общины. В первом из них, именно в Котояме, имеет место пребывания Метран или Митрополит, рукополагаемый до сего времени Антиохийским патриархом⁷. До самого последнего времени в сане этом пребывал Метран Дионисий, из-за денежных недоразумений лишенный сана и отлученный патриархом, который нашел в лице вновь им посвященного епископа Кирилла более покладистого иерарха⁸. Сирийские христиане Траванкора, поставленные таким образом между далеко не безупречными иерархами Антиохийской патриархии, от произвола коей им приходится жестоко терпеть, и самозванными епископами из англичан⁹, всячески убеждающими их перейти в лоно своей церкви, сознают свое беспомощное положение и неоднократно, по имеющимся у меня сведениям, взоры сирых сих обращают с упованием и надеждою на далекую, но могущественную и в их глазах покровительницу православия — Россию. На первых порах они желали бы организованного общения с русским духовным миром, от которого они могли бы своевременно получать поддержку и в неиссякаемых недрах коего

осиротевшая сия Церковь могла бы черпать новые силы для нравственно-духовного своего воскрешения и дальнейшего преуспеяния.

С глубоким почтением и совершенной преданностью, имею честь быть, Милостивый государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

В.Томановский.

P.S. В сегодняшнем номере «The Pioneer» помещена телеграмма, в которой сообщается о назначении монсеньера Залесского, бывшего папским легатом¹⁰ для всего Востока, Антиохийским патриархом. По сие время он пребывал на о.Цейлон, в окрестностях Коломбо, и, кажется, из уроженцев Русской Польши.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 981, л. 96-97 и об. Подлинник. Публ.: Синяя книга, с. 102-104.

Примечания

¹ Сирийские христиане, как полагают, появились в Индии в I в. н.э. и поселились главным образом на западном, Малабарском побережье. Считается, что первым проповедником христианства в Индии был легендарный Фома, могила которого находится в Мадрасе. В IV в. в Индию приплыли гонимые из Персии 400 сиро-халдеев, в V в. переселились несколько семейств несториан во главе со священником. С этого времени все христиане Индии стали признавать несторианского патриарха своим главой и образовали единую индийскую несторианскую церковь. Позднее индийские христиане признали своим главой Антиохийского патриарха.

Индийские христиане имеют свои национальные особенности: при входе в церковь верующие снимают обувь, не носят нательных крестов, богослужение проходит на сирийском (сирском) языке, восточной ветви арамейского языка, и др.

² Смирнов Евгений Константинович в 1870 г., по окончании 3-го курса Санкт-Петербургской духовной академии определен псаломщиком Нью-Йоркской церкви, в 1873 г. — священник домашней церкви князя Орлова в Брюсселе, с 1877 г. — священник Лондонской церкви, в 1882 г. возведен в сан протоиерея (данные на 1909 г.).

³ Одно такого рода обращение привез из Индии в 1897 г. поручик А.И.Выгорницкий. См.: Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М., 1997, с. 306.

⁴ Синод — учрежденный в 1721 г. Петром I — высший орган по делам русской православной церкви в Российской империи, во главе стоял обер-прокурор.

⁵ По-видимому, имеются в виду несториане, в XIX в. из яковитской общины выделилась небольшая часть верующих, которые вернулись в лоно несторианской церкви.

⁶ Яковиты — сирийские монофизиты, в отличие от других восточных и западных христиан признающие только божественное естество Христа; отвергают иконопочитание.

⁷ Антиохийский патриарх — глава Антиохийской (Сирия и Ливан) автокефальной православной церкви, глава яковитов, с XVII в. — глава сирийских христиан.

⁸ В 1909 г. во время поездки антиохийского патриарха Мар-Игнатуса возникли разногласия между ним и митрополитом Мар-Дионисиусом VI, главой индийских христиан, в результате Мар-Дионисиус был отлучен от церкви и назначен новым главой Мар-Кириллиус. Община раскололась, причем большинство пошло за бывшим митрополитом.

⁹ Назначение епископа-англичанина означало переход индийской христианской общины из Восточного христианства в Западное.

¹⁰ Папский легат обычно назначается из числа местного духовенства для выполнения специальных миссий, его полномочия ограничены делами церкви.

**15 апреля — 10 октября 1917 г. —
Документы о русских раненых,
оказавшихся в военных госпиталях Бомбея**

№ 367

*15 апреля 1917 г. — Письмо начальника военного госпиталя
в Колабе (Бомбей) в Генеральное консульство в Калькутте
о русском раненом*

Дорогой сэръ!

В госпитале, который находится под моим началом, есть русский пациент — рядовой 16-го пехотного [полка], который прибыл из Багдада, где был в плену у турок. Он совсем не знает английского, и я был бы очень признателен, если бы Вы смогли прислать к нему посетителя, знающего русский язык, а также несколько русских газет или книг.

Ваш полковник (*подпись неразборчива*).

Надпись на полях документа: «Иван Пашенцев».

*АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 15, л. 3. Подлинник.
Пер. с англ. составителя.*

№ 368

*23 апреля 1917 г. — Письмо исполняющего обязанности
вице-консула в Калькутте П.А.Рогольского
в английский военный госпиталь в Бомбее с благодарностью
за сообщение о русском солдате, находившемся в госпитале*

Дорогой сэръ, разрешите выразить Вам огромную благодарность за Ваше письмо относительно раненого русского солдата. С сожалением должен сообщить, что не знаю никого из русских, живущих сейчас в Бомбее, кого я мог бы попросить посетить Вашего пациента. Возможно, мистер Роджер, управляющий Русско-Азиатским банком, который говорит по-русски и женат на русской женщине, любезно согласится навестить его.

В одном из госпиталей в Бомбее находится русский казак по фамилии Луговской, раненный в Месопотамии. Было бы очень хорошо поместить их вместе, если это возможно.

Я посылаю Пашенцеву несколько русских книг и газет. Буду очень обязан Вам, если Вы сообщите мне о состоянии его здоровья.

Искренне Ваш

Исполняющий обязанности вице-консула.

*АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 15, л. 4. Копия.
Пер. с англ. составителя.*

№ 369

*1 мая 1917 г. — Письмо И.Пашенцева
исполняющему обязанности вице-консула в Калькутте
П.А.Рогальскому с благодарностью за внимание,
проявленное к нему*

Русский солдат, ефр[ейтор] И.Пашенцев
Госпиталь Клоба, г. Бомбай

Покорнейше благодарю вас Ваше Превосходительство за ваше сожаление меня и за ваше ходатайство за меня и за ваши книги и газеты, которые я получил от вас вместе с письмом вечером 30го апреля. Спешу покорнейше благодарить вас за все ваши сожаления и ходатайства. Кроме просьб пока не имею. Желаю быть в одном госпитале с русским козаком.

С тем покорнейше прошу вас прощения за мое глупое обращение к вам, Ваше Превосходительство.

Желаю вам навсегда быть здоровым.

И.П.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 15, л. 5. Автограф.

№ 370

*3 мая 1917 г. — Письмо начальника военного госпиталя
в Колабе (Бомбей) в Генеральное консульство в Калькутте
с благодарностью за заботу о раненых русских*

Дорогой сэръ!

Премного обязан Вам за письмо от 28 апреля. Я связался с г-ном Роджером, и оба они — он и его жена — пришли навестить наших русских пациентов, которых теперь двое. Второй — матрос с русского миноносца. Сейчас я стараюсь перевести в этот госпиталь другого раненого, о котором Вы упомянули. Я надеюсь, что смогу связаться с капитаном русского теплохода, который сейчас в гавани, и он придет навестить их. Они очень хорошие ребята. Нам очень приятно, что они у нас и приятно делать для них все, что в наших силах.

Искренне ваш (*подпись неразборчива*).
Начальник военного госпиталя в Колабе.

Пашенцев поправляется и очень благодарен за газеты. Он был ранен в ногу и не может ходить, но уже может передвигаться на каталке.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 15, л. 8–9. Подлинник. Пер. с англ. составителя.

№ 371

*15 мая 1917 г. — Письма Генерального консульства
в Калькутте родителям раненых русских солдат —
М.А.Луговского и И.А.Пашенцева — о том,
что они находятся в Индии*

г. Калькутта

Андрею Васильевичу Луговскому
Хутор Белый
Кисляковская стан. Кубанской области

Генеральное консульство в Калькутте имеет честь уведомить Вас, что Ваш сын — Михаил Андреевич Луговской, урядник 5-й сотни 1-го Уманского Казачьего полка находится в живых, был ранен в Персии в бою. Помещен для излечения в военный госпиталь в городе Бомбее (Британская Индия). Раны его не опасны, и в настоящий момент он быстро поправляется и чувствует себя хорошо. Шлет Вам привет.

За Генерального консула:

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 15, л. 10. Копия.

г. Калькутта

Софье Арефьевне Пашенцевой
Воронежской губ., Задонского уезда,
Тешевской волости, деревня Камышевка

Генеральное консульство в Калькутте имеет честь уведомить Вас, что ефрейтор 4-го Пешего пограничного полка Иван Андрианович Пашенцев находится в живых, был ранен в бою в Персии, попал в плен к туркам. В настоящее время он освобожден из плена и находится на излечении в английском военном госпитале в городе Бомбее (Британская Индия). Рана его не опасна. Сейчас он быстро поправляется, чувствует себя хорошо и шлет Вам привет.

За Генерального консула:

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 15, л. 11. Копия.

№ 372

*6 августа 1917 г. — Письмо
раненого русского казака М.А.Луговского
исполняющему обязанности вице-консула в Калькутте
П.А.Рогальскому с просьбой о финансовой помощи*

Freeman-Thomas
War-Hospital, Bombay

Русскому консулу в Калькутте
Г-ну Рогальскому

Г-н консул!

Известный Вам покорнейший и беспредельно преданный слуга «Родине и Отечеству» Михаил Луговской!

Находясь более года вне пределов дорогой моей родины «Матушки России» — под покровительством Всевышнего и в распоряжении его святой воли, я, как всем известно, не получаю никаких денежных пособий и жалованья; а между тем иногда нуждаюсь в мелких финансовых расходах. Поэтому и обращаюсь к вашему содействию, господин консул, о финансовой помощи. Как любящий покорный сын к своему глубокоуважаемому папаше. Прошу и надеюсь — не откажете, господин консул. Если это только будет возможно.

Весь искренне преданный вам слуга

М.А.Луговской.

В настоящее время уже чувствую себя превосходно, могу пройтись на короткое расстояние без всякой посторонней помощи, хотя с трудом пополам!

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 15, л. 21. Автограф.

№ 373

31 августа 1917 г. — Письмо исполняющего обязанности вице-консула в Калькутте П.А.Рогальского коменданту Бомбейского порта об отправке русских раненых солдат на родину

Сэр, в ответ на Ваше письмо № 307/1/144 от 17 сего месяца, касающееся возвращения на родину урядника Михаила Луговского и ефрейтора Ивана Пашенцева, мне приказано довести до Вашего сведения, что Генеральное консульство полностью согласно с Вашим предложением отправить их пароходом до Шанхая, а оттуда Генеральное консульство отправит их во Владивосток.

Генеральное консульство будет крайне Вам признательно, если Вы предпримете необходимые шаги, как только эти люди будут в состоянии перенести столь долгое путешествие. Расходы будут оплачены за счет консульства. Если дата их отплытия будет известна заранее, я хотел бы послать с ними сопроводительное письмо Генеральному консулу в Шанхае.

Искренне благодарю Вас за все, что Вы сделали для наших раненых.

Имею честь быть, сэр, вашим покорным слугой.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 15, л. 22. Копия. Пер с англ. составителя.

№ 374

27 сентября 1917 г. — Письмо исполняющего обязанности вице-консула в Калькутте П.А.Рогальского российскому Генеральному консулу в Шанхае В.Ф.Гроссе с просьбой снабдить русских раненых удостоверениями личности

По соглашению с Генеральным консульством Бомбейскими властями эвакуируются в Россию через Шанхай находившиеся на излечении в Бомбейском воен-

ном госпитале раненые русские солдаты — Михаил Андреевич Луговской и Иван Андрианович Пашенцев.

Урядник 5-й сотни 1-го Уманского бригадира Головатого Казачьего полка Казвинского отряда¹ Михаил Луговской ранен в ногу 21 мая 1916 года у селения Чандаур, участвуя в рейде, высланном 19 мая из Керманшаха под командой прапорщика Кожуры. Остался на поле сражения; был затем ограблен и пристрелен курдами (револьверная рана в голову). Поднят персидскими жандармами и доставлен сначала в селение Чандаур, затем к местному вали, откуда он попал в английский летучий полевой госпиталь. Прибыл в Бомбей 5 октября 1916 г.

Ефрейтор 4-го пешего пограничного Кавказского полка, 3-го батальона 2-й роты Иван Пашенцев ранен в ногу в бою под Ханекином 21 мая 1916 года и взят в плен турками². Найден в турецком госпитале в Багдаде при занятии последнего английскими войсками. Прибыл в Бомбей 22 апреля 1917 года.

Ввиду отсутствия пароходов прямого сообщения во Владивосток Пашенцев и Луговской отправляются в Ваше распоряжение для дальнейшей переотправки, согласно Вашему усмотрению.

Так как они отправляются без предварительного сношения с российскими военными властями, Генеральное консульство имеет честь покорнейше просить Вас не отказать снабдить их соответствующими удостоверениями, каковые, к сожалению, не могли быть им выданы в Индии ввиду отсутствия консульского представителя в Бомбее.

За Генерального консула

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 15, л. 25 и об. Копия.

№ 375

10 октября 1917 г. — Письмо исполняющего обязанности вице-консула в Калькутте П.А.Рогальского коменданту Бомбейского порта с просьбой передать отправляющимся в Шанхай русским раненым рекомендательное письмо русскому консулу в Шанхае

Сэр, со ссылкой на Вашу телеграмму № 3078 от 10 текущего месяца, сообщаящую, что русские солдаты Луговской и Пашенцев будут отправлены в Шанхай 15 текущего месяца, имею честь представить письмо, адресованное российскому Генеральному консулу в Шанхае, информирующее его об эвакуации этих солдат.

Искренне благодарю Вас за все сделанное для наших раненых, имею честь оставаться Вашим покорнейшим слугой

Исполняющий обязанности вице-консула

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 15, л. 26. Копия. Пер. с англ. составителя.

Примечания

¹ Казвинский отряд и пограничный Кавказский полк воевали в составе Кавказского фронта русской армии в первую мировую войну. В конце 1915 г. с Кавказского фронта Казвинский отряд был направлен в Персию с тем, чтобы отрезать Персию от Турции путем занятия Хамаданского и Керманшахского районов. После успехов турецкой армии в апреле 1916 г. в Кут-эль-Амаре (Ирак), где осажденная английская армия Таунсенда сдалась туркам, освободившиеся турецкие части были брошены в Персию, заняв снова Керманшах и Хамадан и поставив под угрозу сообщение с Тегераном.

² Первое столкновение русских войск с регулярными турецкими частями под командованием Али Асан-бека произошло в конце апреля 1916 г. в районе Ханекина.

№ 376—384

27 мая — 31 июля 1917 г. — Документы Генерального консульства в Калькутте о возможных поставках продовольствия из Индии через Персию и Афганистан в Туркестан и Бухару

№ 376

*27 мая 1917 г. — Телеграмма управляющего
Третьим Политическим отделом МИД В.О.Клемма
Генеральному консулу в Калькутте В.В.Томановскому
о возможности закупки пшеницы в Индии*

/Шифром/

Ввиду крайнего недостатка хлеба в Туркестане и Бухаре, угрожающего голода, благоволиите обсудить, нельзя ли доставить пшеницу из Индии через Афганистан или Персию и во что хлеб при этом может обойтись.

/подпись/ Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 982, л. 137.

№ 377

*6 июня 1917 г. — Запрос
Генерального консульства в Калькутте
главе департамента иностранных дел А.Х.Гранту¹
о возможности доставки пшеницы из Индии*

Сэр, в силу острой нехватки зерна в Туркестане, а также в Бухаре, я имею указания обратиться с запросом о возможности доставки пшеницы из Индии через Афганистан или Персию и возможной стоимости такой доставки.

имя Русского консула.

NAI, General-B, 1917, August, № 124. Пер. с англ. составителя.

№ 378

*6 июня 1917 г. — Телеграмма г-на А.Х.Гранта,
главы департамента иностранных дел правительства Индии,
Генеральному консулу в Калькутте В.В.Томановскому
о невозможности закупок зерна в Индии*

Гранд-отель. Симла.

Сэр, относительно письма, переданного мне сегодня с запросом о возможности поставки пшеницы из Индии через Афганистан и Персию в Туркестан и Бухару, к сожалению, я имею поручение сообщить, что все зерно в этом году запланировано использовать на другие цели и поставка его в сколько-нибудь значительном количестве в Туркестан и Бухару невозможна. Кроме того, в нынешних условиях отгрузка в Афганистан невозможна, даже если бы пшеница и была в наличии. Транспортировка же через Персию связана с не меньшими трудностями, и стоимость доставки заведомо неприемлема.

А.Х.Грант.

NAI, General-B, 1917, August, № 125. Пер. с англ. составителя.

№ 379

*7 июня 1917 г. — Секретная телеграмма
Генерального консула в Калькутте В.В.Томановского
в МИД о невозможности индийской стороны
удовлетворить потребности Туркестана
в пшенице*

Телеграмма № 2195 получена.

Все наличное количество зерна, будучи распределено, индийское правительство, к крайнему сожалению, не может удовлетворить насущной потребности для Туркестана и Бухары. Кроме того, при настоящем положении вещей доставка через Афганистан или Персию обошлась бы втридорога.

/подпись/ Томановский.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 982, л. 139.

№ 380

*21 июня 1917 г. — Телеграмма
управляющего Третьим Политическим отделом В.О.Клемма*

*Генеральному консулу в Калькутте В.В.Томановскому
о возможности закупок риса*

Ссылаюсь на Вашу телеграмму от 25 мая/7 июня.

/Шифром/

Благоволите телеграфировать, нельзя ли закупить рис, по какой цене, в каком количестве, и во что приблизительно обойдется доставка его через Афганистан до Бухарской границы.

/подпись/ Клемм.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 982, л. 143.

№ 381

*27 июня 1917 г. — Телеграмма Генерального консула
в Калькутте В.В.Томановского главе департамента
иностранных дел правительства Индии А.Х.Гранту
с запросом о закупке крупной партии риса*

Симла, 27 июня 1917 г.

Сэр, я уполномочен запросить о возможности закупки крупной партии риса и его транспортировки через Афганистан, а также о стоимости его доставки к границе Бухары.

В.Томановский.

NAI, General-B, 1917, August, № 126. Пер. с англ. составителя.

№ 382

*20 июля 1917 г. — Письмо главы департамента
иностранных дел правительства Индии А.Х.Гранта
Генеральному консулу в Калькутте В.В.Томановскому
с подробным объяснением причин невозможности
экспорта риса из Индии для Бухары*

Сэр, в ответ на Ваше письмо от 27 июня 1917 г. я имею честь сообщить, что правительство Индии со всем вниманием рассмотрело вопрос о возможности экспорта риса из Индии в Бухару и, к сожалению, вынуждено прийти к заключению об абсолютной нереальности этого предложения. Это верно, в Индии много риса. Но нет средств его транспортировки. Нехватка ж/д вагонов делает невозможным доставку риса из рисопроизводящих районов к границе. Во-вторых, верблюдов и другого гужевого транспорта также в необходимом количестве нет для доставки от границы в Бухару. Даже если бы был транспорт, в нынешних

условиях невозможно перебросить груз через Афганистан, транспортировка через Персию обойдется столь дорого, что делает это экономически невыгодным.

А.Х.Грант.

NAI, General-B, 1917, August, № 127. Пер. с англ. составителя.

№ 383

*20 июля 1917 г. — Секретная телеграмма
Генерального консула в Калькутте В.В.Томановского
в МИД России об отказе индийского правительства
в вывозе риса в Бухару*

Телеграмма за № 2671 получена.

При самом тщательном обсуждении вопроса о вывозе риса отсюда в Бухару, индийское правительство, к крайнему моему сожалению, пришло к заключению, что таковой неосуществим. Рис [имеется] в любом количестве на рынке, но из-за недостатка вагонов, а также вьючных животных нет средств перевезти его. Допуская наличность последних, следование туда через Афганистан при данных условиях немыслимо, стоимость же провоза через Персию обошлась бы в огромные деньги.

/подпись/ Томановский.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 982, л. 148.

№ 384

*31 июля 1917 г. — Секретная телеграмма
Генерального консула в Калькутте В.В.Томановского в МИД
с подтверждением невозможности вывоза зерна*

Телеграмма за № 3287 получена.

Не имея еще точных сведений о видах на урожай в Афганистане, индийское правительство тем не менее убеждено в отсутствии там какого-либо избытка в зерновых злаках. Строгий запрет вывоза оттуда всякого зерна в Индию неминуемо применится к такому же и через нашу границу, коль скоро дело коснется этого вопроса, вследствие чего индийское правительство, к крайнему своему сожалению, считает бесполезным обращаться по сему поводу к Афганскому эмиру.

/подпись/ Томановский.

АВПРИ, ф. 147 Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 982, л. 150.

Примечания

¹ Грант, Альфред Хамилтон (1872–1937), чиновник англо-индийской администрации, служил в департаментах политическом и иностранных дел. В 1914–1919 гг. — глава (секретарь, по английской терминологии) департамента иностранных дел.

**22 ноября 1917 г. — 17 мая 1920 г. —
Документы о деятельности российского
Генерального консульства в Калькутте
в новой обстановке**

№ 385

*22 ноября 1917 г. — Циркулярная телеграмма
Народного Комиссара Иностранных Дел Л. Д. Троцкого¹
всем российским послам, посланникам и членам посольства
и миссий с предложением проводить новую международную
политику*

Совет Народных Комиссаров предлагает всем служащим посольства немедленно ответить, согласны ли они проводить ту международную политику, которая преуказана Съездом Советов Солдатских и Рабочих Депутатов и Съездом Крестьянских Депутатов и которая нашла себе выражение в мероприятиях, направленных к скорейшему соблюдению мира.

Все нежелающие проводить эту политику должны немедленно устранились от работы, сдав дела низшим служащим, независимо от занимавшегося ими ранее поста, раз они согласны подчиняться Советской власти. Попытки чиновников, враждебных Советской власти, продолжать свою политику в прежнем направлении будут приравнены к тягчайшему государственному преступлению.

Содержание настоящей телеграммы сообщите всем консульствам. Требую немедленного и категорического ответа².

Печ. по: Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1957, с. 41.

№ 386

*26 ноября 1917 г. — Из приказа
Народного Комиссара Иностранных Дел
об увольнении послов, посланников и членов посольств*

Ввиду неполучения ответа на посланные телеграммы и радиотелеграммы послам, посланникам, членам посольств и пр. Российской Республики с предложением немедленного ответа о согласии работать под руководством Советской власти на основе платформы II Всероссийского Съезда, они увольняются со своих постов без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности. Равным образом они лишаются права производить с сегодняшнего дня какие бы то ни было выдачи из государственных средств...³

Народный Комиссар по Иностранным Дела

Печ. по: Собрание узаконений... № 4, 12 декабря 1917 г., с. 59; Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1957, с. 43.

№ 387

24 октября 1918 г. — Письмо
из секретариата правительства Бенгалии
Генеральному консулу в Калькутте В.В.Томановскому
с просьбой представить смету расходов консульства

Секретно.

Уважаемый г-н Томановский,

Правительство Индии было информировано статс-секретарем о том, что Англия ежемесячно выплачивает определенные средства на содержание некоторых консульских учреждений России в Индии, деятельность которых считается весьма желательной. Правительство Индии рекомендует сохранение русского Генерального консульства в Калькутте и просит представить как можно быстрее минимальную смету расходов на его содержание. Буду премного обязан и признателен Вам, если Вы представите смету в ближайшее время⁴.

Искренне Ваш

(подпись неразборчива).

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 304, л. 1. Пер. с англ. составителя.

№ 388

12 ноября 1918 г. — Телеграмма из Пекина
от Омского временного правительства⁵
Генеральному консулу в Калькутте В.В.Томановскому
с просьбой представить смету расходов консульства

По просьбе правительства в Омске прошу сообщить точную сумму, необходимую на содержание консульства в Калькутте и Цейлоне до конца года, а также необходимые средства на будущий год.

Кудашев 999

На телеграмме внизу написано карандашом: «Русскому посланнику в Пекине. Содержание консульства в Калькутте и вице-консула составляет 300 фунтов в месяц. На Цейлоне — 25 фунтов в месяц. Томановский».

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 304, л. 7. Пер. с англ. составителя.

№ 389

8 февраля 1919 г. — Циркуляр
Министерства иностранных дел Омского правительства
в Российские посольства, миссии и консульские установления
с просьбой прислать о себе информацию

Центральные установления Министерства иностранных дел, возобновившие свою деятельность после годичного перерыва, в г. Омске, в стремлении своем

упорядочить свою работу и организовать своевременное снабжение заграничных установлений потребными им средствами, встречаются значительные затруднения, возникающие вследствие почти полного отсутствия у Министерства иностранных дел сведений о положении в настоящий момент заграничных наших установлений.

В устранение сего и в целях установления большей планомерности в работе центральных своих органов Министерство иностранных дел покорнейше просит Российские посольства, миссии и консульские установления возобновить сообщение сведений, кои, согласно действующим узаконениям и распоряжениям Министерства, должны доставляться центральным установлениям, а равно не отказать в сообщении Министерству нижеследующих данных, необходимых для выяснения современного положения заграничных установлений.

I. Сведения о личном составе.

а) Личный состав установления к моменту большевистского переворота, включая данные о прикомандированных к установлению чинах центральных учреждений или других заграничных установлений, а равно сведения о причте состоящей при установлении церкви и о нештатных служащих установлений.

б) Изменения, последовавшие в означенном личном составе за время с 25-го октября ст.ст. 1917 года по 1-е января нов. ст. 1919 года.

в) Личный состав установления на 1-е января нов. ст. 1919 года с указанием имеющихся свободных вакансий.

II. Сведения о финансовом положении установления.

а) Подробная смета установления на 1917 год, с указанием, какие именно суммы были получены до большевистского переворота от Министерства иностранных дел и в расходовании каких сумм установлением была доставлена в министерство отчетность.

б) Смета установления на 1918 год.

в) Смета установления на 1919 год (считая по новому стилю).

г) Сметные предположения на 1920 год. (Предположения эти должны быть доставлены в министерство не позднее 1-го августа нового стиля 1919 года.)

д) Сведения о состоянии кассы установления в момент большевистского переворота.

е) Сведения о приходе и расходе денежных сумм за время с большевистского переворота по 1-е января нового стиля 1919 года.

ж) Сведения об источниках, из коих почерпались средства на содержание установления за время господства большевиков в России, с указанием, на каких условиях означенные средства предоставлялись.

з) Сведения о задолженности установления на 1-е января нового стиля 1919 года.

III. Сведения о приходе и расходе пошлинных сборов.

а) Наличность консульских пошлин в кассе установления на 1-е ноября старого стиля 1917 года.

б) Приход и расход консульских пошлин за время с 1-го ноября старого стиля 1917 года по 1-е января нового стиля 1919 года.

в) Наличность консульских марок на 1-е ноября старого стиля 1917 года.

г) Приход марок (если таковые поступали) и расход их с 1-го ноября старого стиля 1917 года по 1-е января нового стиля 1919 года с пояснением порядка взимания консульских пошлин установлениями, в коих запас марок исчерпан.

IV. Наследства, депозиты и иные переходящие суммы.

а) Наличность переходящих сумм в кассе установления на 1-е ноября старого стиля 1917 года.

б) Сведения о приходе и расходе означенных сумм за время с 1-го ноября старого стиля 1917 года по 1-е января нового стиля 1919 года.

V. Казенное имущество.

а) Сведения о составе на 1-е ноября старого стиля 1917 года движимого и недвижимого казенного имущества, находившегося в заведывании установления.

б) Сведения об изменениях, происшедших в составе означенного имущества за время с 1-го ноября старого стиля 1917 года по 1-е января нового стиля 1919 года.

в) Опись означенного имущества на 1-е января нового стиля 1919 года.

Примечание: Установления, нанимающие за счет казны земельные участки, здания или помещения, должны сообщить копии контрактов и условий по найму помещений и земельных участков. Установления же, сдающие в аренду казенные земельные участки или здания, благоволят сообщить копии контрактов на сдачу упомянутых участков и зданий.

VI. Нештатные консульские установления.

а) Сведения о нештатных консульских представителях, подведомственных установлению. (По форме, указанной в ст. 32-й Свода распоряжений М.И.Д.)

б) Сведения о поступлении консульских пошлин по нештатным установлениям за время с 1-го сентября старого стиля 1917 года по 1-е января нового стиля 1919 года.

в) Сведения о приходе и расходе за тот же период времени консульских марок в нештатных установлениях.

И.д. товарища министра

/Подп./ Жуковский.

И.д. директора

/скрепил/ Колбецкий.

С подлинным верно:

И.об. делопроизводителя (подпись неразборчива).

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 305, л. 7-8. Копия.

№ 390

*28 июня 1919 г. — Письмо Министерства иностранных дел
Омского правительства в Генеральное консульство
в Калькутте с просьбой прислать смету расходов*

Препровождая при сем экземпляр циркуляра от 8-го февраля с.г. за № 170, о доставлении Министерству сведений о финансовом положении заграничных установлений ведомства, Первый департамент, ввиду истечения 1-го октября н.ст. срока внесения в Совет Министров сметы Министерства иностранных дел на 1920 год, покорнейше просит Генеральное консульство не отказать в сообщении указанных в циркуляре сведений, в возможно непродолжительном времени. При этом департамент считает должным отметить, что сметные периоды, начиная с 1919 года, должны быть исчисляемы по новому стилю и что к сметам Генерального консульства на 1919 и 1920 гг. должны быть приложены подробные объяснительные записки, причем, в случае возбуждения вопроса об увеличении

тех или иных ассигнований по сравнению с 1917 годом, необходимость такого увеличения должна быть детально мотивирована.

И.д. директора
И.об. делопроизводителя

Колбецкий
(подпись неразборчива).

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 305, л. 6. Подлинник.

№ 391

*10 ноября 1919 г. — Письмо правительства Бенгалии
Генеральному консулу в Калькутте В.В.Томановскому
с вложением 1000 рупий*

Уважаемый г-н Томановский,
как Вы несомненно знаете, мы недавно передали правительству Индии о ваших финансовых проблемах. Нам дали понять, что вопрос направлен на рассмотрение статс-секретарю в Лондоне, а также дали согласие выдать на Ваши срочные расходы 1.000 рупий, которые я прилагаю (десять купюр по 100 руп. каждая). Прошу Вас вернуть расписку в получении.

С уважением

Д.Гладиинг^б.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 304, л. 5. Пер. с англ. составителя.

№ 392

*13 ноября 1919 г. — Письмо Генерального консула
в Калькутте В.В.Томановского Д.Гладиингу
с благодарностью за финансовую помощь*

Уважаемый г-н Гладинг!

Благодарю Вас за письмо от 10 числа с приложением к нему 10 банкнотов по 100 рупий на общую сумму 1.000 рупий. Прошу передать мою искреннюю благодарность за помощь в моем трудном финансовом положении правительству Индии.

Искренне Ваш

Томановский.

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 304, л. 3. Пер. с англ. составителя.

№ 393

30 января 1920 г. — Письмо Генеральному консулу
в Калькутте В.В.Томановскому правительства Бенгалии
об Указе о рублевых денежных знаках⁷

Уважаемый г-н Томановский!

Обращаю Ваше внимание на полуофициальное письмо, полученное от Вас, относительно русских банкнот на борту русских судов в портах Индии. Совет при губернаторе считает, что было бы неплохо информировать власти Владивостока о положении Указа о рублевых денежных знаках. Если Вы до сих пор этого не сделали, я советую сделать это, отправив телеграмму и предупредив об этом команды и пассажиров русских судов. Копия указа прилагается для ссылки на него.

Искренне Ваш,

(подпись неразборчива).

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 304, л. 23. Пер. с англ. составителя.

№ 394

17 мая 1920 г. — Письмо Генерального консула в Калькутте
В.В.Томановского секретарю по иностранным делам
индийского правительства г-ну Доббсу⁸
о своем отъезде из Индии

Сэр, руководствуясь инструкцией русского правительства Сазонова⁹, я отбываю в Париж 27 числа через Бомбей — Марсель на борту «Норкунда» и передаю с этого дня свои полномочия господину Лисовскому, вице-консулу Генерального консульства.

Пользуясь данной возможностью, прошу передать мои уверения в глубочайшем уважении и почтении Его Превосходительству вице-королю¹⁰ и мою благодарность правительству Индии за постоянную помощь в моей почти 4-летней работе в Индии.

Имею честь быть вашим покорнейшим слугою

В.Томановский¹¹

АВПРИ, ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте, оп. 778, д. 304, л. 35. Пер. с англ. составителя.

Примечания

¹ Троицкий (настоящая фамилия Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940), деятель российского революционного движения, один из активных участников Октябрьской революции и Гражданской войны. В 1917–1918 гг. — Народный комиссар иностранных дел, был выслан из Советского Союза в 1929 г., убит в Мексике в 1940 г.

² 10 ноября 1917 г. К.Д.Набоков, бывший Генеральный консул в Калькутте, а в 1917 г. временный поверенный в делах посольства в Лондоне, разослал телеграммы в российские посольства, миссии и консульства, предлагая с согласия правительств, при которых они аккредитованы, продолжать «работать по мере сил в защиту интересов России и русских граждан» (АВПРИ, ф. 184, оп. 520, д. 1680, л. 25).

³ Далее следует список послов, посланников и других дипломатических представителей Российской империи за границей, не признавших советскую власть.

⁴ К.Д.Набоков писал, что вспомоществования британского правительства продолжались до 31 марта 1919 г.

⁵ 18 ноября 1918 г. в Омске адмирал А.В.Колчак сместил временное Омское правительство и установил военную диктатуру, а позднее был объявлен «Верховным правителем России», власть А.В.Колчака была признана всеми генералами Белой армии.

⁶ Лицо не установлено.

⁷ В Указе о рублевых денежных знаках шла речь об их изъятии из обращения.

⁸ Доббс, Генри Роберт Конвей (1871–1934), на службе в Индии с 1892 г., принимал участие в нескольких дипломатических миссиях в Кабул, во время первой мировой войны сражался в Месопотамии, в 1919–1929 гг. — секретарь по иностранным делам правительства Индии.

⁹ Имеется в виду правительство Колчака (Омское правительство).

¹⁰ Имеется в виду лорд Челмсфорд, Фредерик Джон (1868–1933), английский государственный деятель, в 1916–1921 гг. — вице-король Индии.

¹¹ Генеральное консульство продолжало функционировать до лета 1920 г., оказывая содействие русским, прибывающим в Индию. До окончания первой мировой войны это в основном были отправленные из Басры в Бомбей раненые и заболевшие русские офицеры и медицинские сестры, которые направлялись во Владивосток (АВПРИ, ф. 184, оп. 520, д. 1680, л. 25).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	— Архив внешней политики Российской империи.
Архив востоковедов	
СПбФ ИВ РАН	— Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук.
ГАРФ	— Государственный Архив Российской Федерации.
ГЦММК	— Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М.И.Глинки.
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства.
РГБ РО	— Российская государственная библиотека, Рукописный отдел.
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив.
СПбФАРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
ЦГА РУз	— Центральный государственный архив Республики Узбекистан.
NAI	— National Archives of India.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

- Абхидхарма** — буддийская метафизика.
- Аксакал** — (тюрк., букв. «белая борода») — старик, старшина, староста, выборный.
- Амбань** — китайский наместник.
- Амир-уль-муминин** (араб.) «повелитель правоверных», титул халифа.
- Архат** — в буддизме хинаяны существо, достигшее состояния наивысшего совершенства.
- Ателлана** — древнеримская комедийная пьеса на народном языке с импровизированным диалогом и несколькими действующими лицами в виде типических масок.
- Афридии** — одно из воинственных пуштунских племен Афганистана.
- Бек** — титул знати в странах Ближнего и Среднего Востока, часто — титул землевладельца.
- Бхандар** — хранилище, здесь — библиотека (хранилище книг).
- Бхишну** — буддийский монах.
- Вали** — в Турции и некоторых странах Ближнего и Среднего Востока должностное лицо, представитель центральных властей в провинции.
- Вализа** (от франц. valise) — дипломатическая почта.
- Гуркасы** (гуркосы, правильно гуркхи) — представители одной из народностей Непала, из которых вербовались наиболее боеспособные части индийской и англо-индийской армии.
- Гуру** — верховный учитель в сикхизме.
- Далай-лама** — титул главы ламаистского духовенства.
- Дольмен** — древнее погребальное сооружение в виде каменного ящика, покрытого плоской плитой.
- Дурбар** (от перс. дарбар — царский двор, резиденция монарха) — съезд князей в колониальной Индии; резиденция правителя.
- Дхарма** — совокупность гражданских, этических и культовых правил, образ жизни, предписанный людям богами и различным для каждого человека.
- Имам** (араб. «стоящий впереди») — председатель на совместной молитве у мусульман, глава общины у мусульман-шиитов, почетное звание крупных религиозных деятелей.
- Ишан** — наставник мусульманской общины дервишей, который мог исцелять и предсказывать будущее.
- Кази, кади** (араб.) — судья у мусульман.
- Кази-калан** — верховный судья.
- Коносамент** — документ, содержащий условия договора морской перевозки груза.
- Красный товар** — ткани, мануфактура.
- Ксилограф** — отпечаток выполненной на дереве гравюры.
- Куш(хуш)-беги** — премьер-министр эмира Бухарского.
- Лак, лакх** — индийское числительное, равное 100 000.
- Лян** — основная денежная единица Китая в конце XIX — начале XX в., около 35 г серебра.
- Малаяли** — дравидоязычная (язык малайлам) южноиндийская народность.
- Мапила, мопла** — мусульмане Малабара, иногда так же называли сирийских христиан Траванкора и Кочина.
- Махараджа** — титул индусского князя.

Мулла (от араб. маула — господин, владыка) — служитель религиозного культа у мусульман.

Ньяя — древнеиндийская философская система, уделявшая большое внимание логике.

Ньяик — знаток философии ньая, логик.

Онам — один из популярных праздников Кералы (август — сентябрь).

Пали — среднеиндийский язык индоевропейской языковой семьи, на котором написан буддийский канон «Типитака».

Пандит — знаток традиционных наук, ученый, получивший классическое индусское образование.

Парсы — огнепоклонники, последователи религии зороастризма, мигрировали в Индию из Персии в раннем средневековье, живут главным образом в Западной Индии и занимаются торговлей и ростовщичеством.

Пир (перс. «старец») — в исламе наставник, ведущий за собой своих учеников и последователей.

Раджа (санскр.) — титул правителя княжества в Индии.

Резидент — представитель англо-индийской администрации при дворе индийского князя, который следил за выполнением князем условий договора с центральным правительством.

Саиб (от араб. сахиб — владелец, хозяин) — зд. господин.

Санньяси — отрешившийся от мира, аскет.

Сикх — последователь религии сикхизма, сложившейся в Пенджабе в XV в.

Сипаи (от перс. сипахи — воин) — наемные войска в Индии, вербовавшиеся с середины XVIII в. французскими и английскими колонизаторами.

Фатва, фетва — богословско-правовое заключение высшего религиозного лица (муфтия) о соответствии того или иного действия или явления Корану и шариату, сделанное для разъяснения и практического применения.

Фрахт — плата за перевозку, главным образом грузов по воде, но иногда

этим же термином обозначают плату за перевозку пассажиров или перевозку сухопутную.

Хадж — паломничество в исламе, сопровождаемое определенными ритуалами; одна из пяти основных обязанностей мусульманина.

Халиф, калиф — духовный и светский глава мусульманской общины, замещающий посланника Аллаха на земле, а также глава теократического государства (халифата).

Ходжа (перс. — человек, пользующийся в обществе уважением; хозяин, господин; купец; учитель; мудрец) — зд. представитель торгово-ростовщической касты «ходжа».

Хутба — речь, проповедь, выступление имама по пятницам, в дни двух главных мусульманских праздников и по особым поводам. В хутбе упоминается имя правителя.

Чертова кожа — сорт дешевой хлопчатобумажной ткани, отличающийся большой прочностью.

Шастри — знаток шастр, «наук», в частности философии и логики.

Шариат — свод законов обычного права, морали, религиозных предписаний и ритуалов у мусульман.

Ad valorem — лат. «сообразно цене», «по стоимости»; о пошлинах на ввозимые товары соответственно их цене.

ca (от лат. circa) — около, приблизительно.

CIF — сокр. от «cost, insurance, freight» (англ.) — «стоимость, страхование, фрахт» — «сиф» — специальный термин из области международной торговли, означающий определенные условия поставки товаров водным транспортом.

Mudgaliyar, мудальяр — у тамилы Цейлона и Южной Индии — глава, староста.

via (от лат. — путь) — через, по маршруту через.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдул-Гафар 433
Абдул Маджи Имир Ахмед 430
Абдул-Меджид 433
Абдул Хак 444
Абдул-Хамид II 93, 137, 444
Абдул-Хасан-Шах 148, 159
Абдулла-ал-Мамун Зураварди 318
Абдулазиз Фазли Илаев (Абдуль Азиз Фазли Иланев) 430, 431, 433
Абдулмаджид Фазли Илаев (Абдулладид Фазли Алаев) 430, 431
Абдуррахман-хан 31, 40, 128
Абрамов И.Ф. 92
Авелан Ф.К. 131
Авинов А.Н. 379–383
Ага-Акбар-Шах 149
Ага-Али-Шах 149, 160
Ага Джанг-Шах 149
Ага Мухаммад Хасан Шах Махаллати 159
Ага-Султан Мухаммед Шах (Ага-Хан) 154, 156, 159, 160, 216
Айар, Ананта Кришна 415, 417, 418
Айар, Гопалакришна 414
Айар, Субраманья 414
Айар, Падманабха 418
Айя Сингх 444
Акимов 302
Александр II 100, 113
Александр III 100, 305
Александра Федоровна, императрица 168, 442–444
Алексеев Е.И. 168
Али Асан-бек 500
Алиханов Максул 186
Амир Хасан 55
Ампенов В.П. 441–443, 476–479
Амтиль (Рассел, Артур Оливер Виллиерс) 96, 101
Андреев Б. 158, 356
Андреев М.С. 221, 230, 231, 239, 240, 242, 254, 257, 259, 261, 278, 323, 325, 331, 397
Андрей Владимирович, вел. кн. 95, 101
Андреянов А.В. 375
Аннандель 420, 421
Аргиропуло К.Э. 44, 53, 219, 287
Арбузов 344
Арджун 391
Ареа, Этирай Сурендранат 181
Аристов Н.А. 199
Арсеньев Б.К. 7, 225, 226, 231, 267, 268, 277, 298–301, 322, 324, 325, 332, 335, 344–347, 354–356
Арцимович В.А. 461, 463
Аткинсон-Уиллис 143
Ашвагхоша (Асвагоша) 362, 363, 369, 372, 373
Баба Рам Сингх 125, 128
Баба Премананд Бхарати см. Бхарати, Баба Премананд
Бабушкин 137
Балабанов Е. 438
Балмашев С.В. 100
Бальмонт Е.А. 364, 373
Бальмонт К.Д. 362–364, 368–373, 375, 428
Балтрушайтис Ю. 365, 373, 374
Бамба София Джинжан 128
Банерджи, Сурендранатх 183, 187, 211
Баракатулла, Мухаммад 9, 444, 447, 450, 457, 458
Барановский А.Р. 47–50, 53
Батгин А. 208
Бауа Ничалдас 85
Бауа Хуширамов 85
Бах И.С. 373
Бахерахт В.Р. 179–181
Безант А. 216, 484, 485, 489, 492
Безант-Скотт, Марбел 485, 492
Бекер, Ора Рей (Бегим Инаят-хан) 429
Белл Ч.Ф. 265, 267, 268, 272, 273, 279
Беляев А.К. 94, 430, 431, 433, 435, 436
Беневский А.С. 14, 22
Бенкендорф А.К. 79, 80, 84, 292, 294, 325, 331, 376, 378, 380
Бенн 133
Бентон, Джон 202, 203, 208
Бер В. 131
Берг Л.С. 384

- Бердяев Н. 487, 492
 Берн 414
 Бернс Р. 428
 Беттинг, Метти 348
 Бетховен Л., ван 427
 Бил, Самюэль 362, 373
 Билибин И.Я. 487, 492
 Бипин (Бопин) Чандра Пал см. Пал Б.Ч.
 Биркоков П.И. 317
 Битнер В.В. 199
 Бишен Нараин 318
 Блаватская Е.П. (Радда Бай) 372, 484–486, 491, 492
 Блок А. 373
 Блэк Г.В. 473
 Блэк, Чарльз 228
 Бобринский А.А. 160
 Богоявленский 149, 160
 Бойз (Поль Буае) 363, 373
 Бонгард-Левин Г.М. 371
 Борис Владимирович, вел. кн. 74, 75, 78, 84, 94, 95, 100, 104
 Бравин Н.З. 227, 231, 254, 259, 264
 Брахма 390, 489, 492
 Бродрик, Уильям Джон 79, 83, 84, 85
 Будников 344
 Будон 280
 Бузескул В.П. 375
 Булчанда Гангарам 47
 Буксгевден К.К. 154, 160
 Буткевич 484
 Бутлер Х. 324, 331
 Бутовский П.М. 42, 44
 Бутс У. 322
 Бхавсингхджи 276
 Бхандаркар, Рамакришна Гопал 253, 270, 274, 275
 Бхандаркар, Шридхар 252, 269, 274
 Бхарати, Баба Премананд 10, 318
 Бхартрихари (Бгартригари) 372
 Бхаса 415, 420, 421
 Бхима 391
 Бхор 415
 Бьюкенен Дж.Э. 51, 231, 248, 250, 326, 330, 430, 447
 Бюлер, Георг 270, 280
 Бюрнуф, Эжен 266, 279
 Вагендра Дармадар 61
 Ваз, Бенедикт Койетан Даниэль 118
 Ван Райком 218, 323, 325, 326, 327
 Ванновский П.С. 22
 Варвара Александровна 254, 276
 Варвара Петровна см. Шнейдер В.П.
 Варма, Готилал 181
 Васильев В.П. 372
 Васильев Ф.Н. 137, 138, 187, 188, 189
 Васубандху 275, 278
 Ватсьяна 278
 Вачаспатимишра 278, 280
 Вергомала Чойтрам 47
 Вестмакот (Уэстмакот) Р. 70, 75
 Вешняков В.И. 110, 111
 Вивекананда, Свами 10
 Вик С.Н., фон 375–379
 Виктория, королева Англии 40, 41
 Вильгельм II 5, 458
 Вилькоккс см. Уилькоккс Дж.
 Винсон Ж. 402, 407
 Владимир Александрович, вел. кн. 95, 100, 101
 Воейков А.И. 384
 Вревский А.Б. 12, 16, 22, 92
 Вуд 485
 Вуд, Джон Барри 345, 347, 354
 Вудроуз А. 436
 Вудс Дж.Г. 253, 275
 Вулнер 419
 Выгорницкий А.И. 12, 16, 18, 22, 24, 28, 29, 36, 64, 138, 494
 Гаврилович А.Я. 305
 Гамаюнов 344
 Гангеша 271, 278, 280
 Ганди, Мохандас Карамчанд 10, 309, 310–315, 317–321
 Ганшамдас 47
 Гардинг Ч. см. Хардинг Ч.
 Гари Сарватама Ра 181
 Гартвиг Н.Г. 35, 37–40, 55, 57, 60, 70, 72, 74, 76, 138, 140, 143, 158, 159, 168, 191
 Гвоздик А. 349
 Гедин, Свен 272, 280
 Гейкинг А.А. 7, 86, 87, 92, 181, 194, 195, 212, 213, 280, 282–288, 292, 293, 301, 302, 306
 Гентер А. 135
 Георг V 407
 Герберт Ч. 80, 81, 84
 Гердер И.Г. 365, 374
 Герималь Хукуматмаль 50
 Герье В.И. 429
 Гёндерсон 400, 412
 Гёте И.В. 365, 374
 Гиваргис 420
 Гирс А.А. 220
 Гладинг Д. 508
 Гленни 133
 Глинка М.И. 424
 Глинский Н.С. 20, 21, 24
 Голицын Г.С. 36, 41
 Гомер 363
 Гордон А.Д. 441
 Горлов Вл. 52
 Грант А.Х. 500–503

- Гревениц Г.А. 55, 57
 Гревс И.М. 95, 100
 Грей Э. 225, 231, 249, 251, 300, 301, 326, 380, 384, 447
 Гречанинов А.Т. 428
 Григорьев 198
 Гримм О.А. 112
 Гродеков Н.И. 221, 230
 Гроссе В.Ф. 498
 Грубе 218
 Грум-Гржимайло Г.Е. 127
 Грундштрем 342
 Грэвель (Грэвели) 412
 Грюнведель А. 393, 394, 397, 400, 407
 Губастов К.А. 222, 230
 Гулевич А. 197
 Гуляб Сингх 242
 Гулям Махомед Хан 389
 Гулям Неби Хаджи Мехти 55
 Гхош, Ауробиндо 186
 Гхош, Гириш Чандра 216
 Гхош, Сисир Кумар 216
- Давар 181, 183, 187
 Далай-Лама (Нганван Ловзан Тхубтан Джам-цо) 265, 267, 271–274, 278
 Дандин 375
 Дар 93,94
 Дармакирти см. Дхармакирти
 Дармотгара 276
 Дас, Сарат Чандра 255, 276
 Дас, Шарма П.М. 318
 Даторсидагатманд Абдул-Кадыр-Хан 451
 Датт, Упендра Кришна 318
 Даянанда Сарасвати 277
 Дгармаракша см. Дхармаракша
 Дейли, Хью 80, 84
 Дейн Л.У. 80, 83, 84, 337
 Дел 274
 Денисов В.И. 8
 Десаи, Морарджи 458
 Дешмухх 186
 Джага 354
 Джанушеджи Сорабджи Энти 118
 Джаясинха, Альберт 397, 407
 Джерималь Хукикатрай 48–50
 Джинарадждас С. 485
 Джиндан Коур 128, 129
 Джонс, Вильям 280, 365, 372, 374
 Джонс П.Т. 352
 Джоши 186
 Джумал 47
 Дигнага 280
 Дикинсон 70, 73
 Диномаль Хиронавов 47
 Дионисий, метран (Мар-Дионисиус) 493, 494
 Добс, Генри Роберт Конвей 509
- Дойссен П. 275
 Док Дж. 312, 321
 Доманский 47
 Доржиев Агван-Лобсан (Дорджиев) 268, 279
 Дост Мухаммед 68
 Доутлерам Лилярамов 85
 Дулип Синг 126, 128, 129
 Дунин 77
 Дхармакирти (Дармакирти) 255, 275–277, 280
 Дхармапала, Анагарика 59, 62
 Дхармаракша 362, 363, 373
 Дюранд Г.М. 338, 343
- Евреинов М.Д. 117, 122, 132, 137, 187
 Евтюгин 86
 Екатерина Михайловна, вел. княжн. 393
 Елена Владимировна, вел. княжн. 95, 101
 Епанчин Н.Н. 203, 205, 208
 Ермолов Н.С. 199, 226, 335–340, 342
 Ерофеев М.Р. 458
- Жадовский 175
 Жилинский Я.Г. 200, 336, 337, 342
 Жолендовский Ф.И. 8
 Жуковский В.А. 253, 266, 275, 276, 507
- Залеман К.Г. 400, 407
 Залесский 494
 Зиновьев И.А. 132, 137, 194
 Золотов 344
 Зубков П. 349
- Иванов А.И. 254, 276
 Иванов Н.А. 16–20, 23, 92, 121, 122
 Игнатъев Б.А. 398, 407
 Извольский А.П. 6, 88, 93, 180, 209, 215, 240, 292, 294, 298–301, 331
 Инаят-хан 423–427
 Исаковский М. 428
 Исмаил, имам 159
 Исмаил-хан 186
- Йетт 138
- Кадомцев Б.П. 397, 401, 402, 407
 Калидаса 362, 364–372, 374, 375, 415, 427, 428
 Калленбах Г. 314, 315, 321
 Калошин 344
 Калмыков А.Д. 221, 230, 243, 244, 246, 248
 Каляев И.П. 113
 Камалашила 269, 274, 279
 Каменская А.А. 483, 484, 488, 489, 491
 Кандауров 460
 Карамзин Н.М. 372
 Карликов В.А. 91, 93

- Карцов А.Н. 175
 Картикей 389
 Катерина Хильда 128
 Кауфман К.П. 52, 92
 Кемпбелль 237
 Керзон (Кюрзон) Дж.Н. 7, 29, 32, 40, 79,
 84,97–100, 125, 133, 150, 165, 166, 172,
 185, 210, 241
 Кирилл, епископ (Мар-Кириллиус) 493, 494
 Кириллов 137
 Китченер (Киченер) Г.Г. 73, 75, 132, 133,
 137, 307
 Кларк Дж.С. 184
 Кларк Е.Х.С. 79, 82–84
 Клевен 58, 168
 Клемм В.О., фон 7, 8, 24, 26, 27, 29, 35, 37–
 41, 51, 54, 55, 57, 59–61, 70–85, 92, 95,
 98–109, 113–115, 120–123, 130, 136, 138,
 140, 142, 143, 145–147, 150, 151, 159–
 162, 166–168, 172–179, 185, 186, 190, 191,
 193, 213, 286, 303, 326–328, 330, 331,
 344, 349, 350, 352, 378, 379, 384, 386,
 434, 435, 439, 442, 446, 447, 460–462,
 500–502
 Климович Е.К. 461–463
 Клодт Э.К., фон 14, 23
 Коатс 318
 Кожура 499
 Козаков 70
 Козлов П.К. 384
 Коковцев В.Н. 166–168, 294
 Колбецкий 507, 508
 Колесов Ф.И. 459
 Колчак А.В. 24, 510
 Комаров В.Л. 384
 Кондратович К.А. 243, 251
 Кондратьев А.Г. 347, 348, 354
 Кондратьев А.Н. 20, 21, 24
 Кондратьев Н.Г. 251
 Конноутский и Стролхернский А.В.П.А., гер-
 цог 160, 186
 Конфуций 318
 Коонен А.Г. 373, 374
 Корнилов Л.Г. 9, 132, 134–138, 189
 Косамби Д. 275
 Костецкий М. 49
 Костин Д. 344
 Кричровский 352
 Кришна 365
 Кропоткин П.А. 384
 Кришнамурти Дж. 492
 Кудашев 505
 Кузенс 486
 Кумарила 280
 Куропаткин А.Н. 16, 20, 23, 28, 36, 40, 69,
 83, 87, 134, 307, 309, 451, 453, 454, 456
 Кэмпбелль, Френсис 300, 302
 Лавровская Е.А. 427
 Ладен Ла Сонам Вангфел Сардар Бахадур
 267, 279
 Ламздорф В.Н. 33, 36–38, 40, 69, 86, 87,
 134, 152, 156–158, 166, 172, 208
 Ламингтон Б.Ч.У.А. 210, 215
 Лансдоун см. Ленсдоун
 Лао-Цзы 318
 Лебедев В.Т. 309
 Леви, Сильван 61, 62, 278, 361, 363, 364,
 372, 373
 Левин А.М. 407
 Левина-Мерварт Л.А. см. Мерварт Л.А.
 Левчук 47
 Леже 413
 Лейков 131
 Лейман Э. 252, 274
 Лекко А. 265, 275, 278
 Ленин В.И. 457, 458
 Ленинт С. 105
 Ленсдоун (Лансдоун) П.Ф. 37, 41, 81, 82
 Лессар П.М. 222, 230
 Линберг 94
 Линдсей Г.А.Ф. 291
 Липандин 344
 Липатов 344
 Лисовский Р.А. 405, 406, 439, 440, 446, 464,
 474, 476, 477, 509
 Литке Ф.П. 384
 Лоренс Г.С. 107–109
 Лосев В.В. 121, 122, 187–191
 Лоуренс, Хью Дженкинс 101
 Луговской А.В. 497
 Луговской М.А. 495–499
 Лютш Я.Я. 247, 251
 Магаби 426
 Маджумдар, Амбика Чаран 492
 Мадхава Рао Синдхия 84
 Мадхао Рао (Мадхаврао) Джадао 175–181,
 186
 Макартней Дж. 242
 Мак-Грегори Ч.М. 65, 67
 Мак-Магон Г. 227, 231, 338, 350, 382–384
 Маккрекен Д.Е. 81, 85
 Максаков 344
 Малабари Бирамджи 216
 Маллавади 269, 279
 Мамед-Али 448
 Мамед Исмаил Хаджи Мехтий 55
 Манкулов 131
 Манташев А.И. 83
 Ману 490, 492
 Мар-Дионисиус VI см. Дионисий, метран
 Мар-Игнатус 494

- Мар-Кириллиус см. Кирилл, епископ
 Мария Павловна, герцогиня Мекленбург-Шверинская 100
 Мартсон Ф.В. 432, 434, 436, 445, 446, 448, 452, 456
 Марш 383
 Маршалл Дж. 407
 Масягин 352
 Махбуб-хан 429
 Махотин Н.А. 12, 22
 Мациевский Е.О. 152, 160
 Машараф-хан 429
 Медш 133
 Мейер В.С. 476–478, 482
 Мейнариани 15
 Мекленбург-Стрелицкий, Георг 393
 Мелиоранский П.М. 267, 279
 Мерварт Г.Х.(А.М.) 9, 393, 396, 401, 402, 405, 406, 408, 410, 411, 414–417, 421–423, 488, 492
 Мерварт Л.А. (Левина-Мерварт Л.А.) 9, 393, 396–399, 401–403, 405, 407, 408, 410, 411, 414–417, 419, 421, 423, 487, 488, 492
 Метерлинк М. 374
 Мехмед V Решад 458
 Мид 99, 100
 Миклухо-Маклай Н.Н. 384
 Миллер А.Я. 14, 15, 22, 57
 Миллер 175
 Минаев И.П. 9, 372
 Минорский В.Ф. 243, 251
 Минто Э.Г.Дж. 7, 159, 210, 215, 230, 265, 333
 Мир Амман 23
 Мир Махбуб Али Хан Бахадур Асаф Джам 101
 Мир Тагай бек 147
 Мирза Мохаммед Али 444, 446, 458
 Мирза Насрулла 433
 Моллет Л. 376, 379
 Монкевиц (Монк) Н.А. 22, 24
 Монтэ Ф.Т., де 460, 462
 Моод Э. 312, 321
 Мориер Р.Б.Д. 293, 301
 Морисон 150
 Морли, Джон 216
 Морозов В. 55, 57
 Мосолов 197, 198
 Мохаммад-шах Каджар (Мухаммад-Али-Шах) 148, 159
 Мохандас Тарачандов Калумалев 47
 Мула Бакш 427
 Мулчанда Пулсидас 90, 91
 Муравьев М.Н. 26, 27, 40
 Муравьев Н.В. 53
 Муса-Гулям-Хуссейн (Муса бхай Гулям Хуссейн) 154–157
 Мусамат Банибай Калумалев 47
 Мусамат Личибай 47
 Мустафин Певандбай 47
 Мустафин В.А. 243, 251
 Мухаммад Садык 318
 Мухаммед-Али-Шах см. Мохаммад-шах Каджар
 Мухаммед Амин Мухаммедов 244, 247, 248
 Мухаммед Бахш Илаибакшиев (Хаджи Мухаммед Бахш Илаибакшиев) 430
 Мухаммед Бахш Лакисар 433
 Мухаммед-Исмаил-Шах 148
 Мухаммед Садык Султан Мухаммедов 244, 245, 247, 248
 Мухаммед бен Абдалла Саид ал-Хасан 128
 Мухаммед-Хан 148
 Мухаммед-Хасан Ага-Хан 148
 Мухаммеддинов, Абдул Решид Хаджи 330
 Мухаммеджан Мухаммед Заманов (Хаджа Мухамеджан Мухамедзаманов) 430
 Муцухито 147
 Мушкетов И.В. 384
 Мышлаевский А.Э. 88, 93
 Мэйо 149, 160
 Мюллер М. 278, 372
 Мюриель 485
 Набоков К.Д. 206–208, 229, 330, 349–358, 378, 379, 384, 386, 388, 393, 438–443, 510
 Нагарджуна 275
 Надежда (Надя) 485
 Назер М. 321
 Найт Р. 215
 Наниссера, Шри Наниссера Тхеро 399, 407, 411
 Наороджи, Дадабхай 187
 Направник 392
 Населенко Е.П. 321
 Насрулла (Насрулла-хан) 340, 343
 Насыров, Абдул 344
 Нгаван Ловзан Тхубтан Джамцо см. Далай-Лама
 Некрасов В.И. 120, 123, 140, 142, 153–155, 160, 185
 Некрасов Н.А. 487
 Непир Ч. 159
 Нератов А.А. 179, 186, 202, 225, 226, 229, 346, 348, 382, 448, 459, 460, 471, 478, 493
 Неру Дж. 9
 Нестеров М.В. 429
 Нельдеке Т. 265, 278
 Нидермайер 457, 458
 Нидзэм Ф. 421
 Никитин П.В. 407
 Никитин Ф. 200
 Никола 426

- Николай II 62, 75, 100, 101, 104, 113, 128, 186, 199, 201, 305, 401, 444, 447, 454
 Николай Николаевич, вел. кн. 197, 199
 Никольсон А. 53, 251, 265
 Никольский М.Э. 192, 196
 Нобель Э.Л. 407
 Новицкий В.Ф. 17, 23, 63, 64, 135, 138, 189
 Новолинский Ф. 443
 Ноев Ф.Ф. 426, 429
 Нольде Б.Э. 53
 Норман Г.В. 25, 26, 39
 Норскот (Норткот) Ст. 35, 41, 57, 75, 97, 101
 Нотович Н.А. 197–199
 Нотт 159
 Нур-ун-ниса см. Пир-заде Нур-ун-ниса Инаят-хан
- О'Берн, Хью 46, 51, 53, 326, 330
 Обручев В.А. 384
 Овсеенко Г. 131
 Окума Сигэнобу 451, 458
 Ольденберг Г. 372
 Ольденбург С.Ф. 61, 62, 255, 260, 263, 265, 275, 276, 367–371, 373, 375–386, 409
 Олькотт Г. 484, 486, 491
 Омри 58
 О'Мур Криг 333–335
 Орлов А.А. 254
 Орлов 494
 Островский С.Ф. 200–202, 207, 208, 288
 Остроградский М.А. 288
 Остроумов Н.П. 16, 23
 Оуэн Р. 320
- Павел Павлович 425–427, 429
 Пал Б.Ч. 211, 216
 Палицын Ф.Ф. 197–199, 240, 331
 Панафидин (Понафидин) П.Е. 54, 55, 57, 132, 133
 Панини 260, 277
 Париамам Мулчанда 90, 91
 Патанджали 275
 Пашенцев И.А. 495–499
 Пашенцева С.А. 497
 Певцов М.В. 127
 Пеллио, Поль 264, 278
 Персиани И.А. 49, 53, 356
 Персрам Намдас Катри Кашнанамаль Чантмаль 90, 91
 Петр I 113, 379, 483
 Петри Б.Э. 407
 Петров 344
 Пиллай, Падманабха 418
 Пир-заде Нур-ун-ниса Инаят-хан (Нур-ун-ниса, Мадлен, Русса) 426, 427, 429
 Пир-Мухаммед-Ибрагим 154–157
 Пирсон 397, 400
- Писаренко А.С. 14, 22
 Погосская А.Л. 484–488, 491
 Половцов (Половцев) А.А. 114, 121, 157, 160, 200–202, 209, 212, 230
 Половцов (Половцев) П.А. 221, 230, 231, 332, 333
 Полозов А.А. 16–19, 23, 24, 28, 63, 64, 189, 198
 Поллен В.И. 164
 Поль В.И. 424, 428
 Потанин Г.Н. 127
 Поуп Г.У. 402, 407
 Прабхакара 271, 280
 Пратап, Махендра 9, 444, 445, 447, 451–459, 463
 Пратап (Партаб) Сингх 242
 Премчанд, Дханпатрай 252, 274
 Пржевальский Н.М. 127, 384
 Протопопов 42
 Пузин Н.П. 321
 Пуссегода 411
 Пуссэн, де ла Валле 275
 Путята А. 372
 Пушкина В.Н. 492
- Радда Бай см. Блаватская Е.П.
 Раджа Пакше 399, 412
 Радлов В.В. 252, 254, 257, 260–262, 265, 266, 275, 277, 278, 393, 396, 398, 399, 401, 404, 409, 483
 Радтгомаль 47
 Райчандбхай (Раджчандр Кави) 320
 Рама Дева 318
 Рама Свами 429
 Рамазесхан А. 318
 Раманатан, Понамбалам 412, 413
 Раманундро Чутерджи см. Чаттопадхья, Рамананда
 Рамбхой 389
 Ранджит Сингх 128
 Рао, Бесан Б. 391
 Рао, Гири 486
 Рао, Сама 415
 Рао, Нара Синга 412
 Рао, Т.Гопинатха 416
 Раским (Рескин) Дж. 320
 Ревелиоти Л.Х. 202, 203, 205, 206, 208, 228, 230, 349, 351, 379, 382, 383
 Редди, Нилам Санджива 458
 Редигер А.Ф. 87, 92
 Рейтер П.Ю. 146
 Ремлинген А.А., фон 12, 22
 Рерих Н.К. 276, 374
 Решетов И.И. 246, 247, 251
 Риаз-уд-дин Ахмед см. Хаджа Риаз-уд-дин Ахмед

- Рид, Стенли Х. 304, 305
 Риккетс Дж. Т. 39
 Рис Дэвидс Т. В. 407
 Ритгер П. Г. 371, 375
 Робертсон 129
 Рогальский П. А. 358, 361, 437, 474, 476, 482, 495–499
 Рогашев 344
 Роджер (Роджерс) 488, 492, 495, 496
 Рождественский З. П. 146
 Розен В. Р. 278
 Розенберг О. О. 278
 Рой, Сасанко Джибан 183
 Рой, Рам Мохан 277
 Романова Е. М. 261, 278
 Росс Д. 264–266, 278
 Рубинштейн А. Г. 392
 Рубинштейн Н. Г. 391, 392
 Рус-Кеппель Дж. 337–340, 342
 Русса см. Пир-заде Нур-ун-ниса Инаят-хан
 Рустомджи 168
 Рябин 352
- Сабашников М. В. 362–373, 375
 Садр-уд-дин 148, 159
 Сазонов С. Д. 7, 46, 53, 214, 228, 248, 267, 268, 322, 325, 326, 330, 332, 336, 344, 377, 379, 381, 432, 446, 448, 509
 Сазерленд 128
 Сайеджи Рао III Гаеквар 99–105, 171, 172, 177, 274, 277
 Саксен-Альтенбургская Елена Георгиевна 392, 393
 Саксен-Альтенбургский Альберт 393
 Самсонов А. В. 46, 47, 53, 91, 93, 243, 309, 332
 Сандерсон Т. Г. 70, 82, 84
 Сарасвати 365, 374, 486
 Сарат Чандра Дас см. Дас, Сарат Чандра
 Сардар Самшир Сингх (Сердар Сахиб-Шамшир Синг) 444, 446, 451
 Сахаров В. В. 19, 20, 24, 65, 86, 172, 173, 188, 191
 Сахаров Вс. В. 15, 23, 115, 116
 Сахаров Ф. Н. 137
 Светалкин 344
 Святополк-Мирский П. Д. 157, 160
 Сеид Абд-ул-Ахад-хан 251
 Секретарев П. П. 450, 458
 Семенов-Тянь-Шанский П. П. 381, 384
 Сементовский-Курилло Д. К. 190
 Сергей Александрович, вел. кн. 110, 111
 Серебрянников И. К. 17–20, 23, 62, 64, 65, 67, 134, 137, 189
 Сибилев В. Д. 480–482
 Сиддхартха Гаутама 62
 Сидоров 105
- Сипягин Д. М. 95, 100
 Скотт Ч. С. 40, 41, 43, 80
 Скрыбин А. Н. 427
 Словацкий Ю. 365, 374
 Смирнов Е. К. 493, 494
 Смэтс Ян Х. 321
 Снесарев А. Е. 17–19, 23, 24, 28, 63–65, 189, 198, 240, 242
 Собрай Челларам 51
 Соколова А. (Шурка, Шурина) 425, 429
 Соллогуб В. У. 14, 22
 Соловьев А. 307
 Солсбери (Салисбюри) Р. А. Т. 26, 27, 39
 Сомов А. С. 434, 436
 София Александра 128
 Спасская Е. Ю. 424, 427, 429
 Стааль Е. Е., де 27, 40
 Сталевский 180
 Сталь-Гольштейн см. Шталь-Гольштейн А. А.
 Стейн (Штейн), Аурель 261, 264, 275, 278
 Степанов А. В. 448, 449, 459, 461
 Столыпин П. А. 213
 Субботич Д. И. 120, 123
 Суктханкар В. 275
 Султан Мамед Герати 293
 Султан Мухаммед-шах 149
 Сурешварананда, Свами 263, 275, 278
 Суртарам 330
 Сухомлинов В. А. 327, 331, 336, 348, 349, 353
 Сухотин М. С. 322
 Сыромятников С. И. 206, 207
- Тагор, Рабиндранат 187, 216, 374
 Тагор, Радж Кумар Шиама 388, 389, 391, 392
 Тагор, Сурендо Мохан 392, 393
 Таиров А. Я. 373, 374, 428
 Тама 485
 Танеев С. И. 428
 Танумал, сын Лачланда (Тило Дильваров) 47
 Таракнатх Дас 318, 321
 Таранатха Гаркавачаспати 277
 Таунсенд 500
 Тахибрам 47
 Тахиргорам 47
 Тацен 427
 Тевяшев Н. Н. 120, 123, 155–158
 Тер-Ованесян С. 359
 Терещенко М. И. 482
 Теумал, сын Тахибрама 47, 51, 53
 Тилак, Бал Гангадхар 8, 9, 41, 168–187, 211
 Тимирязев В. 392
 Тиршинсинг 330
 Того Хэйхатиро 146, 147
 Толстая Т. Л. 322
 Толстой Л. Н. 10, 309–315, 317, 318, 320, 321, 373
 Толстой С. Л. 424, 428

- Томановский В.В. 471, 473, 474, 478, 479, 481, 493, 500–503, 505, 508, 509
Тоней С.Х. 61, 62
Тромбка 354
Троцкий Л.Д. 504, 509
Трошкин 344
Туб-ван (Эмчи-хамбо) 265, 278
Тулси Дас 420
Тумбуру 390
Тургаев М. 357
Тутомал 47
- У**
Удаяна 270, 271, 278
Удьотакара 278
Уер, Уеб 283, 284
Уилькокс Дж. (Вилькокс) 98, 101, 135
Умра Хан Джандоульский 127, 129
Унковская А.В. 487, 492
Уолл, Норман 303–305
Урельтуев, Чайзин (Чойнзон-Доржи Иролтуев) 57–62
Усов 344
Ухтомский Э.Э. 268, 279
Уэстмакот см. Вестмакот Р.
- Ф**
Фаберже А.Г. 305
Фаберже Г. 305
Фаберже К.Г. 302–306
Фаберже Н.К. 303–305
Фазли-Иляхи см. Абдулазиз Фазли Илаев
Фарбадас 14
Фатх-Али-шах Каджар 148, 159
Федосьев 438
Федотов И.И. 119
Фергюсон 81
Флетчер 109
Фома 494
Форсайт (Форсит) Д. 149, 160
Форстер, Георг 374
Фофанов В. 360
Фредерикс 94, 100
Фредерикс В.Б. 100
Фрезер Л. 74, 75, 99, 161, 210
Френч 99
Фукидид 371, 375
Фукс Н. 54
Функсон К.И. 375
- Х**
Хабибулла-хан 125, 128, 224, 230, 234, 241, 343, 458
Хаджа-Касым 196
Хаджа Мир Ахмад Ширахмедов Саиб 431
Хаджа Риаз-уд-дин Ахмед (Риаз-уд-дин Ахмед) 113–119, 121, 122
Хаджа Хабиб 320
Хаджи-Абдулла-Хаджи-Моуджи 153
Хаджи Абду-н-Наби 433
- Хаджи Ахмедгуль-Саиб 431**
Хаджи-Мирза Агаси 148
Хаджи Мухаммед-Джан 431, 433
Халеманов, Балемаль 92
Халиль-уд-дин Ахмед (Халил-уд-дин Ахмед-ибн-Хаким Мохамед Ибрагим) 113, 117–123
Халиль Рахман 244, 247, 248
Ханыков Н.В. 198
Харбагван Фиумаль (Диумал) 90, 91
Харгривс 419
Хардинг (Гардинг) Ч. 37, 38, 41, 225, 242, 273, 325, 337, 338, 343, 383
Харитонов П.А. 294
Харрасовиц О. 278
Хате В.Н. 110–113
Хате Э.Х. 110–113
Хаяши 138
Хейвуд, Хью 441
Хемачандра 270, 279
Хентиг 457, 458
Хит 419
Ховард Г.Ф. 479, 480, 482
Холдич, Томас 222–224, 230
Хэг, Дуглас 338, 340–342
- Ц**
Цейль С.В. 21, 24, 88, 91, 250
Целебровский В.П. 19, 24
Циммерман В.В., фон 193, 196
Циндель Э. 287, 291
Цзонхава 272, 280
Цыбиков Г.Ц. 260, 277
- Ч**
Чадвик (Чедвик) Д.Т. 8, 463–465, 471, 473, 483
Чакрабон 186, 305
Чандрагупта 372
Чандракирти 275
Чарыков Н.В. 87, 92, 194, 212, 240, 241, 280, 283, 284, 286, 288, 306
Чаттопадхья, Рамананда (Раманундро Чуттерджи) 183, 187
Челмсфорд Ф.Дж. 510
Чеменмал Писумалов 50
Черкасов 117
Четти, Д.Гопал 318
Чиков В.И. 205, 206, 208, 301
Чиркин С.В. 88, 89, 91, 123, 179, 213, 214, 216, 219–221, 224, 254, 303–307, 323, 331, 434–436, 449, 450, 452, 455
Читтал С.Р. 318
Читра Сен Гандхарва 390
Чоков Т.К. 121, 123
Чулалонгкорн Рама V 100, 305
- Ш**
Шаил Тер Сеид 448
Шаляпин Ф.И. 427

Шамсуддин Касым-хан 84
Шамшин А. 287, 291
Шантаракшита 269, 274, 275, 279
Шаньявский 144, 145
Шапиро 485
Шастри, Джагадар Заду 418, 419
Шастри, Ганапати 415
Шастри, Хирананда 418, 420
Шах-Халил улла 148
Шварц 487
Шведов Н.К. 240, 242
Шевелев Г.Г. 347, 348, 354
Шевяков В. 396
Шелли П.Б. 365, 374
Шелкунов Н.П. 160
Шерман Л. 394, 395, 400, 407
Шива 389
Шифман А.И. 317
Шнейдер В.К. 58, 62, 68, 101
Шнейдер В.П. 255, 256, 260, 265, 276, 277, 279
Шовинов И. 207
Шопен Ф. 373
Штакельберг В. 377
Шталь-Гольштейн А.А. 185, 253, 254, 264, 275
Штейн А. см. Стейн, Аурель
Штернберг Л.Я. 254, 256, 261, 276, 278, 401, 407, 409
Штиглиц А.Л. 276
Штюрмер Б.В. 452–454, 458
Шудрака 372
Шульженко А.Н. 68–76
Шуман Р. 373
Шурка, Шуринька см. Соколова А.
Щегловитов И.Г. 54
Щербатской Ф.Ип. (Щерватска) 9, 251–269, 272, 274–278, 400, 407
Эдвардс 235
Эджерлей 95, 96
Эллиот Ч. 104
Эмчи-хамбо см. Туб-ван
Эттер Н.С. 214, 216, 298, 301
Эдуард VII 7, 41, 84, 128, 251
Юм А.О. 128

Юсуф-Али-Ша (Шо) 156, 157, 160

Ягелло И.Д. 119, 122
Якоби Г. 252, 274
Якобсон А.Г. 380
Яков 493
Яковлев А.Г. 303
Якуб-бек 160
Ямаками Соген 278
Янгхазбэнд (Юнхээзбэнд) Ф.Э. 128, 146, 242
Яшомитра 278

Bell Ch. см. Белл Ч.Ф.
Benton J. см. Бентон Дж.
Bhandarkar Sr.J. см. Бхандаркар Ш.
Bingham W. 204
Burnouf см. Бюрнуф, Эжен
Cook 262
Curson G. см. Керзон Дж.Н.
Dane L. см. Дейн Л.
Grünwedel A. см. Грюнведель А.
Gunaratne E.R.Y. 399
Henderson см. Гёндерсон
Hoghton 204
Holdich, Thomas см. Холдич, Томас
Homery см. Омри
Jayasinha см. Джаясинха, Альберт
Lecoq см. Лекок А.
Leuman см. Лейман Э.
Levi S. см. Леви С.
Nixon J. 204
Nöldeke см. Нёльдеке Т.
Nyānisara см. Наниссера
Pearson см. Пирсон
Pelliot см. Пеллио П.
Pope см. Поуп Г.У.
Premchand см. Премчанд Дх.
Rajapaksce см. Раджа Пакше
Ross D. см. Росс Д.
Scherman см. Шерман Л.
Stein M.A. см. Стейн А.
Tickel 204
Vinson см. Винсон Ж.
Wall, Norman см. Уолл, Норман
Wick см. Вик С.Н., фон
Woods 253

CONTENTS

Foreword		5
Archival documents and sources		
№ 1-8	1897, October 20-1913, July 31: Documents relating to the first Hindustani (Urdu) Courses established in the Russian Empire to study this modern Indian Language	12
№ 9-22	1900, March 23-1905, September 1: Documents concerning the establishment of the Russian Consulate in India and recognition of it as the Consulate General by the British-Indian Government	25
№ 23-34	1900, July 22-1914, July 15: Documents relating to returning of the inheritances left by Hindus who died in Russia and by Russians who died in India	41
№ 35-36	1900, October 22-1902, November 21: Reports of the Consul General in Bombay W.O. von Klemm to the Ministry of Foreign Affairs and those to W.O. von Klemm on Russian-Indian trade	54
№ 37-40	1901, February 19-May 22: Documents about travel to India of Chaizin Ureltuyev, Head of Buddhists of Eastern Siberia	57
№ 41-43	1901, May 15-1905, May 5: Documents relating to Lieutenant-Colonel I.K. Serebrennikov's journey to India	62
№ 44-49	1901, May 29-1902, July 15: Documents about A.N. Shulzhenko, Staff-Captain of Kerch Fortress Mortal Company, held captive in India	68
№ 50-59	1901, November 2-1904, April 17: Documents covering the working conditions of the Consul General W.O. von Klemm and the surveillance imposed on him by the British-Indian Administration	76
№ 60-68	1901, December 19-1909, October 18: Documents concerning permission to enter the territory of Russian dominions in Central Asia restricted for British-Indian subjects, who practiced usury or lived on charity	85
№ 69	1902, March 4: An extract from the minute-book of the Scientific Committee of the Ministry of Public Education concerning a Hindu from Calcutta, Dar, and his application for assistance in publishing maps in Indian languages for Indian local schools	93
№ 70-72	1902, April 17-May 9: Documents about Grand Duke Boris Vladimirovich Romanov's travel to India	94
№ 73-74	1902, May 10: Two reports of the Consul General W.O. von Klemm to the First Department of the Ministry of Foreign Affairs concerning information about Russia being spread in India by the authorities and the press and reaction to it of Indian native rulers	101
№ 75-79	1903, February 17-1906, March 18: Documents relating to exchange of experience in cultivating agricultural crops between Russian and Indian specialists	105
№ 80-81	1903, August 4-October 17: Documents concerning the participation of Indians E.H. and V.N. Hates' collection in the international and national exhibitions held in Russia	110
№ 82-89	1903, August 4-1907, February 25: Documents concerning the cooperation with brothers Hadji Riaz-ud-din Ahmed and Khalil-ud-din Ahmed - the intention of the first of them to teach Hindustani in Russia and work of the second brother as a teacher of Hindustani in Tashkent at the Courses of Oriental languages for officers	113
№ 90	1903, September 6: Extracts from the anonymous letter delivered to the Consul General W.O. von Klemm from Sialkot, Punjab, enclosed to his report to the Ministry of Foreign Affairs showing the Indians' attitude to a possible Russian military expedition to India	123

№ 91–93	1903, October 8–November 1: Documents concerning an offer of an Indian firm to sign a contract to supply Russian ships with foodstuff and coal.....	129
№ 94–97	1903, December 16–1904, August 26: Documents about Lieutenant-Colonel L.G. Kornilov's trip to India	132
№ 98–104	1904, January 11–1905, October 3: Documents showing the reaction in India to the Russo-Japanese War	138
№ 105–120	1904, February 11–1905, January 12: Documents about two Ismailian Hodjas sent to Turkestan	147
№ 121–123	1904, March 4–August 4: Documents on publication of a Russian newspaper in English.....	161
№ 124–138	1904, December 28–1908, July 22: Documents relating to contacts of Russian Consuls with Bal Gangadhar Tilak	168
№ 139–143	1905, September 23–1906, April 17: Documents concerning the trip to India of V.V.Losev, Second Lieutenant of the 1st Turkestan Artillery Brigade.....	187
№ 144–147	1905, December 28–1908, August 26: Documents of the Ministry of Foreign Affairs of Russia and Russian Consulate General in Bombay on problems arising from Muslim pilgrimage from Central Asia to Mekka and Medine via Afghanistan and India.....	191
№ 148–149	1906, January 12–31: Documents containing comments and opinions of the military on the book „In India“ by N. Notovich.....	197
№ 150–158	1906, February 6–1914, January 13: Documents concerning Russian studies of methods to construct irrigation canals and systems in India which arised with the view to develop irrigation in Turkestan	200
№ 159–163	1906, June 1–1909, November 19: Documents about the British-Indian press and its reaction to the events in Russia	209
№ 164–165	1907, August 7–1908, April 14: Reports of the Acting Consul General S.V.Chirkin to the Ministry of Foreign Affairs on Indo-Russian trade.....	216
№ 166–171	1907, October 6–1912, June 14: Documents relating to building and projects of building of railways connecting Russian and Indian transport networks.....	220
№ 172–173	1907, October 22–1908, May 8: Documents about activities in India of M.S.Andreyev, an official of Turkestan Central Administration	231
№ 174–185	1908, April 22–1911, June 18: Documents characterising terms and conditions under which the British-Indians were permitted to pass through Turkestan.....	243
№ 186–207	1908, June 11–1912: Letters and other documents about Professor F.I.Shcherbatsky's scientific expedition to India.....	251
№ 208	1908, July 6: A secret report of the Consul General A.A.Geiking to the Deputy Minister of Foreign Affairs N.V.Charykov concerning the establishment of regular voyages between Calcutta and Vladivostok by Russian steamer companies.....	280
№ 209–214	1908, July 6–November 14: Reports of the Consul General A.A.Geiking to the Ministry of Foreign Affairs concerning foreign trade of India and Indo-Russian trade, establishment of trade museum exhibiting Russian goods and products in the Russian Consulate, issuing of a reference book on Russian trade and industrial companies and Russian goods.....	283
№ 215–219	1908, August 1–1910, July 3: Documents about transfer of the Russian Consulate General from Bombay to Calcutta	292
№ 220–224	1908, September 19–1910, January 27: Correspondence of Fabergé firm with the Russian Consulate in Bombay concerning establishment of trade with India.....	302
№ 225	1908, November 24: A secret report of the Acting Consul General S.V.Chirkin to the Deputy Minister of Foreign Affairs N.V.Charykov on the interest in studying Russian being observed in the British-Indian Army	306
№ 226	1909, September 23: Extracts from the Memorandum of General Branch of the General Staff of Russia concerning the development of operational plan for Turkestan front.....	308
№ 227–233	1909, October 1–1910, September 7: Correspondence between L.N.Tolstoy and M.K.Gandhi concerning the struggle of Indians in South Africa, religious beliefs and some other subjects	309
№ 234–241	1910, March 18–1913, September 7: Documents relating to negotiations between Russia and Great Britain about the terms and conditions on which Russia could establish its Vice-Consulate in Bombay after transferring its Consulate General to Calcutta	322

№ 242	1910, May 8: A report of the Consul General in Calcutta B.K.Arsenijev to the Minister of Foreign Affairs S.D.Sazonov concerning the attitude of the British-Indian Government and Military Administration towards the intention of Russian officers to return from India to Russia via North-Western India.....	332
№ 243-245	1910, October 16-1911, August 17: Documents about Lieutenant-General N.S.Yermolov's trip to India to study the modern state of the British-Indian Army....	335
№ 246-257	1910, November 11-1913, November 28: Documents concerning deserters from Turkestan Military District who found themselves in India.....	343
№ 258-269	1911, May 8-1916, April 11: Documents about exchanging of editions between the Indian Museum (Calcutta) and Russian scientific institutions.....	355
№ 270-278	1911, May 17-1916, April 18: Documents covering K.D.Balmont's literary activities as a translator of works by Ashvaghosha and Kalidasa and those relative to publication of them.....	362
№ 279-282	1911, September 30-1913, February 13: Documents about Russian zoological expeditions to India under the head of S.N. von Vik.....	375
№ 283-286	1911, October 28-1912, April 22: Documents about the Russian zoological expedition to India headed by A.N.Avinov.....	379
№ 287-288	1912, August 6-1914, October 24: Reports of the Consul General K.D.Nabokov to Ministry of Foreign Affairs on Indian and Indo-Russian trade.....	384
№ 289-292	1913, March 12-1915, March 14: Documents concerning Indian musical instruments granted to Russia.....	388
№ 293-301	1913, July 9-1916, September 8: Documents about L.A. and G.H.Merwarts' scientific trip to Ceylon and India.....	393
№ 302-304	1914, March 6-August 8: Documents about an Indian musician Inayat-Khan's stay in Russia.....	423
№ 305-313	1914, November 26-1915, February 23: Documents about Peshawar merchants detained on suspicion of espionage.....	430
№ 314-317	1914, December 10-1916, April 29: Documents about exchanging of editions issued by the higher state institutions of Russia and India, and other contacts with the British-Indian Administration.....	436
№ 318-322	1914, December 15-1917, January 8: Documents concerning tea granted to the Acting Russian Army by Indians.....	440
№ 323-342	1916, February 12-1917, November 29: Documents about the last missions of Indian nationalists to Russia.....	444
№ 343-349	1916, May 26-August 24: Documents relating to the detainment of the British-Indian subjects travelling in Russia.....	459
№ 350-353	1916, June 5-1917, February 13: Documents relating to the trade mission of D.T.Chadwick, Director of Agricultural Department of the Madras Government, to Russia to study the modern state of Indo-Russian trade and possibilities of establishing direct trade between India and Russia after the war.....	463
№ 354-360	1916, June 20-1917, November 21: Documents about peculiarities of development of Indo-Russian trade during World War I and prospects of its growth after the war.....	474
№ 361-365	1916, September 17-1917, April 1: Documents about A.A.Kamenskaya, Chairman of Russian Theosophic Society, and her stay in India.....	483
№ 366	1916, December 13: A report of the Consul General V.V.Tomanovsky to the Deputy Minister of Foreign Affairs A.A.Neratov concerning Syrian Christians in India ..	493
№ 367-375	1917, April 15-October 10: Documents about the wounded Russian military who found themselves in Bombay military hospitals.....	495
№ 376-384	1917, May 27-July 31: Documents of the Russian Consulate General concerning possible deliveries of foodstuff from India to Turkestan and Bukhara via Persia and Afghanistan.....	500
№ 385-394	1917, November 22-1920, May 17: Documents concerning the activities of the Russian Consulate General in Calcutta under changed circumstances.....	504
	List of Abbreviations.....	510
	Terms-A Vocabulary.....	511
	An Index of Proper Names.....	513

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....		5
Архивные документы и материалы		
№ 1–8	20 октября 1897 г.–31 июля 1913 г. — Документы о первых в Российской империи курсах по изучению новоиндийского языка хиндустани (урду)	12
№ 9–22	23 марта 1900 г.–1 сентября 1905 г. — Документы об открытии Российского консульства в Индии и о признании его англо-индийскими властями Генеральным	25
№ 23–34	22 июля 1900 г.–15 июля 1914 г. — Документы, связанные с выдачей наследств англо-индийских подданных, умерших в Российской империи, и российских подданных, скончавшихся в Индии	41
№ 35–36	22 октября 1900 г.–21 ноября 1902 г. — Донесения Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма в Министерство иностранных дел и В.О. фон Клемму о русско-индийской торговле	54
№ 37–40	19 февраля–22 мая 1901 г. — Документы о поездке в Индию главы буддистов Восточной Сибири Чайзина Урельтуева	57
№ 41–43	15 мая 1901 г.–5 мая 1905 г. — Документы о командировке в Индию подполковника И.К.Серебренникова	62
№ 44–49	29 мая 1901 г.–15 июля 1902 г. — Документы о пребывании в плену в Индии штабс-капитана Керченской крепостной минной роты А.Н.Шульженко	68
№ 50–59	2 ноября 1901 г.–17 апреля 1904 г. — Документы об условиях работы Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма и о наблюдении за ним со стороны англо-индийской администрации	76
№ 60–68	19 декабря 1901 г.–18 октября 1909 г. — Документы об ограничении допуска в среднеазиатские владения России англо-индийских подданных, занимающихся ростовщицеством или живущих на подаяния	85
№ 69	4 марта 1902 г. — Выписка из журнала Ученого комитета Министерства народного просвещения по поводу ходатайства индуса из Калькутты Дара о содействии его предприятию по изданию карт на индийских языках для индийских школ	93
№ 70–72	17 апреля–9 мая 1902 г. — Документы о путешествии по Индии великого князя Бориса Владимировича Романова	94
№ 73–74	10 мая 1902 г. — Два донесения Генерального консула в Бомбее В.О. фон Клемма в Первый департамент МИД о сведениях, распространяемых властями и прессой в Индии о России и о реакции на это индийских князей	101
№ 75–79	17 февраля 1903 г.–18 марта 1906 г. — Документы об обмене опытом выращивания сельскохозяйственных культур между индийскими и российскими специалистами	105
№ 80–81	4 августа–17 октября 1903 г. — Документы об участии коллекции индийцев Э.Х. и В.Н.Хате в международных и национальных выставках, проводившихся в России	110
№ 82–89	4 августа 1903 г.–25 февраля 1907 г. — Документы о сотрудничестве с братьями Хаджи Риаз-уд-дин Ахмедом и Халиль-уд-дин Ахмедом: намерении первого преподавать в России хиндустани (урду) и работе второго на офицерских курсах восточных языков в Ташкенте в качестве учителя языка хиндустани (урду)	113
№ 90	6 сентября 1903 г. — Выдержки из анонимного письма, полученного Генеральным консулом в Бомбее В.О. фон Клеммом из г.Сиалкота в Пенджабе,	

	приложенные к его донесению в МИД, об отношении индийцев к возможному походу русских на Индию.....	123
№ 91–93	8 октября–1 ноября 1903 г. — Документы о предложении индийской фирмы заключить контракт на обслуживание русских судов.....	129
№ 94–97	16 декабря 1903 г.–26 августа 1904 г. — Документы о поездке в Индию подполковника Л.Г.Корнилова.....	132
№ 98–104	11 января 1904 г.–3 октября 1905 г. — Документы о реакции в Индии на русско-японскую войну.....	138
№ 105–120	11 февраля 1904 г.–12 января 1905 г. — Документы о командировании в Туркестан двух ходжей-исмаилитов.....	147
№ 121–123	4 марта–4 августа 1904 г. — Документы об издании русской газеты на английском языке.....	161
№ 124–138	28 декабря 1904 г.–22 июля 1908 г. — Документы о контактах российских консулов с Балом Гангадхаром Тилаком.....	168
№ 139–143	23 сентября 1905 г.–17 апреля 1906 г. — Документы о поездке в Индию поручика 1-й Туркестанской артиллерийской бригады В.В.Лосева.....	187
№ 144–147	28 декабря 1905 г.–26 августа 1908 г. — Документы МИД России и Генерального консульства в Бомбее о проблемах, возникающих в связи с паломничеством мусульман Средней Азии в Мекку и Медину через Афганистан и Индию.....	191
№ 148–149	12–31 января 1906 г. — Документы об оценке военными книги Н.Нотовича «По Индии».....	197
№ 150–158	6 февраля 1906 г.–13 января 1914 г. — Документы об изучении русскими опыта строительства в Индии ирригационных сооружений и оросительных систем в связи с освоением Туркестанского края.....	200
№ 159–163	1 июня 1906 г.–19 ноября 1909 г. — Документы об англо-индийской прессе и о ее реакции на события в России.....	209
№ 164–165	7 августа 1907 г.–14 апреля 1908 г. — Донесения управляющего Генеральным консульством в Бомбее С.В.Чиркина в МИД о русско-индийской торговле.....	216
№ 166–171	6 октября 1907 г.–14 июня 1912 г. — Документы о постройке и проектах строительства дорог, соединяющих транспортные сети России и Индии.....	220
№ 172–173	22 октября 1907 г.–8 мая 1908 г. — Документы о деятельности в Индии чиновника для усиления личного состава Главного управления Туркестанского края М.С.Андреева.....	231
№ 174–185	22 апреля 1908 г.–18 июня 1911 г. — Документы об условиях получения разрешения на проезд по Туркестанскому краю для англо-индийцев.....	243
№ 186–207	11 июня 1908 г.–1912 г. — Письма и другие документы о научной экспедиции в Индию профессора Федора Ипполитовича Щербатского.....	251
№ 208	6 июля 1908 г. — Секретное донесение Генерального консула в Бомбее А.А.Гейкинга товарищу министра иностранных дел Н.В.Чарыкову об открытии русскими пароходными компаниями срочных рейсов между Калькуттой и Владивостоком.....	280
№ 209–214	6 июля–14 ноября 1908 г. — Донесения Генерального консула в Бомбее А.А.Гейкинга в Министерство иностранных дел о внешней торговле Индии и русско-индийской торговле, о создании при Генеральном консульстве в Бомбее торгового музея русской продукции, об издании справочника российских торговых-промышленных фирм и товаров.....	283
№ 215–219	1 августа 1908 г.–3 июля 1910 г. — Документы о перенесении Генерального консульства из Бомбея в Калькутту.....	292
№ 220–224	19 сентября 1908 г.–27 января 1910 г. — Переписка представителей фирмы Фаберже с Российским Императорским Генеральным консульством в Бомбее о налаживании торговых связей с Индией.....	302
№ 225	24 ноября 1908 г. — Секретное донесение исполняющего обязанности Генерального консула в Бомбее С.В.Чиркина товарищу министра иностранных дел Н.В.Чарыкову об интересе в англо-индийской армии к изучению русского языка.....	306
№ 226	23 сентября 1909 г. — Из доклада по Главному управлению Генерального штаба о разработке оперативного плана на Туркестанском фронте.....	308
№ 227–233	1 октября 1909 г.–7 сентября 1910 г. — Переписка между Л.Н.Толстым и М.К.Ганди о борьбе индийцев в Южной Африке, о вере и др.....	309
№ 234–241	18 марта 1910 г.–7 сентября 1913 г. — Документы о переговорах России и Великобритании об условиях, на которых Россия могла бы открыть консульское представительство в Бомбее после перенесения своего Генерального консульства в Калькутту.....	322

№ 242	8 мая 1910 г. — Донесение Генерального консула в Калькутте Б.К.Арсеньева министру иностранных дел С.Д.Сазонову об отношении англо-индийского правительства и военных властей к проезду русских офицеров на родину через Северо-Западную Индию	332
№ 243—245	16 октября 1910 г.—17 августа 1911 г. — Документы о командировке генерал-лейтенанта Н.С.Ермолова в Индию для изучения современного состояния англо-индийских вооруженных сил	335
№ 246—257	11 ноября 1910 г.—28 ноября 1913 г. — Документы о дезертирах из Туркестанского военного округа, попавших в Индию	343
№ 258—269	8 мая 1911 г. — 11 апреля 1916 г. — Документы об обмене изданиями между Индийским музеем (Калькутта) и российскими научными учреждениями	355
№ 270—278	17 мая 1911 г.—18 апреля 1916 г. — Документы, связанные с литературной деятельностью К.Д.Бальмонта как переводчика произведений Ашвагоши и Калидасы и с изданием их произведений	362
№ 279—282	30 сентября 1911 г.—13 февраля 1913 г. — Документы о русских зоологических экспедициях в Индию во главе с С.Н. фон Вико	375
№ 283—286	28 октября 1911 г.—22 апреля 1912 г. — Документы о русской зоологической экспедиции в Индию во главе с А.Н.Авиновым	379
№ 287—288	6 августа 1912 г.—24 октября 1914 г. — Донесения Генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова в МИД о торговле Индии и русско-индийской торговле	384
№ 289—292	12 марта 1913 г.—14 марта 1915 г. — Документы о передаче в дар России индийских музыкальных инструментов	388
№ 293—301	9 июля 1913 г.—8 сентября 1916 г. — Документы о научной командировке на о.Цейлон и в Индию Л.А. и Г.Х.Мервартов	393
№ 302—304	6 марта—8 августа 1914 г. — Документы о пребывании в России индийского музыканта Инаят-хана	423
№ 305—313	26 ноября 1914 г.—23 февраля 1915 г. — Документы о задержании пешаварских купцов по подозрению в шпионаже	430
№ 314—317	10 декабря 1914 г.—29 апреля 1916 г. — Документы об обмене изданиями высших государственных учреждений Российской империи и Индии и других контактах с англо-индийскими властями	436
№ 318—322	15 декабря 1914 г.—8 января 1917 г. — Документы о пожертвованиях индийцами чая для действующей русской армии	440
№ 323—342	12 февраля 1916 г.—29 ноября 1917 г. — Документы о последних миссиях индийских националистов в Россию	444
№ 343—349	26 мая—24 августа 1916 г. — Документы о задержании англо-индийских поданных, путешествовавших по России	459
№ 350—353	5 июня 1916 г.—13 февраля 1917 г. — Документы о торговой миссии в Россию директора Департамента сельского хозяйства правительства Мадраса Д.Т.Чадвика для изучения современного состояния русско-индийской торговли и возможности наладить после войны прямую торговлю между Индией и Россией	463
№ 354—360	20 июня 1916 г.—21 ноября 1917 г. — Документы об особенностях развития русско-индийской торговли во время первой мировой войны и о перспективах ее развития в послевоенное время	474
№ 361—365	17 сентября 1916 г.—1 апреля 1917 г. — Документы о пребывании в Индии председателя Российского Теософского общества А.А.Каменской	483
№ 366	13 декабря 1916 г. — Донесение Генерального консула В.Томановского товарищу министра иностранных дел А.А.Нератову о сирийских христианах в Индии	493
№ 367—375	15 апреля—10 октября 1917 г. — Документы о русских раненых, оказавшихся в военных госпиталях Бомбея	495
№ 376—384	27 мая—31 июля 1917 г. — Документы Генерального консульства в Калькутте о возможных поставках продовольствия из Индии через Персию и Афганистан в Туркестан и Бухару	500
№ 385—394	22 ноября 1917 г.—17 мая 1920 г. — Документы о деятельности российского Генерального консульства в Калькутте в новой обстановке	504
Список сокращений		510
Словарь терминов		511
Указатель имен		513

Научное издание

РУССКО-ИНДИЙСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
в 1900–1917 гг.

СБОРНИК АРХИВНЫХ
ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

---

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор *В. В. Волгина*
Художник *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *О. В. Волкова*
Корректоры *Е. В. Карюкина, И. Г. Ким*
Компьютерная верстка *Е. В. Катышева*

ЛР № 020297 от 23.06.97
Подписано к печати 02.12.99
Формат 70×100¹/₁₆
Печать офсетная. Усл. п. л. 42,9
Усл. кр.-отг. 42,9. Уч.-изд. л. 46,8
Тираж 1000 экз. Изд. № 7853
Зак. № 1461

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

